

**РИЧАРД
ЭВАНС**

*Новейшее исследование
истории Германии:
как зародился
национал-социализм
и как он смог прийти
к власти.*

1920—1933

ТРЕТИЙ РЕЙХ

ЗАРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

КЛАССИКА
ВОЕННОГО
ИСКУССТВА

КЛАССИКА
ВОЕННОГО
ИСКУССТВА

**РИЧАРД
ЭВАНС**

**ТРЕТИЙ РЕЙХ
ЗАРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ
1920–1933**

У-Фактория
Астрель

УДК 94(430)"1920/33"
ББК 63.3(4Гем)
Э15

Перевод с английского
Бориса Кобрицова

Эванс Р.

Э15 Третий рейх: Зарождение империи / Ричард Эванс; пер. с
англ. Б. Кобрицова. — Екатеринбург: У-Фактория; М: Астрель,
2010. — 640 с.

ISBN 978-5-9757-0507-5 (ООО «Агентство прав «У-Фактория»)

ISBN 978-5-271-30535-1 (ООО «Издательство Астрель»)

Предлагаемая книга открывает трилогию Ричарда Эванса, посвященную истории Третьего рейха. Она повествует о нелегком времени, пережитом Германией после Первой мировой войны, когда в атмосфере политического хаоса, экономических бедствий, массовых беспорядков и идеологической поляризации общества зарождалось тоталитарное нацистское государство. Изначально не представлявшие серьезной политической силы, нацисты в очень короткий срок установили в Германии однопартийную диктатуру и ввергли страну в глубочайший моральный, социальный и культурный кризис. Автор рассказывает о том, как это случилось, и пытается ответить на вопрос, был ли приход Гитлера к власти неизбежным и почему на протяжении 1920-х годов граждане свободной Веймарской республики все больше склонялись к идеалам авторитаризма.

Трилогия Ричарда Эванса — захватывающее и в то же время крайне подробное и исторически достоверное повествование о самой трагической эпохе в немецкой и европейской истории прошлого века.

УДК 94(430)"1920/33"
ББК 63.3(4Гем)

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги и брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009

Подписано в печать 25.08.2010. Формат 60х90/ 16. Усл. печ. л. 40.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 1234.

ISBN 978-5-9757-0507-5
(ООО «Агентство прав «У-Фактория»)
ISBN 978-5-271-30535-1
(ООО «Издательство Астрель»)

© Richard J. Evans, 2003
© Кобрицов Б. П., перевод на рус. яз., 2010
© ООО «Агентство прав «У-Фактория», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Эта книга — первая из трех работ по истории Третьего рейха. В ней рассказывается о зарождении Третьего рейха в бисмарковской империи XIX века, о Первой мировой войне и тяжелых послевоенных годах Веймарской республики. В ней также рассматривается восхождение нацистов к власти, ставшее возможным в результате их успеха на выборах в сочетании с полномасштабной политической агрессией во время мирового экономического кризиса 1929—33 гг. Центральной темой является то, каким образом нацистам удалось установить однопартийную диктатуру в Германии за очень небольшой период времени и, по-видимому, без какого-либо реального сопротивления со стороны немецкого народа. Вторая книга посвящена развитию Третьего рейха в период с 1933 по 1939 г. В ней анализируются его центральные институты, описывается внутреннее устройство и то, как людям жилось при этой власти. Во второй книге также рассматривается процесс подготовки общественного мнения к войне, которая бы восстановила Германию в статусе ведущей европейской державы. Сама война является темой третьей и завершающей книги, в которой рассматривается быстрая радикализация политики военных завоеваний, социальной и культурной мобилизации и репрессий, а также расового геноцида, осуществляемых Третьим рейхом до момента его окончательного краха и распада в 1945 г. В последней главе анализируются последствия двенадцати недолгих лет существования рейха и его наследие для будущих поколений.

Эти три книги в первую очередь предназначены для людей, не имеющих представления о предмете или обладающих некоторыми знаниями и желающих узнать больше. Я надеюсь, что специалисты тоже найдут в них то, что сможет их заинтересовать, но они не являются основной аудиторией, для которой предназначены

эти книги. Наследие Третьего рейха широко обсуждается в СМИ в последние годы. Оно продолжает привлекать всестороннее внимание. Возмещение убытков и компенсация, вина и оправдание стали тонкими политическими и моральными вопросами. Образы Третьего рейха, музеи и мемориалы, привлекающие внимание к исторической роли нацистской Германии 1933–45 гг., находятся повсюду вокруг нас. Вместе с тем от внимания часто ускользают предпосылки, подоплека событий этого периода в истории самого Третьего рейха. Задачей этих трех книг является как раз анализ того, что стояло за этими событиями.

Любой человек, решивший реализовать подобный проект, должен начать с вопроса о том, действительно ли так необходимо писать еще одну историю нацистской Германии. Может быть, уже хватит? Может быть, уже написано столько, что больше нечего добавить? Несомненно, лишь немногие исторические проблемы становились предметом столь напряженных исследований. Последняя редакция стандартной библиографии по нацизму, опубликованная неутомимым Майклом Руком в 2000 г., содержит более 37 000 пунктов, а в первой редакции, вышедшей в 1995 г., их насчитывалось всего 25 000. Такое удивительное увеличение числа изданий является красноречивым свидетельством постоянного, непрекращающегося потока публикаций по предмету¹. Ни один историк не может охватить сколько-нибудь значительную часть такого ошеломляющего литературного багажа. И действительно, некоторые исследователи, столкнувшись с таким устрашающим объемом доступных данных, которые совершенно невозможно связать воедино, в отчаянии сдались и отказались от дальнейшей работы. В результате было предпринято на удивление немного попыток написать масштабную историю Третьего рейха. Действительно, в последние годы было издано несколько блестящих кратких обзорных исследований, в частности за авторством Норберта Фрая и Людольфа Хербста², несколько интересных аналитических исследований, в особенности «В нацистской Германии» Детлева Пойкерта³, и некоторые полезные коллекции документов, среди которых выделяется уникальная четырехтомная антология на английском языке, снабженная исчерпывающими комментариями Джереми Нокса⁴.

Однако число полномасштабных исторических исследований нацистской Германии, написанных для широкой аудитории, можно пересчитать по пальцам одной руки. Первое из них и общепризнанно самое удачное — «Взлет и падение Третьего рейха» Уильяма Л. Ширера, опубликованное в 1960 г. Начиная с момента появления книги Ширера было продано несколько миллионов экземпляров. Ее многократно переиздавали, и она остается первым источником информации для многих людей, ищущих легкочитаемую общую историю нацистской Германии. Успех этой книги обуславливается понятными причинами. Ширер был американским журналистом, работавшим в нацистской Германии до вступления США в войну в 1941 г., и для него характерен журналистский подход к описанию деталей и освещению событий. Его книга полна человеческого интереса, захватывающих цитат, принадлежащих действующим лицам той драмы, и она написана в стиле регулярных журналистских репортажей с фронта. И вместе с тем она постоянно подвергалась критике со стороны профессиональных историков. Немецкий эмигрант, ученый Клаус Эпстайн высказал общее мнение, указав на то, что в книге Ширера представлен «невероятно топорный» анализ немецкой истории, подталкивающий к выводу, что захват нацистами власти был неминуем. Книга обнаруживает «зияющие пробелы» в описании исторических событий. Она слишком концентрируется на высокой политике, иностранной политике и военных событиях и даже в 1960 г. «несколько не была впереди современных исследований, посвященных нацистскому периоду». Спустя полвека этот комментарий оказывается еще более оправданным, чем в дни Эпстайна. Поэтому, несмотря на все свои достоинства, книга Ширера не может считаться авторитетным исследованием истории нацистской Германии, которое соответствовало бы требованиям читателя XXI века⁵.

Исследование совершенно другого типа представлено в книге немецкого политолога Карла Дитриха Брахера «Немецкая диктатура», опубликованной в 1969 г. Она стала итогом пионерских и до сих пор ценных исследований Брахера, посвященных падению Веймарской республики и захвату власти нацистами, и в основном ориентируется на происхождение и развитие

нацизма и его связь с немецкой историей — именно на те области, в которых наименее сильна работа Ширера. Этим вопросам посвящена примерно половина книги, в оставшейся части содержится несколько менее развернутое описание политической структуры Третьего рейха, внешней политики, экономики и общественного устройства, культуры и искусства, военного режима и распада нацистской системы. Несмотря на такую неравномерность, книга охватывает очень большое число проблем и остается авторитетной классической работой. Огромным достоинством подхода Брахера является аналитическая четкость описания и стремление объяснить, прокомментировать, всесторонне осветить все затронутые вопросы. К этой книге можно с пользой возвращаться снова и снова. Однако она отличается не только неравномерным освещением предмета, но и безусловной академичностью подхода. Она часто оказывается сложной для восприятия. Кроме того, за последние три с половиной десятилетия исследования, предпринятые во многих областях, неизбежно оставили позади то, что было сделано Брахером⁶.

Если у Ширера мы находим популярное, а у Брахера академическое изложение истории нацистской Германии, то недавно одному автору успешно удалось преодолеть разрыв между этими двумя подходами. В двухтомнике британского историка Иана Кершо «Гитлер» жизнь Гитлера успешно рассматривается как часть новейшей истории Германии, его взлеты и падения объясняются воздействием глобальных исторических факторов. Однако книга «Гитлер» — это не история нацистской Германии. В самом деле, отслеживая процесс всевозрастающей самоизоляции Гитлера во время войны, эта работа неизбежно становится все более узкой в своем охвате. Она фокусируется на областях, которым Гитлер уделял наибольшее внимание, а именно на внешней политике, войне и расизме. Она по определению не может передать точку зрения простого народа или представить исчерпывающее описание многих проблем, которыми Гитлер напрямую не интересовался⁷. Одной из главных задач настоящей книги и двух следующих томов, таким образом, является охват всех важнейших аспектов истории Третьего рейха: не только политики, дипломатии и военных событий, но и экономики, социальной жизни, расовой

политики, правосудия и полицейской доктрины, литературы и искусства с широтой, которая по разным причинам отсутствует в более ранних работах, что позволит представить общий взгляд на эти проблемы и определить их взаимосвязь.

Успех биографии Кершо показал, что исследование нацистской Германии является международной задачей. Самым новым широкомасштабным и общим исследованием по данной теме также стала работа английского историка Майкла Берлей «Третий рейх: Новая история». В ней читателю с самого начала объясняется зарождение насилия в сердце нацистского режима с такой подробностью, которой не достигла ни одна другая книга. Как справедливо сожалеет Берлей, слишком часто в академической литературе рисуется некая бескровная, практически абстрактная картина нацизма, как будто бы различные теории и споры вокруг него важнее самих людей. В книге Берлея этот баланс полностью смещается. Его основной задачей было представить моральную историю Третьего рейха. Книга «Третий рейх: Новая история» посвящена в основном массовым убийствам, сопротивлению и коллаборационизму, политическому насилию и принуждению, преступлениям и зверствам. В этом она полностью восстанавливает представление о нацистской Германии как о тоталитарной диктатуре, на что в последние годы слишком часто пытались не обращать внимания. Однако в ней отсутствует подробное рассмотрение внешней политики, военной стратегии и экономики, социальных изменений, культуры и искусства, пропаганды, семьи, положения женщин и многих других аспектов нацистской Германии, которым посвящены многие последние исследования. Более того, при основном внимании к моральной оценке в книге имеется тенденция недооценивать важность объяснения и анализа. Нацистская идеология, к примеру, рассматривается как «пустая болтовня», «претенциозная чушь» и пр., чтобы подчеркнуть аморальность немцев, отринувших свой моральный долг самостоятельно мыслить. Но необходимо сказать и о противоположном подходе, как у Брахера, при котором эти идеи рассматриваются серьезно, несмотря на всю их нелепость и мерзость для современного читателя, и приводятся объяснения причин, по которым столько людей в Германии стали приверженцами этих идей⁸.

В настоящей книге делается попытка объединить некоторые достоинства предыдущих исследований. Во-первых, это повествовательная форма изложения, как у Ширера. Мы стремимся поведать историю Третьего рейха в хронологическом порядке и показать, как одно вытекало из другого. Повествовательное изложение вышло из моды в 1970–80-е гг., когда историки повсеместно стали использовать аналитические методы исследований, унаследованные в основном из общественных наук. Однако различные современные исторические работы, написанные в повествовательном жанре, показали, что такие исследования можно проводить, не жертвуя аналитической строгостью или объяснительной силой⁹. Как и в книге Ширера, в данной работе делается попытка дать слово людям, жившим в то время. Предвзятость немецкой исторической науки при нацистах, культ личности и почитание власти историками Третьего рейха привели к тому, что немецкие историки после Второй мировой войны стали полностью вычеркивать отдельные личности из истории. В 1970–80-е гг. под влиянием современной социальной истории наука в основном интересовалась более общими процессами и структурами¹⁰. Поток исследований, порожденных этим подходом, неизмеримо продвинул вперед наше понимание нацистской Германии. Но в погоне за пониманием мы практически упустили из виду реальных людей. Поэтому одной из задач настоящей книги стал возврат отдельных лиц в общую картину. И я все время старался как можно шире цитировать работы и речи со-временников и совмещать повествовательный и аналитический характер книги с историями реальных мужчин и женщин, как находившихся у вершины власти, так и обычных граждан, которые попали в водоворот драматических событий того времени¹¹.

Описание жизни людей в то время как ничто другое наглядно демонстрирует исключительную сложность выбора, который им приходилось делать каждый день, а также неопределенность и трудность ситуаций, в которых они оказывались. Современники не могли видеть вещи так четко, как мы, оборачиваясь назад: они не могли знать в 1930 году, что должно произойти в 1933 году, и не могли знать в 1933 году, что должно было произойти в 1939, 1941 или 1945 году. Если бы они знали, то, бесспорно, их выбор

был бы другим. Одной из самых сложных проблем при описании истории является попытка представить себя в мире прошлого со всеми сомнениями и неуверенностью людей, которым предстоит идти в будущее, для историка ставшее уже прошлым. Произошедшие события, которые кажутся неизбежными в ретроспективе, в то время совершенно не были такими, и при написании этой книги я старался постоянно напоминать читателю, что все могло обернуться совсем по-другому в разные моменты истории Германии второй половины XIX и первой половины XX века. Люди творят свою собственную историю, как однажды метко заметил Карл Маркс, но не в соответствии с условиями, которые они сами выбирают. Такие условия включают не только исторический контекст, но и способ мышления людей, предпосылки, в соответствии с которыми они действуют, принципы и убеждения, которые определяют их поведение¹². Главная задача данной книги — воссоздать все эти аспекты для современного читателя и напомнить ему (цитируя другой известный исторический афоризм), что «прошлое — это другая страна: там живут по-другому»¹³.

В силу всех этих причин мне кажется, что в историческом исследовании нельзя позволять себе роскошь моральных оценок. Во-первых, это не соответствует научному подходу, во-вторых, это высокомерно и самонадеянно. Я не знаю, как вел бы себя, живи я при Третьем рейхе, даже просто из-за того, что, если бы я жил тогда, я был бы не таким человеком, как сейчас. С начала 1990-х исторические исследования нацистской Германии и все больше работ по другим предметам заполнены идеями и методами, взятыми из морали, религии и закона. Такой подход оправдан, если необходимо принять решение, имеет ли право отдельный человек или группа людей получить компенсацию за страдания, пережитые во время правления нацистов, или, наоборот, эти люди должны в той или иной форме возместить ущерб за страдания, причиненные другим. В таких случаях подобный подход не только уместен, но и необходим. Но это не является историческим методом¹⁴. Как отмечал Иан Кершо, «для постороннего человека, не немца, который не познал на себе, что такое нацизм, очень просто критиковать и требовать стандартов поведения,

которые практически невозможно было обеспечить в тех обстоятельствах»¹⁵. Учитывая прошедшее с тех пор время, можно сказать, что то же самое относится и к подавляющему большинству немцев. Поэтому я изо всех сил старался избегать слов, которые бы имели моральный, религиозный или этический подтекст. Задача этой книги — понять. Судить должен читатель.

Понять, как и почему нацисты пришли к власти, сегодня не менее важно, чем раньше, а учитывая, что воспоминания стираются, это оказывается еще важнее. Мы должны проникнуть в мысли самих нацистов. Мы должны выяснить, почему их оппоненты не смогли их остановить. Мы должны понять природу и внутреннюю кухню нацистской диктатуры после ее установления. Мы должны оценить процессы, в результате которых Третий рейх втянул Европу и остальной мир в войну немыслимой жестокости, которая закончилась его собственной катастрофой. В первой половине XX века были и другие катастрофы, наиболее заметной из которых, пожалуй, стало это царство террора, созданное Сталиным в России в 1930-е. Но ни одна из них не имела такого глубокого и продолжительного эффекта. Третий рейх, сделавший расовую дискриминацию основой своей идеологии и развязавший беспощадную и разрушительную захватническую войну, впечатался в сознание современного мира, как этого не смог сделать (наверное, к счастью) ни один другой режим. История того, как Германия, стабильное и современное государство, меньше чем за одну человеческую жизнь привела Европу к моральному, физическому и культурному краху и отчаянию, — это история отрезвляющих уроков для всех нас, уроков, которые из этой книги должен извлечь сам читатель.

II

Вопрос о том, как это произошло, всегда занимал историков и разного рода интерпретаторов. Диссиденты и интеллектуалы в эмиграции, такие как Конрад Хейден, Эрнст Френкель и Франц Нойман, публиковали в 1930–40-е гг. работы, посвященные нацистской партии и Третьему рейху, которые до сих пор

заслуживают прочтения и долгое время оказывали значительное влияние на направление исторических исследований¹⁶. Но первой попыткой рассмотреть Третий рейх в его историческом контексте стала работа ведущего немецкого историка того времени Фридриха Мейнеке, вышедшая сразу после окончания Второй мировой войны. Мейнеке считал, что главной причиной взлета Третьего рейха стала растущая одержимость Германии мировым господством, начавшаяся в конце XIX в. во времена Бисмарка и еще более усилившаяся в дни кайзера Вильгельма II и Первой мировой войны. Он говорит, что в Германии распространился милитаристский взгляд на вещи, благодаря чему армия получила решающее губительное влияние на политическую ситуацию. Германия достигла впечатляющих успехов в промышленности, однако это стало результатом чрезмерной концентрации на узких задачах технического образования за счет отказа от более широкого культурного и нравственного воспитания. «Мы искали нечто “положительное” в работе Гитлера», — писал Мейнеке об образованной верхушке среднего класса, к которой принадлежал сам, и он был достаточно честен, чтобы добавить, что они нашли то, что, по их мнению, соответствовало потребностям того времени. Но все это оказалось наваждением. Оглядываясь назад на свою жизнь, достаточно долгую, чтобы помнить объединение Германии при Бисмарке в 1871 г. и все, что случилось с того момента вплоть до падения Третьего рейха, Мейнеке осторожно заключает, что было нечто ущербное в немецком национальном государстве с самого его основания в 1871 г.

Размышления Мейнеке, опубликованные в 1946 г., были важны как в силу их сосредоточенности на определенных вопросах, так и в силу смелой попытки историка переосмыслить политические убеждения и ожидания, актуальные и важные для него на протяжении всей жизни. Старый историк оставался в Германии в продолжение всей эпохи Третьего рейха, но в отличие от многих других никогда не вступал в нацистскую партию, ничего не писал в защиту ее интересов и не работал на нее. Однако его мировоззрение все же было ограничено идеями либерального национализма, при котором он вырос. Катастрофой для него — и это отражено в названии его работы 1946 г. — стала катастрофа

Германии, а не еврейская, европейская или мировая катастрофа. В то же время эту катастрофу он связывал в первую очередь с дипломатией и международными отношениями, а не с социальными, культурными или экономическими факторами, что было характерно для немецкой исторической науки в течение долгого времени. Проблема для Мейнеке заключалась не в том, что мы обычно называем «расовым безумием», охватившим Германию при нацистах, а в макиавеллиевской политике силы Третьего рейха и начале гонки за мировое доминирование, которая в конечном счете привела к его краху¹⁷.

Несмотря на все недостатки, попытка Мейнеке осознать причины случившегося подняла ряд ключевых вопросов, которые, как он и предполагал, продолжали занимать людей. Как произошло, что такая развитая и высококультурная нация, как немцы, поддалась грубой силе национал-социализма так быстро и безропотно? Почему практически отсутствовало серьезное сопротивление приходу нацистов к власти? Как смогла незаметная праворадикальная партия достичь вершины власти с такой немислимой внезапностью? Почему столько немцев не смогли увидеть потенциально катастрофические последствия игнорирования насильственной, расистской и кровавой природы нацистского движения?¹⁸ Ответы на эти вопросы со временем стали сильно различаться в зависимости от национальности и политической позиции историков и комментаторов¹⁹. Нацизм был лишь одной из изрядного числа насильственных и жестоких диктатур, пришедших к власти в Европе в первой половине XX века. Не случайно историк назвал Европу того времени «Темным континентом»²⁰. Это, в свою очередь, вызывает вопрос о том, насколько глубоко нацизм уходит своими корнями в немецкую историю и, с другой стороны, в какой мере он является продуктом европейского развития в более широком контексте и насколько он был близок другим европейским режимам того времени по своему происхождению.

Такие сравнительные размышления приводят к выводу, что вряд ли можно предполагать, будто экономически и культурно развитое общество с меньшей вероятностью может упасть в пропасть насилия и разрушения, нежели общество другого уровня.

Тот факт, что Германия родила Бетховена, Россия — Толстого, Италия — Верди, а Испания — Сервантеса, никак не повлиял на то, что во всех этих странах в XX веке существовала жестокая диктатура. Культурные достижения многих столетий не делают переход к политическому варварству менее понятным, чем их отсутствие, — культура и политика просто не связаны друг с другом таким простым и непосредственным образом. Если опыт Третьего рейха и учит нас чему-нибудь, так это тому, что любовь к прекрасной музыке, живописи и литературе не дает людям какого-либо морального или политического иммунитета против насилия, зверств или одобрения диктатуры. И в самом деле, многие комментаторы левого толка начиная с 1930-х заявляли, что главной причиной нацистского триумфа стала сама природа немецкой культуры и общества. Немецкая экономика была самой сильной в Европе, а общество — самым развитым. Капиталистическая организация труда в Германии достигла удивительно высокого уровня. Марксисты заявляли, что это означает, что классовая борьба между владельцами капитала и эксплуатируемыми слоями населения усиливалась, пока не достигла переломной точки. В отчаянных попытках сохранить свою власть и доходы бизнесмены и их прихлебатели использовали все свое влияние и все имеющиеся пропагандистские средства, чтобы создать массовое движение, призванное защищать их интересы, — нацистскую партию, — а затем использовали ее для укрепления своей власти и увеличения капиталов²¹.

Такой взгляд, разработанный в деталях целой плеядой марксистских ученых в 1920–80-е, не следует отметить как простую пропаганду. Он вызвал к жизни многочисленные исследования, появившиеся по обе стороны железного занавеса, который разделял Европу во время холодной войны 1945–90 гг. Но в качестве масштабного и общего объяснения он оставляет многие вопросы без ответов. Он более или менее игнорировал расовые доктрины нацизма и в целом не мог объяснить, почему нацисты проявляли такую дикую ненависть по отношению к евреям не только на словах, но и на деле. Учитывая значительные ресурсы, выделенные Третьим рейхом для преследования и уничтожения миллионов людей, множество из которых принадлежали к непогрешим-

мому среднему классу, эффективно работали, были обеспечены и во многих случаях сами являлись капиталистами, крайне сложно свести феномен нацизма к результату классовой борьбы пролетариата с капиталом или попыткам сохранить капиталистическую систему, которую поддерживало столько евреев в Германии. Более того, если нацизм был неизбежным результатом развития империалистического монополистического капитализма, то как объяснить тот факт, что он возник только в Германии, а не в других странах со схожими капиталистическими экономиками, таких как Британия, Бельгия или США?²²

Именно таким был вопрос, который задавали себе многие граждане других стран во время Второй мировой войны и по крайней мере некоторые немцы сразу после ее окончания. Многие комментаторы, особенно в странах, уже переживших войну против Германии в 1914–18 гг., заявляли, что зарождение и триумф нацизма стали неизбежными результатами вековой немецкой истории. С этой точки зрения, которую разделяли такие разные авторы, как американский журналист Уильям Л. Ширер, британский историк А. Дж. П. Тейлор и французский исследователь Эдмон Вермей, немцы всегда отрицали демократию и права человека, преклонялись перед сильными лидерами, считали невозможной активную гражданскую позицию и грезил неясными, но опасными мечтами о мировом господстве²³. Любопытным образом это находит отражение и в собственной нацистской версии немецкой истории, согласно которой такие фундаментальные черты характера были присущи самому расовому инстинкту немцев, однако впоследствии они были утеряны в результате зарубежных влияний, таких как Французская революция²⁴. Но как указывают многие критики, такой упрощенный взгляд немедленно вызывает вопрос, почему немцы не поддались диктатуре нацистского типа задолго до 1933 г. В этом вопросе игнорируется тот факт, что в немецкой истории были сильные либеральные и демократические традиции, традиции, нашедшие свое выражение в политических переворотах, таких как революция 1848 г., когда по всей Германии были свергнуты авторитарные режимы. И он усложняет, а не упрощает объяснение того, почему и как нацисты пришли к власти, поскольку игнорирует

весьма широкую оппозицию нацизму, которая существовала в Германии даже в 1933 г., и, таким образом, не позволяет нам задать важнейший вопрос, почему эта оппозиция была побеждена. Если не признавать существование такой оппозиции нацизму в самой Германии, драматическая история о том, как нацисты начали доминировать на политической арене, перестает быть драмой и становится простым осознанием неизбежного.

Для историков всегда было очень удобно оглядываться на ход немецкой истории с 1933 года и интерпретировать практически все, что произошло в тот год, как события, способствовавшие взлету и триумфу нацизма. Это привело к искажениям самого разного рода. Например, некоторые историки выбирали подходящие цитаты из работ немецких мыслителей, таких как Гердер, приверженец национализма конца XVIII века, или Мартин Лютер, основатель протестантизма конца XVI века, чтобы показать, что в их суждениях дают о себе знать традиционные немецкие качества презрения к другим нациям и слепого подчинения властям внутри собственных границ²⁵. Однако если внимательней присмотреться к работам этих мыслителей, то можно обнаружить, что Гердер выступал за терпимость и сострадание к другим народам, а Лютер (и это общеизвестно) настаивал на праве отдельного человека восставать против духовного и интеллектуального подавления²⁶. Более того, хотя идеи имеют самостоятельную силу, эта сила всегда обусловлена, может быть и неявным образом, социальными и политическими обстоятельствами. Это факт, о котором историки, привыкшие к общим рассуждениям о «немецком характере» или «немецком мышлении», слишком часто забывают²⁷.

Представители другого направления, к которым иногда присоединяются те же самые авторы, подчеркивают не важность идеологии и убеждений в немецкой истории, но их незначительность. Немцы, как это часто утверждается, не имеют реального интереса к политике и никогда не могли привыкнуть к практике компромисса демократических политических дебатов. Но из всех мифов немецкой истории, долженствующих объяснить зарождение Третьего рейха в 1933 г., ни один не является менее убедительным, чем миф об «аполитичных немцах». Будучи в большой

степени вымыслом романиста Томаса Манна в годы Первой мировой войны, это представление впоследствии стало алиби для образованного среднего класса в Германии, которое позволяло снять с себя обвинение в поддержке нацизма и принять критику по гораздо менее сильному обвинению в отсутствии оппозиции нацистам. Историки разного толка заявляли, что немецкий средний класс устранился из политической жизни после поражения в 1848 г. и нашел убежище в занятии бизнесом, литературой, культурой и искусством. Образованные немцы ставили эффективность и успех выше морали и идеологии²⁸. Вместе с тем имеется достаточно доказательств обратного, что мы и увидим в этой книге. Если Германия и страдала от чего-то в середине 1920-х, то, во всяком случае, не от недостатка политических убеждений и предпочтений, скорее наоборот.

Немецкие историки, что неудивительно, считают такие общие и враждебные обобщения немецкого характера крайне сомнительными. После Второй мировой войны они из всех сил старались опровергнуть такую критику, указывая на более общие европейские корни нацистской идеологии. Они обращали внимание на тот факт, что сам Гитлер был не немцем, а австрийцем. И проводили параллели с другими европейскими диктатурами того времени, от Муссолини в Италии до Сталина в России. Они утверждали, что в свете общего краха европейской демократии в период с 1917 по 1933 год приход нацистов следует рассматривать не как кульминацию продолжительного и уникального исторического развития немецкого общества, а как коллапс установленного порядка в Германии и в других странах вследствие катастрофического влияния Первой мировой войны²⁹. При таком подходе развитие индустриального общества впервые вывело широкие массы на политическую сцену. Война уничтожила социальную иерархию, моральные ценности и экономическую стабильность во всей Европе. Оттоманская, Российская, Германская империи и империя Габсбургов были разрушены, а новые появившиеся демократические страны быстро пали жертвами демагогии беспринципных агитаторов, которые убеждали массы голосовать за собственное порабощение. Двадцатый век оказался эпохой тоталитаризма, кульминацией которого стала попытка

Гитлера и Сталина установить новый тип политического порядка, основанного на тотальном полицейском контроле, терроре и жестоком подавлении и фактическом уничтожении миллионов реальных и воображаемых оппонентов, с одной стороны, и на постоянной массовой мобилизации и энтузиазме, подхлестываемом изощренной пропагандой, — с другой³⁰.

Хотя легко видеть, что такие аргументы служили интересам западных интерпретаторов холодной войны в 1950–60-е гг., в явном или неявном виде уравнивая сталинскую Россию и гитлеровскую Германию, оценка обоих государств как разных форм одного явления недавно пережила новое рождение³¹. И кажется, нет ничего незаконного в сравнении этих двух режимов³². Идея тоталитаризма как общего политического явления относится еще к началу 1920-х. Она использовалась в положительном смысле Муссолини, который вместе с Гитлером и Сталиным заявил о тотальном контроле над обществом, который подразумевал фактическое возрождение человеческой природы в человеке «нового» типа. Но несмотря на все сходства между этими разными режимами, различия в причинах появления, возвышения и конечного триумфа нацизма и сталинизма слишком существенны, чтобы концепция тоталитаризма могла что-либо объяснить в этом отношении. В конечном счете она служит скорее для описания, а не для объяснения и, возможно, помогает понять способ функционирования уже сложившихся диктатур XX века, но не объясняет причин их возникновения.

Конечно, между Россией и Германией до Первой мировой войны существовало определенное сходство. Обе страны находились под властью авторитарной монархии, опиравшейся на мощную бюрократическую систему и сильную военную элиту, которые препятствовали быстрым социальным изменениям, приносимым индустриализацией. Обе эти политические системы были уничтожены глубоким кризисом, связанным с поражением в Первой мировой войне, и за их гибелью последовал короткий период конфликтной демократии, пока конфликты не были разрешены с приходом диктатур. Однако существовало и множество ключевых отличий, главным из которых было то, что большевики полностью проиграли борьбу за открытую поддержку масс на сво-

бодных выборах; между тем именно поддержка масс обеспечила необходимый фундамент для прихода к власти нацистов. Россия была отсталой, полностью аграрной страной, без базовых институтов гражданского общества и представительной политической системы. Она крайне отличалась от развитой и высокообразованной индустриальной Германии с ее долгими традициями представительных институтов, главенства закона и политически активного гражданского общества. Разумеется, Первая мировая война уничтожила старый порядок во всей Европе. Однако этот старый порядок имел свои существенные особенности в разных странах, и разрушен он был в разных отношениях и с разными последствиями. Если смотреть на другие страны, в которых происходили схожие события, то, как мы увидим, гораздо более подходящим вариантом для проведения параллелей, чем Россия, будет Италия, еще одна европейская страна, наряду с Германией пережившая объединение в XIX веке.

При поисках истоков и причин возникновения нацизма в Германии история, несомненно, рискует показать весь процесс как неизбежный. Однако практически на любом этапе события могли начать развиваться по-другому. Триумф нацизма абсолютно не казался предопределенным вплоть до первых месяцев 1933 года. И вместе с тем он не стал исторической случайностью³³. Те, кто утверждает, что нацисты пришли к власти в результате событий общеевропейского масштаба, в определенном смысле правы. Но следует уделить внимание и тому факту, что успех нацизма, который совершенно не являлся неизбежным итогом немецкой истории, основывался, конечно же, на политических и идеологических традициях и событиях, характерных именно для Германии. Эти традиции, возможно, не восходят к временам Мартина Лютера, однако их, безусловно, можно связать с развитием немецкой истории на протяжении XIX века, и главным образом с процессом, который привел к созданию объединенного государства при Бисмарке в 1871 г. Таким образом, при поиске причин прихода нацистов к власти и разорения Германии, Европы и остального мира практически при отсутствии сопротивления со стороны большинства немцев имеет смысл заглянуть на шесть с лишним десятилетий в прошлое, как это сделал Фридрих Мейнеке

в своих размышлениях 1946 г. Как мы увидим в этой книге и двух следующих томах, существует много разных ответов на поставленные здесь вопросы, начиная от природы кризиса, охватившего Германию в начале 1930-х, и заканчивая способом установления и консолидации правления после прихода нацистов к власти. И сопоставление этих ответов — далеко не простая задача. Однако тяготы немецкой истории, несомненно, сыграли свою роль, и в этой книге необходимо начать именно с них.

III

Начало XXI века — вполне подходящий момент для проекта такого рода. Исторические исследования Третьего рейха прошли три больших этапа с 1945 г. Во-первых, начиная с конца войны и до середины 1960-х предпринималось множество попыток ответить на вопросы, которые рассматриваются в основном в настоящем томе. Политологи и историки, такие как Карл Дитрих Брахер, написали ряд ключевых работ, посвященных краху Веймарской республики и захвату нацистами власти³⁴. В 1970–80-е гг. фокус сместился на историю периода 1933–39 гг. (тема второго тома этого исследования), чему способствовало возвращение союзниками большого объема захваченных документов в немецкие архивы. В частности, Мартин Броскат и Ганс Момзен издали ряд основополагающих исследований по внутреннему устройству Третьего рейха, опровергающих распространенное мнение, что это была тоталитарная система, в которой решения, принимаемые наверху лично Гитлером, исполнялись на нижних уровнях иерархии, и рассматривающих комплекс конкурирующих центров власти, соперничество которых, по мнению исследователей, привело режим к принятию все более радикальных политик управления. Их работа была дополнена массой новых исследований по истории повседневной жизни при нацистах, ориентированных, в частности, на годы, предшествовавшие началу Второй мировой войны³⁵. В 1990-х начался третий этап исследований, для которого характерно повышенное внимание к периоду 1939–45 гг. (тема третьего тома данного исследования). Открытие новых до-

кументов и архивов в странах бывшего советского блока и увеличивающийся общественный резонанс, вызванный преследованием и уничтожением нацистами евреев и других групп населения, от гомосексуалистов до «асоциальных элементов», от рабов-рабочих до инвалидов, привели к созданию большого числа новых важных работ³⁶. Поэтому сейчас, кажется, настал подходящий момент, чтобы попытаться обобщить результаты всех этих трех этапов, воспользовавшись огромными объемами новых материалов, начиная с дневников Йозефа Геббельса и Виктора Клемперера и заканчивая стенограммами собраний немецкого правительства и деловым дневником Генриха Гиммлера, которые недавно стали доступны для изучения.

Для любого историка задача, подобная этой, — смелое, если не безрассудное или даже авантюрное, предприятие. И вдвойне для историка, который не является немцем. Однако я размышлял над историческими вопросами, затрагиваемыми в этой книге, многие годы. Мой интерес к немецкой истории впервые был вдохновлен Фрицем Фишером, чей визит в Оксфорд в период моего студенчества стал событием важнейшего значения. Позже в Гамбурге, где я занимался исследованиями для своей докторской диссертации, мне удалось в небольшой степени разделить небывалое воодушевление, вызванное Фишером и его командой, которые поставили вопрос о преемственности в современной истории Германии и тем самым способствовали рождению нового крестового похода в среде молодых немецких историков, которых Фишер собрал вокруг себя. В то время, в начале 1970-х, я интересовался в основном истоками Третьего рейха в Веймарской республике и Германской империи. Только позже я стал писать о нацистской Германии как о предмете яростной полемики современных немецких историков и провел несколько самостоятельных архивных изысканий по периоду 1933—45 гг. в рамках большого исследования, посвященного смертной казни в современной немецкой истории³⁷. В эти годы мне удавалось получать самую разную помощь со стороны множества немецких друзей, в особенности от Юргена Кокка, Вольфганга Моммзена, Фолькера Ульриха и Ханса-Ульриха Велера. Многочисленные и зачастую продолжительные поездки в Германию, спонсированные такими институтами, как Фонд

Александра Гумбольдта и Германская служба академических обменов, помогли мне, я надеюсь, получить лучшее представление о немецкой истории и культуре, чем было у меня в начале 1970-х. Немногие страны могли бы быть настолько доброжелательны или более открыты для иностранцев, желающих изучать их сложное и неприятное прошлое. Кроме того, все время меня поддерживало сообщество специалистов по немецкой истории в Британии. Сначала в Оксфорде источником особого вдохновения для меня был Тим Мейсон, а Энтони Николс твердой рукой направлял мои исследования. Конечно, ничто из этого никогда не сможет компенсировать тот факт, что я не немец, но, возможно, расстояние, которое неизбежно для ино-странца, может обеспечить некоторую степень отстраненности или по крайней мере другую точку зрения, что в некотором смысле позволит сбалансировать столь очевидный недостаток.

Хотя я писал об истоках, последствиях и историографии Третьего рейха, исследовал часть его истории в архивах и читал медленно развивавшийся, основанный на документах курс в институте в течение более двадцати лет, только в 1990-х я решил посвятить все свое внимание и время этой теме. Поэтому я всегда буду благодарен Энтони Джулиусу, который попросил меня выступить в роли эксперта в деле о клевете, начатом Дэвидом Ирвингом против Деборы Липштадт и ее издателя, и всей команде защиты, в особенности ведущему консультанту, королевскому адвокату Ричарду Рэмпτονу и моим помощникам по исследованиям Нику Ваксману и Томасу Скелтон-Робинсону за многие часы плодотворных обсуждений многих аспектов истории Третьего рейха, которые были затронуты в ходе того дела³⁸. Для меня стало большой честью участвовать в деле, которое оказалось гораздо более важным, чем кто-либо из нас ожидал. Помимо этого одним из самых больших сюрпризов в ходе работы по делу стало то, что документальная база по многим вопросам, с которыми нам приходилось сталкиваться, до сих пор на удивление плоха³⁹. Другим таким же важным сюрпризом оказалось отсутствие масштабного, подробного описания широкого исторического контекста, в котором развивалась политика нацистов по отношению к евреям в общей истории Третьего рейха, несмотря на

существование множества прекрасных работ более узкой направленности, посвященных этой политике. Ощущение растущей фрагментаризации знаний о нацистской Германии усилилось, когда вскоре после этого меня попросили участвовать в Консультационном совете по расхищению ценностей, который рассматривал иски о возврате культурных объектов, незаконно отобранных у их исконных владельцев в период с 1933 по 1945 год. Здесь я столкнулся с другой областью, где ответы на специальные вопросы часто зависели от исторических знаний более широкого плана, и опять же у меня не было общей истории нацистской Германии, к которой я мог бы направить других членов совета за помощью. В то же время мое непосредственное участие в решении этих важных юридических и моральных вопросов нацистского прошлого еще больше убедило меня в необходимости создания истории Третьего рейха, которая не зависела бы от юридической или нравственной системы координат.

Вот некоторые из причин, по которым я написал эту книгу. Они могут помочь в объяснении ее отдельных особенностей. Прежде всего, в подобном историческом исследовании, которое предназначено для широкого круга читателей, важно избегать технической терминологии. Поэтому практически везде немецкие термины переводились. Сохранение немецких слов является формой мистификации, даже некой романтизации, чего следует избегать. Есть только три исключения. Первое — это слово *рейх*, которое, как объясняется в главе I, имеет особые непередаваемые коннотации в немецком, не соответствующие слову «империя», а также производное слово *рейхстаг*, означающее государственный парламент Германии. Это слово должно быть знакомо любому читателю, поэтому было бы неестественно говорить, например, «Третья империя» вместо «Третий рейх» или «пожар парламента» вместо «пожар рейхстага». Титул *кайзер* также был сохранен, поскольку он также вызывает особые и сильные исторические ассоциации, не имеющие никакого отношения к грубому эквиваленту «император». Некоторые другие немецкие слова и термины, связанные с Третьим рейхом, также получили хождение в других языках, но при этом потеряли часть своего исходного значения. *Гауляйтер*, например, означает просто на-

цистского тирана, поэтому для более точной передачи смысла оно везде переводилось как «региональный руководитель». Точно так же Гитлер везде называется не *фюрером*, а вождем. И хотя всем знакомо название книги Гитлера «*Майн кампф*», вероятно, многие, не владеющие немецким языком, не знают, что это означает «Моя борьба».

Перевод таких слов был необходим для того, чтобы дать читателю возможность получить представление об их фактическом значении. Это были не просто титулы или слова, они несли серьезную идеологическую нагрузку. Некоторым немецким словам невозможно подобрать точный смысловой эквивалент, поэтому в их переводе наблюдается некоторая непоследовательность. Так, *national* может переводиться как «национальный» или «националистический» (немецкое слово имеет оба эти значения), а сложное понятие *Volk* переводится как «народ» или «раса» в зависимости от контекста. Специалистам, знающим немецкий, все это может показаться несколько раздражающим. Им можно порекомендовать обратиться к немецкому изданию этой книги, опубликованной под названием *Das Dritte Reich, I: Aufstieg* в издательстве Deutsche Verlags-Anstalt.

Точно так же, помня о том, что это не специальная академическая монография, я попытался максимально сократить число примечаний в конце книги. Они предназначены в основном для того, чтобы читатель мог проверить цитаты из текста, и не содержат полной библиографии по темам, затронутым в книге. И за редкими исключениями они не предполагают подробного рассмотрения второстепенных вопросов. Тем не менее я пытался указать заинтересованному читателю литературу, где можно найти более подробные сведения по теме, чем в данной книге. При наличии английского перевода немецкой книги я цитировал его, а не оригинал. Чтобы ссылки занимали меньше места, я указывал только данные, необходимые для поиска источника, а именно: автора, название и подзаголовок, а также время и дату публикации. Современное издательское дело — это глобальный бизнес, и основные участники расположены в нескольких разных странах, поэтому указывались только основные места публикации.

Одной из сложнейших проблем при описании нацистской Германии является наполненность языка того времени нацистской терминологией, что отметил много лет назад Виктор Клемперер в своей классической работе, посвященной тому, что он назвал *Lingua tertii Imperii* — языком Третьего рейха⁴⁰. Некоторые историки дистанцируются от этого языка, заключая все нацистские термины в кавычки или добавляя какой-нибудь уничижительный эпитет. Таким образом, получается «Третий рейх» или даже «так называемый “Третий рейх”». Однако в книге, подобной этой, такая практика серьезно затруднит чтение. Хотя это и не следует говорить, я все-таки здесь замечу, что нацистская терминология, используемая в настоящей работе, просто отражает ее использование в то время: не следует воспринимать ее как признание или, хуже того, одобрение того или иного термина в качестве допустимого способа обозначения соответствующего понятия. Где речь идет о нацистской партии, я использовал слово с прописной буквы (Партия), для остальных партий этого не делалось, точно так же Церковь является формальной христианской организацией, а церковь — это здание, Фашизм означает итальянское движение под предводительством Муссолини, а фашизм — общее политическое явление.

Если благодаря этому последующее чтение станет более легким, значит, это было сделано не зря. И если сама книга, как я надеюсь, легко читается, то этим я в значительной степени обязан друзьям и коллегам, которые сразу согласились прочитать первый вариант, исключили из него множество несущественных деталей и указали на ошибки. В частности, это Крис Кларк, Кристина Л. Кортон, Берхнард Фульда, сэр Иан Кершо, Кристин Семменс, Адам Туз, Ник Ваксман, Саймон Уайндер и Эмма Уинтер. Берхнард Фульда, Кристиан Гешел и Макс Хорстер проверили все ссылки и нашли исходные документы, Кейтлин Мердок проделала такую же работу с автобиографиями штурмовиков, хранящимися в Институте Гувера. Берхнард Фульда, Лиз Харви и Дэвид Уэлч любезно предоставили некоторые ключевые документы. Я очень обязан им всем за их помощь. Эндрю Уайли был прекрасным агентом, чья сила убеждения позволила найти для этой книги самых лучших издателей. Саймон Уайндер из из-

дательства Penguin стал для меня надежной опорой в Лондоне, и мне доставило огромное удовольствие тесно работать с ним над этой книгой. В Нью-Йорке Скотт Мойерс поддерживал меня своим энтузиазмом и оказал огромную помощь своими пронизательными комментариями по поводу печатного экземпляра, а в Германии Михаэль Неер проявил необыкновенные организаторские способности, благодаря чему немецкое издание вышло в столь короткие сроки. Для меня было удовольствием работать с переводчиками, Хольгером Флиссбахом и Удо Реннертом, а также с Андрашем Березнаи, который нарисовал карты. Я также признателен Хлое Кэмпбелл из издательства Penguin, которая приложила столько усилий, связанных с поиском оригиналов иллюстраций и получением разрешений на их использование, Саймону Тейлору за его великодушную помощь в получении некоторых иллюстраций, Элизабет Стратфорд за тщательное редактирование окончательного текста, а также верстальщикам и типографиям обоих издателей за окончательную подготовку книги.

Наконец, больше всего, как всегда, я обязан своей семье, Кристин Л. Кортон за ее практическую поддержку и издательский опыт, а также нашим сыновьям Мэтью и Николасу, которым посвящены эти тома, за то, что они поддерживали меня во время работы над этой книгой, повествующей о печальных и зачастую страшных событиях, которых нам всем посчастливилось избежать в нашей собственной жизни.

Кембридж, июль 2003 г.

ГЛАВА 1

НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО

Немецкий характер

I

Правильно ли будет начать с Бисмарка? Он был ключевой фигурой в становлении Третьего рейха. С одной стороны, культ его памяти в годы после его смерти привел к тому, что многие немцы желали возвращения сильного лидерства, которое было связано с его именем. С другой стороны, его действия и политика с середины до конца XIX века помогли создать зловещее наследие для будущего Германии. Но в целом во многих отношениях он был сложной и противоречивой фигурой, настолько же европейской, насколько и немецкой, настолько же современной, насколько и традиционной. И здесь его пример демонстрирует замысловатую смесь нового и старого, которая была так характерна для Третьего рейха. Стоит вспомнить, что всего лишь пятьдесят лет отделяют основание Германской империи Бисмарком в 1871 г. от нацистского триумфа на выборах в 1930—32 гг. Думается, невозможно отрицать связь между этими двумя событиями. Именно здесь, а не в отдаленных религиозных культурах и иерархических социальных системах Реформации или «просвещенного абсолютизма» XVIII века мы находим первый реальный момент немецкой истории, который можно напрямую связать с пришествием Третьего рейха в 1933 г.¹

Родившийся в 1815 г. Отто фон Бисмарк заработал репутацию яростного поборника немецкого консерватизма, приверженца жестких заявлений и жестоких действий, который никогда не боялся говорить с убедительной четкостью то, что более осторожные люди опасались произносить вслух. Он принадлежал к аристократическим кругам, и среди его предков были как землевладельцы-юнкера, так и дворяне на гражданской службе, для многих он был абсолютным воплощением прусской натуры, со всеми ее достоинствами и недостатками. Его власть в немецкой политике второй половины XIX века была жестокой,

самоуверенной и абсолютной. Он не мог скрывать своего презрения к либерализму, социализму, парламентаризму, равенству и многим другим явлениям, характерным для современного мира. И вместе с тем это почти никак не повлияло на его практически мифическую репутацию основателя Германской империи, которую он приобрел после своей смерти. В столетнюю годовщину его рождения в 1915 г., в самый разгар Первой мировой войны, либеральные гуманисты, такие как историк Фридрих Мейнеке, могли обращаться за поддержкой и даже за вдохновением к образу «железного канцлера», человека власти и силы. «Это дух Бисмарка, — пишет он, — не дает нам принести в жертву свои жизненные интересы, именно он заставил нас принять героическое решение вести масштабнейшую борьбу против Востока и Запада — говоря словами Бисмарка, “как сильный мужчина с двумя крепкими кулаками по одному для каждого врага”»². Это был великий и решительный лидер, отсутствие которого немцы болезненно ощущали в тот переломный для своей страны момент. Им предстояло еще более остро почувствовать отсутствие такого лидера в послевоенные годы.

Вместе с тем в реальности Бисмарк был гораздо более сложным персонажем, чем его грубый образ, взлелеянный поклонниками после его смерти. Он не был безрассудным, рискованным игроком из позднейших легенд. Слишком немногие немцы помнили впоследствии, что именно Бисмарку принадлежит определение политики как «искусства возможного»³. Он всегда утверждал, что в основе его подхода был точный расчет хода событий и использование этих событий в своих личных целях. Сам он говорил об этом более поэтично: «Государственный деятель не может создавать что-либо самостоятельно. Он должен ждать и прислушиваться, пока не услышит шаги Бога, отраженные в событиях, а затем броситься и ухватиться за край его одеяния»⁴. Бисмарк знал, что не может направить события в любое нужное ему русло. Но если вспомнить другую его знаменитую метафору — искусство политики состоит в ведении корабля государства по течению времени, — то тогда в какую сторону был устремлен тот поток в XIX веке в Германии? Больше тысячи лет до начала этого века Центральная Европа была расколота на бесчисленное число авто-

номных государств, некоторые из них были могущественными и хорошо организованными, как Саксония или Бавария, другие были небольшими или средними «вольными городами» или же мелкими княжескими или рыцарскими владениями, состоявшими практически из одного замка и скромной территории вокруг. Все они объединялись вокруг так называемой Священной Римской империи немецкого народа, основанной Карлом Великим в 800 г. и упраздненной Наполеоном в 1806 г. Это был знаменитый «тысячелетний рейх», воссоздание которого в конечном счете стало навязчивой идеей нацистов. Ко времени своего распада, связанного с завоеваниями Наполеона, империя находилась в тяжелом положении. Попытки установить осмысленный уровень централизации власти закончились провалом, а могущественные и амбициозные государства-участники, такие как Австрия и Пруссия, все больше заботились о собственных интересах, как будто империи не существовало.

Когда улеглась пыль после поражения Наполеона при Ватерлоо в 1815 г., европейские государства определили в качестве правопреемника империи Германскую конфедерацию, границы которой были примерно теми же и включали, как и прежде, Германию и те части Австрии, где говорили на чешском. Некоторое время полицейская система, установленная в Центральной Европе австрийским канцлером князем Меттернихом, позволяла успешно удерживать крышку кипящего котла либеральной и революционной деятельности, вдохновленной французами и осуществляемой представителями активного меньшинства образованного населения до 1815 г. Однако к середине 1840-х выросло новое поколение интеллектуалов, юристов, студентов и местных политиков, которых не устраивала текущая ситуация. Они пришли к выводу, что самым быстрым способом избавить Германию от множества больших и малых тираний является упразднение отдельных государств конфедерации и замена их единым германским государством, построенным на принципах представительного управления и гарантирующим элементарные права и свободы — свободу слова, свободу печати и т. д., — которые все еще отрицались в очень многих частях Германии. Распространенное недовольство, порожденное бедностью и недостатком продуктов

в «голодные сороковые», давало им шанс. В 1848 г. в Париже вспыхнула революция, которая эхом прокатилась по всей Европе. Существовавшие немецкие правительства были сметены, и к власти пришли либералы⁵.

Революционеры быстро организовали выборы в конфедерации, включая Австрию, и в свое время во Франкфурте был собран национальный парламент. После серьезного обсуждения депутаты проголосовали за список фундаментальных прав и приняли конституцию Германии, соответствующую классическим либеральным представлениям. Однако они не могли получить контроль над армиями двух ведущих стран — Австрии и Пруссии. Это оказалось решающим фактором. К осени 1848 г. монархи и генералы двух государств вновь обрели прежнюю уверенность. Они отказались принимать новую конституцию и, после того как следующей весной над Германией пронеслась волна радикально-демократической революционной активности, принудительно распустили франкфуртский парламент и отправили его депутатов по домам. Революция завершилась. Конфедерация была восстановлена, а главные революционеры были арестованы, брошены в тюрьму или изгнаны из страны. Следующее десятилетие многими историками считается периодом глубокой реакции, когда либеральные ценности и гражданские свободы были раздавлены железным каблуком немецкого авторитаризма.

Многие историки считают поражение революции 1848 г. ключевым моментом истории современной Германии, моментом, когда, по знаменитым словам А. Дж. П. Тейлора, «немецкая история достигла своей поворотной точки и не смогла повернуть»⁶. Вместе с тем Германия вступила на прямой и безоговорочный «особый путь» к агрессивному национализму и политической диктатуре после 1848 г.⁷ В ее истории предстояло случиться многим переломным моментам и судьбоносным решениям, которых можно было избежать. Для начала достижения либералов еще раз претерпели серьезную трансформацию в начале 1860-х. Постереволюционное правление отнюдь не было полным аналогом старого порядка, оно стремилось удовлетворить многие либеральные требования, но при этом уклонялось от национального объединения или предоставления парламентского суверенитета.

К концу 1860-х практически везде в Германии существовали открытые судебные слушания с участием присяжных, гарантировались равенство перед законом, свобода предпринимательской деятельности, были отменены наиболее неприемлемые формы государственной цензуры литературы и прессы, действовало право на собрания и союзы. И важно, что во многих государствах были организованы представительные собрания, где избранные депутаты могли свободно дискутировать и имели по крайней мере некоторые права по определению законодательства и государственных доходов.

Именно этими правами воспользовались возрождающиеся либералы в Пруссии в 1862 г., чтобы блокировать повышение налогов, пока армия не перешла под контроль законодательной власти, что, увы, не удалось осуществить в 1848 г. Это создало серьезную угрозу для финансирования прусской военной машины. Чтобы разрешить этот кризис, прусский король назначил человека, который стал главной фигурой в немецкой политике следующих тридцати лет, — Отто фон Бисмарка. К тому времени либералы правильно решили, что не было никаких шансов для объединения Германии в национальное государство, в которое бы вошла и немецкоязычная Австрия. Это бы означало распад Габсбургской монархии, которая включала огромные территории от Венгрии до Северной Италии, находившиеся за пределами Германской конфедерации, которая насчитывала миллионы подданных, говоривших на языках, отличных от немецкого. Однако либералы также считали, что после объединения Италии в 1859—60 гг. их время пришло. Если уж итальянцам удалось создать собственное национальное государство, то немцы, разумеется, могли добиться того же.

Бисмарк принадлежал к поколению европейских политиков, таких как Бенджамин Дизраэли в Британии, Наполеон III во Франции и Камилло Кавур в Италии, которые были готовы использовать радикальные, даже революционные средства для достижения фундаментально консервативных целей. Он понимал, что нельзя отрицать силу национализма. Но он также видел, что после разочарования 1848 г. многие либералы были готовы принести в жертву национальному единству по крайней мере

некоторые из своих либеральных принципов, чтобы получить то, к чему стремились. Несколькими быстрыми и жесткими ходами Бисмарк добился объединения с австрийцами, чтобы захватить спорные территории Шлезвиг-Гольштейна у Датского королевства, а затем спровоцировал войну за управление ими между Пруссией и Австрией, которая закончилась полной победой прусских войск. Германская конфедерация распалась, и на ее месте возникло правопреемное образование без австрийцев или их южнонемецких союзников, которое за отсутствием более художественного названия Бисмарк нарек Северогерманским союзом. Немедленно большинство прусских либералов, почувствовавших, что до образования национального государства остается один шаг, простило Бисмарку его политику сбора налогов и финансирования армии без одобрения парламента, проводимую в течение предыдущих четырех лет с величайшим презрением по отношению к парламентским правам. Они продолжали одобрять его действия и дальше, когда он устроил другую войну с Францией, которая обоснованно опасалась, что создание объединенной Германии положит конец ее господству на европейской политической арене, продолжавшемуся последние полтора десятилетия⁸.

За разгромом французских армий в Седане последовало провозглашение новой Германской империи в Зеркальном зале бывшего французского королевского дворца в Версале. Построенный Людовиком XIV, «королем-солнце», в период его наивысшего могущества примерно двести лет назад, дворец превратился в унижительный символ французского бессилия и поражения. Это был ключевой момент в истории современной Германии и, разумеется, Европы. Либералам казалось, что их мечты сбылись. Однако им предстояло заплатить большую цену. Некоторые черты творения Бисмарка имели угрожающие последствия для будущего. Во-первых, решение назвать новое государство «Германским рейхом» неизбежно вызывало в памяти образ его тысячулетнего предшественника — державу, которая в течение многих веков господствовала в Европе. Некоторые и на самом деле называли создание Бисмарка «Вторым рейхом». Использование этого слова подразумевало также, что там, где Первый рейх пал

под натиском французской агрессии, Второй преуспел. Помимо многих характерных черт творения Бисмарка, переживших падение Германского рейха в 1918 г., продолжавшееся использование термина «Германский рейх» (*Deutsches Reich*) в Веймарской республике и во всех ее государственных институтах было совсем не малозначительным. Слово «рейх» вызывало у образованных немцев образ, связанный далеко не только с созданными Бисмарком структурами, образ страны — преемницы Римской империи, проекции Царства Божьего здесь, на земле, страны, имеющей обоснованные претензии на власть, а в более прозаичном, но не менее сильном смысле образ Германского государства, которое включало бы все немецкоговорящее население Центральной Европы — «один народ, один рейх, один вождь», как было провозглашено в будущем нацистском лозунге⁹. В Германии всегда оставались люди, которые считали творение Бисмарка лишь частичной реализацией идеи истинного Германского рейха. Сначала их голоса были не слышны из-за всеобщей эйфории, наступившей после победы. Но со временем эти голоса множились¹⁰.

Конституция, разработанная Бисмарком для нового Германского рейха в 1871 г., во многих отношениях очень далеко отходила от идеалов, о которых мечтали либералы в 1848 г. Она была единственной из всех современных немецких конституций, в которой не декларировался принцип прав человека и гражданских свобод. Формально новый рейх был рыхлой конфедерацией независимых государств, почти как и его предшественник. Его номинальным главой был император, или кайзер — титул, принятый для прежнего главы Священной Римской империи, этимологически восходящий к латинскому слову «цезарь». Он обладал широкими полномочиями, включая право объявления войны и мира. Властные институты рейха были сильнее, нежели те, которые им предшествовали. Среди них был национальный выборный парламент, рейхстаг (понятие, обозначавшее представительный орган власти еще в Священной Римской империи и продолжавшее служить в этом качестве после революции 1918 года), а также ряд центральных административных институтов (главным образом министерство иностранных дел), число которых со временем увеличивалось. Однако конституция не предоставляла

национальному парламенту полномочий избирать или распускать правительство и министров, а право принятия ключевых политических решений, в основном по поводу войны и мира и управления армией, было закреплено за монархом и его непосредственным окружением. Министры правительства, включая главу гражданской администрации, рейхсканцлера (пост, созданный Бисмарком, который он занимал около двадцати лет), были гражданскими служащими, а не партийными политиками, которые подчинялись кайзеру, а не народу или его парламентским представителям. Со временем влияние рейхстага росло, однако незначительно. Совсем немного преувеличивая, великий революционный мыслитель Карл Маркс описал бисмарковский рейх одной изысканной фразой, выразившей многие внутренние противоречия этого государства: «бюрократически созданная военная деспотия, облеченная в форму парламентаризма, смешанная с элементами феодализма и в то же время уже находящаяся под влиянием буржуазии»¹¹.

II

Сила военного, и в частности прусского, офицерского состава была не просто продуктом военного времени. Она обуславливалась долгой исторической традицией. В XVII и XVIII веках расширяющееся прусское государство было организовано в большой степени по военным стандартам. Существовала новофеодальная система землевладельцев — знаменитых юнкеров — и крепостных крестьян, которая удачно сочеталась с системой военного призыва для офицеров и солдат¹². Эта система развалилась с окончанием крепостного права, а традиционный престиж армии был серьезно подорван серией сокрушительных поражений в наполеоновских войнах. В 1848 г., а потом и в 1862 г. прусские либералы вплотную подошли к тому, чтобы перевести армию под парламентский контроль. Назначение Бисмарка в 1862 г. было осуществлено в основном для того, чтобы сохранить автономию прусского офицерского корпуса от либерального вмешательства. Бисмарк немедленно объявил, что «великие насущные

вопросы решаются не речами и постановлениями большинства — что стало огромной ошибкой 1848 и 1849 гг., — а железом и кровью»¹³. Он был так же хорош, как и его слова. Война 1866 г. привела к уничтожению Ганноверского королевства и включению его в состав Пруссии и исключению Австрии и Богемии из состава Германии после многовекового периода, когда они играли основную роль в ее судьбах, а война 1870—71 гг. привела к аннексии Эльзаса и Лотарингии у Франции и переводу их под прямой сюзеренитет Германской империи. С некоторой долей условности Бисмарка называли «белым революционером»¹⁴. Военная сила и военные действия привели к созданию рейха и, таким образом, упразднению законодательных институтов, изменению государственных границ и отказу от многолетних традиций с радикальностью и жестокостью, которые наложили долгий отпечаток на последующее развитие Германии. Таким образом, было узаконено использование силы в политических целях далеко за пределами, установленными в большинстве других стран, если не принимать в расчет завоевательные империалистические войны в других частях света. Государственный и общественный милитаризм позднее сыграл важную роль в разрушении немецкой демократии в 1920-х гг. и в образовании Третьего рейха.

Бисмарк считал, что армия с ее непосредственным подчинением кайзеру и собственной системой самоуправления фактически является государством в государстве. Рейхстаг имел право только утверждать военный бюджет раз в семь лет, а военный министр отвечал перед армией, а не перед законодательной властью. Офицеры имели множество социальных и других привилегий и ожидали почтительного отношения к себе со стороны гражданских при встрече на улице. Поэтому неудивительно, что многие госслужащие стремились попасть в армию в качестве офицера резерва, вместе с тем для остального населения обязательная военная служба давала возможность познакомиться с армейскими нормами поведения, идеалами и ценностями¹⁵. В чрезвычайных ситуациях армия должна была обеспечивать военное положение и приостанавливать действие гражданских свобод — это проводилось так часто в правление Вильгельма, что некоторые историки с простительным преувеличением говорили, что политики

и законодатели того времени жили под постоянной угрозой государственного переворота сверху¹⁶.

Армия влияла на общество по-разному. Наиболее ярко это проявлялось в Пруссии, а после 1871 г. косвенное влияние стало заметно и в других немецких землях. Ее престиж, заработанный великолепными победами в объединительных войнах, был невообразим. Унтер-офицеры, то есть лица, остававшиеся в армии на несколько лет после окончания срока обязательной военной службы, автоматически получали право на занятие государственной должности после завершения службы. Это означало, что подавляющее большинство полицейских, почтальонов, железнодорожных служащих и других низших государственных чинов были бывшими солдатами, придерживавшимися армейских привычек в по-вседневном поведении. Кодекс правил таких институтов, как полиция, ориентировался на внедрение армейских моделей поведения, согласно ему общественность следовало держать на коротком поводке, а толпу на уличных маршах и массовых демонстрациях следовало считать не собранием граждан, а скорее вражеской силой¹⁷. Военные представления о чести были достаточно распространены, чтобы обеспечить непрекращающееся противостояние с гражданским населением, даже среди средних классов, хотя нечто подобное наблюдалось и в России и Франции¹⁸.

Со временем связь офицерского состава с прусской аристократией ослабла, и возникли новые народные милитаристические институты, например Военно-морская лига в начале 1900-х и клубы ветеранов¹⁹. К началу Первой мировой войны большинство офицерских должностей были заняты профессионалами, а аристократия доминировала в основном в традиционных видах войск, считавшихся престижными и элитарными, вроде кавалерии и гвардии, как это было и во многих других странах. Однако профессионализация офицерского корпуса, ускоренная появлением новых военных технологий, от пулеметов и колючей проволоки до аэропланов и танков, не сделала его хоть немного более демократичным. Напротив, высокомерие военных только усиливалось благодаря опыту колониальных войн, когда немецкие вооруженные силы безжалостно подавляли восстания туземных народов, таких как гереро в Германской Юго-Западной Аф-

рике — колонии, существовавшей на территории современной Намибии²⁰. В 1904—07 гг. в акте осознанного геноцида немецкая армия уничтожила тысячи мужчин, женщин и детей гереро и изгнала еще большее их число в пустыню, где они умерли от голода. В результате этих действий численность населения гереро с 80 000 до войны сократилась практически до 15 000 к 1911 г.²¹ В Эльзасе и Лотарингии, аннексированных у Франции в 1871 г., германские военные вели себя как завоеватели, встречавшиеся с враждебным и непокорным населением. Один из самых вопиющих примеров такого поведения привел в 1913 г. к ожесточенным дебатам в рейхстаге, в результате которых депутаты вынесли вотум недоверия правительству. Это, разумеется, не заставило правительство уйти в отставку, но тем не менее стало свидетельством растущей популяризации мнений по поводу роли армии в жизни немецкого общества²².

В то время многие люди не осознавали, в какой степени Бисмарк контролировал дикие устремления армии и ограничивал ее жажду к масштабным захватам территорий. Действительно, особенно после его принудительной отставки в 1890 г. возник миф, раздуваемый в том числе и разозленным экс-канцлером и его последователями, о Бисмарке как о лидере, который безжалостно разрубал гордые узлы политики и решал животрепещущие вопросы с применением силы. В общественной памяти Германии сохранились революционные войны 1860-х, а не два последовавших десятилетия, когда Бисмарк пытался сохранить мир в Европе, чтобы дать Германскому рейху возможность подняться на ноги. Ульрих фон Хассель, лидер консервативного сопротивления Гитлеру в 1944 г., записал в своем дневнике во время визита в старую резиденцию Бисмарка во Фридрихсру:

Прискорбно думать о том, насколько неверно сложившееся о нем представление как о политике, олицетворяющем грубое насилие, — представление, которое мы сами создали о нем в мире, в ребяческом восторге от того факта, что кто-то наконец возродил сильную Германию. На самом деле он обладал уникальным даром дипломатии и сдерживания. Он как никто понимал, чем завоевать доверие остального мира, — прямая противоположность сегодняшнему дню²³.

Миф о вожде-диктаторе не был выражением древней, исконной склонности немецкого характера, он стал гораздо более поздним изобретением.

В начале XX века этот миф подпитывался общественной памятью о жесткой позиции Бисмарка по отношению к тем, кого он считал внутренними врагами рейха. В 1870-х в ответ на попытки папы усилить свое влияние на католическое сообщество посредством издания «Реестра заблуждений» (1864 г.) и «Догмата о непогрешимости папы» (1871 г.) Бисмарк принял ряд законов и политических мер, призванных привести католическую церковь под контроль прусского государства, — либералы называли это «борьбой за культуру». Католическое духовенство отказалось выполнять законы, которые предписывали духовным лицам проходить обучение в государственных учреждениях и подавать заявки на церковные посты для государственного утверждения. Долгое время тех, кто нарушал новые законы, преследовала полиция, их арестовывали и отправляли в тюрьму. К середине 1870-х 989 приходов остались без настоятелей, 225 священников сидели в тюрьме, все католические организации за исключением тех, чья деятельность была связана с оказанием медицинской помощи, были упразднены, два архиепископа и три епископа были лишены должности, а епископ Трирский умер вскоре после того, как отбыл девятимесячное заключение в тюрьме²⁴. Но что хуже всего, это массированное наступление на гражданские свободы примерно 37 процентов населения империи поддерживалось немецкими либералами, которые считали католичество такой серьезной угрозой цивилизации, что оправдывали любые методы борьбы с ним.

В конечном счете эта борьба затихла, после чего католическая часть населения осталась жестоким врагом либерализма и современных веяний, готовой доказать свою лояльность государству, и не в последнюю очередь с помощью своей политической партии, сформированной изначально для защиты от преследований, которая получила название центристской партии. Но даже еще до конца этого процесса Бисмарк нанес новый удар по гражданским свободам своим антисоциалистическим законом, который был принят рейхстагом после двух покушений на убийство

кайзера Вильгельма I в 1878 г. На самом деле зарождавшееся социалистическое движение не имело никакого отношения к предполагаемым убийцам и было законопослушной организацией, которая собиралась прийти во власть парламентским путем. И снова либералов убедили поступиться своими либеральными принципами во имя того, что было им представлено как национальные интересы. Социалистические собрания были запрещены, газеты и журналы ликвидированы, а сама партия поставлена вне закона. Была восстановлена смертная казнь, ранее отмененная в Пруссии и других основных немецких государствах. За этим последовали массовые аресты и тюремные сроки для социалистов²⁵.

Антисоциалистический закон имел, возможно, даже более далекоидущие последствия, чем борьба с католической церковью. Он также совершенно не справился со своей непосредственной задачей — бороться с предполагаемыми «врагами рейха». Социалистам не удалось легально запретить участие в парламентских выборах в роли самостоятельных кандидатов, а по мере ускорения индустриализации Германии и еще более быстрого роста численности рабочего класса доля кандидатов-социалистов все увеличивалась. После отмены закона в 1890 г. социалисты реорганизовали свое движение и стали называться Социал-демократической партией Германии. Накануне Первой мировой войны партия насчитывала более миллиона членов и была крупнейшей политической организацией в мире. На выборах в 1911 г., несмотря на исконную ориентацию избирательной системы на консервативный сельский электорат, социалисты заняли место центристской партии и стали самой большой отдельной партией в рейхстаге. Репрессии антисоциалистического закона отодвинули ее на левый край политического спектра, и с начала 1890-х и далее она придерживалась строгих марксистских представлений, согласно которым все существующие церковные, государственные и общественные институты от монархии и военного офицерского корпуса до больших предприятий и фондового рынка должны были быть свергнуты в ходе пролетарской революции, которая приведет к установлению социалистической республики. Вследствие того что либералы поддерживали антисоциалистический

закон, социал-демократы перестали доверять всем «буржуазным» политическим партиям и отвергали любые предложения сотрудничества, поступавшие к ним от политических сторонников капитализма или представителей движений, которые социалисты считали частью незначительно реформированной существующей политической системы. Многочисленное, хорошо организованное, не признающее других взглядов и, очевидно, неуклонно движущееся вперед к доминированию в органах избирательной власти движение социал-демократов вселяло ужас в сердца респектабельного среднего и высшего класса. Между социал-демократами, с одной стороны, и всеми «буржуазными» партиями, с другой, образовалась гигантская пропасть. Такое бескомпромиссное политическое разделение продолжалось вплоть до 1920-х и сыграло ключевую роль в кризисе, который в конечном счете привел нацистов к власти.

Однако в то же время партия всеми силами стремилась действовать так, чтобы оставаться в рамках правового поля и не давать поводов для постоянно угрожавшего ей восстановления закона о запрете партии. Говорят, что Ленин однажды в приступе необычайной веселости заметил, что немецкие социал-демократы никогда не смогли бы осуществить успешную революцию в Германии, потому что, когда бы они пришли штурмовать вокзалы, то для начала выстроились бы в очередь, чтобы купить билеты. Партия привыкла ждать событий, а не порождать их своими действиями. Ее тщательно продуманная организация с культурными учреждениями, газетами и журналами, пивными и барами, спортивными клубами и учебными заведениями позволила членам партии вести особый образ жизни и сформировала ряд личных интересов, которыми лишь немногие в партии готовы были поступиться. Будучи законопослушной организацией, партия полагалась на судебные решения для своей защиты от преследований. Однако следование закону было непростой задачей даже после 1890 г. Мелкие придирки полиции поддерживались консервативными судьями и прокурорами и судами, которые продолжали считать социал-демократов опасными революционерами. К 1914 г. лишь немногие ораторы и редакторы партийной газеты не отсидели несколько сроков в тюрьме по об-

винениям в оскорблении монарха или государственных чиновников. Критика монархии или полиции или даже гражданских служащих, управлявших делами государства, в соответствии с законом до сих пор могла считаться преступлением. Борьба с социал-демократами стала делом жизни целого поколения судей, государственных обвинителей, начальников полицейских отделений и государственных чиновников до 1914 г. Эти люди и большинство их сторонников из среднего и высшего класса никогда так и не признали социал-демократов в качестве легитимной политической силы. В их глазах закон должен был поддерживать существующие государственные и гражданские институты, а не быть нейтральным судьей в конфликте между противоборствующими политическими группами²⁷.

Либералы, конечно, никак не помогали в разрешении этой ситуации. Они сами в 1880—90-е потеряли очень много мест в рейхстаге, хотя и сохранили существенную поддержку среди городской части населения Германии. Не последней проблемой для них была постоянная разобщенность в последние годы XIX века, и даже после того, как левые группы объединили свои силы в 1910 г., все равно остались две основные либеральные партии: национал-либералы и прогрессивисты, различия между которыми имели отношение к отказу последних простить Бисмарка за сбор налогов в Пруссии без парламентского одобрения в 1860-х. На правой стороне политического спектра наблюдалось точно такое же разделение, однако там была не одна консервативная партия, а две, поскольку те, кто поддерживал осуществляемое Бисмарком преобразование особых прусских институтов в учреждения рейха в 1871 г. (что было анафемой для упрямой прусской знати, юнкеров), сохранились в виде отдельной партии так называемых «свободных консерваторов». Более того, этим двум в большой степени протестантским северогерманским партиям приходилось бороться с еще более крупной политической партией правого толка — центристами. Их антимодернизм и проправительственная позиция смягчались, однако, приверженностью к социальному благополучию и критическим отношением к германскому колониальному правлению в Африке. Таким образом, до 1914 г. в Германии было не две основных политических партии,

а шесть: социал-демократы, две либеральные партии, две группы консерваторов и центристская партия, что помимо прочего отражало многообразное разделение немецкого общества по регионам, конфессиональной принадлежности и социальному положению²⁸. В государстве с сильной исполнительной властью, напрямую не подотчетной законодательной, это ослабляло шансы партийной политики играть главную роль в стране.

III

Конкуренция всех этих противоборствующих партий отнюдь не вызывала у людей разочарование в политике, а, наоборот, разогревала политическую атмосферу, пока та не достигла по-настоящему лихорадочного состояния в 1914 г. Всеобщее право голоса для мужчин на выборах в рейхстаг вместе с более или менее тайной системой голосования и строгими избирательными нормами давали избирателям уверенность в системе. На выборах в рейхстаг в 1912 г. число принявших участие в голосовании людей достигло феноменальной цифры в 85 процентов²⁹. Существует множество свидетельств того, что избиратели относились к своему долгу серьезно и тщательно продумывали свой выбор, чтобы соотнести свою идеологическую позицию с более широкой политической ситуацией, когда дело доходило (что бывало довольно часто) до второго тура голосования в системе с пропорциональным представительством, утвержденной для выборов в рейхстаг в конституции Германии. Избирательная система предоставляла юридическую защиту и другие гарантии, открывала простор для демократических дебатов и убедила миллионы немцев разных политических взглядов в том, что политика принадлежит народу³⁰. Более того, ежедневная пресса имперской Германии освещала почти исключительно политические вопросы, каждая газета явно была связана с той или иной партией и проводила партийную точку зрения практически в каждой публикации³¹. Политика была не просто основной темой дебатов среди элиты и среднего класса, но и стала главным предметом обсуждения в пивных и барах для рабочего класса и даже определяла выбор досуга³².

Основной темой политических дискуссий и дебатов в начале XX века было место Германии в Европе и мире. Немцы все более осознавали, что возведенное Бисмарком здание рейха оказалось во многих отношениях незавершенным. Во-первых, империя включала значительное число этнических и культурных меньшинств — наследие предыдущих веков расширения государства и этнических конфликтов. На севере были датчане, в Эльзасе и Лотарингии жило франкоговорящее население, а в центральной Германии находилась небольшая славянская группа лужичан, но помимо этого в стране проживали миллионы поляков, населявшие территории бывшего Королевства Польского, аннексированные Пруссией в XVIII веке. Еще при Бисмарке государство энергично пыталось германизировать эти меньшинства, запрещая использование родных языков в школах и активно поддерживая переселение этнических немцев. К началу Первой мировой войны использование немецкого языка было обязательным на общественных собраниях на территории всего рейха, а земельные законы были изменены таким образом, чтобы лишить поляков их базовых экономических прав³³. Мнение о том, что к этническим меньшинствам следует относиться с таким же уважением, как и к основному населению, разделялось крайне небольшим и сокращающимся числом немцев. Даже социал-демократы в 1914 г. считали, что Россия и славянский Восток представляли собой отсталые и варварские земли, и практически не выражали сочувствия попыткам польскоговорящих рабочих в Германии защитить свои права³⁴.

Глядя на Европу и остальной мир, рейхсканцлеры, приходившие на этот пост после Бисмарка, приходили к выводу, что Германия — второсортная страна по сравнению с Британией и Францией, которые были морскими державами с имперскими владениями по всему земному шару. Германия пришла на эту сцену последней, и ей приходилось довольствоваться крохами с разделочного стола европейских колониальных государств, которые стартовали намного раньше. Танганьика, Намибия, Того, Камерун, Новая Гвинея, различные острова в Тихом океане и китайский открытый порт Цзяочжоу — это практически все колониальные территории Германии к началу Первой мировой войны. Бисмарк считал их малозначительными и дал свое согласие на их

присоединение с большой неохотой. Но его последователи считали по-другому. Престиж и положение Германии в мире требовали «места под солнцем», как сказал Бернгард фон Бюлов, министр иностранных дел в конце 1890-х и затем рейхсканцлер до 1909 г. Началом послужило создание большого военного флота, долгосрочной задачей которого было получение уступок со стороны Британии, самой могущественной морской империи, за счет угрозы или даже полного или частичного уничтожения главных сил военно-морского флота Британии в титаническом противостоянии на Северном море³⁵.

Эти растущие амбициозные мечты о мировом господстве в целом выразил сам кайзер Вильгельм II, напыщенный, самовлюбленный и крайне болтливый человек, который не упускал возможности выразить свое презрение к демократии и гражданским правам, пренебрежение мнением других и свою веру в величие Германии. Кайзер, как и многие его почитатели, вырос после объединения Германии. Он имел слабое представление о тернистом и сложном пути, который прошел Бисмарк, чтобы добиться объединения в 1871 г. Подобно прусским историкам тех дней, он считал, что весь этот процесс был исторически предreshen. Он ничего не знал о тех опасениях за будущее Германии, которые заставили Бисмарка вести такую осторожную внешнюю политику в 1870–80-е гг. Общеизвестно, что характер кайзера был крайне переменчивым, а сам он был слишком непостоянным, чтобы оказывать какое-либо последовательное влияние на государственные события, и слишком часто оказывалось так, что его министры занимались исправлением последствий его действий, а не реализацией его желаний. Его регулярные заявления о том, что он был великим лидером, в котором нуждалась Германия, лишь обращали внимание на его ущербность в этом отношении и также играли свою роль в распространении ностальгического мифа о решительности и хитрости Бисмарка. Многие немцы пришли к тому, что начали противопоставлять безжалостное, аморальное государственное управление при Бисмарке, когда цель оправдывала средства, а чиновники могли говорить одно, делая или собираясь делать при этом другое, и импульсивную, напыщенную и необдуманную бестактность Вильгельма³⁶.

Если отвлечься от личностей, то можно увидеть, что все эти качества созданной Бисмарком Германии в большей или меньшей степени были присущи и другим странам. В Италии пример Гарибальди, харизматического лидера народных сил, которые позволили объединить страну в 1859 г., послужил образцом для диктатора Муссолини. В Испании над армией точно так же отсутствовал политический контроль, как и в Германии, а в Италии, как и в Германии, армия была подотчетна монарху, а не закону. В Австро-Венгрии государственные службы обладали такой же властью, как и парламентские институты, которые были даже более ограничены в своих возможностях. Во Франции свирепствовал конфликт между церковью и государством, который совсем немного отличался от немецкой «борьбы за культуру» по своей идеологической жестокости. В России во внутренней политике и в отношениях с ближайшими соседями использовалось понятие, эквивалентное рейху³⁷. Царистский режим в России подвергал социалистов еще большим репрессиям, чем аналогичный режим в Германии, и ни на йоту не уступал немецким властям в своем стремлении ассимилировать поляков, миллионы которых находились под его влиянием. Либерализм, независимо от того, как его определять, к 1914 г. занимал слабые позиции во всех ведущих странах Восточной и Центральной Европы, а не только в Германском рейхе. Политическая сцена была более раздроблена в Италии, чем в Германии, а убеждение в том, что война оправдана для достижения политических целей, и в частности для создания империи, было общим для многих европейских стран, что с такой ужасающей ясностью продемонстрировало начало Первой мировой войны в августе 1914 г. По всему континенту растущие демократические силы угрожали гегемонии консервативных элит. Конец XIX и начало XX веков стало эпохой национализма не только в Германии, но и везде в Европе, и во многих странах также происходила «национализация масс»³⁸.

Вместе с тем, ни в одной европейской стране все эти факторы не заявляли о себе одновременно и с такой силой, как в Германии. Более того, Германия не была похожа на любую другую европейскую страну. В исторической литературе много сказано о разных аспектах предполагаемой отсталости Германии в то

время, предполагаемом дефиците гражданских ценностей в этой стране, ее якобы устарелой социальной структуре, малодушном среднем классе и новофеодальной аристократии. Но большинство современников так не считали. Непосредственно перед началом Первой мировой войны Германия была самой богатой и могущественной страной в Европе с самой развитой экономикой. В последние мирные годы Германия производила две трети всей стали и половину всего каменного и бурого угля в континентальной Европе, а также на 20% больше электроэнергии, чем Британия, Франция и Италия, вместе взятые³⁹. К 1914 г. в Германии с ее населением около 67 млн человек было намного больше человеческих ресурсов, чем в любой другой континентальной европейской стране за исключением России. Для сравнения: население Великобритании, Франции и Австро-Венгрии в то время составляло от 40 до 50 млн человек. Германия была мировым лидером в большинстве современных отраслей, таких как химия, фармацевтика и электроэнергетика. В сельском хозяйстве повсеместное использование искусственных удобрений и сельхозтехники значительно повысило эффективность использования земель на севере и востоке к концу 1914 г., когда Германия, например, стала выращивать треть всего картофеля в мире. Уровень жизни стремительно повысился с начала века, если не раньше. Продукты знаменитых немецких промышленных компаний, таких как Krupp и Thyssen, Siemens и AEG, Hoechst и BASF, получили широкое признание по всему миру за свое качество⁴⁰.

С ностальгической точки зрения первых межвоенных лет Германия до 1914 г. многим казалась убежищем мира, благополучия и социальной гармонии. Однако под покровом процветания и стабильности скрывалась нервозность и неуверенность, страна была разрываемая внутренними противоречиями⁴¹. Многих людей скорость экономических и социальных изменений пугала и ставила в тупик. Старые ценности, казалось, исчезают в сумбуре материализма и разнузданных амбиций. В некоторых частях общества чувство потери ориентации подкреплялось впечатлением от модернистской культуры, начиная с абстрактной живописи и заканчивая атональной музыкой⁴². Старая гегемония прусской земельной аристократии, которую с таким упорством пытался

сохранить Бисмарк, уничтожалась стремительным прорывом немецкого общества в новый век. Буржуазные ценности, привычки и нормы поведения к 1914 г. одержали полную победу в высших и средних классах общества. Но вместе с тем им противостоял укрепляющийся класс промышленных рабочих, сплотившийся под знаменами многочисленного социал-демократического рабочего движения. Германия в отличие от любой другой европейской страны стала национальным государством не до индустриальной революции, а на ее пике и не в виде единого государства, а в виде федерации множества разных стран, немецкие граждане которых были связаны в основном общим языком, культурой и этническими корнями. Напряженность, порожденная быстрой индустриализацией, усугубилась распространением противоборствующих идей о сущности немецкой государственности и народа и их места в Европе и мире. В немецком обществе не было стабильности при создании национального государства в 1871 г. Оно было расколото быстро углубляющимися внутренними конфликтами, которые накладывались на неразрешенные проблемы политической системы, созданной Бисмарком⁴³. Эти проблемы выливались в оголтелый национализм, смешанный с расизмом и антисемитизмом, которые оставили губительное для будущего наследие.

Гимны ненависти

I

К концу 1889 г. директор начальной школы Герман Альвардт стоял на пороге финансового краха. Родившийся в 1846 г. в обедневшей семье в Померании, он обнаружил, что заработка, который ему обеспечивало скромное положение служащего в прусской образовательной иерархии, совсем не хватает, чтобы оплачивать значительные ежедневные расходы. В отчаянии он совершил преступление, которое как будто сознательно было задумано, чтобы поразить чувства его начальства: он украл деньги, выделенные на проведение детского праздника Рождества в его школе. Достаточно скоро о его проступке узнали, и он был снят с должности. Это лишило его последнего остававшегося источника дохода. Многие люди были бы раздавлены этими несчастьями и переполнены чувствами вины и сожаления. Но не Герман Альвардт. «Директор» — прозвище, под которым он вскоре стал известен широкой публике, — решил перейти в наступление. В поисках, на кого бы свалить вину за свои неудачи, он вскоре обратил свое внимание на евреев⁴⁴.

Немецкое еврейское сообщество в то время было тесно ассимилировавшейся с местным населением успешной группой, отличавшейся от других немцев в основном своей конфессиональной принадлежностью⁴⁵. В XIX веке гражданские несвободы, от которых страдали нехристиане в германских государствах, постепенно были устранены так же, как и была ликвидирована формальная религиозная дискриминация в других странах, например в Британии в результате эмансипации католиков в 1829 г. Последние остававшиеся юридические препятствия для получения полных и равных законных прав были устранены при объединении Германии в 1871 г. С учреждением института гражданского брака как альтернативы церковному бракосочетанию число браков между евреями и христианами стало быстро расти по всей

Германии. В Бреслау, например, на каждые сто чисто еврейских браков в 1915 г. приходилось 35 браков между христианами и евреями, а в конце 1870-х лишь 9 таких браков. Из семей евреев, обратившихся в христианскую веру, происходило очень небольшое число супругов-христиан, а сами браки заключались во всех социальных группах. В 1904 г. 19 % мужчин-евреев в Берлине и 13 % женщин-евреек состояли в браке с христианскими партнерами. В Дюссельдорфе число всех евреев, состоявших в браке с христианами, выросло с четверти в 1900-х до трети в 1914 г. К началу Первой мировой войны на каждые 100 чисто еврейских браков приходилось 38 браков между христианами и евреями, а в Гамбурге эта цифра составляла 73. Кроме того, с нарастающей скоростью евреи стали обращаться в христианство: за первые семьдесят лет XIX века число сменивших веру составило 11 000 человек, а за последние три десятилетия таких людей было уже 11 500. Между 1880 и 1919 годом христианство приняли около 20 000 немецких евреев. Благосостояние еврейской общины медленно растворяло ее самоидентичность как закрытой религиозной группы⁴⁶.

Примерно 600 000 евреев, проживавших в Германской империи, были скромным религиозным меньшинством в обществе, состоявшем главным образом из христиан, и составляли примерно 1 % всего населения. В течение столетий не допускавшиеся к традиционным источникам богатства, таким как землевладение, они оставались вне сословной системы рейха. Продолжавшаяся неофициальная социальная дискриминация не позволяла им получать высшие должности на гражданской службе и занимать посты в таких ключевых государственных институтах, как армия и университеты. В действительности их доступ к таким институтам стал еще более ограничен в 1890-х и 1900-х гг.⁴⁷. Принявшие христианство евреи сильно страдали от повседневного антисемитизма, что заставляло многих из них изменять свои имена на звучащие более по-христиански⁴⁸. Почти 100 000 немецких евреев в XIX веке, не выдержав дискриминации, эмигрировали в другие страны, в основном в США, однако большинство осталось, особенно когда в конце века начался экономический бум. Оставшиеся проживали большими группами

в крупных городах, к 1910 г. примерно четверть немецких евреев проживали в Берлине, а к 1933 г. их была уже почти треть. В этих городах они объединялись в отдельных районах. В 1885 г. почти половина гамбургских евреев проживали в двух кварталах для среднего класса — Харфестехуде и Ротербауме, в 1900 г. почти две трети евреев во Франкфурте жили в четырех из четырнадцати городских районов, в 1925 г. 70 % берлинских евреев проживали в пяти центральных и западных районах, которые в подавляющем большинстве были заселены средним классом. Даже в городах с самыми большими еврейскими общинами — Берлине, Бреслау и Франкфурте — в 1871 г. они составляли крайне незначительное меньшинство жителей: не более 4,3, 6,4 и 7,1 % от всего городского населения соответственно⁴⁹.

Многие евреи нашли свое место в бизнесе и профессиональной деятельности. Помимо знаменитой семьи банкиров Ротшильдов возникло много других влиятельных финансовых домов, принадлежавших евреям, например банковская фирма Блейхрёдера, которой Бисмарк доверял свои личные сбережения⁵⁰. Новые формы розничной торговли, такие как универсальные магазины, которых до Первой мировой войны в Германии насчитывалось около 200, часто имели еврейских владельцев, таких как, например, семья Тиц или братья Вертхейм⁵¹. Особенно много мужчин-евреев было в медицине, юриспруденции, науке и исследовательской деятельности, в университетах на преподавательских должностях, в журналистике и искусстве⁵¹. Еврейское сообщество медленно превращалось из изолированного религиозного меньшинства в еще одну этническую группу из многих в многокультурном обществе, включающем и другие меньшинства: поляков, датчан, эльзасцев, лужичан. Как и у других групп, у них были собственные гражданские представительские институты, в первую очередь Центральная ассоциация немецких граждан еврейской веры, основанная в 1893 г. Однако в отличие от большинства других групп она была в основном экономически успешной, и, вместо того чтобы учредить собственную политическую партию, ее члены предпочитали присоединяться, а иногда и занимать ведущие позиции в ведущих политических партиях, в особенности левого и центристского толка. Большинство

евреев были горячими сторонниками немецкого национализма, и особая привлекательность либеральных партий для них не в последнюю очередь объяснялась тем, что они однозначно поддерживали идею создания немецкого национального государства⁵³. В целом история евреев в конце XIX века была историей успеха, и помимо прочего эта история ассоциировалась с самыми современными и прогрессивными изменениями в обществе, культуре и экономике⁵⁴.

Именно такие изменения сделали евреев мишенью для раздраженных и беспринципных демагогов вроде Германа Альвардта. Для всех недовольных и неудачливых, чувствовавших себя отодвинутыми на обочину жизни Джаггернаутом индустриализации и тосковавших о более простом, организованном, безопасном, более иерархизированном обществе, которое, по их представлениям, существовало в недалеком прошлом, евреи символизировали культурную, финансовую и социальную современность. И нигде это не проявлялось сильнее, чем в избранном для себя Альвардтом Берлине. В 1873 г. экономика города пережила сокрушительный удар, когда период неистовых трат и инвестиций, сопровождавшийся эйфорией по поводу образования рейха, резко оборвался. Мировая экономическая депрессия, вызванная крахом инвестиций в железнодорожную систему США, привела к массовым банкротствам и разорениям компаний в Германии. Особенно пострадали небольшие фирмы и мастерские. Из-за непонимания глобальных сил, которые уничтожали их жизненный уклад, наиболее сильно пострадавшим людям легче всего было поверить заявлениям католических и консервативных журналистов, винивших во всем еврейских финансистов.

Депрессия продолжалась, и к журналистам присоединился придворный проповедник Адольф Штёкер. Человек скромного происхождения, начавший крестовый поход с целью вырвать рабочие классы из-под влияния социал-демократов, Штёкер основал христианско-социалистическую партию, которая строила свою борьбу на выборах в 1880-х на откровенно антисемитской платформе. Эта новая идея была поддержана Максом Либерманом фон Зонненбергом, который помог организовать национальное обращение с призывом устранить евреев с публичных

должностей в 1880 г. Особенно экстремальных взглядов придерживался Эрнст Хенрици, чьи выступления были настолько яростными, что привели к бунтам в померанском городе Ной-штеттин, которые завершились сожжением местной синагоги. Именно к этому движению примкнул в конце 1880-х Герман Альвардт, отомстив за свои унижения книгой, в которой все свои финансовые злоключения он объяснял махинациями еврейских ростовщиков и называл евреев всемогущей группой в немецком обществе. Однако представленные им в доказательство его утверждений документы, подтверждавшие, что германское правительство якобы было куплено еврейским банкиром Герзоном фон Блейхрёдером, оказались сфабрикованными самим Альвардтом. За это он был приговорен к четырем месяцам тюрьмы. А как только его освободили, он сразу выступил с рядом новых сенсационных и таких же неподтвержденных заявлений, на этот раз утверждая, что еврейские производители оружия поставляли армии заведомо дефектные винтовки с целью поддержания франко-еврейского заговора по подрыву боеспособности немецкой военной машины. Вполне предсказуемо этими утверждениями Альвардт заработал себе новый приговор, на этот раз он был заключен в тюрьму на пятимесячный срок⁵⁵.

Но он его не отсидел. Потому что между делом ему удалось убедить крестьян далекого сельского избирательного округа в Бранденбурге избрать его депутатом в рейхстаг. Путешествуя по их фермам, он рассказывал, что все несчастья, на самом деле свалившиеся на них в результате мировой депрессии и падения цен на сельскохозяйственную продукцию, были вызваны евреями, непонятым для них религиозным меньшинством, жившим далеко в больших городах и финансовых центрах Европы и рейха. Место в рейхстаге дало Альвардту депутатскую неприкосновенность. Его успех подтвердил действенность подобной демагогии среди сельских избирателей. Действительно, были и другие антисемиты, такие как библиотекарь из Гессена Отто Бёкель, которые также преуспели на выборах, не в последнюю очередь из-за того, что смогли предложить крестьянам реальные меры по преодолению экономических трудностей, например создание кооперативных хозяйств. К началу 1890-х гг. угроза таких антисемитов для

избирательной гегемонии Германской консервативной партии в сельских округах стала считаться настолько серьезной, что сама партия, встревоженная государственной политикой, которая могла навредить интересам сельского хозяйства еще больше, внесла в свою программу пункт с требованием борьбы против «широко распространенного и разлагающего еврейского влияния на нашу общественную жизнь» на конференции в Тиволи в 1893 г.⁵⁶

В конечном счете это оказалось поворотным моментом в судьбе разношерстной компании политических антисемитов в Германии. Несмотря на серьезную попытку другого антисемитского агитатора Теодора Фрича объединить различные течения политического антисемитизма и сосредоточить усилия движения на завоевании симпатий экономически неудовлетворенных среднего и низшего классов городских жителей, эгоизм таких личностей, как Бёкель, не позволил создать какое-либо реальное объединение, а антисемитов продолжали раздирать внутренние споры. Фричу предстояло реализовать свое влияние на другом поприще. Он продолжал публиковать бесчисленные популярные антисемитские брошюры, которые имели широкий успех у читателей вплоть до его смерти (и после нее) в сентябре 1933 г., когда он занимал депутатское кресло в рейхстаге от нацистской партии. Однако в довоенные годы он оставался маргинальной политической фигурой. В начале 1990-х положение антисемитов было подорвано эффективной коалицией Берлинского христианско-социалистического движения и консервативной партии, а в католических регионах им мешало стремление центристской партии использовать похожую антисемитскую риторику. Индивидуалисты, такие как Бёкель и Альвардт, потеряли свои места, а их партии вместе с городскими антисемитскими организациями вроде партии Фрича перестали существовать. Жестокость позиции самого Альвардта заставляла отворачиваться от него даже других антисемитов. На некоторое время он уехал в США, а по возвращении посвятил себя борьбе с франкмасонами. В 1909 г. он снова попал в тюрьму, в этот раз за шантаж. По-видимому, продолжавшиеся финансовые трудности подвигали его на все более криминальные поступки. В конечном счете он погиб — довольно бесславно — в дорожной аварии в 1914 г.⁵⁷

II

Альвардт был ультрарадикальным, но в некоторых отношениях не уникальным представителем нового типа антисемитизма, зарождавшегося в Германии и других частях Европы в конце XIX века. Традиционный антисемитизм основывался на нехристианской религии евреев и черпал свою политическую силу из Библии. Новый Завет возлагает вину за смерть Христа на евреев, обрекая их на вечный позор, утверждая, что они охотно согласились взять кровь Христа на себя и своих потомков. Будучи нехристианским меньшинством в обществе, находящемся под прямым влиянием христианских верований и институтов, евреи были очевидной и удобной мишенью для народной ненависти во времена кризисов, таких как эпидемия чумы в середине XIV века, когда беснующиеся толпы по всей Европе обвиняли евреев в смерти огромного числа людей, находя выход своим мстительным чувствам в бесчисленных актах насилия и разрушения. Совсем не случайно, что история современного антисемитизма в Германии началась с придворного проповедника Адольфа Штёкера. Христианская враждебность по отношению к евреям обеспечила необходимую стартовую площадку современному антисемитизму, не в последнюю очередь из-за того, что к ней часто примешивалась изрядная доля расовых предрассудков, которые во многих отношениях порождали расовый антисемитизм. Однако в конце XIX века он стал все больше устаревать, по крайней мере в своей чистой, наиболее традиционной форме, особенно когда евреи перестали быть легко идентифицируемым религиозным меньшинством и начали быстрыми темпами принимать христианство и заключать браки с христианами. В поисках козла отпущения, на которого можно было бы свалить вину за экономические трудности 1870-х гг., демагоги и писаки из нижних слоев среднего класса обратились к евреям не как к религиозному, а как к расовому меньшинству и стали пропагандировать не полную ассимиляцию евреев в немецкое общество, а их тотальное исключение из него⁵⁸.

Обычно в этом усматривают заслугу — если здесь уместно такое слово — сомнительного писателя Вильгельма Марра,

в памфлете которого «Победа еврейства над германством с нерелигиозной точки зрения» впервые утверждалась мысль, которую в более поздней работе он выразил так: «Не может быть вопросов, касающихся религиозных предрассудков, когда речь идет о вопросах расы и когда различие заключено в “крови”»⁵⁹. Марр основывался на модных теориях французского расиста графа Жозефа Артура де Гобино и сравнивал евреев не с христианами, а с немцами, настаивая, что те и другие представляют собой две разные расы. Он заявлял, что евреи взяли вверх в расовой борьбе и фактически управляют страной, поэтому неудивительно, что страдают честные немецкие рабочие и мелкие предприниматели. Марр придумал слово «антисемитизм» и в 1879 г. основал Лигу антисемитов, первую организацию в мире, в названии которой присутствовало это слово. Ее задачей, по его словам, было уменьшение еврейского влияния на жизнь Германии. Его работа написана в трагическом и пессимистичном тоне. В своем «Завете» он заявил, что «еврейский вопрос является осью, вокруг которой вращается колесо истории», продолжая свою мрачную отповедь словами о том, что «все наши социальные, коммерческие и промышленные достижения основываются на еврейском представлении о мире»⁶⁰.

Отчаяние Марра помимо прочего имело и личные причины. Он постоянно испытывал финансовые затруднения, его сильно подкосили финансовые проблемы 1870-х. Его вторая жена, которая была еврейкой, поддерживала его деньгами до своей смерти в 1874 г., его третья жена, с которой он развелся после недолгого и несчастливого сожительства, была наполовину еврейкой, и частично он обвинял ее в своем безденежье, поскольку ему приходилось отдавать значительные суммы на воспитание их ребенка. Из этого Марр заключил, смело возведя свой личный опыт в универсальное правило мировой истории, что расовая чистота является идеалом, а расовое смешение есть рецепт катастрофы. Если учесть такие очень личные причины его антисемитизма, неудивительно, что Марр не стал активным деятелем политической сцены, Лига антисемитов не стала успешной организацией, а сам он отказывался поддерживать антисемитские партии, поскольку считал их слишком консервативными⁶¹. Однако к нему как

к пропагандисту нового расового антисемитизма быстро присоединился ряд других авторов. Революционер Ойген Дюринг, например, ставил знак равенства между капиталистами и евреями и утверждал, что социализм должен главным образом ориентироваться на устранение финансового и политического влияния евреев. Националистический историк Генрих фон Трейчке утверждал, что евреи разрушали немецкую культуру, и ввел во всеобщее употребление фразу «евреи — это наша беда», которая впоследствии стала лозунгом многих антисемитов, включая и нацистов. Писатели такого рода были далеки от маргинальных фигур типа Германа Альвардта. Ойген Дюринг, например, обладал очень большим влиянием на социалистическое движение, что заставило Фридриха Энгельса написать свою знаменитую книгу «Анти-Дюринг», которая стала успешной попыткой бороться с этим влиянием на социалистическое рабочее движение в 1878 г. История Генриха фон Трейчке была одной из самых читаемых из всех историй Германии в XIX веке, а его обличительные речи, направленные против того, что он считал еврейским материализмом и бесчестием, порождали сильный резонанс среди его коллег-профессоров в Берлине, включая классициста Теодора Моммзена, патологоанатома Рудольфа Вирхова и историка Густава Дройзена, который вместе с многими другими немецкими учеными выступил с недвусмысленным обвинением своих коллег в «расовой ненависти и фанатизме».⁶²

Такие высказывания были напоминанием о том, что, несмотря на быстрый рост влияния антисемитских авторов, подавляющее большинство уважаемых людей Германии, левых и правых политических убеждений, из среднего и рабочего класса, были по-прежнему настроены отрицательно по отношению к такого рода расизму. Попытки заставить немецких граждан проглотить антисемитские идеи целиком не имели большого успеха. В частности, рабочий класс Германии и его основной политический представитель, социал-демократическая партия (крупнейшая политическая организация в Германии, имевшая больше мест в рейхстаге, чем любая другая партия после 1912 г. и наибольшее число голосов на национальных выборах задолго до этого), решительно отвергали антисемитизм, полагая его отсталым и

антидемократичным. Даже рядовые члены партии отрицали его лозунги, разжигавшие ненависть. В 1898 г. полицейский агент, занимавшийся подслушиванием политических разговоров в барах и пивных Гамбурга, записал следующие слова, произнесенные неким рабочим:

Чувство национального достоинства не должно деградировать до такой степени, чтобы одна нация ставилась выше другой. Еще хуже, если начнут считать евреев низшей расой и станут бороться с ними. Могут ли евреи избежать этого, если будут иметь другое происхождение? Они всегда были преследуемым народом, отсюда и их разбросанность по миру. Для социал-демократа самоочевидно, что он желает равенства для всех людей. Евреи, в конце концов, это не самое большое зло⁶³.

Другие рабочие на разных мероприятиях часто презрительно отзывались об антисемитах, осуждали антисемитское насилие и поддерживали стремление евреев к гражданскому равенству. Такие взгляды были совершенно обычны для рабочего движения до 1914 г.⁶⁴

Худшее, в чем можно было бы обвинить социал-демократов, это то, что они не принимали всерьез угрозу антисемитизма и позволили некоторым антисемитским клише просочиться в многочисленные карикатуры, которые печатались в их развлекательных журналах⁶⁵. В некоторых округах социал-демократы и антисемиты поддерживали друг друга на последних этапах избирательных кампаний, но это не подразумевало единомыслия, а было просто временным сотрудничеством в целях общей борьбы против устоявшихся элит⁶⁶. В немногих отсталых городках и деревнях, в основном на сельскохозяйственном востоке страны, местным евреям периодически предъявляли средневековые обвинения в ритуальных убийствах, которые имели определенный успех, хотя и вызывали ответные демонстрации протеста. В суде ни одно из таких обвинений никогда не было доказано. Мелкие бизнесмены, владельцы магазинов, мастеровые и бедные крестьяне были склонны поддерживать антисемитизм более остальных, продолжая традицию организованного популярного

антисемитизма, истоки которого в некоторых регионах можно проследить по крайней мере вплоть до революции 1848 года, хотя и не в его современной расистской форме⁶⁷. Однако, если говорить о представителях образованного среднего класса, нееврейские предприниматели и специалисты, как правило, вполне спокойно сотрудничали с еврейскими коллегами, чье представительство в либеральных политических партиях было достаточно сильным, чтобы удержать последние от серьезного рассмотрения каких-либо аргументов или мнений антисемитов. Антисемитские партии оставались маргинальным протестным явлением и в основном исчезли с приходом следующего века.

Однако их закат и падение в некоторой степени были обманчивыми. Одной из причин их исчезновения было принятие антисемитских идей ведущими партиями — консерваторами и центристами, среди избирателей которых были экономически уязвимые группы среднего и низшего классов, к которым изначально обращались антисемиты. Консерваторы полагались на антисемитские положения, содержащиеся в их тивольской программе 1893 г., и продолжали требовать уменьшения, как они считали, подрывного влияния евреев на жизнь общества. Их антисемитские предрассудки были обращены к большим группам в протестантском сельском обществе на севере Германии и к мастеровым, владельцам магазинов и мелким предпринимателям, представлявшим христианско-социалистическое крыло партии. Для намного более многочисленной, хотя и несколько менее влиятельной при рейхе центристской партии евреи или, скорее, их искаженный и спорный образ символизировал либерализм, социализм и современность — вещи, отрицаемые церковью. Такой взгляд был присущ большому числу крестьян и ремесленников в партии и распространялся автономными протестными группами среди католического крестьянства, вполне разделявшего идеи Отто Бёкеля. Этого же взгляда по сходным причинам придерживались многие люди в церковной иерархии. В Ватикане религиозный и расовый антисемитизм нашел выражение в антиеврейских диатрибах, опубликованных церковными авторами в некоторых заальпийских газетах и журналах, отличавшихся большей бескомпромиссностью по сравнению с местной прессой⁶⁸.

Более того, антисемитские предрассудки были достаточно сильны в высшем свете, в судах, на гражданской службе, в армии и университетах, чтобы постоянно напоминать евреям о том, что они были совсем не равноправными членами немецкой нации⁶⁹. Антисемитам удалось внести «еврейский вопрос» в политическую программу, так что участие евреев в ключевых общественных организациях стало постоянным предметом для обсуждения и споров. Тем не менее все это происходило на достаточно низком уровне, даже по стандартам того времени. Один историк однажды размышлял на тему, что бы случилось, если бы путешественник во времени из 1945 года перенесся в Европу, какой она была накануне Первой мировой войны, и рассказал бы интеллигентному и эрудированному современнику, что через тридцать лет европейская нация предпримет попытку систематического истребления всех евреев Европы и в результате уничтожит около шести миллионов людей. Если бы такой путешественник попросил современника угадать, что это была за нация, не исключено, что тот указал бы на Францию, где недавнее дело Дрейфуса вызвало взрыв озлобленного народного антисемитизма. Или это могла быть Россия, где царистские «черные сотни» устраивали многочисленные еврейские погромы в преддверии неудавшейся революции 1905 г.⁷⁰ Ему бы вряд ли пришло в голову, что страной, устроившей такую кампанию уничтожения, стала Германия с ее глубоко ассимилированным еврейским сообществом и относительным отсутствием открытого или насильственного политического антисемитизма. Политики антисемитского толка все еще находились на периферии. Однако некоторые пропагандистские заявления антисемитов стали объектом внимания ведущих политических движений — например, идея о том, что нечто под названием «еврейский дух» являлось «подрывным фактором» или что евреи имели предположительно «чрезмерное» влияние в таких областях общественной жизни, как журналистика и юриспруденция. Более того, антисемитские партии продемонстрировали новый демагогический стиль поведения, который освобождал от привычных ограничений политического этикета. Этот стиль не был общепринятым, но, опять же, на парламентских слушаниях и встречах

с избирателями стало возможным разжигать ненависть и опираться на предрассудки, что в середине XIX века сочли бы недопустимым в публичных выступлениях⁷¹.

Наряду с укоренением антисемитизма в политической жизни 1880-х и 1890-х на задворках политической и интеллектуальной жизни наблюдалось соединение многих компонентов будущего национал-социализма. Ключевая роль в этом процессе принадлежала антисемитским писателям, таким как популярный романист Юлиус Лангбен, в книге которого «Рембрандт как воспитатель», опубликованной в 1890 г., провозглашалось, что голландский художник Рембрандт представлял классический северогерманский тип и что германское искусство должно вернуться к своим расовым корням — культурный императив, который впоследствии будет с большим энтузиазмом воспринят нацистами. Эти авторы в своих обличительных работах о евреях создали новый язык неистового насилия. Как говорил Лангбен в 1892 г., евреи были «для нас ядом, и относиться к ним нужно соответственно», «евреи — это лишь преходящая чума и холера». Книга Лангбена была переиздана сорок раз менее чем за год и продолжала оставаться бестселлером долгое время после этого. Оскорбительные выпады по адресу тех, кого автор называет «евреи и идиоты, евреи и подлецы, евреи и шлюхи, евреи и профессора, евреи и берлинцы», соединялись здесь с призывами к восстановлению иерархического общества, возглавляемого «тайным кайзером», который однажды выйдет из тени, чтобы возродить Германию в ее прежней славе⁷².

Такие идеи обсуждались и разрабатывались в группе, собиравшейся вокруг вдовы композитора Рихарда Вагнера в Байройте. Вагнер жил в этом северном баварском городке до своей смерти в 1883 г., а его эпические музыкальные драмы ставились каждый год в оперном театре, который он спроектировал специально для этих целей. Вагнер писал их не в последнюю очередь для того, чтобы распространять псевдогерманские национальные мифы, в которых героические фигуры из скандинавских легенд служили идеальными прообразами будущих вождей Германии. Сам Вагнер был культурным антисемитом уже в начале 1850-х. В своей скандально известной книге «Иудаизм

в музыке» он заявил, что «еврейский дух» противен музыкальной глубине. Решение этой проблемы он видел в полной ассимиляции евреев в немецкую культуру и замене еврейской религии, а фактически любой религии, светскими эстетическими нормами, на которые он ориентировался в собственных музыкальных драмах. Но к концу жизни его взгляды стали гораздо более расистскими под влиянием его второй жены Козимы, дочери композитора Ференца Листа. В конце 1870-х она писала в своем дневнике, что Вагнер, имевший в то время крайне пессимистичное представление о цивилизации, прочел антисемитский трактат Вильгельма Марра 1873 года и полностью согласился с его идеями. В результате такого изменения своей позиции Вагнер больше ратовал не за ассимиляцию евреев в немецкое общество, а за полное их исключение из него. В 1881 г., обсуждая классическую пьесу Лессинга «Натан Мудрый» и жуткий пожар в венском театре, при котором погибло более четырехсот человек, многие из которых были евреями, Козима писала, что ее муж «язвительно заметил, что все евреи должны гореть при постановке “Натана”»⁷³.

После смерти Вагнера его вдова превратила дом в Байройте в своего рода храм, в котором группа приверженных последователей занималась сохранением священной памяти ушедшего Мастера. Люди, собиравшиеся вокруг Козимы в Байройте, придерживались радикальных антисемитских взглядов. Кружок Вагнера старался изо всех сил, чтобы представить оперы композитора как картины борьбы северных героев с еврейскими злодеями, хотя его музыка, конечно, допускала множество других интерпретаций. Среди главных фигур этого кружка можно назвать Людвиг Шемана, ученого, переведшего трактат Гобино о неравенстве рас на немецкий в 1898 г., и англичанина Хьюстона Стюарта Чемберлена (родился в 1855 г.), женившегося на одной из дочерей Вагнера и в свое время опубликовавшего восторженную биографию этого великого человека. Пока Козима и ее друзья распространяли свои идеи в периодических публикациях «Байройтских записок», Шеман ездил по стране, организуя антисемитские собрания и основывая различные радикальные расистские организации, самой известной из которых было

Общество Гобино в 1894 г. Ни одна из них не была особо успешной. Однако поддержка Шеманом французского теоретика все равно сильно помогла ввести в моду термин «арийский» среди немецких расистов. Изначально это слово использовалось для обозначения общих предков носителей германских языков, таких как английский и немецкий, но вскоре оно приобрело современный смысл, когда Гобино выдвинул свой тезис о том, что выживание расы может гарантироваться только расовой чистотой, которая предположительно сохранилась в германском, или «арийском», крестьянстве, а расовое смешение вызывает культурный и политический упадок⁷⁴.

Однако наиболее сильное влияние имел Чемберлен со своей книгой «Основы девятнадцатого века», опубликованной в 1900 г. В своей туманной и мистической работе Чемберлен изобразил исторический процесс как борьбу за доминирование между германской и еврейской расой — единственными двумя расовыми группами, сохранившими изначальную чистоту в мире смешанных рас. Героическим и культурным германцам противостояли жестокие и механистичные евреи, которых Чемберлен представил в качестве космической угрозы человеческому обществу, вместо того чтобы просто не обращать на них внимания как на маргинальную, или низшую, касту. С расовой борьбой была связана борьба религиозная, и Чемберлен приложил много усилий, пытаясь доказать, что христианство изначально было германским и что Иисус, несмотря на все свидетельства, не был евреем. Работа Чемберлена произвела впечатление на многих читателей благодаря попыткам научного обоснования изложенных в ней идей, наиболее существенным моментом в этом отношении было объединение антисемитизма и расизма с социал-дарвинизмом. Английский ученый Чарльз Дарвин утверждал, что животные и растительные царства подчиняются закону естественного отбора, согласно которому наиболее приспособленный выживает, а слабый или менее адаптированный исчезает, гарантируя, таким образом, улучшение вида. Социал-дарвинисты применили эту модель и к человеческой расе⁷⁵. Они сформулировали ряд ключевых идей, которые потом были переняты нацистами.

III

Чемберлен не был одинок в распространении таких взглядов. Целый ряд авторов, ученых и других деятелей внесли свой вклад в возникновение в 1890-х нового, жесткого селекционного варианта социал-дарвинизма, в котором на первое место выводилась не мирная эволюция, а борьба за выживание. Характерным представителем этой школы мысли был антрополог Людвиг Вольтман, который в 1900 г. заявлял, что арийская, или германская, раса представляла собой вершину эволюции человека и поэтому была высшей по сравнению с другими. Таким образом, он утверждал, что «германская раса была избрана, чтобы править миром»⁷⁶. Однако другие расы, как он считал, мешали этому. Германцам, по мнению некоторых людей, требовалось больше «жизненного пространства» (*Lebensraum*), которое следовало захватить у других народов, в основном у славян. Причина заключалась не в том, что страна действительно была перенаселена — никаких подтверждений тому не было, — а в том, что продвигавшие такие взгляды люди заимствовали свои идеи из животного царства и применяли их к человеческому обществу. Встревоженные ростом процветающих городов Германии, они стремились восстановить сельский идеал, мечтая о времени, когда германские поселенцы смогли бы владеть землями «низших» славянских крестьян, как — об этом начинали говорить историки — это уже было в Средние века⁷⁷. Подобные представления о международной политике как об арене борьбы между различными расами за превосходство или выживание широко распространились среди представителей политической элиты Германии к началу Первой мировой войны. Такие люди, как военный министр Эрих фон Фалькенгайн, командующий военным флотом Альфред фон Тирпиц, советник рейхсканцлера Бетмана-Гольвега Курт Рицлер и шеф морского кабинета Георг Александр фон Мюллер, — все они считали войну средством сохранения или утверждения германской расы в борьбе с населением романских стран и славянами. Война, по знаменитым словам из книги генерала Фридриха фон Бернгарди, опубликованной в 1911 г., была «биологической необходимостью: без войны низшие или деградирующие расы

легко могли задушить ростки здоровых, подающих надежды элементов, за чем последовал бы глобальный упадок». Внешняя политика теперь должна была проводиться не между странами, а между расами. Это стало одной из причин начавшегося снижения важности государства, которому предстояло сыграть такую серьезную роль во внешней политике нацистов⁷⁸.

Успех в войне и предрассудки, распространяющиеся среди лидеров и политиков Германии от центристов до правых в начале нового века, также требовали принятия решительных шагов для улучшения расы. Одним из аспектов селекционистского поворота в социал-дарвинизме в 1890-х стало стремление усилить внимание к «негативному отбору». Более комфортные жилищные условия, здоровое питание, гигиенические, санитарные и другие подобные мероприятия — все это, как говорили, замечательно способствует улучшению расы. Но этого недостаточно, поскольку общество отрицает принцип борьбы за выживание, проявляя заботу о слабых, больных и недееспособных. Такая политика, утверждали некоторые ученые-медики, чьи взгляды подкреплялись недавно родившейся генетической наукой, потворствовала прогрессирующей деградации человеческой расы. Ей следовало противопоставить научный подход к воспроизводству, который бы позволил сократить число слабых или исключить их появление, а также увеличить количество сильных. Среди поддерживавших эти идеи был Вильгельм Шальмайер, чье сочинение, в котором защищался евгенический подход к социальной политике, выиграло первый приз на национальном конкурсе, организованном промышленником Альфредом Круппом в 1900 г. Другим медиком, считавшим, что германцы представляют собой вершину генетической эволюции человечества, был Альфред Плётц. Он предлагал отправлять людей низшего ранга на фронт в случае войны, чтобы непригодные к жизни уничтожались в первых рядах. Самым читаемым из всех был Эрнст Геккель, чья книга «Загадки мира» с популярным изложением дарвинских идей моментально стала бестселлером после публикации в 1899 г.⁷⁹

Однако было бы ошибкой считать, что такие взгляды образовывали связную или единую идеологию, тем более напрямую ведущую к идеям нацизма. Шальмайер, например, не был анти-

семитом и яростно отрицал любые идеи о превосходстве «арийской» расы. И Вольтман не относился враждебно к евреям, а его в целом положительное отношение к Французской революции (лидеры которой, по его неправдоподобным утверждениям, принадлежали к германской расе, как и все великие исторические фигуры) отнюдь не роднило его с нацистами. В свою очередь Геккель активно выступал за более широкое применение смертной казни с целью устранения преступников из цепочки наследственности. Он также поддерживал идею уничтожения психически больных людей с помощью химических инъекций или электрошока. Геккель также был расистом и утверждал, что ни одна раса с курчавыми волосами никогда не добивалась чего-либо важного с исторической точки зрения. Однако, с другой стороны, он считал, что война станет евгенической катастрофой, поскольку уничтожит лучших и самых смелых людей страны. В результате ученики Геккеля, объединившиеся в собственное общество, Лигу монистов, стали пацифистами, полностью отрицающими идею войны, — позиция, которая не могла сблизить их с нацистами. Многие из них жестоко пострадали за свои принципы, когда в 1914 г. война все-таки началась⁸⁰.

Наиболее верный прообраз нацистской идеологии мы находим в работах Плэца, который сдабривал свои теории изрядными дозами антисемитизма и сотрудничал с группами, исповедовавшими идею нордического превосходства. И все же до Первой мировой войны было немного свидетельств того, что сам Плэц считал «арийскую» расу высшей по сравнению с другими, хотя один из его ближайших соратников, Фриц Ленц, несомненно, думал именно так. Плэц придерживался жесткого меритократического направления в евгеническом планировании, считая, например, что на всех родах должна присутствовать коллегия врачей и определять, выживет ли ребенок, или его следует уничтожить как слабого или недееспособного. Дарвинист Александр Тилле открыто проповедовал убийство психически и физически неполноценных и соглашался с Плэцем и Шальмайером, что детские болезни не следует лечить, чтобы слабые сами выпадали из цепочки наследования. В 1905 г. Плэц со своим шурином Эрнстом Рудиным, разделявшим такие взгляды, основал Общество расовой

гигиены для пропагандирования своих идей. Оно быстро завоевало влияние в области медицины и социального обеспечения. Гобино во многих отношениях был консерватором и считал, что евгенический идеал заключен в аристократии. Эти немецкие мыслители приняли гораздо более жесткую и потенциально более революционную линию, часто считая наследственные признаки в большой степени независимыми от принадлежности к определенному социальному классу⁸¹.

К началу Первой мировой войны их идеи распространились в той или иной форме в таких областях, как медицина, социальные службы, криминология и юриспруденция. Социальные изгои, такие как проститутки, алкоголики, жулики, бродяги, все чаще объявлялись людьми с дурной наследственностью, и требования насильственной стерилизации таких людей стали слишком громкими, чтобы их можно было не замечать. Влияние этих идей на истеблишмент в социальном обеспечении было таким значительным, что даже социал-демократы могли всерьез принять предложение Альфреда Гротьяна связать улучшение жилищных условий и социального обеспечения с обязательной стерилизацией сумасшедших, тунеядцев и алкоголиков⁸². Изменения такого рода отражали растущее влияние медицинской профессии в таких быстро развивающихся областях, как криминология и социальная помощь. Успехи немецкой медицинской науки, например открытие в XIX веке бацилл, вызывавших такие болезни, как холера и туберкулез, завоевали ей беспримерный престиж, а также непреднамеренно подарили антисемитам новый язык для выражения ненависти и страха перед евреями. В результате в обществе стали повсеместно использовать медицинские достижения, простые люди, включая растущий рабочий класс, стали соблюдать правила гигиены, регулярно мыться, дезинфицировать туалеты, кипятить питьевую воду и так далее. Концепция гигиены из медицины перекочевала в другие области жизни, включая не только «социальную гигиену», но и собственно «рабовую гигиену».

Тем не менее, несмотря на все споры по поводу этих идей, влияние, которое они имели на государственные решения до 1914 г., было очень незначительным. Если не брать в расчет научный

истеблишмент, пропагандисты выведения суперрасы арийских блондинов, такие как Ланц фон Либенфельс, редактор «Остарты: газеты для блондинов», имели влияние только в маргинальных слоях общества, среди политических экстремистов или мелких политических сект⁸³. Однако, несмотря на эти оговорки, появление таких идей вместе с увеличивающейся ролью, которую они играли в публичных дебатах, сыграло важную роль в формировании нацистской идеологии. Практически все в этой разношерстной компании ученых, врачей и пропагандистов расовой гигиены разделяли несколько фундаментальных принципов. Первый заключался в том, что наследственность в значительной мере определяет человека. Второй, вытекающий из первого, состоял в том, что общество, управляемое государством, должно контролировать свою численность, чтобы повысить эффективность нации. «Приспособленных» следовало убеждать или заставлять производить больше потомства, а «неприспособленных» — меньше. В-третьих, как бы ни интерпретировались эти слова, движение за расовую гигиену предложило угрожающе рациональную и научную категоризацию людей на «ценных» для нации и остальных. «Неполноценный» (*нем.* minderwertig — «бесполезный») стало распространенным термином, использовавшимся работниками социальной и медицинской сферы для разного рода маргинальных общественных элементов до Первой мировой войны. Помечая людей таким образом, поборники расовой гигиены сделали первый шаг на пути к контролю, жестокому обращению и, наконец, к уничтожению «бесполезных» государством с помощью таких мер, как принудительная стерилизация и даже казнь, о чем многие из них говорили уже до 1914 г. Наконец, такой технократический рационалистический подход к управлению населением подразумевал полностью нерелигиозное, техническое отношение к морали. Христианские принципы, такие как святость брака и материнства или равная ценность жизни любых существ, наделенных бессмертной душой, были отброшены. Какими бы ни были эти идеи, они не были традиционными или отсталыми. Некоторые их проповедники, такие как Вольтман и Шальмайер, считали себя левыми политиками, а не правыми, хотя их идеи и разделяли очень немногие социал-демократы. В своей основе

расовая гигиена родилась в новом стремлении общества создать инструменты управления на базе научных принципов, независимо от любых других мнений. Она представляла новый вариант германского национализма, который бы вряд ли был когда-либо поддержан консерваторами или реакционерами или одобрен христианской церковью или любой другой религией⁸⁴.

И антисемитизм, и расовая гигиена станут ключевыми компонентами нацистской идеологии. Оба этих явления были частью общей секуляризации мысли в конце XIX века, проявлениями гораздо более широкого недовольства ситуацией, которую все больше авторов и мыслителей начинали считать вялым и унылым самодовольством либерального буржуазного мнения, доминировавшего в Германии в середине века. Самоуспокоенность очень большого числа образованных людей и людей среднего класса после создания национального государства в 1870-х дала дорогу различным недовольствам, рожденным из ощущения того, что духовное и политическое развитие Германии остановилось и нуждалось в новом толчке. Это было четко выражено в инаугурационной лекции социолога Макса Вебера, в которой он назвал объединение 1871 г. «детской шалостью» германской нации⁸⁵. Самым влиятельным пророком таких взглядов был философ Фридрих Ницше, который в своих саркастических и сильных работах жестко критиковал этический консерватизм своих дней. Во многих отношениях Ницше был фигурой, сопоставимой с Вагнером, которого он уважал большую часть своей жизни. Как и Вагнер, он был сложным человеком, его работы допускали множество самых разных интерпретаций. В своих произведениях он провозглашал свободу человека от традиционных моральных ограничений своего времени. До 1914 г. это повсеместно интерпретировалось как призыв к освобождению личности. Его работы имели сильное влияние на разные либеральные и радикальные группы, включая, например, движение феминисток, одна из наиболее одаренных представительниц которого, Елена Штёккер, написала бесчисленное число сочинений, посвященных прозе Ницше, где утверждала, что философ считал, что женщины вправе вести сексуальную жизнь вне брака, могут использовать механические контрацептивы и должны иметь равные права на внебрачных детей⁸⁶.

В то же время другие понимали произведения великого философа совершенно иначе. Ницше был решительным противником антисемитизма, он жестко критиковал вульгарное поклонению власти и успеху, которое родилось (по его мнению) после объединения Германии с использованием военной силы в 1871 г., а его наиболее известные концепции «воли к власти» и «сверхчеловека» должны были применяться только к сфере мысли и идей, а не к политике или практическим действиям. Однако многие его высказывания, сведенные к простым лозунгам и вырванные из философского контекста, нашли такое применение, которого он бы никогда не одобрил. Его концепция идеального человеческого существа, освобожденного от моральных ограничений и благодаря силе своей воли торжествующего над слабыми, легко приспособилась под свои нужды теми, кто в отличие от него верил в выведение человеческой расы в соответствии с расовыми и евгеническими критериями. Такие интерпретации стали возможны главным образом благодаря влиянию его сестры Элизабет Фёрстер, которая вульгарным образом популяризировала его идеи, выделив в них аспекты жестокости и избранности, и сделала их привлекательными для экстремальных правых националистов. Такие писатели, как Эрнст Бертрам, Альфред Боймлер и Ганс Гюнтер, свели философию Ницше к пророчеству силы, а его идею сверхчеловека — к ожиданию прихода великого германского вождя, освобожденного от моральных ограничений христианской теологии⁸⁷. Другие на основании немецких антропологических исследований туземных обществ в Новой Гвинее и других колониях Германской империи вывели ницшеанское духовное превосходство на новый уровень и призывали к созданию нового общества, управляемого группой собратьев, элитой сильных молодых людей, которые бы правили страной, как средневековое рыцарское братство. Сторонники такой крайне женоненавистнической концепции мира отводили женщинам единственную роль, связанную с производством элиты для будущего, и это представление в менее радикальных формах разделялось многими сторонниками евгеники и расовой гигиены. Писатели из научной среды, такие как Генрих Шульц, распространяли идеологию

группы собратьев в различных публикациях, но наибольшее влияние она оказывала на молодежные движения, в которых молодые люди, в основном из среднего класса, посвящали себя путешествиям, общению с природой, распеванию националистических песен вокруг костров и с презрением относились к уравновешенным политикам, лицемерной морали и социальной искусственности взрослого мира. Писатели вроде Ханса Блюхера, на которых сильно повлияли молодежные движения, шли еще дальше в своем стремлении к реорганизации государства в соответствии с антидемократическими принципами и к тому, чтобы привести к власти сплоченную группу героических мужчин, объединенных гомозеротическими связями любви и привязанности. Сторонники таких идей уже начали основывать псевдомонашеские конспиративные организации до Первой мировой войны, такие как Германский орден, образованный в 1912 г. В таком мире мелких нерелигиозных сект «арийский» символизм и ритуалы играли центральную роль, поскольку члены этих сект считали использование рун и поклонение солнцу неотъемлемыми признаками германской культуры. Они приняли индийский символ свастики в качестве «арийского» символа под влиянием мюнхенского поэта Альфреда Шулера и расового теоретика Ланца фон Либенфельса, который поднял флаг со свастикой над своим замком в Австрии в 1907 г. И хотя подобные идеи были довольно странными, не следует недооценивать их влияние на многих молодых людей среднего класса, участвовавших в молодежных организациях до Первой мировой войны. Они внесли значительный вклад в распространение сопротивления буржуазному укладу жизни среди поколения, рожденного в 1890-х и 1900-х гг.⁸⁸

Главные идеи этих течений резко отличались от буржуазных ценностей умеренности и самоограничения и были диаметрально противоположны принципам, на которых основывался либеральный национализм, таким как свобода мысли, представительное правительство, терпимость к мнениям других и фундаментальные права человека. В начале века подавляющее большинство немцев все еще в основном верили в эти вещи. Социал-демократы — самая популярная политическая партия в Германии —

считали себя защитниками принципов, которые, по их мнению, совершенно не удалось защитить германским либералам. Сами же либералы все еще оставались силой, с которой приходилось считаться, а в последние мирные годы до 1914-го наблюдались даже некоторые признаки возрождения либерализма⁸⁹. Но уже к этому времени стали предприниматься серьезные попытки объединить вместе некоторые идеи экстремального национализма, антисемитизма и революционной борьбы против традиций в новую синтетическую форму и придать им некоторое подобие организованности. Политический костер радикальных идей, из которого в конечном счете родился нацизм, уже вовсю бушевал до Первой мировой войны⁹⁰.

Дух 1914 года

I

По другую сторону границы в немецкоговорящей части Австрии другой вариант радикального антисемитизма был предложен Георгом Риттером фон Шёнерером, сыном железнодорожного инженера, которому за заслуги на государственной службе император присвоил дворянское звание. В год своего поражения от Пруссии в 1866 г. Габсбургская монархия разделилась на две равные половины: Австрию и Венгрию, связанные вместе фигурой императора Франца-Иосифа и его центральной администрацией в Вене. Эта администрация в состояла большей частью из людей, говорящих на немецком, а около шести миллионов австрийских немцев примирились с исключением из Германской конфедерации, прочно ассоциируя себя с Габсбургами и считая себя правящей группой империи. Однако Шёнерера это не устраивало. «Если бы мы только принадлежали Германской империи!» — восклицал он в австрийском парламенте в 1878 г. Радикальный и прогрессивный землевладелец Шёнерер был сторонником всеобщего избирательного права для мужчин, полной секуляризации образования, национализации железных дорог (вероятно, это было навеяно родом занятий его отца) и государственной поддержки мелких фермеров и ремесленников. Он считал венгров и другие национальности в Габсбургской монархии препятствием для прогресса немцев, которые, по его мнению, добились бы гораздо лучшего экономического и социального положения, будучи в союзе с Германским рейхом⁹¹.

Время шло, и к убеждению Шёнерера в превосходстве немецкой расы добавился антисемитизм в крайне агрессивной форме. В 1885 г. он дополнил свою германскую националистическую Линцскую программу из одиннадцати пунктов (1879 г.) двенадцатым пунктом, требуя «устранения еврейского вли-

яния во всех областях общественной жизни» в качестве предварительного условия для предлагаемых им реформ. Присутствие Шёнерера в австрийском парламенте позволяло ему вести борьбу с еврейским влиянием, например в железнодорожных компаниях, и давало иммунитет против судебного преследования, когда он использовал в своих обвинениях экстремистские высказывания. Для распространения своих взглядов он создал целый ряд организаций, и одной из них, Пангерманской ассоциации, удалось получить двадцать одно депутатское место на выборах в парламент в 1901 г. Вскоре она распалась из-за серьезных личных противоречий среди руководства. Однако ее пример привел к появлению и других антисемитских организаций. Постоянные заявления о якобы разлагающем влиянии евреев позволили такому циничному религиозному политику, как христианско-социалистический консерватор Карл Люгер, легко использовать антисемитскую демагогию для завоевания достаточной поддержки, чтобы стать мэром Вены, представляя на этом посту интересы усиливавшегося правого крыла христианско-социалистической партии в 1897 г. Люгер занимал этот пост в течение следующих десяти лет, оставив о себе в городе неизгладимую память, благодаря подстрекательскому популизму в сочетании с творческими, прогрессивными реформами в муниципальной сфере⁹².

Шёнерер никогда не имел такой народной поддержки. Однако Люгер, хоть и был влиятельным антисемитом, по сути являлся оппортунистом. «Я сам решаю, кто жид» — его знаменитый ответ тем, кто критиковал его за обеды с влиятельными представителями еврейской общины в Вене. А Шёнерер оставался убежденным антисемитом до мозга костей. Он объявил антисемитизм «самым значимым достижением века»⁹³. С течением времени его идеи становились все более экстремальными. Называя себя язычником, Шёнерер возглавил антикатолическое движение под лозунгом «прочь от Рима» и придумал псевдосредневековое приветствие «хайль!» (*Heil!*), которое к общему негодованию депутатов использовал в парламенте в 1902 г., когда завершил свою речь, объявив о своей лояльности германской, а не австрийской королевской семье: «Всегда вместе и да здравствуют Гогенцоллерны!»

Последователи Шёнерера называли его «вождем» (*фюрером*). Это еще один термин, который, вероятно, был привнесен его движением в политический словарь ультраправых. Он предложил переименовать ежегодные праздники и месяцы года, дав им немецкие названия, такие как «Юлефест» (Рождество) и «хаймон» (июнь). Еще более эксцентричным стало его предложение о создании нового календаря, начинающегося с поражения римской армии, которое она потерпела от германских кимбров в битве при Норее в 118 г. до н. э. Шёнерер даже провел торжество (не слишком успешное) по поводу наступления нового тысячелетия, ознаменованного началом года 2001 н. Н. (буквы соответствуют немецкому *nach Noreia* — «после Норее») ⁹⁴.

Шёнерер был бескомпромиссным расовым антисемитом. Один из типичных для него популярных лозунгов — «Религия не важна, виновна раса». Его экстремизм много раз приводил к проблемам с властями, особенно в 1888 г., когда после сфабрикованного газетного репортажа о смерти кайзера Вильгельма I он вломился в редакцию виновной газеты и напал на ее сотрудников. После того как он публично объявил Вильгельма «нашим славным императором», разъяренный габсбургский император Франц-Иосиф лишил его дворянского звания, а парламент снял с него депутатскую неприкосновенность, чтобы отправить на четыре месяца в тюрьму. Это не помешало ему после своего освобождения объявить, что он «мечтает о дне, когда германская армия войдет в Австрию и уничтожит ее». Такой экстремизм означал, что Шёнерер никогда не осознавал допустимых пределов политической борьбы. В 1907 г. он не смог повторно избираться в австрийский парламент, а число депутатов, имевших сходную политическую позицию, сократилось до трех. Шёнереру, скорее всего, было более интересно распространение своих идей, чем борьба за власть. Но впоследствии ему предстояло оказать значительное влияние на нацизм ⁹⁵.

Австрийский и немецкий антисемитизм было бы ошибочно считать явлениями, не связанными друг с другом. Общие с Германией язык и культура и тот факт, что Австрия была частью Священной Римской империи германской нации более тысячи лет, а затем входила в состав Германской конфедерации, пока

Бисмарк не исключил ее оттуда в 1866 г., означали, что интеллектуальные и политические веяния пересекали границу без особых трудностей. Шёнерер, например, признавал, что был учеником немецкого антисемита Ойгена Дюрера. Граждане Германского рейха, в особенности на католическом юге, обращавшие свои взгляды на Вену в поисках вдохновения, не могли не отметить комбинацию социальных реформ, лояльности к католичеству и антисемитской риторики Люгера. Язычество и нелюбовь к христианству, открыто провозглашенные Шёнерером, его расовое определение евреев, культ «арийского» мифа, вера в превосходство германцев и презрение по отношению к другим расам, особенно к славянам, отчасти разделялись более экстремальными антисемитами в Германской империи. Никакие его идеи нельзя было считать чужеродными, они были составной частью того же экстремистского течения мысли. Пангерманизм Шёнерера обрек его на поражение, пока монархия Габсбургов продолжала существовать. Однако если бы она когда-либо рухнула, то немецкоговорящие меньшинства столкнулись бы с серьезным вопросом: присоединиться к Германскому рейху или образовать собственное отдельное государство. В таком случае пангерманизм взял бы свое.

II

В самом Германском рейхе приход к власти кайзера Вильгельма II в 1888 г. быстро привел к серьезному ослаблению позиции Бисмарка как рейхсканцлера. Когда кайзер и рейхсканцлер разошлись во мнениях по поводу того, следует ли обновить или отменить антисоциалистический закон с его многочисленными ограничениями гражданских свобод, Бисмарка заставили уйти. Отмена этого закона привела к появлению целого ряда новых социальных и политических движений во всех областях политического спектра. На политической сцене появились новые яркие фигуры, резко отличавшиеся от тусклых последователей Бисмарка на посту канцлера, Каприви и Гогенлоэ. Среди них был по крайней мере один, который вызывал восхищение именно как

тот герой, которого искали германские националисты. Карл Петерс был классическим колониальным путешественником конца XIX века, подвиги которого немедленно обрастали легендами. Когда Бисмарк в 1884 г. неохотно принял в состав империи номинальные германские колонии, Петерс поехал туда, чтобы обратить свои книжные завоевания в настоящие. Достигнув побережья Восточной Африки, он организовал экспедицию и отправился вглубь континента, где заключил ряд мирных договоров с туземными вождями. Характерно, что он не обращался по этому поводу к немецкому правительству, и, когда Бисмарк узнал об этих договорах, он аннулировал их. Петерс имел и другие неприятности, когда обнаружилось, что он не только жестоко обращался со своими носильщиками, но и вступал в сексуальные отношения с африканскими женщинами. Отчеты о его неподобающем поведении шокировали буржуазное мнение. Но это не удержало Петерса от стремления основать великую Германскую империю в Африке⁹⁶.

Богатое воображение и неутомимый дух Петерса привели его к основанию ряда организаций, включая Общество германской колонизации, возникшее в 1884 г., которое объединилось с группой единомышленников в 1887 г., образовав Германское колониальное общество. Известность Петерса и влияние его сторонников были таковы, что Бисмарк почувствовал себя обязанным признать его восточноафриканскую кампанию и объявить немецкий протекторат над исследованными им территориями, что стало первым шагом в создании Германской колонии Танганьика. Однако в 1890 г. последователь Бисмарка Лео фон Каприви согласился уступить некоторые области открытой Петерсом территории, в частности остров Занзибар, британцам в обмен на передачу Германии острова Гельголанд в Северном море. Разъяренный этим, Петерс возглавил собрание, организованное в начале 1891 г. группой националистов, куда входил молодой госслужащий Альфред Гугенберг, которому предстояло сыграть судьбоносную роль в возвышении и триумфе нацизма. Они основали Всеобщую германскую лигу, переименованную в Пангерманский союз в 1894 г. Задачей новой организации было активное распространение немецкой экспансии за рубежом

и германизация национальных меньшинств на родине. В 1894 г. к ней присоединилось Общество восточных приграничных земель. Эта группа, имевшая относительно тесные связи с правительством по сравнению с пангерманцами, посвятила себя уничтожению польского влияния в восточных провинциях Германии. Другой довольно схожей по целям организацией, образованной в 1881 г. в ответ на споры об официальных языках в Габсбургской монархии, была Ассоциация немецких школ, которая боролась за сохранение немецкого языка в немецких поселениях за пределами рейха. Затем она была переименована в Ассоциацию зарубежного германства, что отражало существенное расширение сферы ее интересов, включавших теперь все аспекты немецкой культуры в остальном мире⁹⁷.

Впереди было появление и других националистических ассоциаций. Самой заметной, пожалуй, была Военно-морская лига, основанная в 1898 г. на деньги оружейного промышленника Круппа, явно заинтересованного в создании большого военного флота в Германии — проект, который в то время рассматривался рейхстагом. В течение десяти лет она по численности на порядок превосходила другие националистические группы, насчитывая более 300 000 членов, если считать и дочерние организации. В отличие от нее другие националистические группы давления редко могли похвастаться численностью более 50 000 человек, а пангерманцы, казалось, навсегда остановились на отметке в 20 000⁹⁸. Большая часть таких инициативных групп управлялась профессиональными агитаторами вроде Аугуста Кейма, армейского офицера, журналистские занятия которого значительно затормозили его продвижение по службе. Такие люди становились заметными фигурами в националистических ассоциациях и часто становились их основной движущей силой. Например, Кейм был лидером в Военно-морской лиге и Оборонной лиге, а также основал другие менее известные ассоциации, такие как Германская лига за предотвращение эмансипации женщин (1912 г.), задачей которой было вернуть женщин обратно к семейному очагу, где они должны были рожать больше детей для рейха⁹⁹.

Между такими маргиналами располагались раздраженные известные личности, искавшие новых точек приложения своих

политических амбиций в новом демократическом мире, где уважение к состоятельным и образованным людям, обеспечивавшее избирательный успех национал-либералам и другим партиям вплоть до самых правых в 1860–80-е гг., более не являлось залогом успеха. Многие из таких агитаторов достигли высокого положения, усердно работая, чтобы получить университетскую степень, а затем медленно поднимаясь по ранговой лестнице менее уважаемых должностей на гражданской службе. В данном случае определенная степень социальной обеспокоенности также была важной движущей силой. Отнесение себя к немецкой нации (а иногда и чрезмерное стремление к такой идентификации) давало всем ведущим фигурам в националистических организациях, независимо от их происхождения, чувство гордости и причастности, а также цель, к которой можно было стремиться¹⁰⁰. В такие организации часто входили одни и те же люди, и весьма часто две или несколько таких ассоциаций могли добиваться общих целей в политической борьбе, несмотря на частые личные ссоры и политические противоречия.

Помимо конкретных целей, преследуемых каждой организацией, и невзирая на частые внутренние распри, поражавшие их, националистические общества в целом сходились на том, что работа Бисмарка по созданию германского национального государства явно была незавершенной и настоятельно нуждалась в том, чтобы кто-нибудь довел ее до конца. Также все большее распространение получала мысль о том, что руководство рейха не справлялось со своим долгом в этом отношении. Националистические идеи получили особенно драматическое выражение в 1912 г., когда председатель Пангерманского союза адвокат Генрих Класс, писавший под псевдонимом, опубликовал манифест с шокирующим названием «Если бы я был кайзером». Его цели не отличались скромностью. Если бы у него была власть, которую имел Вильгельм II, то, да будет известно, Класс первым делом расправился бы с внутренними врагами рейха — социал-демократами и евреями. Победа социал-демократов на выборах в рейхстаг в этом году, восклицал он, стала результатом еврейского заговора по уничтожению нации. Евреи разрушали германское искусство, уничтожали творческое начало и разлагали

народные массы. Если бы он был кайзером, писал Класс, то они бы немедленно потеряли свои гражданские права и были бы названы чужестранцами. Партия социал-демократов была бы запрещена, а ее лидеры, депутаты парламента, редакторы газет и председатели профсоюзов, были бы выдворены из Германии. Выборы в рейхстаг были бы реорганизованы так, чтобы предоставить больше избирательной власти образованным и состоятельным людям, а занимать посты в правительстве смогли бы только самые достойные. Национальные съезды и патриотические фестивали популяризировали бы среди народных масс национальные идеи¹⁰¹.

Смягчение внутренней напряженности, как утверждали националисты, подразумевает подавление культур национальных меньшинств, например поляков в восточных провинциях Пруссии, изгнание их с насиженных мест, запрет на использование родного языка и при необходимости применение силы для установления господства над низшими и нецивилизованными славянами. Под руководством Класа пангерманцы и их союзники поддерживали массовое производство оружия, даже более масштабное, чем предполагали законы о военном флоте с 1898 г. За этим должна была последовать война, в которой Германия завоевала бы Европу и аннексировала немецкоговорящие территории, такие как Швейцария, Голландия, Бельгия, Люксембург и Австрия. Они отказывались от любых раздумий насчет других наций, проживавших на этих территориях, и оставляли без внимания языковые и культурные различия — поэтому не было никакой вероятности, что даже фламандские сепаратисты в Бельгии, не говоря о других политических диссидентах, поддержат их. По стратегическим причинам они добавили в свой список Румынию. Кроме того, они отмечали, что колониальные владения Бельгии и Голландии, включая, например, Конго, станут отличной базой для создания огромной новой колониальной империи, которая намного превзойдет свою британскую соперницу. Эклектично заимствуя мысли у Ницше, Лангбена, Дарвина, Трейчке и других авторов, часто по ходу вульгаризируя их идеи, вырывая их из контекста или упрощая до неузнаваемости, пангерманцы и их националистические союзники основывали свою идеологию

на представлении о мире, ключевыми аспектами которого были борьба, конфликты, этническое превосходство арийской расы и воля к власти¹⁰².

Тем не менее, имея такие практически безграничные амбиции относительно мирового доминирования Германии, Пангерманский союз и другие националистические ассоциации также выражали глубокую обеспокоенность и даже отчаяние по поводу современного состояния Германии и будущих планов. Они считали, что немецкий народ был окружен врагами — начиная со славян и романцев, окружавших их извне, и заканчивая евреями, иезуитами, социалистами и всякими подрывными агитаторами и заговорщиками, разлагающими страну изнутри. Пангерманский расизм выражался в использовании специальных терминов, относивших каждую нацию к той или иной простой, единообразно действующей расовой группе, — «германство», «славянство», «англо-саксонство» и «еврейство». Другие расы превосходили германцев по уровню рождаемости и угрожали поглотить их или, как французы, сокращались в численности и, таким образом, оказывали развращающее влияние своим упадком. Экстремальные националисты изображали себя голосами в пустыне — если их не услышать, то будет слишком поздно. Отчаянная опасность требовала отчаянных действий. Только возврат к расовым корням германской нации (крестьяне, самостоятельные ремесленники, малые предприниматели, традиционная семейная ячейка) мог исправить ситуацию. Большие города были клоаками антигерманской безнравственности и беспорядка. Для восстановления порядка, порядочности и истинно германского представления о культуре необходимы были жесткие меры. Требовался новый Бисмарк, твердый, безжалостный и готовый действовать агрессивно внутри и за пределами страны ради спасения нации¹⁰³.

Время шло, и националистические организации становились все смелее в своей критике немецкого правительства за его слабость во внешних и внутренних делах. Победа социал-демократов на выборах в 1912 г., последовавших за, как они считали, унижительным для Германии окончанием международного кризиса в Марокко в предыдущем году, подтолкнула их к радикальным

действиям, и обычно склонные к внутренним сварам националистические организации объединили свои силы для поддержки недавно образованной Лиги обороны, которая должна была сделать для армии то же, что Военно-морская лига сделала для флота. Новая организация была намного более независима от правительства, чем Военно-морская лига, она полностью разделяла взгляды пангерманцев и привлекла под свои знамена 90 000 членов за два года после своего основания в 1912 г., обеспечив пангерманцам человеческий ресурс, который им ранее никогда не удавалось создать для себя. Тем временем пангерманцы начали совместную с Колониальным обществом кампанию с целью убедить правительство перестать признавать юридическую действительность браков между немецкими колонистами и черными африканцами в колониях. Выдающиеся члены консервативной партии начали работать с пангерманцами. В августе 1913 г. Аграрная лига, огромная влиятельная группа крупных и мелких землевладельцев, имевшая очень близкие связи с консерваторами, объединилась с Центральной ассоциацией немецких промышленников и национальной организацией ремесленников, образовав Картель производственных земель. Картель не только включал миллионы членов, но и поддерживал многие из основных задач и взглядов пангерманцев, включая снижение роли или ликвидацию рейхстага, подавление социал-демократов и проведение агрессивной внешней политики вплоть до развязывания полномасштабной завоевательной войны¹⁰⁴.

Такие экстремальные националистические группы не были продуктом манипуляций правящих элит, они изначально были народными движениями, созданными снизу в результате политической мобилизации. Но они не имели никакой поддержки среди рабочего класса. Дальше всего по социальной шкале среди поддерживавших их групп находились офисные работники и клерки, один из профсоюзов которых, ожесточенно антисемитский Германский национальный союз торговых работников, жестко выступал против деловых интересов евреев, которые якобы занижали зарплаты членов союза. Кроме того, участники этой организации противоборствовали появлению женщин на секретарских и административных должностях, усматривая в этом

происки евреев, пытающихся разрушить немецкую семью¹⁰⁵. Вместе с тем националистические ассоциации, начиная с 1912 г. усилившие свои позиции, оказывали огромное давление на немецкое правительство. Это давление стало еще больше, когда пангерманцы завели новых друзей в правой прессе. Один из сторонников пангерманизма, отставной генерал Константин фон Гебзаттель, впечатленный работой «Если бы я был кайзером», сочинил развернутый меморандум, в котором призывал к войне против «еврейских махинаций и подстрекательств социал-демократических лидеров», созданию рейха, который бы «не был парламентским», возвращению роли кайзера, который бы правил на самом деле, вместо того чтобы быть номинальным главой, и вел агрессивную внешнюю политику «железной рукой», а также пропагандировал введение избирательного права, которое бы сводило влияние масс к минимуму.

Согласно положениям меморандума, евреев следовало считать иностранцами, им запрещалось владеть землей, а в случае эмиграции они должны были лишаться всей своей собственности. Они должны были быть лишены права занимать государственные должности, в том числе на гражданской службе, в юриспруденции, университетах и армии. По мнению Гебзаттеля, принятие христианской веры никак не влияло на тот факт, что человек был евреем. Любой имевший больше четверти «еврейской крови» должен был считаться евреем, а не немцем. «Еврейскую прессу» следовало упразднить. Все это было необходимо, поскольку, по его словам, во всей жизни Германии доминировал «еврейский дух», поверхностный, отрицательный, деструктивно критический и материалистический. Настало время для возрождения истинного германского духа — глубокого, положительного и идеалистического. Все это следовало реализовать в ходе успешного государственного переворота сверху, закрепленного объявлением осадной войны и введением военного положения. Гебзаттель и его друг, лидер пангерманистов Генрих Класс, считали этот меморандум умеренным. Такая умеренность имела причины — была идея направить меморандум принцу Фридриху Вильгельму, наследнику престола, про которого было известно, что он сочувствует националистическим идеям. А он в свою оче-

редь с энтузиазмом передал его своему отцу и человеку, который занимал пост, принадлежавший когда-то Бисмарку, — рейхсканцлеру Теобальду фон Бетману-Гольвегу¹⁰⁶.

Бетман и кайзер вежливо, но твердо отвергли идеи Гебзаттеля, посчитав их непрактичными и опасными для стабильности монархии. Рейхсканцлер признал, что «еврейский вопрос» был областью, в которой «крылись большие опасности для дальнейшего развития Германии». Но, продолжил он, драконовские решения Гебзаттеля нельзя было принимать всерьез. Кайзер еще больше раскритиковал эти предложения, предупредив своего сына, что Гебзаттель был «странным энтузиастом», идеи которого часто оказывались «совершенно детскими». Вместе с тем он признал, что, хотя выдворение евреев из Германии и представлялось экономически невыгодным, было важно «исключить еврейское влияние на армию и органы управления, насколько это возможно, и ограничить его областями искусства и литературы». В области прессы он также считал, что «еврейство нашло для себя наиболее опасное место», хотя общее ограничение свободы прессы, предлагаемое Гебзаттелем, по его мнению, было бы непродуктивным. Антисемитские стереотипы стали популярными в самых высоких государственных кругах. Что касается кайзера, то на него большое влияние оказала книга Хьюстона «Основы девятнадцатого века», которую он оценил очень высоко и считал призывом к пробуждению Германии. Более того, в отсутствие ограничительных факторов пангерманисты распространяли свою критику канцлера на публике и за кулисами, из-за чего Бетман чувствовал постоянно возрастающее давление общества, требовавшего жесткой внешней политики, что в конечном счете привело к кризису, породившему Первую мировую войну в августе 1914 г.¹⁰⁷

III

Как и другие европейские нации, Германия вступила в Первую мировую войну с оптимизмом, нисколько не сомневаясь в том, что выиграет эту войну и что победа достанется ей

в сравнительно короткие сроки. Военные же, как, например, военный министр Эрих фон Фалькенгайн, ожидали более продолжительного конфликта и даже боялись, что Германия может быть побеждена. Однако их экспертное мнение было не интересно массам или хотя бы большинству политиков, в чьих руках находилась судьба Германии¹⁰⁸. Чувство непобедимости поддерживалось масштабным ростом немецкой экономики в предыдущие несколько десятилетий, а также ошеломляющими победами немецкой армии в 1914–17 гг. на восточном фронте. Раннее русское вторжение в Восточную Пруссию побудило начальника немецкого генерального штаба назначить отставного генерала и ветерана войны 1870–71 гг. Пауля фон Гинденбурга, родившегося в 1847 г., главой военной кампании, в помощь ему был назначен начальник штаба Эрих Людендорф, технический эксперт и военный инженер недворянского происхождения, заработавший свою репутацию при нападении на Льеж в начале войны. Два генерала заманили вторгшиеся русские армии в ловушку и уничтожили их, за чем последовала череда дальнейших побед. К концу сентября 1915 г. немцы завоевали Польшу, нанесли огромный урон русским армиям и откинули их назад почти на 150 миль с позиций, которые те занимали в предыдущем году.

Благодаря этим достижениям Гинденбург стал считаться практически непобедимым генералом. Вокруг него быстро возник героический ореол, и его невозмутимое присутствие, казалось, дает ощущение стабильности в меняющихся условиях войны. Однако на самом деле он был человеком с ограниченным политическим кругозором и способностями. Во многом он выступал в качестве прикрытия для своего энергичного подчиненного Людендорфа, чье представление о ведении войны было гораздо более радикальным и жестким, чем у Гинденбурга. Успехи этих двоих на востоке резко контрастировали с тупиковой ситуацией на западе, где через несколько месяцев после начала войны около восьми миллионов войск сидели друг напротив друга в окопах на всем протяжении 450-километровой линии фронта от Северного моря до швейцарской границы, не имея возможности хоть сколько-нибудь продвинуться вглубь вражеских позиций. Мягкая земля позволяла рыть защитные траншеи линия за линией.

Заграждения из колючей проволоки блокировали продвижение врага. А пулеметные позиции вдоль всей линии фронта косили всех солдат с любой стороны, которым удавалось добраться на расстояние выстрела. Обе стороны тратили все больше ресурсов на это бессмысленное противостояние. К 1916 г. напряжение начало сказываться.

Во всех основных воюющих странах в середине войны произошла смена руководства, которая отражала осознанную необходимость более энергичных и жестких мер по мобилизации внутренних ресурсов страны. Во Франции к власти пришел Клемансо, в Британии — Ллойд Джордж. Что характерно, в Германии это был не радикальный гражданский политик, в 1916 г. власть в свои руки взяли два наиболее успешных генерала, Гинденбург и Людендорф. «Программа Гинденбурга» пыталась оживить и реорганизовать экономику Германии, чтобы ориентировать ее на главнейшую задачу победы в войне. Военное министерство под руководством генерала из среднего класса Вильгельма Грёнера начало сотрудничать с профсоюзами и гражданскими политиками в вопросах мобилизации. Однако это было неприемлемо для промышленников и других генералов. В скором времени Грёнер был смещен с должности. Убрав гражданских политиков в сторону, Гинденбург и Людендорф установили в Германии «тихую диктатуру» с негласно утвержденными военными правилами, жесткими ограничениями гражданских свобод, центральным управлением экономикой и генералитетом, которая определяла военные задачи и внешнюю политику страны. Эти события создали важные прецеденты для более радикальных мер, похоронивших демократию и гражданские свободы в Германии менее чем два десятилетия спустя¹⁰⁹.

Переход к более жесткому ведению войны имел во многих отношениях обратные результаты. Людендорф ввел систематическую экономическую эксплуатацию территорий Франции, Бельгии, Восточной и Центральной Европы, занятых немецкими войсками. Память об этом обошлась Германии дорогой ценой в конце войны. Жесткие и амбициозные военные планы генералов заставили отвернуться от них многих немцев, придерживавшихся либеральных и левых взглядов. А решение о начале

неограниченной подводной войны в Атлантике с целью блокировать поставки ресурсов из США в Британию, принятое в начале 1917 г., только спровоцировало американцев вступить в войну на стороне союзников. С 1917 г. мобилизация самой богатой мировой экономики перевесила чашу весов на сторону союзников, и к концу года американские войска направлялись на западный фронт во все больших количествах. Единственным положительным моментом с немецкой точки зрения была продолжающаяся череда военных успехов на востоке.

Но и это имело свою цену. Неослабевающее военное давление немецких войск и их союзников на Востоке в начале 1917 г. привело к краху неэффективной и непопулярной администрации русского царя Николая II и установлению Временного правительства, находившегося в руках русских либералов. Однако они оказались не более способными, чем царь, к мобилизации огромных ресурсов России для ведения успешной войны. Страна находилась на грани голода, в правительстве царил хаос, а на фронте постоянные поражения усиливали и без того охватившее всех отчаяние. Таким образом, в Москве и Петрограде общественное мнение все больше склонялось в сторону прекращения войны, и изначально сомнительная легитимность Временного правительства испарилась. Больше всего в этой ситуации выиграла единственная политическая группа в России, которая с самого начала войны последовательно выступала против нее: партия большевиков, экстремистская, жестко организованная марксистская группировка, лидер которой, Владимир Ильич Ленин, все время утверждал, что поражение в войне было самым быстрым способом для свершения революции. Воспользовавшись шансом, осенью 1917 г. он организовал переворот, который не встретил особого сопротивления.

«Октябрьская революция» вскоре переросла в кровавый хаос. Когда противники большевиков попытались совершить ответный переворот, новый режим ответил началом жестокого «красного террора». Все другие партии были запрещены. Была установлена централизованная диктатура под управлением Ленина. Новообразованная Красная армия под началом Льва Троцкого воевала в Гражданской войне против «белых», стре-

мившихся восстановить царистский режим. Их усилия не смогли помочь самому царю, которого большевики вскоре расстреляли вместе с его семьей. Политическая полиция большевиков ЧК жестоко боролась с противниками режима независимо от их политических взглядов, начиная от умеренных меньшевиков, анархистов и крестьянских социалистов-революционеров слева, заканчивая либералами, консерваторами и царистами справа. Людей тысячами пытали, казнили или бросали в первые лагеря, которые в 1930-х гг. превратятся в полномасштабную систему тюрем¹¹⁰.

В конечном счете режим Ленина победил, изгнав белых и их сторонников и установив свой контроль над большей частью бывшей царистской империи. Лидер большевиков и его последователи начали строить свой вариант коммунистического государства и общества, одной из главных черт которого была социализированная экономика, что, по крайней мере в теории, означало совместное владение собственностью, отмену религии, гарантировавшую свободу социалистического сознания, конфискацию частного имущества для создания общества без классового разделения и установление «демократического централизма» и плановой экономики, которая давала уникальные диктаторские права центральной администрации в Москве. Однако, и Ленин знал об этом, все это происходило в государстве и обществе экономически отсталом и испытывавшем нехватку современных ресурсов. Более совершенные экономики, как в Германии, по его мнению, имели более развитые социальные системы, в которых победа революции была даже более вероятной, чем в России. В действительности Ленин считал, что российская революция могла иметь шансы на успех только в том случае, если бы в других странах произошли схожие революции¹¹¹.

Поэтому большевики создали Коммунистический интернационал (Коминтерн) для распространения своего варианта революции в остальном мире. Таким образом, они могли воспользоваться тем, что социалистические движения во многих странах были расколоты, поскольку их участники имели серьезные разногласия по вопросам, поднятым в ходе войны. В частности, в Германии когда-то единая социал-демократическая

партия, которая в первые годы поддерживала войну, в первую очередь как защитную меру против угрозы с Востока, начинала все больше сомневаться в своем выборе по мере того, как становился понятным масштаб аннексий, требуемых правительством. В 1916 г. партия разделилась на сторонников и противников войны. Большинство с некоторыми оговорками продолжало поддерживать войну и выступать за умеренные реформы, а не глобальную революцию. В меньшинстве независимых социал-демократов небольшая группа под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург в декабре 1918 г. основала Немецкую коммунистическую партию. Позже, в начале 1920-х, к ним присоединилось большое число людей, поддерживавших это меньшинство¹¹².

Сложно преувеличить страх и ужас, вызванные этими событиями у большей части населения в Западной и Центральной Европе. Средние и высшие слои общества были обеспокоены радикальной коммунистической риторикой и видели, как люди вроде них в России теряли свое имущество и исчезали в пыточных камерах и лагерях ЧК. Социал-демократы боялись, что если коммунисты придут к власти в их собственной стране, то их ждет участь, которая постигла умеренных социалистов-меньшевиков и ориентированных на крестьянство социалистов-революционеров в Москве и Петрограде. Везде с самого начала демократы понимали, что коммунизм стремился к подавлению прав человека, уничтожению представительных институтов и отмене гражданских свобод. Наблюдаемый террор рождал уверенность, что в своих странах коммунизм необходимо было остановить любой ценой, даже с помощью жестоких мер и через отмену тех самых гражданских свобод, которые они обещали защищать. По мнению правых, коммунисты и социал-демократы представляли собой две стороны одной медали, и одни были не менее опасны, чем другие. В Венгрии в 1918 г. было установлено недолгое правление коммунистического режима Белы Куна, который попытался упразднить церковь и был быстро свергнут монархистами под руководством адмирала Миклоша Хорти. Контрреволюционный режим продолжал осуществлять «белый террор», в ходе которого тысячи больше-

виков и социалистов были арестованы, подвергнуты пыткам, брошены в тюрьму и убиты. События в Венгрии дали Центральной Европе впервые почувствовать новый уровень политической жестокости и противоречий, которым предстояло появиться в результате напряженности, вызванной войной¹¹³.

В самой Германии в начале 1918 г. угроза коммунизма все еще оставалась относительно далекой. Ленин с большевиками быстро подписали столь важное перемирие, которое дало им передышку, необходимую для консолидации захваченной власти. Немцы заключили жесткую сделку, аннексировав огромные территории у русских по условиям Брест-Литовского договора в начале 1918 г. Переброска большого числа немецких войск с закрытого теперь восточного фронта на запад для усиления весеннего наступления, казалось, должна была обеспечить окончательную победу. В своем ежегодном обращении к немецкому народу в августе 1918 г. кайзер убедил всех, что худшая часть войны была позади. Это было более или менее верно, но не в том смысле, какой он имел в виду¹¹⁴. Потому что огромные потери немецкой армии в ходе весеннего наступления Людендорфа освободили дорогу союзникам, усиленным большим числом свежих американских войск и ресурсов, и позволили прорвать немецкую оборону и начать быстрое продвижение по всему западному фронту. Боевой дух в немецкой армии стал падать, и все больше немецких частей самовольно оставляли фронт или сдавались союзникам. Последние удары были нанесены, когда союзник Германии Болгария попросила мира, а армии Габсбургов на юге начали таять под возобновившимися атаками итальянцев¹¹⁵. Гинденбургу и Людендорфу в конце сентября пришлось сообщить кайзеру, что поражение неизбежно. Массовое усиление цензуры обеспечило на некоторое время продолжение газетных публикаций о неминуемой победе, тогда как в реальности эта победа была уже давно упущена. Поэтому шок от новостей о поражении Германии был еще больше¹¹⁶. Он оказался слишком сильным для того, что осталось от политической системы империи Бисмарка, созданной в 1871 г.

Именно в этом котле войны и революции зарождался нацизм. Лишь пятнадцать лет отделяли поражение Германии

в 1918 г. от пришествия Третьего рейха в 1933 г. Тем не менее на этом пути было много препятствий и поворотов. Триумф Гитлера в 1918 г. нисколько не казался неизбежным, точно так же он не был предопределен прежним направлением немецкой истории. Создание Германской империи, рост ее экономической мощи и ее возвышение до статуса великой державы породили у многих людей ожидания, которые, как к тому времени стало очевидным, рейх и его институты не могли оправдать. Пример Бисмарка в качестве безжалостного и жесткого лидера, не боявшегося использовать насилие и обман для достижения своих целей, стоял перед глазами многих людей, а решительность, с которой он действовал, сдерживая демократическую угрозу политического католицизма и социалистического рабочего движения, широко одобрялась протестантами средних классов. «Тихая диктатура» Гинденбурга и Людендорфа положила начало жесткому, авторитарному правлению в момент жесточайшего национального кризиса в 1916 г. и создала опасный прецедент для будущего.

Наследие немецкого прошлого во многих отношениях было весьма обременительным. Однако оно не делало приход и торжество нацизма неизбежным. Тени, отбрасываемые могуществом Бисмарка, были рассеяны. Однако к концу Первой мировой войны они неизмеримо сгустились. Проблемы, оставленные немецкой политической системой Бисмарком и его последователями, крайне усложнились из-за последствий войны, а к ним добавились и другие, предвещавшие еще большие трудности в будущем. Без войны нацизм не стал бы серьезной политической силой и столько немцев не искали бы так отчаянно авторитарной альтернативы гражданской политике, которая предала Германию в час нужды. Ставки в 1914–18 гг. были настолько высоки, что и левые и правые готовились к экстремальным мерам, о которых до войны лишь мечтали отдельные фигуры на окраинах политической жизни. Взаимные обвинения и попытки возложить друг на друга ответственность за поражение Германии только усиливали политический конфликт. Огромные жертвы, лишения, смерти заставляли немцев всех политических взглядов лихорадочно искать причины. Невообразимые финансовые

потери в войне породили гигантское бремя для мировой экономики, которое она не смогла сбросить в течение следующих тридцати лет, бремя, пришедшееся в основном на Германию. Разгул национальной ненависти во всех воевавших странах оставил ужасное наследство для будущего. Вместе с тем, в то время как немецкие войска возвращались домой, а кайзер неохотно готовился передать власть демократическому преемнику, ничего еще не было решено.

Дорога в хаос

I

В ноябре 1918 г. большинство немцев полагали, что, поскольку война завершилась до того, как союзники вступили на немецкую землю, условия мирного соглашения будут относительно объективными. В предыдущие четыре года шли яростные дебаты по поводу размеров территорий, которые должна аннексировать Германия после победы. Даже официальные, определенные правительством цели войны предполагали присоединение к рейху значительных территорий в Западной и Восточной Европе и установление полной гегемонии Германии на континенте. А правые группы давления шли гораздо дальше¹¹⁷. Учитывая масштабы того, что немцы ожидали получить в случае победы, можно было ожидать, что они осознавали, что могли потерять при поражении. Однако никто не был готов к условиям мира, который Германию принудили принять в ноябре 1918 г. Все немецкие войска должны были отступить за восточный берег Рейна, немецкий флот передавался союзникам, как и огромное количество военного снаряжения, Брест-Литовский мирный договор аннулировался, а военно-морской флот Германии должен был сдаться союзникам вместе со всеми подводными лодками. Тем временем, чтобы обеспечить выполнение этих условий, союзники сохраняли экономическую блокаду Германии, ухудшая и без того ужасающее положение с поставками продовольствия. Блокада продолжалась до июля следующего года¹¹⁸.

Эти условия практически везде в Германии воспринимались как несправедливое национальное унижение. Негодование еще более усилилось в результате действий, предпринятых для реализации этих условий, в первую очередь французами. Жест-кость условий мирного договора смягчалась тем, что многие немцы отказывались верить, что их армия действительно была побеждена. Очень быстро в многочисленных слоях общества

с центристскими и правыми политическими взглядами получил хождение судьбоносный миф, поддерживаемый и распространяемый самими высшими военными офицерами. Вспоминая музыкальную драму Рихарда Вагнера «Сумерки богов», многие люди стали считать, что армия была побеждена только потому, что, как и бесстрашный герой Вагнера Зигфрид, получила смертельный удар в спину от своих врагов внутри страны. Военные лидеры Германии, Гинденбург и Людендорф, вскоре после войны стали утверждать, что армия стала жертвой «тайной, спланированной демагогической кампании», которая обрекла все героические усилия военных на провал: «Один английский генерал верно заметил: немецкая армия получила удар в спину»¹¹⁹. Кайзер Вильгельм повторил эту фразу в своих мемуарах, написанных в 1920-х: «Тридцать лет армия была моей гордостью. Я жил ради нее, работал для нее, а теперь после четырех с половиной лет блестящей войны с беспримерными победами нож революционера поразил ее в спину, как раз в тот момент, когда до мира оставалось уже недалеко»¹²⁰. Даже социал-демократы внесли свою лепту в поддержание этой легенды. Когда возвращающиеся войска входили в Берлин 10 декабря 1918 г., лидер партии Фридрих Эберт сказал им: «Враг вас не победил!»¹²¹

Поражение в войне привело к немедленному краху политической системы, созданной Бисмарком около полувека назад. Когда революция 1917 г. в России ускорила падение царского деспотизма, Вудро Вильсон и западные союзники начали выступать с заявлениями, что главной задачей войны было сохранение демократии в мире. Когда Людендорф и руководство рейха поняли, что война бесповоротно проиграна, они стали пропагандировать демократизацию политической системы имперской Германии, чтобы постараться выторговать более разумные и даже благоприятные условия мира у союзников. И Людендорф также рассчитывал, что в случае жестких для немцев условий мира бремя их принятия ляжет на демократических политиков Германии, а не на кайзера или военное руководство. Новое правительство было сформировано под руководством либерально настроенного принца Макса Баденского, однако оно оказалось неспособным контролировать флот, офицеры которого попытались выйти

в море, чтобы сохранить свою честь, вступив в последний безнадежный бой с британскими кораблями. Неудивительно, что моряки подняли мятеж, в течение нескольких дней бунты распространились и на гражданское население, и кайзера со всеми принцами от короля Баварии до великого герцога Баденского принудили отречься от престола. Армия просто перестала существовать после заключения перемирия 11 ноября, и, как и рассчитывал Людендорф, демократическим партиям пришлось вести переговоры (если здесь уместно слово «переговоры») об условиях Версальского мирного договора¹²².

По условиям этого мирного договора Германия потеряла десятую часть своего населения и 13 процентов территории, включая Эльзас и Лотарингию, переданные обратно Франции, после того как они почти полвека находились в составе Германии, а также приграничные территории Эйпена, Мальмеди и Морне. Саар был отсечен от Германии согласно мандату с обещанием, что люди потом смогут сами решить, хотят ли они, чтобы их земля входила в состав Франции. Совершенно очевидно, ожидалось, что именно так и произойдет, по крайней мере учитывая, что французы участвовали в составлении этого мандата. Чтобы гарантировать, что войска Германии не войдут в область Рейна, большую часть 1920-х гг. там размещались значительные силы британской, французской и американской армий. Северный Шлезвиг отошел Дании, а Мемель в 1920 г. — к Литве. Создание нового польского государства с отменой разделения XVIII века, когда Польша была поглощена Австрией, Пруссией и Россией, означало для Германии потерю Познани, большей части Западной Пруссии и Верхней Силезии. Данциг стал «свободным городом» под номинальным контролем новой Лиги Наций, предшественницы ООН, созданной после Второй мировой войны. Чтобы новая Польша получила выход к морю, был вырезан «коридор» земли, отделявший Восточную Пруссию от остальной Германии. Колонии у Германии были отобраны и распределены по мандатам Лиги Наций¹²³.

Таким же важным и таким же шокирующим был отказ победивших государств разрешить объединение Германии и немецкоговорящей части Австрии, что означало бы исполнение самых

смелых мечтаний 1848 года. Когда входившие в состав Габсбургской империи страны в самом конце войны отделились, чтобы образовать национальные государства, такие как Венгрия, Чехословакия и Югославия, или чтобы присоединиться к новым или старым соседям, таким как Польша или Румыния, около шести миллионов немцев, оставшихся в Австрии на территории между Германией и Италией, по большей части считали, что самым лучшим вариантом будет присоединение к Германскому рейху. Практически никто не считал «обкусанную» Австрию политически или экономически жизнеспособной. Многие десятилетия подавляющее большинство ее населения считало себя главной этнической группой в многонациональной Габсбургской монархии, а те, кто, как Шёнерер, выступали за решение 1848 г. — отделение от остальных и присоединение к Германскому рейху, — считались помешанными маргиналами. А теперь Австрия вдруг оказалась отрезанной от своих внутренних районов, в особенности от Венгрии, от которой она раньше так сильно зависела экономически. Она с трудом содержала столицу Вену, население которой, раздувшееся из-за внезапно ставших ненужными бюрократов и военных чиновников Габсбургской империи, составляло больше трети всей численности нового государства. Что раньше казалось политической эксцентричностью, теперь начинало иметь смысл. Даже австрийские социалисты считали, что присоединение к более развитому Германскому рейху даст больше шансов на установление социализма, чем попытка пройти этот путь в одиночку¹²⁴.

Более того, американский президент Вудро Вильсон в своей знаменитой программе «Четырнадцать пунктов», которую он предлагал принять и другим союзникам, заявлял о том, что каждая нация должна иметь право самостоятельно определять свое будущее, без вмешательства со стороны других¹²⁵. Но если это было сказано применительно к полякам, чехам и югославам, то это, конечно же, должно было быть применимо и к немцам? Оказалось, что не так. Союзники задались вопросом, а за что они, собственно, сражались, если Германский рейх выйдет из войны, имея на шесть миллионов населения больше и получив значительные дополнительные территории, включая один из самых

больших городов Европы? Поэтому объединение Германии и Австрии запретили. Из всех условий мира, касавшихся раздела территорий, это казалось самым несправедливым. Защитники и критики позиции союзников могли обсуждать, насколько выгодны или невыгодны другие условия, и дискутировать по поводу их справедливости или по поводу референдумов, касавшихся территориальных вопросов, например в Верхней Силезии, однако по австрийскому вопросу никакого места для споров не было. Австрийцы желали объединения, немцы были готовы к этому объединению, принцип национального самоопределения требовал объединения. То, что союзники запретили объединение, оставалось постоянным источником раздражения для Германии и обрекло новую «немецко-австрийскую республику» на два десятилетия постоянных конфликтов и кризисов. И лишь немногие ее граждане когда-либо верили в легитимность существования этого государства¹²⁶.

Многие немцы понимали, что основанием для запрета на объединение Германии и Австрии, как и основанием многих других пунктов Версальского договора, союзники сделали статью 231, которая обязывала Германию принять на себя «единоличную вину» за развязывание войны в 1914 г. Другие статьи, такие же оскорбительные для немцев, требовали суда над кайзером за военные преступления. Немецкие войска действительно совершали много жестоких действий во время вторжения в Бельгию и северную Францию в 1914 г. Однако несколько дел, рассматривавшихся в Лейпциге в немецком суде, практически одинаково завершились ничем, поскольку немецкий суд не признавал законности большинства обвинений. Из 900 обвиняемых военных преступников, изначально отобранных для проведения суда, только семеро были признаны виновными, тогда как десять были оправданы, а для остальных процесс полностью так и не состоялся. В Германии укоренилось представление, что вся концепция военных преступлений и даже само понятие законов войны были сомнительным изобретением победителей, основанным на лживой пропаганде о воображаемых жестокостях. Все это во многом определило поведение немецких войск во время Второй мировой войны¹²⁷.

Подлинной целью статьи 231 тем не менее было обеспечение легитимности установленных союзниками финансовых репараций для Германии. Они должны были компенсировать, в первую очередь французам и бельгийцам, ущерб, причиненный за четыре с четвертью года немецкой оккупации. Франция и Бельгия получили торговые суда общим водоизмещением более 2 млн тонн, 5000 железнодорожных двигателей и 136 000 вагонов, 2,4 млн тонн угля и многое другое. Финансовые выплаты должны были производиться золотом в течение многих лет¹²⁸. А на случай, если бы это не помешало Германии финансировать восстановление своей военной мощи, договор также устанавливал максимальную численность армии — 100 000 человек — и запрещал использование танков и тяжелой артиллерии. Шесть миллионов немецких винтовок, более 15 000 самолетов, свыше 130 000 пулеметов и огромное число другого военного снаряжения должно было быть уничтожено. Немецкие военные суда были демонтированы, Германии было запрещено строить новые большие суда и иметь какие-либо военно-воздушные силы. Таковы были условия мирного договора, поставленные перед немцами западными союзниками в 1918—19 гг.¹²⁹

II

Большинство немцев встретило все это со скептической тревогой¹³⁰. Чувство негодования и неверия, которое обрушилось на высшие и средние классы немецкого общества как взрывная волна, было практически всеобщим и оказало сильное влияние на многих сторонников умеренных социал-демократов из рабочего класса. Большинство немцев чувствовали, что международная мощь и престиж Германии после объединения в 1871 г. постоянно повышались, а теперь внезапно страна оказалась выброшенной из списка великих держав и покрыта незаслуженным позором. Версальские соглашения были осуждены как навязанный мир, продиктованный в одностороннем порядке без возможности переговоров. Энтузиазм относительно проведения войны, демонстрировавшийся огромным большинством немцев среднего

класса в 1914 г., обернулся жгучим негодованием, вызванным условиями мира четыре года спустя.

В действительности мирное соглашение создало новые возможности для внешней политики Германии в Восточной и Центральной Европе, где на месте некогда могущественных империй Габсбургов и Романовых теперь находилось множество препирающихся друг с другом мелких и нестабильных государств, таких как Австрия, Чехословакия, Венгрия, Польша, Румыния и Югославия. Территориальные положения мирного договора были умеренными по сравнению с тем, чего потребовала бы Германия от остальной Европы в случае победы, что в общих чертах было четко отражено в программе, предложенной немецким канцлером Бетманом-Гольвегом в сентябре 1914 г., и что Брест-Литовский мирный договор, заключенный с проигравшими русскими весной 1918 г., ясно продемонстрировал на практике. В случае победы Германии союзники должны были бы выплачивать ей огромные репарации, без сомнения во много раз большие, чем те, которые Бисмарк потребовал от Франции после войны 1870–71 гг. Репарации, которые Германия в результате должна была выплачивать начиная с 1919 г., могли быть обеспечены ресурсами государства и не были чрезмерными, учитывая размеры разрушений, причиненных Бельгии и Франции оккупационными немецкими войсками. Во многих отношениях мирное соглашение 1918–19 гг. стало смелой попыткой примирить принципы и прагматические моменты в существенно изменившемся мире. В других обстоятельствах оно могло иметь шансы на успех. Но не в условиях 1919 года, когда практически любые условия мира отвергались немецкими националистами, которые считали, что их обманом лишили победы¹³¹. Продолжительная военная оккупация союзниками частей Западной Германии вместе с долиной Рейна с конца войны и почти до конца 1920-х также породила широко распространенное недовольство и усилила националистические настроения в затронутых областях. Один социал-демократ, родившийся в 1888 г. и раньше считавший себя пацифистом, позднее писал: «Я узнал, что такое приклад французской винтовки, и снова стал патриотом»¹³². Хотя на большой территории долины Рейна находились войска британцев и американцев, именно французы

здесь и в Сааре вызывали больше всего раздражения. Особенное возмущение было вызвано запретом на немецкие патриотические песни и праздники, поощрением сепаратистских движений в той местности и объявлением вне закона радикальных националистических групп. Один шахтер в Сааре утверждал, что новые французские владельцы государственных шахт выражали свою германофобию в жестоким обращении с рабочими¹³³. Пассивное сопротивление, особенно среди патриотически настроенных мелких госслужащих, таких как железнодорожные чиновники, которые отказывались работать на новые французские власти, разжигало ненависть к политикам в Берлине, которые приняли такое положение дел, и вело к отрицанию немецкой демократии из-за ее абсолютной беспомощности в этой ситуации¹³⁴.

Но если мирное соглашение и возмутило большинство обычных немцев, это было ничто по сравнению с эффектом, который оно произвело на апологетов экстремального национализма, особенно на пангерманистов. Пангерманисты приветствовали начало войны в 1914 г. с безмерным энтузиазмом, граничащим с экстазом. Для людей вроде Генриха Класа это было исполнением мечты всей жизни. Казалось, что наконец события стали идти по их сценарию. Крайне амбициозные планы (аннексии территорий, гегемония в Европе), выдвинутые Пангерманским союзом до войны, теперь могли стать реальностью, когда правительство Бетмана-Гольвега определило набор военных задач, которые для него были очень близки по своему масштабу. Группы давления, например промышленники, и партии вроде консерваторов — все требовали массового присоединения новых территорий к Германскому рейху после победы¹³⁵. Но победа не наступала, и сопротивление аннексионистским настроениям росло. В этих обстоятельствах Класс и пангерманисты начали осознавать, что им было необходимо предпринять еще одну серьезную попытку расширить свое влияние, чтобы снова получить возможность давления на правительство. Но пока они испытывали различные схемы сотрудничества с другими группами для достижения нужного результата, неожиданно их обошло новое движение, основанное Вольфгангом Каппом, бывшим госслужащим, землевладельцем и коллегой бизнес-магната и бывшего члена пангерманистов

Альфреда Гугенберга. По мнению Каппа, никакое националистическое движение не могло добиться успеха без широкой поддержки масс, и в сентябре 1917 г. он основал Немецкую народную партию, программа которой строилась вокруг военных задач по захвату территорий, конституционных изменений в сторону авторитаризма и других пунктов платформы пангерманистов. Эта партия, поддерживаемая Классом, промышленниками, бывшим командующим флотом Альфредом фон Тирпицем и всеми группами, ратовавшими за аннексии, включая консерваторов, позиционировала себя как организацию, стоявшую выше партийно-политических дразг, преданную исключительно немецкому народу и не чуждую какой-либо абстрактной идеологии. К популярной партии присоединились учителя, протестантские пасторы, военные офицеры и многие другие. В течение года Народная партия собрала под свои знамена не менее 1,25 млн человек¹³⁶.

Однако все было не совсем так, как казалось. Во-первых, показатели численности были завышены за счет множества двойных подсчетов лиц, зарегистрированных и как отдельные члены, и как участники входящих в состав организаций, поэтому реальная численность партии не превышала 445 000 человек в соответствии с внутренним меморандумом от сентября 1918 г. Кроме того, Класс и пангерманисты были быстро отодвинуты в сторону, поскольку руководство посчитало, что сотрудничество с ними может отпугнуть потенциальных сторонников с менее экстремальными политическими взглядами. Народная партия встретила огромное сопротивление со стороны либералов, а также была под большим подозрением у правительства, которое запрещало вступать в нее офицерам и солдатам и рекомендовало госслужащим никоим образом не помогать ей. Стремление партии призвать под свои знамена рабочий класс раздражало как социал-демократов, направивших яростный поток критики на ее вызывавшую рознь идеологию, так и раненных на войне солдат, присутствие которых (по приглашению) на собрании Народной партии в Берлине в январе 1918 г. закончилось обменом гневными репликами между ними и выступавшими, после чего ярые патриоты в аудитории выкинули приглашенных гостей из зала, и пришлось вызывать полицию, чтобы остановить драку.

Все это указывало на тот факт, что Народная партия в конечном счете была еще одной версией прежних ультранационалистических движений и находилась под еще большим влиянием видных представителей среднего класса. Она не сделала ничего нового, чтобы завоевать поддержку рабочего класса, в ней не было рабочих ораторов, и весь ее демагогический пафос был далек от народа. Она твердо держалась в рамках серьезной политики, избегала насилия и больше, чем кто-либо еще, продемонстрировала банкротство прежних пангерманских политических амбиций, которое еще раз подтвердилось, когда Пангерманский союз оказался не в состоянии выжить в новой политической ситуации в послевоенной Германии и позже исчез в числе прочих мелких политических сект.

III

Экстремальное националистическое мировоззрение преобразовала не сама война, а опыт поражения, революция и вооруженный конфликт в конце войны. Важную роль здесь играл миф о «фронтовом поколении» солдат 1914–18 гг., объединенных духом товарищества и самопожертвования, сплотившихся ради героической цели, стоящих выше всех политических, региональных, социальных и религиозных различий. Писатели вроде Эрнста Юнгера, чья книга «В стальных грозах» стала бестселлером, славили военного человека и способствовали быстрому распространению ностальгии по тому чувству единства, которым были охвачены все в военные годы¹³⁸. Этот миф был особенно дорог людям, принадлежащим к среднему классу, для которых трудности и невзгоды, которые они делили с рабочими и крестьянами в окопах во время войны, давали материал для ностальгических литературных произведений в послевоенные годы¹³⁹. Многие солдаты резко осудили революцию 1918 г. Войска, возвращавшиеся с фронта, иногда разоружали и арестовывали рабочих и солдатские советы в районах, через которые они проходили. Некоторые солдаты обращались к радикальному национализму, когда по возвращении революционеры выливали на них поток

оскорблений вместо рукоплесканий, заставляли срывать погоны и отказываться от верности черно-бело-красному имперскому флагу. Один такой ветеран позднее вспоминал:

15 ноября 1918 г. я ехал из госпиталя в Бад-Наухайме в свой гарнизон в Бранденбурге. Когда я со своим костылем ковылял к Потсдамскому вокзалу в Берлине, меня остановила группа людей в униформе и красных повязках на руках, которые потребовали, чтобы я отдал им свои погоны и ордена. В ответ я замахнулся на них своей палкой, но мое сопротивление было быстро подавлено. Меня повалили на землю, и только вмешательство сотрудников вокзала выручило меня в этой унизи­тельной ситуации. С этого момента во мне всегда горела ненависть к этим ноябрьским преступникам. Как только я поправился, я присоединился к движению, стремившемуся подавить восстание¹⁴¹.

Других солдат ждало «позорное» и «унизительное» возвращение домой в Германию, где идеи, за которые они сражались, оказались поруганными. «За это ли, — спрашивал один из них позднее, — молодые немецкие парни погибали в сотнях битв?»¹⁴² Другой ветеран, потерявший ногу в бою и находившийся в военном госпитале 9 ноября 1918 г., говорил:

Я никогда не забуду эту сцену, когда товарищ без руки вошел в палату и бросился на кровать в слезах. Красная толпа, никогда не нюхавшая поро­ху, напала на него и сорвала ордена и медали. Мы кричали от ярости. И ради такой Германии мы проливали свою кровь, переносили все муки ада и сражались с врагами многие годы¹⁴³.

«Кто предал нас? — спрашивал другой и тут же отвечал: — Бан­диты, которые хотели оставить от Германии руины, дьявольские чужеродцы»¹⁴⁴.

Таким настроениям были подвержены не все войска, а опыт поражения не превратил всех ветеранов в политическое пушечное мясо для правых экстремистов. Многие солдаты дезертировали в конце войны, столкнувшись с превосходящими силами союзных войск, и не имели никакого желания продолжать вое-

вать¹⁴⁵. Миллионы солдат из рабочего класса снова примкнули к социал-демократическим кругам или стали симпатизировать коммунистам¹⁴⁶. Некоторые группы давления ветеранов твердо стояли на том, что никогда бы не пожелали для себя или кого-либо другого снова испытать то, что они испытали в 1914–18 гг. Тем не менее бывшие солдаты и их возмущение сыграли важную роль в сгущении атмосферы насилия и недовольства после войны, а шок от необходимости привыкать к условиям мирного времени многих из них подтолкнул к крайне правым. Те, кто уже придерживался консервативных или националистических взглядов в политике, в новом политическом контексте 1920-х пересмотрели свое отношение в пользу более радикальных взглядов. Точно так же появившаяся у левых готовность к применению насилия была обусловлена опытом войны, своим или чужим¹⁴⁷. Чем больше времени проходило с окончания войны, тем больше миф о «фронтовом поколении» порождал уверенность в том, что ветераны, столь многим пожертвовавшие ради страны во время войны, заслуживали лучшего обращения, чем теперь. И это убеждение разделяли многие из самих ветеранов¹⁴⁸.

Самая влиятельная ветеранская организация полностью разделяла эти чувства и решительно выступала за реанимацию старой имперской системы, под знаменами которой сражались ее участники. Известная как «Стальной шлем, союз фронтовиков», она была основана 13 ноября 1918 г. Францем Зельдте, владельцем небольшого лимонадного завода в Магдебурге. Родившийся в 1882 г., Зельдте был активным членом студенческих дуэльных обществ, позже он воевал на западном фронте, где получил медаль за храбрость. На одном из ранних собраний, когда люди в аудитории поставили под сомнение его приверженность националистической идее, Зельдте демонстративно помахал перед ними култей левой руки, которую потерял в битве на Сомме. Инстинктивно осторожный и консервативный, он предпочитал ставить акцент на том, что основной функцией «Стального шлема» была финансовая поддержка старых солдат, переживающих трудные времена. Он быстро попал под влияние более сильных личностей, особенно тех, чьи принципы были более твердыми, чем его собственные. Одной из таких личностей был его товарищ,

руководитель «Стального шлема» Теодор Дюстерберг, еще один бывший офицер, сражавшийся на западном фронте до перевода на штабную работу, заключавшуюся, в частности, в поддержании контактов с союзными странами, Турцией и Венгрией. Дюстерберг родился в 1875 г., получил образование в военной кадетской школе и был прусским офицером классического образца, одержимым дисциплиной и порядком, негибким и негибким в своих политических убеждениях и, как Зельдте, полностью неспособным принять мир без кайзера. Поэтому они оба считали, что «Стальной шлем» должен быть «выше политики». Но на практике это означало, что они хотели прекратить партийное разделение и восстановить патриотический дух 1914 г. В Берлинском манифесте организации от 1927 г. заявлялось: «"Стальной шлем" объявляет войну мягкотелости и трусости, которые ослабляют и разрушают представление о чести немецкого народа, отрицая право на защиту и волю защищаться». В манифесте денонсировался Версальский мирный договор, выдвигалось требование восстановить черно-бело-красный национальный флаг бисмарковского рейха, а экономические проблемы Германии приписывались «недостатку жизненного пространства и территорий, на которых можно работать». Для реализации этой программы требовалось сильное руководство. Дух товарищества, рожденный в войне, должен был стать основой для национального единства, которое позволило бы преодолеть существующие партийные разногласия. В середине 1920-х стальные шлемы с гордостью заявляли, что их численность достигает 300 000 человек. На улицах во время своих маршей и съездов члены организации являли собой грозную и явно милитаристскую силу. В 1927 г., действительно, не меньше 132 000 человек в военной форме приняли участие в берлинском марше с целью продемонстрировать свою лояльность старому порядку¹⁴⁹.

Для большинства немцев, как и для стальных шлемов, травма Первой мировой войны и особенно шок от неожиданного поражения оказались неизлечимы. Когда немцы говорили о «мирном времени» после 1918 г., подразумевался не тот период, в котором они фактически жили, а период до начала Великой войны. Германии не удалось осуществить переход от войны к миру после

1918 г. Вместо этого она осталась в состоянии войны с самой собой и с остальным миром, так как, пережив шок от Версальского мирного договора, политические организации самого разного толка были полны мрачной решимости отменить его основные положения, восстановить потерянные территории, перестать выплачивать репарации и снова возродить Германию в роли государства, доминирующего в Центральной Европе¹⁵⁰. До 1914 г. в немецком обществе и культуре были широко распространены милитаристические модели поведения, однако после войны они стали повсеместными. Язык политики был наполнен военными метафорами, любая другая партия была врагом, подлежащим уничтожению, а борьба, террор и насилие стали широко применяться в качестве легитимных средств в политической борьбе. Повсюду были униформы. Переиначивая известное изречение военного теоретика начала XIX века Карла фон Клаузевица, политика стала войной, осуществляемой другими средствами¹⁵¹.

Первая мировая война узаконила применение силы даже в большей степени, чем объединительные войны Бисмарка в 1864–70 гг. До войны немцы, даже имея противоположные политические убеждения, могли обсуждать их без обращения к силе¹⁵². Однако после 1918 г. все стало совершенно по-другому. Изменение климата уже можно было наблюдать на парламентских заседаниях. Они оставались относительно благопристойными во время империи, однако после 1918 г. слишком часто оборачивались перебранкой, каждая сторона демонстрировала открытое презрение к другой, а председатель не мог поддерживать порядок. Тем не менее ситуация была гораздо хуже на улицах, где противоборствующие стороны организовали вооруженные отряды головорезов, драки стали обыденным явлением, избиения и убийства тоже не были редкостью. Среди осуществлявших такие акты насилия были не только бывшие солдаты, но и подростки, и молодежь до тридцати лет — люди, которые были слишком молоды, чтобы самим участвовать в войне, и для которых насилие стало способом подтвердить свое право голоса перед лицом мифа о старом поколении фронтовых солдат¹⁵³. Типичным был опыт молодого Раймунда Претцеля, сына обеспеченного крупного госслужащего. Годы спустя Претцель вспоминал, что между 1914

и 1918 годом они со своими школьными друзьями постоянно играли в военные игры, с жадным интересом следили за репортажами с полей сражений и вместе со всем своим поколением «воспринимали войну как великую, захватывающую и увлекательную игру между странами, которая доставляла гораздо больше удовольствия и морального удовлетворения, чем что-либо, что можно было предложить в мирное время, и это, — добавлял он в 1930-х гг., — стало фундаментом нацизма»¹⁵⁴. Война, военные конфликты, насилие и смерть для них часто были лишь абстрактными понятиями, которые пропаганда представляла как героические, необходимые и патриотические деяния¹⁵⁵.

В скором времени политические партии стали сотрудничать с вооруженными отрядами в униформе, военизированными группами, которые были нужны, чтобы обеспечивать порядок на собраниях, производить впечатление на публику во время военизированных маршей по улицам, а также запугивать, избивать и при случае убивать членов групп, относящихся к другим политическим партиям. Отношения между политиками и отрядами часто были очень напряженными, и последние всегда сохраняли относительную автономность, однако, как правило, их политическая ориентация была вполне очевидна. «Стальной шлем», представлявший собой якобы исключительно ассоциацию ветеранов, не оставлял сомнений относительно своих полувоенных функций, когда его участники проходили парадом по улицам или участвовали в потасовках с противоборствующими группами. Связи «Стального шлема» с крайне правыми стали намного теснее с середины 1920-х, когда руководители организации заняли более радикальную позицию, запретили членство для евреев, несмотря на то что изначально предполагалось, что организация будет открытой для всех бывших солдат, и среди них было достаточно еврейских ветеранов, нуждавшихся в поддержке так же, как и остальные. Кроме того, националисты основали собственные «бойцовые лиги», которые они могли с меньшими усилиями склонить на свою сторону, чем запутавшихся и разобщенных стальных шлемов. В 1924 г. социал-демократы сыграли основную роль в учреждении государственно-го черно-красно-желтого флага. Они выразили свою лояльность

республике, включив в свою эмблему цвета ее флага, хотя поддерживали и гораздо более противоречивую концепцию рейха. А коммунисты учредили Союз бойцов красного фронта, причем сам термин «красный фронт» стал красноречивым включением военной метафоры в политическую борьбу¹⁵⁶. На крайне правом краю находились другие, не столь крупные «боевые союзы», сливавшиеся с незаконными, заговорщическими группами, такими как Организация Эшериха, тесно связанная со «Стальным шлемом», и Организация «Консул», которая принадлежала к мрачному миру политических убийств и ликвидаций. Отряды людей в униформах, марширующих по улицам и вступающих в жестокие схватки между собой, стали обычным явлением в Веймарской республике, дополняя атмосферу насилия и агрессии в политической жизни¹⁵⁷.

Немецкая революция 1918—19 гг. не разрешила противоречий, бурливших в стране на последнем этапе войны. Немногие были полностью удовлетворены результатами революции. На крайне левом фланге революционеры под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург усматривали в событиях ноября 1918 г. возможность создания социалистического государства с правительством рабочих и солдатских советов, которые быстро возникали по всей стране, после того как развалилась старая имперская система. Имея перед глазами модель ленинской большевистской революции в России, они активно разрабатывали планы второй революции для завершения своей работы. В свою очередь основная часть социал-демократов боялась, что революционеры могут установить что-то вроде «красного террора», который свирепствовал в то время в России. Опасаясь за свои жизни и осознавая необходимость не допустить сползания страны в полную анархию, они санкционировали формирование хорошо вооруженных военизированных отрядов, состоявших из ветеранов и молодежи и известных под названием добровольческих корпусов (Freikorps), которые должны были подавить любые дальнейшие революционные восстания.

В первые месяцы 1919 г., когда крайне левые подняли плохо организованное восстание в Берлине, добровольческие корпуса, подстрекаемые большинством социал-демократов, отреагировали

с беспрецедентной жестокостью. Либкнехт и Люксембург были убиты, революционеры погибли или были казнены в нескольких немецких городах, где они захватили управление или, казалось, представляли угрозу. Эти события породили неизгладимую боль и ненависть на левом фланге политического фронта, которые только усилились в результате другого масштабного проявления политического насилия весной 1920 г. Красная армия рабочих, изначально созданная левыми социал-демократами и коммунистами для защиты гражданских свобод в промышленной области Рур после попытки правого переворота в Берлине, стала выдвигать более радикальные политические требования. После того как попытка переворота была подавлена в ходе всеобщей забастовки, Красная армия была разбита частями добровольческих корпусов, поддержанными большинством социал-демократов и регулярной армией, что в результате вылилось в региональную гражданскую войну. Более тысячи солдат Красной армии были жестоко убиты, большинство из них были заключенными, «застреленными при попытке к бегству»¹⁵⁸.

Эти события обрекли любые попытки сотрудничества между социал-демократами и коммунистами на неудачу с самого начала. Взаимный страх, взаимные обвинения и ненависть между двумя партиями намного перевешивали любые возможные преимущества, которые могло бы обеспечить объединение усилий. Наследие революции 1918 г. было не менее зловещим и для правых. Крайняя жестокость по отношению к левым если не поощрялась, то была узаконена умеренными социал-демократами, но это никоим образом не исключало того, что мишенью могли стать и они сами, поскольку добровольческие бригады теперь принялись за их руководителей. Многие лидеры добровольческих бригад в прошлом были армейскими офицерами, чья вера в «удар в спину» была непоколебима. Глубина ненависти добровольческих бригад к революции и ее сторонникам была практически безграничной. Язык их пропаганды, мемуаров, художественных описаний военных действий, в которых они принимали участие, был пропитан яростной агрессией и стремлением к мести, которое часто граничило с патологией. Они считали «красных» массой не-людей, вроде стаи

крыс, ядовитым наводнением, захлестнувшим Германию, которое требовало крайне жестоких мер для удержания ситуации под контролем¹⁵⁹.

Их чувства в той или иной мере разделяли многие офицеры регулярной армии, а также подавляющее большинство правых политиков. Огромные массы молодых студентов и других, не участвовавших в войне, теперь объединялись под их знаменем. Для этих людей социалисты и демократы любого толка были не лучше предателей — «ноябрьские преступники» или «ноябрьские предатели», как их начали вскоре называть, люди, которые сначала ударили армии в спину, а потом в ноябре 1918 г. совершили повторное преступление, свергнув кайзера и подписав перемирие. Действительно, для некоторых политиков-демократов подписание Версальского мирного договора было равнозначно подписанию своего смертного приговора, поскольку добровольческие корпуса сформировали тайные отряды ликвидации для поиска и уничтожения тех, кого они считали предателями нации, включая демократа Вальтера Ратенау, лидера социалистов Гуго Гаазе и выдающегося депутата центристской партии Маттиаса Эрцбергера¹⁶⁰. Политическое насилие достигло новых высот в 1923 г., в год, отмеченный не только кровавым подавлением неудачного коммунистического восстания в Гамбурге, но и боями с применением огнестрельного оружия между противоборствующими политическими группировками в Мюнхене и вооруженными столкновениями с участием поддерживаемых французами сепаратистов в долине Рейна. В начале 1920-х гг. придерживавшиеся крайне левых взглядов Карл Платнер и Макс Хольц провели кампании вооруженного грабежа и «экспроприации», которые завершились только после того, как они были арестованы и приговорены к длительным срокам тюремного заключения¹⁶¹.

Именно в этой атмосфере национального страдания, политического экстремизма, жестоких конфликтов и революционных потрясений родился нацизм. Большинство элементов, вошедших в его эклектичную идеологию, уже существовали в Германии до 1914 г. и стали еще более знакомыми публике во время войны. Драматическое сползание Германии в политический хаос в конце 1918 г. — хаос, продолжавшийся несколько лет после войны, —

стало стимулом для конвертации экстремальных идей в реальное насилие. К крепкой смеси ненависти, страха и амбиций, отравившей небольшое число пангерманских экстремистов, неожиданно добавился ключевой дополнительный элемент: готовность и решимость использовать физическую силу. Национальное унижение, крах империи Бисмарка, триумф социал-демократии, угроза коммунизма — все это, казалось, оправдывало в глазах некоторых людей убийства и использование силы для реализации мер, которые начиная с конца прошлого века пангерманисты, антисемиты, евгеники и ультранационалисты предлагали как средство возрождения немецкой нации.

Однако такие идеи все еще оставались уделом меньшинства даже после 1918 г., а физическую силу для их реализации применяло лишь небольшое число экстремистов-маргиналов. Немецкое общество и политика разделились на полярно противоположные группы после краха 1918—19 гг., однако для них не было характерно общее стремление к экстремальному национализму. Очень важно, что центральную часть политического диапазона все еще занимали люди и партии, стремившиеся создать стабильную, действенную парламентскую демократию, провести социальные реформы, утвердить культурную свободу и равные экономические возможности для всех. Крах империи Вильгельма стал их шансом, за который они с готовностью ухватились. Перед тем как ультранационализм смог пробиться в политический мейнстрим, ему предстояло сломать барьеры, установленные первой демократией в Германии, Веймарской республикой.

ГЛАВА 2

КРУШЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Уязвимость Веймара

I

В конце Первой мировой войны в Германии правили страх и ненависть. Перестрелки, убийства, бунты, побоища и гражданские волнения делали невозможной стабильность, в которой смогла бы расцвести демократия. И все же кто-то должен был принять бразды правления после отречения кайзера от престола и краха рейха, созданного Бисмарком. Социал-демократы переживали раскол. В рабочем движении в смутное время начала ноября 1918 г. выделилась группа лидеров, которая образовала революционный Совет народных делегатов. Совет работал под руководством Фридриха Эберта, давнего партийного функционера социал-демократической партии, и по крайней мере на короткое время объединил два крыла движения социал-демократов: большинство, поддерживавшее войну, и независимые социал-демократы, осуждавшие ее. Эберт родился в 1871 г. в семье портного, стал шорником и вошел в политику благодаря своему положению в профсоюзе. Он работал в редакции социал-демократической газеты в Бремене, потом в 1893 г. открыл пивную, где, как и во множестве других подобных заведений, проводились собрания местных рабочих организаций. В 1900 г. он активно участвовал в муниципальной политике Бремена и в роли лидера местных социал-демократов сделал многое для повышения эффективности работы партии. В 1905 г. он был избран секретарем Центрального национального комитета партии в Берлине, а в 1912 г. был избран в рейхстаг.

Эберт завоевал уважение в своей партии не как великий оратор или харизматический лидер, а как спокойный, терпеливый и искусный переговорщик, которому, казалось, всегда удавалось привести разные фракции рабочего движения к единому мнению. Он был типичным прагматиком второго поколения лидеров социал-демократов, принимавшим марксистскую идеологию

партии, но концентрировавшим свои усилия на постепенном улучшении жизни рабочего класса за счет своего опыта в таких областях, как трудовое законодательство и социальное страхование. Именно благодаря его упорной работе изменилась структура партии и повысилась эффективность партийного управления и избирательного механизма до войны, ему же принадлежат огромные заслуги в знаменитой победе партии на выборах в рейхстаг в 1911 г. После смерти давнего лидера партии Августа Бебеля в 1913 г. Эберт был избран единым лидером вместе с более радикальным Гуго Гаазе. Как и многие организаторы из числа социал-демократов, Эберт ставил верность партии выше всего остального, и его негодование из-за отказа Гаазе и других противников войны выполнять решения, принятые большинством членов партии, стало основной причиной, побудившей его поднять вопрос об их исключении. Эти диссиденты под руководством Гаазе основали Независимую социал-демократическую партию Германии в 1917 г. и развернули работу во многих направлениях, чтобы положить конец войне. Эберт верил в дисциплину и порядок, компромиссы и реформы и старался активно сотрудничать с центристской партией и левыми либералами во время войны, чтобы заставить администрацию кайзера учредить парламентскую форму правления. Его главная цель в 1918—19 гг. была обычной для рассудительного управляющего: обеспечить работу основных служб, не допустить краха экономики и восстановить закон и порядок. Он стал придерживаться мнения, что кайзер должен отречься от престола, только осознав, что в противном случае неизбежна социальная революция. Как-то в разговоре с последним канцлером кайзера, принцем Максом Баденским, он говорил: «Я этого не хочу, я считаю это настоящим грехом»¹.

Вместо революции Эберт хотел парламентской демократии. При сотрудничестве с центристской партией и левыми либералами, теперь переименованными в демократов, Эберт со своими сторонниками в Совете народных делегатов организовал национальные выборы в Учредительное собрание в начале 1919 г., несмотря на оппозицию более радикальных сил, которые хотели, чтобы основу нового порядка составили рабочие и солдатские советы. Многие рядовые избиратели в Германии, независимо от

своих политических взглядов, считали, что голосование за три демократические партии является лучшим способом не допустить создания Советской Германии и отвести угрозу большевистской революции. Поэтому неудивительно, что социал-демократы, леволиберальные демократы и центристская партия получили общее большинство на выборах в Учредительное собрание. Оно собралось в начале 1919 г. в немецком городе Веймаре, который давно ассоциировался с жизнью и творчеством немецкого поэта, писателя и драматурга XVIII — начала XIX века Иоганна Вольфганга фон Гёте². Конституция, принятая Собранием 31 июля 1919 г., в целом представляя собой переработанную версию конституции, учрежденной Бисмарком для его нового рейха почти полвека назад³. Вместо кайзера появился рейхспрезидент, избираемый народным голосованием, как президент в США. Это не только давало ему право принимать законодательные решения, но и предоставляло широкие чрезвычайные полномочия, определенные в статье 48. В сложные периоды он мог править на основе чрезвычайных полномочий и использовать армию для восстановления порядка в любой области, входящей в федерацию, если считал, что ей угрожала опасность.

Предполагалось, что право действовать на основе чрезвычайных полномочий должно использоваться только в исключительных обстоятельствах. Однако Эберт в роли первого президента республики использовал это право очень вольно и применял его не меньше чем в 136 отдельных случаях. Он отправил в отставку законно избранные правительства в Саксонии и Тюрингии, когда их деятельность, по его мнению, начала провоцировать беспорядки. Еще более опасным было то, что во время гражданской войны в Руре в 1920 г. он задним числом издал декрет, определявший смертную казнь за нарушения общественного порядка, узаконив таким образом множество казней членов Красной армии, уже проведенных отрядами добровольческих корпусов и регулярной армией⁴. Важно было, что в обоих случаях данные права использовались для устранения угрозы со стороны левых и практически не применялись против правых, которые, по мнению многих, представляли собой гораздо большую угрозу. Фактически не существовало надежных механизмов,

препятствовавших злоупотреблению статьей 48, поскольку президент мог угрожать своим правом, закрепленным за ним в статье 25, распустить рейхстаг, если тот отклонит его решение. Более того, вынесение очередного постановления можно было представить как свершившийся факт. Можно было создать ситуацию, в которой рейхстагу ничего не оставалось, кроме как одобрить эти постановления (например, хотя таких попыток и не предпринималось, их можно было использовать для запугивания и подавления оппозиции правящей партии). В некоторых обстоятельствах, разумеется, практически не было альтернатив чрезвычайному управлению. Однако статья 48 не включала положений, определяющих окончательное восстановление власти законодательных органов в таких случаях, и Эберт использовал ее не только в чрезвычайных ситуациях, но и тогда, когда проведение определенных законов через рейхстаг было бы слишком затруднительным. В конечном счете чрезмерное, а порой необоснованное использование этой статьи Эбертом расширило ее действие до такой степени, что она представляла угрозу демократическим институтам⁵.

Вклад Эберта в становлении Веймарской республики был неоспоримым. Вместе с тем он принял много необдуманных компромиссных решений, последствия которых долго преследовали республику в последующие годы. Стремление к плавному переходу от войны к миру заставило его тесно сотрудничать с армией. Взамен он не требовал каких-либо изменений в ее глубоко монархическом и ультраконсервативном офицерском корпусе, хотя, конечно, мог бы это сделать в 1918—19 гг. Вместе с тем готовность Эберта идти на компромиссы со старым режимом ничем не могла помочь его сближению с теми, кто сожалел о его гибели. Все годы своего президентства он был объектом безжалостного поношения в правой прессе. Для тех, кто считал, что глава государства должен обладать отстраненным, олимпийским достоинством, далеким от обыденности повседневной жизни, широко растиражированная в газетах фотография приземистого и толстого рейхспрезидента на берегу моря во время отпуска с парой друзей, одетых только в купальные трусы, была насмешкой и оскорблением. Другие противники в скандальной правой

прессе пытались дискредитировать его, связывая его имя с финансовыми скандалами. Эберт, возможно необдуманно, реагировал на это, возбудив не меньше 173 дел о клевете, причем ни разу не получил удовлетворения в суде⁶. На слушании уголовного дела в 1914 г., где он пытался призвать к ответственности человека, назвавшего его предателем родины, суд обязал обвиняемого выплатить номинальную сумму в 10 марок, поскольку по решению суда Эберт действительно показал себя предателем, так как в последний год войны поддерживал контакты с бастующими мятежными рабочими в Берлине (хотя на самом деле он делал это, чтобы добиться быстрого и согласованного окончания забастовки)⁷. Непрекращающийся поток ненависти, обрушивавшейся на Эберта со стороны правых экстремистов, имел своим результатом не только подрыв его политического статуса, но и личную усталость, как моральную, так и физическую. Одержимый желанием очистить свое имя от этих обвинений, Эберт не обратил внимания на воспаление аппендикса, с которым медицина того времени легко могла справиться, в результате чего умер в возрасте 54 лет 28 февраля 1915 г.⁸

Последовавшие за этим выборы на пост президента стали катастрофой для демократических сил Веймарской республики. Давали о себе знать губительное влияние политической раздробленности Веймара и недостаток легитимности, поскольку, когда в первом раунде ни один из кандидатов не смог получить победное число голосов, правые привлекли на свою сторону не сильно хотевшего этого фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, который стал объединяющей фигурой для их разобщенных сторонников. В последующем туре выборов, если бы коммунисты или автономное баварское крыло центристской партии проголосовали за самого популярного оппонента Гинденбурга, католического политика Вильгельма Маркса, то фельдмаршал бы проиграл. Но благодаря самолюбию баварцев тот победил чистым большинством. Типичный представитель старого военного и имперского порядка, Гинденбург был дородным, импозантным мужчиной, чей величавый внешний вид, военная форма, медали и легендарная (и в значительной степени незаслуженная) репутация победителя в великом сражении при Танненберге сделали его очень

почитаемым номинальным главой государства, особенно для правых. Избрание Гинденбурга приветствовалось правыми силами как символ возрождения. «12 мая, — писал в своем дневнике консервативный профессор Виктор Клемперер (встревоженный и несочувствующий наблюдатель), — когда Гинденбург приносил присягу, везде были черно-бело-красные флаги. Флаг рейха висел только на государственных зданиях». Восемь из десяти имперских флагов, которые заметил тогда Клемперер, были, по его словам, маленькими флажками, которые обычно дают детям⁹. Для многих избрание Гинденбурга стало большим шагом прочь от веймарской демократии в направлении возрождения старого монархического порядка. Вскоре повсеместно распространился слух, что Гинденбург посчитал необходимым перед вступлением в должность президента заручиться разрешением бывшего кайзера Вильгельма, находящегося в изгнании в Голландии. Это была ложь, однако распространение этого мифа очень многое говорило о репутации Гинденбурга¹⁰.

Заняв пост, Гинденбург, под влиянием глубокого чувства долга и к большому удивлению многих, придерживался буквы закона. Но когда его семилетний срок президентства подошел к концу и он разменял свой девятый десяток, его стала еще больше раздражать сложность политических событий и он стал еще более подвержен влиянию своих советников, которые разделяли его инстинктивное убеждение в том, что единственной легитимной высшей властью в Германской рейхе является монархия. Убежденный примером своего предшественника в правильности использования чрезвычайных президентских полномочий, Гинденбург начал чувствовать, что консервативная диктатура от его имени была единственным способом выбраться из кризиса, в который погрузилась республика в начале 1930-х. Поэтому, как бы ни способствовало избрание Гинденбурга примирению противников республики с ее существованием в краткосрочной перспективе, в более широком контексте оно стало очевидной катастрофой для веймарской демократии. Не позже чем в 1930 г. стало ясно, что президентская власть оказалась в руках человека, не верившего в демократические институты и не имевшего намерения защищать их от врагов¹¹.

II

Помимо института рейхспрезидентства Веймарская конституция учреждала национальный законодательный орган, который, как и раньше, назывался рейхстагом, но теперь в парламентских выборах наряду со всеми взрослыми мужчинами принимали участие и все взрослые женщины, при этом действовала система более непосредственного пропорционального представительства, чем до 1918 г. Избиратели голосовали за свою партию, и каждая партия получала число мест в рейхстаге в точном пропорциональном соответствии с количеством голосов, полученных на выборах. Таким образом, партия, получившая 30 % голосов, получала 30 % мест, и, что вызывало большую обеспокоенность, партия, получавшая 1 % голосов, имела 1 % мест. Часто говорилось, что такая система способствовала возникновению мелких партий и маргинальных групп, и это было абсолютной правдой. Вместе с тем маргинальные партии никогда вместе не получали больше 15 % голосов, поэтому на практике крупным партиям редко приходилось обращать на них внимание при формировании правительства. Пропорциональное представительство играло свою роль в уравнивании шансов крупных партий в борьбе за голоса, поэтому если бы действовала избирательная система, основанная на простом большинстве, то более крупные партии имели бы преимущество и было бы возможно создание более стабильных коалиционных правительств с меньшим числом участников, что, по всей видимости, убеждало большее число людей в преимуществах парламентаризма¹².

Изменения в правительстве Веймарской республики были очень частыми. Между 13 февраля 1919 г. и 30 января 1933 г. работало не меньше двадцати разных кабинетов, каждый из которых в среднем существовал 239 дней, или немногим меньше восьми месяцев. Как иногда говорили, коалиционность приводила к неустойчивости правительства, поскольку разные партии постоянно грызлись друг с другом — по причинам как личного, так и политического характера. Кроме того, коалиционность делала правительство слабым, так как удавалось договориться лишь о принятии самых невнятных и половинчатых решений, которые могли

устроить всех участников. Тем не менее коалиционное правительство в Веймарской республике не было просто продуктом пропорционального представительства. Оно возникло в результате длительного и глубокого раскола немецкой политической системы. Все партии, доминировавшие во время империи, выжили и в Веймарской республике. Националистическая партия сформировалась в результате слияния старой консервативной партии с другими, более мелкими группами. Либералам не удалось преодолеть свои различия, они остались разделенными на левых (демократов) и правых (Народная партия). Центристская партия осталась более или менее без изменений, хотя ее баварское крыло отделилось и образовало Баварскую народную партию. Слева социал-демократы столкнулись с новым соперником в лице коммунистической партии. Но ни одна из этих групп не появилась исключительно или главным образом благодаря пропорциональному представительству. Политическая среда, из которой возникли эти партии, существовала начиная с первых дней империи Бисмарка¹³.

Эта среда, со всеми партийными газетами, клубами и обществами, была необычайно жесткой и однородной. Еще до 1914 г. это привело к политизации целых областей жизни, которые в других обществах были гораздо свободнее от идеологических привязок. Таким образом, если обычный немец хотел вступить, например, в хор, он должен был в одних регионах выбирать между католическим и протестантским хором, в других — между социалистическим и националистическим хором, то же касалось гимнастических, велосипедных, футбольных клубов и остального. Член социал-демократической партии до войны мог практически всю свою жизнь провести в окружении своей партии и ее организаций: он мог читать социал-демократическую газету, ходить в социал-демократическую пивную или бар, быть членом социал-демократического профсоюза, брать книги в социал-демократической библиотеке, ходить на социал-демократические праздники и спектакли, жениться на женщине, состоящей в женской социал-демократической организации, отдать своих детей в социал-демократическое молодежное движение и быть похороненным на средства социал-демократического похоронного фонда¹⁴. То же можно было сказать и о центристской партии (ко-

торая могла полагаться на массовую организацию сторонников в Народной ассоциации за католическую Германию, Движении католических профсоюзов и католических клубов и обществ досуга всех видов), и в определенной степени о других партиях¹⁵. Эта строго определенная культурно-политическая среда не исчезла с рождением Веймарской республики¹⁶. Однако появление платных способов проведения досуга, бульварной прессы, охочей до скандалов и сенсаций, кино, дешевых романов, танцевальных площадок и самых разных развлекательных мероприятий в 1920-х предоставило молодежи альтернативные возможности самореализации. Таким образом, их связь с политическими партиями стала гораздо менее тесной, чем у их родителей¹⁷. Старшее поколение политических активистов было слишком привязано к определенной политической идеологии, чтобы с легкостью идти на компромиссы и сотрудничать с другими политиками и их партиями. В отличие от ситуации, сложившейся после 1945 г., объединения основных политических партий в более крупные и эффективные блоки не произошло¹⁸. Политическая нестабильность в 1920-е и начале 1930-х была в большей степени вызвана продолжением политики эры Бисмарка и Вильгельма, а не нововведениями Веймарской конституции¹⁹.

Пропорциональное представительство не стимулировало, как утверждали некоторые, возникновение политической анархии и возвышение правых экстремистов. Избирательная система, основанная на принципе простого большинства, где кандидат, получивший больше голосов в избирательном округе, автоматически получал место, вполне могла дать нацистской партии даже больше мест, чем она получила на последних выборах в Веймарской республике, хотя утверждать это наверняка нельзя, поскольку тактика партии в избирательной кампании при такой системе была бы другой, а ее спорные преимущества на ранних этапах существования республики впоследствии могли привести к сокращению общего числа голосов нацистов²⁰. Точно так же часто преувеличивалось дестабилизирующее влияние конституционных положений о референдумах и плебисцитах. Другие политические системы прекрасно существовали с подобными положениями, и в любом случае фактическое число проведенных

плебисцитов было очень невелико. Связанные с ними агитационные кампании, конечно, помогали поддерживать накаленную политическую атмосферу республики. Однако национальные плебисциты имели незначительное непосредственное политическое влияние, несмотря на то что один такой провинциальный плебисцит по вопросу отставки демократического правительства в Ольденбурге в 1932 г. увенчался успехом²¹.

В любом случае государственная нестабильность Веймара часто преувеличивалась, поскольку частые смены правительства скрывали длительные преемственные связи в отдельных министерствах. Некоторые посты, в особенности в министерстве юстиции, часто использовались в качестве разменной монеты в межпартийных переговорах внутри коалиции, на них побывало множество разных министров, что, без сомнения, давало большую, чем обычно, власть в руки высших госслужащих, занимавших свои должности постоянно, хотя их свобода действий ограничивалась за счет передачи многих функций законодательной власти федеративным землям. Но были и другие посты, которые закреплялись за конкретными политическими фигурами, невзирая на все превратности коалиционного строительства, что упрощало проведение сильной и решительной политики. Например, Густав Штресеман, один из лидеров Народной партии, бессменно занимал должность министра иностранных дел в девяти администрациях и оставался на посту в течение шести лет. Генрих Браунс, депутат центристской партии, был министром труда в двенадцати правительствах с июня 1920 г. по июнь 1928 г. Демократ Отто Геслер был военным министром в тринадцати правительствах с марта 1920 г. по январь 1928 г. Такие министры могли разрабатывать и осуществлять долговременные программы независимо от частых смен руководства в правительствах, в которых они работали. Другие министерства также находились под руководством одних и тех же политиков в течение достаточно долгого времени, за которое успевали смениться два, три или четыре разных правительства²². Поэтому не случайно наиболее четкие и последовательные программы развития в республике были разработаны в первую очередь в таких областях, как международные отношения, трудовая политика и социальное обеспечение.

Способность правительства рейха действовать жестко и решительно, однако, всегда подрывалась другим положением конституции, а именно положением о сохранении федеральной структуры, которое ввел Бисмарк в 1871 г. в утешение таким немецким принцам, как король Баварский и великий герцог Баденский, разочарованным объединением Германии. Принцы были бесцеремонно свергнуты революцией 1918 г., однако их земли остались. Теперь в них действовали демократические парламентские институты, но они в значительной мере сохранили автономность в ключевых вопросах местной политики. Некоторые из земель, такие как Бавария, обладали собственной историей, насчитывавшей много веков, и поэтому они считали себя вправе не признавать правительственные программы рейха, если те им не нравились. С другой стороны, прямое налогообложение теперь находилось в руках правительства рейха, и многие мелкие земли оказались в зависимости от берлинских дотаций, если попадали в сложное финансовое положение. Попытки выйти из состава рейха могли показаться опасными, в особенности в первые беспокойные годы республики, однако в реальности они никогда не были достаточно основательными, чтобы принимать их всерьез²³. Более сложные проблемы могли быть вызваны трениями между Пруссией и рейхом, поскольку Пруссия была больше, чем все остальные земли, вместе взятые, однако в 1920-х и начале 1930-х гг. ею руководили умеренные прореспубликанские правительства, которые создавали важный противовес экстремизму и нестабильности в землях вроде Баварии. Поэтому, если учесть все эти факторы, вряд ли можно считать, что федеральная система, несмотря на все неразрешенные противоречия между рейхом и округами, была основным фактором, подрывающим стабильность и легитимность Веймарской республики²⁴.

III

В целом конституция Веймарской Германии была не хуже конституций большинства других стран в 1920-х и намного более демократичной, чем многие из них. Ее наиболее проблемные по-

ложения могли оказаться не столь важными в других обстоятельствах. Но фатальный недостаток легитимности, от которой страдала республика, многократно увеличивал недостатки конституции. В новой политической системе образовалось три партии: социал-демократическая, либеральная демократическая партия и центристская партия. Получив абсолютное большинство голосов в 76,2 % в январе 1919 г., эти три партии вместе заработали всего 48 % голосов в июне 1920 г., 43 % в мае 1924 г., 49,6 % в декабре 1924 г., 49,9 % в 1928 г. и 43 % в сентябре 1930 г. Таким образом, начиная с 1920 г. они постоянно составляли меньшинство в рейхстаге, их обгоняли депутаты, поддерживавшие правых и левых врагов республики. А поддержка этими партиями Веймарской коалиции в лучшем случае была скорее теоретической, нежели практической, а в худшем — сомнительной, компрометирующей и не приносящей какой-либо политической пользы²⁵.

Социал-демократы многими считались партией, создавшей республику, и они часто сами утверждали это. Однако в том, что касалось участия в правительстве, им не особо сопутствовала удача, их представители были лишь в восьми из двадцати веймарских правительств и занимали пост рейхсканцлера только в четырех из них²⁶. Они продолжали находиться в плену идеологических принципов марксизма, все так же ожидая свержения капитализма и замены буржуазии пролетариатом в качестве правящего класса. Как бы то ни было, Германия в 1920-х, безусловно, была капиталистическим государством, поэтому неудивительно, что социал-демократы чувствовали себя неуютно, занимая лидирующие позиции в правительстве, особенно если учесть словесный радикализм их идеологии. Не привыкшие к работе в правительстве, исключенные из политической жизни за два поколения до войны, они болезненно воспринимали сотрудничество с «буржуазными» политиками. Они не могли избавиться от марксистской идеологии, не потеряв большую часть своих избирателей из рабочего класса, а с другой стороны, более радикальная политика, например формирование красноармейской милиции из рабочих как альтернативы добровольческим бригадам, безусловно, сделала бы их участие в буржуазных коалиционных правительствах невозможным и вызвала бы гнев армии.

Основную поддержку социал-демократы имели в Пруссии, которая занимала больше половины территории Веймарской республики и насчитывала 57 % ее населения. Здесь, в этом главным образом протестантском районе с такими большими городами, как Берлин, и промышленными областями вроде Рура, они контролировали правительство. Их политика состояла в том, чтобы сделать Пруссию бастионом веймарской демократии, и, хотя они проводили реформы без особого рвения и не были при этом особенно последовательными, их отлучение от власти в самом большом округе Германии стало главной задачей врагов веймарской демократии в начале 1930-х²⁷. Тем не менее в рейхе их положение было гораздо менее влиятельным. Своей силой в первые годы республики они в большой степени были обязаны поддержке избирателей из среднего класса, которые считали, что сильная социал-демократическая партия станет лучшей защитой против большевизма, осуществив быстрый переход к парламентской демократии. С ослаблением этой угрозы сокращалось и их представительство в рейхстаге — со 163 мест в 1919 г. до 102 мест в 1920 г. Несмотря на значительное восстановление позиций позднее — 153 места в 1928 г. и 143 в 1930 г., — социал-демократы навсегда потеряли примерно два с половиной миллиона голосов. После 38 % на выборах в 1919 г. они регулярно получали около 25 % до конца 1920-х и в начале 1930-х. Тем не менее они оставались очень влиятельной и хорошо организованной политической силой, которая опиралась на поддержку миллионов промышленных рабочих по всей стране. Если какая-либо партия и заслуживала именоваться оплотом демократии в Веймарской республике, то это были социал-демократы.

Вторая колонна Веймарской коалиции, Немецкая народная партия, была несколько более активным участником правительства и имела своих представителей практически во всех кабинетах в 1920-х. В конце концов, именно демократ Хуго Пройсс был главным автором сильно раскритикованной Веймарской конституции. Но хотя демократы и получили 75 мест на выборах в январе 1919 г., на следующих выборах в июне 1920 г. они потеряли 36 мест и смогли занять только 28 мест в мае 1924 г. Они стали жертвами отхода избирателей среднего класса вправо и так

и не смогли восстановить свои позиции²⁸. Их реакция на потери после выборов 1918 г. стала роковой. Под руководством Эриха Кох-Везера лидеры партии в июле 1930 г. объединились с полувоенным ответвлением Младогерманского ордена и с некоторыми отдельными политиками из других партий среднего класса и трансформировали демократов в Немецкую государственную партию. Идея была в том, чтобы создать сильный центристский блок, который бы препятствовал оттоку буржуазных избирателей к нацистам. Однако это объединение оказалось опрометчивым и препятствовало возможности присоединения к другим более крупным политическим группам среднего класса. Некоторые, в основном левые, демократы не поддержали этих изменений и ушли из партии. На правом фланге Младогерманский орден потерял поддержку многих собственных членов. Избирательные достижения улучшились — в рейхстаге после выборов в сентябре 1930 г. оказалось только 14 депутатов от новой партии. На деле слияние означало резкий уход вправо. Младогерманский орден разделял скептицизм большей части молодежного движения относительно парламентской системы, а его идеология носила явно антисемитский характер. Немецкая государственная партия продолжала поддерживать на плаву социал-демократическую коалицию в Пруссии до государственных выборов в апреле 1932 г., но ее задачей, сформулированной историком Фридрихом Мейнеке, теперь было смещение баланса политической силы от рейхстага и округов к единому и сильному правительству рейха. Сокращающееся количество сторонников толкнуло партию вправо, но единственным результатом этого стало уничтожение всего, что отличало ее от других более эффективных политических организаций, которые придерживались тех же идей. Изохронные проекты конституции, предлагаемые Немецкой государственной партией, свидетельствовали не только о нехватке политического реализма, но и о том, что партия все менее поддерживала веймарскую демократию²⁹.

Из трех партий Веймарской коалиции только центристская партия сохранила повсеместную поддержку и во время выборов собирала около пяти миллионов голосов, что соответствовало 85—90 местам в рейхстаге, включая места Баварской народной

партии. Центристская партия также составляла основу всех коалиционных правительств с июня 1919 г. до самого конца, а активная работа в области социального законодательства давала ей право с тем же успехом, что и социал-демократы, претендовать на роль главной движущей силы в становлении благополучия Веймарской республики. Будучи социально консервативной, центристская партия посвящала много времени борьбе с порнографией, контрацепцией и другими пороками современного мира, а также защите интересов католиков в системе образования. Она испытывала неизбежное влияние со стороны папской власти в Риме, и это было ее ахиллесовой пятой. Как главу католической церкви, папу Пия XI очень беспокоили успехи атеистических коммунистов и социалистов в 1920-х. Как и его нунций в Германии Эудженио Пачелли, который впоследствии стал папой Пием XII, он глубоко не доверял либерализму многих католических политиков и считал поворот к более авторитарным формам управления самым надежным методом защитить интересы церкви от возрастающей угрозы безбожных левых. Это привело к подписанию конкордата с фашистским режимом Муссолини в Италии в 1929 г., а позднее к поддержке церковью «клерикально-фашистской» диктатуры Энгельберта Дольфуса в австрийской гражданской войне 1934 г. и генерала Франко в испанской гражданской войне, начавшейся в 1936 г.³⁰

С такими настроениями, бытовавшими в Ватикане даже в 1920-х, перспективы политического католицизма в Германии были сомнительны. Они стали еще более призрачными в декабре 1918 г., когда близкий союзник папского нунция Пачелли прелат Людвиг Каас, священник, также бывший депутатом в немецком рейхстаге, был избран лидером центристской партии в качестве компромиссного кандидата в ходе борьбы между фракциями левых и правых за место ушедшего в отставку председателя Вильгельма Маркса. Однако под влиянием Пачелли Каас все больше склонялся вправо и тащил за собой многих католических политиков. Когда в 1930 и 1931 гг. в рейхе усилились беспорядки и нестабильность, Каас, теперь частый гость в Ватикане, вместе с Пачелли начал работать над конкордатом, соответствовавшим соглашению, которое церковь недавно заключила

с Муссолини. Его основной задачей в этой ситуации было обеспечение безопасности будущего существования церкви. Как и многие другие ведущие католические политики, Каас считал, что это было возможно только в авторитарном государстве, в котором полицейские репрессии могли бы подавить угрозу слева. «Никогда, — заявлял Каас в 1929 г., — необходимость лидерства в самом широком смысле не отзывалась более ярко и нетерпеливо в душе немецкого народа, как в дни, когда наше отечество и культура подвергаются такой страшной опасности, что сердце сжимается»³¹. Помимо прочего Каас требовал гораздо большей независимости исполнительной власти от законодательной в Германии. Другой ведущий политик Центристской партии Ойген Больц, президент-министр Вюртемберга, выразил это более резко, обращаясь к жене в 1930 г.: «Я давно считаю, что парламент не может решать серьезные внутренние политические проблемы. Если бы можно было установить диктатуру на десять лет, я бы это поддержал»³². Задолго до января 1933 г. центристская партия перестала быть оплотом веймарской демократии, каким была когда-то³³.

Таким образом, даже основные политические сторонники демократии в Веймарской республике к концу 1920-х начали сходить со сцены. А без них демократический ландшафт становился еще более пустынным. Ни одна партия не оказывала серьезную поддержку республике и ее институтам. Слева республике противостояло массовое движение коммунистов. В революционный период с 1918 по 1921 год они представляли собой тесную элитарную группу, пользовавшуюся небольшой поддержкой избирателей, но когда в 1922 г. Независимая социал-демократическая партия Германии, лишенная такого объединяющего фактора, каким была для нее Первая мировая война, развалилась, многие из ее бывших членов присоединились к коммунистам, которые стали массовой партией. Уже в 1920 г. объединенные силы независимых социал-демократов и коммунистов взяли 88 мест в рейхстаге. В мае 1924 г. коммунисты взяли 62 места и после небольшого ослабления позиций вернулись на отметку в 54 места в 1928 г. и 77 мест в 1930 г. Три с четвертью миллиона человек отдали свои голоса за партию

в мае 1924 г., а в сентябре 1930 г. их было больше четырех с половиной миллионов. Все это были голоса за уничтожение Веймарской республики.

Несмотря на все повороты и изменения своей политики в ходе 1920-х, Коммунистическая партия Германии никогда не оставляла убеждения, что Веймарская республика была буржуазным государством, основной задачей которого являлась охрана капиталистической экономической системы и эксплуатация рабочего класса. Коммунисты надеялись, что капитализм неизбежно рухнет и на смену буржуазной республике придет советское государство наподобие Советской России. Долг коммунистической партии состоял в том, чтобы по мере возможности приблизить это событие. В первые годы существования республики исполнение коммунистического долга означало подготовку к «Октябрьской революции» в Германии посредством вооруженного восстания. Но после провала январского восстания в 1919 г. и еще более катастрофического краха планов восстания в 1923 г. эту идею на время отложили. Управляемая все больше из Москвы, где советский режим под усиливающимся влиянием Сталина во второй половине 1920-х повсеместно расширял финансовый и идеологический контроль над коммунистическими партиями по всему миру, Коммунистическая партия Германии не имела других вариантов, кроме как обратиться к более умеренному курсу в середине 1920-х только для того, чтобы вернуться к радикальной «левацкой» позиции в конце десятилетия. Это означало не только отказ от объединения с социал-демократами во имя защиты республики, но даже активное сотрудничество с врагами республики с целью ее уничтожения³⁴. Действительно, враждебность партии по отношению к республике и ее институтам вынудила коммунистов противостоять реформам, которые могли бы сделать республику более популярной среди рабочего класса³⁵.

Такая непреклонная оппозиция республике слева более чем уравновешивалась неистовой враждебностью справа. Самый большой и значительный вызов Веймару со стороны правых был брошен националистами, которые получили 44 места в рейхстаге в январе 1919 г., 71 в июне 1920 г., 95 в мае 1924 г. и 103 в декабре 1924 г. Таким образом, они стали самой крупной партией за

исключением социал-демократов. Дважды на выборах в 1924 г. они взяли примерно по 20 % голосов. Это означало, что один из пяти людей бросивших свой бюллетень в урну, проголосовал за партию, которая с самого начала считала Веймарскую республику совершенно нелегитимной и призывала к восстановлению рейха Бисмарка и возвращению кайзера. Свою позицию националисты выражали разными способами, начиная от защиты старого имперского черно-бело-красного флага, на смену которому пришли республиканские черно-красно-золотые цвета, и заканчивая подразумеваемым, а иногда и явным одобрением убийств ключевых политиков республики вооруженными заговорщическими группами, связанными с добровольческими бригадами. Пропаганда и политика нацистов сыграли большую роль в распространении праворадикальных идей среди избирателей в 1920-х и в подготовке почвы для зарождения нацизма.

В 1920-е националисты участвовали в двух коалиционных правительствах, но этот опыт был не очень удачным. Они вышли из состава одного правительства через десять месяцев, а когда вошли в другой кабинет в середине срока, столкнулись с необходимостью компромиссов, что вызвало крайнее раздражение у многих членов партии. Большие потери на выборах в октябре 1928 г., когда представительство националистов в рейхстаге уменьшилось со 103 мест до 73, убедило правое крыло партии, что настало время избрать более бескомпромиссную линию поведения. Старый председатель партии граф Вестарп был смещен с должности, и на смену ему пришел газетный магнат, промышленник и радикальный националист Альфред Гугенберг, который был путеводной звездой движения пангерманистов с его зарождения в 1890-х. Программа Националистической партии от 1931 г., составленная под влиянием Гугенберга, была заметно более правой, чем ее предшественницы. В ней помимо прочего выдвигалось требование восстановить монархию Гогенцоллернов, ввести обязательную воинскую повинность, проводить сильную внешнюю политику, направленную на пересмотр Версальского мирного договора, вернуть потерянные колонии и укрепить связи с немцами, проживавшими в других частях Европы, особенно в Австрии. Рейхстаг должен был сохранить чисто наблюдательную

функцию и право «критического голоса» в законодательных решениях, к нему должна была присоединиться «представительная структура, организованная в соответствии с профессиональным ранжированием в экономической и культурной сферах» по подобию корпоративного государства, создававшегося в то время в фашистской Италии. В программе говорилось: «Мы отвергаем подрывной негерманский дух во всех формах, берет ли он свои корни из еврейских или других кругов. Мы решительно не приемлем доминирование еврейства в правительстве и общественной жизни, доминирование, которое стало только сильнее после революции»³⁶.

При Гугенберге националисты также отошли от демократических принципов внутрипартийного устройства и приблизились к «принципу вождя». Новый лидер партии предпринимал энергичные попытки самостоятельно определять ее политику и управлять голосованием партийной делегации в рейхстаге. Некоторые депутаты рейхстага выступили против этого, двенадцать из них вышли из партии в декабре 1929 г., еще большее число людей последовало за ними в июне 1930 г., присоединившись к маргинальным правым группам в знак протеста. Гугенберг добивается объединения партии с правыми экстремистами, пытаясь организовать народный референдум против плана Юнга, международной программы по реструктуризации репараций, предложенной американцами в 1929 г. Провал отчаянной кампании только убедил Гугенберга в необходимости еще более экстремальной оппозиции Веймару и замены республики авторитарным националистическим государством, напоминающим о блистательных днях империи Бисмарка. Ничто из этого не работало. Снобизм и высокомерие националистов не позволили им добиться реальной массовой поддержки. Их сторонники были крайне уязвимы перед доводами настоящей популистской демагогии, использовавшейся нацистами³⁷.

Менее экстремальной, но практически также жестко противостоящей Республике была более малочисленная Народная партия, наследница старой пробисмарковской партии национал-либералов. Она получила 65 мест на выборах в 1920 г. и неизменно брала от 45 до 50 мест до конца десятилетия, имея от 2,7 до

3 миллионов голосов. Враждебность партии по отношению к республике оставалась отчасти скрытой в силу решения ее лидера, Густава Штреземана, на время признать политические реалии и согласиться с легитимностью республики, скорее по необходимости, чем по убеждению. Хотя ему в партии никогда полностью не доверяли, Штреземан очень хорошо умел убеждать. Не в последнюю очередь благодаря его превосходным навыкам ведения переговоров Народная партия участвовала в большинстве правительств республики, в отличие от националистов, которые находились в оппозиции большую часть 1920-х. Это означало, что в большинстве правительств, сформированных на начальной стадии существования республики, было по крайней мере по несколько министров, которые как минимум сомневались в ее праве на существование. Более того, уже находясь в сложных отношениях со своими партийными соратниками, Штреземан заболел и умер в октябре 1929 г., в результате чего в руководство партии лишилось основного сдерживающего влияния³⁸. С этого момента Народная партия также стала резко смещаться вправо.

Даже в середине 1920-х гг. политическая система Германии выглядела крайне хрупкой. В некоторых обстоятельствах она могла выжить. Оглядываясь назад, многие описывали период 1924—28 гг. как «золотые годы Веймара». Однако представление о том, что в то время происходило становление демократии в Германии, является иллюзией, порожденной неверной оценкой прошедших событий. На самом деле не было никаких признаков того, что демократия становится более крепкой. Наоборот, тот факт, что две главные буржуазные партии, центристская и националистическая, вскоре попали в руки признанных врагов демократии, не предвещал ничего хорошего для будущего, хотя и не породил новых потрясений. Лояльность Народной партии республике обуславливалась исключительно настойчивостью и интеллигентным управлением одного человека, Густава Штреземана — это было еще одним признаком нестабильности. Даже в относительно благоприятных обстоятельствах 1928 г. партии Веймарской коалиции не смогли получить большинство в рейхстаге. Распространенное после 1923 г. мнение о том, что угроза большевистской революции ослабла, означало, что буржуазные

партии больше не были готовы идти на компромиссы с социал-демократами в интересах сохранения республики как оплота борьбы с коммунизмом³⁹. А еще более угрожающим было то, что полувоенные организации вроде «Стального шлема» начали переносить свою борьбу с улиц на избирательные трибуны, пытаясь популяризовать свои антиреспубликанские взгляды. Политическое насилие, характерное для первых лет республики, хоть и не привело к началу гражданской войны, но все равно имело опасно высокий уровень в середине 1920-х гг.⁴⁰ Жестокая правда состоит в том, что даже в 1928 г. республика была так же далека от достижения стабильности и законности, как и раньше.

IV

Веймарская республика была ослаблена еще и потому, что ей не удалось завоевать настоящую поддержку армии и госаппарата, которым оказалось крайне сложно приспособиться к переходу от авторитарного рейха к демократической Республике в 1918 г. В частности, для генералитета поражение 1918 г. стало серьезной угрозой. Генеральный штаб под руководством одного из самых умных и проницательных офицеров, генерала Вильгельма Грёнера, согласился с большинством социал-демократов, ведомых Фридрихом Эбертом, что угрозу революционных советов рабочих и солдат проще всего будет ликвидировать, если работать сообща с целью защитить стабильную парламентскую демократию. С точки зрения Грёнера, это было решением целесообразным, но идеологически неверным. Такой союз позволил сохранить старый офицерский корпус в сокращенной немецкой армии после Версальского мирного договора. Численность армии не могла превышать 100 000 человек, ей запрещалось использовать современное вооружение, например танки, а массовая мобилизационная армия должна была быть заменена на небольшую профессиональную. Грёнер вступил в яростное противостояние с армейскими консерваторами из-за компромиссов с социал-демократами, так же как и его оппонент, военный специалист социал-демократов Густав Носке, который вызвал на себя

волну критики товарищей по партии тем, что разрешил оставить офицерский корпус без изменений, вместо того чтобы заменить его более демократической структурой и личным составом⁴¹. Но в критической ситуации 1918–19 гг. их позиция в конечном счете оказалась выигрышной.

Однако в течение недолгого времени рабочие и солдатские советы постепенно исчезли с политической сцены, и в глазах многих руководящих офицеров необходимость компромиссов с силами демократии утратила свою актуальность. Это особенно отчетливо проявилось в марте 1920 г., когда отряды добровольческих бригад, обеспокоенные своей будущей возможной невостребованностью, промаршировали на Берлин и сбросили избранное правительство, требуя установить авторитарный режим наподобие старой монархии. Бунтовщики под руководством бывшего служащего Пангерманской партии и лидера Народной партии Вольфганга Каппа в ряде областей также получили поддержку некоторых частей вооруженных сил. Когда начальник армейского командования генерал Вальтер Рейнхардт попытался обеспечить лояльность войск правительству, его отстранили от должности, заменив генералом Гансом фон Сектом, придерживавшимся более правых взглядов. Сект сразу же запретил всем армейским частям препятствовать заговорщикам и стал сквозь пальцы смотреть на тех, кто помогал им. Позже он приказал армии принять участие в кровавом подавлении вооруженного рабочего восстания против путча в Руре. Сект действительно с самого начала был против республики. Надменный, властный и неприступный, родом из высшего класса, с моноклем в левом глазу, он был олицетворением традиций прусского офицерского класса. Но он также был политическим реалистом, который видел, что возможности свержения республики силой были ограничены. Поэтому он стремился сохранить единую армию и свободу от парламентского контроля в ожидании лучших времен. В этом он был единодушен со своими офицерами⁴².

При Секте армия сохраняла свой военный флаг старых имперских цветов, черно-бело-красный. Сект четко разделял понятия Германского государства, которое включало абстрактную идею рейха, и Веймарской республики, которую он считал времен-

ным недоразумением. Генерал Вильгельм Грёнер, учитель Секта, в 1928 г. описывал армию как «единственную силу» и «элемент государственной власти, который никто не может не учитывать»⁴³. Под руководством Секта армия была далеко не нейтральной организацией, стоящей в стороне от политических склок, что бы ни утверждал Сект⁴⁴. Он не колеблясь вступал в противодействие с избранным правительством, когда полагал, что оно поступает вопреки интересам рейха. Однажды он даже подумывал о вступлении в должность канцлера с программой, предполагавшей централизацию рейха и ограничение прусской автономии, упразднение профсоюзов и замену их «профессиональными палатами» (похожими на те, которые Муссолини создавал в Италии), а в целом «подавление всех тенденций, направленных против существования рейха и против законных властей рейха и государства за счет использования властных инструментов рейха»⁴⁵. В конечном счете ему удалось отправить правительство в отставку, но стать канцлером он не смог. Этот пост занял один из его последователей, генерал Курт фон Шлейхер, входивший в тесную группу советников Секта в годы, когда тот руководил армией.

Большую часть времени армия подчинялась только самой себе и в 1920-х гг. изо всех сил пыталась обходить ограничения, наложенные Версальским договором. Руководство армии негласно действовало сообща с другой униженной и негодующей великой державой, Советским Союзом, и немецкие офицеры, желавшие научиться управлять танками и самолетами, а также готовые участвовать в экспериментах с отравляющими газами, проходили тайную подготовку в России⁴⁶. Были предприняты секретные меры по обучению вспомогательных частей в попытке обойти предел в 100 000 человек, установленный Версальским договором. Кроме того, армия всегда рассматривала полувоенные отряды в качестве своего резерва⁴⁷. Эти и другие уловки, включая учения с муляжами танков, ясно давали понять, что армия не намерена была исполнять условия мирного договора 1919 г. и отказалась бы от него при первой же возможности. Эти тайные попытки обойти договор поддерживались далеко не только бескомпромиссными прусскими консерваторами, они были организованы в первую очередь прогрессивно мыслящими специалистами,

которых раздражали ограничения демократической политики и международных соглашений⁴⁸. Нелояльность армии и постоянные интриги руководящих офицеров против гражданских правительств снижали жизнеспособность республики в условиях кризиса⁴⁹.

Если первая демократия в Германии не могла рассчитывать на поддержку своих военных, то она не могла надеяться и на особую поддержку гражданских служащих, оставшихся ей в наследство от Германского рейха. Государственная служба имела огромное значение, поскольку обеспечивала занятость значительной части общества и охватывала не только чиновников центральной администрации рейха, но и всех госслужащих, которые занимали посты и получали оклады, изначально предназначенные для старших руководителей. К ним относились чиновники, работавшие в федеральных округах, на госпредприятиях, вроде железной дороги и почтовой службы, и в государственных учреждениях, таких как школы и университеты, поэтому университетские профессора и школьные учителя также попадали в эту категорию. Число гражданских служащих в этом широком смысле было огромным. Ниже этого относительно высокопоставленного уровня находились миллионы госслужащих, живущих на зарплату или жалованье, выплачиваемые государственными учреждениями. Например, немецкие железные дороги с 700 000 сотрудников на конец 1920-х гг., несомненно, были главным работодателем в Веймарской республике, за ними следовала почтовая служба с 380 000 сотрудников. Если сюда добавить членов семей, иждивенцев и пенсионеров, то получится, что железные дороги давали средства к существованию примерно трем миллионам людей⁵⁰. Всего к концу 1920-х гг. в Германии было 1,6 миллиона гражданских служащих, половина которых работала на государственной службе, а другая половина — в общественных организациях вроде железных дорог. При таком большом числе госслужащих было очевидно, что этот сектор занятости был политически крайне разнообразным, сотни тысяч сотрудников входили в социалистические профсоюзы, либеральные политические партии или группы давления с широко различающимися политическими взглядами. В 1919 г. в либеральном Союзе немецких государственных служащих

был миллион человек, хотя 60 000 отделились, образовав более правую группу в 1921 г., а другие 350 000 откололись, образовав профсоюз в следующем году. Таким образом, государственные служащие не были единодушно настроены против республики с самого начала, несмотря то что жили и проходили обучение в период рейха⁵¹.

В роли главной фигуры переходной революционной администрации Фридрих Эберт 9 ноября 1918 г. призвал всех гражданских чиновников и госслужащих продолжать работать, чтобы избежать анархии⁵². Подавляющее большинство так и поступило. Порядок прохождения службы гражданских чиновников и их обязанности остались без изменений. Веймарская конституция обеспечила им возможность бессменно занимать свои должности. Теоретически увольнение было возможным, но на практике такое решение оказывалось практически неосуществимым, учитывая, что в суде было крайне сложно доказать, что чиновник нарушил данную им клятву верности⁵³. Будучи институтом, возникшим в авторитарных и бюрократических государствах конца XVIII и начала XIX вв., задолго до прихода парламентов и политических партий, чиновничество высшего уровня долгое время считало себя правящей кастой, в первую очередь в Пруссии. Вплоть до 1918 г., например, министры в правительстве были чиновниками, назначаемыми монархом, а не рейхстагом или законодательными собраниями федеральных округов. В некоторых министерствах рейха, где при республике происходили частые смены министров, высшие государственные служащие могли обладать огромной властью, как, например, Курт Йозель из министерства юстиции, работавший там практически все время существования республики, за которое сменилось по крайней мере семнадцать министров, пока он наконец сам не стал министром в 1930 г. Для таких людей постоянное пребывание в администрации было главным велением долга, превосходившим любые политические соображения. Что бы ни думали в глубине души высшие государственные чиновники в Берлине о путчистах Каппа в марте 1920 г., все они, включая финансистов, продолжали свою работу, не обращая внимания на приказы путчистов об отставке⁵⁴.

Их нейтралитет в данном случае во многом обуславливался свойственным им дотошным следованием долгу, который они должны были исполнять в соответствии со своей клятвой верности. Позже, в 1922 г., правительство представило новый закон, созданный с целью еще больше привязать государственных служащих к республике и применить дисциплинарные взыскания к тем, кто сотрудничал с ее врагами. Но эта мера оказалась относительно неэффективной. Только в Пруссии Карл Зеверинг и Альберт Гржезински, два министра внутренних дел от социал-демократов, предприняли серьезную попытку заменить старых имперских руководителей, в первую очередь в провинциях, на социал-демократов и представителей других партий, лояльных республике⁵⁵. Тем не менее даже эти усилия по созданию системы государственных служб, верных принципам демократии, а также исполненных чувства долга по отношению к действующему правительству, в конечном счете оказались бесплодными. Поскольку Зеверинг и Гржезински считали, что в иерархии высших государственных должностей партии должны быть представлены пропорционально своему представительству в прусском коалиционном правительстве, это означало, что большое число важных постов было занято людьми из таких партий, как центристская, Народная и в некоторой степени Государственная партия, чья верность республике быстро сходила на нет начиная с конца 1920-х гг. В остальной Германии, включая государственный аппарат рейха, попытки реформ даже такого уровня не предпринимались, не говоря уже о каких-либо результатах, а госслужащие были гораздо более консервативными, иногда даже враждебно настроенными по отношению к республике⁵⁶.

Однако проблема была не столько в том, что служащие высших рангов активно помогали в развале Веймара, сколько в том, что сама республика предпринимала слишком незначительные усилия, чтобы гарантировать, что государственные служащие на всех уровнях будут активно поддерживать демократический политический порядок и противостоять попыткам его свергнуть. А те служащие, которые относились к республике с нескрываемой враждебностью (в общем, вероятно, меньшинство), смогли остаться на своих постах без каких-либо вредных для себя по-

следствий. Так, например, один крупный прусский чиновник, родившийся в 1885 г. и являвшийся членом националистической партии после 1918 г., основал целый ряд мелких групп, включавших госслужащих и других людей, целью которых была непосредственная «борьба с рейхстагом, штаб-квартирой красных», расстраивание планов «предателей и безбожников социал-демократов», противостояние «мировой империалистической власти» католической церкви и, наконец, борьба против «всех евреев». Его антисемитизм, практически не проявлявшийся до 1918 г., стал явным после революции. Он вспоминал позднее: «...если еврей нагло вел себя на перроне или в поезде и в ответ на мое недовольство не прекращал грубить, я угрожал выкинуть его из движущегося поезда... если он сейчас же не заткнется». Однажды он угрожал пистолетом «марксистским» рабочим. Он, конечно, представлял собой исключительный пример госслужащего, враждебно настроенного по отношению к республике. И тем не менее, несмотря на одну судимость за участие в общественных беспорядках, его не сняли с должности, только два раза штрафовали и не давали повышения. «Я всегда, — писал он, — считал слабостью своих политических врагов на службе то, что они каждый раз позволяли мне отделываться легким испугом». Самое плохое, что случилось с ним при республике, это лишение карьерных перспектив⁵⁷.

Нет никаких сомнений, что даже в бастионе республиканцев, в Пруссии, подавляющее большинство государственных служащих не были по-настоящему лояльны конституции, в верности которой они клялись. Если бы республике угрожало уничтожение, очень немногие из них задумались бы о помощи. Приверженность долгу заставляла их работать в условиях опасности для государства, как при путче Каппа в 1920 г., но она также заставляла бы их работать при свержении правительства. Это был еще один центральный институт, сохранявший верность абстрактной концепции рейха, а не конкретным принципам демократии. Эти и другие факторы с самого начала делали позиции Веймара слабыми в отношении его политической законности⁵⁸. Он был окружен непреодолимыми проблемами политического насилия, убийств и непримиримых конфликтов, касавшихся его права на

существование. Республику не любили и не хотели защищать ее слуги в армии и государственном аппарате. Многие винили ее в национальном унижении, которое немцы пережили после подписания Версальского договора. И помимо прочего ей приходилось решать серьезнейшие экономические проблемы, начиная с гигантской денежной инфляции, которая делала жизнь невыносимо трудной для огромного числа людей в то время, когда республика пыталась встать на ноги.

Великая инфляция

I

Даже самые убежденные реакционеры в конечном счете могли бы смириться с существованием республики, если бы она обеспечила разумный уровень экономической стабильности и приличный, гарантированный доход для своих граждан. Но с самого начала на ее пути возникли экономические трудности невиданных в истории Германии масштабов. Как только началась Первая мировая война, правительство рейха стало занимать деньги на ее ведение. С 1916 г. расходы стали намного превышать доходы, которые правительство могло получать по ссудам или из любых других источников. Вполне естественно, оно планировало возместить свои убытки за счет аннексии богатых промышленных районов на западе и востоке, за счет принуждения побежденных стран к выплате крупных репараций и за счет установления нового экономического порядка с доминированием Германии в покоренной Европе⁵⁹. Но эти надежды разбились вдребезги. В итоге побежденной страной оказалась Германия, и ей пришлось расплачиваться по счетам. Это сделало ситуацию гораздо хуже, чем раньше. Правительство печатало деньги, не имея экономических ресурсов для обеспечения их платежеспособности. До войны доллар стоил немногим дороже 4 бумажных марок на рынке в Берлине. В декабре 1918 г. он стал стоить почти в два раза больше. Курс продолжал снижаться до примерно 12 марок за доллар в апреле 1919 г. и 47 марок к концу этого года⁶⁰.

Сменявшие друг друга правительства Веймарской республики попали в политическую ловушку, которую, по крайней мере отчасти, создали сами. Необходимость экспортировать государственные доходы в другие страны в качестве репарационных платежей означала дополнительный отток ресурсов в то время, когда по-прежнему необходимо было выплачивать военные долги, а немецкие экономические ресурсы и внутренний рынок

крайне истощились. Многонаселенные промышленные районы Лотарингии и Силезии были отделены по условиям мирного договора. Промышленное производство в 1919 г. составляло только 42 % от уровня 1913 г., и страна производила менее половины зерна по сравнению с довоенными показателями. Требовались значительные расходы, чтобы перестроить экономическую систему для нужд мирного времени и обеспечить социальные гарантии бывшим солдатам, ищущим работу или неспособным ее найти по причине инвалидности, полученной на войне. Однако если какое-либо правительство пыталось ликвидировать этот разрыв, поднимая налоги, его враги из числа правых националистов сразу же выдвигали обвинения в повышении налогов для выплаты репараций, установленных союзниками. Вместо этого большинству правительств с политической точки зрения казалось более разумным говорить иностранным державам, что немецкие валютные проблемы можно было решить только за счет отмены репарационных платежей или, по крайней мере, их снижения до более приемлемого уровня. Энергия и агрессивность, с которыми разные немецкие правительства следовали этой опасной политике, были различны, и в период 1920–21 гг. падение марки по отношению к доллару удавалось несколько раз остановить. Тем не менее в ноябре 1921 г., чтобы купить доллар США, нужно было заплатить 263 марки, а в июле 1922 г. его стоимость практически снова удвоилась, составив 493 марки⁶¹.

Инфляция такого уровня по-разному влияла на разных игроков в экономической игре. Возможность занимать деньги для приобретения товаров, оборудования, промышленных предприятий и т. д. и возвращать их, когда они стоили значительно меньше, помогала стимулировать восстановление промышленности после войны. В период до середины 1922 г. уровень экономического роста в Германии был высок, а уровень безработицы низок. Без такой практически полной занятости организовать всеобщую забастовку вроде той, которая позволила сорвать Капповский путч в марте 1920 г., было бы гораздо труднее. Реальные налоговые ставки также были достаточно низкими, чтобы стимулировать потребительский спрос. Немецкая экономика смогла перейти к функционированию в условиях мирного времени бо-

лее эффективно, чем экономики некоторых европейских стран, где уровень инфляции был значительно ниже⁶².

Однако это возрождение было построено на песке. Потому что, несмотря на некоторые временные остановки, инфляция оказалась непреодолимой. В августе 1922 г. доллар США стоил 1000 марок, в октябре — 3000, а в декабре — 7000. Процесс девальвации вырвался из-под контроля. Политические последствия были катастрофическими. Немецкое правительство больше не могло осуществлять необходимые репарационные платежи, поскольку они были определены в золоте, цена которого на международном рынке оказалась неподъемной. Более того, в конце 1922 г. оно серьезно сократило поставки угля во Францию, предусмотренные другой частью программы репараций. Поэтому в 1923 г. французские и бельгийские войска оккупировали основной промышленный регион Германии, Рур, чтобы захватить недостающий уголь и заставить немцев выполнять свои обязательства по договору. Правительство в Берлине практически сразу объявило политику пассивного сопротивления и отказа от сотрудничества с французами, чтобы не дать оккупантам возможности присвоить себе плоды рурского промышленного производства. Эту борьбу прекратили только к концу сентября. Пассивное сопротивление сделало экономическую ситуацию еще хуже. Чтобы купить доллар в январе 1923 г., нужно было заплатить больше 17 000 марок, в апреле — 24 000, в июле — 353 000. Это была гиперинфляция чудовищных масштабов, а цена доллара в марках на конец года начала выражаться числами длиннее номеров в телефонном справочнике: 4621 000 в августе; 9886 0000 в сентябре; 25260 000 000 в октябре; 2 193 600 000 000 в ноябре; 4 200 000 000 000 в декабре⁶³. Газеты вскоре начали публиковать для своих читателей списки больших чисел, названия которых в разных странах различались. Французы, как замечал один автор, называли триллионом миллион миллионов, тогда как «для нас триллион равняется миллиарду миллиардов (1 000 000 000 000 000 000 000), и нам остается только молиться Богу, чтобы эти или еще большие числа не вошли в повседневные денежные расчеты, просто из-за того, что это приведет к перенаселению психиатрических лечебниц»⁶⁴.

На своем пике гиперинфляция казалась ужасающей. Деньги практически полностью потеряли свое значение. Печатные

машины не могли угнаться за необходимостью производить новые купюры с еще более астрономическими номиналами, а муниципальные власти начали печатать собственные чрезвычайные деньги, используя только одну сторону бумаги. Рабочие получали деньги в магазинных корзинах или тележках, таким огромным было число банкнот, соответствующих их зарплатам, после чего немедленно бежали в магазины, чтобы успеть купить продукты и товары до того, как постоянное падение ценности денег делает их недоступными. Ученик школы Раймунд Претцель позже вспоминал, как в конце каждого месяца его отец, высокопоставленный чиновник, получал свою зарплату и бежал покупать проездной билет на поезд, чтобы иметь возможность добираться до работы в следующем месяце, отправлял чеки по регулярным расходам, отводил всю семью в парикмахерскую, а затем остаток отдавал жене, которая вместе с детьми шла на местный оптовый рынок и закупала горы непортящихся продуктов, которых должно было хватить до получения следующего мешка с деньгами. Остаток месяца в семье денег не было вообще. Письма приходилось отправлять, приклеивая на конверт последние банкноты, потому что почтовая служба не успевала печатать марки нужного номинала, чтобы поспеть за ростом цен. Немецкий корреспондент британской *Daily Mail* сообщал 29 июля 1923 г.: «В магазинах цены печатаются на машинке и меняются каждый час. Например, в 10 утра граммофон стоил 5 000 000 марок, а в 3 часа дня он стоил 12 000 000 марок. Одна газета *Daily Mail* вчера на улице стоила 35 000 марок, а сегодня она стоит 60 000 марок»⁶⁵.

Самым существенным и тревожным был рост цен на продукты. Женщина в кафе могла заказать чашку кофе за 5000 марок, а через час, когда она собиралась рассчитаться, ее могли попросить заплатить 8000. Килограмм ржаного хлеба, составлявшего основу ежедневной диеты немцев, стоил 163 марки 3 января 1923 г., в 10 раз больше в июле, 9 миллионов марок 1 октября, 78 миллиардов марок 5 ноября и 233 миллиарда марок две недели спустя 19 ноября⁶⁶. При такой гиперинфляции более 90 % расходов средней семьи приходилось на еду⁶⁷. Семьи с ограниченным доходом начинали продавать свое имущество, чтобы что-то есть. Магазины начали запасать продукты в ожидании скорого роста

цен⁶⁸. Не имея возможности позволить себе большинство предметов первой необходимости, толпы стали бунтовать и грабить продуктовые магазины. Начались перестрелки между бандами шахтеров, устремившихся в деревни, чтобы обирать поля, и крестьянами, старавшимися защитить свои урожаи и вместе с тем не желавшими продавать их за ничего не стоящие деньги. Крах марки сделал трудным, если не невозможным, импорт товаров из заграницы. Угроза голода, особенно в районе французской оккупации, где пассивное сопротивление блокировало транспортные сети, стала очень вероятной⁶⁹. Плохое питание немедленно привело к росту числа смертей от туберкулеза⁷⁰.

Вполне типичным был опыт профессора Виктора Клемперера, в дневниках которого изложен личный взгляд на историю Германии того времени. Живя в основном впроголодь на средства, доставляемые преподавательской деятельностью, ветеран войны Клемперер был рад получить небольшие наградные в феврале 1920 г., но, сокрушался он, «что раньше было небольшим доходом, теперь превратилось просто в подачку»⁷¹. В следующие месяцы дневник Клемперера все больше заполнялся финансовыми расчетами по мере ускорения инфляции. Уже в марте 1920 г. он видел «фуражиров, маленьких людей с походными рюкзаками» в поезде, идущем из Мюнхена⁷². Со временем Клемперер оплачивал все более фантастические счета «с чувством унылой обреченности»⁷³. В 1920 г. он наконец получил должность в Дрезденском технологическом университете. Но это не принесло финансовой стабильности. Каждый месяц он получал все более астрономические зарплаты, но при этом приходилось оплачивать дополнительные счета для покрытия инфляции с момента последнего расчета. И хотя он получил почти миллион марок в конце мая 1923 г., он все равно не мог оплатить счет за газ и заплатить налоги. Все, кого он знал, искали способы заработка, спекулируя на фондовой бирже. Даже Клемперер предпринял такую попытку, но его первый заработок в 130 000 марок бледнел по сравнению с успехами его коллеги, профессора Форстера, «одного из самых ярых антисемитов, тевтонских агитаторов и патриотов в университете», про которого говорили, что, играя на бирже, он зарабатывает полмиллиона марок в день⁷⁴.

Завсегдатай кафе, Клемперер заплатил 12 000 марок за кофе и пирожное 24 июля; 3 августа он заметил, что кофе с тремя пирожными обошлись ему в 104 000 марок⁷⁵. В понедельник 28 августа Клемперер писал, что несколькими неделями раньше он приобрел десять билетов в кино, одно из самых больших удовольствий в его жизни, за 100 000 марок. «Сразу после этого цена поднялась неизмеримо, и практически сразу же наше место за 10 000 марок стало стоить 200 000. А вчера днем, — продолжает он, — я хотел купить новый комплект билетов. Средние ряды в партере уже стоили 300 000 марок», а это были вторые по дешевизне места в кинотеатре; в следующий четверг, три дня спустя, было объявлено дальнейшее повышение цен⁷⁶. 9 октября он писал: «Наш визит в кино вчера стоил 104 миллиона включая проезд»⁷⁷. Ситуация довела его, как и многих других, до грани отчаяния.

Германия жутким образом, шаг за шагом разрушается... Доллар стоит больше 800 миллионов, каждый следующий день он дорожает на 300 миллионов. Все это не просто можно прочесть в газетах, это оказывает непосредственное влияние на вашу жизнь. Сколько еще времени у нас будет что есть? Где нам опять придется затянуть ремни?⁷⁸

Клемперер тратил все больше и больше времени на сумбурные записки о деньгах, 2 ноября он писал:

Вчера я стоял за деньгами в кассе университета все утро почти до 2 часов, а в конце не получил ни гроша, даже того, что оставалось с октябрьской зарплаты, потому что доллар за вчера вырос с 65 до 130 миллионов, так что сегодня мне придется платить за газ и остальное в два раза дороже, чем вчера. Что касается газа, это будет разница в 150 миллиардов⁷⁹.

В Дрездене начинались продовольственные бунты, писал он, некоторые из них были с антисемитской окраской, и Клемперер начал бояться, что его дом разнесут в лихорадочных поисках запасов. Работать было невозможно. «Денежные проблемы отбирают очень много времени и изнашивают нервы»⁸⁰.

Германия приближалась к краху. Предприятия и муниципалитеты больше не могли платить своим рабочим или финансировать коммунальное хозяйство. К 7 сентября шестьдесят из девяноста трамвайных линий перестали работать⁸¹. Совершенно очевидно, что так не могло продолжаться дольше. Страну удержали на краю пропасти с помощью комбинации изощренных политических решений и финансовых реформ. Начав свое долгое пребывание на посту министра иностранных дел в августе 1923 г., Густав Штресеман, первые несколько месяцев совмещавший эту должность с постом рейхсканцлера, начал политику «осуществления», провел переговоры с французами о выводе войск из Рура в сентябре в обмен на гарантии исполнения Германией своих обязательств по репарациям несмотря ни на что. В результате международное сообщество согласилось снова рассмотреть систему репараций, и в следующем году был обсужден и принят план, подготовленный комитетом под председательством американского финансового эксперта Чарлза Дауэса.

План Дауэса не подразумевал какую-либо возможность отмены платежей, но по крайней мере предлагал ряд мер, которые позволяли гарантировать, что их выплата будет практически осуществима, и действительно, следующие пять лет эти платежи производились без особых проблем⁸². Политика Штресемана не принесла ему одобрения правых националистов, которые отвергали любые соглашения с репарациями. Но масштабы гиперинфляции к тому времени убедили большинство людей, что это была единственная возможная политика, — представление, которое вряд ли могло возникнуть еще год назад⁸³. На пост главы Имперского банка, или Рейхсбанка, правительство Штресемана назначило 22 декабря 1923 г. Яльмара Шахта, мудрого финансиста с крепкими политическими связями. 15 ноября уже была введена новая валюта, рентная марка, стоимость которой была связана с ценой золота⁸⁴. Шахт ввел ряд мер для защиты рентной марки от спекуляции, и, когда новая валюта, переименованная вскоре в рейхсмарку, распространилась достаточно широко, она заменила старую и получила общее хождение⁸⁵. С гиперинфляцией было покончено.

Другие страны тоже страдали от послевоенной инфляции, но ни одна из них не пережила такого кошмара, как Германия.

Во время гиперинфляции, масштабы которой в разных странах были различны, цены в Австрии повысились в 14 000 раз, в Венгрии — в 23 000 раз, в Польше — в 2 500 000 раз, а в России в 4 миллиарда раз, хотя эту цифру вряд ли можно сравнивать с показателями инфляции в других странах, поскольку большевики по большому счету вывели советскую экономику с мирового рынка. Но в Германии цены по сравнению с довоенными поднялись в триллионы раз — явление, вошедшее в анналы экономической истории как самая высокая гиперинфляция. Примечательно, что все эти государства сражались не на стороне победивших в войне. Каждая страна в конечном счете смогла стабилизировать свою валюту, но без привязок к другим. В 1920-е гг. не появилось жизнеспособной международной финансовой системы, которую можно было бы сравнить с набором институтов и соглашений, управлявших международными финансами после Второй мировой войны⁸⁶.

II

Последствия гиперинфляции имели очень важное значение. И тем не менее трудно оценить ее долговременное влияние на экономическое положение немцев. Раньше считалось, что экономическое благосостояние среднего класса было разрушено. Однако средний класс был очень разнообразной группой в экономическом и финансовом отношении. Все, кто вкладывал деньги в облигации военного займа и другие государственные ценные бумаги, потеряли их, однако те, кто занимал большую сумму для покупки дома или квартиры по ипотеке, в конечном счете получали собственность практически даром. Часто с такой ситуацией в той или иной степени сталкивался один и тот же человек. Тем не менее для тех, кто зависел от фиксированного дохода, результаты были катастрофическими. Кредиторы были ожесточены. Экономическое и социальное единство среднего класса было разрушено, потому что выигравшие и проигравшие оказались по разные стороны новых социальных границ. Результатом стало усиление фрагментации политических партий среднего класса во второй

половине 1920-х, что сделало их беспомощными перед лицом демагогических атак крайне правых. И самое важное, что, когда начали проявляться дефляционные эффекты стабилизации, этот укол почувствовали все социальные группы. В народной памяти эффекты инфляции, гиперинфляции и стабилизации объединились в одну экономическую катастрофу, в которой практически все слои немецкого общества оказались проигравшими⁸⁷. Виктор Клемперер был типичным участником этого процесса. Когда наступила стабилизация, «страх внезапного обесценивания денег, безумная гонка за покупками» закончились, но на их место пришла нищета, потому что при новой валюте у Клемперера не было практически ничего ценного и почти не было денег. По результатам своих размышлений он мрачно заключил: «...мои акции стоят едва ли 100 марок, наличными дома у меня примерно та же сумма, и это все — страховка жизни полностью потеряна. 150 бумажных миллионов составляют 0,015 пфеннига»⁸⁸.

Когда деньги обесценились, единственным достойным предметом собственности стали товары, и страну захлестнула гигантская волна преступности. Число обвинительных приговоров за воровство, равное 115 000 в 1913 г., взлетело до 365 000 в 1923 г. В 1923 г. за торговлю краденым было осуждено в семь раз больше преступников, чем в 1913 г. Даже в 1921 г. бедные были настолько бедными, что одна социал-демократическая газета писала, что из 100 человек, отправленных в берлинскую тюрьму Плётцензее, у 80 не было носков, у 60 не было ботинок, а у 50 не было даже рубашек⁸⁹. Кражи в гамбургских доках, откуда рабочие по традиции ташили себе домой часть товаров, разгрузкой и выгрузкой которых занимались, достигли беспрецедентного уровня. Говорили, что рабочие отказывались грузить некоторые товары, мотивируя это тем, что они не могли их использовать сами. Профсоюзы сообщали, что многие рабочие ходили на пристань, только чтобы воровать, а тех, кто пытался их остановить, избивали. Самой ценной добычей считались кофе, мука, бекон и сахар. В результате рабочие все больше стимулировали натуральную оплату, когда падала ценность денежной зарплаты. Это явление приняло такой массовый характер, что в 1922–23 гг. некоторые иностранные транспортные компании стали разгружать товары в других

местах⁹⁰. Похожая экономика воровства и бартера начала вытеснять денежные транзакции в других областях и центрах.

Насилие или угроза насилия иногда были впечатляющими. Известны случаи, когда банды тяжеловооруженных молодых людей численностью до двухсот человек штурмовали склады в деревнях и выносили продукты. Однако, несмотря на эту атмосферу практически неконтролируемой преступности, количество приговоров за нанесение телесных повреждений упало с 113 000 в 1913 г. до каких-то 35 000 в 1923 г., примерно настолько же сократились показатели других видов преступности, не связанных напрямую с воровством. Казалось, практически все сконцентрировалось на мелких кражах продуктов и товаров, чтобы обеспечить себе пропитание и остаться в живых. Сообщали о девушках, продававших себя за пачку масла. Горечь и возмущение от такой ситуации возрастали из-за ощущения, что некоторые люди зарабатывали на этом огромные деньги за счет незаконных сделок с валютой, контрабанды, спекуляции и торговли запрещенными товарами. Черный рынок и спекулянты стали объектами обвинения популистских демагогов еще до превращения прогрессирующей инфляции в гиперинфляцию. Теперь на них была направлена всеобщая ненависть. Бытовало мнение, что спекулянты пируют и гуляют ночи напролет, когда честным владельцам магазинов и ремесленникам приходится продавать домашнюю мебель, чтобы купить буханку хлеба. Многим казалось, что традиционные нравственные ценности девальвировались вместе с деньгами⁹¹. Сползание в хаос, экономический, социальный, политический и нравственный, казалось повсеместным⁹².

Деньги, доход, финансовая стабильность, экономический порядок и предсказуемость были основой буржуазных ценностей и буржуазной жизни до войны. Теперь все это было уничтожено вместе с казавшейся незыблемой политической системой рейха. В веймарской культурной жизни стало заметно распространение цинизма, начиная от фильмов вроде «Доктор Мабузе, игрок» и заканчивая книгами вроде романа Томаса Манна «Признания авантюриста Феликса Круля» (написанного в 1922 г., но отложенного и завершеного только через тридцать с лишним лет). Инфляция стала не последней причиной, по которой в веймарской

культуре стали популярны образы преступников, казнокрадов, игроков, аферистов, воров и мошенников всех мастей. Жизнь казалась игрой случайностей, выживание — вопросом случайного влияния непостижимых экономических сил. В такой атмосфере стали плодиться теории заговора. Игра, за карточным столом или на фондовой бирже, стала метафорой жизни. Цинизм, характеризовавший веймарскую культуру в середине 1920-х гг. и в конечном счете заставивший многих людей страстно желать возвращения идеализма, самопожертвования и патриотизма, стал результатом смуты гиперинфляции⁹³. Гиперинфляция была травмой, которая сказывалась на поведении немцев всех классов еще долгое время спустя. В более консервативных кругах общества она укрепила представление о том, что все в мире перевернулось с ног на голову, сначала после поражения в войне, потом из-за революции, а теперь по экономическим причинам. Она уничтожила веру в нейтралитет закона как социального регулятора между должниками и кредиторами, богатыми и бедными и подорвала представления о справедливости и равенстве, которые должны были обеспечиваться законом. Она обесценила язык политики, и так изобиловавший преувеличениями после событий 1918–19 гг. Она придала новую силу ходячим образам зла, не только преступника и игрока, но и спекулянта и ведущего грязные финансовые делишки еврея⁹⁴.

III

Среди групп, которые многие считали победителями в экономических потрясениях начала 1920-х, были крупные промышленники и финансисты — это вызывало широкое негодование против «капиталистов» и «спекулянтов» во многих кругах немецкого общества. Однако немецкие бизнесмены не были так уверены в своих приобретениях. Многие из них с ностальгией вспоминали о временах рейха, когда государство, полиция и суды держали рабочее движение в узде, а бизнес мог оказывать свое влияние на правительство в ключевых вопросах экономики и социальной политики. Хотя эти розовые воспоминания и были в большой

степени далеки от действительности, нельзя было отрицать тот факт, что до войны крупный бизнес занимал привилегированное положение, несмотря на редкие проблемы, вызванные вмешательством государства в экономику⁹⁵. Скорость и масштабы немецкой индустриализации не только сделали страну ведущей экономической державой в континентальной Европе к 1914 г., они также привели к созданию бизнес-сектора, отличавшегося размерами предприятий и выдающимися управленцами и предпринимателями. Люди вроде производителя оружия Круппа, железных и стальных магнатов Штумма и Тиссена, судовладельца Баллина, боссов электрических компаний Ратенау и Сименса и многие другие были общеизвестными, богатыми, могущественными личностями с большим политическим влиянием.

Такие люди в разной степени противостояли идее профсоюзов и отвергали коллективный договор. Однако во время войны они смягчили свою антагонистическую позицию под влиянием растущего вмешательства государства в трудовые отношения, и 15 ноября 1918 г. бизнес и профсоюзы, представленные соответственно Гуго Стиннесом и Карлом Легином, подписали пакт, устанавливавший новую систему коллективного договора, включая утверждение восьмичасового рабочего дня. Обе стороны были заинтересованы в отражении угрозы стремительной социализации со стороны крайне левых, и соглашение сохраняло сложившуюся структуру крупного бизнеса, предоставляя профсоюзам равное представительство в национальной сети объединенных торговых комиссий. Как и другие представители истеблишмента эпохи Вильгельма, крупные предприниматели приняли республику, потому что она казалась самым подходящим способом избежать чего-то худшего⁹⁶.

В первые годы республики ситуация для бизнеса не казалась слишком плохой. Когда промышленники поняли, что инфляция будет продолжаться, многие из них приобрели значительное количество оборудования на взятые в кредит деньги, которые потеряли свою ценность к моменту возврата. Но это не значило, как утверждали некоторые, что они провоцировали инфляцию, так как увидели, что она дает им некоторые преимущества. Наоборот, многие находились в растерянности и не знали, что де-

лать, особенно во время гиперинфляции 1923 г., а полученная в результате прибыль была далеко не такой огромной, как это часто считалось⁹⁷. Более того, резкое снижение цен, ставшее неизбежным результатом денежной стабилизации, доставило серьезные проблемы промышленникам, которые во многих случаях вложились в большее число заводов, чем было нужно. Банкротства участились, гигантская промышленная и финансовая империя Гуго Стиннеса развалилась, а крупные компании искали спасения в многочисленных слияниях и картелях, самым известным из которых был United Vereinigte Stahlwerke, образованный в 1926 г. из нескольких предприятий тяжелой промышленности, а также I.G. Farben, Немецкий траст красителей, сформировавшийся в тот же год из химических предприятий Agfa, BASF, Bayer, Griesheim, Hoechst и Weilerter Meer и ставший крупнейшей корпорацией в Европе и четвертой в мире после General Motors, United States Steel и Standard Oil⁹⁸.

Слияния и картели нужны были не только для обеспечения прочного положения на рынке, но и для сокращения расходов и повышения эффективности. Новые предприятия стали играть важнейшую роль, рационализовав производство в соответствии с принципами суперэффективной компании Ford Motor в США. «Фордизм», как его называли, предполагал автоматизацию и механизацию производства, где это было возможным, в интересах эффективности. Кроме того, компании стремились к реорганизации работы в соответствии с новейшим американским исследованием движений рабочего и затрачиваемого на них времени под названием «тейлоризм», о котором много дискутировали в Германии во второй половине 1920-х гг.⁹⁹ Модернизация производства в соответствии с этими принципами позволила добиться впечатляющих успехов в угольной промышленности в Руре, где до войны вручную добывалось 98 % угля, а после нее этот показатель упал до 13 % в 1929 г. Использование пневматических буров для выработки угля, механизированные конвейерные ленты для доставки его к месту загрузки, а также реорганизация рабочих процедур позволили повысить ежегодную добычу угля в среднем на одного шахтера с 255 т в 1925 г. до 386 т в 1932 г. Такое повышение эффективности дало возможность добывающим компаниям быстро сократить штат своих сотрудников с 545 000 в 1922 г. до 409 000

в 1925 г. и 353 000 в 1929 г. Схожие процессы рационализации и механизации происходили в других отраслях экономики, особенно в быстро развивающейся автомобильной индустрии¹⁰⁰. Однако в других областях, таких как производство железа и стали, повышение эффективности достигалось не столько за счет механизации и модернизации, сколько за счет объединений и монополий. Несмотря на все обсуждения и споры по поводу «фордизма», «тейлоризма» и прочих инноваций, на конец 1920-х большая часть немецких промышленников имела очень традиционные взгляды на эти новые веяния¹⁰¹. Приспособление к новым экономическим условиям после стабилизации в любом случае означало сокращение расходов и рабочих мест. Ситуация усугублялась тем, что на рынок труда стало выходить довольно много людей, рожденных в довоенные годы, которые полностью заменили — даже превысив их число — убитых на войне или умерших в результате эпидемии гриппа, пронесшейся по миру сразу после нее. Перепись трудовых резервов 1925 г. показала, что доступной рабочей силы было на пять миллионов человек больше, чем в 1907 г., по следующей переписи 1931 г. таких людей стало больше еще на миллион с лишним. К концу 1925 г. из-за двойного влияния рационализации производства и роста численности работоспособного населения безработица достигла миллиона человек, в марте 1926 г. она превысила три миллиона¹⁰². В новых обстоятельствах бизнес перестал с готовностью идти на компромиссы с профсоюзами. Стабилизация означала, что работодатели больше не могли обеспечивать рост зарплат за счет повышения цен. Схема взаимодействия работодателей и профсоюзов, сложившаяся во время Первой мировой войны, утратила свою актуальность. Между предпринимателями и рабочими установились враждебные отношения, в которых свобода маневра для рабочих становилась все более ограниченной. Тем не менее в своих попытках сокращения расходов и повышения производительности работодатели продолжали сталкиваться с противодействием со стороны сильных профсоюзов, а также юридическими препятствиями, установленными государством. Система арбитражных судов, введенная в Веймарской республике, в трудовых спорах давала преимущество профсоюзам, по крайней мере так считали работодатели. Когда в 1928 г. в арбитражном

суде был решен яростный спор о зарплате в железнорудной и сталеной отрасли в Руре, работодатели отказались увеличить размер ставок и на четыре недели заблокировали доступ более чем 200 000 работникам металлургии на заводы. Правительство рейха под руководством социал-демократов в Большой коалиции, сформированной раньше в этом году, не только поддержало рабочих, но и выплатило им государственные пособия. Предпринимателям начало казаться, что весь аппарат Веймарской республики работал против них¹⁰³.

С их точки зрения, дела стали еще хуже из-за финансовых обязательств, наложенных на них государством. Чтобы облегчить самые тяжелые последствия стабилизации для рабочих и не допустить разрушения системы социального обеспечения, которое почти произошло во время гиперинфляции, правительство ввело сложную поэтапную схему страхования по безработице в 1926–27 гг. Новые законы предназначались для того, чтобы смягчить последствия потери работы для почти 17 миллионов рабочих, и наиболее важные из них, принятые в 1927 г., требовали одинаковых взносов от работодателей и от рабочих, а также устанавливали размер государственного кризисного фонда, который должен был использоваться в случае, если количество безработных превысит определенное число. Поскольку это число равнялось всего 800 000, было очевидно, что система вряд ли будет работать, если реальные цифры окажутся выше. На самом деле они превысили кризисный предел еще до того, как эта схема вступила в действие¹⁰⁴. Неудивительно, что такая система социального обеспечения подразумевала растущее вмешательство государства в экономику, которое не нравилось бизнесу. Она создавала дополнительные расходы, заставляя работодателей тратить деньги ради обеспечения гарантий рабочих, и обременяла увеличивающимися налогами предприятия и богатых бизнесменов. Самыми враждебными из всех были тяжелые промышленники из Рура. Юридические ограничения рабочего времени не позволяли им во многих случаях использовать свои заводы круглосуточно. Считалось, что взносы по схеме страхования по безработице, утвержденные в 1927 г., калечат бизнес. В 1929 г. национальная организация промышленников выступила с заявлением, что

страна больше не может выдерживать такое положение дел, и призвала к резкому снижению государственных расходов вместе с формальным окончанием прежней трудовой политики, которая позволила сохранить большой бизнес во время революции 1918 г. Утверждение о том, что причиной их проблем стала именно система соцобеспечения, а не состояние международной экономики, было, мягко говоря, преувеличением, однако новое враждебное отношение к профсоюзам и социал-демократам среди многих предпринимателей во второй половине 1920-х не оставляло сомнений¹⁰⁵.

Таким образом, большой бизнес к концу 1920-х уже лишился иллюзий относительно Веймарской республики. Влияние, которым он наслаждался до 1914 г. и еще больше во время войны и в послевоенные годы инфляции, теперь оказалось чрезвычайно ослабленным. Более того, его публичный статус, когда-то очень высокий, сильно понизился в результате финансовых и других скандалов, всплывших на поверхность во время инфляции. Люди, потерявшие свои сбережения из-за сомнительных вложений, искали, на кого свалить вину. Одним из козлов отпущения в 1924–25 гг. стал Юлиус Бармат, русско-еврейский предприниматель, который в сотрудничестве с высокопоставленными социал-демократами занимался импортом продовольствия сразу после войны, а затем использовал кредиты, полученные Прусским государственным банком и Управлением почт и телеграфа, для финансовых спекуляций во время инфляции. Когда к концу 1924 г. его фирма развалилась, оставив 10 миллионов рейхсмарок долгов, крайние правые воспользовались возможностью провести оскорбительную кампанию в прессе с обвинением высокопоставленных социал-демократов, таких как бывший канцлер Густав Бауэр, во взятках. Финансовые скандалы такого рода, как правило, использовались крайне правыми для обоснования своих утверждений о том, что еврейская коррупция оказывала непомерное влияние на веймарское государство и привела к банкротству многих простых немцев, принадлежащих к среднему классу¹⁰⁶.

Что мог сделать бизнес, чтобы исправить эту ситуацию? Его возможности политического маневра были ограничены. С первых дней республики бизнес стремился оградить промыш-

ленность от политического вмешательства и обеспечить себе политическое влияние или, по крайней мере, расположение со стороны политиков за счет финансовой поддержки «буржуазных» партий, в особенности националистов и Народной партии. Крупные концерны часто имели финансовое влияние на основные газеты через инвестиции, но это редко переходило в непосредственное политическое давление. Когда владелец часто вмешивался в редакторскую политику, как в случае с Альфредом Гугенбергом (чья медиаимперия быстро развивалась во время Веймарской республики), это, как правило, не имело отношения к интересам самого бизнеса. К началу 1930-х ведущие бизнесмены были так раздражены правым радикализмом Гугенберга, что начали задумываться о его исключении из Националистической партии. Бизнес был далек от того, чтобы выражать одно мнение по поводу затрагивавших его вопросов. Представители бизнеса не только расходились по политическим вопросам, как в случае с Гугенбергом, но и имели различные экономические интересы. Таким образом, если железодобывающие, сталелитейные и угольные компании в Руре яростно противостояли социальному веймарскому государству и веймарской системе коллективного договора, то компании вроде Siemens или I.G. Farben, гиганты более современных отраслей экономики, были вполне готовы к компромиссам. Некоторые конфликты интересов существовали и между отраслями, ориентированными на экспорт, которые относительно успешно функционировали в период стабилизации и сокращения издержек, и отраслями, производящими товары в основном для внутреннего рынка, к которым опять же относились железные и стальные магнаты Рура. Однако даже среди последних наблюдались серьезные расхождения во мнениях. Так, Крупп на самом деле был не согласен с жесткой позицией, принятой работодателями в локауте 1928 г. К концу 1920-х бизнес разделился по политическим взглядам и был задавлен ограничениями, установленными веймарским государством. Он потерял большую часть политического влияния, которое имел во время инфляции. Разочарование в республике, испытываемое наиболее влиятельными представителями бизнеса, вскоре переросло в открытую враждебность.

Культурные войны

I

Конфликты, разрывавшие Веймар, были больше чем просто политическими или экономическими распрями. Их внутренняя сущность в большой степени обуславливалась тем, что они не просто имели место на заседаниях парламента и на выборах, но пронизывали все аспекты повседневной жизни. Равнодушие к политике было совершенно нехарактерно для немецкого общества в годы, предшествовавшие рождению Третьего рейха. Люди даже страдали от чрезмерной вовлеченности в политику и от политических убеждений. Одним из доказательств этого являются крайне высокие показатели явки избирателей на выборы — как правило, не менее 80 процентов¹⁰⁸. К выборам никто не относился равнодушно, что, как считается, является признаком зрелой демократии. Наоборот, во время избирательных кампаний во многих частях Германии каждая свободная полоска наружных стен и рекламных стендов была покрыта плакатами, во всех окнах были вывешены флаги, все здания пестрели цветами той или иной политической партии. Все это выходило далеко за пределы простого чувства долга, которое, по словам некоторых политиков, приводило избирателей на выборы в довоенные годы. Казалось, в обществе не было областей, свободных от политики.

И ничто не свидетельствовало об этом с большей очевидностью, чем пресса. В 1931 г. в Германии появилось не менее 4700 газет, и 70 % из них были ежедневными. Многие были местными, с малым тиражом, но некоторые, вроде *Frankfurter Zeitung* («Франкфуртской газеты»), представляли собой полноформатные издания с международной репутацией. Такие органы образовывали только небольшую часть политически ориентированной прессы, которая составляла примерно четвертую часть всех газет. Примерно три четверти политически ориентированных газет симпатизировали центристской партии, либо ее южному

аналогу, Баварской народной партии, либо социал-демократам¹⁰⁹. Политические партии придавали большое значение изданию собственных ежедневных газет. *Vorwärts* («Вперед») для социал-демократов и *Rote Fahne* («Красный флаг») для коммунистов были ключевыми инструментами пропаганды. Наряду с ними выходило множество ежедневных журналов, местных газет, глянцевого иллюстрированных таблоидов и специализированных изданий. Такие организаторы газетной пропаганды, как шеф коммунистической прессы Вилли Мюнценберг, заработали практически мифическую репутацию создателей и манипуляторов СМИ¹¹⁰. На противоположном краю политической сцены находился еще один человек-легенда, Альфред Гугенберг, который в 1916 г., будучи председателем правления оружейного производства Круппа, приобрел газетную компанию Шерля. Два года спустя он также купил крупное новостное агентство и через него в годы Веймарской республики передавал репортажи и передовицы во многие СМИ. В конце 1920-х гг. Гугенберг ко всему прочему стал владельцем гигантской кинокомпании UFA. Он использовал свою медиаимперию для распространения опасных идей германского национализма и мыслей о том, что настало время для восстановления монархии. В конце 1920-х гг. его репутация достигла таких высот, что его называли «некоронованным королем» Германии и «одним из самых могущественных людей на земле»¹¹¹.

Однако, что бы ни думали люди, такие возможности СМИ не удавалось трансформировать непосредственно в политическую власть. Доминирование Гугенберга в СМИ совершенно не помогало противостоять постоянному упадку влияния националистов после 1924 г. Политические газеты в целом имели небольшие тиражи. В 1929 г., например, «Красный флаг» продавался в количестве 28 000 экземпляров в день, «Вперед» — 74 000 экземпляров в день, а гугенберговская *Der Tag* («День») лишь немногим более 70 000 экземпляров в день. Это совсем не впечатляющие цифры, как их ни оценивать. Более того, продажи «Красного флага» упали до 15 000, как раз когда коммунисты стали набирать больше голосов в начале 1930-х. В целом тиражи откровенно политической прессы упали примерно на треть в период с 1925 по 1932 год. Тиражи либеральных ежедневных газет также снизились¹¹². Тираж

«Франкфуртской газеты», возможно самой престижной из всех либеральных ежедневных газет, снизился со 100 000 в 1915 г. до 71 000 в 1928 г. Как прекрасно знали редакторы газет, многие читатели провеймарской либеральной прессы голосовали за оппозиционные партии. Здесь политическая власть редакторов и владельцев также казалась ограниченной¹¹³.

В 1920-е гг. политическую прессу подрывало в первую очередь распространение так называемых «бульварных газет», дешевых, сенсационных таблоидов, которые продавались на улицах, особенно днем и по вечерам, и не зависели от постоянных подписчиков. Богато иллюстрированные, с широким охватом спортивных событий, рассказами о кино, местных новостях, преступлениях, скандалах и сенсациях, эти газеты делали упор на развлечения, а не на предоставление информации. Однако они тоже могли занимать ту или иную политическую позицию, как хугенберговский *Nachtausgabe* («Ночной выпуск»), тираж которого вырос с 38 000 в 1925 г. до 202 000 в 1930 г., или мюнценберговский *Welt am Abend* («Вечерний мир»), продажи которого подскочили с 12 000 в 1925 г. до 220 000 в 1930 г. В общем и целом провеймарской прессе было сложно выдерживать такую конкуренцию, хотя либерально ориентированная издательская империя Ульштайна и выпускала успешную газету *Tempo* («Время») тиражом 145 000 в 1930 г. и *BZ am Mittag* (дневной выпуск «Берлинер Цайтунг») тиражом 175 000 в том же году. Социал-демократы не могли конкурировать на этом рынке¹¹⁴. Именно на этом уровне газетная политика имела реальное влияние. Скандалные листовки подрывали основы республики своими сенсационными разоблачениями реальных или вымышленных финансовых преступлений, совершенных прореспубликанскими политиками. Широкое освещение в популярной прессе полицейских расследований и судебных процессов по делам об убийствах создавало впечатление, что общество задыхается от разгула жестокой преступности. В провинциях якобы неполитические местные газеты, часто получающие информацию от правых пресс-агентств, оказывали похожее, хотя и не такое сильное влияние. Издательская империя Гугенберга, может, и не спасла националистов от упадка, но ее постоянное внимание к беззакониям республики было еще

одной причиной, по которой Веймар утратил легитимность и по которой люди пришли к выводу, что им нужна другая власть. Поэтому в конечном счете пресса все-таки оказала определенное влияние на избирателей, в первую очередь настроив их в целом против веймарской демократии¹¹⁵.

Появление скандальной популярной прессы было только одним среди многих новых и для некоторых людей тревожных явлений в сфере массовых коммуникаций и на культурной сцене в 1920-х и начале 1930-х гг. Экспериментальная литература, «конкретная поэзия» дадаистов, модернистские романы Альфреда Дёблина, социально-критические пьесы Бертольда Брехта, жалящий полемический стиль репортажей Курта Тухольского и Карла Осецкого — все это разделяло читателей на меньшинство, принимавшее вызов нового, и большинство, считавшее подобное творчество «культурным большевизмом». Рядом с энергичной радикальной литературной культурой Берлина существовала другая литература, обращенная к консервативной националистической части среднего класса, исполненная ностальгии по потерянному бисмарковскому прошлому и предвещавшая возвращение этого прошлого и долгожданный крах Веймарской республики. Особенно популярной в то время была книга Освальда Шпенглера «Закат Европы», в которой говорилось, что история человечества делится на естественные циклы: весна, осень, лето, зима — и что Германия начала XX века находится в стадии зимы, характеризующейся «тенденциями нерелигиозного и рационального урбанистического космополитизма», при котором искусство страдает «от засилья иностранных форм».

В политике, по мнению Шпенглера, зима означала господство чуждых, космополитических масс и крах устоявшихся форм государства. Шпенглер обрел многих сторонников благодаря своему утверждению, что сложившаяся ситуация предвещала начало неизбежного перехода к новой «сельскохозяйственно-интуитивной» весне, «органичной структуре политического существования», открывавшей дорогу для «могучих творений пробуждающейся, обремененной снами души»¹¹⁶. Другие писатели давали надвигавшемуся периоду возрождения новое имя, которое вскоре будет с энтузиазмом принято радикальными правыми:

Третий рейх. Это понятие получило популярность благодаря неоконсервативному писателю Артуру Мёллеру ван ден Бруку, опубликовавшему в 1923 г. книгу с таким названием. Он утверждал, что идеал рейха возник при Карле Великом и был возрожден Бисмарком: рейх представлял собой противоположность партийному правительству, существовавшему в Веймарской республике. На данный момент, писал он, Третий рейх является мечтой: чтобы сделать ее реальностью, необходима националистическая революция. Тогда политические партии, разделяющие Германию, будут уничтожены. Когда наконец наступит Третий рейх, все политические и социальные группы объединятся в едином порыве национального возрождения. Он восстановит непрерывность немецкой истории, возродит ее средневековую славу. Он станет «последним рейхом» из всех¹¹⁷. Другие писатели вроде юриста Эдгара Юнга использовали эту концепцию и стали провозглашать «консервативную революцию», которая бы привела к утверждению Третьего рейха в ближайшем будущем¹¹⁸.

Ниже этого уровня относительно изысканной абстракции было много других писателей, которые так или иначе прославляли ценности, которые, по их мнению, отрицала Веймарская республика. Бывший армейский офицер Эрнст Юнгер пропагандировал миф о 1914 г., а в своей популярной книге «В стальных грозах» воспевал образ фронтовых солдат, которые смогли познать себя только в испытаниях насилием, лишениями и болью¹¹⁹. Добровольческие бригады извергли целый поток романов, прославлявших ненависть ветеранов к революционерам, часто выраженную в словах, от которых стыла кровь, рисовавших убийство и насилие как крайнее выражение возмущенной мужественности, жаждущей мести за крах 1918 г., революцию и приход демократии¹²⁰. Вместо бесхарактерных компромиссов парламентской демократии авторы вроде этих и многие другие провозглашали необходимость сильного руководства, жесткого, безжалостного, бескомпромиссного, готового без сожаления раздавить врагов нации¹²¹. Другие обращались к идиллическому сельскому миру, полностью лишенному сложностей и декадентства современной городской жизни, как в романе Адольфа Бартельса «Житель Дитмаршена», к 1928 г. проданного в объеме более 200 000 экземпляров¹²².

Все это отражало распространенное ощущение культурного кризиса, и не только внутри консервативной элиты. Конечно, многие аспекты модернистской культуры и СМИ были заметны уже до войны. Авангардное искусство посягало на сознание общества работами экспрессионистов вроде Эрнста Людвиг Кирхнера, Августа Макке или Эмиля Нольде и абстракционистов вроде русского по происхождению, но проживавшего в Мюнхене Василия Кандинского. Вторая Венская школа породила атональную и экспрессивную музыку Шёнберга, Веберна, Берга и Землинского, а сексуально откровенное драматическое направление в пьесах вроде «Пробуждение весны» Франка Ведекинда уже вызывало всеобщий гнев. Во время рейха Вильгельма велись постоянные споры относительно пределов пристойности в литературе и угрозе, которую представляли якобы непатриотичные и подрывные или порнографические и безнравственные книги, многие из которых были запрещены полицией¹²³.

Ощущение культурного кризиса, порожденное у среднего класса в начале века появлением модернистского искусства и культуры, сдерживалось при режиме Вильгельма, а наиболее экстремальные формы такого искусства были популярны лишь у узкого круга людей. Однако после 1918 г. оно стало намного более распространенным. Упразднение или по крайней мере ослабление цензуры, такой жесткой во время войны и так активно действовавшей в годы правления Вильгельма, поощряло СМИ обращаться к ранее запретным темам. Театр стал двигателем радикальных экспериментов и агитационной пропаганды левых¹²⁴. Удешевление технологий копирования и печати упростило публикацию недорогих иллюстрированных газет и журналов для массового рынка. Особенно яростные дебаты развернулись вокруг Веймарской школы строительства, Баухауса, основанной архитектором Вальтером Гропиусом и образовавшейся в результате объединения Веймарской академии искусств и Веймарской школы прикладного искусства. Этот центр образования стремился соединить высокое искусство с практическим дизайном, в нем работали такие люди, как Василий Кандинский, Оскар Шлеммер, Пауль Клее, Тео ван Дусбург и Ласло Мохой-Надь. Его богемные студенты, и мужчины и женщины, не пользовались

популярностью у горожан, а радикально упрощенные, ровные и ультрамодернистские модели осуждались местными политиками как образцы, больше похожие на примитивное искусство первобытных народов и не имеющие какого-либо отношения к Германии. В 1924 г. государственное финансирование центра прекратилось, и Баухаус переехал в Дессау, но его продолжили терзать обвинениями, особенно при новом директоре Ханнесе Майере. Майер симпатизировал коммунистам и по этой причине в 1930 г. был смещен со своего поста. На его место пришел архитектор Людвиг Мис ван дер Роэ, который исключил из Баухауса студентов-коммунистов и вместо прежних коммунарских порядков, введенных Баухаусом, ввел более жесткий, даже авторитарный режим. Нацистское большинство, избранное в городское собрание в ноябре 1931 г., закрыло Баухаус после официальной инспекции Пауля Шульце-Наумбурга, ультраконсервативного автора книги «Искусство и раса». После этого он переехал в здание бывшего завода в Берлине, но с этого времени был уже не более чем бледной тенью прежнего Баухауса. Его судьба иллюстрирует, насколько трудно было авангардной культуре получить официальное признание даже в свободной культурной обстановке Веймарской республики¹²⁵.

Новые средства коммуникации также вносили свой вклад в ощущение того, что старые культурные ценности находятся под угрозой. В этот период впервые в качестве популярного культурного явления стало выступать радио: в 1926 г. был зарегистрирован миллион слушателей, еще три миллиона добавились в 1932 г. В эфире могли звучать самые разные мнения, включая левые. Кинотеатры открылись в больших городах еще до 1914 г., а в конце 1920-х они уже собирали массовую аудиторию, которая увеличилась еще больше с появлением в конце десятилетия звукового кино. У многих культурных консерваторов сильное чувство эстетической дезориентации вызывали экспрессионистские фильмы вроде «Кабинета доктора Калигари» с его знаменитыми наклоненными декорациями и насыщенные эротикой фильмы вроде «Ящика Пандоры» с американской актрисой Луизой Брукс в главной роли. Такая острая сатира на буржуазные традиции, как «Голубой ангел», снятый по книге Генриха Манна, с Эмилем

Яннингсом и Марлен Дитрих, вызвала недовольство выпускающей компании, гугенбергской UFA, и не в последнюю очередь за изображение циничного и расчетливого эротического поведения главной героини¹²⁶. Фильм по роману Ремарка «На западном фронте без перемен» вызвал яростную кампанию протеста со стороны ультранационалистов, которые считали его пацифистские идеи непатриотичными¹²⁷.

В буржуазной культуре почитались идеалы красоты, духовного совершенствования и художественной чистоты, над которыми будто издевались в своих манифестах дадаисты, а «новая вещественность» (*Neue Sachlichkeit*) ставила в центр внимания повседневные события и предметы в попытке создать новую эстетику современной городской жизни. Это не всем было по нраву. Вместо погружения в удивительные глубины мысли, навеянной мифическим миром вагнеровского цикла «Кольцо Нибелунга» или ритуально-религиозной музыкальной драмой «Парсифаль», буржуазные театралы теперь сталкивались в Кроль-опере с постановкой «Новостей дня» Пауля Хиндемита, в которой обнаженная дива пела свою арию, сидя в ванной. Вместе со сладкозвучием позднего романтизма в творчестве самого популярного в высшем обществе композитора Рихарда Штрауса, имевшего ранее славу *enfant terrible*, но ныне сочинявшего легкие и эмоционально не нагруженные оперы вроде «Интермеццо» и «Елены Египетской», аудитории теперь предлагался шедевр экспрессионизма Альбана Берга «Воццеки», посвященный жизни бедных и униженных жизнью людей начала XIX века, в котором использовалась атональная музыка и фрагменты обычной речи. Консервативный композитор Ганс Пфизнер получил самую широкую поддержку, когда объявил подобные тенденции симптомами национальной деградации и приписал их еврейскому влиянию и культурному большевизму. Немецкую музыкальную традицию, провозглашал он, необходимо было защищать от таких угроз, которые стали еще более острыми, после того как в 1925 г. прусское правительство назначило австрийского еврея атоналиста Арнольда Шёнберга на должность преподавателя композиции в Государственной музыкальной академии в Берлине. Музыкальная жизнь была главным элементом самоидентификации

буржуазии в Германии, здесь ей придавали, возможно, более важное значение, чем в любой другой европейской стране, и подобные изменения затрагивали ее самые глубинные основы¹²⁸.

Еще большую угрозу в этом смысле представляло влияние американского джаза, который начал звучать в таких постановках, как «Трехгрошовая опера» (музыка Курта Вайля, текст Бертольда Брехта), язвительно осуждавшая эксплуатацию в мире воров и преступников и вызвавшая волны шока в культурном мире после премьеры в 1928 г. Похожий эффект произвела опера Эрнста Кшенека «Джонни наигрывает», поставленная в феврале 1927 г., в которой главным персонажем был чернокожий музыкант. Многие модернистские композиторы считали джаз стимулом для обновления своего искусства. Конечно, по сути эта музыка была формой популярного искусства, ее играли в тысячах ночных клубов и баров, в основном в Берлине, она звучала на танцевальных площадках, в эстрадных представлениях и холлах отелей. Гастролирующие биг-бэнды и шоу-группы, такие как «Тиллер Герлз», оживляли берлинскую жизнь, а особо смелые люди могли провести вечер в клубе вроде «Эльдорадо», «супермаркете эротики», как его назвал популярный композитор Фридрих Холендер, и посетить представление Аниты Бербер, исполнявшей порнографические танцы с названиями вроде «Кокаин» и «Морфий» для аудитории, щедро разбавленной трансвеститами и гомосексуалистами, до своей ранней смерти, наступившей от злоупотребления наркотиками в 1928 г. Представления кабаре добавляли во все это элемент острой, антиавторитарной политической сатиры и вызывали гнев напыщенных консерваторов своими шутками о «националистических и религиозных настроениях и обычаях христиан и немцев», как гневно жаловался один из них. Возмущение традиционных моралистов вызывали танцы вроде танго, фокстрота и чарльстона, а их расистская риторика была направлена против чернокожих музыкантов (хотя таких было очень немного и большинство из них задействовались в основном в роли барабанщиков или танцоров, чтобы придать представлению налет экзотики).

Ведущий музыкальный критик Альфред Эйнштейн назвал джаз «самым мерзким предательством всей западной цивилизо-

ванной музыки», а Ганс Пфизнер выступил с резким осуждением Франкфуртской консерватории за включение джаза в программу обучения студентов. Он говорил, что джаз примитивен и является «порождением негритянства» и «музыкальным выражением американизма»¹²⁹. Джаз и свинг казались гребнем волны культурной американизации. Такие сильно различающиеся явления, как фильмы Чарли Чаплина и современные методы производства в «фордизме» и «тейлоризме», рассматривались некоторыми как угроза исторической идентичности Германии. Массовое производство рисовало перспективу массового потребления, появления огромных универсамов, предлагающих поразительное разнообразие иностранных товаров, а иностранные сетевые магазины, например магазины Вулворта, делали по крайней мере некоторые из этих товаров доступными для обычной рабочей семьи. Схемы массового проживания и планировка современных жилищ бросали вызов консервативным идеалам народного стиля и вызывали яростные споры. Для культурных правых критиков влияние Америки, характерного символа современности, означало усиливавшуюся необходимость возрождения немецкого образа жизни, немецких традиций, немецких связей с предками и землей¹³⁰.

Немцы старшего поколения в особенности чувствовали эту отчужденность, не в последнюю очередь из-за новой атмосферы культурной и сексуальной свободы, которая возникла после отмены официальной цензуры и полицейского контроля в 1918 г. и была характерна для многих ночных клубов Берлина. Один армейский офицер, родившийся в 1878 г., позже вспоминал:

Вернувшись домой, мы обнаружили не честных немцев, а толпу, движимую самыми низменными инстинктами. Какими бы добродетелями ни обладали немцы раньше, они, казалось, потонули раз и навсегда в мутном потоке... Распушенность, бесстыдство и развращенность правили бал. Немецкие женщины как будто забыли свои немецкие корни. Немецкие мужчины как будто забыли о своем чувстве чести и достоинства. Еврейские писатели и пресса могли бесчинствовать, с безнаказанностью втапывая все в грязь¹³¹.

Ощущение того, что порядок и дисциплина были уничтожены революцией и общество погружалось в глубины моральной и сексуальной деградации, было присуще как левым, так и правым. Социал-демократы часто имели весьма пуританские представления о личных отношениях, ставя политические обязательства и самопожертвование выше личной жизни, и многие из них были шокированы открыто гедонистической культурой молодежи в Берлине и других городах в «бушующие двадцатые». Коммерциализация досуга, кино, таблоидной прессы, танцевальных площадок и радио заставляла многих молодых людей отвернуться от более строгих и традиционных ценностей рабочей культуры¹³².

Сексуальная свобода, которой открыто наслаждалась молодежь в больших городах, встречала огромное осуждение у старшего поколения. Все началось еще до войны. После подъема многочисленного и громогласного феминистского движения публика и пресса привыкли к тому, что женщины стали обсуждать любые вопросы, занимать по крайней мере некоторые важные должности и решать свою судьбу самостоятельно. Начиная с 1910 г. в Международный рабочий женский день 8 марта на улицах крупных городов проходили ежегодные демонстрации в поддержку избирательного права женщин, и в них участвовали даже феминистки из среднего класса, хотя и ехали они при этом в экипажах. Кампания увенчалась успехом. Помимо этого некоторые феминистки добились права на сексуальную жизнь, равных прав для незамужних матерей и бесплатных консультаций по противозачаточным средствам. Идеи Фрейда, склонного приписывать сексуальные мотивы человеческим действиям и устремлениям, обсуждались еще до войны¹³³. Берлин, быстро приобретший статус космополитического метрополиса, уже стал центром разнообразных социальных и сексуальных субкультур, включая быстро растущее движение гомосексуалистов и лесбиянок¹³⁴.

Критики связывали эти тенденции с разрушением семьи, которое, в свою очередь, было вызвано растущей экономической независимостью женщин. Быстрое развитие сферы обслуживания с ее новыми возможностями трудоустройства для женщин, начиная от должностей продавцов в больших магазинах и заканчивая секретарской работой в стремительно растущем офисе

мире (здесь большую роль сыграло феминизирующее влияние пишущей машинки), создало новые формы эксплуатации и дало большому числу молодых, незамужних женщин финансовую и социальную независимость, которой они были лишены раньше. Это стало еще более заметным после 1918 г., когда в Германии было 11,5 миллиона работающих женщин, которые составляли 36 % всего рабочего населения. Хотя по сравнению с довоенной ситуацией это не было сколько-нибудь серьезным изменением, многие из них теперь работали «на виду», в качестве водителей трамваев, в универмагах или, хотя таких было совсем немного, в юридических, университетских или медицинских профессиях¹³⁵. Конкурентная борьба женщин за мужские рабочие места и опасения националистов, что сила Германии подрывается падением рождаемости, продолжавшимся с начала века, а также более неопределенные культурные тревоги создали в обществе негативный фон, который стал заметен еще до 1914 г.¹³⁶ В Германии до войны наблюдался заметный кризис мужественности. Националисты и пангерманисты призывали женщин вернуться домой, в семью для исполнения своего предназначения — рождения и обучения детей для нации. Острота реакции на вызов феминизма означала, что феминисткам пришлось уйти в оборону, они стали обособляться от своих более радикальных сторонниц и все сильнее подчеркивали свой националистический настрой и желание не идти слишком далеко в своих революционных требованиях¹³⁷.

После 1918 г. женщинам было предоставлено избирательное право, они могли голосовать и участвовать в выборах всех уровней, от местных советов до рейхстага. Они формально получили право занимать высокие должности, а роль, которую они играли в общественной жизни, была намного более значительной, чем до войны. Соответственно враждебные призывы антифеминистов, которые считали, что место женщины находится дома, получили гораздо более широкую аудиторию. Такое осуждение сопровождалось гораздо более открытой, чем до войны, демонстрацией сексуальности в либеральной атмосфере больших городов. Еще более шокирующими для консерваторов стали публичные выступления за права гомосексуалистов со стороны отдельных людей, таких как Магнус Хиршфельд, основатель безобидного на первый взгляд

«Научного гуманитарного комитета» в 1897 г. На самом деле Хиршфельд был открытым гомосексуалистом и во многих публикациях пропагандировал противоречивую идею о том, что гомосексуалисты представляют собой «третий пол» и их сексуальная ориентация является врожденным фактором, а не обусловлена средой. Деятельность его комитета была посвящена устранению статьи 175 Имперского уголовного кодекса, который ставил вне закона «непристойные отношения» между мужчинами. Консерваторы были разгневаны тем фактом, что в 1919 г. правительство социал-демократов в Пруссии дало Хиршфельду большой грант для преобразования его неофициального комитета в финансируемый государством Институт сексуальных наук, размещавшийся в районе Тиргартен в центре столицы. Институт предоставлял консультации, проводил популярные собрания, на которых обсуждались темы вроде «как заниматься сексом, не заводя детей?», и проводил кампании за реформу всех законов, регулирующих сексуальное поведение. Хиршфельд быстро наладил широкую сеть международных контактов, организовал Всемирную лигу сексуальных реформ, штаб-квартирой которой в 1920-х был его собственный институт. Он приложил много усилий для распространения общественных и частных клиник предупреждения беременности и сексуальных консультаций в Веймарской республике. Неудивительно, что его постоянно поносили националисты и нацисты, чья попытка ужесточить закон при поддержке центристской партии была с небольшим перевесом заблокирована голосами коммунистов, социал-демократов и демократов из Комитета по реформированию уголовного права в рейхстаге в 1929 г.¹³⁸

Враждебность националистов основывалась не просто на примитивном моральном консерватизме. Германия потеряла два миллиона мужчин на войне, а уровень рождаемости все еще падал. В период между 1900 и 1925 г. число родившихся детей на тысячу замужних женщин младше 45 лет, действительно, очень резко упало с 280 до 146. В 1927 г. были смягчены законы, ограничивавшие продажу презервативов, и к началу 1930-х гг. в общественных местах было установлено более 1600 торговых автоматов, а только в одном Берлине производилось 2,5 миллиона презервативов в год. Открывались центры сексуальной консультации,

где можно было получить советы по контрацепции, и многие из них, как институт Хиршфельда, финансировались, а в некоторых случаях управлялись прусским или другим региональным правительством, что приводило в бешенство моральных консерваторов. Аборт был куда более спорным делом, не в последнюю очередь из-за связанных с ним серьезных медицинских рисков, но и здесь закон был смягчен, и с 1927 г. аборт квалифицировался уже не как уголовное преступление, а как мелкий проступок. Громкое осуждение контроля рождаемости в папской энциклике *Casti Connubii* («Целомудренный брак») в декабре 1930 г. подлило масла в огонь споров, а в 1931 г. прошло около 1500 митингов и демонстраций в рамках масштабной коммунистической кампании против подпольных абортов¹³⁹.

Многим людям такие кампании казались частью продуманного плана по сокращению численности немецкого народа и подрыву рождаемости. Не было ли все это, вопрошали консерваторы и радикальные националисты, следствием женской эмансипации и подлого морального потакательства сексуальной распущенности? Для националистов феминистки были немногим лучше предателей нации, потому что поощряли женщин работать вне дома. Однако сами феминистки были не менее обеспокоены новой атмосферой сексуальной свободы. Многие из них критиковали двойные стандарты сексуальной морали — свобода для мужчин, непорочность для женщин — еще до войны и вместо этого провозглашали единый стандарт сексуального ограничения для обоих полов. Их пуританство, выразившееся в кампаниях против порнографических книг и сексуально откровенных фильмов и картин и в осуждении девушек, предпочитавших танцевальные площадки читальным залам, было нелепым с точки зрения многих женщин молодого поколения, и к концу 1920-х традиционные феминистские организации, уже добившиеся избирательного права для женщин и, таким образом, утратившие свою изначальную цель, жаловались на то, что молодежь не проявляет к ним интереса¹⁴⁰. Феминизм занял оборонительную позицию, и женщины из среднего класса, обеспечивавшие ему основную поддержку, отрекались от своих традиционно либеральных взглядов и все больше склонялись в сторону правых партий.

Феминистское движение чувствовало необходимость защищать себя от обвинений в подрыве немецкой расы, настаивая на пересмотре Версальского мирного договора с националистических позиций, требуя перевооружения, защищая семейные ценности и говоря о необходимости сексуального самоограничения. Как показало время, привлекательность правого экстремизма для женщин оказалась не менее сильной, чем для мужчин¹⁴¹.

II

Молодые люди, и в особенности юноши, стремились выработать собственный отличительный культурный стиль еще до Первой мировой войны. Ключевую роль здесь играло «молодежное движение», разрозненное, но быстро растущее собрание неформальных клубов и обществ, занимавшихся такими вещами, как туризм, общение с природой, пение народных песен и чтение патриотических стихов вокруг костра. Разумеется, все политические партии пытались привлекать молодежь, особенно после 1918 г., создавая для них собственные организации, такие как «Молодежь Бисмарка» у националистов или «Лига Виндхорста» в центристской партии, но что было удивительно в молодежном движении, так это его независимость от формальных политических институтов, часто объединенная с презрением по отношению к нравственным компромиссам и лжи взрослой политической жизни. В движении воспитывалось недоверие к современной культуре, городской жизни и официальным политическим институтам. Многие, если не большинство молодежных групп имели свою военную форму, похожую на форму бойскаутов, и придерживались антисемитских взглядов, часто отказываясь принимать евреев в свои ряды. Некоторые подчеркивали необходимость нравственной чистоты и отказывались от курения, спиртного и отношений с девушками. Другие, как мы видели, были женоненавистниками. Даже если ответственность молодежного движения за прокладывание дороги для нацизма была преувеличена историками, подавляющее большинство независимых молодежных организаций все равно враждебно относились

к республике и ее политикам, придерживались националистических взглядов и имели милитаристский характер и устремления¹⁴².

Влияние молодежного движения, наиболее сильно сказывавшееся на протестантском среднем классе, практически не встречало противодействия со стороны образовательной системы. «Все ученики старших классов — националисты, — писал Виктор Клемперер в 1925 г. — Они учатся этому у своих учителей»¹⁴³. Однако ситуация была, вероятно, более сложной, чем ему представлялось. Во времена рейха кайзер лично поддерживал попытки замены либеральных традиций в классическом немецком образовании на патриотическое обучение с ориентацией на немецкую историю и язык. К 1914 г. многие учителя по своим убеждениям были националистами, консерваторами и монархистами, и учебники и уроки в основном формировали именно такое политическое мировоззрение. Однако достаточно многочисленное меньшинство склонялось к различным либерально-центристским и левым мнениям. Более того, в 1920-е гг. в областях, где доминировали социал-демократы, в особенности в Пруссии, предпринимались активные усилия заставить школы воспитывать из учеников образцовых граждан, лояльных к новым демократическим институтам республики, и атмосфера в школьной системе соответствующим образом менялась. Миллионы молодых людей заканчивали школу убежденными коммунистами, или социал-демократами, или сторонниками центристской партии. Но были и миллионы других, придерживавшихся консервативных или радикально правых политических взглядов. В конечном счете ни учителя, бывшие либералами или социал-демократами, ни консерваторы и монархисты не смогли оказать большого влияния на политические представления своих учеников, и многие из их политических идей были отвергнуты как абсолютно не соответствовавшие той реальности, которую дети видели каждый день вокруг себя в Веймарской республике. Для молодых людей, ставших впоследствии нацистами, становление политических взглядов часто было связано с борьбой против строгостей школьной системы, а не с поддержкой идей нацистских и донацистских учителей. Один ученик националистических взглядов, родившийся в 1908 г., вспоминал, что имел постоянные

стычки со своими учителями, «потому что с детства я ненавидел рабскую покорность». Он признавал, что к его политическому воспитанию приложил руку учитель-националист, но замечал в то же время, что стиль преподавания его кумира «образовывал сильный контраст со всем остальным, чему учили в школе». Другой ученик долгое время ненавидел свою бывшую школу, в которой его регулярно наказывали за оскорбление еврейских одноклассников¹⁴⁴.

Где крайне правые политические предпочтения молодежи были наиболее очевидными, так это в немецких университетах, многие из которых были знаменитыми центрами обучения с традициями, восходящими к Средним векам. При Веймарской республике некоторым профессорам левых взглядов удавалось получить места, но их было немного. После войны университеты все еще оставались элитарными организациями, и почти все их студенты принадлежали к среднему классу. Особенно влиятельными были студенческие дуэльные общества, консервативные, монархические и националистические. Некоторые из них играли активную роль в силовом подавлении революционных восстаний 1919–21 гг. Чтобы нейтрализовать их влияние, в начале 1919 г. студенты во всех университетах организовали демократические представительные организации, соответствующие духу новой республики, — Генеральные студенческие союзы. Все студенты должны были входить в эти союзы и имели право голосовать за кандидатов, претендующих на места в их руководящих органах¹⁴⁵.

Студенческие союзы образовали национальную ассоциацию и стали играть определенную роль в таких областях, как социальное обеспечение студентов и университетские реформы. Но они тоже попали под влияние крайне правых. Под влиянием политических событий, от окончательного принятия условий Версальского мирного договора в 1919 г. и до французского вторжения в Рур в 1923 г., новые поколения студентов вливались в националистические ассоциации и собирались под знаменами традиционных студенческих обществ. Вскоре во все студенческие союзы стали выбирать кандидатов от правых сил, по мере того, как росло разочарование студентов в новой германской демократии, инфляция обесценивала их доходы, а переполненность университетов делала условия жизни еще более невыносимыми. Число

студентов быстро выросло с 60 000 в 1914 г. до 104 000 в 1931 г., не в последнюю очередь из-за демографических изменений. Правительства тратили значительные средства, чтобы расширить доступ к высшему образованию, и последнее стало средством пробиться наверх для сыновей мелких госслужащих, бизнесменов и даже для некоторых ремесленников. Финансовые проблемы в республике заставляли многих студентов обеспечивать себя самостоятельно, что было еще одной из причин недовольства. Однако уже с 1924 г. шансы все более многочисленной когорты выпускников найти работу начали уменьшаться, начиная с 1930 г. они практически стали равны нулю¹⁴⁶.

Подавляющее большинство профессоров, как показали их коллективные публичные заявления в поддержку военных целей Германии, также были убежденными националистами. Многие вносили свой вклад в сложившуюся интеллектуальную атмосферу своими лекциями, осуждавшими мирный договор 1919 г. В дополнение к этому принимались административные решения и выносились резолюции, направленные против угрозы, которую, по их мнению, представляли «расово чуждые» еврейские студенты, приходящие в университеты с Востока. Многие в обеспокоенных тонах писали о маячившей перспективе (которая существовала в основном в их собственном воображении) появления целых областей науки, в которых будут доминировать еврейские профессора, и осуждали политику их приема на работу. В 1923 г., когда французы оккупировали Рур, по немецким университетам прошла сильная волна националистического гнева, и студенческие группы приняли активное участие в организации сопротивления. Задолго до конца 1920-х университеты стали политическими рассадниками крайне правых взглядов. Формировалось поколение выпускников, которые считали себя элитой, поскольку жили в обществе, где только очень небольшой части населения удавалось попасть в университет. Это была элита, которая, помня о Первой мировой войне, ставила действие выше мысли, а национальную гордость выше абстрактного образования, элита, для которой расизм, антисемитизм и идеи германского превосходства стали практически второй натурой, элита, готовая решительно бороться со слабохарактерными

компромиссами чрезмерно терпимой либеральной демократии с той же жесткостью, которую демонстрировали их родители во время Первой мировой войны¹⁴⁷. Для такой молодежи насилие казалось рациональным ответом на катастрофы, обрушившиеся на Германию. Для самых умных и образованных старое поколение бывших солдат казалось слишком эмоционально израненным, слишком необузданным: что требовалось, так это трезвость в оценках, планирование и крайняя твердость во имя национального возрождения¹⁴⁸.

Все эти факторы в конечном счете были вторичными для большинства современников этих студентов. Гораздо более важным для них был суровый жизненный опыт, включивший в себя политическую дезориентацию общества, экономические лишения, войну, разруху, гражданский раздор, инфляцию, поражение в войне и частичную оккупацию Германии иностранными государствами, — опыт, общий для молодых людей, рожденных за десять лет до Первой мировой. Молодой служащий, родившийся в 1911 г., позже писал:

Мы ничего не избежали. Мы знали и чувствовали все проблемы, какие были у нас дома. Тень нужды никогда не покидала наш дом и делала нас молчаливыми. Нас *грубо вытолкнули из детства, не показав правильного пути*. Борьба за выживание рано стала нашим делом. Отчаяние, стыд, ненависть, ложь и гражданская война отпечатались в наших душах и заставили нас рано повзрослеть¹⁴⁹.

Поколение, сформировавшееся в период с начала века до Первой мировой войны, действительно было поколением людей, не ограниченных условностями, готовых ко всему, и во многих отношениях им предстояло сыграть роковую роль в судьбе Третьего рейха.

III

Радикально модернистская культура Веймара была одержима извращенными формами поведения, убийствами, жестокостью и преступлениями в степени, которая многим людям

среднего класса должна была казаться очень опасной. Рисунки художника Георга Гросса были полны жестоких сцен изнасилований и убийств, совершаемых сексуальными маньяками, и эта тема присутствовала во многих работах других художников тех дней. Убийцы были главными героями фильмов вроде «М» Фрица Ланга, пьес вроде «Трехгрошовой оперы» Бертольда Брехта и романов вроде модернистского шедевра Альфреда Дёблина «Берлин, Александерплац». Судебные процессы над реальными серийными убийцами, такими как Фриц Харман или «дюссельдорфский вампир» Петер Кюртен, становились национальными сенсациями, им посвящались красочные репортажи в прессе, описывающей массовому читателю все перипетии и повороты событий. Коррупция стала центральной темой даже в романах о Берлине, написанных иностранными гостями, как в работе Кристофера Ишервуда «Мистер Норрис пересаживается на другой поезд». Преступник стал объектом восхищения и страха, подкрепляя обоснованную тревогу в отношении социального порядка и усиливая отвращение среднего класса к перемене ценностей, которая, казалось, находится в центре модернистской культуры. Широчайшее освещение жизни серийных убийц в СМИ убеждало многих не только в том, что к таким «животным» необходимо применять смертную казнь, но и в необходимости введения цензуры, которая позволила бы прекратить воспевание их подвигов в популярной культуре и ежедневной бульварной прессе¹⁵⁰. Тем временем инфляция и беспорядок послевоенных лет вызвали к жизни организованную преступность такого масштаба, что она могла поспорить с современной мафией Чикаго, особенно в Берлине. Разрастающееся криминальное подполье этого города с его «обществами круговой поруки» прославляется в фильмах вроде «М»¹⁵¹.

Убеждение в том, что преступность вышла из-под контроля, широко разделялось людьми, занимавшимися поддержанием законности и порядка, которые, по мнению огромного числа граждан, были под угрозой. Вся судебная система, существовавшая в период Вильгельма, была перенесена без изменений в эру Веймара, в гражданский и уголовный кодексы практически не вносились поправки, и попытки либерализовать их, например

отменив смертную казнь, не привели ни к каким результатам¹⁵². Как и раньше, суд представлял собой группу специально обученных людей; они не назначались (как, например, в Англии) в суд после относительно длительной адвокатской карьеры. Таким образом, многие работающие судьи в 1920-е гг. были членами судебных органов в течение десятилетий, и их ценности и взгляды сформировались еще в эпоху кайзера Вильгельма II. Их положение укрепилось при республике, поскольку основным политическим принципом новой демократии, как и всех других, была независимость судебной власти от политического контроля — принцип, ясно и однозначно закрепленный в статьях 102 и 104 конституции. Поэтому, как и армия, суды могли долгое время функционировать без какого-либо политического вмешательства в их деятельность¹⁵³. Судьи были еще более независимы, потому что подавляющее большинство среди них считали законы, созданные законодательными собраниями, а не предложенные облеченным божественной властью монархом, не нейтральным инструментом, а, как выразился председатель Немецкой федерации судей (которая представляла интересы восьми из примерно десяти тысяч немецких судей), «партийными, классовыми и незаконнорожденными законами... законами лжи». «Когда у власти находятся несколько партий, — сокрушался он, — результатом становятся компромиссные законы. Они порождают путаницу в законодательной системе, они выражают противоречащие друг другу интересы правящих партий, они делают законодательство убогим. Все величественное сгинуло. Величие закона тоже»¹⁵⁴. Возможно, сожаление о том, что политические партии использовали судебную систему в своих целях и создавали новые, так или иначе необъективные, законы, имело под собой некоторые основания. Радикальные правые и левые партии содержали специальные отделы, которые занимались тем, что цинично зарабатывали политический капитал на судебных процессах, а также штат политических адвокатов, которые разрабатывали комплексы очень изощренных и крайне недобросовестных методов, с помощью которых судебному слушанию можно было придать характер политической сенсации¹⁵⁵. Неудивительно, что это еще больше дискредитировало веймарское правосудие в глазах мно-

гих людей. Вместе с тем в обстановке наступившей парламентской демократии можно было считать, что сами судьи используют судебные процессы в своих политических интересах. Многие годы и даже десятилетия судьи относились к социал-демократам и леволиберальным критикам кайзеровского правительства как к преступникам, и теперь, после изменения политической ситуации, не желали изменять свои представления. Они были верны не новой республике, а тому же абстрактному идеалу рейха, которому продолжали служить их единомышленники из офицерского корпуса¹⁵⁶. Наверное, было неизбежно, что в многочисленных политических процессах, возникавших из-за глубоких политических конфликтов в годы Веймара, судьи в подавляющем большинстве случаев принимали сторону праворадикальных преступников, которые утверждали, что действовали во имя этого идеала, и поощряли преследование левых, отвергавших его.

В середине 1920-х статистик левых взглядов Эмиль Юлиус Гумбель опубликовал цифры, согласно которым 22 политических убийства, совершенных левыми радикалами с конца 1919 г. до середины 1922 г., привели к 38 обвинительным приговорам включая 10 смертных казней и тюремные сроки в среднем по 15 лет каждый. При этом 354 политических убийства, которые в тот же период были совершены, по мнению Гумбеля, правыми радикалами, завершились 24 приговорами без смертных казней, а тюремные сроки в среднем составили 4 месяца. 24 убийцы, признавшие в своих преступлениях, были оправданы судами¹⁵⁷. Конечно, эта статистика могла быть не совсем точной. Кроме того, по инициативе экстремистских партий в рейхстаге и при достаточной поддержке со стороны других политических группировок «политическим преступникам» часто объявляли амнистии, поэтому многие из них освобождались, отбыв лишь небольшую часть срока. Однако важным в поведении судей было их послание обществу, послание, подкрепленное многочисленными в годы Веймарской республики преследованиями, которым подвергались обвиняемые в государственной измене пацифисты, коммунисты и другие люди с левого фланга политического фронта. По данным Гумбеля, тогда как за последние три мирных десятилетия бисмарковского рейха за государственную измену было осуждено только 32 человека,

за четыре относительно мирных года, с 1924 по 1927 год, было предъявлено более 10 000 обвинений в предательстве, которые в результате обернулись 1071 приговором¹⁵⁸. Значительное число судебных дел касалось людей, имевших смелость рассказывать в прессе о секретных вооружениях и маневрах армии. Наверное, самым известным примером было дело пацифиста и левого редактора Карла фон Осеcki, которого в 1931 г. приговорили к восемнадцати месяцам заключения за публикацию в его журнале *Die Weltbühne* («Мировая сцена») статьи, поведавшей о том, как немецкие солдаты проходили подготовку в составе боевой авиации в Советской России, что было незаконным в соответствии с условиями Версальского мирного договора¹⁵⁹. Другое такое же известное дело было связано с левым журналистом Феликсом Фехенбахом. Его преступление, совершенное в 1919 г., состояло в публикации баварских документов от 1914 г., относившихся к началу Первой мировой войны. По мнению суда, это повредило интересам Германии в мирных переговорах. Фехенбах был приговорен к одиннадцати годам заключения в Мюнхене так называемым Народным судом — чрезвычайным органом, созданным для отправления упрощенного судопроизводства по делам о мажордерстве и убийствах, совершенных во время Баварской революции в 1918 г.¹⁶⁰ Он был преобразован для работы с делами об «измене» во время контрреволюции следующего года. Такие дела не прекращались до 1924 г., несмотря на то что Веймарская конституция пятью годами ранее поставила их вне закона. Создание народных судов с их игнорированием обычной юридической системы, включая отсутствие любых прав на апелляцию по принимаемым вердиктам, и неявным предоставлением правосудия в руки «народа», а не закона породило угрожающий прецедент, и такие суды были восстановлены нацистами в 1933 г.¹⁶¹

Пытаясь противодействовать этому влиянию, социал-демократы в 1922 г. смогли протолкнуть Закон о защите Республики. Согласно этому закону, Государственный суд должен был передавать дела правых политических преступников из слишком симпатизирующих им судов в руки назначенных рейхспрезидентом судей. Судебная система вскоре смогла его нейтрализовать, и он оказал небольшое влияние на общую тональность приговоров¹⁶².

Фридрих Эберт и социал-демократы, хотя предположительно и были против смертной казни по политическим принципам, санкционировали ее в Законе о защите Республики и задним числом одобрили казни, осуществленные в период гражданских беспорядков послевоенного времени. Этим они упростили для будущих правительств введение схожих драконовских законов по защите государства и разрушение центрального принципа правосудия, состоящего в том, что ни для какого преступления нельзя определять наказание, не предполагавшееся во время совершения этого преступления¹⁶³. Это тоже был опасный прецедент для будущего.

Обычным судам не было особого дела до принципов, провозглашенных в Законе о защите Республики. Судьи практически всегда демонстрировали снисходительность по отношению к обвиняемым, если те заявляли, что действовали из патриотических убеждений, независимо от характера преступления¹⁶⁴. Например, по результатам Капповского путча, этой вооруженной попытки свергнуть законно избранное правительство, был вынесен только один обвинительный приговор, и даже этот единственный обвиняемый был приговорен всего лишь к краткому заключению в крепости, поскольку судьи посчитали его «самоотверженный патриотизм» смягчающим фактором¹⁶⁵. В 1923 г. четыре человека выиграли апелляцию в имперском суде рейха, старом высшем органе судебной власти, опротестовав приговор о трехмесячном заключении каждому за выкрикивание на собрании правой молодежной группы «Младогерманский орден» в городе Гота слов: «Нам не нужна еврейская республика, фу еврейской республике!» В своем решении суд рейха неубедительно заявил о том, что значение этих слов было неясно:

Они могли означать новое юридическое или социальное устройство Германии, не оставлявшее места для немецких или иностранных евреев в структуре государства. Они также могли означать чрезмерное влияние и власть, которые, по мнению многих людей, в реальности имеет небольшое по сравнению со всем населением число евреев... Кроме того, даже не было явно установлено, что обвиняемые выкрикивали оскорбления в отношении конституционно

определенной формы государства в рейхе, а только что они выкрикивали оскорбления в отношении настоящей формы государства в рейхе. Таким образом, не исключена возможность юридической ошибки¹⁶⁶.

Различие, сделанное судом рейха между двумя видами государства, и намек на то, что Веймарская республика была просто некоторым временным отклонением, «не определенным в конституции», лишь еще более четко продемонстрировали, каких позиций придерживались тогдашние судьи. Такие вердикты не могли не принести своих плодов. Политические и другие процессы были очень важными событиями в Веймарской республике, их посещало большое количество людей, в прессе о них публиковались обширные репортажи, а местами и дословные выдержки из стенограмм, о них страстно спорили в законодательных собраниях, клубах и обществах. Подобные вердикты только придавали уверенность крайне правым оппонентам республики и помогали подрывать ее легитимность.

Правые и антиреспубликанские симпатии судебной власти разделялись и государственными обвинителями. Обвинения, выдвигаемые против правых преступников, рассмотрение заявлений защиты, допросы свидетелей, даже оформление вступительного и заключительного слова — все свидетельствовало о том, что прокуроры считали националистические убеждения и намерения смягчающими обстоятельствами. Таким образом, судьи, прокуроры, полиция, управляющие и охранники тюрем, судебные исполнители и все агенты, занимавшиеся исполнением судебных решений, подрывали легитимность республики, под-держивая ее врагов. Даже если они и не хотели осознанно саботировать новую демократию, даже если они и принимали ее на данный момент как неизбежную необходимость, результатом их поведения было распространение мнения о том, что она в некотором отношении чужда истинному духу Германского рейха. Очень немногие из них были убежденными демократами или стремились поставить республику на ноги. Если закон и его исполнители были против республики, имела ли она какие-нибудь шансы?

Социальный отбор

I

Если Веймарская республика и могла чем-то завоевать лояльность и благодарность масс, то это созданием новой системы социального обеспечения. Разумеется, в Германии были социальные организации и до 1914 г., особенно после того, как Бисмарк ввел такие понятия, как медицинское страхование, страхование от несчастных случаев и пенсии по возрасту, в попытке отвернуть рабочий класс от социал-демократии. Модели Бисмарка, дополненные и расширенные в годы после его отставки, были новаторскими для своего времени, и их нельзя считать просто прикрытием для государственного авторитаризма. Некоторые из них, в особенности система медицинского страхования, к 1914 г. охватывали миллионы рабочих, кроме того, в них достаточно широко было распространено самоуправление, что давало многим рабочим шанс на участие в выборах. Однако ни одна из этих схем не распространялась до низов социальной лестницы, где помощь бедным, находившаяся в ведении полиции и подразумевавшая лишение гражданских прав, включая право голоса, была нормой вплоть до конца эпохи Вильгельма. И все же даже здесь функционирование системы было реформировано и стандартизировано к 1914 г., и на волне бисмарковских реформ возникла профессия социального работника — служащего, занимавшегося оценкой и распределением помощи для бедных, безработных и нищих так же, как и для обычных рабочих¹⁶⁷.

Однако на основе этой современной версии прусского бюрократического патернализма в Веймарской республике была выстроена гораздо более развитая и обширная структура, не без некоторых сложностей соединившая в себе принципы социального католицизма и протестантской филантропии, с одной стороны, и социал-демократического равенства — с другой¹⁶⁸. Сама Веймарская конституция была полна далеко идущих деклараций

о важности семейной жизни и необходимости ее государственной поддержки, о долге государства перед молодежью, о праве граждан на труд и об обязанности государства предоставить всем гражданам приличное жилье¹⁶⁹. Эти принципы легли в основу целой серии проведенных через рейхстаг законов, начиная с положений, касающихся соцобеспечения молодежи (1921 г.) и регулирующих работу судов по делам несовершеннолетних (1913 г.), заканчивая нормами, закрепляющими за инвалидами войны право на социальную помощь и обучение новым профессиям (1920 г.), декретами, вводящими общую систему соцобеспечения (1924 г.), и в первую очередь, как мы видели, законодательным учреждением пособий по безработице в 1927 г. Помимо прочего, были дополнены и расширены существовавшие схемы медицинского страхования, пенсий и др. Были запущены программы массового обеспечения жильем, многие из которых были по-настоящему инновационными, и только между 1927 и 1930 г. людям было предоставлено более 300 000 новых или отреставрированных домов. Число мест в больницах выросло на 50 % по сравнению с довоенными днями, и соответственно увеличилась численность медицинского персонала. Резко сократилось число инфекционных заболеваний, а сеть клиник и организаций соцобеспечения теперь поддерживала уязвимые классы населения, от матерей-одиночек до молодых людей, имеющих неприятности с полицией¹⁷⁰.

Создание бесплатной и всеобщей системы социального обеспечения для всех граждан было одним из главных достижений Веймарской республики, а в ретроспективе, вероятно, и самым важным. Но, несмотря на масштабы этой системы, в конечном счете она не смогла удовлетворить требованиям, сформулированным в конституции 1919 г., и разрыв между обещанным и получившимся в итоге имел самое серьезное влияние на отношение граждан к республиканскому правительству. Во-первых, экономические трудности, переживаемые республикой, практически с самого начала превратились в такую ношу для системы соцобеспечения, которую она просто не смогла вынести. Было слишком много людей, которым требовалась помощь из-за последствий войны. В вооруженных силах между 1914 и 1918 г. служило

около 12 миллионов немецких мужчин. Более двух миллионов из них были убиты. В соответствии с некоторыми оценками, это было эквивалентно одной смерти на каждые 35 жителей рейха, т. е. было почти в два раза больше количества военных смертей в Соединенном королевстве, где смерть одного солдата приходилась на каждые 66 жителей, и почти в три раза больше, чем в России, где на войне погиб 1 человек на каждые 111 жителей. К концу войны более полумиллиона немецких женщин стали вдовами, а миллион детей лишились отцов. Около 2,7 миллиона мужчин вернулись с войны с ранениями, ампутациями и другими видами инвалидности и были крайне недовольны тем, что обещанная политиками награда за их службу стране так и не нашла воплощения в реальности.

Правительство повышало налоги для состоятельных людей, чтобы справиться со сложившейся ситуацией, пока налоговая нагрузка практически не удвоилась, увеличившись, как и процент реального национального дохода, с 9 % в 1913 г. до 17 % в 1925 г., в соответствии с одним предвзятым источником¹⁷¹. Тем не менее этого было совершенно недостаточно для покрытия расходов, и правительства не решались идти дальше из страха быть обвиненными в повышении налогов с целью выплат репараций и вызвать еще большее раздражение основных налогоплательщиков. Государству не только приходилось нести бремя страховых выплат по безработице после 1927 г., оно в 1926 г. все еще платило пенсии примерно 800 000 бывших солдат-инвалидов и 360 000 вдов погибших на войне и поддерживало более 900 000 детей, оставшихся без отцов, и сирот, и все это накладывалось на существовавшую систему государственной поддержки пожилых людей. Выплата пенсий составляла самую большую часть государственных расходов за исключением репараций¹⁷². В конечном счете система соцобеспечения привела к разрастанию и так раздутого бюрократического аппарата в рейхе и федеративных землях, который увеличился на 40 % с 1914 по 1923 год, что привело почти к удвоению стоимости содержания государственной управленческой машины в расчете на одного немца¹⁷³. Такие крупные расходы могли бы оказаться приемлемыми в растущей экономике, но в измотанной кризисами Веймарской

республике это было просто невозможно без печатания необеспеченных денег и увеличения инфляции, что происходило между 1919 и 1923 г., или без начавшегося с 1924 г. уменьшения выплат, сокращения штата социальных организаций и введения еще более строгих проверок для претендующих на получение помощи.

Многие претенденты, таким образом, быстро поняли, что система соцобеспечения не выплачивала им столько, сколько было необходимо. Особенно скупыми были местные управленцы, потому что местные власти несли значительную часть финансового бремени по социальным выплатам. Они часто требовали, чтобы лица, получающие пособия, передавали им свои сбережения или собственность — это было условием оказания помощи. Детективы, нанимаемые организациями соцобеспечения, сообщали о скрытых источниках дохода и поощряли соседей доносить на соседей, отказывавшихся разоблачать их. Более того, организации соцобеспечения, в которых не хватало персонала для быстрой обработки большого числа заявок, отвечали на прошения о помощи с огромной задержкой — сначала им нужно было связаться с другими агентствами для проверки, не получали ли претенденты пособия ранее, а иногда они пытались переложить обязанности по выплате пособия на плечи других организаций. Таким образом, система соцобеспечения Веймара быстро стала инструментом дискриминации и контроля, поскольку чиновники ясно давали понять претендентам, что те получают только причитающийся им минимум, и бесцеремонно влезали в личную жизнь каждого, чтобы убедиться в обоснованности его заявки.

Ничто из этого не делало республику более привлекательной для тех, кому она должна была помогать. Жалобы, ссоры, драки и даже демонстрации были далеко не уникальным явлением внутри и снаружи контор соцобеспечения. Достаточно хорошее представление о том, с какими проблемами приходилось сталкиваться системе соцобеспечения и как она пыталась с ними справляться, дает пример шорника и обойщика Адольфа Г.¹⁷⁴ Родившийся в 1892 г., Адольф воевал в 1914–18 гг. и получил серьезную травму, хотя и не в героической битве против врага, а от удара копыта лошади в живот. Это потребовало больше шести

операций на кишечнике в начале 1920-х. Старый несчастный случай на производстве и семья с шестью детьми давали ему право на дополнительные выплаты помимо тех, которые обеспечивала полученная на войне травма. Не имея возможности найти работу после войны, он посвятил себя усилиям по получению государственной поддержки. Однако местные власти в Штутгарте после 1921 г. потребовали в качестве условия продолжения выплаты пособий из-за несчастного случая, чтобы он отдал радиоприемник и антенну, потому что они были запрещены в муниципальной квартире, где он проживал. Когда он отказался, его вместе с семьей выселили, на что он ответил яростной письменной бомбардировкой властей, включая министерство труда в Берлине. Он приобрел пишущую машинку, чтобы его письма были более разборчивыми, и пытался получить другие виды пособий, соответствующие его положению инвалида войны и отца большой семьи. Конфликт разрастался. В 1924 г. его посадили в тюрьму на полтора месяца за помощь в попытке аборта, предположительно из-за того, что они женой посчитали, что в тех условиях шестерых детей было достаточно. В 1927 г. его оштрафовали за оскорбительное поведение, в 1930 г. его пособия урезали и ограничили возможности траты этих денег, например, только покупкой одежды, а плата за жилье перечислялась владельцу напрямую. В 1931 г. его обвинили в мошенничестве с заявками на пособия, потому что он пытался заработать немного денег на стороне в качестве старьевщика, и снова в 1933 г. за уличные выступления. Он обращался в политические организации левого и правого направления, чтобы получить помощь. Попытка убедить власти, что ему требовалось в три раза больше еды, чем обычному человеку, поскольку из-за травмы живота он не мог переваривать большую часть того, что съедал, наткнулась на стену непонимания. В 1931 г. в конце своего письма в министерство труда в Берлине он сравнивал чиновников службы социального обеспечения с баронами-разбойниками Средних веков¹⁷⁵.

Возмущала несколько одержимого Адольфа Г. не только бедность, в которой он был обречен жить со своей семьей, но гораздо больше оскорбление чести и перевод в еще более низкие категории немецкого общества аппаратом службы соцобеспечения,

которая постоянно ставила под сомнение его мотивы и права на помощь, которую он считал заслуженной. Анонимная, скованная правилами бюрократия соцобеспечения оскорбляла его личность. Такие настроения были типичны для претендентов на соцпомощь, особенно тех, чье обращение за поддержкой подкреплялось жертвами, принесенными на войне. Гигантская пропасть между публичными заявлениями о по-настоящему всеобщей системе соцобеспечения в Веймарской республике, основанной на потребностях и правах на получение помощи, и жестокой реальностью мелочной дискриминации, вторжения в личную жизнь и оскорблений, которым подвергались многие претенденты со стороны социальных агентств, никоим образом не укрепляла легитимность конституции, в которой провозглашались эти положения¹⁷⁶.

Однако намного более угрожающим был тот факт, что медицинские учреждения и агентства соцобеспечения, предназначенные для создания рациональных и научных способов борьбы с социальными лишениями, отклонениями и преступностью с конечной целью полностью устранить их из немецкого общества в будущих поколениях, стимулировали появление новых политиков, которые начали разрушать гражданские свободы бедных и инвалидов. По мере того как управленческий аппарат системы соцобеспечения разрастался в огромную бюрократическую машину, начинали приобретать большее влияние доктрины расовой гигиены и социальной биологии, распространенные среди сотрудников сферы соцобеспечения еще до войны. Представление о том, что наследственность играет некоторую роль во многих типах социальных отклонений, включая не только умственную отсталость и физическую неполноценность, но и хронический алкоголизм, склонность к мелким преступлениям и даже «моральный идиотизм» в таких группах, как проститутки (многие из которых на самом деле вынуждены были пойти на панель по экономическим причинам), превратилось в догму. Ученые-медики и управленцы в социальной сфере стали собирать подробные картотеки «асоциальных» элементов, как теперь часто называли людей с отклонениями. Либеральные реформаторы системы наказаний утверждали, что, хотя некоторых обитате-

лей государственных тюрем и можно вернуть в общество за счет правильного подбора образовательных программ, подавляющее их большинство совершенно неисправимы, в основном из-за наследственного вырождения их характера¹⁷⁷. Полиция также играла свою роль, выделяя большое число «профессиональных преступников» и «обычных подозреваемых», которые попадали под пристальное наблюдение. Часто это становилось определяющим дальнейшую судьбу пророчеством, потому что постоянное наблюдение и клеймо преступника не давало освободившимся заключенным шанса заниматься честным делом. Только в Берлине массив отпечатков пальцев насчитывал более полумиллиона десятипальцевых карточек к 1930 г.¹⁷⁸

Распространение таких идей в профессиональном мире медицины, поддержания правопорядка, исполнения наказаний и социального обеспечения имело самые ощутимые последствия. Психологи, которых просили оценить психическое здоровье приговоренных преступников, стали использовать биологические критерии, как в случае с безработным бродягой Флорианом Хубером, осужденным за вооруженное ограбление и убийство в Баварии в 1922 г. В психологической характеристике молодого человека, получившего серьезные ранения в военных действиях и удостоенного за них Железного креста, было написано следующее:

...хотя в других отношениях нельзя с уверенностью говорить о наличии у него наследственных пороков, налицо явные физические признаки деградации: форма лица асимметрична до такой степени, что правый глаз находится явно ниже левого, имеет склонность говорить громко, мочки ушей удлинены, более того, с самого детства заикается¹⁷⁹.

Это было принято не как свидетельство того, что он не подходил для обычного суда, а как довод в пользу того, что он был неисправим и должен был быть казнен, что в конечном счете и произошло. Судебные чиновники во многих частях Германии теперь свободно употребляли такие термины, как «вредитель» или «паразит», для описания преступников, таким образом

представляя социальный порядок в виде своего рода организма, из которого для его же пользы следует удалить вредных паразитов и чуждые микроорганизмы. В поисках новых более точных и общих методов определения и применения таких понятий медицинский эксперт Теодор Фирнштейн образовал Криминалистический биологический информационный центр в Баварии в 1923 г. для сбора данных обо всех известных преступниках, их семьях, истории и происхождении, чтобы определять наследственные цепочки отклонений. К концу десятилетия Фирнштейн с коллегами собрали большую картотеку дел и были на полпути к реализации своей мечты. Вскоре похожие центры были основаны в Тюрингии, Вюртемберге и Пруссии. Многие эксперты считали, что после составления таких карт «низших» человеческих существ единственным способом предотвратить их дальнейшее воспроизводство будет принудительная стерилизация¹⁸⁰.

В 1920 г. два таких эксперта, адвокат Карл Биндинг и судебный психиатр Альфред Хохе, сделали важнейший шаг вперед, заявив в своей небольшой книге, открывшей миру такое понятие, как «жизнь, не стоящая жизни», что «человеческий балласт», людей, которые были лишь ненужным бременем для общества, следовало просто убивать. Они говорили, что неизлечимо больные и умственно отсталые люди обходились казне в миллионы марок и занимали тысячи крайне необходимых больничных мест. Поэтому врачам следовало разрешить умерщвлять их. Это был зловещий новый поворот в спорах по поводу того, что следовало делать с психически больными и покалеченными людьми, преступниками и людьми с психическими отклонениями. В Веймарской республике это было воспринято с резкой враждебностью со стороны большинства представителей медицины. Фундаментальный приоритет прав человека в республике не допускал какого-либо официального одобрения даже для доктрины обязательной стерилизации, и многие врачи и работники сферы соцобеспечения все еще сомневались в этической обоснованности или социальной эффективности такой политики. Весьма значительное влияние католической церкви и служб соцобеспечения также было направлено резко против такой политики. Пока экономическая

ситуация позволяла представить, что социальные программы республики когда-нибудь могут реализоваться, продолжающиеся споры об обязательной стерилизации и принудительной эвтаназии оставались неразрешенными¹⁸¹.

II

Немцы из среднего класса отреагировали на революцию 1918 г. и создание Веймарской республики по-разному. Наверное, самое подробное описание реакции одного человека — это дневник Виктора Клемперера, чьи воспоминания об инфляции мы уже цитировали. Клемперер во многих отношениях был типичным представителем немецкого среднего класса, который просто хотел устроить свою жизнь и отводил политике лишь относительно небольшую часть своего времени, хотя он и голосовал на выборах и всегда интересовался тем, что происходило в мире политики. Его карьера не была ни совершенно типичной, ни слишком успешной. После работы в качестве газетного автора Клемперер обратился к миру университетской науки, незадолго до войны защитив две обязательные диссертации, первую по немецкой и вторую по французской литературе. Будучи в некотором роде новичком и посторонним человеком, он должен был начать свою академическую карьеру в Университете Неаполя, где он с беспокойством наблюдал за ухудшением международной ситуации к 1914 г. Он поддерживал объявление Германией войны в 1914 г. и считал, что его страна имела на это право. Он вернулся в Германию и пошел на войну добровольцем, служил на западном фронте и ушел со службы по состоянию здоровья в 1916 г., перейдя в армейский отдел цензуры, где работал до конца войны.

Как и другие немцы из среднего класса, Клемперер видел, как его надежды на стабильную работу и карьеру разбились вместе с поражением Германии. Такому человеку только возвращение порядка в политической жизни могло обеспечить стабильный доход и постоянную работу в немецком академическом институте¹⁸². События последних двух месяцев 1918 г. стали для него печальными во многих отношениях. Он писал в дневнике:

В газетах теперь только стыд, разруха, крах и вещи, которые раньше казались невозможными, чувства переполняют меня, но я просто принимаю все как есть и уже практически ничего не читаю... После того, что я вижу и слышу, складывается мнение, что вся Германия отправится к черту, если этот солдатский и рабочий *недосовет*, эта диктатура бездумия и невежества не будет как можно скорее свергнута. Я возлагаю свои надежды на любого генерала армии, которая возвращается с фронта¹⁸³.

Временно работая в Мюнхене, он был встревожен абсурдным революционным правительством начала 1919 г. («они с энтузиазмом говорят о свободе, а их тирания становится все хуже») и проводил многие часы в библиотеках, пытаясь заниматься своими академическими делами, когда пули захвативших город добровольческих бригад свистели за окном¹⁸⁴. Клемперер желал стабильности и порядка, но застать их ему было не суждено. В 1920 г., как мы уже видели, ему удалось получить должность профессора в Дрезденском техническом университете, где он преподавал французскую литературу, занимался исследованиями, писал в журнал и занимался редакторской работой и все более раздражался, когда видел, как более молодые люди получали более высокие посты в лучших институтах. Во многих отношениях он был типичным умеренным консерватором своего времени, патристически настроенным буржуа, немцем до мозга костей в своих культурных предпочтениях, верившим в понятие национального характера, который он в подробностях описал в своей исторической работе по французской литературе XVIII века.

Однако в одном важном отношении он отличался от других. Потому что Виктор Клемперер был евреем. Сын проповедника в крайне либеральной реформистской синагоге в Берлине, он был крещен как протестант и стал одним из многих немецких евреев, ассимилировавшихся таким образом. Это было скорее социальное, а не религиозное решение, поскольку, по всей видимости, у него не было сильной веры. В 1906 г. он обеспечил себе еще одно свидетельство ассимиляции, женившись на немке, пианистке Еве Шлеммер, с которой он разделял многие интеллектуальные и культурные интересы, и в первую очередь любовь к кино. Эта

пара не имела детей. И тем не менее во всех превратностях 1920-х именно этот брак обеспечивал стабильность его жизни, несмотря на все более частые болезни супругов, усиливавшиеся растущей ипохондрией¹⁸⁵. В 1920-е гг. он вел стабильную, хотя и вполне удовлетворявшую его жизнь, в начале десятилетия он опасался гражданской войны, которая так и не разразилась, а после 1923 г. стала казаться гораздо менее вероятной¹⁸⁶. Он заносил в свой дневник отчеты о работе, праздниках, развлечениях, отношениях с семьей, друзьями и коллегами и другие заметки о своей повседневной жизни. «Я часто спрашиваю себя, — писал он 10 сентября 1927 г., — почему я пишу такой развернутый дневник?» На этот вопрос у него не было определенного ответа: это было своего рода обязательством. «Я не могу его бросить»¹⁸⁷. Публикация казалась маловероятной. Тогда какова же была его цель? «Просто описывать жизнь. Всегда описывать. Впечатления, знания, чтение, события, все. И не спрашивайте почему и зачем»¹⁸⁸.

Иногда у Клемперера проскакивали слова о том, что его карьера не развивалась по той причине, что он был евреем. Несмотря на растущее число научных работ по истории французской литературы, он застрял в Дрезденском техническом университете без перспектив перехода на должность в более крупном университете. «Есть реакционные и либеральные университеты, — писал он 26 декабря 1926 г. — Реакционные не принимают евреев, в либеральных всегда уже есть два еврея, и им не нужен третий»¹⁸⁹. Распространение антисемитизма в Веймарской республике также создавало проблемы в связи с политической позицией Клемперера. «Мне постепенно становится очевидным, — писал он в сентябре 1919 г., — каким новым и непреодолимым препятствием для меня является антисемитизм. А я пошел на войну добровольцем! Теперь я сижу, крещеный и с националистическими взглядами, сразу на всех стульях»¹⁹⁰. Клемперер был довольно необычным представителем еврейских специалистов среднего класса со своими консервативными политическими взглядами. Все более яростный антисемитизм немецких националистов, общей политической линии которых он симпатизировал, делал для него невозможной их поддержку, несмотря на всю ностальгию по довоенным дням рейха Бисмарка и Вильгельма. Как

и многие немцы, Клемперер чувствовал себя «апатичным и равнодушным», наблюдая за яростными политическими конфликтами между партиями в Веймарской республике¹⁹¹. Инстинктивно испытывая враждебность к левым, он тем не менее чувствовал себя обязанным записать в марте 1920 г., услышав новости о Капповском путче в Берлине:

Мои симпатии к правым сильно остыли... из-за их постоянного антисемитизма. Я бы с удовольствием увидел, как этих путчистов поставят к стенке, я действительно не могу испытать никакого энтузиазма по отношению к армии, нарушившей присягу, и совсем никакого сочувствия по отношению к зеленым и необузданным студентам, но я также не могу симпатизировать «законному» правительству Эберта и еще меньше радикальным левым. По-моему, они все отвратительны.

«Что за агонизирующая трагикомедия, — писал он, — когда 5000—80 000 солдат могут совершить переворот в Германском рейхе»¹⁹².

Наверное, это несколько странно для человека, посвятившего себя изучению французской литературы, но он решительно стоял за еще одну войну — против французов, возможно из-за своего опыта на западном фронте, а скорее всего из-за явного возмущения Версальским мирным договором. Но это было крайне маловероятно при Веймарской республике. 20 апреля 1921 г. он писал:

Монархия — мой девиз, я мечтаю о прежней немецкой власти и все время хочу выступить еще раз против Франции. Но что за мерзкая компания образуется вместе с немецкими расистами! Она станет еще более отвратительной, если к нам присоединится Австрия. И все, что мы сейчас чувствуем, с большей или меньшей обоснованностью чувствовали французы после 70-го. И я бы не стал профессором при Вильгельме II, и все же...¹⁹³

Уже в 1915 г. он считал избрание Гинденбурга на пост президента потенциальной катастрофой, сравнимой с убийством

эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 г. «Везде фашизм. Ужасы войны забыты, русский террор вызывает ответную реакцию в Европе»¹⁹⁴. Со временем Клемперер начал уставать от постоянного политического возбуждения. В августе 1932 г., когда Веймарская республика вошла в свою последнюю беспокойную стадию, он писал:

Более того, мне не нужно писать историю своего времени. Все, о чем я говорю, скучно, я наполовину чувствую отвращение и наполовину страх, которому не хочу сдаваться, нет никаких симпатий ни к одной партии. Ничто не имеет смысла, все недостойно, жалко — никто не играет свою собственную роль, все чьи-то куклы... У ворот стоит Гитлер или еще кто-нибудь? И что станет со мной, еврейским профессором?

Вместо этого он предпочитал писать о черном котенке, который забрел в их дом и сразу же стал их домашним питомцем¹⁹⁵. Под влиянием не только угрожающей политической ситуации, но и серьезной, клинической депрессии своей жены и частых болезней Клемперер писал все меньше и меньше и к концу 1932 г., казалось, был готов полностью бросить свой дневник.

Политический пессимизм Клемперера в большой степени был спровоцирован личными неприятностями. Однако его позиция разделялась многими патриотичными либерально-консервативными евреями, которые чувствовали неуютно в конфликтной атмосфере Веймарской республики. Кроме того, отвращение Клемперера к политическому экстремизму и беспокойство из-за окружающего насилия и фанатизма было, совершенно точно, характерно для многих немцев среднего класса, независимо от происхождения. Его еврейские корни не только приводили к некоторому враждебному отношению и дискриминации со стороны других, но и давали ему возможность точно и сардонически оценивать политические изменения, которые, как он правильно догадался, в будущем могли привести к ужасным последствиям. Вместе с тем он не сильно страдал от антисемитизма, не подвергался насилию, в дневнике того времени нет ни одной записи, касающейся личных оскорблений. Формально говоря, евреи

вроде Клемперера имели гораздо больше свободы и равенства при Веймарской республике, чем когда-либо раньше. Республика открыла новые возможности для евреев на государственной службе, в политике, профессиональной деятельности, а также в правительстве: так, при рейхе времен Вильгельма и подумать нельзя было о еврейском министре иностранных дел вроде Вальтера Ратенау. Пресса, контролируемая евреями, в особенности газеты двух либеральных еврейских фирм Моссе и Ульштейна, вместе публиковавшие более половины всех газет, продававшихся в Берлине в 1920-х гг., оказывали большую поддержку либеральным институтам республики. Новообретенная свобода искусства от цензуры и официального осуждения позволила получить известность многим еврейским писателям, художниками и музыкантам в роли сторонников модернистской культуры, где они легко смешались с неевреями, такими как композитор Пауль Хиндемит, поэт и драматург Бертольд Брехт или художники Макс Бекман и Георг Гросс. Евреи выражали свою поддержку республике, отдавая свои голоса демократам и в меньшей степени левым партиям¹⁹⁶.

С другой стороны, частично в виде реакции на эти изменения, 1920-е стали свидетелями распространения и углубления антисемитизма в немецкой политике и обществе. Еще до войны пангерманисты и другие правые вели пропаганду, обвиняя евреев в разрушении немецкой нации. Эта расистская теория заговора была более чем близка военным лидерам вроде Людендорфа. Она получила печально известное выражение во время войны в виде так называемой еврейской переписи октября 1916 г., проводимой по инициативе высших армейских офицеров, которые надеялись, что она сможет дать им основание не допускать евреев в офицерский корпус после окончания войны. Ее задача состояла в том, чтобы выявить трусливую и предательскую натуру евреев, статистически доказав, что в армии их было крайне мало, а те, кто пошел на службу, в основном занимали штабные должности. На деле она дала противоположные результаты: многие немецкие евреи, как Виктор Клемперер, были до глубины души националистами и тесно связывали свою жизнь с рейхом. Немецких евреев в относительном выражении было скорее даже больше, а не меньше в войсках и на фронте. Результаты переписи, полностью

разрушившие ожидания антисемитски настроенных офицеров, были преданы забвению. Однако известия о ее проведении вызывали большое возмущение среди немецких евреев, даже несмотря на то, что взгляды армейской верхушки не разделялись большинством рядовых солдат¹⁹⁷.

Распространившееся после войны убеждение правых в том, что германская армия «получила удар в спину» от революционеров в 1918 г., трансформировалось в антисемитскую демагогию. Такие люди, как Людендорф, несомненно, верили, что евреи нанесли армии удар в спину, возглавили антиправительственные организации вроде коммунистической партии, приняли условия Версальского мирного договора и создали Веймарскую республику. Разумеется, на самом деле немецкая армия была побеждена в 1918 г. в результате военных действий. Как мы видели, не было никакого удара в спину. Ведущие политики, подписавшие мирный договор, такие как Маттиас Эрцбергер, не были евреями. И несмотря на то, что евреев было много в руководстве коммунистической партии и что многие из них принимали участие в революционных восстаниях в Мюнхене в начале 1919 г., они действовали не как евреи, а как революционеры, вместе со многими неевреями (такими, как Карл Либкнехт, которого многие правые радикалы инстинктивно полагали евреем из-за его ультраевых политических взглядов). Большинство немецких евреев поддерживали крепкие либеральные партии центра или в меньшей степени социал-демократов, а не левых революционеров, чей яростный активизм шокировал и ужасал уважаемых граждан вроде Клемперера. Тем не менее события 1918–19 гг. дали толчок антисемитизму правых, убедив многих колеблющихся, что в конечном счете расистские теории заговора в отношении евреев были правы¹⁹⁸.

Вместе с правозэкстремистской пропагандой, сваливавшей на евреев вину за катастрофы 1918–19 гг., также появилась более популярная форма антисемитизма, направленная непосредственно на тех, кто получил выгоду от войны, и на небольшое число финансистов, которым удалось быстро разбогатеть в агонии инфляции. Антисемитизм всегда поднимал голову во времена экономических кризисов, а экономические кризисы Веймарской

республики затмили все, что Германия видела раньше. Новый источник напряжения возник из-за возроставшей иммиграции обедневших еврейских беженцев, уезжавших от антисемитского насилия и гражданской войны в России. Таких «восточных евреев» в Германии до Первой мировой войны было около 80 000, и их приезд вместе с гораздо большим числом рабочих из Польши и других мест заставил правительство рейха в 1913 г. ввести действительно уникальный закон о гражданстве, который позволял называть себя немцами только тем, кто мог доказать свое немецкое происхождение¹⁹⁹. После войны начался новый поток иммигрантов, когда по России пронеслась большевистская революция с антисемитскими погромами и массовыми убийствами, которые совершались монархически настроенными противниками революции. И хотя иммигранты быстро ассимилировались и были довольно немногочисленны, они тем не менее стали удобной мишенью для нападок. На пике гиперинфляции 6 ноября 1923 г. репортер одной газеты наблюдал серьезные беспорядки в районе Берлина с довольно большой долей еврейских иммигрантов с Востока:

На всех боковых улицах воющая толпа. Под покровом ночи процветает мародерство. Обувной магазин на углу улицы Драгунов разграблен, осколки оконного стекла лежат рядом на дороге. Внезапно раздается свист. Большой человеческой цепью по всей ширине улицы приближается полицейский кордон. «Очистить улицу! — кричит офицер. — Возвращайтесь по домам!» Толпа начинает медленно двигаться. Повсюду слышатся одни и те же крики: «Забить евреев до смерти!» Демагоги манипулировали голодающими людьми так долго, что те напали на несчастных владельцев магазинов, которые вели мелкую торговлю товарами в подвалах улицы Драгунов... это разожженная расовая ненависть, а не голод заставляют их мародерствовать. Молодые парни сразу начинают преследовать любого прохожего еврейской внешности, чтобы напасть на него при первой возможности²⁰⁰.

Такое публичное проявление агрессии было характерно для новой позиции антисемитов, которые, как и многие другие ради-

кальные политические группы, начали пропагандировать или активно применять насилие и террор для достижения своих целей, вместо того чтобы довольствоваться одними словами, как они в основном поступали до 1914 г. Результатом этого была волна все еще недостаточно документированных случаев насилия над евреями, уничтожения их собственности, нападений на синагоги и осквернений могил на еврейских кладбищах²⁰¹.

Не только беспрецедентная готовность перевести неистовые предубеждения в насильственные действия так сильно отличала антисемитизм после 1918 г. от его довоенного варианта. Хотя подавляющее большинство немцев во время Веймарской республики все еще отрицали использование физической силы против евреев, язык антисемитизма укрепился в повседневном политическом дискурсе как никогда раньше. «Удар в спину», «ноябрьские предатели», «еврейская республика», «еврейско-большевистский заговор» по уничтожению Германии — эти и многие похожие демагогические лозунги можно было регулярно прочесть в газетах, где они либо выражали мнение редакции, либо просто использовались в репортажах о политических событиях, в речах и на судебных процессах. Их можно было слышать каждый день в законодательных собраниях, где выступления националистов, второй по размеру партии после социал-демократов в середине жизни Республики, были пронизаны антисемитскими фразами. Эти выражения были более резкими и использовались чаще, чем позволяли себе консерваторы до войны, их подхватывали разрозненные правые группы, которые в совокупности пользовались гораздо большей поддержкой населения, чем антисемитские партии Альвардта, Бёкеля и им подобных. Близкой ко многим из этих групп была немецкая протестантская церковь, крайне консервативная и националистическая по своим взглядам, также склонная к проявлениям антисемитизма. Однако католический антисемитизм также принял новые масштабы в 1920-х гг., взволнованный угрозой большевизма, который уже начал яростные атаки на христианство в Венгрии и России в конце войны. Справа и в центре политической сцены Германии находились большие группы электората, которые страстно желали возрождения немецкой национальной гордости и славы

после 1918 г. В результате они в большей или меньшей степени были убеждены, что это должно было быть достигнуто победой над духом «еврейского» разложения, который якобы поставил Германию на колени в конце войны²⁰². Чувства многих немцев были настолько притуплены этим потоком антисемитской риторики, что они не смогли увидеть ничего особенного в новом политическом движении, появившемся после окончания войны и поставившем антисемитизм в самый центр своих фанатических идей, — в нацистской партии.

ГЛАВА 3

ПОДЪЕМ НАЦИЗМА

Богемные революционеры

I

Когда Курта Эйснера выпустили из камеры № 70 мюнхенской тюрьмы «Штадельхейм» по общей амнистии, объявленной в октябре 1918 г., не было никаких признаков того, что вскоре он станет одним из ведущих революционеров Германии. Более известный как театральный критик, он олицетворял богемный образ жизни, связанный с мюнхенским кварталом Швабинг недалеко от центра города¹. Его внешний вид только подчеркивал принадлежность к богеме. Невысокий, с густой бородой, он носил черный плащ и огромную широкополую черную шляпу, водрузив на нос маленькие очки в стальной оправе. Эйснер не был коренным баварцем, а переехал в Мюнхен из Берлина, где родился в еврейской семье, принадлежавшей к среднему классу, в 1867 г. Он примкнул к правому крылу социал-демократической партии, потерял работу в местной газете в начале 1900-х из-за поддержки «ревизионистов», которые хотели, чтобы социал-демократы забыли свои марксистские идеи. Тем не менее, как и многие ревизионисты, Эйснер был против войны. Он сыграл ведущую роль в формировании антивоенной Независимой социал-демократической партии и впоследствии организовал серию забастовок в январе 1918 г., пытаясь положить конец вооруженному противостоянию².

Когда 7 ноября 1918 г. все стало рушиться, именно Эйснер благодаря своему дару красноречия и презрению к политическим условностям принял руководство в Мюнхене. Когда социал-демократы предложили обычный политический марш через баварскую столицу в рамках законной демонстрации за мир, во главе которой шел бы оркестр и люди с флагами, Эйснер запрыгнул на платформу ораторов и приказал толпе захватить армейские казармы и взять контроль над городом. Вместе с группой сторонников Эйснер преуспел в этом начинании, не встретив

никакого сопротивления со стороны солдат. Получив одобрение у местного революционного совета рабочих и солдат, Эйсер провозгласил Баварию республикой и учредил революционное правительство, образованное из представителей социал-демократической партии и независимых социал-демократов, которое сам и возглавил. Но его правительство совершенно не справилось с основными задачами, такими как обеспечение поставок продовольствия, рабочих мест, демобилизация военных частей и поддержание работы общественного транспорта. Консервативные баварские крестьяне, взбешенные событиями в Мюнхене, задерживали поставки продуктов, а союзники реквизировали большую часть железнодорожных локомотивов. Рабочие стали засыпать Эйсера неудобными вопросами и перекрикивать его на собраниях. Один из членов правительства гневно высказал Эйсеру: «Вы анархист... Вы не политик, вы дурак... Нас уничтожает плохое управление»³. Поэтому неудивительно, что выборы 12 января завершились полной победой социал-демократической партии и унижительным поражением независимых социал-демократов Эйсера.

Эйсер сочетал в себе все то, что ненавидели радикальные правые в Баварии: берлинец из богемы, еврей, журналист, участник кампании за мир во время войны и агитатор, арестовывавшийся за участие в январских забастовках 1918 г. Более того, вместе со своим секретарем, журналистом Феликсом Фехенбахом, он даже опубликовал секретные, разоблачающие документы о начале войны из баварских архивов. Коротко говоря, он был идеальным человеком, на которого можно было спроецировать легенду об «ударе в спину». 21 февраля 1919 г. ненависть крайних правых обрела свое крайнее выражение, когда молодой студент-дворянин, граф Антон фон Арко-Валли убил Эйсера, два раза выстрелив в него в упор, когда тот шел по улице в парламент Баварии⁴. Это убийство породило бурю насилия в баварской столице. Охранники Эйсера немедленно ответили огнем и ранили Арко-Валли, которого окружила разъяренная толпа, и только быстрое вмешательство Фехенбаха спасло его от расправы на месте. Пока раненого убийцу сопровождали в ту же камеру «Штадельхейма», которую Эйсер занимал всего год назад, один из социалистов,

поклонников Эйснера, прошел в парламент, вытащил пистолет и на виду у всех остальных депутатов в зале выстрелил два раза в известного критика Эйснера, лидера социал-демократов Эрхарда Ауэра, который скончался от ран. Какая ирония, что в это время в кармане у Эйснера нашли черновик записки с прошением об отставке. Убийство оказалось совершенно бессмысленным.

Однако, опасаясь дальнейшего проявления насилия, баварский парламент приостановил собрания, и без голосования социал-демократы объявили себя законным правительством. Было сформировано коалиционное правительство под руководством ранее неизвестного социал-демократа Йоханнеса Хоффмана, но оно не смогло восстановить порядок после массовых уличных демонстраций, последовавших за похоронами Эйснера. В образовавшемся вакууме власти стали передавать оружие и боеприпасы советам рабочих и солдат. Новости о начале коммунистической революции в Венгрии внезапно побудили крайне левых объявить о создании советской республики, в которой парламент заменялся на режим советского типа⁵. Но руководителем новой Баварской советской республики был не Ленин. Еще раз в центре событий оказалась литературная богема, в этот раз в лице драматурга, а не критика. Уже в 25 лет Эрнст Толлер сделал себе имя как поэт и сценарист. Будучи скорее анархистом, чем социалистом, Толлер включил в свое правительство людей со схожими взглядами, в том числе еще одного драматурга Эриха Мюзама и хорошо известного писателя-анархиста Густава Ландауэра. Поскольку мюнхенские советы рабочих и солдат открыто поддерживали то, что швабингские острословы окрестили «режимом анархической кофейни», правительство социал-демократического большинства под руководством Хоффмана бежало в Бамберг на севере Баварии. Тем временем Толлер объявил полномасштабную реформу искусства, а его правительство открыло Мюнхенский университет для всех желающих за исключением тех, кто хотел изучать историю, которая была запрещена как враждебная цивилизации. Другой министр заявил, что конец капитализма наступит с выпуском бесплатных денег. Франц Липп, комиссар иностранных дел, телеграфировал в Москву, жалуясь, что «бежавший Хоффман забрал с собой ключи от моей министерской

уборной», и объявил войну Вюртембергу и Швейцарии, «потому что эти псы отказались немедленно передать мне в аренду шестьдесят паровозов. Я уверен, — добавлял он, — что нас ждет победа»⁶.

Попытка правительства Хоффмана свергнуть Советскую республику при поддержке добровольческих отрядов, была легко отражена Красной армией, набранной из вооруженных членов рабочих и солдатских советов. Однако в перестрелках погибло двадцать человек, и ситуация теперь становилась гораздо более опасной. В день столкновения организованные отряды коммунистов под руководством русских большевиков Макса Левина и Ойгена Левине резко отбросили «кофейных анархистов» в сторону. Не ожидая одобрения Коммунистической партии Германии, они установили большевистский режим в Мюнхене и начали переговоры с Лениным, который вежливо поинтересовался, удалось ли им уже национализировать банки. Левин, которого случайно поймали в Германии в начале войны 1914 г. и призвали в немецкую армию, последовал инструкциям Ленина и начал брать в заложники членов аристократических семей и богатых горожан. Главная церковь Мюнхена была преобразована в революционный храм в честь «богини разума», а коммунисты начали расширять ряды и обучать солдат Красной армии, численность которой в короткий срок возросла до 20 000 хорошо вооруженных и получавших неплохое жалованье людей. В ряде воззваний провозглашалось, что Бавария станет острием копья большевизации Европы; рабочие должны проходить военное обучение, а все оружие, находящееся в частном владении, должно быть сдано под угрозой смерти⁷.

Все это напугало правительство Хоффмана гораздо сильнее, чем недельное правление кофейных анархистов. Казалось, революция распространяется вдоль оси из большевистских режимов в Будапеште, Мюнхене и, возможно, Вене. Социал-демократам в Бамберге отчаянно требовались серьезные военные силы. Хоффман призвал под свои знамена 35 000 солдат из добровольческих корпусов под командованием баварского полковника Франца Риттера фон Эппа, которого поддерживали части регулярной армии и один бронепоезд. У них были пулеметы и другое

серьезное вооружение. А в Мюнхене уже царил хаос, производство практически остановилось из-за всеобщей забастовки, общественные службы не функционировали. По всему городу бродили шайки мародеров и воров, а теперь он еще был блокирован добровольческими бригадами. Они заявили, что ни один квартал не будет отдан, а любой, у кого найдут оружие, будет сразу расстрелян. Испуганные мюнхенские рабочие и солдатские советы вынесли вотум недоверия коммунистам, которым пришлось уйти в отставку и оставить город без правительства. В этой ситуации запаниковавший отряд Красной армии начал казнить заложников, заключенных в местной школе, гимназии Луитпольда. Среди них было шесть членов Общества Туле, антисемитской, пангерманской секты, основанной ближе к концу войны. Названное по имени предполагаемого источника истинной арийской чистоты, мифической страны Туле, оно использовало «арийскую» свастику для обозначения своих расовых приоритетов. Свое происхождение оно вело от довоенного Германского ордена, еще одной тайной организации крайне правых, а ее лидером был барон фон Зеботтендорф, осужденный фальшивомонетчик, известный полиции под именем Адам Глауэр. В обществе состояло довольно много людей, которые впоследствии стали видными деятелями Третьего рейха⁸. Известно, что Арко-Валли, убийца Курта Эйснера, также пытался стать членом Общества Туле. В акте отчаянной мести солдаты Красной армии выстроили десять заложников в линию перед взводом бойцов и расстреляли. Среди казненных были князь фон Турн-унд-Таксис, молодая герцогиня фон Вестарп и еще два аристократа, а также пожилой профессор, которого арестовали за публично высказанное нелицеприятное замечание по поводу одного революционного плаката. Остальными были несколько пленных из наступавших добровольческих корпусов.

Новости об этом расстреле невероятно разъярили солдат. Когда они вошли в город, фактически не встретив сопротивления, их победа превратилась в кровавую резню. Лидеры революционеров вроде Ойгена Левине были арестованы и расстреляны. Анархиста Густава Ландауэра привезли в «Штадельхейм», где солдаты избили его прикладами, превратив лицо в кровавое месиво, дважды стреляли в него, а потом забили до смерти на

тюремном дворе. Тело разлагалось два дня, пока его не убрали. Проходя мимо собрания католических ремесленников 6 мая, отряд пьяных солдат из добровольческих корпусов, которым информатор сообщил, что там собрались революционеры, арестовали их, отвели в ближайший подвал, избили и убили 21 невинного человека, после чего сняли с трупов все ценные вещи. Огромное число других людей было застрелено «при попытке к бегству», убито из-за доносов, в которых говорилось об их коммунистическом прошлом, забиты по подозрению в хранении оружия или выгнаны из домов, откуда якобы велась стрельба, и расстреляны на месте. Даже в официальных источниках указывается, что захватчиками было убито примерно 600 человек. Неофициальные наблюдатели говорят, что это число в два раза больше⁹. После этой кровавой бани умеренные политики вроде социал-демократов Хоффмана, начавшие эту вакханалию, не имели никаких шансов остаться в Мюнхене. В конечном счете победу одержало «белое» контрреволюционное правительство, которое продолжало преследовать оставшихся революционеров и полностью оправдало добровольческие бригады, лишь некоторые члены которых были осуждены за свои зверства, и то отделавшись самыми легкими наказаниями. Мюнхен стал игровой площадкой экстремистских политических сект, потому что практически все социальные и политические группы в городе горели негодованием и жадой мести¹⁰. Общественный порядок, можно сказать, исчез.

Все это крайне беспокоило офицеров, которым теперь предстояло решать задачу возрождения регулярной армии на руинах старой. Поэтому неудивительно, учитывая серьезное влияние среди солдат рабочих и солдатских советов, что новые руководители армии хотели обеспечить правильное политическое воспитание солдат и исключить влияние множества мелких политических групп, расцветавших в Мюнхене, которые могли стать угрозой для нового послереволюционного порядка. Среди людей, отправленных на курсы политического обучения в июне 1919 г., был тридцатилетний капрал, служивший в баварской армии с самого начала войны и остававшийся в ней невзирая не все превратности социал-демократии, анархии и коммунизма, принимавший участие в демонстрациях, носивший красную

нарукавную повязку вместе с остальными своими товарищами и исчезнувший из поля зрения вместе с большинством из них, когда им приказали защищать Мюнхен от войск захватчиков в предыдущие недели. Его звали Адольф Гитлер¹¹.

II

Гитлер был таким же продуктом своего времени, как и все остальное. Повернись события по-другому, и он мог никогда ничего не добиться на политическом поприще. Во время баварской революции он был незаметным рядовым солдатом, не игравшим никакой роли в политике. Он родился 20 апреля 1889 г. и был живым воплощением этнической и культурной концепции национальной идентичности, которую продвигали пангерманисты, потому что по происхождению или гражданству он был не немцем, а австрийцем. О его детстве, юношестве и воспитании известно очень мало, и изрядная, если не большая часть из написанного о его ранних годах носит крайне гипотетический, несвязный или фантастический характер. Однако мы знаем, что его отец, Алоис, изменил свою фамилию с фамилии матери Марии Шикльгрубер, под которой он родился вне брака в 1837 г., на фамилию своего отчима, Иоганна Георга Гидлера или Гитлера, в 1876 г. Нет каких-либо свидетельств, что кто-либо из предков Гитлера был евреем. Иоганн Георг всегда признавал себя отцом Гитлера. Алоис работал таможенным инспектором в Браунау-на-Инне и был мелким, но уважаемым служащим в австрийском государстве. Он женился три раза, Адольф был единственным ребенком от его третьего брака, который выжил в младенчестве, помимо его младшей сестры Паулы. «Психоисторики» проводили много параллелей между некоторыми чертами в характерах Адольфа, его холодного, строгого, жесткого, а порой и жестокого отца и его мягкой, горячо им любимой матери, однако все эти выводы нельзя считать ничем иным, как обычными спекуляциями¹².

Известно, что семья Гитлера часто переезжала, сменив три дома, прежде чем в 1898 г. осесть в пригороде Линца, который Адольф с тех пор считал своим родным городом. Маленький

Гитлер плохо учился в школе и недолго любил своих учителей, но в остальном не казался каким-то особенным по сравнению со своими сверстниками. Он, совершенно точно, не был приспособлен к нормальной, обыденной жизни и тяжелой работе госслужащего, к которой его готовил отец. После смерти своего отца в начале 1903 г. он жил в квартире в Линце, где присматривал за матерью, своей тетей и младшей сестрой и мечтал о будущей карьере художника, много рисовал, общался с друзьями, читал и ходил в оперу. Но в 1907 г. произошли два события, которые положили конец этой праздной жизни и радужным фантазиям. Его мать умерла от рака груди, а его заявление на прием в Венскую художественную академию было отклонено на основании того, что его картины и рисунки не были достаточно хороши. Вместо этого ему посоветовали поступать в архитекторы. Действительно, его сильной стороной были рисунки и картины зданий. Его особенно впечатляла тяжелая, угнетающая историческая архитектура общественных зданий на Рингштрассе в Вене, являвших собой символическое выражение власти и надежности в то время, когда реальные политические основы Габсбургской монархии начинали рушиться¹³. С самого начала архитектура интересовала Гитлера в основном как выражение власти. Он сохранил этот интерес в течение всей своей жизни. Но ему не хватало усердия, чтобы стать архитектором. Он снова попытался пойти в художественную академию, и ему отказали во второй раз. Разочарованный и эмоционально опустошенный, он переехал в Вену. По всей видимости, из Линца он увез с собой две политические симпатии. Первой был пангерманизм Георга Риттера фон Шёенера, у которого было особенно много сторонников в школе, где учился Гитлер. Второй была музыка Рихарда Вагнера, на оперы которого он часто ходил в Линце, его пьянили в них романтизация германских мифов и легенд и образы героев, не знающих страха. Вооруженный этими страстями и убежденный, что станет великим художником, он провел следующие пять лет в австрийской столице¹⁴.

В будущем Гитлер часто проводил параллели между событиями своей жизни и тем периодом, которые, скорее всего, были надуманными. И опять же здесь имеется мало надежных и не-

зависимых свидетельств о том, что он делал или думал. Однако некоторые вещи кажутся достаточно очевидными. Во-первых, не сумев смириться с неудачей при поступлении в академию, Гитлер обрел горячую ненависть к буржуазным традициям, истеблишменту, правилам и нормам. Вместо того чтобы учиться или пойти на обычную работу, он жил праздной, хаотической, богемной жизнью и тратил свои сбережения на оперы Вагнера. Когда деньги закончились, ему пришлось выбирать: или спать под открытым небом, или искать место в ночлежке. Дела несколько улучшились, когда он получил немного денег от своей тети и начал продавать небольшие картины, в основном копии, обеспечивая себе средства на проживание в общежитии, где он снимал дешевую комнату и мог пользоваться библиотекой и читальным залом. Здесь он провел три года на самых задворках жизни богемной культуры.

Политические убеждения Гитлера, сформированные в Линце, укрепились, когда он более тесно столкнулся с пангерманизмом Шёнерера, который был так популярен в Линце. Гитлер ненавидел габсбургскую монархию и ее столицу, госучреждения которой отказали ему в реализации его амбиций художника. В результате он полностью поддерживал требование Шёнерера о том, что немецкоговорящие области Австрии должны отойти к Германской империи. Расовое смешение в Вене его бесило, только расово однородная нация могла быть успешной. Однако он понимал, что Шёнерер не мог добиться поддержки масс. Подлинное понимание людей, как считал Гитлер, было раскрыто в антисемитской демагогии венского майора Карла Люгера и стало его личным достижением. Гитлер вряд ли мог игнорировать ежедневную антисемитскую риторику газет того рода, которые были доступны в читальной комнате его общежития, и дешевых антисемитских памфлетов, которые он читал в то время. А его любовь в Вагнеру, на оперы которого в тот период он ходил сотни раз, могли только укрепить его политические предпочтения. Фактически все последователи Шёнерера, Вагнера и Люгера были в то время антисемитами, а многие из них фанатиками, поэтому нет причин, по которым Гитлер должен был быть исключением. То, что он продавал картины еврейским торговцам и занимал

деньги у еврейских соседей в общежитии, не значило, что он не был антисемитом. Тем не менее его антисемитизм в то время носил, вероятно, абстрактный и теоретический характер. Эта ненависть к евреям стала внутренней, личной и жгучей в конце Первой мировой войны¹⁵.

Некоторые наиболее интересные страницы будущей автобиографической книги Гитлера «Моя борьба» (*Mein Kampf*) описывают чувство возбуждения, которое он испытал, наблюдая массовые демонстрации социал-демократов в Вене. Он считал марксизм социал-демократов отвратительным, а их пропаганду полной ненависти, злобной клеветы и лжи. Тогда почему массы верили им, а не доктринам таких людей, как Шёнерер? Его ответ состоял в том, что социал-демократы были нетерпимы к другим взглядам, подавляли их среди рабочего класса, как только могли, вели незамысловатую, но интенсивную пропаганду и завоевывали массы силой. «Сознание больших групп людей, — писал он, — не чувствительно к неуверенности и слабости... Толпа любит командира больше, чем просителя». И добавлял: «Я пришел к пониманию важности физического террора по отношению к отдельному человеку и к массам... Террор на рабочем месте, на заводе, в зале собраний и в случае массовых демонстраций всегда будет иметь успех, если ему не будет противостоять соответствующий террор». Социал-демократы, заключал он, «командуют слабыми с помощью идей и с помощью силы. Они знают, как создать иллюзию того, что это единственный способ сохранить мир, и в то же время тайно, но упорно завоевывают одну позицию за другой, иногда тихим шантажом, иногда фактически воровством...» Все эти выводы носят ретроспективный характер, поскольку Гитлер уже задним числом приписал собственные взгляды и намерения самому успешному массовому движению Австрии в годы его молодости. Однако, разумеется, для любого, кто жил в Вене до 1914 г., не представлялось возможным избежать влияния социал-демократов на массы, и естественно предположить, что Гитлер был впечатлен их примером и учился у них, даже отрицая теории, которые они продвигали¹⁶.

Однако, возможно, самым важным политическим уроком, который он получил во время проживания в Вене, стало глубоко-

кое презрение к государству и закону. Нет причин не верить его более позднему утверждению, что, как сторонник Шёнерера, он считал, что Габсбургская монархия подавляла германскую расу, заставляя немцев смешиваться с другими и не давая немцам рейха шанса объединиться. «Если сам вид притесняется или находится под угрозой полного уничтожения, — писал он, — то вопрос законности сводится к необязательной рекомендации». Расовое самосохранение было гораздо более важно, чем законность, которая часто могла быть простой ширмой для тирании. В этой борьбе оправданны были любые меры. Более того, над «прогнившим государством» Габсбургов довлел парламентаризм — политическая система, по отношению к которой Гитлер приобрел неискоренимое презрение, проведя много времени в открытом холле австрийского парламента, где противоборствующие национальные партии кричали и оскорбляли друг друга, каждая на своем языке, и не могли добиться каких-либо реальных результатов. У него сформировалась особая ненависть к чехам, которые вели себя наиболее деструктивно. Они полагал, что ошибкой Шёнерера стала попытка добиться своих целей через парламент. Гитлер заключал, что только сильный лидер, выбранный непосредственно народом, мог бы решать какие-либо задачи¹⁷.

Однако нет никаких указаний на то, что Гитлер видел себя в роли такого лидера до 1914 г. или собирался податься в политику. Наоборот, он все еще был поглощен идеей стать художником. Крайняя финансовая нужда, в которой он оказался, не сумев реализовать свои амбиции, в некоторой степени смягчилась, когда в апреле 1913 г. в возрасте 24 лет он получил наследство от своего отца. Гитлер быстро уладил все свои дела в Вене и уехал в Германию, на деле продемонстрировав свой пангерманизм, приобретенный в результате увлечения идеями Шёнерера. Позже он описывал с достаточной достоверностью то счастье, которое он испытал, переехав в Мюнхен и оставив позади разношерстный и омерзительный для него расовый космополитизм австрийской столицы и атмосферу политического смятения и упадка, характерную для Габсбургской политической системы. Такая система, по его мнению, не стоила того, чтобы за нее сражаться, и не

последней причиной его отъезда было желание избежать военной службы, на которую он вскоре должен был пойти. Теперь он был в Германии и чувствовал себя дома.

Он снял комнату на краю Швабинга и продолжил вести свой венский образ жизни, делал акварельные копии почтовых открыток с изображениями знаменитых мюнхенских зданий и продавал их столько, чтобы обеспечить себе скудное проживание. Как и прочая швабингская богема, он подолгу просиживал в кофейнях и пивных подвальчиках, но был посторонним для настоящего богемного мира и для уважаемого общества, и, пока такие люди, как Эйснер, Толлер, Ландауэр или Мюзам, часто ходили по театрам, обсуждали анархические утопии или делали себе имя в роли поэтов или писателей, Гитлер продолжал прежнее бесцельное существование, не предпринимая попыток получить в Мюнхене художественное образование, в котором ему было отказано в Вене. И если официальный художественный бомонд оставался ему близок, то неофициальные авангардисты, о которых столько говорили в самых модных швабингских кофейнях, — такие художники, как Василий Кандинский, Пауль Клее, Франц Марк, Август Маке, а также группа «Синий всадник» — отошли от традиций и обратились к экспрессионизму и абстракции. Авангард вызывал у Гитлера исключительно непонимание и антипатию. Его собственные занятия живописью ограничивались тщательными, безжизненными репродукциями зданий. Его вкус в живописи был ограничен традиционными, классическими шаблонами, которым была привержена Венская художественная академия, куда он так хотел поступить¹⁸. А вот что Гитлер разделял со своими швабингскими богемными знакомыми, так это внутреннее презрение к буржуазным обычаям и нормам и убежденность, что искусство может изменить мир.

Из существования на задворках культурной жизни богемы Гитлера вытаскило начало Первой мировой войны. Существует его фотография, где он стоит в толпе, собравшейся в центре Мюнхена 2 августа, чтобы отпраздновать объявление войны, его лицо лучится радостью. Три дня спустя он пошел добровольцем в баварскую армию. В хаосе и смятении первых дней войны, когда добровольцами шло огромное число людей, никто не задумывал-

ся над тем, чтобы проверять их немецкое гражданство. Он вступил в армию 16 августа и практически сразу был отправлен на западный фронт. Это стало, как он писал позже, «освобождением от болезненных ощущений моей юности». Впервые у него была цель, в которую он верил и к которой он стремился, и группа товарищей, с которыми он себя связывал. Его сердце «переполняла гордая радость» от того, что теперь он сражался за Германию¹⁹. Следующие четыре года он оставался со своим полком, начав со связного и дослужившись до капрала. Он получил две награды за храбрость, вторая была Железным крестом 1-й степени. Что любопытно, получена она была по рекомендации офицера-еврея. Вскоре получил отравление ядовитым газом во время газовой атаки — частого явления с обеих сторон на поздних этапах войны. Временно ослепшего, его отправили на восстановление в военный госпиталь в Пазевальке в Померании, на северо-востоке Германии. Здесь он узнал о поражении Германии, перемирии и революции²⁰. В «Моей борьбе» Гитлер описывал это как «величайшее злодейство века», крушение всех его надежд, сделавшее все его жертвы бессмысленными. Когда ему сообщили эти новости, «перед глазами все почернело», он доковылял до своей палаты и разрыдался. Нет никаких оснований сомневаться в том, что это стало для него ужасной травмой. Память о 1918 г. сыграла центральную роль во всех его последующих размышлениях и действиях. Как случилось это несчастье? В поисках объяснения Гитлер с готовностью схватился за быстро распространявшуюся легенду об «ударе в спину». Он считал, что винить следовало евреев, к которым он уже относился с подозрением и неприязнью. Все зачаточные и сумбурные идеи и предрассудки, которые до этого он вынес из теорий Шёнераера, Люгера, Вагнера и остальных, теперь вдруг сложились в последовательный, аккуратный и крайне параноидальный узор. И снова он рассматривал пропаганду как главный политический двигатель: вражеская военная пропаганда, подрывающая волю немцев извне, еврейская социалистическая пропаганда, распространяющая сомнения и пораженческие настроения изнутри. Будучи современником этой катастрофы, он понял, что пропаганда всегда должна быть ориентирована на массы:

Любая пропаганда должна быть доступной, а ее интеллектуальный потенциал должен соответствовать наиболее ограниченному мышлению людей, которым она адресована. Соответственно, чем многочисленнее массы, которых она должна достигнуть, тем более низким будет ее общий интеллектуальный уровень... Восприимчивость больших масс крайне ограничена, их интеллект низок, но умение забывать невероятно велико. Следствием из этих фактов является то, что любая эффективная пропаганда должна ограничиваться очень небольшим числом тем и в ней должны повторяться и повторяться соответствующие лозунги, пока последний член общества не станет понимать то, что вы хотели ему донести этими лозунгами.

И она должна была обращаться к эмоциям, а не к разуму, потому что «люди в подавляющем большинстве настолько женственны по натуре и привычкам, что трезвый расчет определяет их мысли и действия гораздо меньше, чем эмоции и чувства». Наконец, пропаганда должна быть постоянной и неизменной в своих посланиях. Она никогда не должна допускать ни тени сомнения в своих утверждениях или допускать малейшую долю правоты в заявлениях врагов²¹.

Вооруженный этими мыслями, а на первых порах, возможно, их более зачаточными вариантами, Гитлер подчинился приказам вышестоящих офицеров и посещал курсы политического обучения в июне 1919 г., которые стали началом его политической карьеры. Момент был подходящий. Мюнхен стал миром, который, по мнению многих консерваторов, перевернулся с ног на голову, и пришло время вернуть его в правильное положение. Где Пруссия проиграла, Бавария могла указать путь. Весь политический дискурс в Мюнхене после свержения коммунистического режима был насыщен националистическими лозунгами, антисемитскими фразами, реакционными выражениями и всячески стимулировал яростное выражение контрреволюционных настроений. Гитлер, как и некоторые другие, оказался специалистом в освоении нюансов этого языка и использовании стереотипных образов врагов порядка в неистовом языке экстремизма²².

III

Курсы, которые посещал Гитлер, были предназначены для того, чтобы искоренить любые социалистические симпатии в регулярных войсках Баварии и внушить военным крайне правые убеждения. Среди лекторов были консервативный мюнхенский профессор истории Карл Александр фон Мюллер и пангерманистский экономист-теоретик Готфрид Федер, который наводил антисемитский глянец на экономическую теорию, обвиняя евреев в уничтожении средств к существованию усердных тружеников арийцев за счет неэффективного использования капитала. Гитлер с такой готовностью принял идеи этих людей, что в августе 1919 г. по указанию руководства сам стал читать подобный курс. Здесь он впервые обнаружил у себя талант выступать перед большой аудиторией. Люди, посещавшие его лекции, были восхищены его страстью, убежденностью и способностью находить контакт с простыми людьми. Они также отмечали его яростный антисемитизм. В письме от 16 сентября Гитлер описал свое отношение к евреям. Пользуясь биологической метафорой, которая в разных вариациях проходила во многих последующих речах и статьях, он обвинял их в «заражении людей расовым туберкулезом». Он отвергал «антисемитизм, основанный исключительно на экономических предпосылках», который вел к погромам, в пользу «здравомыслящего антисемитизма», целью которого является «запланированная законная борьба и ликвидация еврейских привилегий». «Его окончательная задача — неумолимое устранивание всех евреев»²³.

В яростно-мстительной ультранационалистической атмосфере месяцев, следовавших за кровавым подавлением мюнхенской революции добровольческими бригадами, такие настроения были далеко не редки. К этому времени Гитлер стал доверенным политическим агентом армии. В этом качестве он получил задание представить отчет об одной из крупных политических группировок, возникших в Мюнхене в этот период, и определить, представляла ли она опасность, или ее можно было поставить под знамена контрреволюции. Это была Немецкая рабочая партия, основанная 5 января 1919 г. Антоном Дрекслером, слесарем,

который раньше входил в Партию отечества. Дрекслер утверждал, что он был социалистом и рабочим и выступал против нечестно накопленного капитала, эксплуатации и спекуляции. Но это был социализм с националистическим уклоном. Дрекслер приписывал беды, с которыми он боролся, махинациям евреев, которые также придумали разрушительную идеологию большевизма. Он обращался не к промышленным рабочим, а к «рабочему сословию», ко всем, кто зарабатывал на жизнь честным трудом²⁴. В ближайшей перспективе это означало нижнюю ступень среднего класса, но в соответствии с традицией, уходящей корнями к христианско-социалистическому движению Адольфа Штёкера 1880-х гг. и отражавшейся во многих националистических инициативах как в Германии, так и в Австрии до и в первую очередь сразу после войны, в дальних планах партия Дрекслера стремилась отвоевать симпатии рабочего класса у марксизма и поставить его на служение делу пангерманизма.

Молодая партия на самом деле была еще одним творением гиперактивного Общества Туле. Дрекслер и его крошечная партия ничем не выделялись в радикально правой политической оранжерее Мюнхена после поражения революции. Необычным было то, какое внимание вызвал Гитлер своим выступлением на партийном собрании 12 сентября 1919 г. со страстной критикой предыдущего оратора, который призывал к отделению Баварии от рейха. Впечатленный этим, Дрекслер с готовностью согласился его принять, когда Гитлер по приказу руководства армии подал заявление на вступление в ряды партии. Хотя позже он утверждал, что был седьмым человеком, вступившим в партию, на самом деле он был зарегистрирован под номером 555. Это было не так внушительно, как выглядело, номера членов Немецкой рабочей партии по давней традиции маргинальных политических групп начинались не с номера 1, а с номера 501, чтобы со стороны казалось, что в партии состоят сотни человек, а не какие-то единицы²⁵.

Гитлер, побуждаемый своим армейским руководством, быстро стал звездой среди партийных ораторов. На волне своего успеха он убедил лидеров партии в необходимости проведения более масштабных публичных собраний, в основном в пивных

залах. Об этих собраниях извещали афиши, и они часто сопровождались буйными сценами. К концу марта 1910 г. он стал незаменимым человеком в партии и решил, что в этом было его будущее. Демагогия позволила ему обрести свое лицо, которое он потерял с поражением Германии. Он ушел из армии и стал политическим агитатором на полной ставке. Привлекательность радикального антисемитизма в контрреволюционном Мюнхене была очевидна, и этой ситуацией уже воспользовалась гораздо более крупная организация схожих взглядов, Лига немецкой расовой обороны и сопротивления. Это была еще одна крайне правая группа, использовавшая свастику в качестве основного политического символа. Лига со штаб-квартирой в Гамбурге хвалилась тем, что в ее рядах состояло 200 000 членов по всей Германии, среди которых были бывшие члены Партии отечества, разочарованные демобилизованные солдаты и студенты, учителя и клерки с националистическими взглядами. Она имела мощную пропагандистскую машину, которая выпускала миллионы листовок и проводила массовые собрания, где аудитория составляла тысячи человек, а не сотни, которых могла привлечь организация Дрекслера²⁶. Лига была далеко не единственным крайне правым движением такого рода, гораздо более малочисленная Немецкая социалистическая партия под руководством инженера Альфреда Бруннера также имела отделения в нескольких городах Германии, хотя в ней состояла только десятая часть от количества членов Лиги. Но ни в одной не было оратора, который мог бы тягаться с Гитлером²⁷.

Если традиционные правые политики давали лекции и выступали в напыщенном, высокопарном стиле, скучно и тускло либо грубо и резко, то Гитлер следовал примеру социал-демократических ораторов, таких как Эйснер, или левых агитаторов, от которых, как он утверждал позже, он многому научился в Вене. И самый большой ораторский успех он имел тогда, когда говорил аудитории то, что она хотела слышать. Он использовал простой, доступный язык, который могли понимать обычные люди, короткие предложения, мощные эмоциональные лозунги. Часто начиная речь тихо, чтобы захватить внимание публики, он постепенно доходил до наивысшей точки, его глубокий

и достаточно хриплый голос становился выше, речь быстрее по мере продвижения к напыщенному и резкому финалу. С тщательно отрепетированными драматическими жестами, блестящим от пота лицом, редкими волосами, падающими на лицо, он доводил аудиторию до экстаза. В его речах не было ограничений, все было абсолютным, бескомпромиссным, окончательным, неуклонным, неизменным, решающим. Как подтверждали многие люди, посещавшие его ранние выступления, казалось, что он говорил прямо от сердца и выражал их собственные самые глубокие страхи и надежды. Все больше он выражал уверенность в себе, агрессию, веру в окончательный триумф своей партии. Его речи казались судьбоносными. Часто они начинались с рассказа о ранних годах его собственной нищей жизни, которую он сопоставлял с подавленным, растоптанным и отчаянным состоянием Германии после Первой мировой войны. Затем, повышая голос, он говорил о своем политическом пробуждении и в качестве параллели приводил будущее возрождение Германии и возврат ее славы. Не используя открыто религиозный язык, Гитлер обращался к религиозным архетипам страдания, унижения, искупления и воскрешения, коренящимся глубоко в сознании слушателей, и в послевоенной и послереволюционной Баварии он находил живой отклик²⁸.

В речах Гитлера сложнейшие социальные, политические и экономические проблемы имели одну простую причину: злокозненные махинации евреев. В «Моей борьбе» он писал о том, как, по его мнению, еврейские антигосударственные элементы подрывали военные усилия Германии в 1918 г.:

Если бы в начале и в ходе войны двенадцать или пятнадцать тысяч таких еврейских предателей попали под газы, что случилось с сотнями тысяч прекрасных немецких рабочих на поле боя, то жертвы миллионов на фронте оказались бы не напрасными. Напротив, своевременное уничтожение двенадцати тысяч подлецов могло спасти жизни миллионов настоящих немцев, ценных для будущего. Но так уж оказалось, что в рамках буржуазной «государственности» можно отправить миллионы на кровавую смерть на поле боя не моргнув глазом и вместе с тем называть десять или двенадцать

тысяч предателей, спекулянтов, ростовщиков и мошенников священным национальным достоянием и открыто провозглашать их неприкосновенность²⁹.

Такой бескомпромиссный радикализм придавал публичным выступлениям Гитлера возродительский пыл, который сложно было повторить менее демагогичным политикам. Публика, которую он завоевывал, множилась за счет распространения красных рекламных плакатов для привлечения левых, это приводило к тому, что протесты со стороны слушателей-социалистов часто перерастали в стычки и драки.

В послевоенном климате контрреволюции, с распространяемой национальной идеей об «ударе в спину» и одержимостью военными спекулянтами и торговцами, наживавшимися на взрывной гиперинфляции, Гитлер особенно агрессивно нападал на «еврейских» торговцев, которые якобы поднимали цены на товары: всех их, заявлял он под одобрительные крики из толпы, надо было повесить³⁰. Возможно для того, чтобы подчеркнуть эту антикапиталистическую направленность и поставить себя в один ряд со схожими группами в Австрии и Чехословакии, партия в 1920 г. поменяла свое название на Национал-социалистическую рабочую партию Германии. Враждебные комментаторы вскоре сократили это название до слова «наци», точно так же, как враги социал-демократов сокращали название их партии до «соци». Однако, несмотря на такое изменение названия, было бы неправильным рассматривать нацизм как разновидность или производную от социализма. Действительно, некоторые вполне обоснованно отмечают, что идеи этих движений часто совпадали, они упирали на необходимость поставить общие интересы выше частных и часто выступали против крупного бизнеса и международного финансового капитала. Известно, что однажды антисемитизм называли «социализмом дураков». Но с самого начала Гитлер объявил о своем принципиальном противостоянии социал-демократии и в гораздо меньшей степени коммунизму: в конце концов, «ноябрьские предатели», подписавшие перемирие и позже Версальский мирный договор, были не коммунистами, а социал-демократами и их союзниками³¹.

«Национал-социалисты» хотели объединить два политических лагеря правых и левых, которые, по их словам, были созданы злокозненными евреями для разобщения немецкой нации. Основой для такого объединения была расовая идея. Это полностью отличалось от классовой идеологии социализма. В некоторых отношениях нацизм представлял собой экстремальный антипод социализма, почерпнувший по ходу дела многие из его методов убеждения, начиная с изображения себя движением, а не партией и заканчивая широко рекламируемым презрением к буржуазным традициям и консервативной робости. Понятие «партии» предполагает приверженность парламентской демократии, постоянную работу в рамках установленного демократического строя. Однако в речах и агитках Гитлер со своими сторонниками предпочитали в целом говорить о «национал-социалистическом движении», так же как социал-демократы говорили о «движении рабочих», а феминистки о «женском движении», а сторонники довоенного юношеского сопротивления о «движении молодежи». Этот термин не только предполагал динамизм и ускоряющееся движение вперед, в нем явно виднелась конечная задача, абсолютная цель, к которой следует стремиться, которая была серьезней и окончательней, чем бесконечные компромиссы традиционной политики. Представляя себя в виде «движения», национал-социалисты, как и рабочее движение, объявляли о своей оппозиции традиционной политике и намерении подорвать и окончательно свергнуть систему, в рамках которой им изначально приходилось действовать.

Заменив классы расами, а диктатуру пролетариата на диктатуру лидера, нацизм перевернул обычные понятия социалистической идеологии. Синтез правых и левых был отражен в официальном флаге партии, лично выбранном Гитлером в середине 1920-х.: светло-красный фон, цвет социализма, и свастика, эмблема расового национализма, нарисованная черным в середине белого круга в центре флага, так что вся композиция представляла собой комбинацию черного, белого и красного цветов — цветов официального флага империи Бисмарка. В начале революции 1918 г. это стало символизировать отрицание Веймарской республики и всего, за что она боролась, но, поскольку изменился

дизайн и добавилась свастика — символ, уже использовавшийся различными крайне правыми расистскими движениями и добровольческими бригадами в послевоенный период, — нацисты также объявили, что эту республику они хотят заменить на новое пангерманское расовое государство, а не вернуть прежний статус-кво времен Вильгельма³².

К концу 1920 г. Гитлер критиковал уже не только еврейский капитализм, но и марксизм, или, другими словами, социал-демократию и большевизм. Жестокости гражданской войны и «красного террора» в ленинской России оказывали свое влияние, и Гитлер мог использовать это, чтобы переместить фокус на обычные крайне правые представления о якобы еврейском влиянии, стоявшем за революционными восстаниями 1918–19 гг. в Мюнхене. Однако нацизм вполне мог возникнуть без коммунистической угрозы, потому что антибольшевизм Гитлера был продуктом его антисемитизма, а не наоборот³³. Его основными политическими врагами оставались социал-демократы и неопределенная масса «еврейских капиталистов». Позаимствовав основные аргументы антисемитизма из довоенного времени, в своих многочисленных речах Гитлер утверждал, что евреи были расой паразитов, которые могли жить, только разрушая жизни других рас, в первую очередь самой благородной и прекрасной расы арийцев. Таким образом, они настроили арийцев против самих себя, сначала организовав капиталистическую эксплуатацию, а затем возглавив борьбу против нее³⁴. В речи от 20 апреля 1920 г. он сказал, что евреев «следует искоренить», 7 августа того же года он сообщил слушателям, что они не должны верить, «что можно победить болезнь, не устранив ее причину, не уничтожив бациллу, не должны думать, что можно победить расовый туберкулез, не позаботившись об устранении самой причины расового туберкулеза». Искоренение подразумевало насильственное выселение евреев из Германии любыми средствами. «Решение еврейского вопроса, — заявил он перед слушателями в апреле 1921 г., — может быть достигнуто только грубой силой». «Мы знаем, — говорил он в январе 1923 г., — что если они придут к власти, то наши головы покатаются по песку, но мы также знаем, что когда мы получим власть в свои руки, «тогда да поможет вам Бог!»»³⁵

Пивной путч

I

В конце Первой мировой войны генерал Эрих Людендорф, немецкий военный диктатор последних двух лет или около того, решил, что будет благоразумно на некоторое время уйти с политической сцены. Разжалованный 25 октября 1918 г. после серьезного конфликта с недавно назначенным последним либеральным правительством кайзера, он на некоторое время задержался в Берлине, а потом, нацепив темные очки и накладные бакенбарды, проскользнул через Балтику в Швецию, чтобы пересидеть революцию. В феврале 1919 г. он, очевидно, решил, что худшее позади, и вернулся в Германию. Его военный престиж был так велик, что он быстро стал номинальным лидером радикально правого фронта. Пангерманский аннексионист в 1914—18 гг. и яростный противник мирного соглашения, он сразу же начал плести заговоры по свержению нового республиканского порядка. Собрав вокруг себя группу бывших помощников, он оказал поддержку скоротечному путчу против правительства в Берлине, организованному Вольфгангом Каппом и добровольческими бригадами в марте 1920 г., а когда тот завершился провалом, перебрался в более благоприятную атмосферу Мюнхена. Здесь он быстро вошел в контакт с ультранационалистским кругом, который теперь собирался вокруг ранее неизвестной фигуры Адольфа Гитлера³⁶.

К моменту встречи этих двоих рядом с Гитлером уже были первые члены преданной группы энтузиастов, которым в том или ином качестве предстояло сыграть ключевую роль в возвышении нацистской партии и построении Третьего рейха. Самым горячим сторонником из всех был студент Рудольф Гесс, ученик теоретика геополитизма Карла Хаусхофера в Мюнхенском университете. Сын бизнесмена, поддерживавшего вокруг себя авторитарный порядок и запретившего ему учиться до войны, Гесс, казалось, искал сильного лидера, которому мог бы посвя-

тить себя без остатка. Как и многие будущие видные нацисты, он был родом не из Германского рейха. Гесс родился в Александрии в 1894 г. Служба во время войны, которую он закончил в чине лейтенанта ВВС, давала ему власть, которой надо было подчиняться, и возможность учиться под руководством Хаусхофера. Однако ни то, ни другое не дало ему того, чего он действительно хотел, так же как и добровольческие бригады или Общество Туле, членом которых он состоял. Он получил то, что искал, от Гитлера, с которым познакомился в 1920 г. Антисемитизм был их общей страстью: Гесс обвинял «свору евреев» в предательстве Германии в 1918 г. и еще до встречи с Гитлером возглавлял вылазки в рабочие кварталы Мюнхена, когда тысячи антисемитских листовок подсовывались под двери квартир³⁷. После встречи с Гитлером Гесс стал со всей страстью поклоняться ему. Наивный идеалист без личных амбиций и жадности, а по словам Хаусхофера и не очень умный, Гесс был склонен верить в иррациональные и мистические доктрины, такие как астрология. Его собачья преданность Гитлеру была почти религиозной в своей страсти, он считал Гитлера своего рода мессией. Начиная с этого момента он стал тихим, покорным рабом Гитлера, упиваясь словами господина за ежедневной чашкой кофе в кафе «Хек» и постепенно принимая на себя большую часть рутинной работы, которую так ненавидел Гитлер. Кроме того, он познакомил Гитлера с более изощренной версией распространенной пангерманской теории «жизненного пространства» (*Lebensraum*), на основании которой Хаусхофер оправдывал претензии Германии на завоевание Восточной Европы и которую романист Ганс Гримм популяризовал в своем бестселлере «Народ без пространства» в 1926 г.³⁸

Полезным для Гитлера в другом отношении был неудавшийся расистский поэт и драматург Дитрих Эккарт, бывший студент медицинского института. Эккарт был активным участником крайне правых движений уже в декабре 1918 г., когда он стал публиковать политический еженедельник *Auf gut Deutsch* («На чистом немецком»), поддерживаемый некоторыми баварскими предпринимателями и спонсируемый армией. Эккарт утверждал, что отказ от постановки его пьес является следствием еврейского доминирования в культуре. Он имел личные контакты

с другими расистами и сторонниками арийского превосходства вроде Хьюстона Стюарта Чемберлена, для популяризации работ которого приложил много усилий. Как и многие антисемиты, он называл «евреем» любого, кто вел «подрывную деятельность» или имел «материалистические взгляды», включая помимо прочих Ленина и кайзера Вильгельма II. Имея хорошие связи и достаточные средства, Эккарт, как и Гесс, был членом Общества Туле и собрал для нацистской партии деньги со своих друзей и военных с целью купить загибающуюся газету общества *Volkischer Beobachter* («Народный обозреватель») в 1920 г. Сам он стал ее редактором, и здесь очень пригодился его журналистский опыт. Сначала газета выходила дважды в неделю, а в начале 1923 г. Эккарт преобразовал ее в ежедневную. Однако в конечном счете его относительная независимость и довольно снисходительное отношение к Гитлеру привели к охлаждению их отношений, и Эккарт был снят с должности редактора газеты в марте 1923 г. и вскоре, в этом же году, умер³⁹.

Однако два помощника, которых он привел в партию из Общества Туле, служили Гитлеру более верно и гораздо дольше. Первым был балтийский немец, архитектор Альфред Розенберг. Еще один из лидеров нацизма, выросший за пределами рейха, он родился в Ревеле в Эстонии в 1893 г. Розенберг бежал от русской революции, приобретя глубокую ненависть к большевизму, и в конце войны оказался в Мюнхене, где оказывал финансовую поддержку небольшому журналу Эккарта. Он стал антисемитом еще до 1914 г. после прочтения работы Хьюстона Стюарта Чемберлена в возрасте 16 лет. Восторженный поклонник сфабрикованных царской полицией «Протоколов сионских мудрецов», целью которого было предоставить свидетельство существования международного еврейского заговора по разрушению цивилизации, Розенберг также читал Гобино и Ницше, а после войны писал полемические брошюры с нападками на евреев и франк-масонов. Его основным желанием было, чтобы его принимали серьезно как интеллектуала и теоретика культуры. В 1930 г. Розенберг опубликовал свой *magnum opus* под названием «Мифы двадцатого века», посвятив его главной работе своего кумира Хьюстона Стюарта Чемберлена. Этой книге предстояло стать основной теоретичес-

кой работой в нацистской партии. К 1945 г. было продано более миллиона копий книги, а некоторые ее идеи действительно имели определенное влияние. Однако сам Гитлер утверждал, что прочитал лишь небольшую ее часть и ему не понравился ее псевдорелигиозный тон, и маловероятно, что кто-либо, кроме самых приверженных читателей, смог продраťся сквозь километры напыщенной прозы до конца. Тем не менее в частых беседах в мюнхенских кафе Розенберг, наверное, больше, чем кто-либо, смог обратить внимание Гитлера на угрозу коммунизма и на его предполагаемое происхождение в результате еврейского заговора и предупредить Гитлера об опасности нестабильного государственного строя Советской республики. Через Розенберга в начале 1920-х в нацистскую идеологию пробрался русский антисемитизм с его радикальными теориями заговора и призывами к тотальному уничтожению евреев. «Еврейский большевизм» теперь стал основным объектом ненависти Гитлера⁴⁰.

Другим человеком, которого Эккерт привел в нацистскую партию, был Ганс Франк. Он родился в Карлсруэ в 1900 г. в семье адвоката и изначально пошел по стопам отца. Будучи студентом юридического факультета, в 1919 г. он вступил в Общество Туле и в составе добровольческого корпуса Эппа участвовал в штурме Мюнхена. Франк быстро попал под влияние Гитлера, хотя никогда так и не стал членом его узкого круга. Услышав его выступление в январе 1920 г., Франк, как и многие другие, почувствовал, что слова Гитлера шли прямо из сердца. «Он говорил то, о чем думали все присутствовавшие», — вспоминал он позднее. Всю жизнь его очаровывала порнография насилия: он восхищался жестокими людьми и, пытаясь казаться похожим на них, часто использовал язык насилия с прямотой и агрессией, которых не было практически ни у кого из лидеров нацистов. Но его юридическое образование и воспитание не давали ему расстаться с верой в закон, которая зачастую плохо уживалась с его склонностью к грубому языку и с его одобрением карательных мер. Он закончил университет адвокатом с докторской степенью в 1924 г., и его юридическое образование, хоть и ограниченное, оказалось крайне полезным для партии. До 1933 г. он представлял партию на более чем 1400 процессах, возбужденных против ее членов,

вину которым вменялись, как правило, акты насилия того или иного рода. Вскоре после того, как он впервые выступил защитником нескольких нацистских головорезов в суде, старший адвокат, бывший одним из его учителей, сказал: «Умоляю вас оставить этих людей! Из этого не получится ничего хорошего! Политические движения, начинающие в уголовных судах, и закончат в уголовных судах!»⁴¹

К тому времени, когда эти и многие другие люди вроде них вошли в состав нацистской партии, молодое движение уже имело официальную программу, составленную Гитлером и Дрекслером при небольшом участии «расового экономиста» Готфрида Федера и утвержденную 24 февраля 1920 г. Среди ее 25 пунктов было требование «объединения всех немцев в Великой Германии», аннулирование мирного договора 1919 г., «восстановление земель и колоний, которые будут кормить наш народ», запрещение «негерманской иммиграции» и смертная казнь для «обычных преступников, ростовщиков, спекулянтов и пр.». Евреи должны были быть лишены гражданских прав и зарегистрированы как иностранцы, им также необходимо было запретить владение немецкими газетами или работу в них. Псевдосоциалистическая нота звучала в требовании искоренения непроизводственных доходов, конфискации военных доходов, национализации деловых трастов и раздела прибыли. Завершалась программа требованием «создать сильную централизованную имперскую власть» и заменить парламенты федеральных земель на палаты по сословиям и профессиям⁴². Это был типичный документ радикальных правых того времени. На практике эта программа имела не слишком большое значение и, как и эрфуртская социал-демократическая программа 1891 г., часто игнорировалась или забывалась в повседневной политической борьбе, хотя вскоре ее и объявили «неизменной», чтобы она не стала предметом внутренних противоречий⁴³.

Однако здесь существовало расхождение с другими задачами, в основном с желанием Дрекслера объединить партию с другими крайне правыми организациями баварской столицы. Дрекслер в особенности имел виды на Немецкую социалистическую партию, схожую по размерам группу, имевшую практически те

же цели, что и нацисты. Но в отличие от нацистской партии она в основном была представлена на севере Германии. Это слияние дало бы большее влияние тем, кто, как и Федер, не одобрял постоянную пошлость подстрекательских речей Гитлера. Гитлер же, опасаясь потеряться в новом движении, фактически сорвал переговоры в апреле 1921 г., пригрозив в этом случае уйти в отставку. Другой кризис разразился, когда Гитлер с Эккартом были в Берлине, занимаясь сбором средств для «Народного обозревателя». В их отсутствие снова начались разговоры о слиянии, в этот раз с привлечением небольшой антисемитской партии, базировавшейся в Аугсбурге, под руководством Отто Дикеля, который, по мнению некоторых, был практически так же хорош в роли публичного оратора, как и Гитлер. Не в состоянии помешать нацистской партии принять участие в планах Дикеля по созданию объединенного «Западного союза» (названного по его несколько мистической работе «Воскрешение Запада»), Гитлер в приступе гнева вышел из партии. Это вызвало обострение внутрипартийных отношений, и Дрекслер пошел на попятную и попросил Гитлера назвать условия, на которых тот согласен был вернуться. В конечном счете очень немногие были готовы идти дальше без человека, чей демагогический талант был единственной причиной роста популярности партии в предыдущие месяцы. Планы слияния были отвергнуты. Бескомпромиссные условия Гитлера были приняты с восторгом на чрезвычайном общем собрании 29 июля. В завершение он потребовал, чтобы его сделали председателем «с диктаторскими полномочиями», а партия должна была быть очищена от «сторонних элементов, которые теперь проникли в нее»⁴⁴.

Обеспечив себе полный контроль над нацистской партией, Гитлер получил ее полную поддержку для пропагандистской кампании, которую он быстро развернул. Скоро она перешла от провокаций к насилию. 14 сентября 1921 г. группа молодых нацистов во главе с Гитлером проследовала на собрание сепаратистской Баварской лиги и взойшла на платформу с намерением остановить оратора, Отто Баллершtedта. Кто-то отключил свет, а когда он снова включился, крики «Гитлер!» не дали Баллершtedту продолжить. Под вялые протесты аудитории молодые головорезы

Гитлера напали на лидера сепаратистов, избили его и грубо столкнули с платформы на пол, где он лежал, истекая кровью, с серьезной травмой головы. Скоро появилась полиция и закрыла собрание. Баллерштедт настоял на преследовании Гитлера, который впоследствии отбыл один месяц заключения в мюнхенской тюрьме «Штадельхейм». Полиция пригрозила ему, что если он станет продолжать в том же духе, то его отправят обратно в Австрию как иностранца. Эта угроза не имела особого эффекта. В начале ноября 1921 г. вскоре после своего освобождения Гитлер оказался в центре еще одной драки в пивном подвале, где в потасовке нацисты и социал-демократы перебрасывались пивными кружками. Вскоре нацисты начали вооружаться кастетами, резиновыми дубинками, пистолетами и даже гранатами. Летом 1922 г. толпа нацистов кричала, свистела и поносила рейхспрезидента Эберта во время его визита в Мюнхен. Выезд на съезд националистов в Кобурге в октябре 1922 г. завершился яростной дракой с социал-демократами, в которой нацисты в конечном счете вытеснили своих противников с улиц с помощью резиновых дубинок⁴⁵. Неудивительно, что нацистская партия скоро была запрещена в большинстве немецких земель, особенно после убийства министра иностранных дел Ратенау в июне 1922 г., когда берлинское правительство попыталось запретить крайне правые экстремистские организации независимо от того, были ли они замешаны в убийстве. Но не в правой Баварии⁴⁶.

Новая нота физического насилия в нацистской кампании отражала не в последнюю очередь быстрый рост численности военного крыла партии, основанного в начале 1920 г. в качестве группы «защиты на выступлениях», которую скоро переименовали в «секцию гимнастики и спорта». В своих коричневых рубашках и штанах, сапогах и фуражках — эта униформа окончательно утвердилась только в 1924 г.⁴⁷ — ее члены скоро стали обычным явлением на улицах Мюнхена, избивая своих противников и нападая на всех, кто, по их мнению, выглядел как еврей. Что превратило их из небольшой группы хулиганов в крупнейшее парламентское движение, так это ряд событий, не имевших отношения к Гитлеру. Относительная безнаказанность и невмешательство полиции отражали в первую очередь тот факт, что

баварское правительство под руководством Густава Риттера фон Кара долгое время симпатизировало полувоенным движениям крайне правых, которые были частью контрреволюционного «белого террора» 1919–20 гг. В такой атмосфере капитан Герман Эрхардт, бывший командир одной из добровольческих бригад, организовал продуманную сеть отрядов убийц, которые осуществляли политические ликвидации по всей Германии, включая убийства нескольких ведущих республиканских политиков и собственных членов, которых подозревали в шпионаже⁴⁸. Сам Кар считал республику прусским творением, которому следовало противостоять, сохранив Баварию центром антиреспубликанского «порядка», и для этого он поддерживал многочисленные так называемые Силы обороны натурализованных иностранцев, возникшие сразу после крушения Баварской советской республики весной 1919 г. Тяжело вооруженные, в военной экипировке, они явным образом нарушали условия Версальского мирного договора и в обязательном порядке были распущены в начале 1921 г. Их роспуск стал сигналом для реорганизации правых радикалов в Баварии и резкого роста числа актов насилия, когда их члены пришли в огромное число вооруженных банд, из которых многие поддерживали баварский сепаратизм и все придерживались антисемитских взглядов⁴⁹.

Эрхардт привел своих ветеранов добровольческих бригад в нацистскую Секцию гимнастики и спорта в августе 1921 г. Они прошли школу яростных столкновений с поляками и другими противниками в Силезии, где мирное соглашение породило массовое недовольство среди немцев, отняв территорию, занятую немцами до войны, и отдав ее новообразованному польскому государству. Эту сделку с Эрхардтом организовал Эрнст Рём, другой ветеран добровольческого корпуса, участвовавший в нападении на Мюнхен ранней весной 1919 г. Он родился в 1887 г. в семье баварского железнодорожного служащего, вступил в армию в 1906 г. и стал офицером два года спустя. Он служил на фронте во время войны, но был комиссован — шрапнелью частично разбило ему нос и серьезно повредило лицо, кроме того, его серьезно ранило под Верденом. После этого Рём работал в военном министерстве в Баварии и заведовал организацией поставок оружия, сначала

для Сил обороны натурализованных иностранцев Кара, а затем для образовавшихся из их осколков мелких групп последователей. Известный среди таких людей как «пулеметный король», Рём хвалился огромным числом контактов с крайне правыми. Помимо прочего он был штабным офицером и заслужил высокую репутацию в армии, к тому же он выступал в роли офицера по связям с полувоенными образованиями. У него определенно был организаторский талант. Но его интересы не касались политики. Эрнст Рём был типичным представителем фронтового поколения, которое уверовало в миф, созданный им самим⁵⁰.

Страстью Рёма было бездумное насилие, а не политический заговор. Анализ его записок показывает, что он использовал такие слова, как «рассудительный», «компромисс», «интеллектуальный», «буржуазный» и «средний класс» практически всегда в уничижительном смысле, а к его любимым позитивным выражениям относились «крепкий», «сорвиголова», «безжалостный» и «верный». Первыми словами его автобиографии, опубликованной в Мюнхене в 1928 г., были: «Я солдат». Он называл себя «противником» и сокрушался: «Немцы забыли, как ненавидеть. На место мужской ненависти пришло бабское причитание»⁵¹. «По-скольку я неразвитый и безнравственный человек, — писал он с характерной открытостью, — война и смута привлекают меня гораздо больше, чем благовоспитанный буржуазный порядок»⁵². Его нисколько не интересовали идеи, своими действиями и утверждениями он восславлял грубый и жесткий стиль жизни солдата. Он не испытывал ничего, кроме презрения, к гражданским и наслаждался беззаконием жизни военного времени. Пьянство и кутежи, драки и стычки скрепляли отряд братьев, среди которых он нашел свое место, к женщинам они относились с пренебрежением, в их мире не было места для невоенных.

Рём видел в Гитлере, чья склонность к физическому насилию для достижения своих целей была уже более чем очевидна, естественный двигатель для своих собственных желаний и взял на себя руководство созданием военного крыла партии — штурмовых отрядов (*Sturmabteilungen*, или SA) в октябре 1921 г. Его связи в руководстве армии, в верхних сферах баварской политики и среди полувоенных формирований были неоценимы для со-

здающейся организации. Однако в то же время он всегда сохранял некоторую независимость от Гитлера, никогда по-настоящему не попадал под его чары и хотел использовать свое движение для реализации собственного культа непрерывного насилия и не собирался передавать штурмовиков в полное распоряжение партии. Поэтому СА оставались формально отдельной организацией, а в отношениях Рёма с лидером нацистской партии всегда сохранялась нотка напряженности. Под руководством Рёма число штурмовиков стало расти. Тем не менее в августе 1922 г. их было не больше 800 человек, и другие давно забытые с тех пор полувоенные формирования, такие как «Военный имперский флаг» или «Союз Баварии и рейха», насчитывавшие не менее 30 000 членов, полностью вооруженных, были намного более заметными. Требовалось гораздо больше, чем влияние Эрхардта и Рёма и демагогия Гитлера, чтобы нацисты и их военное крыло смогли перехватить инициативу в баварской политике⁵³.

II

В 1922 г. надежды нацистов получили серьезнейшее подкрепление, когда стало известно о «марше на Рим» Бенито Муссолини 25 октября, который привел к немедленному назначению фашистского лидера премьер-министром Италии. Там, где успех праздновали итальянцы, их немецкие коллеги, разумеется, не могли намного отставать. Однако, как это часто было с Муссолини, реальность далеко отставала от ее изображения. Муссолини родился в 1883 г., в молодости был видным социалистическим журналистом, но радикально изменил свои политические взгляды во время кампании в поддержку вступления Италии в войну, а в конце войны он стал выразителем чувства оскорбленной гордости итальянцев, когда мирное соглашение не дало им того, что они желали. В 1919 г. он основал фашистское движение, использовавшее тактику насилия, террора и запугивания против левых оппонентов, которые сильно беспокоили промышленников, работодателей и бизнесменов своей политикой захвата заводов для реализации своих принципов общего владения средствами

производства. Волнения в деревне обратили землевладельцев в сторону фашистских отрядов, и по мере усугубления ситуации в 1920—21 гг. Муссолини все больше воодушевлялся динамизмом своего движения. Его возвышение в политике показывало, что послевоенные конфликты, гражданская борьба, убийства и война не ограничивались пределами Германии. Они были распространены по всей Восточной, Центральной и Южной Европе. К ним можно отнести русско-польскую войну, которая закончилась только в 1921 г., вооруженные конфликты ирредентистов во многих землях бывшей империи Габсбургов, а также создание недолгих диктатур в Испании и Греции. Пример Муссолини повлиял на нацистскую партию в разных отношениях, в частности, в конце 1922 — начале 1923 г. в партии был утвержден титул «вождя» (*дуче* в Италии, *фюрер* в Германии), который отражал неоспоримый авторитет человека, стоящего во главе движения. Растущий культ личности Гитлера в нацистской партии, стимулированный примером Италии, также помог Гитлеру убедить самого себя, что именно он, а не кто-то другой в будущем был избран судьбой, чтобы вести Германию к национальному возрождению, и эта уверенность была убедительно подкреплена событиями осени 1923 г.⁵⁴ В это время нацисты стали использовать заимствованный у итальянских фашистов резкий приветственный жест с выкидыванием правой руки вверх, которым они ритуально приветствовали своего вождя, подражая церемониям Римской империи, а вождь отвечал, поднимая свою правую руку, немного согнутую в локте, с открытой ладонью в жесте принятия. Использование строгих правил несения флага в нацистской партии также происходило из практики итальянских фашистов. Однако основным практическим влиянием Муссолини на Гитлера была демонстрация того, что самым быстрым путем к власти является поход на столицу. Когда фашистские отряды стали захватывать контроль над крупными городами севера Италии, Муссолини, используя опыт знаменитого революционера Джузеппе Гарибальди, который шестьдесятю годами ранее боролся за объединение Италии, объявил, что они станут его базой для «марша на Рим». Чтобы избежать кровопролития, итальянский король и ведущие политики капитулировали и назначили его

премьер-министром. Действуя со все большей беспощадностью на этом посту, к концу десятилетия он смог создать диктаторское однопартийное государство⁵⁵.

Фашистское движение Муссолини имело много общих черт не только с нацизмом, но и с другими правыми экстремистскими движениями, например в Венгрии, где Дьюла Гёмбёш называл себя «национал-социалистом» уже в 1919 г. Итальянский фашизм был жестоким, активным, он презирал парламентские институты, он был милитаристским и восславлял конфликты и войны. Он жестко противостоял не только коммунизму, но и, что более важно, социализму и либерализму. Он провозглашал построение общества, в котором классовые интересы и народное представительство заменялись устанавливаемыми сверху институтами, не учитывавшими классовое деление и, таким образом, объединявшими нацию. Он был крайне негативно настроен по отношению к феминизму и утверждал, что в государстве мужчины должны управлять, а роль женщин должна в основном сводиться к рождению и воспитанию детей. В фашизме вождь становился непререкаемым авторитетом, истиной в последней инстанции. Он поддерживал культ молодости, объявляя о намерении смести все старые институты и традиции и создать новый вид человеческого существа, жесткого, неинтеллектуального, современного, нерелигиозного и в первую очередь фанатически преданного своей нации и расе⁵⁶. Во всех этих отношениях он представлял собой модель и полную параллель возникающей нацистской партии.

Таким образом, ранний нацизм, как и мириады конкурирующих крайне правых движений в послевоенные годы, полностью соответствовал более широкой тенденции становления европейского фашизма. Долгое время Гитлер видел в Муссолини пример для подражания. «Марш на Рим» стимулировал возникновение фашистских движений в Европе так же, как марш на Рим Гарибальди и последующее объединение Италии стимулировали националистические движения Европы около шестидесяти лет назад. Казалось, что история взяла направление, угодное Гитлеру, дни демократии были сочтены. Когда ситуация в Германии стала все быстрее ухудшаться в 1922–23 гг., Гитлер начал полагать, что мог бы предпринять такой же шаг в Германии, какой Муссолини

сделал в Италии. Когда правительство Германии отказалось от выплат репараций и французские войска оккупировали Рур, немецкие националисты взорвались от унижения и ярости. Потеря республикой своей легитимности была неизмерима, правительство должно было показать, что каким-то образом противодействует оккупации. Широкая кампания гражданского неповиновения, поощряемая правительством, привела к дальнейшим репрессиям со стороны французов, с арестами, заключениями под стражу и увольнениями. Среди многих примеров французских репрессий националисты вспоминали, как один ветеран войны, служивший на железной дороге, был выкинут с работы и депортирован со своей семьей за прогерманскую речь, произнесенную у военного мемориала. Другого человека, учителя, постигла такая же участь, когда он попросил своих учеников демонстративно повернуться спиной к проходящим французским войскам⁵⁷. Школьные банды брили наголо женщин, подозреваемых в «постыдных связях с французами», а другие демонстрировали свой патриотизм в менее яркой форме, добираясь до школы пешком, а не на поездах, которые контролировались французами. Некоторые рабочие активно пытались саботировать во время оккупации. Один из них, Альберт Лео Шлагетер, бывший солдат добровольческого корпуса, был казнен за свои действия, после чего правые националисты, возглавляемые нацистами, сразу же взяли этот случай на вооружение как пример жестокости французов и слабости берлинского правительства и превратили Шлагетера в популярного националистического мученика. Простои в работе производственных предприятий еще больше усугубляли и без того ужасные финансовые проблемы⁵⁸.

У националистов было мощное оружие пропаганды, связанное с присутствием во французских оккупационных войсках чернокожих солдат из колониальных отрядов. Расизм был характерен для европейских обществ в годы между войнами, как, собственно, и для США и других стран. Европейцы в массе своей считали, что темнокожие люди были низшими человеческими существами, дикарями, а миссия белого человека состояла в том, чтобы приручить их⁵⁹. Использование колониальных войск британцами и французами в ходе Первой мировой войны

породило множество уничижительных комментариев в Германии, однако именно их присутствие на территории самой Германии, в первую очередь в оккупированной долине Рейна, а потом в 1923 г. во время недолгого французского марша в Рур, положило начало яростной расистской пропаганде. Многие немцы, проживавшие в долине Рейна и Сааре, чувствовали себя униженными, потому что, как позже сказал один из них, «сиамцы, сенегальцы и арабы стали хозяевами нашей родины»⁶⁰. Вскоре карикатуристы начали разжигать расистские и националистические настроения своими рисунками, где жестокие черные солдаты уносили невинных белых немецких женщин к судьбе, худшей чем смерть. Для правых это стало мощным символом национального унижения Германии в годы Веймарской республики, а миф о массовых изнасилованиях немецких женщин французскими колониальными войсками стал настолько распространенным, что нескольким сотням детей от смешанных расовых браков, которые жили в Германии в 1930-х, приписывалось именно такое происхождение. На самом деле подавляющее большинство из них были детьми от брачных союзов между немецкими колонистами и женщинами из туземных африканских колоний Германии, родившимися еще до войны⁶¹.

В то время как нацисты и многие другие, думавшие как они, в полной мере эксплуатировали эти страх и негодование, правительство в Берлине, казалось, было неспособно что-либо предпринять. Стали множиться теории заговора. Гитлер был не единственным, кто рассматривал вариант марша на Берлин: «национал-большевик» Ганс фон Хентиг, который стал одним из самых выдающихся криминалистов Германии после 1945 г., также начал собирать оружие и войска в отчаянном стремлении использовать коммунистическую партию в качестве союзника в силовом захвате власти с целью аннулировать Версальский мирный договор⁶². Эта идея была не слишком реалистичной для любого, кто попытался бы претворить ее в жизнь, — и федеральная структура, и конституция Германии делали повторение итальянского сценария крайне маловероятным. Тем не менее она быстро дала корни. Гитлер начал массированное пропагандистское наступление, обвиняя берлинских «ноябрьских преступников» в слабости и наращивая интенсивность общественных демонстраций против французов.

Его планы в то время получили серьезную поддержку за счет присоединения группы новых и очень полезных для нацистского движения сторонников. Среди них был Эрнст «Путци» Ханфштенгль, известный в высшем обществе человек, наполовину американец, из семьи обеспеченных издателей и торговцев картинами, снобизм которого не позволил ему полностью попасть под влияние Гитлера. Однако Ханфштенгль считал, что мелкобуржуазная простота Гитлера — его ужасный художественный вкус, невежество в отношении вина, неловкая манера держаться за столом — только подчеркивала его искренность. Отсутствие изысканности было обязательным условием для его сверхъестественной способности находить подход к массам. Как и многие другие почитатели Гитлера, Ханфштенгль сначала встретился с ним на одном из выступлений, в свою очередь Гитлер был поражен изысканностью приема Ханфштенгля и любил слушать, как тот играет Вагнера на пианино, маршируя по комнате и дирижируя руками в такт движению музыки мастера. Важно то, что Ханфштенгль представил Гитлера влиятельным людям в высшем обществе Мюнхена, включая издателей, бизнесменов и армейских офицеров. В таких кругах считали занятным покровительствовать ему, этих людей забавляло, когда он появлялся на их изысканных вечерах одетый в армейский мундир, с хлыстом в руке. Кроме того, они в достаточной мере разделяли его убеждения, чтобы давать ему займы, как это делала жена производителя роялей Бехштейна, и поддерживать его другими способами. Однако только самые горячие поклонники, такие как бизнесмен Курт Людеке, давали Гитлеру деньги в более или менее серьезных объемах. Поэтому нацистской партии приходилось полагаться на своих друзей на высоких постах, таких как бывший дипломат Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, которому удавалось направлять в их сторону небольшой поток денежных средств, предназначенных Людендорфу, но основным источником дохода для партии по-прежнему были членские взносы⁶³.

Совсем другую поддержку нацистская партия получила в октябре 1922 г., когда в нее вместе со своими последователями в Нюрнберге вступил Юлиус Штрейхер, другой бывший солдат, как и Гитлер, имевший Железный крест и основавший Немецкую со-

циалистическую партию после войны. Впечатленный успехами Гитлера, Штрейхер привел в нацистскую партию столько сторонников, что она фактически за один день увеличилась в размерах в два раза. Протестантская Франкония была идеальным местом для рекрутирования новых нацистов из-за обиженного крестьянства, склонности к антисемитизму и отсутствия какой-либо доминирующей политической партии. Вступление Штрейхера значительно распространило влияние партии на север. Но, получив под свои знамена Штрейхера, партия также получила жуткого антисемита, чья ненависть к евреям была сопоставима с ненавистью Гитлера, и жестокого человека, который появлялся на публике с тяжелым хлыстом и лично избивал своих беспомощных оппонентов. В 1923 г. Штрейхер основал сенсационную популярную газету *Der Sturmer* («Штурмовик»), которая быстро стала изданием, полным самых неистовых нападок на евреев, грязных сексуальных намеков, расистских карикатур, выдуманных обвинений в ритуальных убийствах и скользких полупорнографических рассказов о евреях, соблазняющих невинных немецких девушек. Газета была такой экстремальной, настолько одержимым был ее брутальный, бритый наголо редактор, что Штрейхер никогда не имел серьезного влияния в движении, лидеры которого относились к нему с некоторой неприязнью, а его газета была даже некоторое время запрещена при Третьем рейхе.

Однако Штрейхер не был простым головорезом. В прошлом он был учителем и даже писал стихи, которые называли «весьма приятными», и, как и Гитлер, рисовал акварелью, хотя в его случае это было только хобби. Штрейхер также мечтал стать художником, он был образован, работал профессиональным журналистом и поэтом, в некотором смысле, как и Гитлер, был членом богемы. Его идеи, хотя и выражались в экстремальной форме, не были чем-то особенно необычным в правых кругах тех лет, а сам он, по его признанию, был многим обязан влиянию довоенного антисемитизма, в частности Теодора Фрича. И антисемитизм Штрейхера не имел никакого отношения к идеям нацистского движения. Более того, позже Гитлер замечал, что Штрейхер в некотором смысле «идеализировал еврея. А еврей более низок, жесток и порочен, чем его рисовал Штрейхер». Признавая, что

тот, возможно, и не был эффективным администратором, а его сексуальные аппетиты доставляли много неприятностей, Гитлер тем не менее всегда относился к нему лояльно. Когда нацистам важно было казаться респектабельными, «Штурмовик» становился препятствием, но только в тактическом плане и никогда по принципиальным или идеологическим соображениям⁶⁴.

III

В 1923 г. Гитлер и нацистская партия не считали особо необходимым выглядеть респектабельно. Насилие казалось очевидным путем к власти. Крайне правое баварское правительство Густава Риттера фон Кара, симпатизировавшее военизированным формированиям, пало в сентябре 1921 г. С тех пор Кар со своими друзьями оказался вовлечен в интриги против правительства под руководством Ойгена фон Книллинга и его Баварской народной партии. Как и многие умеренные консерваторы, Книллинг с союзниками чувствовали в нацистах угрозу и недолюбливали их насильственные методы, но считали, что их устремления имеют верную направленность, а их идеализм нужно лишь использовать более продуктивно и аккуратно. Так что они тоже были относительно терпимы к действиям нацистов. Более того, однажды, когда они попытались применить жесткие меры, запретив съезд нацистов в конце января 1923 г. из опасения, что он может перерасти в кровопролитие, командующий армией в Баварии генерал Герман фон Лоссов, к которому обратился Рём, согласился поддержать право Гитлера на проведение съезда при условии, что тот гарантирует порядок. Кар, в то время бывший региональным губернатором Верхней Баварии, поддержал его, и баварское правительство отступило⁶⁵.

Теперь события развивались по нарастающей. По большей части они находились вне контроля Гитлера. В частности, Эрнст Рём достаточно независимо от него смог объединить основные военизированные организации в Баварии в Рабочее общество патриотических боевых союзов, куда входили несколько гораздо более крупных групп, чем нацистские коричневые рубашки.

Эти группы сложили оружие перед регулярной армией, баварские части которой под командованием генерала фон Лоссова готовились к широко обсуждаемому маршу на Берлин и военной конфронтации с французами в Руре и приняли военизированные группы в свои ряды в качестве вспомогательных частей. Именно в этой атмосфере полувоенных заговоров на сцене появился генерал Людендорф. Попытка Гитлера перехватить инициативу и потребовать возврата оружия коричневых рубашек у армии была встречена холодным отказом. Его вынудили уступить Людендорфу как номинальному руководителю заговора, когда военизированные отряды устроили огромный парад в Нюрнберге в начале сентября, в котором приняло участие около 100 000 человек в униформе. Гитлер был назван политическим лидером военизированных отрядов, но, совершенно не имея рычагов влияния на ситуацию, он был отброшен в сторону последующими событиями⁶⁶.

У Рёма была ключевая роль в реорганизации военного движения, и он ушел с поста главы небольшой организации нацистских штурмовиков, чтобы сконцентрироваться на новой задаче. На его место пришел человек, которому предстояло сыграть ключевую роль в последующем развитии нацистского движения и Третьего рейха: Герман Геринг. Геринг родился в 1893 г. в Розенхайме в Баварии и также был человеком действия, но совсем другого типа, чем Рём. Он был родом из верхних слоев баварского среднего класса, его отец играл ключевую роль в германской колонизации Намибии до войны и был убежденным германским империалистом. С 1905 по 1911 год Геринг учился в военном колледже, в последние годы в Берлине, и всегда считал себя прусским, а не баварским солдатом. Во время войны он стал известным летчиком-асом и к моменту ее окончания был командиром эскадрильи, основанной «красным бароном» фон Рихтхофеном. За свои подвиги в качестве пилота Геринг получил высшую военную награду Германии, орден *Pour le mérite* («За заслуги»), и широкую известность хулигана и сорвиголовы. Пилоты истребителей повсеместно считались своего рода современными рыцарями в доспехах, чья отчаянная храбрость сильно контрастировала со скучной механистической бойней в траншеях, и Геринг крутился

в аристократических кругах, еще более укрепив свое положение в высших слоях общества, женившись в феврале 1922 г. на шведской баронессе Карин фон Канцов. Как и многие другие военные летчики, он продолжил искать активной жизни после завершения противостояния, недолгое время состоял в добровольческих бригадах, потом выступал с показательными полетами в Скандинавии и наконец под влиянием своей жены в конце 1922 г. примкнул к движению Гитлера. Так что в это время Геринг был лихим, красивым, романтическим персонажем, подвиги которого прославились во множестве популярных книг и журналов.

Страсть Геринга к действию получила возможность реализоваться в нацистском движении. Жесткий, энергичный и крайне эгоистичный, Геринг тем не менее с самого начала полностью попал под влияние Гитлера. Преданность и верность для него были самыми важными ценностями. Как и Рём, Геринг считал политику театром военных действий, формой вооруженной борьбы, в которой не было места ни правосудию, ни морали: побеждал сильный, слабый погибал, закон представлял собой набор правовых норм, которые при необходимости следовало нарушать. Для Геринга цель всегда оправдывала средства, а целью всегда было то, что он считал национальными интересами Германии, которая, по его мнению, была предана евреями, демократами и революционерами в 1918 г. Связи Геринга в высшем свете, его точеное лицо, свободное владение французским, итальянским и шведским и репутация рыцарствующего летчика-истребителя многих убедили в том, что он был умеренным в своих взглядах, можно сказать дипломатом. Гинденбург и многие вроде него считали Геринга приемлемым лицом нацизма, авторитарным консерватором, как и они сами. Этот внешний вид был обманчив, он был таким же жестоким, яростным и радикальным, как и другие лидеры нацистов. Такие разнообразные качества, а также все более усиливавшееся отрицание собственного мнения рядом с Гитлером сделали его идеальным кандидатом на роль нового лидера штурмовиков вместо Рёма в начале 1923 г.⁶⁷

С Герингом во главе можно было ожидать, что штурмовики снова вернутся к нацистской линии. Подготовки продолжались, движение военизированных отрядов под руководством

Рёма расширилось, насколько это было возможно, и вылилось в восстание весной и в начале лета 1923 г. Кризис наконец настал, когда правительство рейха в Берлине заставили уйти в отставку 13 августа. На его место пришла разношерстная коалиция, включавшая социал-демократов под руководством Густава Штреземана, правого либерального националиста, который в последовавшие годы показал себя самым умелым, тонким и реалистичным политиком республики. Штреземан понимал, что необходимо было прекратить кампанию пассивного сопротивления французской оккупации в Руре и взять под контроль галопирующую гиперинфляцию. Он учредил политику «исполнения», в соответствии с которой Германия выполняла условия мирного соглашения, включая выплату репараций, вместе с тем ведя закулисные переговоры по их изменению. Его политика имела значительный успех в следующие шесть лет, когда он занимал пост министра иностранных дел рейха. Однако для экстремальных националистов это было не чем иным, как предательством национальных интересов. Понимая, что теперь они готовы поднять восстание, баварское правительство назначило Кара рейхскомиссаром с полными правами по поддержанию порядка. При поддержке Лоссова и шефа полиции Ганса Риттера фон Зайссера Кар запретил ряд собраний, запланированных нацистами на 27 сентября, в то время как сами они разрабатывали планы по свержению правительства в Берлине. Со всех сторон нарастало давление с требованием действий, а среди рядовых боевиков, как постоянно предупреждал Гитлер, оно становилось невыносимым⁶⁸.

В Берлине командующий армией генерал фон Зект отказался участвовать в планах Лоссова, Зайссера и Кара. Он предпочитал устранить правительство Штреземана с помощью закулисных интриг, что в конечном счете и сделал, хотя в следующем коалиционном правительстве Штреземан остался на посту министра иностранных дел. Лихорадочные переговоры в Мюнхене не привели к какому-либо единству между баварской армией под началом Лоссова, полицией под началом Зайссера и военизированными отрядами, политическим представителем которых был, конечно, Гитлер. Понимая, что он потеряет поддержку боевиков, если продолжит колебаться чуть дольше, и беспокоясь о том, что

Кар разрабатывает собственные планы, Гитлер при поддержке Людендорфа решился на путч. Баварское правительство должны были арестовать, а Кара с союзниками принудить объединиться с военизированными отрядами в марше на Берлин. День путча был установлен скорее под давлением событий, чем в результате поиска какой-то символической даты, им стало 9 ноября, годовщина начала революции 1918 г., которая свергла режим кайзера. Вечером 8 ноября Гитлер с группой хорошо вооруженных штурмовиков ворвались на собрание, организованное Каром прямо в центре Мюнхена в пивной «Бюргербройкеллер». Гитлер приказал одному из своих людей выстрелить из пистолета в потолок, чтобы заставить толпу замолчать, а потом объявил, что здание окружено. Он заявил, что баварское правительство отправлено в отставку. Пока Геринг успокаивал аудиторию, Гитлер отвел Кара, Лоссова и Зайссера в соседнюю комнату и объяснил, что он собирается идти маршем на Берлин и сделать себя главой нового правительства рейха, а главой армии должен стать Людендорф. Все остальные за свою поддержку получают важные посты. Вернувшись к толпе, Гитлер завоевал симпатии людей взволнованной просьбой выступить на его стороне в действиях против «ноябрьских преступников 1918 г.». Кар и его соратники не имели выбора, кроме как вернуться на подиум и теперь вместе с Людендорфом объявить, что они поддерживают инициативу Гитлера⁶⁹.

Однако преобразование театральных демонстраций в политическую власть оказалось не таким простым делом. Планы нацистов по поводу путча оказались слишком скороспелыми. Рём занял штаб-квартиру армии в Мюнхене, а отряды нацистов захватили штаб-квартиру полиции, но другие здания, включая в первую очередь военные казармы, оставались в руках правительства, а когда Гитлер направился в город, чтобы попытаться уладить дела, Людендорф отпустил Кара и других заключенных, которые сразу же отказались от своей вынужденной поддержки заговора и немедленно связались с армией, полицией и прессой, чтобы помешать действиям Гитлера. Вернувшись в пивной подвал, Гитлер и Людендорф решили организовать марш в центр города. Они собрали примерно две тысячи вооруженных сторонников, каждому из которых заплатили 2 миллиарда марок (это

чуть более трех долларов на тот день) из кучи в 14 000 миллиардов марок, «конфискованных» у двоих предположительно еврейских печатальщиков банкнот в ходе рейдов коричневых рубашек, проведенных по приказу Гитлера. Колонна двинулась в полдень 9 ноября и, воодушевленная приветствиями своих сторонников, промаршировала через центр города в направлении военного министерства. В конце улицы путчистов встретил кордон вооруженной полиции. В какой-то момент кто-то с одной из сторон (имеются противоречащие свидетельства) выстрелил. Примерно полминуты в воздухе свистели пули, выпущенные с обеих сторон. Геринг упал, раненный в ногу, Гитлер упал, или его толкнули, на землю и вывихнул плечо. Шойбнер-Рихтер, дипломатический друг Гитлера, который ввел его в высшее общество и помог найти там покровителей, был убит на месте. Всего было убито четырнадцать демонстрантов и четверо полицейских. В то время как полиция намеревалась произвести аресты Людендорфа, Штрайхера, Рёма и многих других, Герингу удалось исчезнуть и бежать, сначала в Австрию, а потом в Италию, прежде чем он осел в Швеции. В ходе этого вояжа он приобрел привычку к морфию, который принимал для обезболивания своей раны. Гитлера с рукой в повязке увезли в сельский дом Ханфштенгля, где его арестовали 11 ноября. Путч завершился постыдным поражением⁷⁰.

Возрождение движения

I

Гитлеру не потребовалось много времени, чтобы вернуть себе уверенность после событий 9 ноября 1923 г. Он знал, что мог бы разоблачить причастность к попытке путча целой группы видных баварских политиков, а также армии, которая занималась обучением военизированных отрядов для марша на Берлин. Понимая такую угрозу, которая стала очевидной уже во время допросов Гитлера, баварское правительство смогло получить разрешение у берлинских властей провести процесс не в имперском суде в Лейпциге, а в специально учрежденном Народном суде в Мюнхене, где оно имело больший контроль над ситуацией⁷¹. Кажется довольно вероятным, что правительство предложило Гитлеру смягчение обвинительного заключения в обмен на его согласие принять вину на себя. В качестве судьи был приглашен Георг Найтхардт, известный националист, назначенный реакционным министром юстиции Баварии Францом Гюртнером в 1919 г. и председательствовавший на предыдущем процессе над Гитлером в начале 1922 г. Когда 26 февраля 1924 г. процесс начался, Гитлеру разрешили появляться на нем в гражданской одежде со своим Железным крестом и выступать в суде сколько угодно времени без перерывов. Найтхардт позволял ему запугивать и оскорблять свидетелей обвинения, а государственному прокурору так и не удалось вызвать ряд ключевых фигур, чьи показания могли оказаться губительными для защиты. Суд не учел свидетельства участия Людендорфа и отверг прошение о депортации Гитлера как австрийского гражданина, потому что он служил в немецкой армии и показал себя немецким патриотом⁷². Гитлер взял на себя всю ответственность, заявив, что служение интересам Германии не может считаться государственной изменой. «Вечный суд истории, — заявил он, — будет судить нас... как немцев, которые хотели лучшего для своего народа и своей родины»⁷³.

Несмотря на то что участники путча застрелили четверых полицейских и организовали вооруженное и (по любым юридическим понятиям) предательское восстание против законного правительства страны — преступления, каждое из которых каралось смертной казнью, — суд приговорил Гитлера всего к пяти годам тюрьмы за государственную измену, а другим были вынесены похожие или даже еще более мягкие приговоры. Людендорф, как и ожидалось, был оправдан. Свое снисхождение суд основывал на том, что, как было объявлено, участники путча «в своих действиях руководствовались исключительно патристическим духом и самыми благородными побуждениями». Это решение оказалось скандальным даже по необъективным стандартам судебной системы Веймарской республики. Оно широко осуждалось, даже со стороны правых. Гитлера отправили в древнюю крепость в Ландсберге-на-Лехе к западу от Мюнхена, где поместили в камеру, которую раньше занимал граф Арко-Валли, убийца Курта Эйснера. Это было так называемое «крепостное заключение под стражу», мягкая форма тюремного заключения для преступников, которые, как считалось, действовали из благородных побуждений. Например, до войны так отбывали наказание люди чести, убившие своего противника на дуэли. Камера Гитлера была большой, просторной и с удобной мебелью. Его можно было свободно посещать. За время его отсидки его посетило более пятисот человек. Ему приносили подарки, цветы, письма и телеграммы от доброжелателей на свободе. Он мог читать, в сущности, там было мало других занятий в то время, когда он не принимал посетителей, и он прочел множество книг таких авторов, как Фридрих Ницше и Хьюстон Стюарт Чемберлен, в первую очередь в поисках подтверждения своих собственных взглядов. Именно тогда по предложению нацистского издателя Макса Амана Гитлер начал начитывать описание своей жизни и текущих убеждений двум своим собратям по заключению: шоферу Эмилю Морису и верному последователю Рудольфу Гессу. Эта работа была опубликована в следующем году под названием «Моя борьба», которое, вероятно, предложил Аман⁷⁴.

Некоторые историки считают «Мою борьбу» своего рода планом будущих действий Гитлера, опасной и дьявольской книгой,

которую, к сожалению, проигнорировали те, кому следовало бы ее заметить. Ничего подобного. После серьезной редактур Амана, Ханфштенгля и других, постаравшихся сделать ее более грамотной и более связной по сравнению с первым беспорядочным черновиком, она все равно была напыщенной и скучной, и до победы нацистов на выборах в 1930 г. было продано лишь малое число копий этой книги. Однако после этого она стала бестселлером и оставалась таковым в продолжение всей эпохи Третьего рейха, когда не иметь эту книгу было практически равнозначно предательству. Те, кто читал ее, — скорее всего, относительно небольшая часть из тех, кто ее купил, — должны были столкнуться с изрядными сложностями в том, чтобы извлечь что-либо связное из той запутанной смеси автобиографических воспоминаний и подтасованных политических откровений. Талант Гитлера овладевать сердцами и умами состоял в публичных выступлениях, а не в письменных работах. Вместе с тем любой, кто прочел книгу, не мог иметь никаких сомнений относительно того, что Гитлер считал расовый конфликт основным двигателем, сущностью всей истории, а евреев заклятыми врагами германской расы, историческая миссия которой (под руководством нацистской партии) состояла в том, чтобы разрушить их международную власть и полностью уничтожить. «Национализация наших масс, — заявлял он, — будет успешной только тогда, когда наряду с положительной борьбой за сердце нашего народа мы уничтожим его отравителей во всем мире»⁷⁵.

Теперь в сознании Гитлера евреи были неразрывно связаны с большевизмом и марксизмом, которым было уделено гораздо больше внимания в «Моей борьбе», чем финансовому капитализму, владевшему мыслями Гитлера во время инфляции. Потому что Россия находилась там, где должна была начаться война Германии за «жизненное пространство», одновременно с уничтожением «еврейского большевизма», который якобы управлял Советской республикой. Эти идеи были изложены более детально во втором томе книги, написанном в 1925 г. и изданном в следующем году, с этого момента они стали центральными пунктами идеологии Гитлера. «Границы, определенные в 1914 г., не имеют никакого значения для будущего Германии», — заявлял

он. Проводя параллели с обширными восточными завоеваниями Александра Великого, он утверждал, что «конец еврейского правления в России также станет концом России как государства». Земля, занимаемая теперь «Россией и ее вассальными государствами», в будущем перейдет в «производительное владение немецкого плуга»⁷⁶.

Взгляды Гитлера были четко изложены в «Моей борьбе» для всех, кто желал их увидеть. Никто из ознакомившихся с текстом не мог бы вынести из него убеждение, что Гитлер желал исключительно пересмотра Версальского мирного договора, восстановления границ Германии до 1914 г. или самоопределения немецко-говорящих меньшинств в Центральной Европе. И никто не мог бы сомневаться в его внутреннем, фанатичном и действительно жестоким антисемитизме. Однако убеждения и намерения — это не то же самое, что планы и проекты. Когда дело доходило до способов реализации этих убеждений, текст Гитлера точно отражал общую политическую ситуацию того периода, когда он был написан. В то время французы были врагами, которые лишь недавно ушли из Рура. А британцы, напротив, казались вероятным союзником в борьбе против большевизма, учитывая, что они оказывали поддержку белым в русской гражданской войне всего несколько лет назад. Немногим позже, когда Гитлер писал другую похожую работу, которая не публиковалась при его жизни, на международной повестке дня было противостояние Германии и Италии за Южный Тироль, поэтому он сконцентрировался на этом⁷⁷. И тем не менее, несмотря на все эти тактические уловки и трюки, центральное место в его работах всегда занимало постоянное устремление к «жизненному пространству» на Востоке и яростное желание уничтожить евреев. Опять же, все это нельзя было осуществить сразу, и очевидно, что Гитлер на этой стадии не имел четкого представления, как и когда этого можно добиться. В ходе реализации этого замысла также предстояло совершать множество тактических маневров и принимать различные промежуточные решения. Однако ничто из этого не меняло ненависти Гитлера к евреям, требовавшей геноцида, или его параноидального убеждения, что на них лежит вина за все беды Германии и единственным окончательным решением будет их полное уничтожение как биологической сущ-

ности, — убеждения, выразившегося не только в «Моей борьбе», но и в словах и фразах, которые Гитлер использовал в своих выступлениях, а также в общей атмосфере возрожденческой нетерпимости, в которой они проводились⁷⁸. Евреи были эпидемией «хуже черной смерти», «червями в разлагающемся теле Германии», и их предстояло выбросить с властных постов, а затем всех разом изгнать из страны, при необходимости силой. Что должно было произойти с евреями в Восточной Европе после захвата ее жизненного пространства Германией, он не мог сказать, однако пылающая ярость его слов оставляла мало сомнений в том, что их судьба будет печальной⁷⁹.

Структура его книги, широкая известность, полученная на процессе, потоки лести, изливавшейся на него со стороны правых националистов после попытки путча, — все это убедило Гитлера, если он еще не был убежден в этом, что он был человеком, которому суждено претворить эти идеи в жизнь. Провалившийся путч научил его, что он не сможет сделать даже самый первый шаг — захватить верховную власть в самой Германии, — полагаясь только на силу полувоенных формирований. «Марш на Рим» был снят с повестки дня в Германии. Необходимо было завоевать массовую поддержку населения за счет пропаганды и массовых выступлений, которые, как Гитлер прекрасно знал, были его главным козырем. Революционный захват власти, о котором до сих пор мечтал Рём, в любом случае был обречен на провал, если бы он проводился без поддержки вооруженных сил, недостаток которой так остро ощущался в ноябре 1923 г. Гитлер не встал на путь «законности» после неудавшейся попытки путча, как иногда утверждали впоследствии, в том числе и он сам. Однако он понял, что для свержение веймарской системы потребуется нечто большее, чем несколько суетливых выстрелов, даже во время такого ужасного кризиса, как в 1923 г. Приход к власти, очевидно, требовал содействия со стороны ключевых участников этой власти, и хотя он получил некоторую поддержку в 1923 г., ее оказалось недостаточно. В отличие от 1923 г., во время следующего кризиса, которому предстояло случиться менее чем через десять лет, он сделал так, что армия и основные государственные институты были либо нейтрализованы, либо активно работали на него⁸⁰.

Тем временем положение нацистской партии после ареста Гитлера и его заключения в тюрьму казалось практически безнадежным. Военизированные отряды развалились, а их оружие было конфисковано правительством. Кар, Лоссов и Зайссер, полностью скомпрометированные участием в путче, были отстранены новым правительством под руководством лидера Баварской народной партии Генриха Хельда. Баварский сепаратизм и ультранационалистские заговоры дали дорогу более традиционным формам региональной политики. Ситуация успокоилась, когда закончился период гиперинфляции, а в Берлине приняли политику «исполнения», которая практически сразу дала свои плоды после реструктуризации репараций в соответствии с планом Дауэса. Лишенные своего лидера, нацисты снова разделились на мелкие грызущиеся группировки. Рём по-прежнему пытался объединить оставшиеся осколки военизированных отрядов, преданных Людендорфу. Гитлер назначил руководителем нацистской партии Альфреда Розенберга как фактически единственного из лидеров, оставшихся в стране на свободе. Однако Розенберг оказался совершенно неспособным установить какой-либо конт-роль над движением⁸¹.

И нацисты, и коричневые рубашки были теперь вне закона. Они оказались совершенно неподготовленными к подпольному существованию. Мнения по поводу будущей тактики — следовать военным или парламентским путем — значительно расходились, и соперничество таких фигур, как Штрайхер и Людендорф, а также массы ультранационалистических групп, которые пытались объявить себя преемниками нацистов, были лишь жалкими попытками возродить движение. Гитлер более или менее умыл руки и отошел от всех этих скандалов, объявив, что уходит из политики, чтобы написать книгу. Дела не слишком улучшились, когда вопреки рекомендации государственного обвинения Гитлера выпустили под честное слово по решению Верховного суда Баварии 20 декабря 1924 г. До истечения срока приговора ему оставалось почти четыре года, в течение которых ему следовало вести себя крайне осторожно, чтобы не нарушить условия освобождения. Ему было запрещено выступать на публике на большей части территории Германии до 1927 г.; до 1928 г. ему

был запрещен въезд в Пруссию, которая занимала больше половины сухопутной территории Веймарской республики, и именно там проживало большинство населения. Правые ультранационалисты потерпели унижительное поражение на национальных выборах 1924 г. Единственным лучом света во мраке стал отказ австрийского правительства принять Гитлера обратно в ответ на официальные попытки его репатриации⁸².

II

Тем не менее у Гитлера все еще оставалось несколько друзей на влиятельных должностях. Одной из ключевых фигур был баварский министр юстиции Франц Гюртнер, который симпатизировал идеям националистов. Гюртнер разрешил снять запрет с нацистской партии и ее газеты, «Народного обозревателя», когда 16 февраля 1925 г. чрезвычайное положение в Баварии наконец закончилось⁸³. Вооруженный завоеванным престижем и уверенностью в себе в роли националистического героя путча и последующего судебного процесса, Гитлер сразу же заново основал нацистскую партию, призвав бывших сторонников присоединиться к ней и (новый ключевой момент) безусловно признать его лидерство. Юлиус Штрейхер, Готфрид Федер, партийный журналист и пропагандист Герман Эссер и другие публично объявили о прекращении своих противоречий, демонстрируя солидарность. Гитлер начал вытеснять своих самых серьезных соперников на задворки политики. Во-первых, когда стало возможным законно восстановить организацию коричневых рубашек, он настоял, чтобы она подчинялась партии и разорвала все связи с другими военизированными группами. Эрнст Рём, который не согласился с таким вариантом, был изгнан, ушел из политики и был вынужден стать продавцом, а затем фабричным рабочим, прежде чем принять приглашение отправиться в Боливию обучать местные войска европейской военной науке⁸⁴. Во-вторых, Гитлер стал предпринимать последовательные шаги с целью подорвать неизменный престиж Людендорфа, который был не только серьезным соперником, но и быстро менял свои взгляды на более экстремальные.

Под влиянием Матильды фон Кемниц, на которой он женился в 1926 г., Людендорф основал Танненбергский союз, который издавал литературу, ориентированную на различные теории заговора, нападая не только на евреев, но и на иезуитов и католическую церковь — верный рецепт для поражения на выборах в Баварии и других религиозных областях южной Германии. Судьба Людендорфа была решена, когда он выступил кандидатом на выборах в президенты в 1925 г. от нацистской партии и получил смехотворные 1,1 процента голосов. Имеются некоторые свидетельства, что Гитлер сам убедил его выставить свою кандидатуру, понимая, что такая попытка безнадежно подорвет его репутацию⁸⁵. С этого момента и до своей смерти в 1937 г. Людендорф и его Танненбергский союз оставались на периферии политики, обреченные быть совершенно незначительной силой без какой-либо массовой поддержки. Ничто не могло более ясно продемонстрировать, что ситуация для экстремального национализма в Германии изменилась: всемогущий военный диктатор Первой мировой войны был вытеснен на политическую периферию нацистским политиком-выскочкой — генерала заменил капрал.

После устранения Людендорфа у Гитлера больше не было серьезных соперников среди правых экстремистов. Теперь он мог сконцентрироваться на привлечении под свои знамена остальных ультра националистов. Пока разрозненные группы на юге тяготели к нацистской партии, различные партийные ответвления на севере и западе Германии переживали некоторое возрождение. Человеком, который в первую очередь отвечал за это, был другой баварец, Грегор Штрассер, фармацевт из Ландсхута. Штрассер родился в 1892 г. в семье политически активного адвоката, он был образован и начитан, а его воспитание и манеры человека из среднего класса делали его привлекательной фигурой в глазах многих потенциальных сторонников нацистского движения. В то же время, как и многие бюргеры его поколения, он помнил о 1914 г., о духе единства, который, по его убеждению, следовало возродить во всех немцах. Закончив военную службу в чине лейтенанта, Штрассер стремился снова зажечь это чувство и исправить то, что, по его мнению, было бедами Германии. Он воевал вместе с добровольческими бригадами в Мюнхене

в конце войны, а потом создал собственную военизированную группировку, через которую сошелся с Гитлером. Для Штрассера важным было общее дело, а не то, кто им руководит. 9 ноября 1923 г. он повел своих коричневых рубашек в Мюнхен, чтобы захватить важный мост через реку, как было запланировано, а когда путч был подавлен, увел свой отряд обратно в Ландсхут, где был арестован⁸⁶.

Однако его незначительное участие в путче не показалось властям достаточным основанием для какого-либо сурового наказания. Поэтому Штрассер остался на свободе, когда другие лидеры нацистов либо бежали из страны, либо попали в тюрьму. В апреле 1924 г. его избрали в баварский парламент. Он оказался талантливым администратором, объединив множество фрагментов разбитых ультраправых сил. Когда нацистская партия снова была разрешена законом, Гитлер, признавая его способности, отправил его на север возрождать партию. К концу 1925 г. Штрассер благодаря своей неутомимой деятельности по набору новых членов смог увеличить численность филиалов партии почти в четыре раза, упирая на «социалистические» аспекты нацистской идеологии, чтобы завоевать симпатии рабочего класса в таких областях, как Рур. Штрассер с презрением относился к другим ультраправым группам, которые считали «достаточным самое примитивное решение проблемы антисемитизма». В июле 1925 г. он сказал Освальду Шпенглеру, что нацизм был другим, потому что стремился к «германской революции» через немецкую форму социализма⁸⁷. Однако его представление о социализме, хотя и включало государственную долю в 51 % в ключевых промышленных отраслях и 49 % во всех остальных предприятиях, также подразумевало возвращение гильдий и выплату зарплат натуральным продуктом, а не деньгами. «Социалистические» идеи такого рода разрабатывались Штрассером вместе с некоторыми нацистскими лидерами в новых филиалах партии в разных частях Северной Германии. Эти филиалы своим появлением были крайне мало обязаны лидерству Гитлера в тот период, партия в большой степени возрождалась независимо от своей штаб-квартиры в Мюнхене. Вскоре, что, скорее всего, было неизбежно, Штрассер с союзниками стали высказывать подозрения в от-

ношении коррумпированной диктаторской клики под началом Германа Эссера, которая заправляла в офисе партии в Мюнхене, пока Гитлер писал второй том «Моей борьбы». Многие из них даже не встречались с Гитлером лично и не попали под влияние его харизматического характера. Им особенно не нравилась существующая программа нацистской партии, и они заявляли о намерении заменить ее на программу, более соответствующую их собственным убеждениям⁸⁸.

Особенно заметным в этом отношении был еще один новобранец партии, молодой идеолог Йозеф Геббельс. Он родился в 1897 г. в промышленном городе Рейдте в Северном Рейне-Вестфалии в семье клерка, окончил гимназию, а в Боннском университете изучал античную филологию, немецкий язык и историю, получив ученую степень по романской литературе в Гейдельбергском университете в 1921 г., что позволило ему называть себя «доктор Геббельс», как к нему и обращались с тех пор. Но, несмотря на докторскую степень, Геббельс не был предназначен для академической жизни. Он тоже был в общем близок богемной среде, будучи студентом, в свободное время писал пьесы и мечтал о творческом будущем. В течение 1920-х он писал и переписывал роман, опубликованный в конечном счете в 1929 г. под названием «Михаэль. Немецкая судьба на страницах дневника». Этот роман в целом был посвящен описанию собственных смутных и запутанных представлений Геббельса о национальном возрождении, основанных на фанатичной вере в будущее, ради которого герой романа в конечном счете приносит себя в жертву. Таким способом Геббельс стремился придать смысл жизни, в которой определяющую роль играл его собственный очевидный физический недостаток: дефект стопы, из-за которого он всю жизнь хромотал. Это делало его объектом безжалостных насмешек в школе и в течение всей жизни, поэтому он был признан непригодным для военной службы в Первую мировую войну. Вероятно, в возмещение собственной ущербности Геббельс уверовал в то, что был предназначен для великих дел, он вел дневник, ухаживал за женщинами с экстраординарной энергией и удивительным успехом и с презрением отвергал любые традиционные средства заработка на жизнь. Вместо этого он жадно читал —

Достоевского, Ницше, Шпенглера и в первую очередь Хьюстона Стюарта Чемберлена, который убедил его, что возрождение Запада, предрекаемое Шпенглером, возможно только при устранении евреев⁸⁹.

В некотором смысле Геббельс отличался от других видных нацистов. Его интеллект и темперамент часто называли «латинским» — возможно, потому, что он избегал размытых философских и риторических речей, а вместо этого говорил и писал с удивительной четкостью и открытостью, при случае разбавляя свои мысли саркастическим юмором⁹⁰. Однако, как и многие другие, он был глубоко шокирован поражением Германии в Первой мировой войне. Он провел зимний семестр 1919–20 гг. в Мюнхене — среди немецких студентов было обычной практикой менять университеты по крайней мере один раз в ходе обучения — и, находясь в атмосфере экстремальных правых взглядов, бытовавших в студенческой среде, впитал яростную националистическую атмосферу контрреволюции, которая в те месяцы царила в городе. Хотя он симпатизировал таким людям, как граф Арко-Валли, чье заключение в тюрьму за убийство Курта Эйснера глубоко взволновало его, Геббельс не имел твердых политических убеждений и не открыл в себе каких-либо политических способностей до 1924 г., когда после знакомства с некоторыми ультра националистическими группами он вступил в нацистскую партию по рекомендации старого школьного друга.

Попав туда, Геббельс познакомился с Эрихом Кохом, рейнским нацистом и бывшим членом антифранцузского силового движения сопротивления. Он также встретил Юлиуса Штрайхера, которого в частных беседах называл «берсеркером» и «не-сколько ненормальным»⁹¹. Кроме того, он очень уважал Людендорфа, которого считал великим генералом Первой мировой войны. Вскоре Геббельс стал партийным организатором в Рейн-ланде. Он вырос в способного оратора, возможно в самого успешного из всех нацистских ораторов за исключением самого Гитлера, яркого, популярного, умевшего находчиво отвечать на самые неожиданные вопросы. Он стал обращать свои литературные таланты на благо политической борьбы в статьях для нацистской прессы, придавая псевдосоциалистическую направленность нацистским

убеждениям. Геббельс наконец нашел свое призвание. В течение нескольких месяцев он стал одним из самых популярных нацистских ораторов в Рейнланде и привлек внимание ведущих членов региональной партии, начав играть заметную роль в определении ее политики. Именно Йозеф Геббельс, как и Грегор Штрассер, стоял за северогерманским вызовом руководству мюнхенской партии в 1925 г. Но очень скоро он попал под влияние Гитлера, воодушевленный прочтением «Моей борьбы» («кто этот человек, — писал он, — наполовину плебей, наполовину Бог!»⁹²). Встретившись с ним во второй раз, 6 ноября 1925 г., Геббельс был поражен его «огромными голубыми глазами. Которые как звезды». Услышав его, он стал считать Гитлера «прирожденным народным трибуном, грядущим диктатором»⁹³.

Геббельс и Гитлер расходились во мнениях по многим ключевым вопросам. Встревоженный растущим укреплением северных немцев, Гитлер созвал их на совещание 14 февраля 1926 г. в Бамберге во Франконии, где Юлиус Штрайхер собрал большую группу его сторонников. Лидер нацистов говорил два часа, отрицая их представления и снова утверждая, что борьба за «жизненное пространство» в Восточной Европе будет играть важнейшую роль в будущей внешней политике Германии. Если Штрассер и Геббельс призывали нацистов присоединиться к кампании экспроприации собственности немецких князей, которые сохранили большую часть своего имущества в стране после их отстранения от власти в ходе революции 1918 г., то Гитлер осуждал такой подход как атаку на частную собственность. «Ужасающе! — писал Геббельс в своем дневнике. — Возможно, одно из самых больших разочарований моей жизни. Я больше не могу полностью доверять Гитлеру»⁹⁴. Тем не менее, хотя Геббельс теперь и сомневался, не является ли Гитлер реакционером, он не выступил в открытой оппозиции к нему на собрании. Шокированный жесткой позицией Гитлера, Штрассер полностью капитулировал и отказался от всех своих предложений. В ответ Гитлер успокоил северных немцев, сместив с поста в Мюнхене Германа Эссера, коррумпированность которого вызывала у них такой гнев⁹⁵.

В апреле 1926 г. Гитлер пригласил Геббельса в Мюнхен, чтобы тот выступил с речью, предоставив тому машину и обеспечив при-

ем по высшему разряду. В штаб-квартире нацистов Гитлер обратился с претензиями к Геббельсу и двум его коллегам по руководству Вестфальским региональным отделением, Францу Пфедферу фон Саломону, еще одному руководителю северонемецких нацистов, и Карлу Кауфману, как и многие другие ведущие нацисты, бывшему военному и члену добровольческих бригад, который сделал себе имя, организовав яростное сопротивление французам во время их оккупации Рура. Гитлер раскритиковал их за то, что они придерживаются собственного политического курса, разъяснив свои взгляды на политику партии, а затем выразив готовность забыть о прошлом, при условии что те безоговорочно признают его лидерство. Геббельс принял это условие сразу же. Как он записал в своем дневнике, Гитлер был «великолепен». «Адольф Гитлер, — писал он, размышляя о путче 1923 г., — я люблю вас, потому что вы в одно время и величественны, и просты. Это можно называть гением»⁹⁶. С этого момента он был полностью под властью Гитлера, и в отличие от некоторых других нацистских лидеров он оставался таким до самого конца. Гитлер вознаградил его, назначив руководителем небольшой и расколотой изнутри нацистской партии в Берлине — региональным руководителем, или *гауляйтером*. Пфедфер фон Саломон был назначен главой коричневых рубашек, а Грегор Штрассер стал руководителем рейхспропаганды в партии. Тем временем ежегодное партийное собрание снова подтвердило программу партии и подчеркнуло общее верховенство Гитлера в движении, передав в его руки все ключевые назначения, и в особенности на посты региональных лидеров⁹⁷.

Это собрание было необходимо провести по закону, и в соответствии с юридическими требованиями оно повторно выбрало Гитлера на должность руководителя партии. Однако истинная природа внутренней партийной кухни была продемонстрирована на партийном съезде в июле 1926 г., на котором присутствовало до 8000 коричневых рубашек и членов партии. Практически целиком он был посвящен ритуальному выражению преданности Гитлеру, произнесению личных клятв верности ему и массовым маршам и демонстрациям, включая шествие с «кровавым флагом», который был пронесен по улицам Мюнхена во время злосчастного путча в ноябре 1923 г.⁹⁸ Этот съезд задал общий тон

гораздо более грандиозным партийным слетам в будущие годы. Однако в тот момент, хотя и будучи объединенной под непрерываемым лидерством Гитлера, нацистская партия была еще очень немногочисленной. События следующих трех лет вплоть до конца 1929 г. заложили фундамент для будущего успеха партии. Тем не менее, чтобы нацисты могли теперь получить поддержку масс, Гитлеру надо было добиться чего-то большего, чем просто лидерства и организованности⁹⁹.

III

1927 и 1928 годы стали свидетелями создания новой базовой структуры нацистской партии во всей стране. В 1928 г. партийные регионы были реструктурированы, чтобы соответствовать границам избирательных округов на выборах в рейхстаг — только 35 из них, все очень крупные, соответствовали веймарской системе пропорционального представительства по партийным спискам, — таким образом подчеркивалась важность их электоральных функций. В течение года между регионами и локальными филиалами был создан новый промежуточный организационный уровень районов (*Kreise*). На этих уровнях самую заметную роль играло поколение молодых нацистских активистов. Они оставили не у дел поколение своих предшественников, состоявших еще в довоенных пангерманских тайных организациях, и превзошли числом тех, кто принимал активное участие в добровольческих бригадах, Обществе Туле и схожих группах. Но важно помнить, что даже старшее поколение нацистских лидеров были еще молодыми людьми, особенно в сравнении с седеющими, возрастными политиками, возглавлявшими ведущие политические партии. В 1929 г. Гитлеру было всего сорок, Геббельсу тридцать два, Герингу тридцать шесть, Гессу тридцать пять, Грегору Штрассеру тридцать семь. Они продолжали играть ключевую роль, особенно в руководстве и вдохновлении молодежи.

Например, Геббельс заработал самое большое уважение среди всех в качестве регионального лидера Берлина, где его пламенные речи, непрекращающаяся активность, скандальные провокации

против оппонентов нацистов и просчитанные и отрежиссированные уличные бои и драки в залах собраний, которые устраивались с целью привлечь внимание прессы, позволили партии завоевать массу новых адептов. Большую известность получили агрессивные и крайне клеветнические кампании берлинской партии против таких фигур, как помощник начальника полиции Берлина Бернхард Вайс, к еврейскому происхождению которого Геббельс привлекал внимание, называя того «Исидором» — выдуманное имя, широко использовавшееся антисемитами для обозначения евреев и — забавная деталь — заимствованное в данном случае из коммунистической прессы¹⁰⁰. Жестокость и экстремизм Геббельса привели к одиннадцатимесячному запрету нацистской партии в Берлине со стороны социал-демократических властей города в 1927–28 гг. Но они также подарили ему преданность и восхищение молодых активистов, таких как 19-летний Хорст Вессель, сын пастора, бросивший юридический факультет университета ради мира вое-низированных группировок, в тот момент ради коричневых рубашек. «То, что показал этот человек своим ораторским даром и талантом организатора, — писал он о “нашем Геббельсе” в 1929 г., — уникально... СА дадут разорвать себя на куски ради него»¹⁰¹.

Серьезное соперничество шло за ключевые посты в партийной организации на локальном и региональном уровнях. Тем не менее, как говорил Макс Аман одному местному активисту в конце 1925 г., Гитлер «придерживается того принципа, что назначение региональных лидеров не является делом руководства партии. Герр Гитлер сегодня более чем когда-либо считает, что самым полезным бойцом в национал-социалистическом движении является человек, который сам прокладывает себе дорогу с помощью своих достижений как лидера. Если вы сами пишете, что вам доверяют почти все члены партии в Ганновере, то почему тогда вы не можете стать лидером отделения?»¹⁰²

В этом отношении Гитлер полагал, что самые безжалостные, самые динамичные и наиболее эффективные люди смогут сами подняться до важных постов внутри движения. Позднее тот же принцип он применял и в руководстве Третьим рейхом. Это позволяло гарантировать, что на всех уровнях нацистская партия будет постоянно активной, марширующей, борющейся, мобили-

зующейся. Однако это не приносило быстрых плодов. К концу 1927 г. в партии так же состояло всего лишь около 75 000 членов, и в рейхстаге от нее было только семь депутатов. Надежды таких людей, как Штрассер и Геббельс, на то, что им удастся завоевать симпатии рабочего класса, оказались иллюзорными¹⁰³.

Осознавая трудности прорыва в родные земли социал-демократов и коммунистов, нацисты повернулись к сельским областям протестантского севера Германии, где нарастающее недовольство крестьян выливалось в демонстрации и кампании протеста. Противоречивое влияние инфляции и стабилизации на крестьянское сообщество обернулось общим сельскохозяйственным кризисом в конце 1920-х гг. Если крупные землевладельцы и фермеры покупали технику в рассрочку и таким образом могли проводить модернизацию по крайне низкой для себя цене, небогатые крестьяне в основном копили деньги и потеряли их или потратили на товары для дома, не вложив с выгодой в дело. После инфляции меры правительства по снижению ограничений для сельского хозяйства с целью помочь его восстановлению только ухудшили ситуацию, поскольку крестьяне стали активно брать деньги, чтобы возместить свои убытки, ожидая нового витка инфляции, но потом обнаружили, что не могут отдать деньги, потому что вместо повышения цен происходило их снижение. Число банкротств и потерь заложенного имущества уже серьезно повышалось в конце 1920-х гг., и мелкие фермеры в отчаянии обращались к правым политическим движениям¹⁰⁴. Более крупные фермеры и землевладельцы страдали от падения цен на сельскохозяйственную продукцию и не могли платить чрезмерно высокие, по их мнению, налоги для поддержки благосостояния Веймарской республики¹⁰⁵. Правительство и Пруссии, и рейха пыталось смягчить ситуацию за счет гибких тарифов, субсидий, контроля над импортом и других мер, но все они оказались совершенно неадекватными ситуации¹⁰⁶. Фермеры всех типов проводили механизацию, модернизировали и рационализировали производство в попытках справиться с сельскохозяйственной депрессией с начала 1920-х, но этого было недостаточно. Давление с целью установления высоких тарифов на продовольственные товары становилось все более интенсивным, поскольку сельскохозяйственное

сообщество начинало склоняться к мнению, что это было единственным способом защитить их доходы. В этой ситуации обещания нацистов, рисовавших перспективу самодостаточной, «автаркической» Германии, в которой иностранные продовольственные товары будут практически запрещены, казались все более привлекательными¹⁰⁷.

Когда нацисты осознали, что стали получать поддержку в сельских областях протестантского севера, даже не прилагая к этому никаких усилий, они поспешили перенаправить свои пропагандистские усилия с городского рабочего класса на другие группы населения. Теперь партия обратила свое внимание на сельские районы и начала проводить серьезные кампании по набору новых членов в таких областях, как Шлезвиг-Гольштейн и Ольденбург¹⁰⁸. Гитлер еще дальше отходил от «социалистической» ориентации партии в северной Германии, а 13 апреля 1928 г. даже сделал «уточнение», другими словами, внес поправку в 7-й пункт программы партии, чтобы убедить мелких фермеров в том, что требование «экспроприации земель для общественных целей без компенсации» относится только к «еврейским компаниям, которые спекулируют землей»¹⁰⁹. Нацисты потеряли 100 000 голосов на выборах в рейхстаг в мае 1928 г. и, набрав всего 2,6 %, смогли провести в законодательное собрание лишь 12 депутатов, среди которых был Готфрид Федер, Йозеф Геббельс, Герман Геринг и Грегор Штрассер. Тем не менее в некоторых сельских районах протестантского севера дела у них шли гораздо лучше. Если в Берлине им удалось получить только 1,4 %, а в Руре 1,3 %, то в двух округах Шлезвиг-Гольштейна они набрали соответственно 18,1 и 17,7 %. Поддержка 8,1 % избирателей в другом районе, населенном обеспокоенными мелкими фермерами-протестантами, а именно во Франконии, усилила ощущение того, что, как об этом написала партийная газета 31 мая, «результаты выборов, особенно в сельских районах, показали, что при меньших затраченных усилиях, средствах и времени можно получить лучшие результаты в целом, чем в больших городах»¹¹⁰.

Вскоре партия возобновила пропаганду, обращенную к крестьянскому сообществу, утверждая, что оно позволит им создать особое положение в Третьем рейхе. Фермерам всех типов будет

предоставлена собственная «корпорация», в которой они будут работать вместе в гармонии и при полной поддержке государства. Упрямых сельских рабочих, многие из которых были активными членами социал-демократической партии, заставят принять общий порядок, а оплата труда наконец станет жестко контролироваться. После многих лет безуспешных, иногда кровопролитных протестов фермеры в Шлезвиг-Гольштейне объединились в поддержке нацистской партии. Задачам партии нисколько не повредило то, что местные отделения возглавлялись членами крестьянского сообщества и что такая поддержка, несомненно, влияла на идеологию «крови и земли», в которой крестьяне должны были стать ядром национальной идентичности. Даже некоторые из крупных землевладельцев, традиционно связывавших себя с националистами, стали убежденными сторонниками нацистов. Число поддерживающих партию средних и мелких землевладельцев росло гигантскими темпами. Вскоре сыновья крестьян начали вступать в штурмовые отряды, которые служили для борьбы с коммунистами в больших городах¹¹¹.

Таким образом, новая стратегия скоро начала давать плоды. Численность партии выросла со 100 000 человек в октябре 1928 г. до 150 000 в следующем году, а на местных и федеральных выборах число отданных за нее голосов стало резко расти, увеличившись до 5 % в Саксонии, до 4 % в Мекленбурге и до 7 % в Бадене. В некоторых сельских областях протестантской Саксонии партия практически удвоила свои голоса. Например, в Шварценбергском районе число голосов выросло с 5,9 % в 1918 г. до 11,4 % в 1929 г.¹¹² В июне 1929 г. нацистская партия пришла к власти в первом муниципалитете в Кобурге во Франконии. Здесь они получили 13 из 25 мест в совете в результате успешной кампании по роспуску предыдущего совета, который уволил местного нацистского лидера, муниципального служащего, за антисемитские высказывания. Эта победа частично отражала огромные усилия партии, приложенные к этим выборам: на трибунах выступали лучшие ораторы, такие как Герман Геринг и даже сам Гитлер. Но она также показала, что поддержку избирателей можно с успехом зарабатывать и в региональной политике, где партия стала действовать гораздо активнее, чем раньше¹¹³.

А осенью 1929 г. партия получила еще один избирательный бонус в виде своей кампании против плана Юнга (который включал сокращение и реструктуризацию репараций, но не их отмену), организованной националистами. Их лидер Альфред Гугенберг получил поддержку нацистов и других ультраправых групп в своем стремлении добиться проведения референдума по своему закону, согласно которому этот план отклонялся, а подписавшие его министры попадали под суд. Нацисты не только получили известность в рамках этой кампании, но и добились некоторого уважения со стороны крупных правых движений благодаря присутствию Гитлера в организационном комитете вместе с такими приверженцами пангерманизма, как Генрих Класс и лидеры «Стального шлема» Франц Зельдте и Теодор Дюстерберг. Сам референдум закончился неудачей — за закон проголосовало только 5,8 миллиона избирателей. Однако эта кампания показала многим сторонникам националистов, насколько более динамичными были агрессивно настроенные нацисты в коричневых рубашках, чем лидеры их собственной партии в сюртуках и цилиндрах¹¹⁴.

Тем временем Гитлер скоро начал снова вызывать народный энтузиазм, его притягательность только усиливалась за счет культа вождя, который разрастался вокруг него в партии. Важным символическим выражением этого культа было использование «германского приветствия» «Хайль Гитлер!» со вскинутой правой рукой, независимо от того, находился Гитлер рядом или нет. Оно стало обязательным в движении в 1926 г. и все чаще использовалось в качестве подписи в письмах. Такие обычаи усиливали зависимость движения от Гитлера и с энтузиазмом пропагандировались руководителями второго уровня, собравшимися вокруг него: по тактическим соображениям, для укрепления единства внутри партии, как в случае с Грегором Штрассером, или, как в случае с Рудольфом Гессом, в силу слепой религиозной веры в личность «вождя», как его теперь называли¹¹⁵. На съезде партии в Нюрнберге в августе 1929 г., первой такой встрече после 1927 г., уверенность партии в себе и сплоченность ее рядов были продемонстрированы в ходе гигантской пропагандистской демонстрации, в которой, по данным полиции, приняли участие почти 40 000 человек, сплотившихся в своем преклонении перед вождем¹¹⁶.

К этому времени нацистская партия стала крупной организацией, на региональных, районных и местных уровнях в ней состояли преданные и энергичные функционеры, многие из которых имели хорошее образование и были компетентными управленцами, а ее пропаганда направлялась через сеть специальных организаций непосредственно в избирательные округа¹¹⁷. Несмотря на постоянное утверждение Гитлера, что политика является делом мужчин, существовала и женская нацистская организация, самостоятельный Немецкий женский орден, основанный Элизабет Цандер в 1923 г. и вошедший в нацистскую партию в виде филиала в 1928 г. По данным полиции, его численность составляла 4000 человек к концу десятилетия, что равнялось примерно половине всех женщин в нацистской партии, которых было 7625. Немецкий женский орден был одной из тех странных женских организаций, которые вели активную общественную кампанию за исключение женщин из общественной жизни, — воинствующей антисоциалистической, антифеминистской и антисемитской организацией. Среди их практических занятий было обеспечение работы полевых кухонь для коричневых рубашек, помощь в пропагандистских кампаниях, сокрытие оружия и оборудования для нацистских военных отрядов, когда тех искала полиция, и медицинская помощь раненым активистам, которая осуществлялась под эгидой дочерней организации «Красная свастика», нацистской версии Красного Креста¹¹⁸.

По общим отзывам, Цандер была умелым оратором, но не слишком хорошим организатором, и в начале 1931 г. Немецкий женский орден распался в водовороте обвинений и контр-обвинений, из которых самым серьезным было обвинение в финансовой коррупции. Движение имело такие долги, что сама Цандер, как ответственное лицо, стала банкротом. Кроме того, ходили непристойные слухи, что у Цандер была интрижка с шофером организации. Эти слухи распространялись коричневыми рубашками, которые присутствовали на некоторых ее собраниях переодетыми в женщин. В результате Грегор Штрассер, теперь руководитель партийной организации, упразднил все женские отделения нацистской партии, вежливо, но жестко сняв Цандер с поста. Вместо них 6 июля 1931 г. был создан

Национал-социалистический женский союз (NS-Frauenschaft), который, по крайней мере вначале, представлял собой децентрализованную группу, региональные отделения которой контролировались региональными руководителями. Однако скоро эта группа оформилась в отдельное национальное движение с собственным журналом для женщин и не только большей независимостью региональных руководителей, но и с более тщательным распределением обязанностей между ними¹¹⁹. Тем не менее основной проблемой для нацистских женщин был неискоренимый мужской шовинизм в партии, убеждение в том, что женщина должна не заниматься политикой, а сидеть дома и растить детей. На данное время партии приходилось идти на компромисс со своими взглядами, чтобы заполучить голоса женщин, но в перспективе, когда нацисты пришли бы к власти, их антифеминистские активистки были бы обречены на уход из политики.

Вместе с организациями, защищавшими интересы женщин, также имелась основанная в 1922 г. организация, ориентированная на молодежь в возрасте от 14 до 18 лет. Вначале у нее было довольно нескладное название — Молодежный союз национал-социалистической немецкой рабочей партии, но в 1926 г. он был переименован в «Гитлеровскую молодежь» (Гитлерюгенд). Будучи изначально кадровым агентством для коричневых рубашек, при Курте Грубере в 1929 г. организация превратилась в конкурента для мириадов неформальных молодежных группировок, существовавших при Веймарской республике, большинство из которых были настроены против республики. Она также имела мало успехов в начале своей истории, даже в январе 1932 г. в берлинском отделении состояло всего тысяча человек¹²⁰. Кроме того, существовал Национал-социалистический союз школьников, основанный в 1929 г., и Союз немецких девушек, основанный в следующем году¹²¹. Все эти организации вскоре сильно уменьшились в размерах и утратили часть своего влияния в соперничестве с Национал-социалистическим союзом немецких студентов, основанным в 1926 г. Вильгельмом Темпелем. Этот союз также мало чего добился до 1928 г., когда его возглавил Бальдур фон Ширах, который оказался надежным и впоследствии важным человеком в нацистском движении. Он родился в 1907 г. в Бер-

лине в семье традиционалиста, бывшего директора армейского театра в Веймаре, женившегося на богатой американке. Ширах вырос в консервативных, антисемитски настроенных кругах в Веймаре. Он учился в школе-интернате, директор которой больше делал упор на формирование характера, а не на академическое образование. На молодого Шираха огромное влияние оказало самоубийство его старшего брата в октябре 1919 г., которое тот в своем предсмертном письме семье назвал ответом «на трагедию Германии». К концу 1920-х он читал Хьюстона Стюарта Чемберлена, а обнаружив «Мою борьбу» Гитлера, тут же обратился в нацизм. Из сторонника Ширах превратился в обожателя, ко-гда услышал выступление Гитлера в своем городе в 1925 г. Скоро он привлёк внимание вождя практически бесконечным потоком стихов, восхвалявших движение и его лидера. Про них говорили, что они «намного лучше, чем другие излияния расистских стихотворцев». Стихи были опубликованы в сборнике в 1929 г.¹²²

Во время своего обучения в Мюнхене (которое он так и не закончил) он вступил в Национал-социалистический союз студентов, быстро поднявшись до руководства филиалом в Мюнхенском университете, где ему посоветовал учиться Гитлер. Именно успех на данной позиции позволил ему занять пост руководителя национального союза в 1928 г., на котором он заменил Вильгельма Темпеля. Ширах очистил союз от социал-революционных элементов и втянул его в крайне ожесточенную кампанию по захвату мест в студенческих союзах отдельных университетов. Оставив далеко позади традиционные, весьма скучные студенческие братства и дуэльные общества, союз прославился благодаря своим провокационным действиям и выступал с такими требованиями, как сокращение чрезмерного числа слушателей на лекциях (за счет ограничения количества еврейских студентов), отставка профессоров-пацифистов, создание новых кафедр по таким предметам, как расовые исследования и военная наука, а также использование университетов в национальных интересах, а не ради получения знаний самих по себе. К весне 1932 г., заручившись поддержкой правой профессуры и местных политиков, члены союза уже добились отставки Эмиля Юлиуса Гумбеля — деятеля, который был им особенно ненавистен и как еврей,

и как социалист, и как пацифист и участник кампаний против правой направленности судебных решений, — с его должности в Гейдельбергском университете, опубликовав во франкфуртском журнале заявление о том, что «Гейдельберг открыл новую эру Третьего рейха в сфере академической науки»¹²³.

Тщательно избегая конфликтов с братствами, Ширах быстро добился увеличения количества голосов, отдаваемых в пользу союза на студенческих выборах, и в июле 1931 г. при поддержке других правых групп ему удалось возглавить национальную организацию студенческих союзов. В 1932 г. через национальный союз студенты проголосовали за «принцип лидерства», таким образом упразднив все выборы. Даже несмотря на то, что общая численность Союза нацистских студентов не достигала и 10 % от численности всех братств, нацисты полностью доминировали в представительных студенческих органах в Германии. Впечатленный таким успехом, Гитлер 3 октября 1931 г. назначил Шираху на пост руководителя гитлерюгенда¹²⁴.

Нацистами были созданы специальные организации, которые к концу 1920-х выражали интересы не только женщин, молодежи, студентов и школьников, но и многих других частей немецкого общества. Были группы для государственных служащих, для раненых на войне, для фермеров и для многих других избирательных категорий, и каждая группа занималась глубоко своим пропагандистским направлением. Существовало даже что-то вроде своего движения профсоюзов с нескладным названием Национал-социалистическая организация фабричных ячеек, которая столкнулась с очевидным отсутствием успеха в попытках привлечь на свою сторону рабочих, которые уже состояли либо в социалистически ориентированных профсоюзах, либо в католических или коммунистических объединениях, либо оказались без работы и поэтому не нуждались в профсоюзах¹²⁵. Тем не менее нацисты все равно имели определенное влияние в нижних слоях среднего класса в то время, особенно среди ремесленников, владельцев магазинов и работников по найму. Часто они переманивали таких людей из других схожих движений. Например, Немецкий союз торговых работников играл важную роль в привлечении к политике многих молодых людей и приоб-

шении их к идеологии нацизма¹²⁶. Основанный при Вильгельме, он выражал недовольство мужской части служащих миром, где женщины все чаще занимали секретарские и схожие должности, а крупные работодатели в банках, финансовых корпорациях, страховых компаниях и прочих организациях часто считались евреями по религиозным воззрениям, этническому происхождению или просто по характеру. До войны союз яростно обвинял евреев в том, что они стали архитекторами пролетаризации его членов¹²⁷. Один младший госслужащий, родившийся в 1886 г. и вступивший в союз в 1912 г., позже отмечал, что, по его мнению, правительство было еврейским даже при кайзере. Когда он в конечном счете ушел от националистов к нацистам в 1932 г., посетив съезд партии, он написал, что «это было то, чего я искал с 1921 г.»¹²⁸. Скорее всего, то же самое чувствовали и многие другие нацисты с таким же прошлым.

Штрассер поощрял создание такой крайне разветвленной структуры подразделений внутри движения даже несмотря на то, что многие из этих подразделений, вроде гитлерюгенда или Организации фабричных ячеек, были очень немногочисленны и ничего особенного не добивались. Потому что в уме у него был долгосрочный план. Все они должны были составить базу для создания общества, управляемого нацистскими социальными институтами, после прихода Гитлера к власти. Штрассер приложил огромные усилия и для создания этого эмбриона национал-социалистического порядка. В ближайшей перспективе это обеспечило партии возможность обращаться практически ко всем избирательным группам в немецком обществе, помогло политизировать социальные институты, которые ранее считались более или менее аполитичными по своей природе. Это означало, что партия сможет легко расшириться, если в нее вдруг в массовом порядке начнут вступать новые члены. И вся эта структура скреплялась безусловной верностью вождю, власть которого теперь была абсолютной, а харизма подпитывалась ежедневной лестью и низкопоклонством группы ближайших подчиненных¹²⁹.

Истоки верности

I

Нацистское движение в той форме, в которой оно существовало в конце 1920-х гг., зависело от энергии и фанатизма его активных членов. Без них оно было бы просто еще одной политической партией. Третий рейх был создан не в последнюю очередь обычными людьми с улиц вроде штурмовиков и членов нацистской партии. Тогда что привлекало молодежь к нацистскому движению и пробуждало в ней такую слепую преданность? Где находились источники агрессивности коричневых рубашек? Харизма Гитлера, конечно, играла свою роль, однако большая часть партии, особенно на севере Германии, сформировалась практически без его участия. Динамизм движения имел более глубокие корни. Некоторые подсказки можно найти в автобиографиях и дневниках ряда известных нацистов. И кроме того, существует прекрасный современный источник, который дает уникальное представление об образе мыслей обычного нацистского активиста. В 1934 г. социолог Теодор Абель, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, заручился поддержкой нацистской партии с целью проведения конкурса сочинений, по условиям которого люди, присоединившиеся к партии или коричневым рубашкам до 1 мая 1933 г., должны были написать краткие рассказы. Было отправлено несколько сотен сочинений, и, хотя и партия и участники рассматривали этот конкурс как возможность впечатлить американцев искренней приверженностью своему движению, Абель потребовал, чтобы приз достался самому честному и правдивому рассказу, и это, по всей видимости, смогло обеспечить достаточную степень достоверности работ, по крайней мере в тех пределах, в которых полученную информацию можно было проверить¹³⁰.

Для партийных активистов из низов заумные теории таких людей, как Розенберг, Чемберлен, Шпенглер, и других интеллек-

туалов были закрытой книгой. Даже популярные писатели вроде Лагарда и Лангбена обращались в основном к образованному среднему классу. Гораздо более сильное влияние имели долгое время сохранявшие популярность антисемитские пропагандисты вроде Теодора Фрича, чья книга «Справочник по еврейскому вопросу», опубликованная в 1888 г., в 1933 г. переиздавалась уже сороковой раз. Издательский дом Фрича *Hammer Verlag* пережил Первую мировую и продолжал выпускать множество популярных памфлетов и брошюр, которые имели широкое хождение среди рядовых нацистов¹³¹. В 1934 г. один из штурмовиков писал:

После войны я стал активно интересоваться политикой и с энтузиазмом изучал газеты всех политических оттенков. В 1910 г. я впервые прочел в правой газете рекламу антисемитской периодики и стал подписчиком журнала *Der Hammer* («Молот») Теодора Фрича. Благодаря этим изданиям я узнал о разрушительном влиянии евреев на людей, страну и экономику. Я должен признать сегодня, что те материалы стали для меня мостиком к великому движению Адольфа Гитлера³².

Тем не менее более важным было воодушевление, порождавшееся основными компонентами нацистской пропаганды — речами Гитлера и Геббельса, маршами, плакатами и парадами. На этом уровне идеи быстрее принимались через такие каналы, как нацистская пресса, агитационные брошюры и настенные плакаты, чем через серьезные идеологические произведения. Для обычных партийных активистов в 1920-е — начале 1930-х гг. самым важным аспектом нацистской идеологии была ее сосредоточенность на социальной солидарности — понятии органического расового единства всех немцев, — за которой в некотором отдалении следовал экстремальный национализм и культ Гитлера. Антисемитизм же был важен только для меньшинства, и для многих из этого меньшинства негативное отношение к евреям было весьма случайным. Чем моложе был человек, тем менее важными становились идеологические аспекты и тем большее значение приобретал акцент на немецкую культуру и руководящую роль Гитлера. И наоборот, идеологический антисемитизм

был наиболее силен среди нацистов старшего поколения, что подтверждало скрытое влияние антисемитских групп, действовавших до войны, и атмосферы внутрисемейного национализма, в которой росли многие из них¹³³.

Мужчины часто вступали в военное крыло нацистской партии, возвратившись с фронта в 1914–18 гг., затем связывались с крайне правыми организациями вроде Общества Туле или добровольческих бригад¹³⁴. Например, молодой Рудольф Хёсс, будущий комендант Аушвица, пришел в партию именно таким образом. Родившись в 1901 г. в Баден-Бадене, он вырос на юго-западе Германии в католической семье. Его отец был торговцем, хотел отдать сына в священники и, по словам Хёсса, привил ему сильное чувство долга и покорности, но также заразил его рассказами о своем солдатском прошлом в Африке и о самоотверженности и героизме миссионеров. В конечном счете, как Хёсс писал позднее, он утратил свою веру из-за того, что его исповедник открыл доверенную ему тайну. Когда разразилась война, он пошел в Красный Крест, а затем в 1916 г. в старый полк своего отца и служил на Среднем Востоке. В конце войны его родители умерли, а он вступил в добровольческие бригады в Прибалтике, где увидел жестокость гражданской войны собственными глазами.

Вернувшись в Германию, Хёсс стал членом тайной организации — преемницы добровольческих бригад, а в 1922 г. участвовал в жестоком убийстве человека, которого он и его товарищи считали коммунистическим шпионом в своих рядах, — они забили его дубинками, перерезали горло ножом и добили из револьвера. Хёсса арестовали и посадили в исправительный дом в Бранденбурге, где, по его словам, он узнал о неисправимой природе преступного ума. Его шокировал «грязный, наглый язык» его сокамерников и ужаснуло то, что тюрьма становилась школой для преступников вместо того, чтобы быть местом для их исправления. Чистый, опрятный и аккуратный, привыкший к дисциплине, Хёсс быстро стал образцовым заключенным. Жестокое запугивание и продажность некоторых надсмотрщиков подсказали ему, что более честный и гуманный подход к заключенным может дать лучший эффект. Однако позже он заключил, что достаточное число из сидевших с ним заключенных не име-

ли никаких шансов на исправление¹³⁵. За несколько месяцев до своего ареста он стал членом нацистской партии. Ему предстояло провести остаток 1920-х гг. в тюрьме, хотя, как и многие подобные ему люди, он был освобожден задолго до истечения срока в результате соглашения между крайне левыми и крайне правыми депутатами рейхстага о голосовании за общую амнистию для политических заключенных¹³⁶. Однако очевидно, что, когда он вышел из тюрьмы, в нацистской партии он нашел дисциплину, порядок и возможность доказать свою верность, которые были ему так необходимы в жизни.

Одним из подельников Хёсса в убийстве был другой член россбахского добровольческого корпуса Мартин Борман, родившийся в 1900 г. в семье почтового служащего и получивший образование управляющего фермой. Во время войны его призвали в армию, но определили в гарнизон, и он не участвовал в военных действиях. Однако, как и Хёсс, он не смог приспособиться к гражданской жизни. Он вступил в контакт с добровольческими бригадами, предоставив им в качестве базы имение в Мекленбурге, где он работал. Присоединившись к добровольческому корпусу, он также вступил в «Ассоциацию против высокомерия евреев», еще одну мелкую и незначительную маргинальную праворадикальную группу. Борман оказался замешан в убийстве не в такой степени, как Хёсс, и ему пришлось отбыть только год в заключении. В феврале 1925 г. его освободили, и к концу 1926 г. он стал на полную ставку работать в нацистской партии, выполняя множество административных задач сначала в Веймаре, а потом в Мюнхене. Безнадежно неумелый оратор и, в отличие от Хёсса, по характеру не предрасположенный к физическому насилию, Борман стал экспертом по страхованию в партии, выделял финансовые пособия и оказывал другую помощь нуждающимся штурмовикам и постепенно стал незаменимым человеком в движении. Однако тот факт, что в первую очередь он был администратором, не должен затмевать фанатичную природу его политических убеждений. Как Хёсс и огромное число других людей, он отреагировал на поражение Германии в Первой мировой войне, обратившись к самым экстремальным формам возмущенного национализма, яростного антисемитизма и ненависти к парламентской демократии.

Быстро вступив в контакт с Гитлером, он попал под полное его влияние и вскоре начал впечатлять нацистского вождя своим безграничным поклонением и верностью. Другим людям из партийной иерархии, особенно нижестоящим по рангу, он мог показывать совершенно другую сторону своего характера, демонстрируя крайнюю амбициозность, которая в конечном счете сделала его одной из ключевых фигур в Третьем рейхе, в особенности на последних этапах войны¹³⁷.

Благодаря таким людям, а скорее даже немного более старшим бойцам, получившим военный опыт в активных действиях на полях сражений, было очевидно, что добровольческие бригады и в самом деле, как говорилось, стали «авангардом нацизма», предоставив партии изрядное количество руководящих кадров в середине 1920-х гг.¹³⁸ Вместе с тем уже в это время в партию вливалось молодое послевоенное поколение, страстно желавшее повторить теперь уже легендарные подвиги фронтовых солдат. Небольшая часть переметнулась от коммунистов, привлеченная политическим экстремизмом, активностью и насилием, невзирая на идеологию. «Я вышел из партии в 1929 г., — говорил один из них, — потому что больше не мог соглашаться с приказами Советского Союза». Однако конкретно для этого активиста насилие было стилем жизни. Он продолжал посещать партийные съезды всех типов и бросался в уличные столкновения вместе со старыми товарищами, пока местный нацистский руководитель не предложил ему должность¹³⁹. Насилие для таких людей было сродни наркотику, каким оно совершенно точно было для Рудольфа Хёсса. Часто они имели лишь самое смутное представление о том, за что дерутся. Один молодой нацист сообщал, что, увидев, как противники попытались сорвать нацистское собрание, «он инстинктивно почувствовал себя национал-социалистом» еще до того, как узнал о целях партии¹⁴⁰. Другой, вступивший в нацистское движение в 1923 г., жил практически постоянно в неистовом водовороте насилия, страдая от побоев, ножевых ран и попадая в тюрьму на протяжении большей части десятилетия, как он в подробностях вспоминал в своем автобиографическом эссе. Именно эти столкновения, а не идеи движения давали ему смысл жизни. Для одного молодого человека,

родившегося в 1906 г. в социал-демократической семье, основой преданности стала враждебность по отношению к коммунистам. Времена, которые он провел в отряде штурмовиков, известном как «Гибельный шторм», были, как он говорил позже, «слишком прекрасными и, наверное, слишком тяжелыми, чтобы писать о них»¹⁴¹.

Особенно наглядным, хотя и совершенно нетипичным примером действий штурмовиков является история школьного учителя, родившегося в 1898 г. Он прошел войну, в начале 1920-х проявил некоторую активность на крайне правом фланге политического фронта, а в 1929 г. присоединился к нацистам. Однажды вечером его вызвали в соседний городок в составе группы коричневых рубашек для защиты нацистского собрания от «красных»:

Мы все собрались у въезда в город и надели белые нарукавные повязки, после чего раздались громовые звуки нашей марширующей колонны из примерно 250 человек. Без оружия, без палок, но со стиснутыми кулаками мы маршировали в строгом порядке и с железной дисциплиной под свист и крики толпы перед залом собраний. У них в руках были дубинки и заборные доски. Было 10 часов вечера. Несколькими маневрами в середине улицы мы отжали толпу к стенам, чтобы очистить улицу. Как раз в этот момент в образовавшуюся брешь вошел плотник, катя тележку с погруженным на нее черным гробом. Пока он проходил, один из наших сказал: «Ну, давайте посмотрим, кого удастся туда положить». Вопли, крики, свист и улюлюканье становились все более агрессивными.

Два ряда нашей колонны стояли молча, заряженные энергией. По сигналу мы промаршировали в зал, где несколько сотен бунтовщиков пытались перекричать нашего оратора. Мы пришли как раз вовремя, прошагав вдоль стен и окружив их кольцом, оставив только место для прохода. Раздался свист. Мы сжали кольцо. Десять минут спустя... мы вытолкнули их наружу. Собрание продолжилось, а снаружи началось сущее столпотворение. После этого мы эскортировали оратора обратно, снова пробираясь сквозь бурлящую толпу закрытым строем.

Для этого штурмовика марксисты были врагами, как и для многих бывших солдат, которые сражались за то, что он назвал «духом фронтового товарищества, поднявшимся из дымов жертвенных сосудов войны и ищущим свой путь к сердцам пробудившегося немецкого народа»¹⁴².

II

«Старые борцы» вроде этих с гордостью перечисляли увечья и оскорбления, полученные от своих противников. «Преследования, притеснения, презрение и насмешки», которые им пришлось вынести, только укрепили их решимость¹⁴³. На одном собрании в Идар-Оберштайне, по словам одного партийного активиста, родившегося в 1905 г., присутствовало четыреста штурмовиков, включая его самого:

Один за другим со своим обращением выступили четыре наших оратора, которых прерывали яростные вопли и свист. Но когда в последовавшей дискуссии одному из высказавшихся сделали замечание за фразу «Мы не хотим этой коричневой чумы в нашем прекрасном городе», началось смятение. Затем завязалась драка, в ход пошли пивные кружки, стулья и прочие предмеры, и в течение двух минут зал был перевернут вверх дном и все это покинули. В тот день нам пришлось захватить с собой семерых тяжело раненных товарищей, в нас бросали камни и периодически нападали, несмотря на защиту полиции¹⁴⁴.

Вместе с тем всю глубину ненависти, которую нацисты испытывали по отношению к социал-демократам и коммунистам, можно представить, только учитывая их чувства в связи с постоянными нападками на них не только со стороны военизированного филиала социал-демократов, «Рейхсбаннера», но и со стороны полиции во многих областях, которая, по крайней мере в Пруссии, контролировалась социал-демократическими министрами Карлом Северингом и Альбертом Гржезински. Как говорил один из штурмовиков, «полицейский и правитель-

ственный террор против нас» был еще одним источником ненависти к республике¹⁴⁵.

Такие люди негодовали потому, что их арестовывали за избивание или убийство людей, которых они считали врагами Германии, и осуждали тюремные сроки, которые им периодически назначали «марксистские судебные власти» и «коррупцированная система» Веймарской республики¹⁴⁶. Их ненависть к «красным» была практически безмерной. Один молодой нацист в 1934 г. с ненавистью называл их «красным наводнением... ордой красных наемников, крадущихся в ночи», а другой штурмовик описывал их как «красную толпу убийц... кричащие, визжащие орды... наполненные ненавистью, перекошенные лица которых следует изучать криминалистам»¹⁴⁷. Их ненависть подпитывалась бесчисленными схватками вплоть до жутких инцидентов, таких как печально известная перестрелка между коммунистами и коричневыми рубашками, которая произошла в поезде «Берлин—Лихтенфельс» 27 марта 1927 г. Коричневые рубашки противопоставляли преступной природе коммунистов то, что они считали собственным самоотверженным идеализмом. Один штурмовик говорил с гордостью, что борьба в конце 1920-х «требовала как финансовых, так и психологических жертв от всех товарищей. Каждую ночь распространялись листовки, за которые приходилось платить нам самим. Каждый месяц проводился съезд... который всегда заканчивался 60 марками долгов для нашего местного маленького отделения из 5—10 человек, поскольку ни один владелец гостиницы не сдал бы нам зал без предоплаты».¹⁴⁸ Часто повторяемое заявление, что многие коричневые рубашки присоединялись к организации, только если им предлагалось вознаграждение в виде бесплатного питания, напитков, одежды и проживания, не говоря уже о захватывающих и жестоких видах развлечений, вряд ли способно объяснить фанатизм и мотивацию многих из них. Только самые старые активисты присоединялись к штурмовикам в надежде получить работу или финансовую поддержку. Для молодежи это значило не так много¹⁴⁹. Нацистские лидеры студентов часто загоняли себя в глубокие долги, платя из своего кармана за плакаты и брошюры¹⁵⁰. У многих других дела обстояли точно так же.

Конечно, подобные свидетельства, предназначенные для американского социолога, обязаны были подчеркивать самопожертвование и преданность их авторов¹⁵¹. Тем не менее сложно оценить весь размах фанатизма и ненависти штурмовиков, если только не принять к сведению, что часто они действительно считали, что приносят жертву во имя своей цели. Сам Гитлер обратил внимание на это, когда в январе 1932 г. призвал слушателей «не забывать, какую жертву сегодня приносят сотни тысяч мужчин из национал-социалистического движения, которые каждый день забираются на грузовики, охраняют собрания, выступают на маршах, приносят свою жертву каждую ночь, возвращаясь домой только к рассвету, а потом снова направляются в мастерские или на заводы или идут получать свое скудное пособие по безработице, когда они покупают себе униформу, рубашки, значки и даже оплачивают транспорт из своего жалкого заработка — поверьте мне, одно это уже является признаком власти идеи, великой идеи!»¹⁵²

Нацистская партия жила за счет такой преданности. Источником ее силы и динамизма была финансовая независимость от крупных предприятий или бюрократических организаций, таких как профсоюзы, и эта независимость отличала ее от «буржуазных» партий и социал-демократов. В еще в меньшей степени партия зависела от тайной поддержки иностранных государств, как это было с коммунистами, финансировавшимися из Москвы¹⁵³.

Многие люди примкнули к нацистам благодаря демагогии Гитлера. Речи Гитлера, произносимые в драматических декорациях на массовых съездах и гигантских собраниях под открытым небом в конце 1920-х, имели власть большую, чем когда-либо. Один молодой националист, родившийся в 1908 г., посещал разные митинги, на которых присутствовали такие звезды правых радикалов, как Гугенберг и Людендорф, пока наконец не нашел свое вдохновение, когда «услышал Вождя Адольфа Гитлера вживую. После этого для меня существовало только одно: либо победить с Адольфом Гитлером, либо умереть за него. Личность вождя поглотила меня полностью. Тот, кто узнает Адольфа Гитлера с чистым и искренним сердцем, полюбит его всей душой. Мы будем любить его не во имя материализма, но ради Германии»¹⁵⁴.

И людей, оставивших подобные свидетельства, было много, от антисемитски настроенного рабочего металлургического завода, родившегося в 1903 г., который обнаружил на митинге Гитлера в 1927 г., что «наш вождь излучает мощь, которая делает нас сильными», до другого штурмовика, родившегося в 1907 г., который заявил, что попал под власть Гитлера в 1929 г. в Нюрнберге: «Как сверкали его глаза, когда его штурмовики маршировали мимо него в свете факелов, бескрайнее море огней, текущее по улицам древней столицы рейха»¹⁵⁵.

Изрядной долей доставшейся им народной любви нацисты обязаны своему обещанию покончить с политической раздробленностью, которая свирепствовала в Германии при Веймарской республике. Один восемнадцатилетний клерк, посещавший съезды на региональных выборах в 1929 г., услышав нацистского оратора, был поражен «искренней преданностью всему немецкому народу, самая большая беда которого состояла в разделенности на множество партий и классов. Наконец-то практическое предложение по возрождению народа! Уничтожить партии! Покончить с классовым делением! Истинная национальная общность! Эти целям я мог посвятить себя всего без остатка»¹⁵⁶.

В конечном счете относительно немногие становились активными членами движения за счет чтения политических или идеологических трактатов. Значение имело только сказанное слово. И опять же не всех гипнотизировали речи Гитлера. Серьезная и идеалистически настроенная молодая нацистка из среднего класса Мелита Машман, например, восхищалась им как «человеком народа», вышедшим из безвестности, но даже на ежегодном партийном съезде она была так занята, что, как писала позднее, «не могла позволить себе предаваться “дебоширству” экстатического исступления». Она находила парады и представления скучными и бессмысленными. Для нее нацизм был скорее патриотическим идеалом, чем культом отдельного лидера¹⁵⁷. Для сторонников нацизма из среднего класса, в особенности для женщин, уличное насилие часто было тем, с чем следовало нехотя мириться или намеренно игнорировать.

Многие такие люди пришли к нацизму, полные нерешительности. Даже вступление в партию часто совершенно необязательно

было свидетельством той преданности, которую, например, демонстрировали молодые штурмовики, опрошенные Теодором Абелем. Изрядное число членов партии вышли из нее, проводя в ее рядах относительно небольшое время. Тем не менее к началу 1930-х партия начала распространять свое влияние за пределы нижних слоев среднего класса, которые всегда были ее фундаментом. Не упуская возможности заявить о своей поддержке рабочего класса, официальные лица партии часто называли своих соратников рабочими, тогда как на самом деле они ими не были. Подробные местные исследования показали, что в стандартных записях о партийном членстве, сделанных на основании внутренней переписи в партии от 1935 г., процент рабочих, состоящих в партии, был завышен как минимум вдвое. В частности, говорилось о примерно 10 % во втором по значению городе Германии Гамбурге в 1925 г.¹⁵⁸. Наемные работники также образовывали социальную группу, представители которой подолгу не задерживались в партии, и поэтому ее упоминания менее всего следовало ожидать в статистике 1935 г., на которой основано большинство подсчетов. Однако Гамбург был традиционным центром рабочего движения, сила которого усложняла задачу нацистов по вторжению в местную политическую жизнь. В некоторых областях Саксонии, где рабочее движение было слабее, а традиционные некрупные предприятия делали экономику крайне отличной от современных, высокорациональных промышленных центров вроде Берлина или Рура, большую часть членов партии составляли работники ручного труда. Молодые рабочие, которые не состояли в профсоюзе, потому что никогда не имели работы, были особенно подвержены влиянию нацистской партии в Саксонии. В конце 1920-х практически треть членов нацистской партии в провинции могла принадлежать к рабочему классу. Нижние слои городского и деревенского среднего класса по-прежнему были представлены в партии наиболее широко в сравнении с другими группами населения. Однако к началу 1930-х доля членов партии из среднего и высшего класса в саксонском отделении увеличилась, поскольку партия стала более респектабельной. Медленно нацисты оставляли позади свое скромное прошлое и начали привлекать на свою сторону людей из социальной элиты Германии¹⁵⁹.

III

В новом поколении нацистских лидеров, вступивших в движение в середине 1920-х гг., одному человеку предстояло сыграть особенно видную роль в истории Третьего рейха. На первый взгляд немногим могло показаться, что Генриху Гиммлеру, родившемуся 7 октября 1900 г. в Мюнхене, уготовано стать хоть сколько-нибудь значимым человеком. Его отец был католическим школьным учителем достаточно консервативных взглядов, чтобы его сочли подходящим кандидатом на роль личного воспитателя молодого члена баварской королевской семьи в 1890-х. Родом из образованной уважаемой семьи среднего класса, Генрих, болезненный ребенок с плохим зрением, посещал несколько разных школ, но нормальное академическое образование получил в языковых школах в Мюнхене и Ландсхуте. Его школьный товарищ Георг Хальгартен, позже ставший известным левым историком, подтверждал ум и способности Гиммлера. В школьных отчетах Гиммлер описывался как сознательный, прилежный, честостлюбивый, способный и воспитанный учащийся — во всех отношениях образцовый ученик. Однако отец-патриот предпринимал усиленные попытки отправить его в армию, даже заявив, что готов прервать обучение своего сына для этого. В дневниках и заметках на полях книг молодого Генриха видно, насколько сильно он впитал мифологию 1914 г., идею войны как вершины человеческих достижений и понятие борьбы как движущей силы человеческой истории и всего существования. Но он дошел только до кадетской школы и никогда не был на фронте. Он представлял собой очень типичный пример послевоенного поколения, которое горько жалело, что не могло участвовать в войне, и тратило много времени позднее, пытаясь восполнить этот пробел в своей биографии¹⁶⁰.

Сдав выпускные экзамены в школе с блестящими оценками, Гиммлер по совету отца поступил на сельскохозяйственное отделение высшего технического училища в Мюнхене, и здесь он также преуспел, получив оценку «очень хорошо» в 1922 г. Он также вступил в дуэльное братство и после некоторых проблем с поиском фехтовальщика, который бы воспринял его достаточно

серьезно, чтобы принять вызов, в должном порядке получил обязательные шрамы на лице. Тем временем он вступил в Гражданские силы обороны Кара и попал под влияние Эрнста Рёма, который впечатлил его своим военным рвением. Радикально правая среда, в которую он теперь попал, поставила его на дороге революционного антисемитизма, и к 1924 г. он уже боролся «против гидры черных и красных интернационалистов, евреев и ультрамонтанства, франкмасонов и иезуитов, духа торговли и трусливой буржуазии»¹⁶¹. С большой головой, прической «полубокс», в круглых очках, с покатым лбом и тонкими усиками, Гиммлер больше походил на школьного учителя, каким был его отец, а не на фанатичного националистического уличного бойца. Несколько месяцев спустя он уже размахивал флагом, а не пистолетом, вступив в отряд рёмовской группы «Военный рейхсфлаг», которая быстро заняла баварское военное министерство на первом этапе неудавшегося мюнхенского путча 8–9 ноября¹⁶².

Гиммлер не был арестован после истории с путчем и имел возможность улучшить свои позиции в движении в то время, когда Гитлер сидел в тюрьме и ему было запрещено выступать, а нацистская партия находилась в разобранном состоянии. В то время он благоразумно связал свою карьеру с восходящей звездой Грегора Штрассера, став сначала его секретарем, а потом помощником регионального руководителя в двух разных районах и помощником начальника пропаганды рейха. Но он не был учеником Штрассера. Потому что к этому времени он попал под притяжение Гитлера, в меньшей степени после прочтения «Моей борьбы», к которой он написал несколько критических замечаний («первые главы о его собственной юности содержат много слабых мест»), и в большей — благодаря личным деловым встречам и, разумеется, посещениям выступлений Гитлера. Для молодого Гиммлера, которому шел лишь третий десяток, бессмысленно дрейфовавшего в зыбких морях слепопутческой военной политики, Гитлер стал вождем, которого можно было обожать, который все расставил по своим местам и указал цель. С 1925 г., когда он вступил в заново созданную нацистскую партию, Гиммлер становился все более безоговорочно преданным

нацистскому вождю, он держал портрет Гитлера в своем кабинете на стене, говорили, что однажды его видели разговаривающим с портретом¹⁶³.

В 1926 г. он женился, и его жена, бывшая на семь лет старше, сильно повлияла на него, привив интерес к оккультизму, траволечению, гомеопатии и другим нетрадиционным практикам. К некоторым из них он впоследствии прибегал сам и привлекал своих подчиненных. Хотя брак Гимmlера оказался не слишком удачным, эти увлечения сохранились. Постепенно отходя от обычной католической набожности своей молодости, он стал энтузиастом учения о «крови и земле», присоединился к артаманам, националистической группе, в которую также входил Рудольф Хёсс. Здесь Гимmlер попал под влияние Рихарда Вальтера Дарре, сторонника «нордических» расовых идей. Дарре, родившийся в Аргентине в 1895 г. и получивший образование в Уимблдоне в Англии, служил в немецкой армии во время войны. Потом он стал специалистом по селекционному разведению животных, что привело его к политике «крови и земли», хотя и не сразу в нацистскую партию. От Дарре Гимmlер воспринял строгое убеждение в превосходстве нордической расы над славянами, в необходимости сохранения чистоты крови и центральной роли крепкого немецкого крестьянства в обеспечении будущего немецкой расы. Движимый этой одержимостью крестьянством, Гимmlер некоторое время сам занимался фермерством, но не преуспел, потому что слишком много времени посвящал политическим кампаниям, да и вообще сельское хозяйство переживало не лучшие времена¹⁶⁴.

6 января 1929 г. Гитлер назначил верного Гимmlера главой своей личной службы охраны (Schutzstaffel — «охранные отряды»), которая стала известна под сокращенным названием СС (SS). Она берет свое начало из маленького отряда телохранителей Гитлера и охранников штаба партии, образованного в начале 1923 г. Этот отряд был заново сформирован в 1925 г., когда Гитлер понял, что коричневые рубашки под руководством Рёма никогда не будут безусловно преданы ему, чего он желал. Первым командиром отряда был Юлиус Шрек, командир Ударного отряда «Адольф Гитлер» до заключения Гитлера, и сначала он считался элитным формированием в отличие от других массовых

военизированных групп коричневых рубашек, куда принимали любого человека с улицы. В межпартийных интригах середины 1920-х гг. на посту лидера СС сменилось несколько человек, но никто из них не смог добиться независимости службы от набравших силу коричневых рубашек, хотя и удалось сделать из нее дисциплинированную, сплоченную группу людей. Гиммлер смог добиться того, что не удалось другим.

Презирая непрофессиональных людей, которые составляли первый поток рекрутов, он с пониманием дела взялся за создание действительно элитного подразделения, привлекая бывших армейских офицеров, таких как померанский аристократ Эрих фон дем Бах-Зелевски и ветеран добровольческого корпуса барон Фридрих Карл фон Эберштейн. Получив в распоряжение группу всего в 290 человек, Гиммлер увеличил численность СС до тысячи человек к концу 1929 г. и почти до трех тысяч годом позже. Невзирая на возражения руководства коричневых рубашек, он в 1930 г. убедил Гитлера сделать СС полностью независимой, создав для нее новую униформу, черную вместо коричневой, и новую строго иерархическую квазिवоенную структуру. По мере роста недовольства и нетерпения в организации коричневых рубашек и возрастания угрозы независимых действий Гитлер преобразовал СС в своего рода внутреннюю партийную полицию. Она стала глубже конспирировать свою деятельность и начала собирать конфиденциальные данные не только о врагах партии, но и о руководителях коричневых рубашек¹⁶⁵.

После создания СС структура нацистского движения приобрела завершенность. Гитлер добился успеха как политик в конце 1920-х частично в силу обстоятельств, частично благодаря своим способностям оратора и безжалостности, частично из-за того, что крайне правые отчаянно нуждались в сильном лидере, безоговорочном диктаторе движения, объекте быстро развивающегося культа личности. Внутри движения все еще сохранялась напряженность, которая разрешилась в драматических событиях следующих лет вплоть до 1934 г. Ведущие посты все еще занимали люди вроде Штрассера и Рёма, которые готовы были критиковать Гитлера и принимать отличную от его линию поведения при необходимости. Однако Гитлер собрал вокруг себя группу

людей, чья преданность ему была совершенно безусловной, таких как Геббельс, Геринг, Гиммлер, Розенберг, Ширах и Штрейхер. Под их руководством и благодаря организаторскому таланту Штрассера движение нацистов к середине 1929 г. стало структурированным, хорошо организованным политическим объединением, которое обращалось практически ко всем слоям населения. Его пропаганда быстро становилась все более изощренной. Его военное крыло бросало вызов коммунистическому Союзу бойцов красного фронта и социал-демократическому «Рейхсбаннеру» на улицах. Его внутренняя полиция, СС, должна была принимать меры против инакомыслящих и непокорных внутри собственных рядов. Оно модифицировало и улучшило грубую, весьма неоригинальную, но фанатически принимаемую идеологию, центром которой был экстремальный национализм, слепой антисемитизм и презрение к веймарской демократии. Оно было полно решимости получить власть с помощью народной поддержки на выборах и жестокого насилия на улицах, а затем разорвать мирные договоры 1919 г., перевооружиться и снова завоевывать потерянные территории на Востоке и Западе и создать «жизненное пространство» для колонизации этническими немцами Центральной и Восточной Европы.

Культ насилия, заимствованный не в последнюю очередь у добровольческих корпусов, играл в движении ключевую роль. К 1929 г. это можно было видеть каждый день на улицах. Нацистское движение презирало закон и не делало секрета из того, что сила всегда права. В нем также разработали способ ухода от юридической ответственности для партийного руководства за акты насилия и преступления, совершенные коричневыми рубашками или другими группами в составе движения. Ибо Гитлер, Геббельс, региональные руководители и другие только давали приказы, хотя и выраженные в гневных словах, но вместе с тем неопределенные, а их подчиненные прекрасно понимали, что подразумевается, и сразу же приступали к действиям. Такая тактика позволила убедить растущее число немцев из среднего и даже высшего класса, что Гитлер и его непосредственные подчиненные на самом деле не несли ответственности за кровопролития коричневых рубашек на улицах, в барных драках и потасовках

на митингах. Это впечатление усиливалось постоянными заявлениями со стороны руководителей коричневых рубашек, что они действуют независимо от боссов нацистской партии. К 1929 г. Гитлер получил поддержку, симпатии и в некоторой степени финансовую помощь некоторых очень влиятельных людей, особенно в Баварии. А его движение распространяло свои действия по всей стране, привлекая значительное число избирателей на свою сторону, в первую очередь разоренных кризисом мелких фермеров в протестантских областях на севере Германии и во Франконии.

Однако бесспорным остается факт, что осенью 1929 г. нацистская партия все еще в большой степени находилась на периферии политической жизни. Имея лишь горстку депутатов в рейхстаге, она вынуждена была конкурировать с другими маргинальными правыми организациям, часть из которых, например самопровозглашенная Экономическая партия, были крупнее и имели большую поддержку, но все они затмевались основными организациями правых, такими как Националистическая партия и «Стальной шлем». Более того, три ведущие партии в Веймарской республике: социал-демократы, центристы и демократы, хотя они и не имели больше поддержки большинства избирателей, все еще были в правительстве в составе Большой коалиции, в которую также входила партия давно работающего и крайне успешного министра иностранных дел Густава Штреземана. Кажется, республика пережила штормы начала 1920-х — инфляцию, французскую оккупацию, вооруженные конфликты, социальный беспорядок — и вошла в спокойные воды. Чтобы такая экстремистская партия, как нацистская, получила массовую поддержку, потребовалась бы катастрофа глобальных масштабов. Она наступила в 1929 г. вместе с внезапным крахом экономики в результате обвала фондовой биржи в Нью-Йорке.

ГЛАВА 4

К ЗАХВАТУ ВЛАСТИ

Великая депрессия

I

«После долгих, неопределенных скитаний от города к городу, — писал осенью 1931 г. безработный печатник из Эссена, — дорога привела меня в порт Гамбурга. И такое разочарование! Здесь еще больше отчаяния, еще сильнее безработица, чем я ожидал, и мои надежды найти здесь работу рухнули. Что мне делать? Здесь у меня не было родственников, и я не хотел стать бродягой». В конечном счете молодому человеку не пришлось влиться в постоянно увеличивавшиеся ряды бездомных, живущих на улицах и площадях городов Германии, — их было от 200 000 до полумиллиона в соответствии с официальными оценками, — ему удалось получить поддержку в системе добровольного труда, которая находилась в ведении Церкви¹. Однако большинство людей не были так удачливы. Безработица уничтожала самоуважение людей и подрывала их социальный статус, особенно у мужчин, в обществе, где престиж, признание и даже сама личность мужчины в первую очередь определялась его родом занятий. В начале 1920-х на перекрестках повсюду стояли мужчины с плакатами на шеях: «Ищу любую работу». Когда социологи спрашивали школьников, что они думают об этом, те часто отвечали, что безработные социально деградируют, «потому что чем дольше они находятся без работы, тем ленивее становятся и чувствуют себя все более униженными, потому что постоянно видят прилично одетых людей, и это их раздражает, потому что им тоже хочется этого, и они становятся преступниками... Они все равно хотят жить! А старшие часто больше не желают и этого»².

За детьми наблюдали, когда те играли в «поступление на работу», и если кого-нибудь из них в 1932 г. исследователь просил написать короткое автобиографическое сочинение, там всегда также упоминалось о безработице: «Мой отец без работы уже

больше трех лет, — писала одна четырнадцатилетняя школьница. — Мы раньше верили, что когда-нибудь отец найдет работу, но сейчас даже мы, дети, потеряли всякую надежду»³.

Длительная безработица по-разному влияла на людей. Молодежь по поводу перспектив поиска работы была настроена более оптимистично, чем люди среднего возраста. Чем дольше люди были без работы, чем сильнее их одолевало уныние. Опросы, проведенные летом 1932 г., выявили намного более мрачные настроения, чем восемнадцать месяцев назад. Люди откладывали планы вступления в брак, супруги отказывались заводить детей. Молодежь бессмысленно бродила по улицам, бездельничала дома, проводила дни напролет, играя в карты, шатаясь по городским паркам или бесконечно катаясь кругами на электричках берлинской кольцевой линии⁴. В такой ситуации действие часто казалось лучше бездействия, а скука оборачивалась разочарованием. Многие безработные, даже мальчики и девочки, пытались заработать себе на скудное пропитание торговлей вразнос, уличными выступлениями, уборкой квартир и любыми другими традиционными для экономических маргиналов способами. Группки детей слонялись около модных ночных клубов Берлина, предлагая «присмотреть» за машинами богатых людей — примитивная форма рэкета, которая практиковалась, хотя и в менее безобидной форме, и взрослыми. Неформальные туристические клубы и группы рабочей молодежи быстро превращались в так называемые «дикие стаи», банды подростков, которые собирались в заброшенных зданиях, искали еду в мусорках, занимались воровством, чтобы выжить, воевали с конкурирующими бандами и часто сталкивались с полицией. В целом уровень преступности не повышался так явно, как в период инфляции, однако в Берлине между 1929 и 1932 г. число арестов за воровство повысилось не меньше чем на 24 %. Проституция, и мужская и женская, шокирующая респектабельные классы своей открытостью, стала более заметным и распространенным явлением, которое в равной степени было порождено сексуальной терпимостью Веймарской республики и ее экономическим крахом. Уличная торговля переродилась в попрошайничество⁵. Немецкое общество, казалось, погружается в болото отчаяния и преступности.

В этой ситуации люди стали хвататься за спасительную соломинку политики: любая политическая доктрина, независимо от степени радикализма, была более симпатичной, чем безнадежный беспорядок, в котором люди оказались на тот момент.

Как возникла такая ситуация? Безработица уже была высока после экономических реформ, которые покончили с великой инфляцией в конце 1923 г. Однако в начале 1930-х ситуация неизмеримо ухудшилась. Восстановление немецкой экономики после инфляции финансировалось не в последнюю очередь крупнейшей мировой экономической системой — Соединенными Штатами. Процентные ставки в Германии были высоки, и деньги потекли в страну, однако, что важно, реинвестирование в основном приняло форму краткосрочных займов. Немецкая промышленность стала сильно зависеть от иностранного капитала на своем пути к рационализации и механизации. Такие производители, как компания Круппа и Vereinigte Stahlwerke, занимали очень большие суммы денег. Американские предприятия напрямую инвестировали германскую экономику, компания Форда владела заводами в Берлине и Кёльне, а General Motors купила автомобильный завод «Опель» в Руссельхейме, рядом с Франкфуртом, в 1929 г. Немецкие банки брали иностранные займы, чтобы самостоятельно инвестировать немецкий бизнес⁶. Эта ситуация изначально была весьма опасной для промышленности и банковской сферы Германии, и в конце десятилетия она обернулась катастрофой.

В ходе 1928 г. все ведущие промышленные державы начали устанавливать кредитно-денежные ограничения перед лицом надвигающегося экономического спада. Соединенные Штаты стали сокращать объемы иностранных займов. Такие меры были необходимы для сохранения золотых запасов, основы финансовой стабильности в эру золотого стандарта, когда стоимость валюты в любой стране была привязана к цене золота, как это было в Германии с момента наступления стабилизации. Когда отдельные страны начали разводить международные денежные мосты, для промышленности наступили суровые времена. В Германии в 1928–29 гг. практически не было роста промышленного производства, а к концу зимы число безработных составило почти два с половиной миллиона человек. Инвестиции резко

сократились, возможно, потому, что компании тратили слишком много средств на зарплаты и социальные платежи, однако более вероятно, что это произошло просто из-за недостатка капитала. Немецкое правительство столкнулось с трудностями привлечения денег за счет выпуска облигаций, потому что инвесторы помнили, что инфляция сделала с облигациями, выпущенными во время войны. Международные рынки практически не верили, что немецкое правительство сможет справиться с текущими экономическими проблемами. Вскоре стало очевидно, что их недоверие было полностью обоснованным⁷.

В Черный четверг 24 октября 1929 г. очевидные признаки финансового кризиса в Соединенных Штатах привели к панической распродаже ценных бумаг на Нью-Йоркской фондовой бирже. Цены на акции, по мнению многих и так завышенные, стали стремительно падать. В начале следующей недели, 29 октября, панические продажи Черного четверга возобновились в гораздо более серьезных масштабах, чем раньше, было продано 16,4 миллиона акций — рекорд, державшийся на протяжении ближайших четырех десятилетий⁸. Когда обезумевшие трейдеры дрались в попытках продать акции, пока те не обесценились окончательно, в помещении Нью-Йоркской фондовой биржи наблюдалось подлинное столпотворение. Однако эти трагические дни катастрофы были лишь началом продолжительного и неизбежного спада следующих трех лет. Биржевой индекс *New York Times*, достигший максимальной отметки в 452 пункта в сентябре 1929 г., снизился до 58 пунктов в июле 1932 г. 29 октября стоимость ведущих американских компаний упала на десять миллиардов долларов, что было в два раза больше всей денежной массы, имевшей хождение в США в то время, и почти равнялось объему средств, потраченных Америкой на финансирование своего участия в Великой войне. Компании разорялись одна за другой. Американский спрос на импортные товары рухнул. Инвестиции банков пропали, и они погрузились в глубокий кризис. И американские банки, видя увеличение своих убытков, начали требовать возврата краткосрочных займов, благодаря которым немецкая промышленность финансировалась в последние пять лет⁹.

Американские банки стали выводить свои капиталы из Германии в самый неудачный момент из возможных, именно тогда, когда уже слабеющая немецкая экономика нуждалась в резком стимуле, чтобы ее возродить. Теряя фонды, немецкие банки и компании пытались исправлять свой баланс, набирая еще больше краткосрочных кредитов. Чем чаще это происходило, тем менее стабильной становилась экономика и тем больше иностранных и внутренних держателей активов начинали переводить капиталы за границу¹⁰. Не имея возможности финансировать производство, фирмы стали проводить глобальные сокращения. Промышленное производство, и до этого уже находившееся в застое, теперь начало сокращаться умопомрачительными темпами. К 1932 г. оно упало на 40 % по отношению к уровню 1929 г., среди всех европейских стран только Австрия и Польша пережили подобный кризис. В других государствах спад составил не более четверти, а в Британии всего 11 %. Из-за изъятия фондов и краха компаний банки стали испытывать трудности. После банкротства ряда мелких банков в 1929—30 гг. разорились два крупнейших австрийских банка, а затем в июле 1931 г. под давление стали попадать большие немецкие банки¹¹. Коммерческие провалы множились. Попытка создать более крупный внутренний рынок, сформировав таможенный союз между Германией и Австрией, была пресечена международным вмешательством, поскольку имела под собой очевидные для всех политические цели — стремление к образованию политического союза между двумя странами, который запрещался Версальским мирным договором. Отброшенная обратно к своим собственным ресурсам немецкая экономика погрузилась в глубокую депрессию. Уровень безработицы теперь повышался практически по экспоненте. Когда миллионы людей в больших городах не имели заработка, значительно меньше денег стало тратиться на еду, вследствие чего и так жесткий сельскохозяйственный кризис усилился еще больше, а фермеры не могли избежать лишения права выкупа закладных и банкротства, поскольку банки требовали возврата кредитов, от которых зависело так много крестьян. Сельскохозяйственные рабочие теряли работу на фермах, а имения банкротились, так что в деревнях от безработицы страдали точно так же, как и в городах¹².

К 1932 г. примерно один рабочий из трех в Германии был зарегистрирован в службе занятости как безработный, а в таких промышленных областях, как Силезия и Рур, этот уровень был еще выше. Это категорически превосходило все предыдущие уровни безработицы, даже в самые худшие периоды спадов. Между 1928 и 1932 г. уровень безработицы в крупнейшем промышленном центре Германии, Берлине, вырос со 133 000 до 600 000 человек, в Гамбурге — с 32 000 до 135 000, а в промышленном центре Дортмунде в Рейнско-Рурском регионе — с 12 000 до 65 000. Очевидно, что самый страшный удар пришелся на промышленность, но свои места также потеряли и офисные работники, а всего к 1932 г. работы лишилось больше полумиллиона человек¹³. Такое увеличение безработицы было устрашающе быстрым. К зиме 1930—31 гг. было уже больше пяти миллионов безработных, немногим более, чем год спустя после начала депрессии. Через год это число увеличилось до шести миллионов человек. В начале 1932 г. сообщалось, что безработные и их домоладцы составляли около пятой части всего населения Германии, это в общей сложности примерно тринадцать миллионов человек¹⁴. Реальная цифра могла быть даже больше, поскольку женщинам, которые потеряли свою работу, часто не удавалось зарегистрироваться в качестве безработных¹⁵.

Эти ужасные цифры — только часть истории. Сначала многие миллионы других рабочих оставались на своих местах, получая меньшую зарплату, потому что работодатели сокращали рабочие часы и вводили сокращенный рабочий день в попытке приспособиться к снижению спроса. Потом многим квалифицированным рабочим или подмастерьям приходилось соглашаться на черновую и неквалифицированную работу из-за отсутствия работы по специальности. И таким еще везло. Источником настоящего отчаяния и страдания стал кризис, который начался во время уже достаточно серьезной безработицы в октябре 1929 г. и продолжался следующие три года без видимых признаков смягчения. Система соцподдержки, введенная несколько лет назад, была ориентирована на гораздо более низкие уровни безработицы, максимум 800 000 человек (сравните с шестью миллионами безработных в 1932 г.), и обеспечивала помощь только

в течение нескольких месяцев, а не трех лет и более. Ситуация только ухудшалась из-за того, что катастрофическое падение доходов населения привело к глобальному сокращению налоговых сборов. Многие муниципалитеты также столкнулись с проблемами, поскольку сами финансировали социальную сферу и другие программы, самостоятельно оформляя американские кредиты, которые теперь также надо было отдавать. В рамках системы помощи безработным бремя поддержки людей, оставшихся без работы, по истечении срока их страховки перекладывалось сначала на центральное правительство в виде «кризисных льгот», а затем через некоторое время ложилось на плечи местных властей в виде «обеспечения социальной поддержки безработных». Центральное правительство не желало принимать непопулярные меры, которые требовались, чтобы заполнить пробел. Работодатели чувствовали, что не могут увеличивать взносы, испытывая сложности в делах. А профсоюзы и рабочие не желали сокращения льгот. Проблема казалась неразрешимой. А страдали от этого безработные, которые видели, как постоянно сокращаются или ликвидируются их пособия¹⁶.

II

Чем крепче становилась хватка депрессии, тем чаще на улицах, площадях и в парках немецких городов встречались группы мужчин и банды мальчишек, слоняющиеся без дела и внушающие чувство опасности (так казалось людям из буржуазного общества, не привыкшим к такого рода зрелищам), а в воздухе витало предвкушение насилия и преступности. Еще более пугающими были попытки коммунистов, часто успешные, мобилизовать безработных для использования в своих политических целях. Коммунизм был типичной идеологией безработных. Агитаторы коммунистов вербовали молодых полупреступников из «диких стай», те организовывали забастовки против арендаторов в рабочих районах, где люди все равно едва могли оплачивать аренду жилья. Они провозглашали «красные кварталы», как, например, в пролетарском районе Берлина Веддинге, вселяя страх

в сердца некоммунистов, которые осмеливались забредать туда, иногда избивая их или угрожая оружием, когда знали, что те как-то связаны с коричневыми рубашками. Они называли некоторые пивные и бары своими, они привлекали на свою сторону детей из рабочих школ, заставляли заниматься политикой родительские организации и вызывали тревогу у учителей среднего класса, даже у тех, кто относил себя к левым. Для коммунистов поле классовой борьбы переместилось с их рабочих мест на улицу, когда все больше людей стали терять работу. Важнейшей задачей военизированной организации коммунистов, Союза бойцов красного фронта, стала защита пролетарской цитадели, при необходимости с применением насилия¹⁷.

Средний класс страшился коммунистов, и не только потому, что в политическом отношении они выражали социальную угрозу, которую представляли безработные, но и потому, что в начале 1930-х гг. их становилось все больше и больше. Их численность на национальном уровне подскочила со 117 000 в 1929 г. до 360 000 в 1932 г., а количество отдаваемых за них голосов увеличивалось с каждым выбором. В 1932 г. в районе на северо-западном побережье Германии, включая Гамбург и прилегающий прусский порт Альтона, меньше 10 % членов партии имели работу. По грубым оценкам, три четверти людей, вступивших в партию в октябре 1932 г., были безработными¹⁸. Основав «комитеты безработных», партия практически ежедневно проводила парады, демонстрации, «голодные марши» и другие уличные акции, которые часто заканчивались длительными столкновениями с полицией. Не упускалась ни единая возможность повысить температуру политической атмосферы, которую руководители партии все больше считали финальным кризисом капиталистической системы¹⁹.

Такое развитие событий привело к еще большему расколу между коммунистами и социал-демократами в последние годы республики. Уже дали всходы семена горечи и ненависти, посеянные событиями 1918–19 гг., когда члены добровольческих бригад на службе социал-демократического министра Густава Носке убили выдающихся коммунистических лидеров, в первую очередь Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Об этих убийствах открыто вспоминали на каждой церемонии в их память, прово-

димой коммунистической партией. К этому теперь добавилось вызывающее распри влияние безработицы: безработные коммунисты нападали на социал-демократов и членов профсоюзов, продолжавших работать, а социал-демократы все сильнее опасались жестоких и необузданных элементов, которые собирались под знаменами коммунистов. Дальнейшее возмущение было вызвано привычкой профсоюзных боссов социал-демократов указывать работодателям на коммунистов как на лишних рабочих, а также практикой работодателей увольнять сначала молодых, неженатых рабочих, а не взрослых и женатых, что опять же во многих случаях означало, что работу теряли члены коммунистической партии. Двойственное отношение среди рядовых коммунистов к социал-демократическим истокам рабочего движения приводило к противоречивым отношениям со «старшим братом» партии, в которых всегда желательно было следовать общим целям, но только в соответствии с собственными условиями коммунистов²⁰.

Корни коммунистического экстремизма уходили глубоко. Радикальные молодые рабочие особенно остро чувствовали, что социал-демократы их предали, их надежды на бескомпромиссную революцию, разоженные взрослым поколением социал-демократических активистов, разбились ровно тогда, когда они готовы были сбыться. Растущее влияние русской модели сплоченной тайной организации помогало укрепить дух солидарности и постоянной активности среди самых преданных сторонников. Представление о жизни преданного коммунистического активиста в годы Веймарской республики можно получить, ознакомившись с воспоминаниями Рихарда Кребса, моряка, родившегося в Бремене в 1904 г. в семье мореплавателя с социал-демократическими взглядами. Во время революции 1918–19 гг. юный Кребс находился в родном городе и лично видел жестокость ее подавления добровольческими бригадами. В Гамбурге Кребс участвовал в продовольственных бунтах и попал в компанию нескольких коммунистов в портовом районе. Столкновения с полицейскими укрепили в нем ненависть к ним и их начальникам, социал-демократическим управляющим города. Кребс позже рассказывал, как преданные коммунисты ходили на уличные демонстрации с кусками свинцовых труб,

заткнутыми за пояса, и камнями в карманах, готовые биться ими против полиции. Когда в дело вступала конная полиция, молодые активисты из Союза бойцов красного фронта начинали колоть ножами ноги лошадей, чтобы те понесли. В этой атмосфере конфликтов и насилия молодой и жесткий Кребс чувствовал себя как дома, и он присоединился к коммунистической партии в мае 1923 г., днем раздавая листовки в порту, а по вечерам посещая курсы базовой политической подготовки²¹.

Однако его понимание теории марксизма-ленинизма было примитивным:

Я был классово сознательным, потому что классовая сознательность была семейной традицией. Я гордился тем, что я рабочий, и презирал буржуазию. Я саркастически относился к традиционной респектабельности. У меня было одностороннее представление о справедливости, которое толкало меня в пучину безумной ненависти к тем, кого я считал ответственными за страдания и угнетение масс. Полицейские были врагами. Бога выдумали богачи, чтобы бедные смирились со своим бременем, и только трусы обращались к молитве. Любой работодатель был шакалом в человеческом обличье, злобным, вечно жрущим, вероломным и безжалостным. Я считал, что человек, сражающийся в одиночку, не может победить. Люди должны стоять плечом к плечу и драться вместе, чтобы сделать жизнь лучше для всех, кто занят полезным трудом. Они должны бороться всеми средствами, которые есть в их распоряжении, не стесняясь никаких незаконных поступков, если те способствуют достижению цели, никому не давая пощады, пока революция не восторжествует²².

Исполненный такого духа горячей преданности, Кребс возглавил вооруженное отделение Союза бойцов красного фронта в неудавшейся гамбургской революции в октябре 1923 г., когда коммунисты взяли штурмом полицейский участок и воздвигли баррикады²³. Неудивительно, что он посчитал необходимым бежать с поля боя после поражения восстания и вернуться к жизни моряка. Перебравшись в Голландию, а потом в Бельгию, он установил контакт с местными коммунистами. Практически сразу его познания в английском привели к тому, что один из тайных

агентов Советов, которые находились во многих филиалах партии (хотя, возможно, их было не так много, как он утверждал позже), отрядил его распространять коммунистическую пропаганду в Калифорнии. Там местные агенты партии приказали ему убить изменника, который, как считалось, предал партию. После срыва этой акции, на который, по его утверждению, он пошел сознательно, Кребс был арестован и заключен в тюрьму «Сен-Квентин». Когда в начале 1930-х его освободили, Кребс стал официальным служащим морского отделения Коминтерна, международной организации коммунистических партий по всему миру, управляемой из Москвы, и начал работать курьером в партии, перевоза деньги, листовки и многое другое из одной страны в другую, а затем из одной области Германии в другую²⁴.

Мемуары Рихарда Кребса, которые читаются, как захватывающий триллер, описывают коммунистическую партию как сообщество людей, связанных железными нитями дисциплины и верности, каждое действие которых диктуется агентами ГПУ, наследницы ЧК, которая за кулисами управляет всеми национальными организациями. Чувство, что Коминтерн стоит за забастовками, демонстрациями и попытками проведения революции во многих частях мира, вселяло ужас в сердца многих немцев среднего класса, даже несмотря на то, что такие действия практически всегда завершались провалом. Конспираторская структура Коминтерна и несомненное присутствие советских агентов в немецкой партии со времен Карла Радека явно подогревало беспокойство буржуазии. Однако Кребс рисует слишком идельную картину работы Коминтерна. В действительности забастовки, волнения трудящихся и даже стычки и бунты часто возникали из-за горячего нрава бойцов красного фронта, а не в силу планов, разработанных Москвой и ее агентами. А люди вроде Кребса не были какими-то особенными. Текучесть партийного состава составила более 50 % только в 1932 г. Это означало, что сотни тысяч безработных были достаточно близки к партии, чтобы вступить в нее по крайней мере на время, однако это также означало, что партия часто оказывалась неспособна обеспечивать верность большинства своих членов больше нескольких месяцев подряд. Старожилы вроде Кребса составляли твердый

и дисциплинированный, хотя и относительно немногочисленный костяк активистов, а Союз бойцов красного фронта становился все более профессиональной силовой структурой²⁵. В таких обстоятельствах слова имели большое значение. Коммунистическая риторика стала еще более яростной после провозглашения руководством в Москве в 1928 г. «третьего периода» Коминтерна. С этого момента партия направляла свою агрессию в основном против социал-демократов. Все немецкие правительства в ее глазах были фашистскими, фашизм был политическим выражением капитализма, а социал-демократы были «социальными фашистами», потому что они были главными сторонниками капитализма, отрывая рабочих от революционного пути и примиряя их с «фашистской» политической системой Веймара. Любой руководитель, пытавшийся поставить под сомнение эту идеологию, смещался с поста в партии. Приветствовалось все, что могло помочь свергнуть «фашистское» государство и его социал-демократических сторонников²⁶.

Руководителем коммунистической партии Германии в то время был функционер гамбургского профсоюза Эрнст Тельман. Сомнений относительно его рабочего прошлого ни у кого возникнуть не могло. Он родился в 1886 г., имел разные непродолжительные занятия, в частности работал на фабрике по производству рыбной муки и исполнял должность водителя фургона в прачечной, до того как его призвали на западный фронт в Первую мировую войну. Вступив в ряды социал-демократов в 1903 г., Тельман тяготел к левому крылу партии во время войны и занялся политической деятельностью во время революции 1918 г., присоединившись к «революционным уполномоченным» и став лидером Независимых социал-демократов в Гамбурге в 1919 г. Избранный в городской парламент в том же году, он присоединился к коммунистам, когда Независимые разделились в 1922 г., и стал членом национального Центрального комитета. В это время он продолжал работать чернорабочим в такой трудной области, как демонтаж судов. Необразованный, крепкий, инстинктивный революционер, Тельман воплощал в себе коммунистический идеал революционного рабочего. Он был кем угодно, кроме интеллектуала, он завоевывал симпатии своих пролетарских

слушателей не в последнюю очередь благодаря явной нелюбви к сложной терминологии марксизма — его речи были страстными, а не тщательно аргументированными, но для его слушателей это было признаком честности и искренности. Как руководителю партии и профессиональному политику, в середине и конце 1920-х и начале 1930-х гг. Тельману часто приходилось надевать воротничок и галстук, но во время выступлений он в какой-то момент снимал их, вызывая горячие аплодисменты одобрения, и снова становился простым рабочим. Его ненависть к генералам и начальникам была практически осязаемой, его недоверие к социал-демократам — очевидным.

Как и многие рядовые коммунисты, Тельман следовал линии партии, определяемой Коминтерном в Москве, со всеми ее изменениями, которые часто были связаны с теми или иными тактическими нуждами Сталина в его борьбе за маргинализацию своих внутрипартийных противников на родине. Вера Тельмана в революцию была абсолютной, и вследствие этого такой же была его вера в единственное революционное государство в мире — Советский Союз. Другие в партийном руководстве могли быть более утонченными, более безжалостными или более интеллигентными, как глава берлинского отделения Вальтер Ульбрихт, а Политбюро и Центральный комитет вместе с Коминтерном в Москве могли определять политику и стратегию партии, однако личная позиция Тельмана и его ораторский дар сделали его незаменимым человеком для партии, которая дважды выставляла его своим кандидатом на пост рейхспрезидента во время выборов в 1925 и 1932 г. Поэтому к началу 1930-х гг. он был одним из самых известных, а для среднего и высшего класса — одним из самых страшных политиков на земле. Возможно, он был больше чем просто номинальная фигура, но и меньше чем истинный лидер. Однако он сохранял личную приверженность немецкому коммунизму во всей его непримиримости и со всеми его амбициями, ведя партию к основанию «Советской Германии»²⁷.

Итак, под управлением такого человека, как Тельман, коммунистическая партия казалась растущей угрозой, не имеющей себе равных для многих людей из среднего класса Германии в начале 1930-х гг. Коммунистическая революция казалось впол-

не реальной. Даже трезвомыслящий и интеллигентный умеренный консерватор вроде Виктора Клемперера мог спрашивать себя в июле 1931 г.: «Падет ли правительство? Сменит ли его Гитлер или коммунисты?»²⁸ Однако во многих отношениях сила коммунистов была иллюзией. Идеологическое противопоставление социал-демократам обрекло их на бессилие. Враждебность коммунистов к Веймарской республике, основанная на экстремистском осуждении всех ее правительств, включая даже Большую коалицию под руководством Германа Мюллера, которую они называли фашистской, полностью ослепило их, не позволив увидеть угрозу политической системе Веймара со стороны нацистов. Оптимизм партии по поводу неминуемого полного и окончательного краха капитализма имел некоторые основания в жутких экономических условиях 1932 г. Однако в ретроспективе он кажется совершенно безосновательным. Более того, партия, состоявшая в основном из безработных, неизбежно испытывала нехватку ресурсов и ослаблялась бедностью и непостоянством своих членов. Члены коммунистической партии настолько нуждались в деньгах, что во время депрессии коммунистические пивные закрывались одна за другой или переходили в руки нацистов. Между 1929 и 1933 годом потребление пива на душу населения в Германии упало на 43 %, и в таких условиях на сцену выступили более обеспеченные коричневые рубашки. В бедных кварталах крупных городов Германии шла, как выразился один историк, «квазипартизанская война», и постоянное жестокое давление коричневых рубашек медленно вытесняло коммунистов обратно в их исконные места обитания — трущобы и многоквартирные дома. В этом конфликте симпатии буржуазии были на стороне нацистов, которые по крайней мере не угрожали уничтожить капитализм или создать «Советскую Германию» в случае победы на выборах²⁹.

III

Хотя от безработицы страдали в первую очередь представители рабочего класса, экономические трудности подрывали моральное состояние и других социальных групп. Задолго до нача-

ла депрессии, например, стремление сократить государственные расходы за счет сокращения штатов, которое должно было поддержать денежную стабилизацию после 1923 г., привело к волне увольнений с государственных постов. Между 1 октября 1923 г. и 31 марта 1924 г. было уволено 135 000 из 826 000 госслужащих, работавших в основном в системе железнодорожного сообщения, на почте, телеграфе и в печатных службах рейха, вместе с 30 000 из 61 000 офисных работников и 232 000 из 706 000 государственных чернорабочих³⁰. Следующая волна сокращений прошла после 1929 г. с общим снижением зарплат на госслужбе от 19 до 23 % в период между декабрем 1930 г. и декабрем 1932 г. Многие государственные служащие на всех уровнях были потрясены неспособностью их профсоюзов остановить увольнения. Их враждебное отношение к правительству было очевидно. Некоторые перешли в нацистскую партию, других отпугнула открытая угроза нацистов устроить чистку в рядах госслужащих, когда они придут к власти. В целом в результате этих сокращений среди государственных служащих широко распространились беспокойство и разочарование республикой³¹.

Многие работники из среднего класса чувствовали, что их социальное и экономическое положение находилось под угрозой при Веймарской республике. Офисные служащие теряли свои места или боялись, что это произойдет, учитывая, что банки и финансовые дома испытывали серьезные трудности. Туристические агентства, рестораны, магазины, торгово-посылочные фирмы — огромное число работодателей в секторе обслуживания столкнулись с тем, что покупательная способность населения значительно снизилась. Нацистская партия, теперь имевшая разветвленную структуру специальных подразделений, видела это и начала направлять свой призыв к профессиональным рабочим и среднему классу собственников. Это было воспринято как отступничество теми нацистами, которые, как Отто Штрассер, брат партийного организатора Грегора Штрассера, продолжали отстаивать «социалистический» аспект национал-социализма и чувствовали, что Гитлер предает их идеалы. Возмущенный поддержкой, которую Отто Штрассер и его издательский дом оказывали акциям левых, таким как забастовки, Гитлер вызвал

руководителей партии на совещание в апреле 1930 г. и выступил с осуждением взглядов Штрассера. Чтобы попытаться нейтрализовать его влияние, он назначил партийным министром пропаганды рейха Геббельса. Однако, к раздражению последнего, Гитлер откладывал окончательное решение этого вопроса, надеясь, что пропагандистский аппарат Отто Штрассера окажется полезным на региональных выборах в июне 1930 г. Только после выборов, а также после того, как Штрассер опубликовал нелицеприятный отчет о своей ссоре с Гитлером, тот решил очистить партию от него и его сторонников. Штрассер опередил это решение, подав в отставку 4 июля 1930 г. Это было серьезное разделение. Наблюдатели затаили дыхание, гадая, выживет ли партия после отпадения левого крыла. Однако обстоятельства сильно изменились с тех пор, как Геббельс с друзьями возродил партию в Руре с помощью социалистических девизов. Уход диссидентов показал, что Штрассер со своими идеями имел очень слабую поддержку в партии, даже его брат Грегор отказался от него. Отто Штрассер исчез из серьезной политики и провел остаток жизни в Германии, а потом в изгнании, придумывая мелкие, сектантские организации для распространения своих взглядов среди небольшого числа единомышленников³².

Избавившись от последних признаков «социализма», Гитлер приступил к установлению контакта с более консервативными правыми. Осенью 1931 г. вместе с националистами он присоединился к так называемому «Гарцбургскому фронту», опубликовав общую декларацию с Гугенбергом в Бад-Гарцбурге 11 октября, в которой заявлялось об их готовности объединиться в управлении Пруссией и рейхом. Хотя нацисты всячески подчеркивали свою независимость — например, Гитлер однажды отказался принимать парад «Стального шлема», — это стало знаком значительного расширения сотрудничества, первые шаги к которому были предприняты в ходе кампании против плана Юнга в 1929 г. В то же время Гитлер предпринимал серьезные усилия, чтобы убедить промышленников, что его партия не представляет для них угрозы. В своем выступлении перед примерно 650 бизнесменами в Клубе промышленников в Дюссельдорфе в январе 1932 г. он обвинял во всех бедах Германии марксизм — в своей

речи он не упомянул о евреях ни единого раза — и подчеркивал свою убежденность в важности частной собственности, тяжелого труда и должного вознаграждения для трудолюбивых и талантливых. Тем не менее, по его словам, экономические проблемы того времени можно было решить в основном политическими средствами. Идеализм, патриотизм и национальное единство должны были стать основой для экономического возрождения, и эту основу могло обеспечить национал-социалистическое движение, члены которого жертвовали своим временем и средствами, рисковали жизнями днем и ночью в борьбе против коммунистической угрозы³³.

Эти заявления, сделанные во время выступления, длившегося два с половиной часа, были крайне общими и не содержали никакой конкретной информации о том, что нацистская партия намерена сделать в области экономической политики. Они продемонстрировали социал-дарвинистское представление Гитлера об экономике, согласно которому ключом к успеху была борьба. Это не могло впечатлить его искушенную аудиторию. Ведущие промышленники были разочарованы. Нацисты потом объявили, что Гитлер наконец-то завоевал доверие крупного бизнеса. Однако конкретных свидетельств в пользу этого практически не было. Ни Гитлер, ни кто-либо еще не занялся кампанией по привлечению средств индустриальных воротил. В действительности после этого события некоторые нацистские издания по-прежнему продолжали нападки на трасты и монополии, тогда как другие нацисты пытались завоевать другую аудиторию, защищая права рабочих. Когда коммунистические газеты описали это собрание с точки зрения теории заговора, назвав его наглядной демонстрацией того факта, что нацизм был креатурой крупного бизнеса, нацисты приложили все усилия, чтобы отвергнуть это, опубликовав фрагменты речи в качестве доказательства независимости Гитлера от столицы.

Результатом всего этого стало понимание того, что бизнес не был готов вкладывать в нацистскую партию большее количество денег, чем это было раньше. Хотя один или двое человек вроде Фрица Тиссена прониклись энтузиазмом и предоставили средства для субсидирования экстравагантных вкусов руководителей

нацистов, таких как Герман Геринг и Грегор Штрассер. А в целом та речь была обнадеживающей. Когда пришло время, она намного упростила обращение крупного бизнеса к поддержке нацистской партии. Но в январе 1932 г. до этого было еще далеко. На тот момент нацистская партия продолжала, как и ранее, покрывать свои расходы в основном за счет добровольных пожертвований своих членов, за счет входных взносов на собраниях, за счет доходов от прессы и публикаций и за счет пожертвований от мелких фирм и предприятий, а не от крупных компаний. Антисемитизм, о котором Гитлер, очевидно, забыл упомянуть в разговоре с представителями крупных промышленных фирм, должен был найти гораздо большую поддержку среди такого контингента³⁴. Тем не менее теперь у нацизма была респектабельная внешность наряду с грубой, и он завоевывал симпатии у элиты консерваторов и националистов. Германия все глубже погружалась в депрессию, и растущие массы граждан среднего класса начинали рассматривать молодой динамизм нацистской партии как возможный способ выхода из этой ситуации. Все теперь зависело от того, смогут ли хрупкие демократические институты Веймарской республики выдержать это напряжение и сможет ли правительство рейха предложить правильную политику, которая позволит не допустить их одновременного коллапса.

Кризис демократии

I

Первой политической жертвой депрессии стало правительство Большой коалиции, возглавляемое социал-демократом Германом Мюллером, одно из самых стабильных и долго работавших правительств республики, пришедшее к власти после выборов 1928 г. Большая коалиция стала редкой попыткой найти компромисс между идеологическими и социальными интересами социал-демократов и «буржуазных» партий за исключением националистов. Она не распалась за счет общего стремления утвердить план Юнга, которое сохранялось несмотря на жесткую оппозицию националистов и крайне правых. Когда план был одобрен в конце 1929 г., мало что могло заставить участников коалиции по-прежнему держаться вместе. После начала депрессии в октябре 1929 г. основные партии в коалиции не смогли договориться о том, как следует решать быстро усугублявшуюся проблему безработицы. Лишенная умеренного влияния своего бывшего лидера Густава Штресемана, который умер в октябре 1929 г., Народная партия вышла из коалиции после отказа социал-демократов сократить льготы для безработных, и правительство было вынуждено подать в отставку 28 марта 1930 г.³⁵

Однако в то время лишь немногие догадались, что это стало началом конца веймарской демократии. Начиная с этого момента ни одно правительство не имело поддержки парламентского большинства в рейхстаге. В действительности те, кто имел влияние на президента Гинденбурга, рассматривали развал Большой коалиции как шанс установить авторитарный режим за счет использования президентского права управления на основе чрезвычайных полномочий. Особенно влиятельной в этом отношении была немецкая армия в лице министра обороны, генерала Вильгельма Грёнера. Его назначение на этот пост

в январе 1928 г. вместо демократического политика Отто Гесслера сигнализировало об освобождении армии от любого рода политического контроля и было подкреплено правом командующего армии обращаться непосредственно к президенту, в обход правительства. Несмотря на ограничения, установленные Версальским мирным договором на численность и вооружения, армия долгое время оставалась самой влиятельной, дисциплинированной и хорошо вооруженной силой в Германии. Пока гражданские институты всех видов, от политических партий до самой законодательной власти, разрушались, армия оставалась единой. Большую часть 1920-х гг. после поражения Капповского путча она вела себя тихо, сконцентрировавшись на незаконном наращивании вооружений и численности, но в кризисе начала 1930-х она увидела свой шанс. По мнению таких людей, как политический советник Грёнера полковник, а впоследствии генерал Курт фон Шлейхер, теперь настал момент, когда можно было провести перевооружение и реорганизацию Германии в качестве великой державы, освободив страну от оков парламентских коалиций. И чем больше Германия погружалась в политический хаос и насилие, тем более важной становилась позиция армии. Уже осенью 1930 г. Грёнер говорил своим офицерам: «Теперь в политическом процессе Германии ничего нельзя изменить без решающего слова армии, положенного на весы»³⁶. Армия использовала свое влияние в политическом процессе сначала для того, чтобы защититься от сокращения своего бюджета, что ей успешно удалось. Пока везде вокруг финансирование государственных институтов урезалось, армейский бюджет оставался в неприкосновенности. Однако армия все еще в целом оставалась далекой от нацистской партии. Старые офицеры, воспитанные в суровых традициях прусского монархизма, в общем не принимали популистских призывов радикальных националистических политиков. Однако даже здесь были некоторые лица, вроде полковника Людвига Бека, которые открыто поддерживали нацистов³⁷. А молодые офицеры были гораздо более восприимчивы к нацистской пропаганде. Уже в 1929 г. довольно много младших офицеров участвовали в дискуссиях с нацистами и обсуждали перспективы «национальной револю-

ции». Военное руководство в лице Грёнера и Шлейхера жестко боролось с такими тенденциями с помощью контрпропаганды. Кроме того, оно арестовало трех лидеров таких дискуссионных клубов и отдало их под трибунал в 1930 г. за подготовку акта государственной измены. Этот процесс возмутил других молодых офицеров, даже тех, кто не был склонен сотрудничать с нацистами. Армейское руководство, писал один из них, опустилось до уровня «ноябрьских предателей» и отдало под трибунал людей, единственным мотивом которых была «бескорыстная любовь к родине». Он добавлял, что девяносто процентов офицерского состава придерживалось того же мнения³⁸.

Этот трибунал предоставил возможность Гитлеру выступить в качестве свидетеля с получившей широкую известность речью, когда его вызвал Ганс Франк, нацистский адвокат, защищавший одного из обвиняемых. Он заявил, что нацистская партия не имела намерений совершить государственный переворот или добиться разложения армии изнутри. Ее задачей был приход к власти законным путем, и он исключал тех, кто, как Отто Штрассер, призывал к революции. В будущем партия должна была получить большинство на выборах и сформировать законное правительство. И тогда, провозгласил он под одобрительные восклицания зрителей, настоящие предатели, «ноябрьские преступники» 1918 г., будут отправлены под суд, и «покатятся головы». Но до тех пор партия намеревалась придерживаться закона. Суд заставил Гитлера поклясться в правдивости его свидетельства под присягой. «Теперь мы полностью законопослушны», — сказал Геббельс. Путци Ханфштенгль, недавно назначенный секретарем Гитлера по связям с иностранной прессой, позаботился о том, чтобы эта речь разошлась по всему миру. Он продал три статьи Гитлера, в которых в очень аккуратных выражениях разъяснялись цели и методы нацистской партии, Уильяму Рэндольфу Херсту, американскому медиамагнату, за 1000 рейхсмарок каждую. Эти деньги позволили Гитлеру всегда использовать отель «Кайзерхоф» в центре Берлина в качестве своей штаб-квартиры, когда он останавливался в столице. В самой Германии заверения Гитлера развеяли страхи многих немцев из среднего класса относительно намерений нацистской партии³⁹.

Однако суд не был впечатлен выступлением Гитлера, которому сделали замечание за недопустимое использование положения свидетеля, и приговорил молодых офицеров к восемнадцати месяцам заключения, уволив двух из них со службы в армии⁴⁰. Консерватизм судебной системы обязательно привел бы к судебному решению в пользу армии. Тем не менее эти приговоры не остановили молодых офицеров от дальнейших заигрываний с нацизмом. Попытки Шлейхера противостоять таким идеям, усмирить радикализм молодых офицеров и восстановить политическую дисциплину в армии оказались совершенно неэффективными, не в последнюю очередь потому, что в кругу офицеров он открыто признавал, что симпатизировал «национальной части» программы нацистов, и особенно поддерживал «волну возмущения, которую движение национал-социалистов поднимало против большевиков, предательства, грязи и пр.» «Здесь, — говорил он, — кампания национал-социалистов имела несомненно вдохновляющие результаты»⁴¹. Симпатия к нацистам означала сотрудничество с ними, но высокомерие и самомнение армейских руководителей были настолько велики, что они все еще считали, что могли подчинить нацистов своей воле и сделать их своими военными и политическими помощниками, как это получилось со многими другими военизированными группировками в начале 1920-х. Время показало, насколько ошибочной была такая политика.

Новая политическая позиция армии нашла выражение в назначении Гинденбургом, действовавшим в первую очередь по совету старших офицеров, включая Шлейхера, преемника Мюллера на пост канцлера. С самого начала не было попыток образовать правительство, которое бы полагалось на демократическую поддержку партий, представленных в рейхстаге. Вместо этого предполагалось учредить «правительство экспертов» с намерением избежать прений в рейхстаге благодаря праву Гинденбурга принимать решения на основе чрезвычайных полномочий. Разумеется, сфера использования чрезвычайных полномочий была ограничена, и многие решения, в первую очередь принятие бюджета, должны были согласовываться с рейхстагом. Были приняты меры, которые помогли сделать так, что подобные действия не были

восприняты как свидетельство перехода к авторитарному режиму правления. Новое правительство включало таких известных политиков рейхстага, как Йозеф Вирт, бывший рейхсканцлер от центристской партии, Герман Дитрих от демократов (переименованных в Государственную партию в июле 1930 г.), Мартин Шиле от националистов, Юлиус Куртиус от Народной партии и Виктор Бредт от небольшой Экономической партии. Но в нем не было социал-демократов, которым Гинденбург и его советники не хотели вверять чрезвычайные полномочия. А без социал-демократов у него не было поддержки парламентского большинства. Однако, казалось, это больше никого не волновало.

Руководителем нового правительства стал человек, назначение которого рейхсканцлером позже оказалось роковым решением. На первый взгляд, выдвижение Генриха Брюнинга, родившегося в 1885 г., на пост рейхсканцлера было, с точки зрения демократов, разумным. Руководитель фракции центристской партии в рейхстаге, он представлял политическую силу, которая больше, чем какая-либо другая, была опорой парламентской демократии в Веймарской республике. Однако уже во время его назначения центристы под влиянием своего нового лидера прелата Людвиг Кааса склонялись к более авторитаристской позиции и больше сосредотачивались на защите интересов католической церкви. Более того, сам Брюнинг был крайне ненадежным сторонником веймарской демократии. В прошлом военный офицер, он был шокирован ноябрьской революцией и оставался стойким монархистом всю свою жизнь. В своих мемуарах он называл восстановление монархии своей главной задачей после занятия поста канцлера. Однако таким образом он скорее пытался продемонстрировать связность своей политической карьеры, которая, как и у многих других политиков того времени, в основном определялась текущими задачами⁴². Несмотря на внутреннее убеждение, что возврат к бисмарковской системе будет лучше для всех, он не имел подробного плана по восстановлению монархии, не говоря уже о возвращении кайзера на престол. Тем не менее в его сердце царили авторитарные инстинкты⁴³. Он планировал реформировать конституцию, сократив полномочия рейхстага и совместив посты рейхсканцлера

и прусского министра-президента, таким образом ликвидировав доминирование социал-демократов в крупнейшей земле Германии. У Брюнинга не было достаточной поддержки со стороны Гинденбурга, чтобы реализовать эту идею, но она оставалась на повестке дня, доступная для любого, кто был готов ее воспринять. Брюнинг также начал ограничивать демократические права и гражданские свободы⁴⁴. В марте 1931 г., например, он предпринимал решительные меры по ограничению свободы прессы, особенно когда та печатала критику его собственной политики. К середине июля либеральная *Berliner Tageblatt* («Берлинская ежедневная газета») сообщала, что по всей стране закрывалось до ста газет каждый месяц. В 1932 г. коммунистическая газета «Красный флаг» запрещалась чаще одного раза в три дня. Свобода прессы была серьезно скомпрометирована задолго до прихода к власти нацистов⁴⁵.

Таким образом, в результате именно Брюнинг начал разрушение демократических и гражданских свобод, которое с таким энтузиазмом продолжилось при нацистах. Некоторые утверждали, что его изрядно критиковавшаяся экономическая политика во время кризиса была частично нацелена на ослабление профсоюзов и социал-демократов, двух основных сил, которые поддерживали веймарскую демократию на плаву⁴⁶. Если говорить точно, Брюнинг не был диктатором, а его назначение не означало конец веймарской демократии. Брюнинг не добился бы своего высокого положения в центристской партии, не став знатоком политического расчета и маневра и опытным человеком в создании политических коалиций и альянсов. Он заработал хорошую репутацию как специалист по финансам и налогам, а в 1930 г. отчетливо чувствовалась необходимость иметь у руля человека, умеющего принимать решения в таких зачастую весьма сложных технических областях. Однако после 1930 г. пространство для маневра стремительно уменьшалось, не в последнюю очередь из-за его катастрофических политических просчетов. И даже его самые верные защитники никогда не считали его харизматичным или вдохновляющим лидером. С суровой внешностью, замкнутый, непроницаемый, склонный принимать решения без достаточных консультаций, отрицавший силу красноречия, Брюнинг

не был человеком, который мог бы завоевать поддержку массового электората. Его все более пугали экономический хаос и политическое насилие, ввергающие страну в кризис, масштабы которого превосходили даже кризис 1923 г.⁴⁷

II

Основной задачей Брюнинга было справиться с быстро ухудшавшейся экономической ситуацией. Он решил добиться этого за счет радикальных дефляционных мер, в первую очередь за счет сокращения государственных расходов. Доходы государства быстро падали, а возможностей займа для исполнения государственных финансовых обязательств практически не было. Более того, когда после великой инфляции 1923 г. немецкую валюту удалось стабилизировать за счет ее привязки к цене золота, было совершенно неясно, насколько правильным был уровень стабилизации. Однако достигнутые показатели считались неприкосновенным, поэтому единственным способом работы с валютой, оказавшейся переоцененной, поскольку ее резервы истощались в связи с дефицитом платежей, было сокращение цен и зарплат и повышение процентных ставок внутри страны⁴⁸. Кроме того, над экономической сценой Германии все еще висел призрак репараций, даже несмотря на их реструктуризацию и в конечном счете значительное сокращение в рамках плана Юнга летом 1930 г. Брюнинг надеялся снизить внутренние цены в Германии, сократив спрос, и таким образом повысить конкурентоспособность экспортных товаров на международном рынке — политика, полностью приветствовавшаяся экспортными промышленниками, которые были среди его самых активных сторонников⁴⁹. Это была не слишком реалистичная политика во время беспрецедентного падения мирового спроса.

Сначала начались сокращения государственных расходов. Ряд мер, завершившихся изданием чрезвычайных декретов от 5 июня и 6 октября 1931 г., разными способами сокращали льготы по безработице, ограничивали период подачи заявок на такие льготы и вводили обязательные проверки на нуждаемость

в большинстве случаев. Люди, долгое время находившиеся без работы, таким образом, видели, как их уровень жизни постоянно снижается: от выплат страховки по безработице к кризисным льготам от государства, потом к соцподдержке со стороны местных властей и наконец к отсутствию какой-либо помощи. В конце 1932 г. только 618 000 человек получали страховку по безработице, 1 230 000 — кризисные льготы, 2 500 000 — соцподдержку, и было более миллиона человек, для которых установленный теперь срок безработицы истек и которые, следовательно, не имели никакого регулярного дохода⁵⁰. Какими бы ни были более далекие цели Брюнинга, усугублявшаяся бедность делала экономическую ситуацию все хуже. Люди, у которых едва хватало средств, чтобы покупать товары первой необходимости для себя и своих семей, вряд ли могли тратить достаточно денег, чтобы стимулировать восстановление промышленности и сектора обслуживания. Более того, страх перед инфляцией был так силен, что даже без международных соглашений (таких, как план Юнга), которые зависели от сохранения стоимости рейхсмарки, девальвация (самый быстрый способ стимулировать экспорт) была бы крайне рискованной с политической точки зрения. В любом случае Брюнинг отказался от нее, потому что хотел продемонстрировать международному сообществу, что репарации были причиной бед и страданий в Германии⁵¹.

Однако летом 1931 г. ситуация изменилась. Новый кризис ударил по экономике, когда утечка капитала достигла новых высот. 13 июля кризис привел к краху «Данат-банка» (Дармштадтский и Национальный банки), который сильно зависел от иностранных займов, а в целом стал угрожать всей кредитной системе⁵². Невозможность спасти немецкое правительство с помощью иностранных займов в любом случае стала очевидной: по одной оценке, объем средств, необходимых для покрытия бюджетного дефицита в Германии, был бы больше всего золотого запаса Соединенных Штатов. Международное финансовое сотрудничество оказалось невозможным в жестких условиях, установленных золотым стандартом. Брюнинг и его советники не нашли другой альтернативы, кроме как сделать рейхсмарку неконвертируемой — шаг, который они до сих пор не хотели предпринимать

из-за опасения, что это вызовет инфляцию. Таким образом, с этого момента рейхсмарку уже нельзя было обменивать на иностранную валюту⁵³.

Это сделало золотой стандарт бессмысленным для Германии, что позволило проводить более гибкую денежную политику и увеличить валютные поступления, которые, по крайней мере теоретически, могли стабилизировать финансовую ситуацию и дать правительству возможность начать восстановление прежнего уровня экономики за счет различных схем создания рабочих мест⁵⁴. Роковым стал отказ Брюнинга идти на этот шаг, потому что он боялся, что появление новых денег, не обеспеченных золотом, может привести к инфляции. Из всех долговременных эффектов немецкой инфляции этот, пожалуй, был самым губительным. Однако это была не единственная причина, по которой Брюнинг настаивал на своей дефляционной политике долгое время после того, как стали доступны иные альтернативы. Потому что он также надеялся использовать постоянно высокий уровень безработицы для окончательного разрушения веймарской системы соцобеспечения, снижения влияния профсоюзов и, таким образом, ослабления оппозиции по отношению к его планам по реформе конституции в направлении авторитаризма и реставрации монархии⁵⁵.

Банковский кризис подарил Брюнингу еще одну карту, которую он не захотел использовать. Ввиду утечки иностранного капитала из немецкой экономики весной и в начале лета 1931 г. выплаты репараций вместе с другими международными перемещениями капитала были приостановлены в соответствии с мораторием Гувера, принятым 20 июня 1931 г. Это устранило еще один политический фактор, ограничивавший свободу маневра немецкому правительству. До этого момента практически любые решения правительства в экономической сфере, например повышение налогов или другое увеличение доходов государства, рисковали вызвать на себя обвинения крайне правых в стремлении исполнять соглашения по репарациям. Теперь это больше не действовало. Однако для Брюнинга этого было недостаточно. Все еще было возможным, что после окончания кризиса мораторий будет снят и требования по выплатам репараций будут

восстановлены⁵⁶. Поэтому он не предпринял ничего, несмотря на то что средства для спасения были в его руках, а среди населения начинали звучать голоса в пользу стимулирования спроса за счет создания государственных рабочих мест⁵⁷.

Дефляционная позиция Брюнинга была непоколебима. События 1931 г. сделали депрессию еще хуже, чем раньше. И она не демонстрировала никаких признаков завершения. Брюнинг сам заявил народу, что ожидает ее продолжения до 1935 г. Такая перспектива для многих, и не только безработных и нуждающихся, была слишком страшной, чтобы примириться с ней⁵⁸. Вскоре Брюнинга, издавшего еще один чрезвычайный декрет от 8 декабря, в котором он требовал сократить зарплаты до уровня 1927 г. и провести снижение некоторых цен, стали называть «голодным канцлером»⁵⁹. Сатирики сравнивали его с серийным убийцей 1920-х гг. Фрицем Харманом, который имел обыкновение расчленять тела своих жертв, и это сравнение дало жизнь детской страшилке, которой пугали маленьких ребятишек и которую до сих пор помнят в Германии:

Немногожко подожди, вот-вот
Герр Брюнинг за тобой придет
С девятым канцлерским декретом
И превратит тебя в котлету⁶⁰.

Девятый чрезвычайный декрет так и не появился, но даже после издания четырех декретов Брюнинг оказался самым непопулярным канцлером, который был в Веймарской республики до этого времени⁶¹.

III

Как и многие традиционалисты-консерваторы, Брюнинг хотел обуздать или лишить силы яростный радикализм правых экстремистов и временами выказывал определенное мужество в таких попытках. Однако он так же, как и они, недооценивал его силу и влияние. Его приверженность идеалам прусского бла-

гочестия, объективности, беспристрастности и бескорыстного служения стране происходила не в последнюю очередь из патристических традиций центристской партии после атаки Бисмарка на предполагаемую национальную измену католиков в 1870-е гг. Она рождала в нем постоянное недоверие к партийной политике и давала ему инстинктивную веру в политическую надежность прусской политической иконы, какую являл собой президент Гинденбург, — веру, которая в конечном счете была полностью утрачена⁶². Более того, это было не единственным роковым просчетом Брюнинга. С самого начала, чтобы добиться сотрудничества от социал-демократов, главной оппозиционной силы, он грозился применить право Гинденбурга, предоставляемое ему 25-й статьей конституции, и объявить новые выборы в рейхстаг. Когда они объединились с националистами и коммунистами, отказываясь утвердить жестко дефляционный бюджет, он не колебался по поводу применения этого права и распустил рейхстаг. Игнорируя данные местных и региональных выборов, на которых нацисты получили массовую поддержку, социал-демократы полагали, что избиратели по-прежнему будут голосовать так же, как раньше, и надеялись добиться результата, который обеспечит достаточную поддержку их идеям. Как и многие немцы, Брюнинг и его политические оппоненты слева все еще не могли увидеть в экстремистской риторике и тактике уличного террора нацистов что-либо другое, кроме доказательства политической маргинальности. Они не придерживались принятых правил политической борьбы, поэтому не могли рассчитывать на успех⁶³.

Избирательная кампания проводилась в атмосфере беспрецедентного лихорадочного возбуждения. Геббельс и нацистская партия делали все возможное. В каждом выступлении, которые в больших городах собирали толпы до 20 000 человек, Гитлер вещал о несправедливостях Веймарской республики, о ее роковой внутренней разделенности, о многочисленности враждующих фракций и эгоистичных партий, об экономическом провале и национальном унижении, к которому привела политика правительства. Вместо этого, восклицал он, демократия будет побеждена и снова воцарится власть одного человека. Революционеры 1918 г., спекулянты 1923 г., предатели, поддерживавшие план Юнга,

социал-демократические карьеристы на государственной службе («революционные паразиты») — все они будут изгнаны. Гитлер и его партия предлагали неясную, но манящую картину объединенной и сильной Германии, движения, которое перешагнуло социальные границы и одержало верх над социальными конфликтами, расового единства всех немцев, работающих вместе, нового рейха, который возродит экономическую мощь Германии и восстановит положение страны в мире, принадлежащее ей по праву. Эта идея имела большое влияние на многих, кто с ностальгией вспоминал о рейхе, созданном Бисмарком, и мечтал о новом лидере, который воскресит потерянную славу Германии. В ней объединялось все, что многими людьми считалось негативными качествами республики, и им предоставлялась возможность показать всю глубину своего разочарования, проголосовав за движение, которое противостояло республике во всех отношениях.

Ниже этого очень общего уровня аппарат нацистской пропаганды умело целил в отдельные группы немецкого электората, обучая активистов работать с разными типами аудитории, обеспечивать заблаговременную интенсивную рекламу собраний, подбирать темы для отдельных мероприятий и выбирать ораторов. Иногда местные ненацисты и известные сторонники из консервативных кругов выступали на одной платформе вместе с ведущими нацистами. Разветвленная организация партийных отделений соответствовала растущему в ходе депрессии разделению немецкого общества на конкурирующие группы по интересам и могла обращаться к конкретным избирательным категориям. Антисемитские девизы использовались при работе с группами, которые готовы были их воспринять, а там, где они бы очевидно не сработали, о них забывали. Нацисты меняли тактику в зависимости от получаемой реакции, они уделяли большое внимание своей аудитории, печатали самые разнообразные плакаты и листовки, предназначенные для завоевания симпатий других групп электората. Они организовывали сеансы кино, певческие собрания и съезды, приглашали духовые оркестры, проводили демонстрации и парады. Эта кампания велась под руководством имперского руководителя пропаганды Йозефа Геббельса. Из его штаб-квартиры в Мюнхене шел постоянный поток директив

местным и региональным отделениям партии, часто со свежими лозунгами и материалами для кампании. Когда кампания достигла своего апогея, нацисты, приверженные своей цели даже больше, чем коммунисты, превзошли все остальные партии в своем постоянном буйном активизме и интенсивности пропагандистских усилий⁶⁴.

Результаты выборов в рейхстаг в сентябре 1930 г. оказались шокирующими практически для всех и стали во многих отношениях решающим ударом по политической системе Веймарской республики. Действительно, центристы, основная парламентская сила, стоявшая за правительством Брюнинга, могли быть вполне довольны увеличением количества своих голосов с 3,7 до 4,1 миллиона, что дало им 68 мест вместо прежних 62. Основные оппоненты Брюнинга, социал-демократы, потеряли десять мест, сократив свое представительство со 153 до 143 человек, но все равно оставались самой большой партией в законодательных органах. В этом отношении выборы не давали Брюнингу поводов для беспокойства. Однако партии центристского и правого толка, на поддержку которых Брюнинг мог рассчитывать при формировании своего правительства, понесли катастрофические потери: число мест националистов упало с 73 до 41, Народной партии — с 45 до 31, Экономической партии (недавно образованной особой группы, представлявшей интересы среднего класса) — с 31 до 23, а Государственной партии — с 25 до 20. Таким образом, партии, представленные в первом правительстве Брюнинга, потеряли 56 из 236 мест, сократив свое членство до 183 депутатов. И даже не все из них твердо поддерживали канцлера: представители Народной партии разошлись в вопросе о его поддержке, а лидер националистов Альфред Гугенберг едко критиковал правительство Брюнинга и исключил из своей партии умеренных депутатов рейхстага, которые все еще хотели предоставить ему шанс. После сентября 1930 г. Гугенберг практически не имел оппозиции среди националистов в своих попытках сотрудничать с национал-социалистами с целью свергнуть республику и заменить рейхсканцлера кем-то еще более правым по убеждениям⁶⁵.

Как видно, политические силы, от которых можно было ожидать, что они будут оказывать постоянное и упорное

противодействие правительству Брюнинга и всем его действиям в надежде ускорить смерть республики, значительно усилили свои позиции после выборов 1930 г. Коммунисты, державшиеся на поверхности благодаря своей популярности среди безработных, увеличили свое представительство с 54 до 77 мест. Однако наибольший шок вызвало увеличение числа мест нацистов. В 1928 г. на выборах в рейхстаг нацистов поддержали только 0,8 млн человек, что дало им лишь 12 мест в национальном законодательном собрании. Теперь в сентябре 1930 г. число их голосов увеличилось до 6,4 млн, и места в рейхстаге получили 107 нацистов. «Фантастика, — торжествующе писал Йозеф Геббельс в своем дневнике 15 сентября 1930 г., — невероятный успех... Я этого не ожидал»⁶⁶. Симпатизирующие газеты назвали этот результат «мировой сенсацией», ознаменовавшей новый этап в истории Германии. Только коммунисты попытались отмахнуться, назвав это случайностью («за которой последует только падение и крах»)⁶⁷.

Вместе с тем успех нацистов отражал глубокую обеспокоенность многих избирателей. В некоторых сельских избирательных округах на севере нацисты победили с подавляющим преимуществом: 68 % в Вифельштеде в округе Везер-Эмс, 57 % в Брюнене в Западном округе Дюссельдорфа, 62 % в Шлезвиге в Шлезвиге-Гольштейне⁶⁸. В некоторой степени Брюнинг мог предвидеть это, поскольку на выборах в законодательные собрания земель и в городские советы по всей Германии нацисты заметно усилили свои позиции с 1928 г. Поэтому его шансы добиться от выборов 1930 г. того, чего он хотел, были мизерными еще до начала кампании. Триумф нацистов на выборах в рейхстаг превзошел любые ожидания. Действительно, он намного превышал ожидаемый эффект от нацистской пропаганды, и партия набрала от 25 до 28 % голосов в отдаленных сельских областях протестантского севера, куда ее избирательная кампания практически не доходила⁶⁹.

Как можно объяснить такой уникальный успех? Нацистов считали, в особенности марксисты всех мастей, представителями нижних слоев среднего класса, но на выборах они, безусловно, вырвались за пределы этой избирательной группы и преуспели в завоевании поддержки не только среди офисных работников, лавочников, мелких бизнесменов, фермеров и других подобных

групп, но и среди избирателей, стоявших гораздо выше на социальной лестнице, — профессиональных рабочих, торговцев и буржуазии⁷⁰. Именно нацистам в первую очередь сыграла на руку перегретая политическая атмосфера начала 1930-х, потому что все больше людей, ранее не голосовавших, начинали приходить на избирательные участки. Примерно четверть из тех, кто голосовал за нацистов в 1930 г., раньше не голосовали вообще. Среди них было много молодежи, голосовавшей впервые, которая принадлежала к многочисленному поколению рожденных до 1914 г. Тем не менее нельзя сказать, что такие избиратели непропорционально активно голосовали за нацистов. На самом деле привлекательность партии была особенно сильна для более взрослого поколения — людей, которые больше не считали националистов достаточно энергичными, чтобы уничтожить ненавистную республику. Примерно треть голосовавших за националистов, четверть сторонников Народной партии и демократов и даже десятая часть голосовавших за социал-демократов в 1928 г. отдали свое предпочтение нацистам в 1930 г.⁷¹

Нацисты имели особый успех у женщин, чья склонность не участвовать в голосовании резко пошла на убыль в 1930 г., — важный момент, потому что женщин-избирателей стало гораздо больше, чем мужчин, как в результате военных потерь в Первую мировую, так и из-за увеличивавшейся продолжительности жизни женщин по сравнению с мужчинами. В Кёльне, например, процент явки среди женщин подпрыгнул с 53 в 1924 г. до 69 в 1930 г., а в восточно-прусской общине Рагниц с 62 до 73. Их прежнее нежелание иметь дело с радикальными партиями вроде нацистов исчезло, хотя по большей части они все также поддерживали центристскую партию. Несмотря на заявления современников и некоторых последующих историков об особых причинах, по которым женщины отдавали свое предпочтение нацистам — от их большей восприимчивости к эмоциональной пропаганде партии до предполагаемого разочарования в республике, которая не смогла добиться для них равенства, — нет никаких свидетельств того, что они отдавали свои голоса по причинам, отличным от причин, по которым партию поддерживали мужчины. Но теперь они голосовали именно так⁷².

Были ее избирателями мужчины или женщины, молодые или взрослые, дела нацистской партии шли особенно удачно на протестантском севере Германии, к востоку от Эльбы, и намного хуже на католическом юге и западе. Партия привлекала избирателей в сельских областях, но не в такой степени, как в городах и промышленных районах. В некоторых частях Шлезвиг-Гольштейна и Ольденбурга, сельскохозяйственных областей протестантского севера, она получила по 50 % голосов. И опять вопреки распространенному мнению современников в целом нацисты не преуспевали в маленьких городах больше, чем в больших. Влияние религии, которое подразумевало, что вероятность голосования за нацистов протестантского избирателя в два раза выше, чем католического, было гораздо более сильным в сельских областях, возможно, потому, что влияние духовенства там было гораздо больше, а большие города были намного более светскими независимо от размеров. Некоторые католики голосовали за нацистов, но подавляющее большинство в 1930 г. оставалось преданными центристской партии, запертые в своей культурной атмосфере и огражденные от призывов правых радикалов за счет своей внутренней враждебности к демократии, евреям и современному миру.

Как мы видели, социал-демократы вместе с коммунистами встретили победу нацистов на выборах в 1930 г. с открытым забралом. Но это не означает, что нацистам не удалось получить хоть сколько-нибудь голосов рабочих. Повременные чернорабочие и их жены составляли почти половину электората Германии, одной из самых развитых промышленных стран, тогда как две партии рабочего класса, вместе взятые, регулярно получали менее трети голосов на выборах в Веймарской республике. Таким образом, значительное число рабочих с супругами должны были регулярно голосовать за другие партии. К этой большой и разнообразной социальной группе относились многие католические рабочие, рабочие в мелких, часто передаваемых по наследству фирмах, чернорабочие в государственном секторе (железные дороги, почта и т. д.) и работники, не имевшие своих профсоюзов (включая в первую очередь низкоквалифицированных рабочих-женщин). Сельские рабочие в протестантских областях, где была

относительно небольшая часть чернорабочих, оказались особенно восприимчивыми к пропаганде нацистов, хотя работники в больших землевладениях в основном поддерживали социал-демократов. Нацистская пропаганда в самом деле была направлена в основном на рабочих, заимствуя образы и девизы у социал-демократов, нападая на «реакционность» и на «марксизм», представляя партию в роли наследника немецкой социалистической традиции. Она не смогла отбить сколько-нибудь значительное число сторонников у социал-демократов и коммунистов, но тем не менее оказалась достаточно эффективной, чтобы ранее не определившиеся с политическими предпочтениями рабочие, проголосовавшие в 1930 г. за нацистов, составили 2,7 % от их общего числа.

Поскольку, как мы видели, рабочий класс составлял примерно половину электората и нацистская партия получила всего лишь чуть более 18 % голосов, это все еще означало, что партия была не так привлекательна для рабочих, как для других социальных классов, и подавляющее большинство избирателей из рабочих отдавали свои голоса другим партиям. Там, где были сильны традиции социал-демократии и коммунизма, наблюдалось активное участие в профсоюзах, а рабочее движение было энергичным и имело хорошую поддержку, в целом социалистическая атмосфера позволяла противостоять напору нацистов⁷⁵. Другими словами, нацисты смогли достучаться до тех частей рабочего класса, до которых традиционным левым партиям достучаться не удалось⁷⁵. Их привлекательность объяснялась социальными и культурными факторами, а не экономическими, потому что безработные голосовали за коммунистов, а не нацистов. Рабочие, все еще имевшие работу в сентябре 1930 г., боялись будущего, и если они не попадали в волну рабочего движения, то часть обращались к нацистам, чтобы защититься от растущей угрозы коммунистической партии⁷⁷.

Когда нацисты направляли свою пропаганду непосредственно на рабочих, они были удивительно невнимательными по отношению к офисным работникам, которые вполне могли возмущаться нападениям нацистов на многие организации, в которых они работали, начиная от финансовых учреждений и заканчивая

универсальными магазинами. Многие женщины на низкооплачиваемых работах принадлежали к политической среде рабочего класса в силу собственного происхождения или социального положения супруга и поэтому голосовали за социал-демократов, как и большая часть служащих-мужчин, и не только те, кто работал в профсоюзах и других организациях рабочего движения. Офисные служащие в частном секторе также были одной из групп, которых депрессия затронула меньше всего. Таким образом, несмотря на распространенное убеждение современников в обратном, офисные работники, как и неквалифицированные рабочие, были мало представлены в рядах нацистских избирателей в 1930 г. И наоборот, государственных служащих было весьма много, вероятно, это отражало тот факт, что правительственные сокращения привели к увольнению сотен и тысяч из них и у гораздо большего числа доходы снизились до уровня опытного чернорабочего и даже ниже. Призыв нацистов к владельцам собственного дела, особенно в протестантских сельских областях, был даже еще сильнее. Среди них, разумеется, большинство были мелкими фермерами⁷⁸.

Нацистская партия заявила о себе с потрясающей неожиданностью в сентябре 1930 г. как о всеобщей партии социального протеста, в той или иной степени представляющей интересы практически всех социальных групп в стране. Ей даже лучше, чем центристской партии, удалось стереть социальные границы и объединить на базе общей идеологии крайне разрозненные социальные группы, представляющие в первую очередь протестантское большинство, но не только, — чего раньше не смогла добиться ни одна партия в Германии. И так ослабленные после инфляции буржуазные партии, либералы и консерваторы, оказались неспособными сохранить поддержку избирателей перед лицом экономической катастрофы, которая обрушилась на Германию в конце 1929 г. Избиратели среднего класса, все еще отвергавшие насилие и экстремизм нацистов, отдали мелким правым группам гораздо больше голосов, чем в 1924 и 1928 гг., увеличив их представительство в рейхстаге с 20 до 55 мест. Однако значительное число таких избирателей в сентябре 1930 г. также перешло под знамена нацистов, объединившись с членами

других социальных групп, включая фермеров, различных рабочих, госслужащих, голосующих впервые (включая многих женщин), и избирателей старшего поколения, ощутимо умножив голоса нацистов в мощном выражении своего разочарования, недовольства и страха⁷⁹.

Во все более ухудшавшейся ситуации 1930 г. нацисты смогли создать образ силы, решительности, динамизма, энергии и молодости, который свел на нет все пропагандистские усилия других политических партий, частично исключая коммунистов. Культ вождя, созданный ими вокруг Гитлера, не имел аналогов среди попыток других партий представить своих лидеров в роли новых бисмарков будущего. Всего этого удалось добиться с помощью экспрессивных, незамысловатых девизов и образов, неистовой маниакальной активностью, маршами, съездами, демонстрациями, речами, плакатами и прочими действиями, которые подчеркивали претензии нацистов на то, что они были больше чем политической партией: они были *течением*, подхватывающим немецкий народ и несущим его к лучшему будущему. Однако чего нацисты не предлагали, так это конкретных решений проблем Германии, и в первую очередь в областях, где они больше всего были необходимы, в экономике и социальной сфере. Примечательно, что общественный беспорядок, который приобрел такие масштабы к 1930 г., который так сильно беспокоил respectable средний класс и с которым нацисты обещали покончить, создав сильное авторитарное государство, в значительной степени был результатом их собственных действий. Многие люди явно этого не понимали, обвиняя во всем коммунистов и считая уличное насилие нацистских штурмовиков оправданной или по крайней мере понятной реакцией на насилие и агрессию Союза бойцов красного фронта.

Избиратели на самом деле и не ждали каких-то конкретных действий от нацистской партии в 1930 г. Они, скорее, выражали свой протест против Веймарской республики. Кроме того, многие из них, особенно в сельских областях, небольших городах, мелких мастерских, консервативных семьях, старших возрастных группах и в политической среде националистического среднего класса, таким образом демонстрировали свое неприятие культурной

и политической современности, за которые выступала республика, несмотря на во многих отношениях также современный образ, который предлагали нацисты. Неопределенность нацистской программы, ее символическая мешанина старого и нового, эклектический, часто непоследовательный характер в большой степени позволяли людям видеть в ней то, что им хотелось, и не замечать того, что вызывало беспокойство. Многие избиратели из среднего класса смирились с насилием и агрессией нацистов на улицах, списав их на результат чрезмерного юношеского рвения и энтузиазма. Однако дело было совсем не в этом, в чем им скоро предстояло убедиться⁸⁰.

Победа насилия

I

Молодой активист из штурмовиков Хорст Вессель добился лютой ненависти со стороны берлинских военизированных отрядов коммунистов. Идеалист, интеллигент с хорошим образованием, он привлек внимание Йозефа Геббельса, который отправил его изучать хорошо организованное нацистское молодежное движение в Вене в первой половине 1928 г. Вернувшись в Берлин, Вессель быстро приобрел влиятельное положение в организации коричневых рубашек в районе Фридрихсхайн, где возглавил филиал нацистских боевиков. Он продолжал проводить особенно энергичную и провокационную кампанию на улицах, в рамках которой была предпринята атака коричневых рубашек на местную штаб-квартиру коммунистической партии, в результате которой были серьезно ранены четыре рабочих-коммуниста. Гейнц Нойман, известный как «Геббельс» коммунистической партии и берлинский редактор коммунистической ежедневной газеты «Красный флаг», отреагировал на это новым призывом, обращенным к членам партии: «Бейте фашистов, где бы вы их ни нашли!»⁸¹

Именно в такой атмосфере хозяйка дома, где проживал Вессель, вдова коммуниста, пошла в местную таверну 14 января 1930 г. и просила помочь ей разобраться со своим съемщиком, который, по ее словам, не только отказывался платить ренту за свою подружку, жившую вместе с ним, но в ответ на требования хозяйки угрожал ей физической расправой. Было ли это правдой, другой вопрос, потому что имеются свидетельства, что реальной причиной их спора была ее попытка повысить плату для Весселя. Хозяйка также боялась, что если бы его подружка не съехала, то она потеряла бы свое законное право на квартиру, которой не владела, а снимала ее сама, — не в последнюю очередь потому, что девица была проституткой (продолжала ли она заниматься этим ремеслом, позже

стало предметом яростных и нудных споров). Основным фактором здесь была связь вдовы с коммунистической партией. Несмотря на то что коммунисты в свое время не одобрили желание хозяйки похоронить своего мужа по церковному обряду, они решили помочь ей с ее жильцом. Всего день назад, как они утверждали, местный коммунист был застрелен в стычке с коричневыми рубашками. А этот спор давал прекрасную возможность поквитаться. Зная, что у Весселя, вероятно, имеется оружие, они отправились в соседнюю таверну к местному уголовному авторитету Али Хёлеру, у которого, как все в округе знали, был пистолет, чтобы обеспечить себе силу в карательной экспедиции на квартиру Весселя. Хёлер не только был членом местного отделения Союза бойцов красного фронта, но и имел судимости за мелкие преступления, лжесвидетельство и сутенерство. Член одного из берлинских организованных преступных синдикатов, он демонстрировал собой связь между коммунизмом и преступностью, которая сформировалась во время, когда партия располагалась в бедных районах и «криминальных кварталах» больших городов Германии. Вместе с коммунистом Эрвином Рюкертом Хёлер залез по лестнице в квартиру Весселя, остальные караулили снаружи. Когда Вессель открыл дверь, Хёлер начал стрелять. Вессель упал, тяжело раненный в голову, и пролежал в больнице несколько недель, прежде чем наконец умер 13 февраля⁸².

Когда коммунисты устроили спешную пропагандистскую кампанию, призванную представить Весселя как сутенера, а действия Хёлера — как часть криминальных разборок, не связанных с Союзом бойцов красного фронта, Геббельс развернул бешеную активность с целью представить его политическим мучеником. Он говорил с матерью Весселя и с ее слов получил портрет ее сына-идеалиста, который спасал свою девушку от жизни проститутки и принес себя в жертву из миссионерского стремления помочь родине. А коммунисты, вешал Геббельс, напротив, показали свое истинное лицо, приняв в свои ряды такого заурядного преступника, как Хёлер. Вессель еще не остыл в своей могиле, когда Геббельс начал работу по превращению памяти о нем в настоящий культ. В бесчисленных статьях в нацистской прессе по всей стране его прославляли как «мученика за дело Третьего рейха».

Была организована торжественная похоронная процессия, которая могла бы быть куда более многочисленной, если бы полиция не ограничила количество лиц, которым было дозволено в ней участвовать. По словам Геббельса, число участников и наблюдателей, которые выстроились вдоль улиц, ведущих к церкви, составило почти 30 000 человек. Выкрики, нападения и попытки сорвать церемонию со стороны Союза бойцов красного фронта приводили к диким и яростным дракам на флангах процессии. На кладбище, в присутствии Геринга, принца Августа Вильгельма Прусского и других высокопоставленных лиц, Геббельс превозносил Весселя в словах, в которых явно просматривалась намеренная аллюзия на жертву Христа, принесенную ради человечества: «Через самопожертвование к искуплению». «Где бы ни была Германия, — говорил он, — ты будешь там, Хорст Вессель!» После этого хор штурмовиков спел несколько куплетов, которые Вессель сам написал несколько месяцев назад:

Знамена вверх! В шеренгах, плотно слитых,
СА идут, спокойны и тверды.
Друзей, Рот-Фронтом и реакцией убитых,
Шагают души, в наши встав ряды.

Свободен путь для наших батальонов,
Свободен путь для штурмовых колонн!
Глядят на свастику с надеждой миллионы,
День тьму прорвет, даст хлеб и волю он.

В последний раз сигнал сыграют сбора!
Любой из нас к борьбе готов давно.
Повсюду наши флаги будут реять скоро,
Неволе длиться долго не дано!^{* 83}

Эта песня уже имела определенную известность в движении, но Геббельс теперь рекламировал ее изо всех сил, предрекая, что скоро ее будут петь школьники, рабочие, солдаты и все остальные.

* Перевод Ю. Нестеренко.

Он был прав. До конца года ее опубликовали, выпустили граммофонную запись и сделали официальным гимном нацистской партии. После 1933 г. она стала национальным боевым гимном Третьего рейха вместе с давним *Deutschland, Deutschland über alles* («Германия превыше всего»)⁸⁴. Вессель стал объектом своего рода светского религиозного культа, который пропагандировался нацистами: его прославляли в фильмах и вспоминали на бесчисленных церемониях; множество мемориалов и мест паломничества увековечили его память.

Открытое прославление грубой физической силы стало боевым гимном нацистской партии, и это свидетельствовало о том, насколько важную роль играло насилие в битве нацистов за власть. Цинично используемое в популистских целях пропагандистами-манипуляторами, такими как Геббельс, оно стал стилем жизни для рядовых молодых штурмовиков вроде Весселя, как и для молодых безработных рабочих Союза бойцов красного фронта. Другие песни были еще более откровенными, как, например, популярная «Песня штурмовых колонн», которую коричневые рубашки начали распевать на улицах Берлина с 1928 г.:

Мы штурмовые колонны, в ногу идем в строю.
Мы — первые ряды, бесстрашные в бою.
Усталые с работы, с песней на устах,
Плечо к плечу шагаем с винтовками в руках.
Вставай, штурмовые колонны, на расовый бой, вперед!
Свободными мы станем, когда еврей падет.
Без жалости все вместе жизнь отдадим свою.
Идем за Адольфом Гитлером, бесстрашные в бою.
Славься, Адольф Гитлер! Мы шагаем в ногу.
Да здравствует революция немецкого народа.
Вперед на баррикады, лишь смерти нас остановить.
Мы штурмовые колонны, мы идем, чтоб победить⁸⁵.

Такая агрессия получала выход в постоянных столкновениях с вражескими военизированными отрядами на улицах. В середине существования республики, начиная с 1924 г., все стороны действительно отошли от политического насилия масштаба ян-

варского восстания 1919 г., гражданской войны в Руре 1920 г. или многочисленных конфликтов 1923 г., но, отложив пулеметы, они лишь заменили их на резиновые дубинки и кастеты. Даже в относительно стабильный период с 1924 по 1929 год утверждалось, что коммунисты убили 29 нацистских активистов, а сами коммунисты заявляли, что в столкновениях с «фашистами» с 1924 по 1930 год погибло 92 человека из «рабочих». Говорили, что с 1924 по 1928 год в борьбе с коммунизмом в разных эпизодах политического насилия пали двадцать шесть членов «Стального шлема» и 18 членов «Рейхсбаннера».⁸⁶ Это были только самые серьезные последствия постоянной борьбы между противоборствующими военизированными группировками; по оценкам тех же источников, число раненных в таких боях составляло тысячи человек, и многие из них получали гораздо более серьезные увечья, чем простые синяки или переломы.

В 1930 г. эти цифры значительно увеличились, и нацисты заявляли, что понесли потери в 17 человек убитыми. Это число увеличилось до 42 в 1931 г. и до 84 в 1932 г. В 1932 г. нацисты также сообщали, что в столкновениях с врагами было ранено около десяти тысяч их рядовых членов. Коммунисты говорили о 44 смертях в боях с нацистами в 1930 г., 52 в 1931 г. и 75 в первые шесть месяцев 1931 г., тогда как в уличных битвах с нацистами в период с 1929 по 1933 год погибло более 50 членов «Рейхсбаннера»⁸⁷. Официальные источники в целом подтверждают эти данные. По одной из оценок рейхстага, которая никем не ставилась под сомнение, на март 1931 г. ежегодно погибало не менее 300 человек⁸⁸. На долю коммунистов смертей пришлось не меньше, чем на долю нацистов. Например, когда руководителю отряда Союза бойцов красного фронта численностью в сто человек, моряку Рихарду Кребсу, приказали сорвать митинг в Бремене, на котором выступал Герман Геринг, он лично позаботился, чтобы «у каждого человека была дубинка или кастет». Когда тот поднялся, чтобы выступить, Геринг приказал выкинуть его с трибуны, и коричневые рубашки, стоявшие по периметру зала, двинулись в центр.

Последовала ужасная рукопашная схватка. Повсюду в ход пошли дубинки, кастеты, палки, тяжелые ремни, бутылки и «розочки». Над

головами зрителей летали осколки стекла и стульев. Люди с обеих сторон отламывали ножки стульев и использовали их в качестве дубинок. Женщины падали в обморок от грохота и криков схватки. Десятки голов и лиц были в крови, одежда разорвана, когда дерущиеся пробирались между массами напуганных и беспомощных зрителей. Штурмовики дрались как львы. Они планомерно оттесняли нас к главному входу. Оркестр начал играть военную мелодию. Герман Геринг спокойно стоял на сцене с кулаками, упертыми в бедра⁸⁹.

В начале 1930-х такие сцены разыгрывались по всей Германии. Насилие принимало особенно широкий размах в периоды выборов. Из 155 человек, убитых в столкновениях в Пруссии за весь 1932 г., не меньше 105 погибли в месяцы выборов с июня по июль, а полиция сообщала о 461 случае политических беспорядков с 400 ранеными и 82 убитыми за первые семь недель кампании⁹⁰. Задача умирения политического насилия не облегчалась тем, что политические партии в перерывах активно выступали вместе за амнистию политическим заключенным, выпуская их из тюрем и, таким образом, открывая новую серию избиений и убийств. Последняя такая амнистия была объявлена 20 января 1933 г.⁹¹

II

Сталкиваясь с такой ситуацией быстро нарастающего беспорядка, полиция явно колебалась в своей поддержке веймарской демократии. В отличие от армии она продолжала быть децентрализованной после 1918 г. Социал-демократы доминировали в прусском правительстве в Берлине, однако не смогли воспользоваться возможностью создать новую силу по обеспечению общественного порядка, которая была бы лояльным проводником республиканского законодательства. В полицию неизбежно вступали бывшие солдаты, поскольку большинство мужчин из соответствующей возрастной группы были призваны на службу во время войны. Новые рекруты оказывались под началом бывших офицеров, кадровых солдат и бойцов добровольческих

бригад. Они с самого начала задали военный тон и совсем не были горячими энтузиастами нового политического порядка⁹². Их поддерживала политическая полиция, которая была традиционно сильна в Пруссии и в некоторых других немецких и европейских государствах в плане сосредоточения своих усилий на наблюдении, выявлении и временами на подавлении социалистических и революционных устремлений⁹³. Офицеры политической полиции, как и других полицейских отделов, считали себя выше партийной политики. Скорее, как и в армии, они служили абстрактной идее «государства» или «рейха», а не конкретным демократическим институтам новообразованной республики. Поэтому неудивительно, что они продолжали вести слежку не только за политическими экстремистами, но и за социал-демократами, правительственной партией в Пруссии, которая в некотором смысле была их работодателем. Таким образом, старая традиция искать подрывные элементы в основном среди левых течений политического спектра продолжала спокойно существовать⁹⁴.

Симпатии полиции и суда проявились особенно отчетливо в деле депутата рейхстага социал-демократа Отто Бухвица в Силезии, который позже с изрядной горечью вспоминал, как штурмовики начали срывать его речи начиная с декабря 1931 г. Коричневые рубашки занимали места на его митингах, выкрикивали в его адрес оскорбления, а однажды стреляли в него, вызвав массовую панику среди слушателей и спровоцировав драку, в которой было еще больше выстрелов со стороны штурмовиков и членов «Рейхсбаннера». Несколько нацистов и социал-демократов пришлось отправить в больницу, и ни один стол или стул не остались в целости. После этого банды из восьми — десяти нацистских штурмовиков изводили Бухвица, сопровождая его по утрам от дома до работы, двадцать или больше человек окружали его, когда он возвращался в офис после обеда, и от ста до двухсот человек следовали за ним по пути домой, распевая специально сочиненную песню со словами: «Стоит лишь спустить курок, Бухвица настигнет рок». Нацистские демонстрации всегда останавливались около его дома, скандируя «Смерть Бухвицу!» Его жалобы в полицию и просьбы о защите совершенно игнорировались,

а когда он потерял депутатскую неприкосновенность вместе с роспуском рейхстага в 1931 г., его привлекли к суду за незаконное владение оружием в связи с дракой в декабре 1931 г. и приговорили к трем месяцам тюрьмы. Никто из нацистов, участвовавших в тех событиях, не понес никакого наказания. После освобождения Бухвицу отказали в праве ношения оружия, но он все равно всегда носил его с собой и демонстративно снимал с предохранителя, если коричневые рубашки подходили слишком близко. Обратившись с жалобой к министру внутренних дел, социал-демократу Карлу Зеверингу, он получил ответ, что ему в первую очередь не следовало вступать в перестрелку. Чувство Бухвица, что руководство социал-демократов его предало, только усилилось, когда к нему, собиравшемуся выступить с речью на похоронах застреленного нацистами члена «Рейхсбаннера», подошла большая группа рядовых активистов-коммунистов и объяснила, что они пришли защитить его от запланированного покушения со стороны коричневых рубашек. Рядом в тот момент не было ни полиции, ни членов «Рейхсбаннера»⁹⁵.

Полиция в свою очередь считала Союз бойцов красного фронта преступной организацией. Это не только соответствовало давней полицейской традиции объединения понятий преступности и революции, но и отражало тот факт, что базы коммунистов часто располагались в бедных трущобах, где находились центры организованной преступности. Что до полиции, то, по их мнению, бойцы красного фронта были головорезами, искавшими материальных благ. Для коммунистов полиция была железным кулаком капиталистического порядка, который надо было раздавить, и полицейские часто становились жертвами физического насилия вплоть до убийства. Это означало, что в стычках с коммунистами усталые, нервные и обеспокоенные полицейские были весьма склонны использовать свои пистолеты, которыми были обычно вооружены. В Берлине в 1929 г. произошло ожесточенное столкновение, вошедшее в историю как Кровавый май, когда под выстрелами полицейских погиб 31 человек, включая невинных прохожих, больше двух сотен были ранены и более тысячи попали под арест в ходе коммунистических демонстраций в рабочем районе Веддинге. Рассказы о том, что репортеры газет,

освещавшие события, избивались полицией, делали комментарии в прессе только более критическими, тогда как сами полицейские реагировали с едва скрываемым презрением к демократическому политическому порядку, который не смог защитить их от ранений и оскорблений⁹⁶.

Отдалившиеся от республики в результате постоянной полемики с коммунистами и попыток социал-демократов ограничить их права, полицейские также были обеспокоены крайне медленным продвижением по службе, а многие молодые полицейские чувствовали, что их карьера остановилась⁹⁷. Профессионализация сделала большой шаг в детективных силах Германии, как и других стран, благодаря дактилоскопии, фотографии и судебной науке, которые стали новыми и удивительно эффективными средствами поиска преступников. Детективы-одиночки, такие как знаменитый Эрнст Геннат, глава берлинского отдела убийств, становились знаменитыми благодаря собственному таланту, а полиция заявляла о впечатляющем уровне раскрываемости серьезных преступлений в середине 1920-х гг. Тем не менее по адресу полиции высказывалось множество враждебных комментариев в прессе и новостных изданиях за неудачи в поимке серийных убийц вроде Фрица Хармана в Ганновере или Питера Кюртена в Дюссельдорфе до того, как число их жертв успело изрядно вырасти. Полиция в свою очередь чувствовала, что неистовые беспорядки и политическое насилие того времени заставляли их отвлекать ценные ресурсы от борьбы с подобными преступлениями⁹⁸. Поэтому неудивительно, что полицейские начали симпатизировать нацистским нападениям на Веймарскую республику. В одном отчете за 1935 г. говорилось, что до 1933 г. членами партии были 700 полицейских, а в Гамбурге к 1932 г. из 240 офицеров к ним присоединились 27 человек⁹⁹.

Однако рейхсканцлер Брюнинг решил использовать полицию для умирения политического насилия как справа, так и слева, потому что хаос на улицах отпугивал иностранные банки от выдачи кредитов Германии¹⁰⁰. Его решимость усилилась благодаря двум инцидентам, случившимся в 1931 г. В апреле лидер коричневых рубашек на северо-востоке Германии, Вальтер Штеннес, выступил против руководства партии и быстро

захватил центральные офисы нацистов в Берлине, выбив охранников СС, располагавшихся там, и заставив Геббельса бежать в Мюнхен. Штеннес обвинил партийных боссов в сумасбродстве и предательстве социалистических принципов. Но хотя он, безусловно, выражал чувства некоторых штурмовиков, у него было мало реальной поддержки. В действительности имеются некоторые указания на то, что его тайно спонсировало правительство Брюнинга, чтобы создать раскол внутри движения. Гитлер уволил лидера коричневых рубашек Франца Пфеффера фон Саломона, который не смог предотвратить случившееся, вызвал Эрнста Рёма из его боливийского изгнания, чтобы тот возглавил организацию, и заставил всех штурмовиков принести личную клятву верности себе. Штеннес был исключен из рядов партии, косвенным результатом чего стала убежденность многих консервативных бизнесменов в том, что нацистское движение потеряло изрядную долю своего подрывного влияния¹⁰¹. Тем не менее сохранялись существенные противоречия между беспрестанным активизмом штурмовиков и политическим расчетом руководителей партии. В будущем эти противоречия стали регулярно всплывать на поверхность¹⁰². Более важно то, что бунт Штеннеса показал, что многие коричневые рубашки жаждали начать революционное насилие в крупных масштабах, о чем нервное правительство рейха никогда не забывало.

Эти подозрения получили подтверждение после того, как были обнаружены так называемые Боксхаймские документы в ноябре 1931 г. Бумаги нацистов, захваченные полицией в Гессене, свидетельствовали о том, что СА планировали жестокий путч, за которым должно было последовать нормирование продуктов, отказ от денег, введение всеобщего обязательного труда и смертной казни за неподчинение властям. Реальность несколько не соответствовала заявлениям полиции, потому что в Боксхаймских документах говорилось только о планах регионального масштаба, которые были разработаны без ведома вышестоящих партийных функционеров молодым нацистом Вернером Бестом с целью определения действий партии на случай коммунистического восстания в Гессене. Гитлер быстро дистанцировался от этого события, а всем командирам СА было предписано воздер-

жаться от составления такого рода чрезвычайных планов. Уголовное преследование потом было прекращено из-за недостатка явных улик, которые могли бы изобличить Беста в государственной измене¹⁰³. Однако ущерб был нанесен. Брюнинг 7 декабря издал декрет, запрещающий ношение партийной униформы, и жестко раскритиковал незаконные действия нацистов. Ссылаясь на постоянные утверждения Гитлера о том, что он намеревается прийти к власти легальным путем, Брюнинг сказал: «Если человек заявляет, что, придя к власти законными средствами, он выйдет за рамки закона, то это незаконно»¹⁰⁴.

Запрет униформ не имел особого успеха, потому что коричневые рубашки продолжали маршировать, только уже надев белые рубашки, а насилие продолжалось и зимой. Слухи о надвигавшемся коммунистическом восстании вместе с давлением со стороны Шлейхера заставляли Брюнинга воздерживаться от резких действий в этот период, однако неудачи коммунистов на выборах в Гамбурге, Гессене и Ольденбурге убедили его весной 1932 г. в том, что настал момент полностью запретить движение коричневых рубашек. Под сильным давлением со стороны других политических партий, в особенности социал-демократов, и при поддержке обеспокоенных военных Брюнинг и генерал Грёнер (которого канцлер назначил в октябре 1931 г. министром внутренних дел в дополнение к должности министра обороны, которую тот занимал) убедили сопротивлявшегося Гинденбурга 13 апреля 1932 г. издать декрет, ставивший штурмовиков вне закона. Полиция устраивала рейды по домам штурмовиков по всей Германии и конфисковывала обмундирование и знаки отличия. Гитлер был вне себя от ярости, но ничего не мог поделать. Однако, несмотря на запрет, число тайных членов движения во многих областях продолжало расти. Например, в Верхней и Нижней Силезии было 17 500 штурмовиков в декабре 1931 г. и не менее 34 500 в следующем июле. Объявление коричневых рубашек вне закона лишь немного снизило уровень политического насилия, а наличие среди нижних полицейских чинов симпатизировавших нацистам давало нацистским боевикам определенную свободу для продолжения своих операций¹⁰⁵. Поэтому утверждения о том, что нацистская партия и ее военное крыло

фактически исчезли бы, продлись запрет год или больше, были далеки от истины.

Новое положение дел после избирательного триумфа нацистов не только резко повысило уровень насилия на улицах, но и радикально изменило природу заседаний в рейхстаге. И так весьма шумные и хаотичные еще до сентября 1930 г., они стали фактически неуправляемыми, когда 107 нацистов в униформе и коричневых рубашках, объединившись с 77 дисциплинированными и хорошо организованными коммунистами, начинали беспрерывно требовать изменения регламента, скандировать лозунги, кричать, прерывать ораторов и при каждой возможности демонстрировать свое полное презрение к законодательному процессу. Рейхстаг терял власть с пугающей быстротой, поскольку практически каждая сессия заканчивалась беспорядками, а призывы к ведению конструктивной работы казались еще более бессмысленными. С сентября 1930 г. в рейхстаге ни одна партия не имела большинства. В феврале 1931 г., осознав невозможность продолжения работы, депутаты сделали перерыв на шесть месяцев, когда экстремальные левые и правые партии демонстративно покинули заседание после внесения поправок в парламентский свод правил, усложнявших для них попытки мешать рабочему процессу. Депутаты не вернулись до октября¹⁰⁷. Рейхстаг заседал в среднем сто дней в году в период с 1920 по 1930 год. Он работал пятьдесят дней между октябрем 1930 г. и мартом 1931 г., после чего снова собрался на двадцать четыре дня до выборов в июле 1932 г. За шесть месяцев, прошедших с июля 1932 по 1933 год, он соби-
рался всего на три дня¹⁰⁸.

Поэтому к 1931 г. решения принимались уже не в рейхстаге. Политическая власть перешла к другим людям — кругу, образовавшемуся вокруг Гинденбурга, которому принадлежало право издавать декреты и право назначать правительства, а также на улицы, где продолжало расти насилие, а усиливавшиеся бедность, отчаяние и беспорядок заставляли людей противостоять государству в стремлении к активным действиям. Оба эти процесса сильно увеличили влияние армии. Только в этих обстоятельствах одним из ключевых игроков в последовавшей драме мог стать такой человек, как самый значительный политиче-

ский представитель армии, генерал Курт фон Шлейхер. Честолюбивый, находчивый, красноречивый и весьма любивший использовать политические интриги в своих целях, Шлейхер был относительно неизвестной фигурой до своего внезапного взлета в 1929 г., когда он возглавил специально созданное для него ведомство, представлявшее вооруженные силы в их отношениях с правительством. Шлейхер многие годы был близким соратником Грёнера и учеником одного из выдающихся генералов начала 1920-х гг., Ганса фон Секта. Он имел обширные политические связи благодаря работе в разных должностях, сочетающих военные и политические функции, в последнее время в армейском отделе министерства обороны. Русский коммунист-диссидент Лев Троцкий говорил о нем как о «вопросительном знаке с эполетами генерала», а один современный журналист называл его «сфинксом в униформе». Однако в основном цели и убеждения Шлейхера были вполне ясными: как и многие немецкие консерваторы в 1932 г., он считал, что законность авторитарного режима можно обеспечить за счет использования народной популярности национал-социалистов. В этом случае немецкая армия, от лица которой выступал Шлейхер и с которой он продолжал иметь тесные контакты, смогла бы получить то, что хотела в плане перевооружения¹⁰⁹.

Правительству Брюнинга все труднее было находить взаимопонимание со Шлейхером и людьми вокруг президента Гинденбурга после выборов в сентябре 1930 г. В условиях, когда коммунисты и нацисты требовали его крови, националисты пытались отстранить его, а участники правых маргинальных групп не были единодушны в вопросе о его поддержке, Брюнингу ничего не оставалось, кроме как полагаться на помощь социал-демократов. В свою очередь руководители партии, которая по-прежнему оставалась крупнейшей в рейхстаге, были достаточно сильно шокированы результатами выборов, чтобы пообещать не отклонять бюджет, как они это делали раньше. Зависимость Брюнинга от молчаливого согласия социал-демократов с его политикой не могла обеспечить ему никакого доверия со стороны людей из окружения Гинденбурга, во главе которых стояли сын президента Оскар и статс-секретарь Мейснер,

который считал сложившееся положение постыдной уступкой левым¹¹⁰. Теперь основные приоритеты канцлера лежали в области иностранной политики, где он добился некоторого прогресса в вопросе о прекращении репарационных выплат, приостановленных мораторием Гувера 20 июня 1931 г. и окончательно отмененных на Лозаннской конференции, для которой Брюнинг проделал большую подготовительную работу в июле 1932 г. И хотя ему не удалось добиться создания таможенного союза Австрии и Германии, он смог провести успешные переговоры в Женеве по вопросу международного признания равенства Германии в вопросах разоружения, что было окончательно признано в декабре 1932 г. Однако ничто из этого не смогло усилить политическую позицию канцлера. После многих месяцев в правительстве он так и не мог завоевать симпатии националистов и зависел от социал-демократов. Это означало, что любые планы, которые могли предложить сам Брюнинг или люди из окружения Гинденбурга с целью радикального изменения конституции в авторитарном направлении, блокировались, поскольку это было решением, на которое социал-демократы никогда не дали бы своего согласия. Люди вроде Шлейхера все больше убеждались в том, что правительство должно искать массовую поддержку не у социал-демократов, а у нацистов¹¹¹.

III

На закате 1932 г. подошел к концу семилетний срок пребывания в должности президента почтенного Пауля фон Гинденбурга. Учитывая свой преклонный возраст, а ему было 84, Гинденбург не хотел снова выдвигать свою кандидатуру на выборах, однако дал понять, что готов был продолжить свою службу, если бы его пребывание в должности продлили без выборов. Переговоры по автоматическому возобновлению президентского срока Гинденбурга сорвались из-за отказа нацистов голосовать в рейхстаге за необходимое изменение в конституции без одновременного отстранения Брюнинга и проведения новых всеобщих выборов, на которых они, разумеется, рассчитывали получить еще больше

голосов¹¹². Таким образом, Гинденбурга принудили к унижительному для него участию в избирательной кампании. Однако в этот раз ситуация намного отличалась от первых выборов в 1925 г. Конечно, Тельман снова выступал от коммунистов. Однако в то же время Гинденбурга намного обошли справа, вообще весь политический спектр сместился вправо после феноменального для нацистов результата на выборах в сентябре 1930 г. Когда объявили о выборах, Гитлер не смог не выставить свою кандидатуру. Прошло несколько недель, пока он колебался, опасаясь последствий борьбы с такой националистической иконой, как герой Танненберга. Более того, формально он даже не мог участвовать в выборах, потому что еще не получил немецкого гражданства. Были предприняты спешные меры, чтобы назначить его на должность государственного служащего в Брауншвейге, что автоматически давало ему статус немецкого гражданина, который был подтвержден клятвой верности (Веймарской конституции, что обязаны были делать все госслужащие) 26 февраля 1932 г.¹¹³ Его кандидатура превратила выборы в борьбу между правыми и левыми, в которой Гитлер, несомненно, был кандидатом правых, что невероятным и непостижимым образом делало Гинденбурга кандидатом левых. Центристы и либералы поддерживали Гинденбурга, но особенно потрясающим был уровень поддержки, полученный им от социал-демократов. Такая ситуация сложилась не только потому, что партия считала его единственным человеком, который мог остановить Гитлера (этот тезис партийная пропаганда повторяла постоянно в ходе избирательной кампании), но и в силу положительных причин. Партийные лидеры отчаянно хотели переизбрать Гинденбурга, потому что считали, что тот оставит Брюнинга на посту и таким образом будет сохранена последняя возможность вернуть демократический порядок¹¹⁴. Гинденбург, по словам прусского министра-президента социал-демократа Отто Брауна, был «воплощением спокойствия и постоянства, мужественной приверженности и верности долгу для всего народа», «человеком, работа которого позволяла другим продолжать его дело, потому что он был человеком чистых помыслов и ясных суждений»¹¹⁵. Уже в то время, о чем свидетельствуют эти удивительные высказывания, социал-демократы

начинали терять связь с политической реальностью. Восемнадцать месяцев согласия с ограничениями Брюнинга во имя предотвращения чего-то более худшего привели их на обочину политики и лишили права принимать решения. Как и следовало ожидать, их дисциплинированная партийная организация, несмотря на разочарование и бегство некоторых ее членов, предоставила более 8 миллионов голосов человеку, которому предстояло разрушить республику сверху в попытке сохранить на посту канцлера человека, которого он не любил и которому не доверял и чья политика снижала уровень жизни и уничтожала рабочие места тех самых людей, которых представляли социал-демократы¹¹⁶.

Угроза победы нацистов была весьма реальна. Пропагандистская машина Геббельса нашла способ бороться с Гинденбургом, не оскорбляя его: он сослужил прекрасную службу нации, но теперь для него настало время уступить дорогу более молодому человеку, иначе сползание в экономический хаос и политическую анархию неизбежно бы продолжилось. Нацисты организовали массированную кампанию съездов, маршей, парадов и митингов, подкреплявшихся плакатами, листовками и беспрестанными призывами, звучащими в прессе. Но этого было недостаточно. В первом круге Гитлеру удалось получить только 30 % голосов. Однако, несмотря на усилия социал-демократов и уверенные позиции центристской партии, Гинденбургу не удалось набрать абсолютное большинство. Он получил только 49,6 %, самую малость не добрав до нужного результата. Другим кандидатом от левых был Тельман. Справа Гинденбурга обошел не только Гитлер, но и Теодор Дюстерберг, кандидат от «Стального шлема», получивший 6,8 % в первом круге, которых бы более чем хватило, чтобы протолкнуть Гинденбурга за победную черту¹¹⁷.

Во время второго тура голосования, в который прошли Гитлер, Гинденбург и Тельман, нацисты сделали все возможное, чтобы добиться успеха. Гитлер нанял самолет и летал по Германии из города в город, проведя 46 выступлений по всей стране. Результат такого беспрецедентного шага, названного гитлеровским «полетом над Германией», был удивительным. Усилия

оправдались. Доля Тельмана снизилась до несущественных 10 %, а Гитлер резко увеличил число своих голосов до 37 %, т. е. получил поддержку 13 миллионов человек. А Гинденбург при поддержке всех основных партий, кроме коммунистов и нацистов, смог увеличить свои голоса только до 53 %. Разумеется, несмотря на осечку в первом туре, его переизбрание было предсказуемо с самого начала. Что было действительно важно, так это триумфальный марш нацистов. Гитлер не был избран, но его партия набрала больше голосов, чем когда-либо. Нацисты начинали казаться неодолимыми¹¹⁸. В 1932 г. лучше организованная и финансируемая, чем в 1930 г., нацистская партия провела президентскую кампанию в американском стиле, сфокусировавшись на личности Гитлера как представителя всей Германии. Она сосредоточила свои усилия не столько на завоевании поддержки рабочих — в этом отношении их кампания 1930 г. в основном и не дала результатов, — но на объединении голосов среднего класса, которые раньше распределялись между мелкими партиями, а также партиями, ориентированными на либеральный и консервативный протестантский электорат. После восемнадцати месяцев усиливавшейся безработицы и экономического кризиса эти избиратели еще сильнее разочаровались в Веймарской республике, президентом которой последние семь лет был Гинденбург. Пропаганда Геббельса нацеливалась на отдельные группы электората с большей точностью, чем раньше, и в первую очередь на женщин. В протестантской сельской местности недовольство крестьян возросло до такого уровня, который позволил Гитлеру победить Гинденбурга во втором круге выборов в Померании, Шлезвиг-Гольштейне и Восточном Ганновере¹¹⁹. А новый статус нацистской партии как самой популярной политической партии Германии был подчеркнут дальнейшими победами на региональных выборах, проводившихся позже весной: 36,3 % в Пруссии, 32,5 % в Баварии, 31,2 % в Гамбурге, 26,4 % в Вюртемберге и в первую очередь 40,9 % в Саксен-Ангальт — результат, который дал им право сформировать местное правительство. И снова Гитлер поднялся в воздух и за короткое время выступил с 25 речами. И снова нацистская пропаганда доказала свою эффективность и динамизм.

Попытки Брюнинга сдержать взлет нацистской партии провалились. Многие в окружении президента Гинденбурга стали считать, что настало время для другой тактики. Несмотря на победу, Гинденбург был совсем не удовлетворен результатами. Тот факт, что ему пришлось столкнуться с такой оппозицией, был крайне неприятным для человека, который все больше считал свое положение положением неизбранного кайзера, которому он когда-то служил. Важнейшим провалом Брюнинга стала неудача в попытке убедить националистов поддержать переизбрание Гинденбурга. Когда оказалось, что они поддерживают Гитлера, стало ясно, что дни Брюнинга сочтены. Несмотря на то что рейхсканцлер без устали вел избирательную кампанию от его имени, старый фельдмаршал, который для многих воплощал прусские традиции монархизма и протестантского консерватизма, был глубоко обижен своей зависимостью от голосов социал-демократов и центристской партии. Эта зависимость делала его похожим на кандидата от левых и клерикалов, каким он в конечном счете и был. Более того, армия больше не хотела терпеть последствия экономической политики Брюнинга в отрасли вооружений и считала, что его запрет коричневых рубашек превратил их во вспомогательные войска, что становилось тем более заманчивым, чем больше новых людей приходило в их ряды. Наконец, внимание Гинденбурга привлек проект умеренной земельной реформы, предложенный правительством на востоке, согласно которому обанкротившиеся хозяйства следовало разбивать на части и предоставлять в качестве малых наделов безработным. Будучи сам представителем землевладельцев, Гинденбург был убежден, что такой подход отдает социализмом¹²⁰. В атмосфере закулисных интриг, когда Шлейхер подрывал положение Грёнера в армии, а Гитлер обещал признать новое правительство, если оно снимет запрет, наложенный на движение штурмовиков, и проведет новые выборы в рейхстаг, Брюнинг быстро попал в изоляцию. Когда Грёнера вынудили уйти в отставку 11 мая 1932 г., положение Брюнинга оказалось совершенно безнадежным. Испытывая постоянное давление со стороны окружения Гинденбурга, он не видел для себя другого выхода, кроме как подать в отставку, что и сделал 30 мая 1932 г.¹²¹

IV

Человеком, которого Гинденбург назначил новым рейхсканцлером, стал его старый друг Франц фон Папен. Аристократ-землевладелец, малозаметный и не очень активный депутат от центристской партии в прусском парламенте, Папен был еще более правым, чем сам Брюнинг. Во время Первой мировой войны он был выдворен из Соединенных Штатов, где работал военным атташе при немецком посольстве, за шпионаж или «действия, несовместимые с его статусом», как говорилось в типовой дипломатической формулировке, и попал в Генеральный штаб Германии. В 1920-х он использовал богатство, полученное в результате женитьбы на дочери богатого промышленника, чтобы выкупить контрольный пакет газеты «Германия», принадлежавшей центристской партии. Таким образом, у Папена были тесные контакты с некоторыми ключевыми социальными и политическими силами в Веймарской республике, включая земельную аристократию, министерство иностранных дел, армию, промышленников, католическую церковь и прессу. Гинденбургу его порекомендовал Шляйхер, охарактеризовав Папена как человека, который будет прислушиваться к интересам армии. Папен даже в большей степени, чем Брюнинг, олицетворял ту форму католического политического авторитаризма, который был распространен в Европе в начале 1930-х гг. Он долгое время был не согласен с позицией своей партии и открыто поддерживал Гинденбурга в борьбе с центристским кандидатом Марксом на президентских выборах 1925 г. Центристы отреклись от Папена, который в свою очередь вернул им свой партийный билет, заявив, что искал «синтеза действительно националистических сил, неважно из какого лагеря, не как человек партии, но как немец»¹²². Теперь разрыв был завершен¹²³.

Эти события означали, явно и в ретроспективе, конец парламентской демократии в Германии. Большинство членов нового кабинета не принадлежали к какой-либо партии, кроме пары человек, которые, по крайней мере номинально, состояли в Националистической партии. Папен со своими идеологическими сподвижниками, включая Шлейхера, считали себя

создателями стоящего над партиями «нового государства», которое в действительности было враждебно самому принципу многопартийной системы и в котором власть выборных собраний была еще более ограниченной, чем мог представить себе более скромный в своих взглядах Брюнинг. Тип государства, о котором идет речь, был указан министром внутренних дел при Папене, бароном Вильгельмом фон Гайлем, который помогал построить расистское авторитарное военное государство в области, отошедшей Германии по условиям Брест-Литовского мирного договора в 1918 г.¹²⁴ Среди предложений Гайля было ограничение избирательных прав до минимума и значительное сокращение полномочий парламента¹²⁴. Папен взял на себя задачу отменить историю, не только образование веймарской демократии, но и все, что случилось в европейской политике со времен Французской революции, добиться прекращения современной классовой борьбы и воссоздать иерархическую основу древнего общества¹²⁶. Он запретил использование гильотины — классического символа Французской революции — для исполнения смертных приговоров в тех частях Пруссии, где она была введена в XIX в., и заменил ее традиционным прусским инструментом — топором¹²⁷. Тем временем в качестве срочных практических мер правительство Папена начало распространять ограничения, наложенные его предшественником на радикальную прессу вплоть до демократических газет, запретив популярные леволиберальные издания вроде социал-демократической ежедневной газеты «Вперед» дважды в течение нескольких недель, вынося предупреждения такому леволиберальному органу, как «Берлинская народная газета» (*Berliner Volkszeitung*), по двум различным поводам и убедив либеральных комментаторов, что свобода прессы окончательно ликвидирована¹²⁸.

Со своим утопическим консерватизмом Папен был неспособен должным образом оценить политическую ситуацию 1932 г. Его правительство состояло из людей с относительно небольшим опытом. В нем было столько неизвестных аристократов, что его часто называли «правительством баронов». В дискуссии, которая предшествовала отставке Брюнинга, Папен и Шлейхер сошлись на том, что им надо склонить на свою сторону нацистов, чтобы

обеспечить массовую поддержку антидемократической политики нового правительства. Они заручились согласием Гинденбурга на роспуск рейхстага и проведение новых выборов, которых требовал Гитлер в ожидании того, что на них нацисты смогут собрать еще больше голосов. Выборы были назначены на конец июля 1932 г. Кроме того, Папен и Шлейхер также согласились с требованием Гитлера о снятии запрета на движение коричневых рубашек. По задумке Шлейхера, это должно было успокоить нацистский экстремизм и помимо прочего убедить штурмовиков исполнять роль вспомогательной армии, что позволило бы обойти ограничения, наложенные на вооруженные силы Германии Версальским мирным договором¹²⁹. Однако это оказалось еще одним роковым просчетом. Массы штурмовиков с триумфом вернулись обратно на улицы, и избиения, бои, увечья и убийства, никогда полностью не исчезавшие в период запрета с предыдущего апреля, быстро достигли новых рекордных уровней. Даже несмотря на это общественное мнение испытало сильнейший шок, когда 17 июля 1932 г. организованный тысячами нацистских штурмовиков марш через коммунистический бастион в Альтоне, рабочем муниципалитете на прусской стороне окружной границы Гамбурга, закончился жестоким столкновением с тысячами тяжеловооруженных бойцов красного фронта. Рихард Кребс, возглавлявший отряд из 800 моряков и докеров-коммунистов, готовых вытеснить нацистов из портового района, позже писал, что бойцы красного фронта имели приказ атаковать штурмовиков на улицах. В проходящих марширующих летели камни, мусор и любые попавшиеся под руку предметы. Согласно некоторым отчетам, у коммунистов были снайперы на крышах, готовые начать стрельбу по штурмовикам. Кто-то, никто не знает точно кто, сделал выстрел. В тот же момент полиция запаниковала и открыла огонь из всех имевшихся стволов, заливая окрестности пулями и вызвав паническое бегство во всех направлениях. Коммунистов унесло прочь вместе с остальными. Их попытка остановить марш коричневых рубашек по своей территории окончилась полным провалом¹³⁰. Восемнадцать человек было убито и более сотни ранено. Как показали результаты вскрытий, большинство погибло от пуль полицейских револьверов. Глубина насилия,

в которое теперь погрузилась политическая жизнь Германии, требовала немедленных действий со стороны правительства¹³¹.

Совершенно не собираясь снова запрещать военизированные группировки, Папен ухватился за события Кровавого воскресенья в Альтоне и сместил правительство Пруссии, которое возглавляли социал-демократы Отто Браун и Карл Зеверинг, на основании того, что оно больше не могло поддерживать законность и порядок. Это был решающий удар по социал-демократам, ради которого его назначили на эту должность. Папен опирался на пример Эберта, отправившего в отставку правительства Саксонии и Тюрингии в 1923 г., но Пруссия, которая занимала больше половины территории рейха и население которой превышало численность Франции, была гораздо более важной целью. Ведущая роль армии в разрываемой борьбой политической жизни 1932 г. стала ясна, когда тяжеловооруженные боевые части захватили улицы Берлина и в столице было объявлено чрезвычайное военное положение. Контролировавшуюся социал-демократами полицию просто отодвинули в сторону. Любая попытка прусского правительства использовать ее для противостояния военным только приводила к беспорядкам. Ее численность была слишком мала, а офицеры высшего или среднего звена были либо разочарованы республикой, либо симпатизировали Папену, либо склонялись на сторону нацистов¹³².

Если Папен и Шлейхер опасались восстания рабочих, то они были неправы. Много рядовых членов «Рейхсбаннера» уже были готовы взять в руки оружие и пулеметы, были собраны пистолеты и винтовки для защиты штаб-квартиры партии в случае путча, пока на сцену не вышла бы полиция, которая, как считали в партии (ошибочно, как оказалось впоследствии), будет сопротивляться любым попыткам свергнуть республику. Недавний приток новых членов увеличил силы Республиканских отрядов обороны «Рейхсбаннера» до более чем 200 000 человек. Однако их значительно превосходили объединенные силы из примерно 750 000 коричневых рубашек и стальных шлемов, которые бы точно мобилизовались против них, если бы те организовали восстание. Они были плохо обучены и подготовлены. И они бы не смогли оказать серьезного сопротивления хорошо вооруженным силам немецкой

армии. Коммунисты, у которых были лучшие резервы оружия, конечно, не стали бы брать его в руки, чтобы защищать социал-демократов¹³³.

В ситуации июля 1932 г., когда все: и Гинденбург, и военное руководство, и консерваторы — были крайне обеспокоены тем, чтобы не допустить провокации гражданской войны в Германии, военное восстание «Рейхсбаннера» могло смягчить позицию Папена или заставить рейхспрезидента вмешаться. Этого уже не узнать. Призыв к сопротивлению не прозвучал. Традиция социал-демократов оставаться в рамках закона вынудила их запретить любое вооруженное сопротивление действиям, санкционированным главой страны и законно учрежденным правительством, которых поддерживала армия и которым не противодействовала полиция¹³⁴. Все, что оставалось Брауну и Зеверингу, это выражать словесные протесты и выдвигать обвинения против Папена на основании того, что тот нарушил конституцию. 10 октября 1932 г. Государственный суд вынес решение, по крайней мере частично, в пользу кабинета Брауна, который, таким образом, продолжал оставаться занозой в теле правительства рейха, представляя Пруссию в бундесрате, верхней палате национального законодательного собрания¹³⁵. Тем временем Папен согласовал с президентом свое назначение на должность рейхскомиссара, которая позволяла ему осуществлять правительственные функции в Пруссии, пока педантичные госслужащие колебались и бездействовали, ожидая законного утверждения нового поста¹³⁶.

Переворот Папена нанес смертельный удар по Веймарской республике. Он уничтожил принцип федеративности и открыл путь для тотальной централизации государства. Теперь, что бы ни случилось, полное восстановление парламентской демократии вряд ли было возможным. После июля 1932 г. единственными реальными альтернативами были диктатура нацистов или консервативный авторитарный режим, поддерживаемый армией. Решающим стало отсутствие сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны социал-демократов, основных оставшихся защитников демократии. Это убедило и консерваторов и национал-социалистов, что уничтожения демократических институтов можно было достичь без серьезной оппозиции. Для социал-демокра-

тов были вполне очевидны признаки грядущего переворота. Но они ничего не предприняли. Они были парализованы не только из-за того, что переворот был поддержан человеком, за которого они совсем недавно голосовали в ходе президентской избирательной кампании, Паулем фон Гинденбургом, но и из-за своего катастрофического поражения на прусских парламентских выборах в апреле 1932 г. Когда нацисты увеличили свое представительство в прусском законодательном собрании с 9 мест до 162, а коммунисты с 48 до 57, социал-демократы потеряли треть своих мандатов, сократив число мест со 137 до 94. Теперь ни у одной партии не было большинства, и существующая администрация под руководством Брауна и Северинга работала как правительство меньшинства с соответствующим ослаблением политических позиций. Помимо этого в руководстве партии распространилось ощущение беспомощности из-за долгого несопротивления жесткой политике ограничений Брюнинга. Профсоюзы не могли как-либо воспрепятствовать перевороту, потому что массовая безработица сделала невозможной всеобщую забастовку, миллионы отчаявшихся, безработных людей не имели другого выбора, кроме как устраиваться на работу в качестве штрейкбрехеров, и профсоюзы это знали. Поэтому возможность повторного выступления объединенного рабочего движения, которое победило Капповский путч в 1920 г., не рассматривалась. Нацисты ликовали. «Достаточно всего лишь оскалиться на красных, и они падают на колени», — писал шеф нацистской пропаганды Йозеф Геббельс в своем дневнике 20 июля. Социал-демократы и профсоюзы, отмечал он с удовлетворением, «не пошевелили и пальцем». «Красные, — писал он немногим позднее, — упустили свой шанс. И он больше никогда не повторится»¹³⁷.

Роковые решения

I

Перевоорот Папена произошел в середине самой неистовой и жестокой избирательной кампании из всех на тот момент, которая проводилась в еще менее разумной и более ожесточенной атмосфере, чем предыдущие две. Гитлер снова летал по Германии от встречи к встрече, выступив перед огромными толпами на более чем пятидесяти крупных собраниях, осуждая разделение, унижения и провалы Веймара и рисуя неопределенную, но заманчивую перспективу лучшего будущего, когда народ наконец объединится. Тем временем коммунисты вешали о революции и пророчили неизбежный распад капиталистического порядка, социал-демократы призывали избирателей подняться против угрозы фашизма, а буржуазные партии выступали за восстановление единства, которое они уж точно не могли осуществить¹³⁸. О разложении парламентской политики свидетельствовал все более эмоциональный стиль партийной пропаганды, даже со стороны социал-демократов. В атмосфере постоянных яростных уличных стычек и демонстраций политическая борьба свелась к войне символов, как ее называли социал-демократы без малейшего намека на критику. Социал-демократы привлекли на свою сторону Сергея Чахотина, радикального ученика Павлова, открывшего условные рефлексы, чтобы тот помог им в избирательной борьбе 1931 г., понимая, что призыва к разуму уже было недостаточно. «Чтобы разум одержал победу, мы должны обращаться к чувствам, душам и эмоциям». На деле разум остался далеко позади. На выборах в июле 1932 г. социал-демократы приказали всем своим местным группам, чтобы члены партии носили партийные значки, использовали приветствие со сжатым кулаком при встречах друг с другом и выкрикивали девиз «Свобода!» при любой подходящей возможности. В том же духе коммунисты уже давно использовали символ серпа и молота,

а также ряд различных девизов и приветствий. Принимая такой стиль, партии ставили себя на один уровень с нацистами, со свастикой которых, приветствием «Хайль Гитлер!» и простыми, экспрессивными лозунгами им было сложно соревноваться¹³⁹.

В поисках образа, достаточно мощного, чтобы противостоять призыву нацистов, социал-демократы, «Рейхсбаннер», профсоюзы и ряд рабочих организаций, связанных с социалистами, 16 декабря 1931 г. объединились, образовав «Железный фронт» для борьбы с «фашистской» угрозой. Новое движение многое позаимствовало из пропагандистского арсенала коммунистов и национал-социалистов. Длинные, скучные речи следовало заменить короткими, четкими призывами. Традиционный упор трудового движения на образование, разум и науку должен был уступить место новым мотивам, призванным возбуждать массовые эмоции за счет уличных процессий, маршей в униформах и коллективных проявлений воли. В новом стиле пропаганды социал-демократы дошли до того, что придумали символ, который должен был стать альтернативой свастике и серпу с молотом: три параллельные стрелы, выражающие основные цели Железного фронта. Ничто из этого не смогло помочь рабочему движению, многие члены которого, и не в последнюю очередь из занимавших руководящие посты в рейхстаге, отнеслись скептически к подобным инициативам или не смогли адаптироваться к новому способу представления своих политических взглядов. Новый стиль пропаганды ставил социал-демократов на один уровень с нацистами, однако им не хватало динамизма, молодого задора или экстремизма, которые бы могли обеспечить эффективную конкуренцию. Символы, марши и униформа не помогли Железному фронту привлечь новых сторонников, потому что во главе его оставался старый организационный аппарат социал-демократов. С другой стороны, это не ослабило страхов избирателей из среднего класса относительно намерений рабочего движения¹⁴⁰.

Еще более откровенными были избирательные плакаты, использовавшиеся партиями в кампаниях начала 1930-х гг. Общим практически для всех было изображение фигуры гигантского полураздетого рабочего, которая в конце 1920-х гг. стала симво-

лизировать немецкий народ, заменив скромную фигурку «немца Михеля» в его спальном колпаке или еще более редкую женскую персонификацию Германии, которая раньше обозначала нацию. Нацистские плакаты изображали гигантского рабочего, возвышающегося над банком, с заголовком «Международные финансы», который разрушал его мощными ударами отбойного молотка со свастики. На плакатах социал-демократов гигантский рабочий локтями распахивал в стороны нацистов и коммунистов. Плакаты центристской партии показывали гигантского рабочего, несколько более одетого, но все равно с закатанными рукавами, с силой выбрасывающего маленьких нацистов и коммунистов из здания парламента. Народная партия рисовала гигантского рабочего в одной набедренной повязке, раскидывающего прилично одетых политиков всех остальных воюющих фракций в июле 1932 г. (что оказалось практически обратной картиной того, что на самом деле произошло позже на выборах). Даже степенная Националистическая партия использовала гигантского рабочего на своих плакатах, хотя там он только размахивал черно-бело-красным флагом бисмарковского рейха¹⁴¹. По всей Германии избиратели сталкивались с жестокими изображениями гигантских рабочих, разрывающих своих оппонентов на куски, вышвыривающих, выволакивающих их из парламента или возвышающихся над политиками в сюртуках и цилиндрах, которые практически всегда изображались мелкими сварливыми карликами. Неистовая мужественность сметала с пути пререкающиеся, неэффективные и феминизированные политические фракции. Независимо от намерений подсознательный смысл был ясен — пришел конец парламентской политике. Эта идея имела явное воплощение в ежедневных стычках военизированных группировок на улицах, повсеместном распространении униформ на трибунах и в непрестанном насилии и драках на избирательных митингах.

На этой территории ни одна из партий не могла соревноваться с нацистами. Геббельс, конечно, жаловался, что «теперь они воруют у нас наши методы», однако три стрелы не вызывали глубокого резонанса в отличие от знакомой свастики. Если социал-демократы хотели получить хоть малейшие шансы победить

нацистов в их собственной игре, им следовало начинать раньше¹⁴². Геббельс строил избирательную борьбу не на критике работы кабинета Папена, а на критике Веймарской республики. Поэтому в этот раз основными объектами нацистской пропаганды были избиратели центристской партии и социал-демократы. В апокалиптических лозунгах, потоке плакатов, баннеров, листовок, фильмов и речей, обращенных к огромным аудиториям на открытых площадках, рисовалась картина «красной гражданской войны, идущей в Германии», в которой избиратели оказывались перед очевидным выбором: либо старые силы предательства и коррупции, либо национальное возрождение к славному будущему. Геббельс со своей пропагандистской командой стремился ошеломить электорат постоянной бомбардировкой их чувств. Охват достигался не только за счет открытых массовых мероприятий, но и за счет согласованной кампании обхода квартир и раздачи листовок. Микрофоны и динамики разносили речи нацистов по всем публичным местам. Визуальные образы, передаваемые не только в плакатах и журнальных иллюстрациях, но и в массовых демонстрациях и уличных маршах, полностью вытесняли рациональные рассуждения и словесные аргументы в пользу легко усваиваемых стереотипов, которые мобилизовали целый ряд чувств, от возмущения и агрессии до стремления к безопасности и освобождению. Марширующие колонны коричневых рубашек, строгие приветствия и военные позы нацистских лидеров выражали порядок и надежность, а также жестокую решимость. Баннеры и флаги передавали ощущение постоянной активности и идеализма. Агрессивный язык пропаганды, которым пользовались нацисты, создавал повторяемые стереотипные образы их оппонентов — «ноябрьских преступников», «красных баронов», «еврейских кукольников», «красной своры убийц». Вместе с тем, поскольку нацистам необходимо было успокоить средний класс, гигантский рабочий теперь иногда изображался в благожелательной позе, уже не диким и агрессивным, но одетым в рубашку и передающим рабочие инструменты безработным, вместо того чтобы потрясать ими и уничтожать своих врагов. Нацисты были готовы создать ответственное правительство¹⁴³.

Такая беспрецедентно интенсивная избирательная пропаганда вскоре принесла ожидаемые результаты. 31 июля выборы в рейхстаг показали неосмотрительность тактики Папена. Выборы не только не сделали Гитлера и нацистов более сговорчивыми, но и принесли им еще большую поддержку — число отданных за них голосов увеличилось более чем в два раза, с 6,4 млн до 13,1 млн, что сделало их самой многочисленной партией в рейхстаге. Они получили 230 мест, почти на 100 мест больше, чем было у следующей самой крупной группы, социал-демократов, которым удалось ограничить свои потери десятью местами и отправить в новое законодательное собрание 133 депутата. 18,3 % голосов, которые нацисты получили в сентябре 1930 г., также увеличились более чем в два раза, до 37,4 %. Продолжающаяся поляризация политической сцены была отмечена очередным увеличением представительства коммунистов, которые теперь получили 89 мест вместо 77. И хотя центристская партия также смогла набрать большее количество голосов и получить в новом парламенте 75 мандатов (ее самое большое представительство за всю историю), националисты понесли дальнейшие потери и скатились с 41 места до 37, что фактически перевело их в положение маргинальной партии. Однако самым удивительным оказалось практически полное исчезновение партий центра. Народная партия потеряла 24 из 31 места, Экономическая партия — 21 из 23, а Государственная партия, бывшие демократы, — 16 из 20. Масса крайне правых группировок, которые имели такую широкую поддержку у среднего класса в 1930 г., также развалились, сохранив лишь 9 из прежних 55 мандатов. Левые и правые теперь стояли вплотную в рейхстаге, поскольку центр между ними сократился до несущественных размеров: голосам социал-демократов и коммунистов, общее количество которых равнялось 13,4 млн, противостояли 13,8 млн голосов нацистов, а все остальные партии вместе получили всего 9,8 млн голосов¹⁴⁴.

Причины успеха нацистов на выборах в июле 1932 г. были в основном теми же, что и в сентябре 1930 г. Более чем два года глубокого кризиса в обществе, политике и экономике сделали эти факторы еще более мощными, чем раньше. Выборы подтвердили статус нацистов как пестрой коалиции недовольных, на этот

раз еще более притягательной для людей среднего класса, которые явно преодолели свои колебания, имевшиеся два года назад, когда они поддерживали разрозненные правые группировки. Избиратели из партий среднего класса к этому моменту почти все вступили в ряды нацистской партии. Каждый второй из избирателей, поддержавших расколотые партии в сентябре 1930 г., теперь перешел к нацистам, как и каждый третий из тех, кто голосовал за националистов, Народную или Государственную партии на предыдущих выборах в рейхстаг. Двадцать процентов избирателей, которые раньше не принимали участия в выборах, теперь пришли на участки, чтобы отдать свои голоса (особенно это касалось женщин) за нацистов. Даже один человек из семи, раньше голосовавших за социал-демократов, теперь голосовал за нацистов. Увеличение голосов партии на тридцать процентов было обеспечено поддержкой людей, чьи голоса раньше принадлежали отколовшимся партиям. Среди таких избирателей было много тех, кто поддерживал националистов в 1924 и 1928 гг. К нацистам перешли даже некоторые коммунисты и члены Католической центристской партии, хотя на их долю приходилось примерно столько же людей, переметнувшихся от нацистов обратно. Нацистская партия продолжала быть привлекательной в основном для протестантов — ее поддерживало только 14 % католиков в отличие от 40 % некаатоликов. В этот раз 60 % голосовавших за нацистов были представителями среднего класса, а оставшиеся 40 % голосов принадлежали повременным низкоквалифицированным рабочим и их иждивенцам, хотя, как и раньше, в подавляющем большинстве это были рабочие, чьи связи с рабочим движением по разным причинам были слабы. Обратная зависимость между долей нацистских голосов в любой избирательной группе и уровнем безработицы была, как всегда, сильна. Нацисты продолжали быть всеобщей партией социального протеста, пользовавшейся особенно сильной поддержкой у среднего класса и относительно небольшой у традиционно-го класса промышленных рабочих и католического сообщества, в первую очередь там, где существовала сильная экономическая и организационная поддержка рабочего движения или добровольных католических ассоциаций¹⁴⁵.

И хотя июль подарил нацистам заметное увеличение мест в рейхстаге, но достигнутый результат несколько разочаровал руководителей партии. Для них наиболее важным было не то, что они улучшили свои позиции по сравнению с предыдущими выборами в рейхстаг, а то, что им не удалось увеличить число своих голосов во втором раунде президентских выборов в прошлом марте или на выборах в Пруссии в прошлом апреле. Поэтому складывалось ощущение, что нацисты достигли своего предела. В частности, несмотря на серьезные усилия, партии удалось добиться крайне ограниченного успеха в том, что они считали своей главной задачей, — ограничить круг избирателей, голосующих за социал-демократов и центристскую партию. Поэтому повторения праздника, которым нацисты отмечали свою победу на выборах в сентябре 1930 г., не было. Геббельс поведал своему дневнику о чувстве, что «мы выиграли всего чуть-чуть», не более того. «Так мы не сможем получить абсолютного большинства», — заключал он. Поэтому выборы принесли новое чувство неизбежности того, что, по словам Геббельса, должно было произойти. «Время для оппозиции закончилось. Пришло время действовать!»¹⁴⁶ Наступил момент для захвата власти, добавил он на следующий день, отметив, что Гитлер согласен с его мнением. Иначе, если они будут придерживаться этого парламентского пути к власти, то любая остановка в увеличении числа голосов позволяла предположить, что со временем ситуация может выскользнуть из их рук. Вместе с тем Гитлер исключал возможность вхождения в состав правительственной коалиции под руководством другой партии, что ему действительно необходимо было сделать, учитывая, что его собственная партия теперь имела самое большое число мест в национальном законодательном собрании. Поэтому сразу после выборов Гитлер настаивал на том, что он войдет в состав правительства только как рейхсканцлер. Это был единственный пост, который не уронил бы его престижа в глазах сторонников. В отличие от подчиненной должности в кабинете, он также дал бы ему хорошие шансы превратить доминирование в правительстве в национальную диктатуру, используя все силы государства, которые оказались бы тогда в его распоряжении.

II

Как могли бы быть использованы такие силы, наглядно продемонстрировал инцидент, случившийся ранним августом 1932 г. В попытке взять ситуацию под контроль Папен наложил запрет на публичные политические митинги 29 июля. В результате активисты лишились законного политического способа давать выход своим политическим страстям. Так что это еще сильнее разожгло насилие на улицах. Поэтому 9 августа Папен издал еще один чрезвычайный президентский декрет, требовавший смертной казни для любого, кто убивал политического оппонента из ненависти или гнева. Этот декрет в первую очередь был нацелен на коммунистов. Но в ранние часы следующего утра группа пьяных штурмовиков, вооруженных резиновыми дубинками, пистолетами и сломанными бильярдными киями, вломилась на ферму в деревне Потемпа в Верхней Силезии и напала на одного из ее жителей, сторонника коммунистов Конрада Пьецуха. Его ударили по лицу кием, повалили на землю, били ногами и наконец, уже бесчувственного, прикончили из револьвера. Пьецух был поляком, что придавало инциденту помимо политического еще и расовый оттенок, а некоторые коричневые рубашки имели против него личные счета. Тем не менее это было, безусловно, политическое убийство, и пятеро штурмовиков были арестованы, их судили и приговорили к смертной казни в близлежащем городке Бойтене. Вскоре после объявления вердикта штурмовики пронеслись по улицам Бойтена, громя еврейские магазины и разрушая офисы либеральных и левых газет. Гитлер лично и открыто назвал несправедливым этот «чудовищный кровавый вердикт», а Герман Геринг отправил открытое письмо с выражением солидарности осужденным «с безграничной горечью и гневом от этого ужасного приговора»¹⁴⁷.

Это убийство теперь стало камнем преткновения в переговорах между Гитлером, Папеном и Гинденбургом по поводу участия нацистов в правительстве. По иронии судьбы президент Гинденбург в любом случае не хотел видеть Гитлера в должности канцлера, потому что назначение правительства под управлением лидера партии, выигравшей на выборах, теперь означало бы возвращение

к парламентской системе правления. А теперь он был потрясен потемпским убийством. «Я не сомневаюсь в вашей любви к родине, — покровительственно сказал он Гитлеру 13 августа 1933 г., добавив, однако: — Против возможных актов террора и насилия, которые, к сожалению, проводятся членами подразделений СА, я буду бороться со всей возможной суровостью». Папен также не хотел разрешать Гитлеру возглавить кабинет. После срыва переговоров Гитлер объявил:

Товарищи по немецкой расе! Любой из вас, кто имеет какие-либо чувства по поводу борьбы во имя чести и свободы нации, поймет, почему я отказываюсь входить в это правительство. Правосудие герра фон Папена в конечном счете может отправить на смерть тысячи национал-социалистов. Разве кто-то думал, что они могут приписать и мое имя к этому акту слепой агрессии, этому вызову для целого народа? Эти господа ошибаются! Герр фон Папен, теперь я знаю, что такое ваша кровавая «объективность»! Я хочу победы для националистической Германии и ликвидации марксистских предателей и развратителей. Я не подхожу на роль палача борцов за национальную свободу немецкого народа!¹⁴⁸

Поддержка Гитлером жестокого насилия штурмовиков была выражена предельно ясно. Этого было достаточно, чтобы напугать Папена, который никогда не хотел, чтобы его декрет использовался против нацистов, в результате чего приговор для осужденных преступников 2 сентября был заменен на пожизненное заключение в надежде умиротворить лидеров нацистов¹⁴⁹. Вскоре после этого инцидента Гитлер заморозил деятельность штурмовиков на пару недель, опасаясь другого запрета. Однако ему не стоило беспокоиться¹⁵⁰.

Тем не менее нацисты, почувствовавшие аромат победы после июльских выборов, испытали горькое разочарование из-за того, что их руководство не смогло войти в правительство. Провал переговоров с Гитлером оставил для Папена и Гинденбурга неразрешенной проблему завоевания массовой поддержки. Казалось, что момент для уничтожения парламентской системы наступил, но как им было добиться этого? Папен, заручившись поддержкой

Гинденбурга, решил распустить новый рейхстаг, как только тот соберется. После этого он бы воспользовался или, скорее, злоупотребил правом президента править на основе чрезвычайных полномочий, чтобы издать декрет о том, что выборы больше проводиться не будут. Однако, когда новый рейхстаг собрался в сентябре, среди всеобщего хаоса Герман Геринг, председательствовавший на заседании по традиции как представитель крупнейшей партии, сознательно проигнорировал попытки Папена объявить о роспуске и одобрил предложение коммунистов о выдвижении вотума недоверия правительству. За это предложение проголосовали 512 депутатов, 42 — против и 5 воздержались. Это голосование было настолько унижительным и настолько ярко показало, что Папен не имеет поддержки в стране, что план упразднить выборы был забыт. Правительству ничего не оставалось, кроме как последовать конституции и назначить новые выборы в рейхстаг на ноябрь¹⁵¹.

В новой избирательной кампании Гитлер, взбешенный тактикой Папена, начал яростную атаку на правительство. Он заявил, что правительство аристократических реакционеров никогда бы не смогло добиться сотрудничества от такого человека народа, как он сам. Нацистская пресса трубила о еще одном триумфальном предвыборном туре вождя по немецким землям, однако все рассказы о массовой поддержке и диком энтузиазме, с которым люди принимают речи Гитлера, не могли скрыть, по крайней мере от партийного руководства, тот факт, что многие залы, где выступал Гитлер, теперь были заполнены только наполовину и что множество кампаний этого года поставили партию в очень сложную финансовую ситуацию, которая не позволяла вести пропаганду на том же уровне, что и во время предыдущих выборов. Более того, популистские атаки Гитлера на Папена напугали избирателей из среднего класса, которые решили, что снова видят пробуждение нацистского «социалистического» характера. Участие в масштабной забастовке транспортных рабочих в Берлине вместе с коммунистами в преддверии выборов не помогло улучшить образ партии в глазах берлинского пролетариата, хотя это было целью Геббельса, а кроме того, лишило ее симпатий сельских избирателей и заставило отвернуться некоторых изби-

рателей из среднего класса. Когда-то свежие методы пропаганды партии теперь были известны всем. У Геббельса не оставалось карт в рукаве, чтобы снова поразить электорат. Лидеры нацистов подавленно смирились с перспективой жестокого поражения в день выборов¹⁵².

Настроение больших групп протестантского среднего класса было удачно подмечено в дневнике Луизы Зольмиц, бывшей школьной учительницы из Гамбурга. Она родилась в 1899 г. и вышла замуж за бывшего офицера, долгое время была поклонницей Гинденбурга и Гугенберга, с обычным протестантским презрением считала Брюнинга «жалким иезуитом» и в своем дневнике часто сокрушалась о жестокости нацистов¹⁵³. Но в апреле 1932 г. ей довелось услышать речь Гитлера на массовом митинге в пригороде Гамбурга, и атмосфера этого мероприятия, публика, состоящая из людей самого разного общественного положения, равно как и сама речь, заставили ее проникнуться энтузиазмом¹⁵⁴. «Дух Гитлера уносит тебя прочь, — писала она, — он немецкий, и он верный»¹⁵⁵. Все друзья ее семьи из среднего класса поддерживали Гитлера уже давно, и можно было с уверенностью сказать, что они бы проголосовали за него в июле. Однако у них вызвало неприятие развязное отношение Геринга к рейхстагу на его открытии и переход нацистов влево в ноябрьской избирательной кампании. Теперь они больше склонялись к поддержке Папена, хотя и без особого энтузиазма, потому что он был католиком. «Я голосовал за Гитлера дважды, — говорил старый друг, бывший солдат, — но больше не буду». «Гитлер меня огорчил, — говорил другой знакомый. — Я больше не могу его поддерживать». По мнению Луизы Зольмиц, поддержка Гитлером берлинской забастовки транспортных рабочих стоила ему тысяч голосов. Она делала пессимистический вывод, что Гитлера интересовала не Германия, а только власть. «Почему Гитлер бросил нас после того, как показал будущее, которому мы могли сказать “да”?» — спрашивала она. В ноябре семья Зольмиц голосовала за националистов¹⁵⁶.

Учитывая такое разочарование, неудивительно, что особых успехов нацисты не имели. На выборах с явкой гораздо меньшей, чем в июле, число голосов партии резко упало с 13,7 млн до 11,7 млн, вследствие чего ее представительство в рейхстаге

сократилось с 230 мест до 196. Нацисты все еще оставались самой крупной партией. Но теперь у них было меньше мест, чем у двух марксистских партий, вместе взятых¹⁵⁷. Социал-демократическая газета «Вперед» объявила о «закате Гитлера»¹⁵⁸. «Мы регрессировали», — отмечал в своем дневнике Йозеф Геббельс¹⁵⁹. И напротив, выборы принесли определенные выгоды правительству. Националисты увеличили свое представительство с 37 до 51 места, а Народная партия с 7 до 11. Им удалось вернуть многих своих избирателей, которые временно отошли к нацистам. Но это все равно были ничтожные количества, немногим больше трети от того, что две партии набирали в пору своего расцвета в 1924 г. Падение бывших демократов, Государственной партии, продолжилось, и их представительство снизилось с четырех мест до двух. Социал-демократы потеряли еще 12 мест, получив 121 мандат — самый низкий показатель с 1924 г. С другой стороны, коммунисты, все еще третья самая крупная партия, продолжали улучшать свое положение, получив на 11 мест больше, в общей сумме 100 мест — немногим меньше, чем у социал-демократов. Для многих немцев из среднего класса это было ужасающей демонстрацией угрозы коммунистической революции в недалеком будущем. Центристская партия также понесла небольшие потери, получив 70 мест вместо прежних 75, часть этих голосов ушла нацистам, а часть — их баварскому крылу, Баварской народной партии¹⁶⁰.

В целом рейхстаг оказался еще менее управляемым, чем раньше. Теперь сто коммунистов противостояли 196 нацистам, и те и другие намеревались уничтожить парламентскую систему, которую они ненавидели и презирали. В результате словесных нападок на них со стороны правительства в ходе кампании центристы и социал-демократы стали более враждебно относиться к Папену, чем когда-либо. Папену совершенно не удалось ликвидировать последствия своего унижения в рейхстаге 12 сентября. Его правительству все так же противостояло подавляющее большинство в законодательном собрании. Папен думал разрубить этот гордиев узел, запретив партии нацистов и коммунистов и воспользовавшись армией для введения президентского режима правления в обход рейхстага. Однако это оказалось практически

невозможно, потому что к этому моменту он неотвратимо потерял доверие армии и руководящих офицеров. Ранее в этом году армейская верхушка вынудила уйти в отставку министра обороны, генерала Вильгельма Грёнера, сочтя его готовность идти на компромисс с Веймарской республикой и ее институтами неприемлемой в новых обстоятельствах. Его заменил Шлейхер, взгляды которого больше соответствовали взглядам руководящего офицерского состава. В свою очередь Шлейхер был раздражен тем, что канцлер осмелился иметь собственные идеи и планы по установлению авторитарного режима вместо того, чтобы следовать инструкциям человека, столько сделавшего для того, чтобы он пришел к власти, то есть самого Шлейхера. Папену также поразительным образом не удалось обеспечить парламентского большинства, составленного в основном из нацистов и центристской партии, которого добивались Шлейхер и армейское руководство. Настало время для новых инициатив. Шлейхер тихо уведомил Папена, что армия не хотела идти на риск гражданской войны и больше не будет его поддерживать. Правительство согласилось, и Папену ввиду неконтролируемого насилия на улицах и отсутствия каких-либо средств для предотвращения его дальнейшего разрастания пришлось объявить о своем решении подать в отставку¹⁶¹.

III

За этим последовали две недели сложных переговоров под руководством Гинденбурга и его окружения. В этот раз конституция вернулась к своему состоянию времен бисмарковского рейха, когда правительства назначались главой государства без консультаций с парламентским большинством или законодательными собраниями. Как политическая сила рейхстаг был полностью отодвинут на задворки. По сути дела он был больше не нужен, даже для принятия законов. Вместе с тем оставалась проблема, связанная с тем, что любое правительство, которое попыталось бы изменить конституцию в авторитарном направлении без легитимных оснований, обеспеченных поддержкой

большинства в законодательном собрании, породило бы серьезный риск начала гражданской войны. Поэтому поиски парламентской поддержки продолжались. Поскольку нацисты отказались от участия в этой игре, 3 декабря Шлейхеру пришлось вступить в должность канцлера самому. Его министерство было обречено с самого начала. Гинденбурга возмутило смещение Папена, которого он поддерживал и которому доверял, разделяя многие его идеи. На несколько недель Шлейхеру, которого центристская партия и социал-демократы ненавидели меньше Папена, удалось получить передышку, избегая повторения авторитарной риторики Папена. Он продолжал надеяться, что нацисты могут поддержать его. Они были ослаблены ноябрьскими выборами и разделились в отношении дальнейших шагов. Более того, в начале декабря на местных выборах в Тюрингии число их голосов резко упало почти на 40 % по сравнению с самым высоким результатом в прошлом июле. Кроме того, год интенсивных избирательных кампаний сделал партию практически банкротом. Казалось, все само идет Шлейхеру в руки¹⁶².

Внутри нацистской партии стали раздаваться голоса, критикующие Гитлера за его отказ присоединиться к коалиционному правительству кроме как в роли его главы. Заводилой здесь стал начальник партийной организации, Грегор Штрассер, который прекрасно осознавал затруднительное положение, в которое Гитлер поставил организацию, с таким трудом создававшуюся в предыдущие годы. Штрассер начал вести работу как с крупным бизнесом с намерением обновить партийные фонды, так и с профсоюзами, которые он хотел привлечь на свою сторону, посулив возможность участия в масштабной национальной коалиции. Будучи в курсе его взглядов, его враги в нацистском руководстве, главным из которых был Йозеф Геббельс, начали плести интриги за спиной Штрассера с целью обвинить его в том, что он пытается остановить движение партии к власти¹⁶³. Ситуация перешла в решающую стадию, когда Шлейхер, хотевший надавить на Гитлера, чтобы тот вошел в кабинет, начал отдельные переговоры со Штрассером, предлагая ему место в правительстве. Однако Гитлер твердо решил, что нацисты не будут участвовать в правительстве, главой которого не будет он сам. На мрачной встрече

с Гитлером Штрассер тщетно убеждал того прислушаться к его точке зрения. 8 декабря, получив очередной решительный отказ, в приступе оскорбленной гордости он подал в отставку со всех партийных должностей.

Гитлер действовал быстро, чтобы избежать раскола партии, уволив известных сторонников своего бывшего первого заместителя и лично обратившись к колеблющимся. В кратком ураганном турне по стране Гитлер провел переговоры с группами партийных функционеров и убедил их в правоте своей позиции, приписав Штрассеру роль предателя, подобно тому как Сталин назвал Троцкого врагом народа в Советском Союзе примерно в это же время. Опасность раскола была реальной, Гитлер и Геббельс относились к ней крайне серьезно. Однако этот раскол был связан с различиями тактического характера, а не с принципиальными расхождениями. Штрассер ни в коей мере не представлял будущее партии иначе, чем Гитлер, его идеологическая позиция была очень схожа с его руководителями, и он полностью поддерживал исключение в 1930 г. своего брата Отто, убеждения которого действительно были гораздо левее основного направления партии. И Штрассер не разжигал какой-либо борьбы в декабре 1932 г. Если бы он стал вести кампанию в поддержку своей точки зрения, ему бы вполне удалось привлечь на свою сторону значительную часть членов партии, нанеся ей, таким образом, фатальный удар. Напротив, он ничего такого не делал. Он поехал в отпуск в Италию сразу после своей отставки, и хотя фактически не был исключен из партии, больше не принимал участия в ее делах и полностью отошел от политической жизни. Гитлер назначил себя на должность начальника партийной организации и упразднил централизованную структуру партийного управления Штрассера на случай, если ее придется передать в руки кому-либо другому. Партийный кризис миновал. Гитлер вместе с руководством снова могли спокойно вздохнуть¹⁶⁴.

Неудача, которую Шлейхер потерпел в попытке получить поддержку нацистов, оказалась решающей. Внешне, конечно, его перспективы в начале года не казались такими уж безнадежными. Нацистская партия переживала упадок, и даже ее успешное

выступление на региональных выборах в небольшой земле Липпе 15 января, когда она получила 39,5 % голосов, многих не убедило, учитывая, что общее число избирателей, принявших участие в тех выборах, составило 100 000 человек. Масштабная пропаганда и кампании беспрецедентной интенсивности также не смогли увеличить число голосов нацистов в июле 1932 г. Гитлер с Геббельсом смогли возродить радужные настроения нацистов и усилить решимость своих сторонников, трубя во все стороны о триумфе, однако большинство ключевых фигур в политическом мире лучше знали, что происходит¹⁶⁵. В других отношениях нацисты также переживали упадок. Их доля голосов на выборах в студенческих профсоюзах, например, упала с 48 % в 1932 г. до 43 % в начале 1933 г.¹⁶⁶ Тем временем мировая экономическая ситуация наконец начала улучшаться, казалось, что депрессия отступает, и Шлейхер, осознавая возможности, открывшиеся для Германии после отказа от золотого стандарта восемнадцать месяцев назад, готовился к программе массового создания рабочих мест, чтобы снизить безработицу за счет государственных общественных работ. Это не предвещало ничего хорошего для нацистов, чей приход к доминированию на выборах в первую очередь был обусловлен депрессией. На региональных выборах они также достигли своего максимума, и все об этом знали.

Однако упадок нацистов и оздоровление экономики, вероятно, могли стать важными факторами только через много месяцев или даже лет. У Шлейхера не было месяцев или лет — только недели. Для Гинденбурга и его советников, в первую очередь для его сына Оскара, статс-секретаря Мейснера и бывшего канцлера Франца фон Папена, и в данный момент было важнее, чем когда-либо, успокоить нацистов, введя их в состав правительства. Недавние поражения и расколы среди нацистов, казалось, поставили их в ситуацию, когда сделать это было проще. Однако если бы их проблемы продолжились, то в предсказуемом будущем с ожидаемым подъемом экономики могло произойти восстановление старых политических партий и возврат парламентского правительства, возможно даже с участием социал-демократов. Альфреда Гугенберга точно так же беспокоила такая

перспектива. Некоторые из экономических схем Шлейхера, к которым относились возможная национализация стальной промышленности и декабрьское аннулирование папеновских сокращений зарплат и льгот, установленных в предыдущем сентябре, также вызывали беспокойство среди предпринимателей, к чьим интересам Гинденбург и Гугенберг относились очень серьезно. Будучи землевладельцем, Гинденбург еще активнее отрицал предложения Шлейхера по земельной реформе в Ост-Эльбии, где предлагалось распределять имения разорившихся юнкеров среди крестьян. Вокруг Гинденбурга начала формироваться коалиция консервативных сил, намеревавшаяся избавиться от Шлейхера, заявление которого о том, что он не отдаст предпочтения ни капитализму, ни социализму, они считали крайне тревожным¹⁶⁷.

Заговорщики заручились поддержкой «Стального шлема» и его лидеров, Франца Зельдте и Теодора Дюстерберга, в своем намерении сместить Шлейхера и заменить его рейхсканцлером, которого они сочтут более приемлемым. Насчитывавшие полмиллиона человек, стальные шлемы потенциально были грозной боевой силой. Однако они были глубоко расколоты изнутри, их лидеры Зельдте и Дюстерберг были на ножах друг с другом и хронически не могли решить, принимать ли на выборах сторону нацистов или консерваторов. Их приверженность идее «быть выше партий» являлась источником постоянных внутренних споров, вместо того чтобы быть объединяющей силой. В этой ситуации многие ведущие фигуры ветеранской организации с определенным успехом высказались за возврат к действиям, связанным с соцобеспечением, военным тренировкам, к «защите» восточных границ Германии за счет широкого присутствия военизированных отрядов и другим практическим задачам. Стальные шлемы считали себя в первую очередь армией резерва, которую при необходимости можно призвать для пополнения рядов официальных вооруженных сил, численность которых была не больше одной пятой от их собственной благодаря ограничениям, установленным Версальским мирным договором. Катастрофическое поражение Дюстерберга на президентских выборах убедило многих в разумности ухода с политического поля боя.

Его прошлое прусского офицера было причиной недоверия к нацистам, которых он считал слишком грубыми и неорганизованными, чтобы быть стоящими партнерами. Однако собственное положение Дюстерберга было подорвано обнаружением шокирующего для многих стальных шлемов факта о том, что он имел еврейские корни. Поэтому человеком, выступившим от имени стальных шлемов в заговоре по устранению Шлейхера в начале 1933 г., стал Зельдте¹⁶⁸.

Сам Папен, хотя и находился в центре заговора, очевидно, не подходил на роль нового канцлера, поскольку за предыдущие несколько месяцев от него отвернулись практически все в окружении Гинденбурга, и у него не было массовой поддержки в стране. Лихорадочные переговоры наконец привели к плану сделать канцлером Гитлера, которого станут контролировать большинство консервативных коллег-министров. Этот план следовало претворить в жизнь как можно скорее ввиду слухов о том, что Шлейхер в сотрудничестве с начальником Руководства сухопутных войск, генералом Куртом фон Хаммерштейном, готовил контрпереворот. Он, вероятно, намеревался установить авторитарное корпоративное государство, ликвидировать рейхстаг президентским указом, передать управление армии и разом подавить сопротивление и нацистов и коммунистов. «Если новое правительство не будет сформировано к 11 часам, — сказал Папен Хугенбергу и лидерам “Стального шлема” 30 января, — поднимется армия. Над нами висит угроза военной диктатуры под началом Шлейхера и Хаммерштейна»¹⁶⁹.

Слух разошелся, поскольку в политических кругах было известно, что неудача Шлейхера в попытке заручиться поддержкой парламента не оставляла ему других вариантов, кроме как просить президента о самых широких, внеконституционных полномочиях для преодоления кризиса. Когда тот пришел к Гинденбургу с этой просьбой, старый президент и его окружение увидели в этом свой шанс избавиться от раздражающего и ненадежного интригана и отказались. Некоторые считали, что, получив отказ, Шлейхер и армия возьмут ситуацию в свои руки и так или иначе захватят власть, к которой стремились. Однако Шлейхер и армия рассматривали возможность путча только на крайний случай воз-

вращения Папена в рейхсканцелярию, и то только потому, что считали, что назначение Папена может привести к началу гражданской войны. Однако Шлейхер очень желал избежать возникновения такой ситуации и теперь считал назначение рейхсканцлером Гитлера приемлемым решением в том, что касалось армии. «Если Гитлер хочет установить диктатуру в рейхе, — сказал он в доверительной беседе, — то армия станет диктатурой внутри диктатуры»¹⁷⁰. Когда президент отказал ему в возможности управлять вне рамок конституции, Шлейхер вынужден был подать в отставку. В окружении Гинденбурга уже некоторое время обсуждалась возможность назначить Гитлера вместо него. Наконец примерно в полдвенадцатого утра 30 января 1933 г. Гитлер принес присягу рейхсканцлера. В правительстве, главой которого он стал, численно доминировали Папен и его коллеги-консерваторы. Радикальное крыло изрядно сократившейся Националистической партии было представлено Альфредом Гугенбергом, который стал главой министерства экономики и министерства продовольствия. Барон Константин фон Нойрат, бывший министром иностранных дел при Папене и Шлейхере, остался на этом посту, как и граф Лутц Шверин фон Крозиг, сохранивший пост министра финансов, а немногим позже было решено оставить в должности министра юстиции Франца Гюртнера от националистов. Военное министерство перешло в руки Вернера фон Бломберга. Франц Зельдте, представлявший «Стальной шлем», возглавил министерство труда.

Только два из главных министерств страны перешли нацистам, но в обоих из них им достались ключевые посты, что Гитлер сделал непременным условием сделки: министерство иностранных дел, которое возглавил Вильгельм Фрик, и сама рейхсканцелярия, перешедшая под начало Гитлера. Герман Геринг был назначен рейхсминистром без портфеля и действующим министром внутренних дел Пруссии, что давало ему прямой контроль над полицией в большей части Германии. Таким образом, нацисты могли манипулировать ситуацией, связанной с обеспечением правопорядка, в своих интересах. Даже если бы они действовали самым неумелым образом, вскоре для штурмовиков открылась бы возможность выплеснуть на улицы новую волну насилия

против своих оппонентов. Франц фон Папен стал вице-канцлером и продолжал править Пруссией в качестве рейхскомиссара, формально являясь начальником Геринга. В окружении друзей Папена, мнению которых полностью доверял рейхспрезидент Гинденбург, Гитлера и нацистов — грубых, необразованных, неопытных в управлении — можно было бы легко контролировать. «Вы неправы, — высокомерно ответил Папен скептически настроенному помощнику, который высказал свои опасения по этому поводу. — Мы использовали его в наших целях»¹⁷¹. «В течение двух месяцев, — конфиденциально заявил Папен обеспокоенному знакомому-консерватору, — мы задвинем Гитлера так глубоко в угол, что он и пискнуть не сумеет»¹⁷².

ГЛАВА 5

РОЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Начало террора

I

То, что назначение Гитлера рейхсканцлером не было обычной переменной в правительстве, стало совершенно ясным, когда Геббельс организовал факельное шествие коричневых рубашек, стальных шлемов и людей из СС через Берлин, которое началось в семь часов вечера 30 января 1933 г. и закончилось далеко за полночь. Одна пронацистская газета в порыве энтузиазма указала число маршировавших 700 000 человек¹. Более правдоподобным, чем эта довольно фантастическая цифра, был отчет другой газеты, в котором парад одобрительно назывался «незабываемым зрелищем», в котором в общей сложности приняли участие 61 000 человек, из них 18 000 коричневых рубашек и членов СС, 3000 стальных шлемов и 40 000 гражданских лиц, по третьей оценке в более враждебно настроенном источнике, число маршировавших в униформе составляло не более 20 000. Толпы любопытных зевак высыпали на улицы, чтобы посмотреть марш. Многие из них приветствовали проходивших участников. Это зрелище было типичным для сценических постановок, которые Геббельс отточил до совершенства в последующие годы. Наблюдая за маршем на улице Берлина, молодой Ганс Иоахим Хельденбранд оказался в месте, где штурмовики останавливались, чтобы заменить гаснущие факелы на новые. Всматриваясь в их лица в течение вечера, он начал замечать одних и тех же людей, появляющихся рядом с ним снова и снова. «Ты, — сказал ему отец, — сейчас видишь мошенничество. Они постоянно ходят кругами, чтобы создавалось впечатление, что их сотни тысяч»².

Когда колонны в военных униформах проходили мимо, старый Гинденбург подошел к окну на первом этаже своей официальной резиденции, чтобы принять приветствие. Чтобы символизировать относительные позиции националистов и нацистов в новом правительстве, Геббельс поставил людей СА во главе

парада, а за ними пустил стальных шлемов. Пока в течение нескольких часов Гинденбург чопорно стоял у окна, его внимание начало теряться, а в мыслях он возвращался к славным первым дням Первой мировой войны. Один из его помощников позже рассказывал английскому писателю Джону Уилеру-Беннету:

Коричневые рубашки шли неуклюжей походкой, а за ними серыми рядами шагали стальные шлемы с четкостью, рожденной дисциплиной. Старый маршал смотрел на них из своего окна, как во сне, потом поманил стоявших сзади него через плечо. «Людендорф, — сказал старик, — как хорошо маршируют ваши люди, и как много пленных они захватили!»³

Был Гинденбург сбит с толку или нет, нацистская пресса представила его центральной фигурой в этом ликовании, а парады были названы «данью Гинденбургу от его народа»⁴. Полиция сыграла свою роль, сопровождая и в конечном счете принимая участие в общем торжестве. Они направили прожектор на окно, где стоял президент, чтобы все могли видеть, как он принимает приветствия марширующих⁵. Повсюду были черно-бело-красные флаги. По радио Герман Геринг сравнивал эту толпу с массами людей, собравшихся праздновать начало Первой мировой войны. «Общее настроение, — заявил он, — можно сравнить только с августом 1914 г., когда нация так же поднялась на защиту того, что ей принадлежало». «Стыд и позор последних четырнадцати лет» были смыты. Дух 1914 г. был возрожден⁶. Эти чувства разделял любой националист. Германия, по заявлению одной националистической газеты, стала свидетелем «второго августовского чуда»⁷. Несколько дней спустя, наблюдая за маршировавшими на улицах среди толпы, Луиза Зольмиц пришла к такому же сравнению: «Это было как 1914 г., каждый мог броситься в объятия к другому во имя Гитлера. Опыянение без вина»⁸. Она могла не вспомнить в тот момент, что дух 1914 г. стал предзнаменованием войны: мобилизации всего народа с целью ведения вооруженной борьбы, подавления внутреннего инакомыслия для подготовки к международной агрессии. Но это было то, к чему теперь стремились нацисты, как подразумевалось

в заявлении Геринга. С 30 января немецкое общество как можно быстрее переводилось на военное положение⁹.

Геббельс ликовал от удавшегося торжества. Ему уже удалось организовать репортаж в прямом эфире на государственном радио, хотя пока у него не было официального поста в новом кабинете. Результаты более чем превзошли его ожидания.

Великий праздник. Там рокошет толпа людей... Пришли факелы. Все начинается в 7 часов. Без перерыва. До 10 часов. Возле «Кайзерхофа». Потом у рейхсканцелярии. Вплоть до полнолуночи. Непрерывно. Миллион человек в движении. Старик приветствует марширующих. Гитлер в соседнем доме. Пробуждение! Спонтанное ликование людей. Неописуемо. Все время новые массы. Гитлер в восторге. Его люди приветствуют его... с неистовым энтузиазмом. Это подготовка к избирательной кампании. Последней. Мы победим, не прилагая усилий¹⁰.

Строки национального гимна чередовались с Песней Хорста Весселя, когда колонны людей в униформе маршировали через Бранденбургские ворота мимо правительственных зданий¹¹.

Многие люди оказались захваченными энтузиазмом демонстраций. Факельные шествия повторились во многих других городах на следующие дни¹². В Берлине днем 31 января национал-социалистический Союз немецких студентов организовал собственный парад, который закончился напротив фондовой биржи («Мекки» немецкого еврейства, как ее называла правая пресса). Появлявшихся брокеров студенты встречали выкриками «умри Иуда»¹³. Наблюдая за еще одним факельным шествием в Гамбурге 6 февраля, Луиза Зольмиц была «опьянена энтузиазмом, ослеплена светом факелов, бившим прямо в глаза, и плыла в их дыму, как в сладком облаке ладана». Как и многие респектабельные буржуазные семьи, Зольмиц взяли своих детей, чтобы те увидели необычное представление. «До этого их впечатление о государстве, — отмечала Зольмиц, — было таким печальным, что сейчас они должны получить действительно сильное представление о своей нации, какое было у нас, и сохранить его в памяти. И так и произошло». С десяти и всю оставшуюся ночь, писала она,

20 000 штурмовиков следовали один за другим, как волны в море, их лица светились энтузиазмом в отблесках факелов. «За вождя, рейхсканцлера Адольфа Гитлера, троекратное “Хайль!”». Они пели «Республика — дрянь»... Рядом с нами маленький мальчик трех лет протягивал свою ручонку снова и снова: «Хайль Гитлер, Хайль Гитлер!» «Смерть евреям» иногда звучало в рядах, и они пели о крови евреев, которая потечет с их ножей.

«Кто тогда принимал это всерьез?» — добавляла она позже в дневнике¹⁴.

Маленькую Мелиту Машман родители-консерваторы взяли с собой, чтобы посмотреть факельный парад 30 января, где она стала свидетельницей одной сцены, которую хорошо помнила долгие годы, — она напоминала ей не только об энтузиазме, но и об угрожающих признаках насилия и агрессии, которыми сопровождался парад, включая

грохот ног, мрачную помпезность красно-черных флагов, мерцающий свет факелов на лицах и песни с мелодиями, которые одновременно были воодушевляющими и сентиментальными.

Колонны маршировали многие часы. Снова и снова среди них мы видели группы мальчиков и девочек едва ли старше нас самих... В какой-то момент один человек вдруг вышел из рядов маршировавших и ударил мужчину, стоявшего всего в паре шагов от нас. Возможно, тот сделал какое-то враждебное замечание. Я увидела, как он упал на землю, по его лицу текла кровь и он кричал. Наши родители быстро увели нас от этой драки, но они не смогли помешать нам увидеть, как человек истекал кровью. Этот образ преследовал меня еще много дней.

Ужас, который он родил во мне, был практически незаметно разбавлен дурманящей радостью. «Мы хотим умереть за флаг», — пели факелonosцы... Меня переполняло жгучее желание быть среди этих людей, для которых это было делом жизни и смерти... Я хотела убежать от своей детской, маленькой жизни и стать частью чего-то большого и всеобъемлющего¹⁵.

Для таких респектабельных людей среднего класса насилие, сопровождавшее марши, казалось случайным и не особо опас-

ным. Однако для других назначение Гитлера стало предвестием катастрофы. Когда иностранные журналисты наблюдали за маршем из окна министерства печати, один журналист заметил, что они стали свидетелями захвата власти, эквивалентного захвату власти Муссолини в Италии одиннадцать лет назад — «марша на Рим в немецком варианте»¹⁶.

В частности, коммунисты прекрасно понимали, что правительство Гитлера, скорее всего, будет принимать самые жесткие меры в отношении их деятельности. Уже вечером 30 января правая пресса призывала запретить партию после того, как колонну штурмовиков с факелами обстреляли из дома в Шарлоттенбурге, в результате чего погиб один полицейский и штурмовик¹⁷. Газета «Красный флаг» была запрещена, а ее экземпляры конфискованы. Полиция арестовала около шестидесяти человек после перестрелки между нацистами и коммунистами в Шпандау¹⁸. Были похожие, хотя и менее масштабные стычки в Дюссельдорфе, Галле, Гамбурге и Мангейме, а в других местах полиция немедленно запретила все демонстрации коммунистов. В Альтоне, Хемнице, Мюнхенберге, Мюнхене и Вормсе и разных рабочих районах Берлина коммунисты организовали массовые демонстрации против нового правительства. Сообщалось, что в Вайсенфельсе в марше против нового правительства участвовало пять тысяч рабочих, в других местах проходили схожие, но не такие многочисленные демонстрации¹⁹. В небольшом вюртембергском городке Мёссингене, где коммунисты получили примерно треть голосов на выборах 1932 г., была организована всеобщая забастовка. Из всего населения в 4000 человек почти 800 вышли на уличный марш против нового правительства, и жители небольшого промышленного центра скоро столкнулись с новыми реалиями, когда полиция начала арестовывать предполагаемых зачинщиков, задержав в конечном счете более 80 участников, 71 из которых позже был обвинен в государственной измене. Руководил полицейской операцией Ойген Больц, президент консервативного католического правительства земли Вюртемберг, который явно опасался масштабного коммунистического восстания. Вспоминая эти события много лет спустя, один из участников с гордостью сказал, что если бы

все последовали примеру Мёссингена, то нацисты никогда не одержали бы верх. Для другого таким же предметом гордости было то, что, как он с простительным преувеличением говорил, «нигде ничего не случилось, кроме как здесь»²⁰.

В некоторых городах рядовые члены рабочих партий были вполне готовы объединить свои усилия перед лицом нацистской угрозы. Но ни коммунисты, ни социал-демократы не сделали ничего, чтобы скоординировать акции протеста в глобальном масштабе. Хотя коммунистическая партия немедленно призвала к всеобщей забастовке, там понимали, что ее перспективы равны нулю без поддержки профсоюзов и социал-демократов, которые не хотели, чтобы ими манипулировали таким образом. Для Коминтерна назначение правительства Гитлера означало, что монополистический капитал сумел заручиться сотрудничеством нацистов в своих планах по ликвидации пролетарского сопротивления созданию фашистской диктатуры. Таким образом, с этой точки зрения ключевой фигурой в кабинете был Хугенберг, представитель промышленников и крупных землевладельцев. Гитлер же был лишь средством²¹. Ряд социал-демократов, включая Курта Шумахера, одного из самых известных депутатов в рейхстаге от партии, разделяли это мнение. Коммунисты также боялись, что «фашистская диктатура» будет означать жестокое подавление рабочего движения, увеличение эксплуатации рабочих, безрасходное стремление к «империалистической войне»²². К 1 февраля 1933 г. в коммунистической прессе уже сообщалось о «волне запретительных приказов в рейхе» и «буре над Германией», в которой «нацистские террористические отряды» убивали рабочих и разносили помещения профсоюзов и офисы коммунистической партии. Впереди, безусловно, можно было ждать еще большего размаха насилия²³.

Другие были менее уверены в намерениях нового кабинета. Столько правительств, столько рейхсканцлеров приходило и уходило в последние несколько лет, что многие люди, очевидно, считали, что новое правительство не будет особенно от них отличаться и проживет не дольше своих предшественников. Даже полная энтузиазма Луиза Зольмиц писала в дневнике:

А что за правительство!!! В июле и мечтать о таком не смели. Гитлер, Хугенберг, Зельдте, Папен!!! С каждым из них связана большая часть моей немецкой надежды. Национал-социалистический напор, немецкий националистический разум, аполитичность стальных шлемов и Папена, которого мы не забыли. Это настолько непередаваемо прекрасно, что я пишу это очень быстро, пока на ум не пришло ничего плохого...²⁴

Для многих читателей газет, сообщавших о назначении Гитлера, ликование коричневых рубашек должно было казаться преувеличенным. Ключевой особенностью нового правительства, о чем красноречиво свидетельствовало участие стальных шлемов в прошедших маршах, безусловно, было численное превосходство консерваторов. «И не националистическое, и не революционное правительство, хотя оно носит имя Гитлера, — писал в своем дневнике один чешский дипломат, живший в Берлине. — Это не Третий рейх, даже номер 2,5 не приписать»²⁵. Более тревожное замечание было высказано французским послом, Андре Франсуа-Понсе. Проницательный дипломат отмечал, что консерваторы были правы, ожидая, что Гитлер согласится с их программой «сокрушения левых, искоренения бюрократии, ассимиляции Пруссии и рейха, реорганизации армии и восстановления военной службы. По его мнению, они назначили Гитлера на пост канцлера, чтобы дискредитировать его, «они считали, что поступили крайне изобретательно, избавившись от волка, поместив его в овчарню»²⁶.

II

Самодовольное убеждение Франца фон Папена и его друзей, что они поместили Гитлера туда, куда им было надо, долго не продлилось. Нацисты заняли только три поста в правительстве. Однако в своей должности рейхсканцлера Гитлер имел значительные полномочия. Таким же важным фактом было то, что нацисты руководили министерством внутренних дел Пруссии и рейха. Это давало широкие возможности в плане закона

и порядка. Пост Геринга в Пруссии, в частности, давал ему контроль над полицией на большей части территории рейха. Хотя Папен в роли рейхскомиссара и был его номинальным начальником, ему было нелегко вмешиваться в повседневные дела министерства по вопросам обеспечения порядка. Более того, новый министр обороны, генерал Вернер фон Бломберг, назначенный по распоряжению армии за день до вступления Гитлера в должность, симпатизировал нацистам гораздо больше, чем думали Папен или Гинденбург. Импульсивный и энергичный человек, Бломберг завоевал серьезное уважение в роли штабного стратега в Первой мировой войне, а позже стал начальником Генштаба. Он был своим человеком армии в правительстве. Однако на него также можно было легко влиять с помощью сильных впечатлений. Во время визита в Советский Союз с инспекцией военных сооружений он был так впечатлен Красной армией, что серьезно размышлял о вступлении в коммунистическую партию, совершенно игнорируя чудовищные политические последствия такого решения. Имея ограниченное военное мировоззрение и практически не интересуясь политикой, он был пластилином в руках такого человека, как Гитлер²⁷.

Бломберг запретил офицерам вступать в нацистскую партию и ревниво защищал независимость армии. Благодаря его верности Гитлеру нацисты не считали необходимым подрывать армию изнутри. Тем не менее они хотели быть уверены, что армия не станет вмешиваться в поток насилия, который они планировали обрушить на страну. Гитлер подчеркнул свое уважение к нейтралитету армии в обращении к старшим офицерам 3 февраля 1933 г. Он завоевал их одобрение, пообещав восстановить призыв, уничтожить марксизм и аннулировать Версальский мирный договор. Офицеры не высказали никаких возражений, когда он представил им пьянящие долговременные планы по захвату Восточной Европы и ее «германизации» за счет выселения миллионов исконных славянских жителей. Нейтралитет армии означал, разумеется, ее невмешательство, и Гитлер продолжил свою линию, убеждая офицеров в том, что «внутренняя борьба» была «не их делом». Он значительно облегчил себе осуществление планов по нейтрализации армии, назначив по совету Бломберга

полковника Вальтера фон Рейхенау, энергичного, честолюбивого, имевшего множество наград штабного офицера, на должность главного помощника Бломберга. Рейхенау также почитал Гитлера и поддерживал с ним хорошие личные отношения. Вместе с Бломбергом он быстро начал добиваться изоляции главнокомандующего армией, генерала Курта фон Хаммерштайна, аристократа-консерватора, который никогда не пытался скрыть своего презрения к нацистам. В феврале 1933 г. Хаммерштейн запретил офицерам приглашать политиков на общественные мероприятия в попытке свести к минимуму отношения с ведущими нацистами, такими как Геринг, к которому всегда обращался высокомерно по его фактическому званию из донацистских времен, «капитан в отставке», кроме случаев, когда называл его прозвищем «свихнувшийся пилот». Хаммерштейн представлял реальную угрозу, потому что отчитывался непосредственно перед президентом. Тем не менее за короткое время Бломбергу удалось ограничить отношения Хаммерштейна с Гинденбургом исключительно военными вопросами. 4 апреля 1933 г. Бломберг стал членом вновь созданного Совета имперской обороны, политического образования, которое позволяло обходить армейское руководство и передавало военную политику в руки Гитлера, который был его председателем, и небольшой группы ведущих министров. Благодаря этим действиям Хаммерштейна и его сторонников удалось нейтрализовать. В любом случае Хаммерштейн был слишком величественным, слишком отстраненным, чтобы участвовать в серьезных политических интригах. Теперь, когда Шлейхер был отстранен от событий, в первой половине 1933 г. ни он, ни какой-либо другой армейский руководитель не мог мобилизовать оппозицию нацистам²⁸. С Фриком и Герингом во главе и армией, отошедшей в сторону, перспективы сдержать насилие нацистов теперь казались как никогда сомнительными. Практически сразу нацисты воспользовались этой тщательно созданной ситуацией и запустили кампанию политического насилия и террора, по сравнению с которой все, что было раньше, казалось детскими играми. 30 и 31 января триумфальные парады и процессии СА и СС уже показали их новообретенную уверенность и силу всем остальным противникам на улицах. Они также

сопровождались актами насилия и антисемитизма. А теперь их число стало быстро увеличиваться. Банды штурмовиков начали нападать на офисы профсоюзов и коммунистов и на дома видных левых деятелей. 4 февраля в помощь им был издан декрет, позволявший арестовывать на срок до трех месяцев тех, кто участвовал в вооруженных беспорядках или актах государственной измены, — декрет, который уж точно не стал бы применяться к гитлеровским штурмовикам²⁹.

Напор насилия ощутимо увеличился, когда Геринг на правах прусского министра иностранных дел приказал прусской полиции 15—17 февраля прекратить наблюдение за нацистами и связанными с ними военизированными организациями и по мере возможности поддержать их действия. 22 февраля он пошел еще дальше и сформировал «вспомогательную полицию», образованную из членов СА, СС и стальных шлемов, которые, несомненно, были младшими партнерами. Это дало штурмовикам зеленый свет для начала бесчинств без какого-либо серьезного вмешательства со стороны официальных государственных защитников закона и порядка. Пока полиция, очищенная от социал-демократов после переворота Папена, преследовала коммунистов и разгоняла их демонстрации, новая организация с одобрения полиции вламывалась в офисы профсоюзов и партий, уничтожала документы и силой выгоняла их обитателей. Основной удар этого насилия, бесспорно, пришелся по коммунистической партии и ее членам. Они уже находились под пристальным наблюдением полиции во времена Веймарской республики. Правительство социал-демократов в Пруссии в начале 1930-х гг., например, сообщало, что ему предоставляли конфиденциальные отчеты о тайных заседаниях центрального комитета коммунистической партии буквально через несколько часов после их проведения. У полиции были свои шпионы на всех уровнях партийной иерархии. Частые столкновения с Союзом бойцов красного фронта, в ходе которых полицейские получали ранения, а иногда и погибали, приводили к полицейским расследованиям, включая обыски на квартирах коммунистической партии. В документах, конфискованных в 1931—32 гг., были списки адресов партийных чиновников и активных членов. Поэтому полиция была пре-

красно информирована о партии, после бесчисленного числа стычек считала ее врагом и с 30 января предоставляла свои сведения в распоряжение нового правительства, которое не стеснялось их использовать³⁰.

Социал-демократы и профсоюзы испытывали практически такие же проблемы, что и коммунисты, в нараставшей волне нацистских репрессий второй половины февраля 1933 г. Правительству удалось заручиться широкой поддержкой среди избирателей среднего класса в отношении своего преследования коммунистов, которых всегда считали угрозой общественному порядку и частной собственности. Тот факт, что электоральная поддержка коммунистов постоянно увеличивалась до момента, когда в начале 1933 г. они получили 100 мест в рейхстаге, был крайне тревожным для многих, кто опасался, что если они когда-нибудь доберутся до власти в Германии, то возьмут на вооружение политику насилия, убийств и пыток, которая стала атрибутом «красного террора» в России в 1918–21 гг. Однако что касалось социал-демократов, все было совсем по-другому. В конечном счете они были политической силой, многие годы представлявшей собой оплот Веймарской республики. Они получили 121 место в рейхстаге, а нацисты — 196. Они играли ключевую роль во многих правительствах республики. Их члены становились рейхсканцлерами и прусскими министрами-президентами, из их рядов также происходил первый глава государства, Фридрих Эберт. Долгое время их поддерживали миллионы избирателей-рабочих, из которых лишь немногие перешли на сторону нацистов или коммунистов, и в разные времена их поддерживали или по крайней мере уважали (хоть и с некоторой неприязнью) многие немцы. В 1930 г. численность партии составляла миллион человек³¹.

Некоторые отряды социал-демократов и их военизированной филиала, «Рейхсбаннера», были готовы действовать, немногие смогли собрать оружие и боеприпасы, а остальные устроили демонстрации 30 января и на следующий день. Руководители социал-демократов и профсоюзов собрались в Берлине 21 января, чтобы спланировать всеобщую национальную забастовку. Но пока местные организации ждали, национальное руководство

находилось в замешательстве, осознавая сложности организации забастовки посередине самого серьезного кризиса безработицы, с которым когда-либо сталкивалась страна. Профсоюзы опасались, что нацистские штурмовики захватят заводы в такой ситуации. И как могла партия оправдать незаконные действия для защиты законности? «Социал-демократы и весь Железный фронт, — провозглашала партийная ежедневная газета «Вперед» 30 января 1933 г., — твердо стоят на позициях конституционного права и законности в отношении данного правительства и его угрозы проведения путча. Мы *не* станем первыми, кто сойдет с этой позиции». В следующие недели произошло несколько не связанных друг с другом событий. Тысячи социалистов организовали съезд в берлинском парке 7 февраля, а 19 февраля собрание из 15 000 рабочих в Любеке приветствовало освобождение из-под стражи лидера местных социал-демократов Юлиуса Лебера после короткой всеобщей забастовки в городе. Но из центра не поступало никаких указаний относительно общей политики сопротивления³².

С каждым днем поддерживаемый государством террор против социал-демократов становился все сильнее. К началу февраля 1933 г. местные и региональные власти под давлением Вильгельма Фрика, нацистского имперского министра внутренних дел в Берлине, и его прусского коллеги Германа Геринга уже начали по разным поводам налагать запреты на социал-демократические газеты. Что характерно, реакцией социал-демократов стало возбуждение судебных дел в имперском суде Лейпцига с целью заставить Фрика и Геринга разрешить публикацию газет, и эта тактика имела определенный успех³³. Однако к концу месяца банды коричневых рубашек начали срывать социал-демократические митинги, избивать ораторов и их слушателей. 24 февраля Альберт Гржезински, социал-демократ, занимавший ранее пост прусского министра внутренних дел, жаловался, что «несколько моих митингов были сорваны, а многих из присутствовавших пришлось увозить с серьезными травмами». Исполнительный комитет партии отреагировал, резко сократив число митингов, чтобы избежать дальнейших жертв. Какой бы ни была защита полиции, предоставляемая на митингах до 30 января, по прика-

зу министерства внутренних дел она была полностью отменена³⁴. Теперь нацисты могли избивать и убивать коммунистов и социал-демократов безнаказанно. 5 февраля 1933 г. произошел особенно шокирующий случай, когда молодой нацист застрелил мэра Штасфурта, бывшего членом социал-демократической партии. Несколько дней спустя, когда официальный ежедневник социал-демократов «Вперед» осудил убийство одного коммуниста штурмовиками в ходе уличной драки в Айслебене, начальник полиции Берлина запретил газету на неделю.

В течение нескольких месяцев после переворота Папена 20 июля 1932 г. перспективы рабочего восстания стали гораздо менее вероятными. Неспособность сопротивляться политике Папена только усугубила ощущение бессилия в рабочем движении, порожденное пассивной поддержкой Брюнинга со стороны социал-демократов и активной поддержкой Гинденбурга. Полиция и армия больше не пытались сохранить нейтралитет между военизированными группировками правых и левых. Воодушевленные консерваторами вроде Гугенберга и Зельдте, они решительно обратились к поддержке правых. В такой ситуации вооруженное восстание рабочего движения оказалось бы самоубийственным. Более того, несмотря на разнообразие местных инициатив, договоренности между рядовыми членами, а также формальные и неформальные связи на всех уровнях, социал-демократы и коммунисты все еще не были готовы объединить усилия в отчаянной защите демократии. А даже если бы им это удалось, их объединенные силы никак не могли соперничать по численности, вооружению и оснащению с армией, коричневыми рубашками, стальными шлемами и СС. И даже если бы попытка восстания была предпринята, несомненно, ее бы ждала такая же участь, что и рабочее восстание, осуществленное в Вене годом позже и направленное против переворота, в результате которого установилась «клерикально-фашистская» диктатура Энгельберта Дольфуса, когда хорошо оснащенные и вооруженные социалисты были раздавлены австрийской армией за считанные дни³⁶. Меньше всего руководство немецких социал-демократов хотело проливать кровь рабочих, тем более в сотрудничестве с коммунистами, которые, по их справедливому предположению, безжалостно бы воспользовались любой

сложной ситуацией в своих интересах³⁷. Поэтому первые месяцы 1933 г. они строго придерживались правового подхода и избегали любых действий, которые могли спровоцировать нацистов на еще более жестокие меры против них.

III

В феврале 1933 г. Германия снова оказалась в центре избирательной лихорадки. Накануне выборов в рейхстаг партии вели яростные избирательные кампании, что было одним из условий Гитлера при принятии должности рейхсканцлера 30 января. Голосование должно было пройти 5 марта. Гитлер при всяком случае в ходе кампании провозглашал, что главным врагом нацистского движения был марксизм. «Я никогда, никогда не откажусь от своей цели уничтожить марксизм... Может быть только один победитель: либо марксизм, либо немецкий народ! И победит Германия!» Он, разумеется, имел в виду коммунистов и социал-демократов. Войнственная риторика Гитлера в обстоятельствах начала 1933 г. поощряла штурмовиков брать закон в свои руки. Однако эта агрессия была обращена далеко не только на левых, но и на всех других бывших или действующих сторонников веймарской демократии. 10 февраля 1933 г. он сказал, что движение будет «нетерпимо к любому, кто согрешит против нации»³⁸. «Я повторяю, — говорил Гитлер 15 февраля, — что наша борьба против марксизма будет безжалостной, и любое движение, ставшее союзником марксизма, будет уничтожено вместе с ним»³⁹.

Эта угроза была высказана в Штутгарте в речи, посвященной яростной критике президента земли Вюртемберг, Ойгена Больца, который заявил, что новое правительство рейха является врагом свободы. Больц, утверждал Гитлер, не предпринял никаких шагов, чтобы защитить свободу нацистской партии, когда та подвергалась гонениям в его земле в 1920-х. Он продолжал:

Те, кто ни разу не упоминал о нашей свободе за четырнадцать лет, не имеют права говорить о ней сегодня. Как канцлеру мне достаточно просто опираться на закон о защите государства, такой же,

который в свое время они приняли для защиты республики, и тогда они поймут, что не все, что они называли свободой, достойно носить это имя⁴⁰.

Центристская партия, как и коммунисты и социал-демократы, относительно не пострадала от выборных успехов нацистов, поэтому она стала еще одной главной мишенью для запугивания в избирательной кампании. В скором времени она начала испытывать влияние государственного террора так же, как и социал-демократы. Уже в середине февраля двадцать газет центристской партии были запрещены за критику нового правительства, в ряде областей властями были запрещены публичные собрания, а также прокатилась волна отставок и отстранений госслужащих и управляющих, которые были членами центристской партии, включая начальника полиции Оберхаузена и министра-директора в прусском министерстве внутренних дел. Речь Генриха Брюнинга с осуждением этих отставок породила яростные нападения штурмовиков на выборные собрания Центристской партии в Вестфалии. Бывший рейхсминистр Адам Штегервальд был избит коричневыми рубашками на митинге центристской партии в Крефельде 2 февраля. Одна местная партийная газета за другой попадали под запрет или лишались своих офисов, которые разносились бесчинствующими бандами штурмовиков. Совершались нападения на местные отделения партии, изымались запасы избирательных листовок, и делали это не только люди из СА, но и политическая полиция. Епископы молились о мире, пока партия вызвала к конституции и в патетическом исступлении, ясно показывавшем ее политическое банкротство, призывала электорат голосовать за восстановление давно дискредитированного правительства Брюнинга⁴¹.

Гитлер притворился, что обеспокоен этими инцидентами, и 22 февраля, после того как центристская партия выступила с протестом против этих событий, заявил: «Провокационные элементы под личиной партии пытаются дискредитировать национал-социалистическое движение, нарушая и громя, в частности, собрания центристской партии. Я жду, — строго говорил он, — что все национал-социалисты отвернутся от этих провокаций со

всей присущей им дисциплиной. Враг, которого предстоит победить 5 марта, — это марксизм!» Однако вместе с этим прозвучала угроза «заняться центром», если он поддержит марксизм на выборах, так что, учитывая яростную критику Больца Гитлером менее двух недель назад, было понятно, что насилие продолжится⁴². И пока коричневые рубашки разворачивали эту кампанию насилия на местах, Гитлер с лидерами нацистов в своих оговорках давали понять, что предстоящие выборы станут последними и что независимо от того, что произойдет, Гитлер не уйдет с поста канцлера. «Если мы однажды придем к власти, — говорил он в публичном обращении 17 октября 1931 г., — мы будем за нее держаться, и да поможет нам Бог. Мы не позволим им снова забрать ее у нас»⁴³. Результаты выборов, заявил он в феврале 1933 г., не окажут влияния на программу его правительства. «Нас не отпугнет, если немецкий народ оставит нас в этот час. Мы будем делать то, что должно, чтобы защитить Германию от падения»⁴⁴.

В других случаях он выражался более осторожно, но и менее правдоподобно, утверждая, что всего лишь хотел обеспечить себе четыре года для реализации своей программы и что в 1937 г., когда подойдет срок следующих выборов в рейхстаг, немецкий народ сможет решить, удалась ли эта программа. Он подчеркнул суть этой программы в длинной речи, которую произнес перед огромной аудиторией в Берлинском дворце спорта 10 февраля в атмосфере экстатического обожания. Имея теперь в своем распоряжении все государственные ресурсы, партия украсила зал флагами со свастикой и транспарантами с антимарксистскими лозунгами. Радио передавало слова Гитлера на всю страну. Национальный гимн, выкрики «Хайль!» и восторженные приветствия и возгласы предшествовали речи и звучали все громче, когда Гитлер выходил на арену. По обыкновению Гитлер начал медленно и тихо, чтобы завладеть сосредоточенным вниманием гигантской аудитории, вспомнил историю нацистской партии и мнимые преступления Веймарской республики с 1919 г. — инфляцию, обеднение крестьянства, повышение безработицы, крах нации. Что собиралось предпринять его правительство, чтобы изменить это тяжелое положение? В своем ответе на этот во-прос он избегал принимать на себя какие-либо конкретные

обязательства. Он торжественно заявил, что не собирается давать «дешевых обещаний». Напротив, он объявил, что его программа состояла в возрождении немецкого государства без иностранной помощи «в соответствии с вечными законами, действительными в любое время» и что это возрождение будет связано с людьми и землей, а не с классовым делением общества. Еще раз он нарисовал пьянящую перспективу объединенной Германии, нового общества, которое смогло преодолеть классовую и религиозную разобщенность последних четырнадцати лет. Рабочие, провозглашал он, будут освобождены от чуждой идеологии марксизма и вернутся к национальной общности со всей немецкой расой. Это была «программа национального возрождения во всех сферах жизни».

Он закончил почти религиозным призывом к своей аудитории во Дворце спорта и ко всему народу:

Четырнадцать лет партии дезинтеграции, ноябрьские революционеры, совращали и притесняли немецкий народ. Четырнадцать лет они несли разрушение, разложение и распад. Поэтому с моей стороны не будет дерзостью встать сегодня перед своим народом и воззвать к нему: народ Германии, дай нам четыре года времени, а потом суди нас. Народ Германии, дай нам четыре года, и я клянусь тебе, что как я занял этот пост, так я его и оставляю. Я добивался этого не ради денег, я сделал это ради тебя! Потому что я не могу лишиться веры в свой народ, не могу перестать верить, что эта нация возвысится однажды снова, не могу потерять свою любовь к своему народу, и я страстно верю, что этот час наконец наступит, когда миллионы тех, кто презирает нас сегодня, встанут рядом с нами и вместе с нами будут приветствовать новый, созданный нами вместе тяжелым трудом и болью Немецкий рейх, новое Германское королевство величия, власти, славы и справедливости. Аминь⁴⁵.

Таким образом, Гитлер обещал Германии в первую очередь подавление коммунизма и других веймарских партий, главным образом социал-демократов и центристской партии. Помимо этого ничего конкретного он предложить не мог. Но многие по-считали это достоинством. «Меня радует отсутствие программы у Гитлера,

— писала Луиза Зольмиц в своем дневнике, — потому что программа — это ложь или слабость, либо она создается для одурачивания глупых пташек. Сильный человек действует исходя из требований серьезной ситуации и не может позволять себе быть связанным чем-либо». Одна из ее подруг, ранее равнодушно относившаяся к нацизму, сказала ей, что голосовала за Гитлера именно из-за того, что у него не было другой программы, кроме Германии⁴⁶. Драматическое и эмоциональное заявление Гитлера о том, что ему требовалось только четыре года, было придумано, чтобы усилить у его слушателей чувство, что он отправляется в паломничество самопожертвования, как в свое время это сделал Христос. Эти сентиментальные фразы повторялись в дальнейших выступлениях на следующие дни перед такими же восторженными аудиториями.

В своей избирательной кампании Гитлер опирался на новые, беспрецедентные потоки финансирования со стороны промышленности. 11 февраля он открыл международную автомобильную выставку в Берлине и объявил амбициозную программу строительства дорог и введения налоговых льгот для производителей машин⁴⁷. 20 февраля в официальной резиденции Геринга собралась большая группа ведущих промышленников, к которым присоединился Гитлер, еще раз объявивший о том, что демократия несовместима с интересами бизнеса, а марксизм необходимо уничтожить. В этой борьбе грядущие выборы имели ключевое значение. Если правительству не удастся победить, ему придется использовать силу для достижения своих целей, грозил он. А для бизнеса гражданская война была самым нежелательным вариантом. Таким образом, послание было ясным: присутствующим необходимо было предпринять все, что было в их силах, чтобы обеспечить победу коалиции, в которой, как, наверное, все еще думали некоторые ведущие бизнесмены, ключевыми игроками будут Папен и консерваторы. Когда Гитлер покинул собрание, Геринг напомнил слушателям, что предстоящие выборы должны были стать последними, не только на следующие четыре года, но и, наверное, на следующие сто лет. После этого Ялмар Шахт, финансист с хорошими политическими связями, который был архитектором постинфляционной программы стабилизации 1923—24 гг.,

объявил, что от бизнеса ожидается пожертвование в размере трех миллионов рейхсмарок в избирательный фонд правительства. Некоторые из присутствовавших все равно настаивали на том, что часть денег должна пойти к консервативным партнерам нацистов по коалиции. Однако свою долю средств они все равно предоставили⁴⁸. Новые фонды дали нацистской партии серьезные преимущества в избирательной борьбе по сравнению с финансовыми проблемами предыдущего ноября, которые так затруднили эту борьбу. Они позволили Геббельсу организовать новую кампанию, в которой Гитлер изображался как человек, который перестраивал Германию и уничтожал марксистскую угрозу, что все могли видеть на улицах. Нацисты получили новые ресурсы, в особенности радио, а фонд средств, намного превосходивший предыдущие, позволил Геббельсу в этот раз начать полномасштабную обработку электората⁴⁹.

Тем не менее нацистская кампания не была триумфальным шествием к утверждению во власти. В партии прекрасно понимали, что ее популярность во второй половине 1932 г. снизилась, а у коммунистов повышалась. Из всех своих оппонентов нацисты боялись и ненавидели коммунистов больше всех. В бесчисленных уличных боях и столкновениях в залах собраний коммунисты показали, что они могли отвечать ударом на удар и обменивать выстрел на выстрел в отношении своих врагов из коричневых рубашек. Поэтому для нацистского руководства очень странным стал тот факт, что после первоначальных коммунистических демонстраций сразу после 30 января 1933 г. Союз бойцов красного фронта не выказывал намерений отвечать таким же образом на волну массового насилия, которая обрушилась на коммунистическую партию, и в особенности после того, как коричневые рубашки стали вспомогательной полицией 22 февраля, взяв ситуацию в свои руки и направив свою ранее сдерживаемую злобу на ненавистных врагов. Отдельные стычки и драки продолжали происходить, и Союз бойцов красного фронта не встретил это полномасштабное наступление совсем уж с опущенными руками, но явного увеличения насилия со стороны коммунистов не наблюдалось, не было никаких признаков того, что по приказу коммунистического политбюро организуется какой-либо согласованный ответ.

Относительное бездействие коммунистов отражало в первую очередь уверенность партийного руководства в том, что новое правительство — последний, яростный, смертельный выдох умирающего капитализма — не продержалось бы и нескольких месяцев. Понимая риск запрета партии, немецкие коммунисты развернули масштабные приготовления к длительному периоду нелегального или полунелегального существования и, без сомнения, запасли столько оружия, сколько смогли. Они также понимали, что Союз бойцов красного фронта не получит никакой поддержки со стороны военизированных союзников социал-демократов, «Рейхсбаннера», с которыми они регулярно имели столкновения последние годы. Постоянные призывы к созданию «единого фронта» с социал-демократами не имели никаких шансов стать реальностью, потому что партия была готова пойти на это, только если бы «социал-фашисты», как их называли в партии, отказались бы от своей политической независимости и перешли бы под руководство коммунистов. Партия жестко придерживалась доктрины о том, что правительство Гитлера демонстрировало временный триумф большого бизнеса и «монополистического капитализма», и утверждала, что это предвещало неизбежное наступление «немецкого Октября». 1 апреля 1933 г. — достаточно символическая дата для такого заявления — исполнительный комитет Коминтерна даже выпустил следующую резолюцию:

Несмотря на фашистский террор, революционный подъем в Германии будет неуклонно продолжаться. Сопротивление масс фашизму будет неуклонно расти. Установление открыто фашистской диктатуры, которая разбила все демократические иллюзии у масс и освобождает массы от влияния социал-демократов, ускоряет движение Германии к пролетарской революции⁵⁰.

Уже в июне 1933 г. центральный комитет коммунистической партии объявлял, что правительство Гитлера скоро должно распасться под грузом внутренних противоречий, за чем немедленно последует победа большевизма в Германии⁵¹. Таким образом, бездействие коммунистов оказалось результатом их чрезмерной самоуверенности и фатальной иллюзии того, что новая ситуация

не порождала никаких серьезных угроз для партии. Но для лидеров нацистов оно говорило о более мрачных перспективах: коммунисты тайно готовились к национальному восстанию. Страх гражданской войны, который наполнил немецкую политику в конце 1932 г. и начале 1933 г., не исчез за одну ночь. В конце концов, коммунисты постоянно твердили о том, что приход фашистского правительства был прелюдией к неизбежной, neodолимой пролетарской революции, которая заменит буржуазную демократию Советской Германией. И тем не менее коммунисты отказывались хоть как-то реагировать на очевидные провокации, такие как массированный полицейский рейд на штаб-квартиру партии в Карл-Либкнехт-хаус в Берлине 23 февраля и предполагаемое раскрытие планов революционного восстания. Чем дольше они ждали, тем больше нервничали нацистские лидеры. Действительно ли что-то должно скоро произойти?⁵² Эстет Гарри Кесслер сообщал о слухах, ходивших среди его друзей с хорошими связями, что нацисты планировали инсценировать попытку покушения на Гитлера, чтобы оправдать «кровавую баню», в которой они могли бы утопить своих врагов. Множество похожих слухов ходило в последнюю неделю февраля. Напряжение становилось невыносимым. Скоро оно нашло впечатляющий выход⁵³.

Пожар рейхстага

I

В феврале 1931 г. молодой рабочий-строитель из Голландии, Маринус ван дер Люббе, отправился в свой длинный путь через Центральную Европу, чтобы попытаться попасть в Советский Союз, страну, которой он восхищался. Он родился 13 января 1909 г. в Лейдене и вырос в условиях жуткой бедности. Его спившийся отец бросил семью вскоре после рождения Маринуса, а в возрасте 12 лет он потерял и свою мать. После ее смерти он выучился на каменщика, сошелся с рабочим движением и присоединился к молодежному коммунистическому движению. Но скоро ему разонравились строгая дисциплина и авторитарная структура партии, и он покинул ее в 1931 г., чтобы присоединиться к радикальной анархо-синдикалистской организации, основным принципом действий которой была «пропаганда делом». Он серьезно повредил зрение в результате несчастного случая на работе и испытывал большие трудности с поиском работы, поэтому на пути в Россию он в основном останавливался в ночлежках и амбарах. Однако ему удалось добраться только до Польши, после чего он повернул обратно, приехав в Берлин 18 февраля 1933 г. Здесь он увидел, что политическая ситуация становилась все более отчаянной при необъяснимой пассивности основных рабочих партий. И если нацистов ничто не сдерживало в их действиях, то активность левых безжалостно подавлялась. Он считал, что настало время безработным, которых все бросили, нанести удар ради своей свободы и пропитания. Уповая на прямое действие еще со времен своей анархо-синдикалистской юности, он решил протестовать против буржуазного государства и усиливающегося подавления рабочего движения. Сами безработные, как он обнаружил во время своих посещений бирж труда, погрязли в апатии и были неспособны самостоятельно организовать протест. Кто-то должен был сделать это за них⁵⁴.

В качестве своего метода он выбрал поджог. Он полагал, что, нанеся зримый ущерб государственным институтам или, скорее, зданиям, в которых они располагались, сможет продемонстрировать, что они далеко не так неуязвимы, как кажется, и подвигнуть безработных к самостоятельным спонтанным массовым акциям. Суд в Лейдене однажды уже признавал его виновным в порче собственности, и ему были знакомы импульсивные и незапланированные акты протеста. На самом деле именно его пристрастие к таким методам стало главной причиной его разрыва с голландскими коммунистами. Теперь ему предстояло осуществить то же самое в Германии. Он начал с символов государственного притеснения безработных и, как ему казалось, господства старого порядка. 25 февраля ван дер Люббе попытался поджечь офис службы соцобеспечения в берлинском районе Нойкёльне, потом выбрал более амбициозные цели — здание муниципалитета и бывший королевский дворец. Все эти три попытки были сорваны из-за оперативного обнаружения и практически не освещались в прессе. Очевидно, требовалось что-то более внушительное и более подготовленное. В поисках главного символа политического порядка, который, по его мнению, превратил жизнь его и огромного числа других безработных молодых людей в сплошные страдания, он решил сжечь рейхстаг⁵⁵.

Утром 27 февраля ван дер Люббе потратил последние деньги на спички и растопку. Осмотрев здание, чтобы определить лучший способ попасть внутрь, он подождал до наступления темноты, а потом проник в пустое и темное здание рейхстага примерно в 9 часов вечера. Его чувства обострялись в темноте в результате долгой практики из-за нарушенного зрения, сначала он попытался поджечь мебель в ресторане, потом в зале собраний, но без успеха, после этого он пробрался в зал обсуждений, шторы в котором, как оказалось, прекрасно загорались. Вскоре деревянные панели запылали и огонь набрал достаточную силу, чтобы купол над залом стал своего рода трубой, раздувая пламя за счет создания воздушотока вверх. Тем временем ван дер Люббе бегал по другим помещениям, стараясь начать другие пожары. В конечном счете его поймали и скрутили служащие рейхстага.

К тому моменту, когда его арестовали, здание было обжато огнем, а пожарная бригада, хоть и быстро прибыла на место, не смогла ничего делать, кроме как заливать руины главной палаты и стараться спасти остальное.

Напротив горящего здания владелец дома разбудил близкого соратника Гитлера Путци Ханфштенгля, который временно жил в официальной резиденции Геринга, и указал ему на пожар. Ханфштенгль немедленно позвонил Геббельсу, который сначала решил, что известный своим легкомыслием светский лев так шутит. Но Путци утверждал, что он говорит серьезно. Геббельс проверил это и убедился в его правоте. Немедленно он оповестил Гитлера⁵⁶. На месте пожара встретились нацистские лидеры: Гитлер, Геббельс и Геринг. Рудольф Дильс (не бывший нацистом), глава политической полиции Пруссии и один из первых больших чиновников, кто прибыл к рейхстагу, увидел, что его офицеры уже допрашивают ван дер Люббе:

Раздетый до пояса, вспотевший и измазанный в грязи, он сидел перед ними и тяжело дышал. Он хватал ртом воздух, как будто только что завершил сложнейшее дело. Горящие глаза на бледном, изможденном лице светились диким выражением триумфа. Я садился напротив него несколько раз в ту ночь в полицейском участке и слушал его сбивчивые истории. Я прочитал коммунистические листовки, которые он носил с собой в кармане штанов. Они открыто и повсеместно распространялись в те дни...

Искренние признания Маринуса ван дер Люббе не позволили мне усомниться в том, что этому маленькому поджигателю, прекрасно знавшему свое дело, не нужны были помощники. Разве не может одна-единственная спичка разжечь холодное, легковоспламеняющееся убранство палаты заседаний, старую обитую мебель и тяжелые шторы и пересохшие деревянные узорные панели? А у этого специалиста был с собой целый рюкзак со средствами для поджога⁵⁷.

Последующее расследование добыло массу документальных свидетельств, подтверждавших его историю о том, что он действовал в одиночку⁵⁸.

Вызванный для доклада к группе лидеров нацистов, собравшихся на балконе над палатой, Дильс стал свидетелем ужасного приступа истерики. Вспоминая эти драматические события после войны, он продолжал:

Гитлер схватился за каменный парапет балкона обеими руками и молча смотрел на красное море огня. Перед ним катились первые волны пламени. Когда я вошел, ко мне подскочил Геринг. В его голосе звучал весь зловещий накал того драматического часа: «Это начало коммунистического восстания! Теперь они выступают! Нельзя терять ни минуты!»

Геринг не смог продолжить. К собравшейся компании повернулся Гитлер. Теперь я видел, что его лицо покраснело от возбуждения и жара, который поднимался под купол. Он закричал, как будто был готов взорваться, не сдерживаясь, каким я его никогда раньше не видел: «Теперь не будет никакой пощады, любой, кто станет на нашем пути, будет уничтожен. Немецкий народ не будет знать снисхождения. Любой коммунистический деятель будет застрелен там, где его найдут. Депутаты от коммунистов должны быть повешены сегодня же ночью. Всех союзников коммунистов надо арестовать. Никакой пощады не будет и для социал-демократов и Рейхсбаннера!»

Я сообщил о результатах первого допроса Маринуса ван дер Люббе, что, по моему мнению, он был ненормальным. Однако Гитлеру это сообщать не следовало: он высмеял мою детскую доверчивость: «Это действительно остроумная, давно продуманная акция. Эти преступники разработали неплохой план, но они просчитались, правда, товарищи! Эти недочеловеки даже не подозревают, насколько народ поддерживает нас. В своих мышиных норах, из которых они теперь захотели вылезти, они не слышат, как торжествуют массы», и это продолжалось в том же духе.

Я попросил Геринга пройти, но он не позволил мне говорить. Все чрезвычайные полномочия для полиции, безжалостное применение оружия и любых других средств в соответствии с военным положением⁵⁹.

Дильс сказал одному подчиненному, что это был «сумасшедший дом». Однако, несмотря на это, время для действий против коммунистов пришло⁶⁰.

Через несколько часов после пожара рейхстага полицейские отряды начали извлекать списки коммунистов, подготовленные за несколько месяцев и даже лет до этого на случай запрета партии, и ринулись на машинах и фургонах по домам, чтобы арестовать тех в их постелях. У коммунистов было сто депутатов в рейхстаге и тысячи представителей в других законодательных органах, чиновников, служащих, организаторов и активистов. Многие списки были неактуальны, и из-за спешного и незапланированного характера действий в руки полиции попало большое число людей, которые бы в противном случае сбежали, и точно так же многие избежали ареста, потому что их просто не смогли найти. Разом было арестовано четыре тысячи человек. Дильс и полиция проигнорировали указание Геринга о том, что их следовало расстрелять⁶¹. Пока осуществлялась эта массированная операция, появился советник Геринга Людвиг Грауэрт. Грауэрт раньше занимал пост главы ассоциации сталелитейных предприятий на северо-западе Германии и только что был назначен начальником департамента полиции прусского министерства внутренних дел. Будучи националистом по политическим убеждениям, теперь он предложил издать чрезвычайный декрет, чтобы обеспечить легальное прикрытие для арестов и справиться с любыми дальнейшими проявлениями насилия со стороны коммунистов. Такой закон уже был представлен правительству 27 февраля, до пожара, крайне консервативным министром юстиции Францем Гюртнером, который, как и другие консерваторы в кабинете, с энтузиазмом поддерживал драконовские меры по подавлению беспорядков, которые те относили исключительно на счет коммунистов и социал-демократов. Предложенные Гюртнером меры включали серьезные ограничения гражданских свобод с целью помешать коммунистам начать всеобщую забастовку. Публикация призывов к этому должна была считаться государственной изменой и караться смертной казнью⁶². Однако это предложение в новых условиях было изменено.

Нацистский рейхсминистр внутренних дел Вильгельм Фрик в черновике Грауэрта увидел возможность распространить свою власть на федеральные земли и предложил важнейший новый пункт 2, который позволял вмешиваться в дела правительству,

а не президенту, почти так же, как это сделал Папен в Пруссии в 1932 г. Помимо этого черновик декрета, который основывался на внутренних обсуждениях чрезвычайного законодательства начала 1920-х гг., приостанавливал действие некоторых статей Веймарской конституции, в особенности касавшихся свободы самовыражения, свободы прессы и свободы собраний и союзов. Он разрешал полиции удерживать людей в предварительном заключении неопределенное время и без постановления суда, в отличие от предыдущих законов и декретов, которые устанавливали строгое ограничение по времени, после которого должны были начинаться судебные процедуры. Многие из этих мер рассматривались и ранее и имели большую поддержку среди госслужащих высшего ранга. Однако в этот раз эти меры шли гораздо дальше, чем раньше. Представляя декрет правительству в 11 часов утра 28 февраля, Гитлер напомнил своим коллегам-консерваторам, что коалиция с самого своего основания намеревалась покончить с коммунистами: «Теперь настал психологически подходящий момент для конфронтации. Нет никаких причин ждать дольше»⁶³.

Гитлер ясно дал понять о своем намерении действовать безжалостно и без оглядки на тонкости закона. Борьба против коммунистов, сказал он, «не должна зависеть от судебных решений». Он представил правительству заманчивую перспективу глобальной победы на предстоящих выборах, которая будет опираться на запрет коммунистов, третьей крупнейшей партии в Германии, и обеспокоенность народа, вызванную попыткой поджога⁶⁴. После него выступил Геринг, который заявил, что ван дер Люббе видели с лидерами коммунистов, такими как Эрнст Торглер, незадолго до его проникновения в рейхстаг. Он сказал, что коммунисты планировали не только уничтожение общественных зданий, но и «отравление общественных кухонь» и взятие в заложники жен и детей министров правительства. Не откладывая на потом, он заявил, что располагает детальными доказательствами того, что коммунисты запасали взрывчатку, предназначенную для проведения ряда акций саботажа против систем электроснабжения, железных дорог, «а также против других важных факторов жизнеобеспечения»⁶⁵.

Отвергнув возражения Папена против пункта 2, правительство согласилось представить декрет Гинденбургу, который подписал его, несмотря на то что в соответствии с этим декретом ему пришлось уступить значительную часть своих полномочий правительству Гитлера. Декрет вступил в силу немедленно. В параграфе 1 приостанавливалось действие основных статей Веймарской конституции и говорилось:

Таким образом, ограничение личной свободы, права на свободу самовыражения, включая свободу прессы, права собраний и союзов, а также нарушение конфиденциальности переписки, телеграфной и телефонной связи, разрешение обысков в домах, выдача ордеров на конфискацию имущества и ограничение прав собственности являются допустимыми в обход законных ограничений, установленных в других документах.

Параграф 2 разрешал правительству брать на себя управление в федеральных землях, если там создавалась угроза общественному порядку. Эти два параграфа, действующие «до дальнейшего уведомления», обеспечили юридические основания для всего, что последовало в следующие несколько месяцев⁶⁶. Захват нацистами власти теперь мог начаться по-настоящему.

II

Декрет после пожара рейхстага вышел в атмосфере яростной пропаганды, в которой Геринг и руководство нацистов рисовали яркую картину неизбежной «немецкой большевистской революции», за которой последуют зверства и насилие всех видов. Пропаганда имела свой успех. Обычные граждане среднего класса, такие как Луиза Зольмиц, вздрагивали при мысли о судьбе, которой Германия с таким трудом избежала, и легко верили «вагону» доказательств подлого коммунистического заговора, предоставленных Герингом⁶⁷. В министерство юстиции пришло больше двух сотен телеграмм от местных нацистских групп по всей стране с требованием без всяких разговоров расстрелять

этих «недолюдей», чьи «демонические планы разрушения» угрожали превратить «нашу Родину в залитые кровью мостовые», или прилюдно повесить их напротив здания рейхстага. «Уничтожение красной своры преступников до последнего человека» — такое требование слышалось со всех сторон, и многие местные нацистские власти заявляли, что если обвиняемых немедленно не казнить, то могут начаться общественные беспорядки⁶⁸. Теперь пропаганда Геббельса развязала руки сдерживаемой ярости коричневых рубашек к коммунистическим врагам. Штурмовики, считавшие, что их статус вспомогательной полиции служит гарантией от любых преследований со стороны государства, уже выплеснули часть своей агрессии в массовых актах насилия, но теперь настал момент, которого они на самом деле ждали. Один штурмовик писал позже о последствиях 28 февраля 1933 г.:

Мы были готовы, мы знали намерения своих врагов. Я сколотил небольшой «мобильный отряд» из своих штурмовиков, из самых смелых и решительных. Мы ждали ночь за ночью. Кто нанесет первый удар? А потом это случилось. Сигнал из Берлина отозвался по всей стране. Наконец-то снятие барьеров: «Вперед!» И мы шли вперед! Это было не просто чисто человеческое «ты или я», «вы или мы», мы должны были стереть распутную ухмылку с мерзких, кровавых морд большевиков навсегда и защитить Германию от кровавого террора необузданных орд⁶⁹.

Тем не менее теперь по всей Германии именно коричневые рубашки обрушили «кровавый террор необузданных орд» на своих врагов. Их ярость была отражением долго взращиваемой ненависти, их действия были направлены против отдельных марксистов и коммунистов, которых те часто знали лично. Не было скоординированного плана, никаких дальнейших целей с их стороны, кроме жестокого физического насилия против мужчин и женщин, которых они боялись и ненавидели⁷⁰.

Коричневые рубашки и полиция, возможно, были готовы, но во многих важных отношениях их коммунистические противники готовы не были. Руководство коммунистической партии было застигнуто врасплох событиями 27–28 февраля. Оно полагало,

что ситуация входит в еще один период относительно умеренных репрессий, который партии успешно удалось пережить в 1923–24 гг. Однако на этот раз все было по-другому. Полицию подерживали свирепые штурмовики. Лидер партии и бывший кандидат в рейхспрезиденты Эрнст Тельман со своими помощниками были арестованы 3 марта на тайной квартире в Берлине-Шарлоттенбурге. Эрнст Торглер, руководитель фракции в рейхстаге, сдался полиции 28 февраля, чтобы опровергнуть обвинения правительства в том, что он и руководство партии приказали сжечь здание рейхстага. Из ведущих фигур в партии Вильгельм Пик уехал из Германии весной, Вальтер Ульбрихт, глава берлинского отделения партии, — осенью. Предпринимались усиленные попытки вывезти из страны других членов политбюро, но многих из них арестовали до того, как им удалось бежать. По всей стране организации коммунистической партии расформировывались, помещения захватывались, а активистов помещали под стражу. Зачастую штурмовики выносили любые ценности, на которые могли наложить руки, грабили дома членов коммунистической партии, забирая деньги и ценные вещи, при полном попустительстве полиции. Скоро волна арестов стала во много раз больше, чем можно было предположить изначально. К 15 марта в заключение попали десять тысяч коммунистов. По официальным данным, в районе Рейна и Рура было арестовано 8000 коммунистов только в марте и апреле. Партийные функционеры должны были признать, что их заставили отступить, однако те настаивали, что это было отступление в штатном порядке. На самом деле после ухода Пика со своего поста в течение нескольких месяцев большинство местных функционеров перестали действовать, а многие рядовые члены были напуганы террором и молчали⁷¹.

Очевидно, Гитлер опасался, что, если бы он издал указ, полностью запрещающий коммунистическую партию, это вызвало бы яростную ответную реакцию. Вместо этого он предпочитал считать отдельных коммунистов преступниками, которые планировали незаконные акты и теперь должны были отвечать за последствия. Таким образом, можно было заставить большинство немцев отнестись терпимо или даже поддержать волну арестов, которые последовали за пожаром в рейхстаге, и не бояться, что

за этим последует запрет других политических партий. Именно по этой причине коммунистическая партия смогла принять участие в выборах 5 марта 1933 г., несмотря на то что многие ее кандидаты были арестованы или бежали из страны и не было никаких шансов на то, что избранные депутаты (81 человек) смогли бы занять свои места. На самом деле их арестовывали, как только полиции удавалось определить их местоположение. Разрешив партии выставить своих кандидатов на выборах, Гитлер со своими министрами также надеялся ослабить социал-демократов. Если бы кандидатам от коммунистов не разрешили избираться, то многие избиратели, которые бы голосовали за них, могли отдать свои голоса за социал-демократов. Таким образом, социал-демократы оказались лишены этого потенциального источника поддержки. Даже ближе к концу марта правительство все еще чувствовало, что не готово официально запретить коммунистическую партию. Несмотря на то что их убивали, избивали или бросали в импровизированные пыточные центры и тюрьмы, устроенные коричневыми рубашками, многие коммунистические функционеры, особенно если их арестовывала полиция, попадали в обычные уголовные суды.

Членство в партии само по себе не было незаконным. Однако полицейские чиновники, государственные прокуроры и судьи в подавляющем числе были консервативными людьми. Долгое время они считали коммунистическую партию опасной, предательской и революционной организацией, особенно в свете событий первых лет Веймарской республики, от восстания спартакистов в Берлине до «красного террора» и убийств заложников в Мюнхене. Это убеждение в полной мере подтверждалось уличным насилием Союза бойцов красного фронта, а теперь, как многие считали, и пожаром рейхстага. Коммунисты подожгли рейхстаг, поэтому все они виновны в государственной измене. Иногда применялась еще более запутанная аргументация. В некоторых случаях, например, в судах утверждалось, что, поскольку коммунистическая партия больше не способна добиться своих целей по изменению конституции Германии парламентскими способами, она должна пытаться достичь этого силой, а значит, все, кто принадлежит партии, должны были действовать точно так же.

Поэтому суды все чаще рассматривали членство в партии после 30 января, а иногда и до этого, как предательскую деятельность. Де-факто коммунистическая партия была поставлена вне закона с 28 февраля 1933 г. и полностью запрещена 6 марта, день спустя после выборов⁷².

Вытеснив коммунистов с улиц за считанные дни после 28 февраля, штурмовики Гитлера теперь правили городами, демонстрируя завоеванное превосходство самым очевидным и пугающим способом. Как позже отмечал начальник политической полиции Пруссии Рудольф Дильс, СА, в отличие от партии, были готовы к захвату власти.

Им не требовалось единое руководство, их «Объединенный штаб» давал пример, но не приказы. Штурмовые отряды СА, однако, имели строгие планы операций в коммунистических кварталах города. В те мартовские дни каждый член СА «гнал» за врагом по пятам», каждый знал, что он должен делать. Штурмовые отряды зачищали районы. Они знали не только где жили их враги, они также задолго до этого выявили их укрытия и явки... Опасности подвергались не только коммунисты, но и все, кто когда-либо высказывался против гитлеровского движения⁷³.

Отряды коричневых рубашек угоняли машины и фургоны у евреев, социал-демократов и профсоюзов, либо их дарили им обеспокоенные бизнесмены в надежде на защиту. Они грохотали по главным улицам Берлина с оружием напоказ и развевающимися флагами, которые демонстрировали, кто теперь хозяин. Похожие сцены можно было наблюдать в разных городах по всей стране. Гитлер, Геббельс, Геринг и другие лидеры нацистов не имели прямого контроля над этими событиями. Но они дали им ход, приняв нацистских штурмовиков вместе с СС и стальными шлемами на роль вспомогательной полиции 22 февраля и показав им свое более чем очевидное одобрение постоянными яростными словесными нападками на марксистов всех видов.

И снова действовал диалектический процесс, отработанный в дни, когда нацисты часто сталкивались с враждебностью полиции и уголовным преследованием за свои акты насилия: руководство в очень резких, но неопределенных выражениях заявляло о необходимости действовать, а нижние эшелоны

партии и ее военизированные отряды претворяли их слова в конкретные, жестокие действия. Как отмечалось в одном внутреннем документе нацистской партии позже, такой способ негласной связи стал обычным уже в 1920-е гг. К этому времени рядовые члены отрядов привыкли вкладывать в приказы своих лидеров несколько больше, чем содержалось в их фактических призывах. «В интересах партии, — продолжалось в документе, — во многих случаях человек, отдающий команду, особенно когда это касается незаконных политических демонстраций, не говорит всего, а лишь намекает на то, чего он ожидает добиться этим приказом»⁷⁴. Теперь разница состояла в том, что у руководства в распоряжении были все ресурсы государства. Оно могло в целом убедить государственных служащих, управляющих тюрьмами и судебных чиновников, которые практически все были консервативными националистами, в том, что силовое подавление рабочего движения было оправданно. Поэтому оно заставило их поверить, что они не должны просто стоять в стороне, когда за дело принимались штурмовики, но должны активно помогать им в их деле разрушения. Такая модель принятия решений и их реализации в будущем использовалась очень часто, особенно в связи с нацистской политикой в отношении евреев.

III

Нацистская кампания на выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. смогла охватить всю Германию⁷⁵. Теперь усилия нацистов подкреплялись ресурсами крупного бизнеса и государства, и в результате сама суть выборов изменилась. В небольшом северо-германском городке Нортхейме, например, как и практически во всех остальных округах, выборы проводились в атмосфере практически осязаемого страха. Местная полиция выставила посты на железнодорожной станции, мостах и других ключевых участках в соответствии с заявлениями режима о том, что такие места были уязвимы для террористических атак коммунистов. Местным штурмовикам разрешили носить заряженное оружие

28 февраля и приняли их во вспомогательную полицию 1 марта, после чего они стали напоказ организовывать патрули на улицах и совершать налеты на дома местных социал-демократов и коммунистов, обвиняя тех в подготовке массовых убийств честных граждан. Нацистская газета сообщала, что одного рабочего арестовали за распространение социал-демократических избирательных листовок. Такие действия для социал-демократов и коммунистов были запрещены. Заткнув рот оппозиции, нацисты установили радиодинамики на рыночной площади и на главной улице, и каждый вечер с 1 по 4 марта по всему центру города раздавались речи Гитлера. Накануне выборов шестьсот штурмовиков, эсэсовцев, стальных шлемов и гитлерюгендовцев организовали факельный парад по городу, который закончился в городском парке, где они слушали радиопередачу речи Гитлера, которая одновременно гремела в четырех других главных публичных местах городского центра. Главные улицы были убраны черно-бело-красными флагами и знаменами со свастикой, которые также были вывешены в магазинах и лавках. Пропаганды со стороны оппозиции не было. В день выборов, в воскресенье, коричневые рубашки и СС патрулировали улицы, в то время как партия и стальные шлемы организовали доставку людей на избирательные участки. Такая комбинация террора, репрессий и пропаганды использовалась во всех остальных населенных пунктах по всей стране⁷⁶. Когда были получены результаты выборов в рейхстаг, стало понятно, что такая тактика принесла свои плоды. Коалиционные партии, нацисты и националисты, взяли 51,9 % голосов. «Невероятные цифры, — ликующе писал Геббельс в своем дневнике 5 марта 1933 г., — как будто нам это грезится»⁷⁷. В некоторых избирательных округах в центральной Франконии нацисты набрали 80 % голосов, а в ряде районов Шлезвиг-Гольштейна партия получила голоса практически всех избирателей. Вместе с тем ликование партийных боссов было неуместно. Несмотря на массовое насилие и угрозы, сами нацисты смогли набрать только 43,9 процента всех голосов. Коммунисты, не имевшие возможности участвовать в кампании, кандидаты которых либо скрывались, либо находились под арестом, все равно смогли набрать 12,3 процента, потеряв совсем не так много по

сравнению с прошлыми выборами, как этого можно было ожидать. А социал-демократы, которые также пострадали от массового террора, выступили лишь немногим хуже, чем в ноябре 1932 г., набрав 18,3 % голосов. Центристская партия осталась при своих с 11,2 %, несмотря на проигрыш нацистам в некоторых регионах на юге, а остальные, теперь второстепенные, партии повторили свои результаты от предыдущего ноября с небольшими вариациями⁷⁸.

17 млн человек проголосовали за нацистов и еще 3 млн — за националистов. Однако общее число избирателей было почти 45 млн. Примерно 5 млн голосов коммунистов, более 7 млн голосов социал-демократов и 5,5 млн голосов центристской партии указывали на полный провал нацистов, даже в условиях полудиктатуры, в попытке получить большинство⁷⁹. В самом деле с их первых серьезных избирательных успехов в конце 1920-х гг. им ни разу не удавалось получить абсолютное большинство на национальном уровне или в какой-либо из федеральных земель. Более того, большинство, которое они получили вместе со своими партнерами по коалиции, националистами, в марте 1933 г., было далеко от двух третей, необходимых для проведения изменений конституции в рейхстаге. Тем не менее эти выборы четко показали, что примерно две трети избирателей отдали свои голоса партиям нацистов, националистов и коммунистов, которые были открытыми врагами веймарской демократии. Многие другие проголосовали за партии, в основном за центристскую и ее южного союзника, Баварскую народную партию, чья поддержка республики практически исчезла и чье влияние в своих округах теперь серьезно снижалось. В 1919 г. три четверти избирателей поддерживали коалиционные партии Веймарской республики. Потребовалось всего четырнадцать коротких лет, чтобы эта ситуация изменилась на противоположную⁸⁰.

После выборов 5 марта насилие поднялось на новый уровень. Например, в Кенигсберге в Восточной Пруссии в ночь выборов люди СА ворвались в штаб-квартиру местных социал-демократов, уничтожили все, что там находилось, и превратили помещение в импровизированную камеру пыток, где избивали пленников с такой жестокостью, что депутат рейхстага от коммунистов

Вальтер Шульц умер от полученных там побоев. Они обыскивали офисы профсоюзов, крали пишущие машинки, ломали мебель, воровали деньги и жгли документы⁸¹. В Вуппертале огряд коричневых рубашек вытащил рабочего Генриха Б., бывшего коммуниста, прямо из дома, его тело нашли на следующий день на пустыре. 1 апреля в том же районе восемь штурмовиков подкараулили шестидесятидвухлетнего рабочего Августа К., бывшего руководителя местного музыкального коммунистического ансамбля, на пути домой и застрелили⁸². Социал-демократам тоже изрядно доставалось. 9 марта на депутата рейхстага от социал-демократов и лидера партии в Кельне, Вильгельма Зольмана, в его же доме напали коричневые рубашки и эсэсовцы, избили, отвезли в местную штаб-квартиру нацистской партии, два часа измывались над ним, заставляя пить касторовое масло и мочу, прежде чем прибыла полиция и забрала его в тюремную больницу, чтобы залечить раны. 13 марта штурмовики в Брауншвейге начали заставлять членов городского совета и депутатов местного парламента от социал-демократов «добровольно» отказываться от своих мест, избив одного из них до смерти, когда он отказался сделать это. В этот же момент нацисты начали нападать на офисы социал-демократической партии в поисках денег и другой добычи. Глава социал-демократической прессы в Хемнице, Георг Ландграф, был застрелен 13 марта, после того как отказался рассказать банде коричневых рубашек, где находятся партийные фонды. Протестовать против таких действий было сложно, если вообще возможно, потому что социал-демократические газеты были запрещены на четырнадцать дней с начала марта, этот приказ по истечении срока действия был продлен еще раз, а потом еще, пока не стал постоянным⁸³.

Грабежи не избежали внимания более честных офицеров в полиции. Например, 19 апреля 1933 г. полицейский уполномоченный в Гессене распространил по полицейским участкам и местным администрациям циркуляр с осуждением незаконной конфискации собственности марксистских организаций во время налетов, включая изъятие музыкальных инструментов, спортивного оборудования и даже кроватей, которые явно были бы использованы грабителями в личных целях⁸⁴. Впоследствии

предпринимались усилия по урегулированию ситуации и формированию соответствующих учреждений, которые бы управляли ресурсами запрещенных партий и объединений, не в последнюю очередь потому, что там были и фонды, использовавшиеся для поддержки бывших безработных членов. Однако к тому времени, когда это было сделано, много денег и имущества исчезло в руках отдельных штурмовиков. В конечном счете 26 мая 1933 г. был принят закон, по которому собственность коммунистической партии (все еще формально легальной) передавалась федеральным землям⁸⁵. В этой неразберихе многие штурмовики воспользовались возможностью для сведения старых счетов. Например, в Вуппертале группа штурмовиков под командованием начальника отряда Пуппе в четыре часа утра вытащила Фридриха Д. из кровати и увела в неизвестном направлении. Его тело нашли два дня спустя. Его убили за то, что у него были романтические отношения с сестрой Пуппе, которые тот некоторое время пытался прекратить. Пуппе остался безнаказанным. Даже сами коричневые рубашки не были в полной безопасности: один нацист, долгое время состоявший в партии, был арестован, избит и помещен в тюрьму, когда обвинил руководителя штурмовиков в Вуппертале в хищениях и коррупции. И это был не единственный эпизод, о которых сообщалось в то время. То, что происходило в Вуппертале, повторялось многие сотни раз снова и снова в других частях страны⁸⁶.

Эта кампания насилия, запущенная организацией коричневых рубашек, численность которой росла каждый день и летом 1933 г. составляла более двух миллионов человек, обеспечила необходимый контекст для согласования работы федеральных земель с принципами, введенными в практику Папеном в его захвате Пруссии предыдущим летом⁸⁷. Государственный суд объявил этот захват частично незаконным, и правительство социал-демократов, смещенное Папеном, имело некоторый успех, используя Федеральный совет, представляющий земли, для блокирования мер правительства рейха. Кабинет Гитлера 6 февраля 1933 г. издал чрезвычайный декрет, который положил конец этой ситуации, однако новые нацистские представители Пруссии в Федеральном совете столкнулись с тем, что совет отвергает их

полномочия, когда тот собрался 16 февраля в ожидании решения Государственного суда. Тогда совет решил прекратить заседание до прояснения юридической ситуации, и в последовавший период бездействия региональные организации штурмовиков и нацистской партии сами стали координировать работу правительств земель снизу. Большинство федеральных земель управлялись правительствами меньшинства, что отражало практически тотальную блокаду законодательных органов в то время, и у них не было возможностей предложить что-либо, кроме номинального сопротивления. В период между 6 и 15 марта 1933 г. нацистские полицейские и отряды «вспомогательной полиции» из числа СА и СС подняли флаг со свастикой над официальными зданиями по всей стране. Этот очень символический жест был одобрен или не вызвал сопротивления со стороны большинства министров правительства, которые с опасением наблюдали за демонстрацией многочисленных колонн штурмовиков перед правительственными зданиями. Те министры, которые были против, либо ушли в отставку, либо были помещены под домашний арест отрядами коричневых рубашек. Тогда министр внутренних дел рейха назначил рейхскомиссаров, которые продолжили смещать действовавших начальников полиции и назначать вместо них нацистов, а также заменять министров выбранного правительства собственными назначенцами. Только в Гамбурге, Вюртемберге и Гессене парламенты земель в отсутствие депутатов от коммунистов и при воздержавшихся социал-демократах назначили новые коалиционные правительства, в которых все министерские портфели попали в руки нацистов и националистов. В таких условиях выборы в землях, проведенные в начале марта (самыми важными из которых были выборы 12 марта в Пруссии), в большой степени оказались бессмысленными⁸⁸.

Военизированная союзническая организация социал-демократического Железного фронта, «Рейхсбаннер», уже была покалечена полицейскими захватами многих ее офисов в феврале. А в начале марта сразу после выборов правительства земель начали издавать запреты и арестовывать основных чиновников, так что один филиал за другим стали самораспускаться, чтобы избежать дальнейших преследований. В этой атмосфере

ряд лидеров социал-демократов, таких как Отто Браун и Альберт Гржезински, покинули страну, чтобы избежать ареста или еще более печальной участи⁸⁹. Руководитель «Рейхсбаннера» Карл Хельтерман уехал уже 2 мая. Попытка лидеров социал-демократов убедить Геринга снять запрет на их партийные газеты натолкнулась на ответ, что запрет продолжится до тех пор, пока иностранные социалистические газеты не прекратят свою «кампанию» против правительства рейха. Насколько плохо они до сих пор понимали методы нацистов, показал тот факт, что лидеры социал-демократов действительно проехали по другим европейским странам, чтобы попытаться там объяснить свою ситуацию. Социалистический интернационал отреагировал жесткой публичной критикой нацистского террора («невыразимые и гнусные злодеяния, совершаемые немецкими деспотами каждый день»). Они добавили призыв к совместным действиям с коммунистами. В тщетной попытке умиротворить Геринга лидер немецких социал-демократов Отто Вельс немедленно подал в отставку с поста главы Интернационала⁹⁰. Такие тактические уступки, что неудивительно, ничем не помогли остановить стремление режима уничтожить левых⁹¹. Коммунисты и социал-демократы в совокупности составляли примерно треть электората. И вместе с тем они разваливались практически без сопротивления. Правительство могло выступать против них в национальном масштабе, потому что декрет о пожаре рейхстага позволял отменять суверенитет федеральных земель, чтобы проводить соответствующие действия, используя прецедент с папеновским устранением социал-демократического правительства меньшинства в Пруссии предыдущим летом. А еще раньше рейхспрезидент Эберт проделал то же самое с левыми правительствами земель в Саксонии и Тюрингии в 1923 г. Предполагаемая коммунистическая угроза, которая оправдывала эти действия, не была особенно серьезной ни в 1923 г., ни десять лет спустя. В 1933 г. общественные волнения, которые стали причиной объявления в стране чрезвычайного положения, в подавляющем большинстве были спровоцированы самими нацистами. Целью такого спешного согласования позиций федеральных земель не в последнюю очередь было преодоление колебаний

предыдущих местных правительств в использовании чрезвычайных полномочий для уничтожения левых партий с тщательностью, которой требовало руководство нацистов в Берлине.

IV

Эта цепь событий имела особенно страшные последствия в Баварии. Здесь консервативное правительство земли 28 февраля вместе с правительством рейха запретило коммунистические собрания и закрыло коммунистическую прессу. Оно также арестовало тех, кого считало ведущими фигурами в региональной коммунистической партии. Но нацистам этого было мало, и 9 марта 1933 г. Фрик назначил Адольфа Вагнера, регионального нацистского лидера в Верхней Баварии, государственным уполномоченным в баварском министерстве внутренних дел. Еще более угрожающим стало немедленное назначение Генриха Гиммлера, проживавшего в Мюнхене лидера СС, временным президентом полиции. Он приказал провести полномасштабную облаву на членов оппозиции, к которым вскоре стали относить не только коммунистов, но и других врагов режима. Размах ре-прессий был таким, что местных тюрем и полицейских камер оказалось совершенно недостаточно, чтобы вместить всех заключенных. Необходимо было придумать новый способ размещения политических оппонентов нацистов в Баварии. Поэтому 20 марта Гиммлер объявил в прессе, что прямо за границей Мюнхена, в Дахау, будет открыт «концентрационный лагерь для политических заключенных». Это был первый концентрационный лагерь в Германии, и он стал страшным прецедентом для будущего.

Лагерь был предназначен для «предварительного заключения всех коммунистов и при необходимости чиновников “Рейхсбаннера” и социал-демократов», как на следующий день сообщала нацистская пресса. 22 марта 1933 г. из местных тюрем в Штадельхайме и Ландсберге четыре грузовика доставили примерно две сотни заключенных на место лагеря, построенного вокруг заброшенного завода в предместьях города. Жители Дахау собрались на улицах и снаружи заводских ворот, чтобы посмотреть на

заключенных. Изначально лагерь управлялся полицейским отделением, а потом в начале апреля был передан в руки СС, комендантом стал печально известный своей жестокостью лидер СС Хильмар Векерле. По распоряжению Гимmlера Вакерле установил режим насилия и террора. 11 апреля новые охранники СС вывели четырех еврейских заключенных за ворота и застрелили их, объявив, что те пытались бежать. Один из них выжил, и его отвезли в больницу в Мюнхене, где он умер, но сначала он рассказал медицинскому персоналу такие ужасающие подробности о жестокостях, которые творились в лагере, что те вызвали прокурора. К концу мая двенадцать заключенных были убиты или замучены до смерти. Среди охраны была распространена коррупция, вымогательство и хищения, а пленники подвергались случайным актам жестокости или садизма в обстановке, где отсутствовали правила и нормы⁹².

Решение Гимmlера имело множество подражаний. Скоро концентрационные лагеря стали открываться по всей стране, дополняя импровизированные тюрьмы и пыточные камеры, организованные коричневыми рубашками в подвалах недавно захваченных профсоюзных офисов. Их открытие широко освещалось, чтобы все знали о том, что случится с теми, кто посмеет противостоять «национальной революции». Идея организации лагерей для размещения реальных или подозреваемых врагов государства сама по себе, разумеется, была не нова. Британцы использовали такие лагеря для гражданских с противоборствующей стороны в Бурской войне. Условия там были крайне плохими, а уровень смертности пленников очень высоким. Вскоре после этого немецкая армия «сконцентрировала» 14 000 повстанцев гереро в лагерях Юго-Западной Африки во время войны 1904—07 гг., обращаясь с ними так жестоко, что, по некоторым сведениям, каждый месяц в лагерях в Свакопмунде и Людерице погибало 500 человек. Фактический уровень смертности в этих лагерях составлял 45 %. Немецкая администрация оправдывала его тем, что таким образом происходило уничтожение «непродуктивных элементов» среди туземного населения⁹³. Эти прецеденты были знакомы нацистам, в 1921 г. Гитлер уже заявлял, что они поместят немецких евреев в «концентрационных лагерях» так же, как

это делали британцы. В параграфе 16 конституции, которую нацисты намеревались провозгласить, если бы им удалось захватить власть в ноябре 1923 г., говорилось, что «лица, угрожающие безопасности, и бесполезные иждивенцы» будут помещаться в «сборные лагеря», где их будут заставлять работать, а сопротивляющиеся будут казнены. В августе 1932 г. в нацистской прессе появилась статья, провозглашавшая, что при получении власти нацисты «немедленно арестуют и приговорят всех функционеров коммунистов и социал-демократов... [и] разместят всех подозреваемых и идейных зачинщиков в концентрационных лагерях». Эта угроза была открыто повторена министром внутренних дел рейха Фриком 8 марта 1933 г.⁹⁴ Таким образом, Дахау был не импровизированным решением для решения неожиданной проблемы переполненности тюрем, а задолго до этого запланированной мерой, которую нацисты имели в виду практически с самого начала. Концентрационные лагеря широко обсуждались в местной, региональной и национальной прессе и служили серьезным предупреждением всем, кто размышлял о сопротивлении нацистскому режиму⁹⁵.

Условия в концентрационных лагерях и центрах содержания правонарушителей СС и СА в марте и апреле точно описывались как «самодельная садистская анархия»⁹⁶. Жестокость СА и СС редко подразумевала утонченные и изобретательные пытки, которые позже практиковались тайной полицией при режимах вроде военных диктатур в Аргентине, Чили или Греции в 1970-х. На своих заключенных они часто обрушивали едва сдерживаемую ярость. В истязаниях не использовалось что-либо более изощренное, чем кулаки, ботинки и резиновые дубинки. Иногда полиция, теперь освободившаяся от ограничений, которые могли ощущаться при Веймарской республике, присоединялась к пыткам, закрывала на них глаза или привлекала своих помощников из коричневых рубашек для выбивания признаний из заключенных. Рабочий-коммунист Фридрих Шлоттербек, арестованный в 1933 г., позже рассказывал, как его допрашивала в полицейском участке группа эсэсовцев. Они били его по лицу, били резиновыми дубинками, связывали, били по голове деревянной палкой, пинали ногами, когда он падал на пол, и отливали водой, когда

он терял сознание. В более спокойные моменты полицейский офицер задавал ему вопросы и вмешался только тогда, когда один из эсэсовцев, взбешенный решительным сопротивлением Шлоттербека, вытащил револьвер, чтобы застрелить пленника. Так и не добившись от него признания, его отвели обратно в камеру, израненного, покрытого порезами и синяками, с кровью, стекающей по лицу, едва способного ходить. Надзиратели обращались со Шлоттербеком по-человечески, хотя и сообщили ему, что должны оставить включенным свет в его камере и следить, чтобы он не покончил с собой. Ему предстояло провести следующие десять лет в тюрьмах и концентрационных лагерях⁹⁷. Его судьба оказалась схожей с судьбой верных коммунистов, которые отказались отречься от своих убеждений.

С социал-демократами штурмовики обходились не лучше и не делали различий по половому признаку в своих яростных нападках на представителей левых. Одной из многих женщин социал-демократов, которые подверглись нападению, была Мария Янковски, член городского совета в районе Кёпеник в Берлине, которую арестовали, избили резиновыми дубинками, били по лицу и заставили подписать документ с обещанием больше не заниматься политикой⁹⁸. Отсутствие какой-либо четкой координации таких действий, которые были неравномерно распределены по Германии, делает невозможной сколько-нибудь точную оценку их размаха. Однако доступные цифры по официально зарегистрированным арестам не оставляют сомнений, что это было насилие огромных и беспрецедентных масштабов. В официальных отчетах упоминается по крайней мере 25 000 арестов только в Пруссии за март и апрель, не считая арестов, проведенных в Берлине, и «диких» арестов штурмовиков, о которых не сообщалось властям. В Баварии в конце апреля было проведено уже около 10 000 арестов, и эта цифра удвоилась к концу июня. Более того, многие из арестованных помещались в заключение только на несколько дней или недель до того, как их отпускали: например, в лагере Ораниенбург 35 % заключенных содержались там от одной до четырех недель и менее 0,4 % оставались там больше года⁹⁹. Таким образом, 27 000 человек, зарегистрированных в предварительном заключении по всей Германии на конец

июля 1933 г., в общем были не теми же людьми, что три или четыре месяца назад, поэтому общее число людей, прошедших через лагерь, было намного больше этого¹⁰⁰. Кроме того, все социал-демократические и особенно коммунистические оппоненты нацистов вовсе не обязательно направлялись в лагеря, многие тысячи помещались в местные тюрьмы и полицейские изоляторы по всему рейху.

Абсолютный масштаб репрессий можно оценить по тому факту, что, по сообщению руководства коммунистической партии, к концу 1933 г. было арестовано и заключено в тюрьму 130 000 членов партии, а 2500 было убито. Эти цифры, вероятно, были преувеличены, однако они не обманывали, когда дело касалось оценки влияния репрессий на партийную организацию. В Рурской области, например, примерно половина всех членов партии попала в заключение. Уже в конце марта прусская полиция сообщала, что примерно 10 000 коммунистов были схвачены и помещены в тюрьму¹⁰¹. Даже по самым консервативным полуофициальным подсчетам общее число политических арестов в Германии в 1933 г. превысило 100 000, а число смертей в заключении составило около 600¹⁰². Это была вакханалия насилия и убийств ошеломляющего масштаба, невиданная в Германии с первых дней Веймарской республики.

Такое массированное, жестокое и смертоносное наступление на нацистских оппонентов формально было санкционировано декретом о пожаре рейхстага, который тем не менее основывался на том, что коммунисты пытались осуществить революционное восстание, и ничего не упоминал о социал-демократах. Идея о том, что социал-демократы симпатизировали или поддерживали коммунистические приготовления к восстанию, была еще более абсурдной, чем утверждение, что коммунисты действительно его планировали. Вместе с тем средний класс Германии, казалось, согласился с тем, что режим имел основания для жестокого подавления марксизма любых видов. Годы драк, столкновений и убийств на улицах приучили людей к политическому насилию и притупили их чувства. Те, кто имел сомнения, не могли не заметить, что полиция и ее помощники из нацистских штурмовиков делали с противниками нацистов в эти недели. Многие из

них, вероятно, остановились подумать, прежде чем выражать свою тревогу. Все, кто был обеспокоен масштабом беспорядков, вполне могли удовлетвориться тем, что 10 марта 1933 г. Гитлер выступил с публичным порицанием нападений на иностранцев, которые он относил на счет коммунистических шпионов в рядах СА, и призвал штурмовиков прекратить «агрессию против отдельных лиц, ограничения для проезда автомобилей и помехи для бизнеса».

Тем не менее Гитлер продолжал говорить коричневым рубашкам, что они «никогда не должны позволять себе отвлекаться ни на секунду от своего предназначения, которое состоит в уничтожении марксизма». «Национальное восстание будет продолжаться методически и под контролем сверху», — говорил он, — и, только «когда эти приказы встретят сопротивление», следует начать действовать, чтобы гарантировать, что «это сопротивление будет немедленно и полностью сломлено». Последнего замечания, разумеется, было достаточно, чтобы не ослаблять насилие, а, наоборот, чтобы увеличивать его и дальше¹⁰³. Когда один из лидеров националистов 10 марта обратился к Гитлеру с протестом по поводу нарушения правопорядка, после чего 19 марта последовал телефонный звонок Папена, высказавшего те же претензии, Гитлер гневно обвинил их в попытке «остановить националистическую революцию». «Ноябрьские преступники» 1918 г. и те, кто пытался запретить нацистскую партию в годы Веймарской республики, были намного хуже, сказал он. Прославляя «феноменальную дисциплину» штурмовиков, он в то же время критиковал «слабость и трусость нашего буржуазного мира, который надевал лайковые перчатки, вместо того чтобы действовать железным кулаком» и предупреждал, что никому не позволит помешать ему «полностью ликвидировать марксизм»¹⁰⁴.

Германия находилась на пути превращения в диктатуру еще до декрета о пожаре рейхстага и выборов 5 марта 1933 г. Однако эти два события, несомненно, ускорили этот переход и обеспечили ему видимость, как бы банально это ни звучало, законности и политической легитимности. После своей победы на выборах 7 марта Гитлер сообщил правительству, что будет изыскивать новые юридические возможности в виде дополнения

к конституции, которые позволят кабинету обходить рейхстаг и президента и издавать собственные законы. Такие меры имели место в чрезвычайном законодательстве при Веймарской республике. Тем не менее очевидно, что на этот раз они бы распространялись гораздо дальше, чем раньше. Гитлер давно мечтал устроить это¹⁰⁵. Такой акт о чрезвычайных полномочиях поставил бы крест на ненавистой демократии Веймарской республики и позволил бы завершить работу, которую нацисты начали 30 января 1933 г., за счет создания «правительства националистической концентрации». Вскоре Геббельс и другие лидеры нацистов переименовали его в «правительство националистического восстания». В начале марта стали говорить просто о «националистической революции», подчеркивая тот факт, что дело касалось далеко не только действий одного правительства. А вскоре она превратилась в «национал-социалистическую революцию», что окончательно обрекло ненацистских партнеров Гитлера по коалиции на политическое забвение¹⁰⁶.

Крушение демократии

I

Революционная риторика и необузданное насилие на улицах были не совсем тем, чего ждали Папен и другие союзники Гитлера в правительстве, когда они соглашались на назначение Гитлера рейхсканцлером два месяца назад, при всем их одобрении жесткого полицейского преследования левых. Они скорее ожидали, что введение нацистов в правительство положит этому конец. Для обеспокоенных консерваторов и традиционалистов, включая рейхспрезидента Гинденбурга, который в конечном счете все еще имел по крайней мере формальную власть отстранить Гитлера и заменить его другим человеком, нацисты устроили обнадеживающую церемонию с целью отметить начало работы нового избранного рейхстага. Учитывая недоступность разрушенного здания рейхстага, церемонию следовало провести в другом месте. Гитлер и его консервативные союзники согласились организовать ее в гарнизонной церкви в Потсдаме, символическом центре прусской монархии, 21 марта 1933 г., в день годовщины первого собрания рейхстага после объявления Бисмарком Второго рейха. Церемония, тщательно продуманная до последней мелочи Геббельсом, стала пропагандистской демонстрацией единства старого рейха и нового. Гинденбург стоял рядом с пустующим тронном кайзера, одетый в униформу прусского фельдмаршала, принимая почести от одетого в сюртук Гитлера, который поклонился и пожал ему руку. Рейхсканцлер произнес речь, примечательную своей продуманной сдержанностью, в которой прославлял Гинденбурга и его историческую роль в передаче судьбы Германии новому поколению. На могилы прусских королей были возложены венки, а потом в честь Гинденбурга был организован массовый парад военизированных отрядов и армии. Этот ритуал был более важен представленными в нем образами, чем с точки зрения произносимых

речей. Вот Гитлер, одетый в обычную одежду государственного политика, с почтением признает верховенство прусской военной традиции. Вот флаги имперских цветов, черного, белого и красного, которые 11 марта уже официально заменили черно-красно-золотые флаги Веймарской республики. Вот прусские военные чины в своих иногда диких униформах, напоминавших о монархической традиции. Вот протестантская церковь, неявно снова утверждавшая свое превосходство вместе с армией и тронem. Вот возрождение старой Германии, очищение истории от порочной памяти веймарской демократии¹⁰⁷. Неудивительно, что социал-демократы отклонили приглашение участвовать в этом мероприятии. Другим символическим моментом было то, что Гитлер отказался присутствовать на службе в католической приходской церкви в Потсдаме, мотивируя это тем, что католические священники, все еще лояльные центристской партии и критиковавшие безбожие нацистов (как они это называли), отказали некоторым лидерам нацистов в исполнении церковных таинств. Это было ясным предупреждением церкви о том, что настало время встать в строй¹⁰⁸.

Два дня спустя в опере Кроль-опере, которая стала временной резиденцией рейхстага, Гитлер, теперь одетый, как и другие нацистские депутаты, в военную форму коричневых рубашек, выступал перед рейхстагом совсем в другой атмосфере. Стоя под огромным знаменем со свастикой, он представил давно запланированные меры, которые бы позволили рейхсканцлеру выдвигать законы, противоречащие конституции, без одобрения рейхстага и без участия президента. Такой «акт о чрезвычайных полномочиях» должен был быть обновлен через четыре года, а существование самого рейхстага, его верхней палаты, представлявшей федеральные земли, и пост рейхспрезидента не затрагивались. На самом деле это означало, что Веймарская конституция становилась мертвым законом, а рейхстаг полностью исключался из законодательного процесса. Однако принятие акта было совсем не гарантировано: 94 из 120 депутатов от социал-демократов все еще могли голосовать, из отсутствовавших кто-то был в тюрьме, кто-то болел, а некоторые отстранились от этого, потому что боялись за свои жизни. Гитлер знал, что в любом случае не по-

лучит поддержки социал-демократов. Изменение Веймарской конституции требовало и кворума (две трети всех депутатов), и большинства (две трети присутствующих). Герман Геринг как председатель рейхстага сократил кворум с 431 до 378 человек, не посчитав депутатов-коммунистов, хотя все они были законно избраны. Это было самовольное решение, не имевшее никакой законной силы¹⁰⁹. Вместе с тем даже после этого незаконно о маневра нацистам все еще требовались голоса центристской партии, чтобы протолкнуть это решение.

К этому моменту центристы уже давно перестали быть партией, поддерживающей демократию. Следуя общей тенденции политического католицизма в Европе между двумя мировыми войнами, они стали придерживаться принципов авторитаризма и диктатуры из страха перед большевиками и революцией. Верно то, что происходившее в Германии было не совсем похоже на «клерикально-фашистский» режим, который скоро стали поддерживать католические политики в Австрии и Испании. Однако в 1929 г. католическая церковь обезопасила свои позиции в Италии, подписав конкордат с Муссолини, а теперь перспективы подобного договора появились и в Германии. Нарастание террора, направленного против католиков и их политических представителей, газет, ораторов и местных чиновников с середины февраля, заставило центристскую партию с беспокойством искать гарантий выживания церкви. Теперь при более сильном, чем когда-либо, влиянии со стороны церкви руководимая католическим священником, прелатом Людвигом Каасом, партия после двух дней переговоров с Гитлером получила заверения в том, что права церкви не будут затронуты актом о чрезвычайных полномочиях. Сомнения Генриха Брюнинга и его близких советников были успокоены. Федеральные земли, оплот католицизма на юге, оставались нетронутыми, несмотря на то что руководить ими назначались рейхскомиссары из Берлина, и судебная система оставалась независимой. Этих обещаний вместе с сильным давлением Ватикана оказалось достаточно, чтобы депутаты центристской партии согласились поддержать решение, которое в долгосрочной перспективе для партии неизбежно означало политическое самоубийство¹¹⁰.

В Кроль-опере депутатов окружала атмосфера насилия и страха. Социал-демократ Вильгельм Хёгнер вспоминал:

Нас приветствовали дикие распевы: «Мы хотим чрезвычайный акт!» Молодые парни со свастиками на груди нагло осматривали нас с ног до головы, практически заграждая путь внутрь. Нам пришлось пробираться сквозь их строй, а они выкрикивали оскорбления вроде «центристская свинья» или «марксистская сволочь». Внутри Кроль-оперы везде сновали вооруженные штурмовики и эсэсовцы... Палата обсуждений была украшена свастиками и похожими орнаментами... Когда мы, социал-демократы, заняли свои места с левого края, штурмовики и эсэсовцы встали у выходов и вдоль стен позади нас полукругом. Их поведение ничего хорошего для нас не сулило¹¹¹.

Гитлер начал свою речь с обычных диатриб против «ноябрьских преступников» 1918 г. и хвалился тем, что уничтожил угрозу коммунизма. Он повторил свое обещание защищать интересы церквей, особенно в школах, основное яблоко раздора при Веймарской республике. Однако напоследок он прямо пригрозил жестокими репрессиями всем, кто отвергнет предлагаемую меру. «Правительство националистического восстания, — объявил он, — готово и полно решимости действовать, если будет объявлено об отклонении акта и вместе с этим о начале сопротивления. Поэтому, господа, сделайте свой выбор, быть миру или войне». Это оказало влияние на колеблющихся депутатов центристской партии вроде Генриха Брюнинга, который решил голосовать за акт. «Они боятся, — говорил в личной беседе с социал-демократами Йозеф Вирт, один из ведущих политиков партии и сам бывший рейхсканцлер, — что, если акт будет отвергнут, то нацистская революция вырвется из-под контроля и настанет кровавая анархия»¹¹².

Перед лицом такой угрозы социал-демократы решили, что их председатель Отто Вельс должен принять умеренный и даже примирительный тон в своей речи перед оппозицией, опасаясь, что в противном случае штурмовики, которые угрожающе стояли вдоль стен зала, могут его застрелить, избить или арестовать

на выходе. Однако его речь оказалось достаточно яркой. Он защищал достижения Веймарской республики по реализации равенства возможностей, социального обеспечения и возвращения Германии в международное сообщество. «У нас можно забрать свободу и жизнь, но не нашу честь». Вельс не преувеличивал: несколько видных социал-демократов уже были убиты нацистами, а сам он нес с собой ампулу с цианидом в кармане, готовый проглотить ее, если бы штурмовики его арестовали и стали пытаться после выступления. Задышавшись от эмоций, он закончил призывом к будущему:

В этот исторический час, мы, немецкие социал-демократы, торжественно заявляем о своей приверженности базовым принципам гуманизма и правосудия, свободы и социализма. Никакой чрезвычайный закон не дает вам права уничтожить идеи вечные и неразрушимые. Антисоциалистический закон не уничтожил социал-демократов. Из новых гонений социал-демократия может почерпнуть свою новую силу. Мы приветствуем преследуемых и угнетаемых. Их упорство и верность заслуживают восхищения. Смелость их убеждений, их несломленная уверенность обещают светлое будущее.

Выступление Вельса палата встретила громогласным гулом, издевательским хохотом нацистских депутатов, заглушавшим аплодисменты с мест его однопартийцев.

Ответ Гитлера был презрительным. Социал-демократы направили речь в прессу до заседания, и штаб Гитлера получил ее копию, чтобы канцлер мог по ней подготовить ответ. Он знал, что ему не нужны их голоса. «Вы думаете, — говорил он под громоподобные аплодисменты нацистских депутатов в униформе, — что ваша звезда сможет взойти снова! Господа, взойдет звезда Германии, а ваша закатится... Германия будет свободной, но без вашей помощи!» После коротких выступлений лидеров других партий депутаты высказались 444 голосами за и 94 голосами против. Когда-то гордые немецкие либералы, теперь представленные Народной партией Германии, были среди поддержавших закон. Против проголосовали только социал-демократы. Большинство было таким подавляющим, что этот закон прошел бы, даже если

бы присутствовали все 120 депутатов от социал-демократов и 81 от коммунистов, что сделало бы общее число голосов равным 647 вместо 566, и все бы они сказали «нет»¹¹³.

Теперь, когда акт о чрезвычайных полномочиях был в силе, можно было вполне обойтись без рейхстага. С этого момента Гитлер и его правительство управляли на основе чрезвычайных полномочий, обращаясь к президенту Гинденбургу лишь за подписью либо вообще игнорируя его, что позволял делать акт. Никто не верил, что по истечении четырех лет действия акта рейхстаг сможет возразить против его продления, что и произошло. Как и в случае с декретом о пожаре в рейхстаге, временная часть чрезвычайного законодательства с некоторыми прежними положениями веймарского периода теперь стала легальной или псевдолегальной основой для окончательного уничтожения гражданских прав и демократических свобод. Обновленный в 1937 г. и снова в 1939 г. декрет получил постоянное действие в 1943 г. Террор коричневых рубашек на улицах был уже достаточно всеобъемлющим, чтобы всем было понятно, что может произойти. Вельс был прав, предсказывая, что Германия скоро станет однопартийным государством¹¹⁴.

II

Успешно убрав с дороги коммунистов 28 февраля и имея действующий акт о чрезвычайных полномочиях, режим теперь обратил свое внимание на социал-демократов и профсоюзных деятелей. Они и прежде уже подвергались массовым арестам, избиениям, угрозам и даже убийствам, также происходили захваты помещений и запреты их газет. Теперь же вся ненависть нацистов повернулась в их сторону. Они были не в состоянии сопротивляться. Способность сотрудничать с профсоюзами стала важнейшим элементом в подавлении социал-демократами Капповского путча в 1920 г. Однако ее больше не было весной 1933 г. Оба крыла рабочего движения были едины в осуждении назначения Гитлера канцлером в январе 1933 г. И оба страдали от сходных актов насилия и репрессий в последовавшие два меся-

ца, все чаще банды штурмовиков захватывали и громили помещения профсоюзов. До 25 марта, по данным самих профсоюзов, их офисы были захвачены коричневыми рубашками, эсэсовцами или отрядами полиции в 45 разных городах страны. Такое давление было самой непосредственной угрозой дальнейшему существованию профсоюзов в качестве официальных представителей рабочих в переговорах по заработной плате и условиям работы с работодателями. Оно также приводило к быстрому усилению раскола между профсоюзами, с одной стороны, и социал-демократами — с другой.

Когда политические репрессии и маргинализация социал-демократов стали очевидными, профсоюзы под началом Теодора Лейпарта предприняли попытки спасти свое существование за счет дистанцирования от социал-демократической партии и поиска компромисса с новым режимом. 21 марта руководство отвергло любые намерения играть какую-либо роль в политике и объявило, что оно готово выполнять социальную функцию профсоюзов «независимо от действующего государственного режима»¹¹⁵. Нацисты, конечно, знали, что имеют очень слабую поддержку у профсоюзов, нацистская Организация фабричных ячеек¹¹⁶ не пользовалась популярностью и получала ничтожный процент голосов на подавляющем большинстве выборов в рабочие советы в первые месяцы 1933 г. Ее дела были значительно лучше только на очень немногих предприятиях, вроде заводов Круппа, химических и некоторых сталелитейных заводов и угольных шахт в Руре, что служило подтверждением того, что некоторые рабочие в некоторых ключевых отраслях промышленности начинали приспосабливаться к новому режиму¹¹⁷. Однако обеспокоенные общими результатами нацисты ввели на неопределенный срок отсрочку на проведение оставшихся выборов в рабочие советы.

Несмотря на раздражение из-за такого произвольного попрания их демократических прав, лидер ассоциации профсоюзов Теодор Лейпарт и его назначенный преемник Вильгельм Лейшнер усилили попытки обеспечить выживание своего движения. В этом усилиях их поддерживало убеждение, что нацисты серьезно говорили о введении схем создания рабочих мест, чего они безуспешно добивались многие годы. 28 апреля они заключили

соглашение с христианскими и либеральными профсоюзами, которое должно было стать первым шагом к полному объединению всех профсоюзов в единой национальной организации. «Националистическая революция, — начиналось в документе об объединении, — создала новое государство. Оно стремится объединить весь немецкий народ и доказывает свою силу». Профсоюзы, очевидно, считали, что могли играть свою роль в этом процессе, и хотели играть ее независимо. В знак того, что они готовы на это, они согласились поддержать публичное объявление Геббельса о том, что Первое мая, традиционный день для проведения массовых рабочих демонстраций, впервые станет общественным праздником. Это было давним желанием рабочего движения. Профсоюзы согласились с названием «День национального труда». Этот акт еще раз продемонстрировал, что новый режим сочетает в себе внешне разные традиции национализма и социализма¹¹⁸.

В сам этот день здания профсоюзов вопреки традиции рабочего движения, которую многие старшие рабочие считали скандальной и тягостной, были украшены старыми национальными цветами — черным, белым и красным. Карл Шрадер, президент профсоюза текстильных рабочих, маршировал в составе процессии в Берлине под флагом со свастикой, и он был не единственным профсоюзным деятелем, который сделал это. Некоторые действительно приняли участие в «летучих» контрдемонстрациях, организованных с молниеносной скоростью в разных местах коммунистами, или в тихих поминках этого дня, которые социал-демократы справляли в своих тайных местах сборов. А сотни тысяч, может, даже миллионы людей маршировали по улицам, ведомые духовыми оркестрами штурмовиков, игравших Песню Хорста Весселя и патриотические марши. Они стекались к просторным открытым площадям, где слушали речи и стихотворения националистических «рабочих поэтов». Вечером голос Гитлера раздавался из радио, уверяя всех немецких рабочих, что скоро безработица уйдет в прошлое¹¹⁹.

На берлинском аэродроме «Темпельхоф» собралась огромная толпа — более миллиона человек, построившихся по-военному в виде двенадцати гигантских квадратов, их окружало

море нацистских флагов и три огромных нацистских знамени, освещенных прожекторами. После наступления темноты были фейерверки, которые завершились появлением из мрака больших светящихся свастика, освещавших небо. СМИ трубили о том, что новый режим завоевал сердца рабочих. Это было пролетарской версией церемонии, проведенной для высших классов в Потсдаме десятью днями раньше¹²⁰. Однако массы появились на церемониях не совсем по своей воле, и атмосфера была далека от жгучего энтузиазма. Многим рабочим, особенно на государственных местах, угрожали увольнением, если бы они не показались на демонстрации, а у тысяч заводских рабочих в Берлине по приходе на работу отобрали карточки учета с обещанием вернуть их только на аэродроме «Темпельхоф». Общая атмосфера усиливающегося насилия и запугивания также сыграла свою роль в формальном согласии лидеров профсоюзов на участие в этом мероприятии¹²¹.

Однако если лидеры профсоюзов считали, что такими компромиссами им удастся сохранить свои организации, то их ждало жестокое разочарование. Уже в начале апреля нацисты начали тайные приготовления к захвату власти во всем профсоюзном движении. 17 апреля Геббельс писал в своем дневнике:

1 мая мы организуем празднование в виде грандиозной демонстрации воли немецкого народа. 2 мая будут захвачены офисы профсоюзов. Здесь тоже нужна координация. Несколько дней может стоять шум, но потом они станут принадлежать нам. Мы больше не должны соглашаться на уступки. Мы лишь оказываем рабочим услугу, освобождая их от паразитирующего руководства, которое до этого момента только усложняло им жизнь. Когда профсоюзы окажутся у нас в руках, другие партии и организации больше не смогут долго продержаться¹²².

2 мая 1933 г. коричневые рубашки и эсэсовцы вломились во все офисы профсоюзов социал-демократической направленности, захватили все профсоюзные газеты и журналы и все филиалы профсоюзного банка. Лейпарт и другие высшие чиновники были арестованы и помещены в «предварительное заключение»

в концентрационных лагерях, где многих из них избивали и жестоко унижали, прежде чем через одну-две недели отпустить. Был один особенно жуткий случай, когда 2 мая штурмовики забили четырех профсоюзных чиновников до смерти в подвале профсоюзного здания в Дуйсбурге. Все управление движением и его активами попало в руки нацистской Организации фабричных ячеек. 4 мая христианские профсоюзы и все остальные профсоюзные организации без каких-либо условий перешли под руководство Гитлера. «Шум», предсказываемый Геббельсом, так и не материализовался. Когда-то могущественное движение немецких профсоюзов исчезло без следа практически за одну ночь¹²³. «Революция продолжается», — возвещал Геббельс в своем дневнике 3 мая. С удовлетворением он отмечал волну арестов «шишек». «Мы — властители Германии», — хвалился он в своем дневнике¹²⁴.

В полной уверенности, что социал-демократическая партия больше не могла заручиться поддержкой профсоюзов в последнем акте сопротивления, если бы такой был задуман, режим приступил к реализации финальной части программы по закрытию партии. 10 мая правительство наложило арест на активы и имущество партии по судебному ордеру, запрошенному генеральным государственным прокурором в Берлине со ссылкой на предполагаемую растрату профсоюзных фондов Лейпартом и другими. Это обвинение на самом деле не имело никаких оснований. Вельс организовал вывод партийных фондов и архивов за пределы страны, однако добыча нацистов все равно оказалась крупной. Эта мера лишила партию фундамента, который можно было использовать для возрождения организации или ее газет, журналов и других изданий. Как политическое движение она была окончательно уничтожена¹²⁵. Однако, что удивительно, ничто из этого не помешало социал-демократам оказать поддержку правительству в рейхстаге 17 мая, когда Гитлер представил законодательному собранию нейтральную резолюцию с согласием Германии на равноправное участие в международных переговорах по разоружению. Эта декларация не имела никакого смысла за исключением утверждения прав Германии и никакой цели помимо завоевания определенного доверия для режима за

границей после многих месяцев жесткой критики по всему миру. Правительство не имело никаких намерений участвовать в каких-либо процессах разоружения. Тем не менее депутаты социал-демократов, возглавляемые Паулем Лёбе, считали, что их могут выставить непатриотами, если они станут бойкотировать заседание, поэтому те, кто мог это сделать, появились и присоединились к единогласному утверждению резолюции рейхстагом, за которым последовала лицемерно умеренная и нейтральная речь Гитлера, музыка национального гимна, выкрики нацистов «Хайль!» и явное удовлетворение Германа Геринга, который в роли председателя рейхстага объявил, что мир стал свидетелем единения немецкого народа, когда на международной арене решалась его судьба. Это решение депутатов вызвало ярость в партии, в первую очередь у лидеров в изгнании: они осудили этот поступок как нечто прямо противоположное гордому голосованию против акта о чрезвычайных полномочиях от 23 марта. Отто Вельс, который возглавлял оппозицию на голосовании, отозвал свое заявление о выходе из Социалистического интернационала. Изгнанное руководство перенесло штаб-квартиру партии в Прагу. Сгорая от стыда и отчаяния из-за неспособности депутатов рейхстага осознать, что их использовали как инструмент в нацистской пропагандистской операции, самый страстный оппонент этого решения, Тони Пфюльф, одна из самых видных представительниц социал-демократов в рейхстаге, бойкотировала заседание и совершила самоубийство 10 июня 1933 г. Сам Лёбе был арестован, а Вельс бежал из страны¹²⁶.

Пропась между новым руководством партии в Праге и теми чиновниками и депутатами, кто остался в Германии, стремительно расширялась. Однако режим объявил, что не видит разницы между двумя крыльями партии. Те, кто бежал в Прагу, были предателями, порочившими Германию из эмиграции, а те, кто остался, были предателями, потому что помогали и содействовали тем. 21 июня 1933 г. министр внутренних дел Вильгельм Фрик приказал правительствам земель по всей Германии запретить социал-демократическую партию на основании декрета о пожаре рейхстага. С этого момента всем депутатам от социал-демократов больше не разрешалось занимать свои места в рейхстаге. Все

социал-демократические собрания, все социал-демократические публикации были запрещены. Членство в партии было объявлено несовместимым с занятием каких-либо государственных должностей или постов. 23 июня 1933 г. Геббельс с триумфом писал в дневнике, что социал-демократическая партия была «распущена. Bravo! Теперь долго ждать тотального государства не придется»¹²⁷.

Социал-демократам также не пришлось долго ждать, чтобы узнать, что означало «тотальное государство». Когда был издан указ Фрика от 21 июня, по всей Германии были арестованы более трех тысяч функционеров из социал-демократов, их жестоко избивали, пытали и бросали в тюрьмы и концентрационные лагеря. В пригороде Берлина Кёпенике, натолкнувшись на вооруженное сопротивление в одном доме, штурмовики согнали 500 социал-демократов и избивали и пытали их в течение нескольких дней, убив 91 человека. Эта согласованная акция, дикая даже по стандартам коричневых рубашек, быстро получила известность как «Кровавая неделя в Кёпенике». Особенно жестоко мстили тем, кто был связан с левыми в Мюнхене в революционные дни 1918—19 гг. Бывший секретарь Курта Эйснера, Феликс Фехенбах, теперь редактор местной социал-демократической газеты в Детмольде, был арестован 11 марта и помещен под стражу вместе с большинством лидеров социал-демократов в провинции Липпе. 8 августа отделение штурмовиков повезло его на машине в местную тюрьму, якобы для дальнейшего перевода в Дахау. Но по дороге они выкинули сопровождавшего полицейского из машины. Потом они заехали в лес, где вывели Фехенбаха из машины и застрелили. Нацистская пресса позже сообщала, что тот был «застрелен при попытке к бегству»¹²⁸. Под прицел попадали и менее одиозные фигуры. Бывшего министра-президента Мекленбург-Шверина Йоханеса Штеллинга, социал-демократа, отвели в казармы коричневых рубашек, избили и в полубессознательном состоянии бросили на улице, где его подобрала другая банда штурмовиков и запытала до смерти. Его тело зашили в мешок с камнями и утопили в реке. Позже его выловили вместе с телами еще двенадцати функционеров социал-демократов и «Рейхсбаннера», которых убили в ту же ночь¹²⁹.

Схожие жестокие акты репрессий против социал-демократов проводились по всей Германии. Особенно известен был импровизированный концентрационный лагерь, открытый 28 апреля в Дюрргое, в южных пригородах Бреслау, местным штурмовиком Эдмундом Хейнесом. Комендантом лагеря был бывший лидер одной из добровольческих бригад и член крайне правого отряда убийц, которого при Веймарской республике осудили за убийство. Его заключенными были Герман Людеман, бывший социал-демократический администратор района Бреслау, бывший социал-демократический мэр города и бывший редактор городской социал-демократической ежедневной газеты. Пленники подвергались постоянным избиениям и пыткам. Комендант лагеря проводил регулярные пожарные учения ночью, и заключенных избивали, когда они возвращались в бараки. Хейнес водил Людемана по улицам Бреслау в одежде арлекина под аккомпанемент насмешек и оскорблений со стороны наблюдавших штурмовиков. Он также похитил бывшего лидера социал-демократической парламентской фракции Пауля Лёбе, к которому испытывал личную ненависть со времен тюрьмы в Шпандау. Под давлением его жены и друзей скоро удалось получить приказ о его освобождении, однако он отказывался выходить на свободу в знак солидарности с другими заключенными социал-демократами¹³⁰.

При таких репрессиях партия фактически была развалена задолго до того, как попала под такой же запрет, как и коммунисты 14 июля. Оглядываясь назад, можно сказать, что ее шансы на выживание стремительно сокращались в течение примерно года. Решающим в этом отношении был ее провал в создании сколько-нибудь эффективной оппозиции перевороту Папена 20 июля 1932 г. Если ей когда-либо и представлялась возможность выступить в защиту демократии, это было именно тогда. Однако легко осуждать ее бездействие в ретроспективе. Очень немногие летом 1932 г. могли понять, что любительское и во многих отношениях нелепое правительство Франца фон Папена создаст фундамент для прихода к власти через шесть месяцев с небольшим режима, чью экстремальную жестокость и полное неуважение к закону порядочные и законопослушные демократы с трудом могли

осознать. Во многих отношениях желание лидеров рабочего движения избежать насилия в июле 1932 г. было крайне похвально, однако они не могли знать, что последствием их бездействия станет еще более яростное насилие.

С уничтожением рабочего движения нацисты при поддержке государственных организаций обеспечения правопорядка и при симпатизирующем бездействии вооруженных сил устранили самое серьезное препятствие для провозглашения однопартийного государства. Рабочее движение было подчинено, профсоюзы растоптаны, партии социал-демократов и коммунистов, чьи голоса в целом заметно превосходили голоса нацистов на последних свободных выборах в рейхстаг в ноябре 1932 г., были уничтожены в оргии насилия. Оставалась, однако, еще одна политическая партия, члены и избиратели которой в целом были верны своим прежним, времен Веймарской республики, принципам и представителям, — центристская партия. Она черпала свою силу не только из политических традиций и культурного наследия, но в первую очередь из своей близости с католической церковью и ее сторонниками. Ее нельзя было подвергнуть такой же дискриминации и необузданной жестокости, которые смели с политической сцены коммунистов и социал-демократов. Здесь требовались более тонкие меры. В мае 1933 г. Гитлер и нацистское руководство приступили к их реализации.

III

Граф Клеменс Август фон Гален был католическим священником традиционного толка. Он родился в 1878 г. в благородной семье в Вестфалии, вырос в атмосфере аристократической набожности, поддерживаемой родственными связями с такими людьми, как его знаменитый дядя, епископ фон Кеттелер, один из основателей социал-католицизма. Одиннадцатому из тринадцати детей, Клеменсу Августу, казалось, было предназначено пойти в священники. Его родители, чья политическая сознательность была разбужена попытками Бисмарка обуздать католическую церковь в 1870-х, научили его тому, что совесть, в особен-

ности религиозная совесть, рождается из подчинения власти. Но они также научили его скромности и простоте, потому что им не хватало денег и приходилось жить в спартанских условиях в замке, в котором не было воды, оборудованных туалетов и отопления в большинстве комнат. Гален учился частично дома, частично в иезуитской академии и сдавал экзамены в университет в государственной школе. В 1904 г. он стал священником, окончив факультет теологии в Инсбрукском университете. С 1906 по 1929 год он служил приходским священником в Берлине, в протестантском городе с сильным и по большей части атеистичным рабочим классом. Под два метра ростом, Гален имел во многом командирскую внешность и пользовался уважением за личный аскетизм и умение общаться с бедняками. В его отношении к жизни серьезную роль играли обязательства, накладываемые его положением¹³¹.

Неудивительно, что, имея такое прошлое, Гален придерживался правых политических взглядов. Он поддерживал войну Германии в 1914—18 гг. и пытался пойти добровольцем (неуспешно) на фронт. Он ненавидел революцию 1918 г., потому что она опрокинула государственный порядок, дарованный свыше. Он твердо верил в миф об «ударе в спину», ставшем причиной поражения Германии в войне, был против изначальной приверженности центристской партии веймарской демократии и принимал участие, хотя и в качестве сторонника умеренных взглядов, в неудавшихся обсуждениях, посвященных образованию нового католического политического движения с более правой позицией. Гален критиковал Веймарскую конституцию как «безбожную», повторяя слова кардинала Михаэля Фаульхабера, называвшего ее светские основы «богохульством». Фаульхабер вместе со многими другими священниками приветствовал обещание руководства нацистов восстановить крепкие христианские основы государственности в 1933 г. И действительно, Гитлер и большинство из его первых помощников прекрасно знали о глубоких религиозных чувствах большинства населения и не желали задевать их в процессе борьбы с партиями вроде центристской. Поэтому в первые месяцы 1933 г. они осторожно и регулярно подчеркивали приверженность нового правительства христианской вере.

Они объявили, что «националистическая революция» должна была положить конец материалистическому атеизму веймарских левых и распространить вместо него «положительное христианство» независимо от течений и в соответствии с немецким духом¹³².

Католические священники вроде Галена в целом были обеспокоены положением католической церкви в стране, где главной угрозой казался атеистический коммунизм. Но у них были и более приземленные заботы. В Веймарской республике католическое сообщество добилось беспрецедентного представительства в государственных органах, правительстве и на государственной службе. В стремлении подписать предложенный конкордат, который, как их заверяли, позволит сохранить эти достижения, немецкие епископы вышли из оппозиции к нацизму и в мае издали коллективную декларацию о поддержке режима. Они стали оказывать давление на местных священников, которые настаивали на продолжении критики нацистского движения. Штурмовики и члены нацистской партии, бывшие католиками, не имели возможности посещать мессы, поскольку епископы запретили ношение униформы в церкви, поэтому их стали видеть на протестантских службах, где такого запрета не было, что оказалось тревожной демонстрацией массового бегства в религиозную оппозицию. Кардинал Бертрам убедил епископов снять запрет¹³³. Вскоре пассивная терпимость превратилась в активную поддержку. Многие священники приняли участие в общественных церемониях, проводимых при отмечании Дня национального труда 1 мая. На съезде епископов в Фульде 1 июня 1933 г. было издано пастырское послание с приветствием «национального пробуждения» и поддержкой сильной государственной власти, хотя в нем также выражалось беспокойство по поводу одержимости нацистов расовым вопросом и растущей угрозы мирским католическим институтам. Генеральный викарий Штайнман был сфотографирован протягивающим руку в нацистском приветствии. Он объявил, что Гитлер был дан немецкому народу Богом, чтобы повести его за собой¹³⁴. Организации католических студентов опубликовали декларацию верности новому режиму («единственному способу восстановить христианскую сущность

нашей культуры... Хайль нашему лидеру, Адольфу Гитлеру»). Католические газеты перестали выходить или превратились в некое подобие нацистских органов пропаганды¹³⁵.

В то время как эта ситуация продолжала усугубляться, лидер центристской партии прелат Каас посетил Ватикан с продолжительным визитом с целью форсировать принятие конкордата. Скоро стало понятно, что он был готов пожертвовать партией ради того, чтобы режим принял условия конкордата. В начале мая он подал в отставку с поста руководителя партии, ссылаясь на плохое здоровье. Его сменил бывший рейхсканцлер Генрих Брюнинг, который сразу же стал объектом бледного подобия культа вождя, который окружал персону Гитлера. Теперь в газетах центристской партии Брюнинга называли Вождем и заявляли, что его католическая свита покорится его решениям¹³⁶. Все депутаты и чиновники партии подали в отставку, предоставив Брюнингу возможность восстановить их или подыскать им замену. Сюда входили и депутаты рейхстага, которые своим избранием были обязаны месту в партийном списке кандидатов и, таким образом, действительно могли быть заменены по желанию Брюнинга другими, находившимися в списке ниже. Таким образом, теперь в центристской партии отказались от идеи выборного рейхстага в пользу идеи назначаемого рейхстага. Брюнинг объявил о глубокой реформе партийной структуры, а тем временем еще больше сблизился с нацистским режимом, убедив своих депутатов голосовать за декларацию о внешней политике правительства 17 мая 1933 г. и лично помогая Гитлеру в составлении черновика необычайно взвешенной речи, в которой тот представил эту декларацию на законодательном собрании. Готовность Брюнинга на компромисс не мешала политической полиции прослушивать его телефон и вскрывать почту, как он сообщал британскому послу сэру Хорасу Рамболду в середине июня. По словам Рамболда, Брюнинг теперь считал, что только восстановление монархии могло спасти ситуацию, и этого мнения он придерживался в течение нескольких лет.

Бывший канцлер, казалось, не имеет представления о размахах репрессий, навалившихся теперь на членов его партии. Ее газеты запрещались или изымались. Ее местные и региональные

организации закрывались одна за другой. Ее министры во всех землях выводились из правительств. Состоящие в ней госслужащие, несмотря на постоянные заверения Германа Геринга, ходили под постоянной угрозой увольнения. 200 000 членов партии покидали ее все более быстрыми темпами. Начиная с мая также велись аресты ведущих католических политиков, юристов, активистов светских организаций, журналистов и писателей, особенно если они публиковали критические статьи о нацистах или правительстве. 26 июня 1933 г. Гиммлер в роли шефа полиции Баварии издал приказ, согласно которому в «предварительное заключение» попадали не только все члены рейхстага и депутаты местного законодательного собрания из Баварской народной партии, тесно связанной с центристами, но и те, «кто играл особенно активную роль в политике партии»¹³⁷. 19 июня президент земли Вюртемберг Ойген Больц, один из ведущих консерваторов в центристской партии, был арестован и жестоко избит, старшие госслужащие, такие как Елена Вебер, являвшаяся также депутатом рейхстага от центристской партии, были отстранены от должностей, а организации католических профсоюзов приказали самораспуститься. Это были лишь самые заметные и получившие широкую огласку случаи в целой веренице новых арестов, избиений и увольнений. На местном уровне одну мирскую католическую организацию за другой заставляли закрываться или присоединяться к нацистской партии, что вызывало серьезную обеспокоенность среди церковной иерархии. Пока Папен и Геббельс на публике со все большей страстью требовали роспуска центристской партии, на переговорах в Риме, к которым ближе к концу месяца присоединился сам Папен, было достигнуто соглашение о том, что партия должна была прекратить свое существование после подписания конкордата¹³⁸.

Финальный текст конкордата, принятый 1 июля, одобренный Папеном и Каасом и подписанный неделей позже, включал запрет для священников заниматься политической деятельностью. Национальные и местные законодатели из центристской партии начали покидать свои места или передавать их нацистам, как сделали некоторые члены совета в Берлине, Франкфурте и других городах. Даже Брюнинг наконец увидел зловещее предзнамено-

вание. Формально партия самораспустилась 5 июля, рекомендовав депутатам рейхстага, местным законодателям и представителям власти перейти под знамена своих нацистских коллег. Как объявило руководство, члены партии теперь имели возможность «без ограничений» вступать в национальный фронт под руководством Гитлера. Остатки партийной прессы представляли этот финал не как результат внешнего давления, а как неизбежное следствие внутреннего развития, которое поставило католическое сообщество на задний план в новой Германии в условиях исторической трансформации национальной государственности. Администрация партии не только приказала всем партийным организациям самораспуститься, но и предупредила, что процедура роспуска проводится при участии политической полиции. Что было вполне предсказуемо, нацисты предпочли убедить членов центристской парламентской фракции оставить свои места в рейхстаге и не искать пристанища в рядах нацистской партии, на что те изначально рассчитывали¹³⁹.

За исключением рабочего движения центристская партия была единственной организацией, которая оказывала эффективное сопротивление электоральному нашествию нацистов в начале 1930-х гг. Сплоченность и дисциплина этих двух политических течений были помимо прочего результатом преследований, которым они подвергались при Бисмарке. Однако когда социал-демократов, а потом и коммунистов поставили в положение перманентной оппозиции и изоляции в результате ре-прессий, реакцией католиков стало желание в первую очередь восстановить внутреннее единство национального сообщества. Лидерам католических политиков, таким как Папен и в меньшей степени Брюнинг и Больц, не хватало приверженности демократии, которая характеризовала таких людей, как Вильгельм Маркс или Маттиас Эрцбергер в первые дни республики. Перед лицом большевистской угрозы церковь в целом поворачивалась против парламентской демократии по всей Европе. В этой ситуации практически всем ведущим фигурам роспуск партии казался малой жертвой, принесенной ради того, чтобы получить от нового режима твердые гарантии сохранения автономии католической церкви и полноправного участия католиков

в новом немецком обществе. Скоро католикам предстояло узнать, насколько твердыми были эти гарантии.

Тем временем 28 октября 1933 г. граф Клеменс Август фон Гален был посвящен в католические епископы Мюнстера — первое подобное повышение после подписания конкордата. В своем обращении к пастве Гален заявил, что он считал своим долгом говорить правду, «указывать на разницу между справедливостью и несправедливостью, хорошими и плохими делами». Перед своим вступлением в должность он посетил Германа Геринга, министра-президента Пруссии, которому в соответствии с условиями конкордата принес клятву верности государству. В символическом акте взаимного одобрения местные чиновники нацистов и штурмовиков, начиная с регионального лидера и дальше, собравшиеся перед ним на церемонии принятия сана в Мюнстере, приветствовали его вскинутой рукой в «немецком приветствии». Для епископской процессии на улицы вышли колонны штурмовиков и эсэсовцев со свастиками. В тот же вечер они устроили факельное шествие, прошагав мимо дворца Галена. Примирение нацизма и католицизма, по крайней мере на тот момент, казалось завершенным¹⁴⁰.

IV

Уничтожение коммунистов, социал-демократов и центристской партии стало самой сложной частью в плане нацистов по созданию однопартийного государства. Вместе эти три партии представляли гораздо больше избирателей, чем нацисты когда-либо получали голосов на свободных выборах. По сравнению с проблемами, которые представляли эти партии, устранение других движений было простым делом. Большинство из них потеряли практически все голоса и места в рейхстаге, которые они когда-либо имели. Они созрели для того, чтобы их устранили одну за другой. К началу 1933 г. единственная из них, которая принадлежала коалиции партий, с самого начала поддерживавших Веймарскую республику, Государственная партия (бывшие демократы), беспомощно дрейфовала по волнам событий, со-

кратив свое представительство в рейхстаге до двух мест и издавая патетические призывы к другим партиям взять ее депутатов под свое крыло. Она продолжала заявлять о своей оппозиции нацистам, но в то же время она также выступала за изменение конституции в более авторитарном направлении. Она не смогла укрепить свои позиции на выборах в марте 1933 г., хотя и включила своих кандидатов в список социал-демократической партии, которая имела гораздо большую поддержку, и увеличила число мест в рейхстаге с двух до пяти. С большой неохотой, но единогласно депутаты партии, включая будущего президента ФРГ Теодора Хейса, проголосовали за Закон о чрезвычайных полномочиях 23 марта 1933 г., устрешенные угрозами Гитлера о кровавой резне, которая произойдет, если голосование провалится. На деле их голоса не имели значения, о чем они, наверное, знали сами. Руководитель партийной фракции в парламенте Отто Нушке начал подписывать официальные письма «немецким приветствием свободы» и требовать признания законности правительства. Тем временем госслужащие, составлявшие основную часть партии, стали массово ее покидать и присоединяться к нацистам, стремясь сохранить свою работу. Начиная с момента, когда партия оказалась в замыкающем положении на выборах 1930 г., велись постоянные дискуссии по поводу того, стоило ли продолжать борьбу. Коричневые рубашки начали новую кампанию террора против немногих оставшихся депутатов, госслужащих и членов местных советов, которые открыто объявляли о своей верности партии. Потом правительство лишило депутатов партии их мест в рейхстаге на основании того, что они избирались по спискам социал-демократов на мартовских выборах, а следовательно, были социал-демократами. После этого руководство партии окончательно сдалось и 28 июня 1933 г. объявило об официальном роспуске Государственной партии¹⁴¹.

Народная партия, резко повернувшая вправо после смерти в 1929 г. Густава Штресемана, возглавлявшего ее на протяжении большей части периода существования Веймарской республики, в 1931 г. начала избавляться от своего либерального крыла — в то время «либеральность» определялась как поддержка правительства Брюнинга, что было еще одним указанием на то,

насколько политический спектр сместился вправо, — и агитировать за создание общей коалиции всех националистических сил, включая нацистов. Однако чем больше партия теряла поддержку избирателей, тем больше она сваливалась в хаос враждующих фракций. Сохранив только семь мест в рейхстаге после июля 1932 г., Народная партия оказалась отброшенной на периферию политической борьбы. Ее лидер в то время, адвокат Эдуард Дингельдай, считал хорошей идеей объединить силы с националистами в общем избирательном списке в ноябре 1932 г. После этого оставшиеся либералы отвернулись от партии, однако такой шаг не принес никаких дивидендов. Обеспокоенный этим признаком дальнейшего распада, Дингельдай отказался от соглашения с националистами на следующих выборах, в результате чего Народная партия смогла взять только два места в марте 1933 г. Это было все, что осталось от славных традиций Национал-либеральной партии Германии, которая доминировала в рейхстаге в 1870-х и столько сделала для смягчения жестких законов бисмарковского государства широким набором либеральных решений. Когда Дингельдай ушел из политики на пару месяцев из-за серьезной болезни, оставшиеся члены партии, и в особенности госслужащие, опасавшиеся за свои места, в больших количествах начали ее покидать, тогда как остальные под руководством заместителя призывали партию самораспуститься и формально слиться с нацистами. Когда Дингельдаю удалось предотвратить это, правое крыло партии ушло в отставку. Его попытки попасть на аудиенцию к Гитлеру или Герингу получали решительный отказ. Опасаясь за безопасность оставшихся служащих и депутатов партии в общей атмосфере запугивания, 4 июля Дингельдай объявил о роспуске Народной партии. В качестве награды три дня спустя он получил аудиенцию у Гитлера и заверение нацистского вождя в том, что бывшие члены партии не будут подвергаться дискриминации из-за их политического прошлого. Не нужно говорить, что это не помешало нацистам заставить уйти в отставку бывших депутатов Народной партии во всех законодательных органах Германии и уволить госслужащих на основании их оппозиции национал-социалистическому движению. От протестов Дингельдаю по поводу таких действий презрительно отмахивались¹⁴².

Националистическая партия под руководством Альфреда Гугенберга выступила на выборах не более успешно, чем две либеральные партии. Нацисты отобрали у нее почти все голоса в начале 1930-х. Вместе с тем она считала себя основным партнером по коалиции с нацистами, к которым она всегда относилась с некоторым снисхождением. Ведущие националисты приветствовали тот факт, что правительство Гитлера решительно объявило о ликвидации парламентской системы и начале диктатуры. Гугенберг вел активную кампанию на выборах 5 марта 1933 г. для получения абсолютного большинства с нацистами, которое бы обеспечило народную поддержку такого преобразования. Вместе с тем ведущие националисты с тревогой понимали, что это делает их крайне уязвимыми. Они предостерегали против «социализма» нацистов и выступали за «беспартийное» правительство. Разумеется, нацисты тщательно поддерживали иллюзию настоящей коалиции во время кампании. Никакие националистические газеты не были запрещены, митинги националистов не разгонялись, а политики не арестовывались. Однако массовые репрессии и насилие в кампании целиком использовались в пользу нацистов. 5 марта нацисты получили свою награду, увеличив свое представительство в рейхстаге с 196 мест до 288. Напротив, националистам не удалось серьезно улучшить свое положение — они получили 52 места вместо 51. Этих мест и 8 % голосов, которые они представляли, оказалось достаточно, чтобы протолкнуть коалицию через пятидесятипроцентный рубеж. Однако результаты выборов наглядно демонстрировали, насколько неравными были партнеры по коалиции. На улицах военизированные «бойцовские союзы», ассоциировавшиеся с националистами, никоим образом не могли конкурировать с мощью коричневых рубашек и СС. Кроме того, националистам не удалось получить безусловную поддержку «Стаального шлема», единственной крупной военизированной группировки, которая, казалось, разделяет их политические взгляды.

Результаты мартовских выборов кардинально изменили отношения между двумя партиями. Устранив коммунистов из законодательной власти, нацисты больше не нуждались в националистах для формирования общего большинства, хотя они

до сих пор немного недобирали до двух третей, необходимых для изменения конституции. Гитлер и Геринг стали с жестокой ясностью демонстрировать Гугенбергу, что теперь главными были они. Принятие акта о чрезвычайных полномочиях при поддержке националистов стало приятным событием для более консервативных членов партии из-за предшествующего формального открытия парламента в Потсдаме с его очевидной похожестью на бисмарковские традиции, которые они так стремились возродить. Но после того как акт о чрезвычайных полномочиях был принят, Гитлер не терял времени и сразу объявил, что не может быть и речи о восстановлении того, что он считал испорченным институтом монархии. Именно в этот момент нацисты наконец стали применять к националистам такие же меры давления, от которых другие партии страдали уже с середины февраля. 29 марта был проведен обыск в кабинете руководителя партийной фракции в рейхстаге Эрнста Оберфорена, а на следующий день был совершен налет на его дом. Найденные там документы, по заявлению нацистов, свидетельствовали о том, что Оберфорен был автором анонимных писем с угрозами Гугенбергу. Этого было достаточно, чтобы убедить лидера партии оставить свои намерения жаловаться. Оберфорен также выказывал подозрительно живой интерес к обстоятельствам пожара в рейхстаге, что позволяло предположить, что он разделял мнение коммунистов о том, что поджог был организован нацистами. Испуганный облавой на свой дом, Оберфорен немедленно оставил свой пост. Тем временем под давление начали попадать другие старшие националисты. Гюнтер Герекке, уполномоченный рейха по созданию рабочих мест, был обвинен в растрате средств. Глава Земельного союза рейха, организации, традиционно близкой националистам, был уволен за незаконные спекуляции на рынке зерна. Также стали поступать сообщения об увольнении госслужащих, которые открыто признавали свое членство в националистической партии¹⁴³.

Националисты вступили в коалицию 30 января, ощущая себя старшими партнерами в альянсе с незрелым и неопытным политическим движением, которое они легко смогут поставить под контроль. Два месяца спустя все это изменилось. Среди выража-

емых в частных беседах опасениях о разрушительных последствиях распространившейся нацистской революции они теперь беспомощно признавали невозможность заблокировать незаконные действия против своих собственных членов со стороны правительства, в котором они все еще формально состояли. В этой ситуации им показалось, что разумно будет приспособиться к новому постдемократическому порядку. Гугенберг добился реструктуризации партийной организации, которая сделала «принцип Вождя» основным на каждом уровне. После этого националисты изменили свое официальное название с Германской националистической народной партии на Германский националистический фронт, чтобы подчеркнуть свою убежденность в том, что политические партии были делом прошлого. Однако эти изменения только лишили Гугенберга последних признаков демократической легитимности и сделали его положение еще более шатким, чем раньше. Один за другим нацисты в Берлине и по всей стране на публике критиковали институты и организации, которые Гугенберг считал находящимися под его покровительством, среди тихих слухов о том, что он замедлял «национальную революцию».

Региональные органы нацистской партии теперь начали утверждать, что Гугенберг в качестве министра сельского хозяйства Пруссии больше не пользовался доверием крестьянства. Ходили слухи, что он был готов уйти со своих прусских постов. Ответом Гугенберга на эти попытки подорвать его положение стали угрозы покинуть правительство. Он полагал, что этим он сделает акт о чрезвычайных полномочиях недействительным, поскольку тот применялся только к «настоящему правительству». Однако специалист по конституционным вопросам Карл Шмидт, влиятельный сторонник нацистов, объявил, что «настоящим правительством» в акте называлась не конкретная группа министров на момент принятия этого акта, а «совершенно другой тип правительства», которое образовалось вместе с ликвидацией партийной политической системы. Таким образом, «настоящее правительство» и вместе с ним действительность акта о чрезвычайных полномочиях не затрагивались бы при уходе с поста какого-либо министра, а его природа определялась Вождем¹⁴⁴. Угроза

Гугенберга оказалась пустой — еще один пример тщетности законных обоснований перед лицом нацистского давления. Тем временем угроза нацистского насилия для его сторонников становилась все более очевидной. 7 мая Эрнст Оберфорен, уже выжитый со своего места нацистами, был найден мертвым. В окружавшей атмосфере безжалостного запугивания со стороны нацистов многие справедливо отказывались верить официальной версии о том, что он застрелился. Были сообщения об арестах местных чиновников-националистов и запрете некоторых националистических митингов. Националисты попали под усиливавшееся давление, направленное на роспуск их военизированных «бойцовских групп». К тому времени эти группы, состоявшие в основном из студентов и молодежных организаций, в результате «национального восстания» достигли численности в 100 000 человек и поэтому были достаточно сильны, чтобы вызывать у нацистов некоторое беспокойство.

30 мая 1933 г. некоторые лидеры националистов встретились с Гитлером, чтобы пожаловаться на растущее давление со стороны нацистов и отказаться от своей автономии. Они столкнулись с «истерическим приступом ярости»: нацистский лидер кричал, что разрешит своим «штурмовикам открыть огонь и устроить трехдневную бойню, пока не останется ничего», если националистические военизированные группы не прекратят свое существование. Этого было достаточно, чтобы поколебать и без того слабое желание националистов сопротивляться. Поэтому в середине июня Гитлер лично приказал распустить националистические студенческие и молодежные организации и конфисковать их активы. Лидеры националистов, связанные с этими группами, включая Герберта фон Бисмарка, который также был госсекретарем в прусской администрации, были арестованы и допрошены. Когда Бисмарку предъявили сомнительные доказательства того, что в его группу внедрились марксистские элементы, он признался, что не имел понятия о том, как плохо обстояли дела.

К этому времени лидеры националистов, такие как ультраправый католический историк Мартин Шпан, объявили, что не могут служить двум лидерам, и начали переходить на сторону нацистов. Ежедневные унижения, которые приходилось терпеть

«вождю» националистов Гугенбергу в правительстве, получали все большую огласку. Когда на международной экономической конференции он публично потребовал возврата африканских колоний Германии, не посоветовавшись заранее с кабинетом, правительство так же публично отказалось от этого заявления, поставив его в неловкое положение перед лицом всего мирового сообщества. 23 июня его консервативные коллеги по кабинету не из нацистов, Папен, Нойрат, Шверин фон Крозиг и Шахт, присоединились к Гитлеру в осуждении его поведения. Запланированная речь Гугенберга перед политическим собранием националистов 26 июня была запрещена полицией. Выражая недовольство тем, что ему постоянно не дают выполнять его министерские обязанности и публично оскорбляют в нацистской прессе, он в тот же день демонстративно направил заявление о своей отставке Гинденбургу.

Гугенберг, конечно, не собирался на самом деле уходить из правительства. Однако старый президент полностью опроверг его ожидания и вместо того, чтобы отклонить его заявление и вмешаться в конфликт с Гитлером, не сделал ничего. Встреча с Гитлером с целью попытаться разрешить ситуацию миром только спровоцировала того потребовать роспуска Германского националистического фронта в случае отклонения отставки Гугенберга. Он сказал, что если этого не произойдет, то тысячи госслужащих и чиновников-националистов будут уволены. Однако эта альтернатива была выдуманной, Гитлер никогда не позволил бы Гугенбергу, последнему из остававшихся независимых членов кабинета, отозвать свое заявление об отставке. Когда Гитлер триумфально рапортовал об уходе Гугенберга из кабинета, другие ведущие фигуры Германского националистического фронта встретились с ним, чтобы заключить «дружественное соглашение», в котором они соглашались на «самороспуск партии»¹⁴⁵. Условия, которые приняли националисты, формальные партнеры Гитлера по коалиции, были внешне менее тяжелыми, чем принятые другими партиями, но на практике нацисты принудили всех депутатов или избранных законодателей, взгляды которых им не нравились, вроде Герберта фон Бисмарка, уйти со своих постов и оставили только тех, в чьей лояльности не сомневались.

Гарантии того, что госслужащие из националистов не пострадают из-за своего партийного прошлого, режим не считал неизменными. «Дружественное соглашение» было не более чем малодушной капитуляцией.

Распустив партии, усмирив Церковь, упразднив профсоюзы и нейтрализовав армию, нацисты остались лицом к лицу с единственным крупным политическим игроком: «Стальным шлемом», ультранационалистической военизированной ветеранской организацией. 26 апреля 1933 г. после долгих переговоров Франц Зельдте, лидер «Стального шлема», вступил в нацистскую партию и перевел своих людей под политическое руководство Гитлера с гарантией того, что они продолжают существовать в качестве автономной организации ветеранов войны. Те, кто попытался сопротивляться такому решению, например единый лидер организации Теодор Дюстерберг, были уволены. Из-за резкого увеличения численности организации до почти миллиона человек за счет ветеранов войны, пришедших из разных недавно запрещенных организаций, включая «Рейхсбаннер», политическая позиция «Стального шлема» стала еще больше неопределенной, что делало ее крайне уязвимой для критики со стороны нацистов. В качестве вспомогательной полиции «Стальной шлем» оказывал помощь нацистским штурмовикам в предыдущие месяцы, с одной стороны не принимая полного участия в проводимых акциях, а с другой не препятствуя им. Это было похоже на позицию армии, чьим вооруженным, опытным и обученным резервом считала себя организация. Ее лидер Франц Зельдте был членом правительства и показал себя совершенно неспособным противостоять запугиванию Гитлера и Геринга. К маю «Стальной шлем» оказался полностью нейтрализованным как политическая сила¹⁴⁶.

В конце мая Гитлер сделал следующий шаг, обвинив «Стальной шлем» с определенной правдоподобностью в том, что в его ряды внедрилось изрядное число бывших коммунистов и социал-демократов, которые искали замены своим теперь запрещенным военизированным организациям. Их принудительно ввели в состав СА, хотя они все еще сохраняли достаточные признаки своей прошлой автономии. Присутствие лидера «Стального шле-

ма» Франца Зельдте в кабинете казалось большинству членов организации гарантией того, что их влияние и их роль резерва армии и ассоциации социальной поддержки ветеранов сохранятся. Даже в 1935 г., после переименования в Национал-социалистический германский союз фронтовиков, организация по-прежнему насчитывала около полумиллиона человек. Цель «Стального шлема» — уничтожение веймарской демократии и возвращение авторитарного националистического режима, — очевидно, была достигнута: какие причины могли быть у ветеранов, чтобы возражать против своего включения в состав коричневых рубашек Эрнста Рёма? Слияние на некоторое время вызвало организационный хаос, но в конечном счете лишило националистов последней возможности при случае сформировать на улицах оппозицию бушующим штурмовикам СА¹⁴⁷.

Таким образом, военизированные группы были ликвидированы так же эффективно, как и политические партии. К лету 1933 г. создание однопартийного государства было практически завершено. Только Гинденбург оставался потенциальным препятствием к достижению абсолютной власти, дряхлый старик, не имевший собственной воли, чья власть была нейтрализована актом о чрезвычайных полномочиях. Армия согласилась оставаться в стороне. Бизнес был подчинен. 28 июня 1933 г. Геббельс уже праздновал уничтожение партий, профсоюзов и военизированных группировок, на смену которым пришла обладающая монополией на власть нацистская партия со своими дочерними организациями: «Дорога к тотальному государству. Наша революция обладает сверхъестественным динамизмом»¹⁴⁸.

Подчинение Германии

I

Утром 6 мая 1933 г. у Института сексуальных наук д-ра Магнуса Хиршфельда в изысканном берлинском районе Тиргартен остановилась группа фургонов. Из них выскочили студенты Берлинской школы физического воспитания, члены Национал-социалистической лиги немецких студентов. Они выстроились в военном порядке, и пока некоторые из них, достав свои трубы и тубы, начали играть патриотическую музыку, остальные промаршировали внутрь здания. Их намерения были явно недружелюбными. Институт Хиршфельда был хорошо известен в Берлине не только благодаря своей борьбе за такие цели, как легализация гомосексуализма и абортов, а также за открытые семинары по сексуальному образованию, но и благодаря своей обширной библиотеке книг и манускриптов по сексуальным темам, которую директор собирал еще с конца прошлого века. В 1933 г. в ней было от 12 до 20 тысяч книг (оценки различаются). Кроме библиотеки имелась еще более многочисленная коллекция фотографий на темы секса¹⁴⁹. Нацистские студенты, ворвавшиеся в институт 6 мая 1933 г., начали заливать красными чернилами книги и манускрипты, играли в футбол фотографиями в рамках, оставив весь пол усыпанным осколками стекла, и вытряхивали из сервантов и комодов их содержимое. Через четыре дня туда приехало еще больше фургонов со штурмовиками, которые несли с собой корзины, куда напихали столько книг и манускриптов, сколько удалось, и отвезли их на Оперную площадь. Здесь они сложили их в гигантскую кучу и подожгли. Говорят, что в том пламени погибло около 10 000 книг. В сполохах вечернего костра студенты привезли на площадь бюст директора института и бросили его в огонь. Когда штурмовикам сказали, что шестидесятипятилетний Хиршфельд был за границей, где восстанавливался после болезни, те заявили: «Тогда пусть надеется, что сдохнет без нас, тогда нам не придется его вешать или забивать до смерти»¹⁵⁰.

Хиршфельд поступил мудро и не вернулся в Германию. Когда нацистская пресса триумфально рапортовала об «энергичных действиях против магазина отравы» и о том, как «немецкие студенты дезинфицировали Институт сексуальных наук» под управлением еврея Магнуса Хиршфельда, почтенный сексуальный реформатор и борец за права меньшинств оставался во Франции, где неожиданно умер в свой шестьдесят седьмой день рождения 14 мая 1935 г.¹⁵¹ Уничтожение его института стало только частью, хотя и наиболее зрелищной, намного более широкого наступления на то, что нацисты называли еврейским движением по подрыву устоев немецкой семьи. Секс и рождение потомства, по крайней мере в рамках допустимых расовых отношений, должны были быть неразрывно связаны. С одобрения консерваторов и католиков нацисты двинулись уничтожать в Веймарской Германии все отделения активных и глубоко связанных между собой инициативных групп за сексуальную свободу, реформу законодательства об абортах, легализацию гомосексуализма, публичное распространение информации о контрацепции и любые другие цели, которые нацисты считали причинами продолжавшегося снижения рождаемости в Германии. Сексуальных реформаторов, таких как фрейдист Вильгельм Рейх или давняя активистка за разрешение абортов Елена Штёккер, вынудили покинуть страну, их организации и клиники были закрыты или захвачены нацистами. Тем временем полиция устраивала налеты на известные места встреч гомосексуалистов, которых ранее молчаливо терпели, а в Гамбурге они арестовали сотни женщин-проституток в районе гавани, действуя, что довольно странно, на основании декрета о пожаре рейхстага «во имя защиты народа и государства». Как ничто другое, эти налеты показали, как можно использовать этот декрет для придания вида законности практически любым репрессивным мерам со стороны властей. Сомнительная законность таких действий была утверждена 26 мая 1933 г., когда правительство ввело поправки к либеральному закону против заболеваний, передающихся половым путем, принятого в 1927 г. Эти поправки не только опять поставили вне закона проституцию, которая была легализована в 1927 г., но и снова наложили законодательный запрет на сексуальное

образование и распространение знаний об абортах и средствах контрацепции¹⁵². За короткое время нацисты развалили все движение за сексуальные реформы и распространили на многие другие виды сексуальной активности законодательные ограничения на сексуальную жизнь из существовавших уголовных законов против однополых связей, которые не были напрямую направлены на повышение рождаемости.

Наступление на сексуальные свободы предсказывалось уже в последние годы Веймарской республики. В 1929–32 гг. наблюдалась широкая общественная дискуссия по поводу реформы закона об абортах, возбужденная коммунистами, которая отражала стремление многих пар избегать рождения детей в ситуации жуткой нищеты и безработицы. Многочисленные демонстрации, съезды, петиции, фильмы, кампании в газетах и подобные мероприятия привлекали внимание к проблемам незаконных аборт и невежества в области контрацепции, а полиция запретила ряд митингов, проводившихся сексуальными реформаторами. 1 марта 1933 г. новый декрет о медицинском страховании узаконил повсеместное закрытие финансируемых государством клиник медицинской консультации, что было проведено в следующие недели бандами коричневых рубашек. Врачей и персонал вышвыривали на улицы, многие, особенно евреи, покидали страну. Нацисты заявляли, что вся система социальной медицины, сложившаяся в Веймарской республике, была, с одной стороны, направлена на создание помех для репродукции сильных и, с другой, помогала семьям слабых. Социальную гигиену следовало выбросить прочь, а вместо нее ввести гигиену расовую¹⁵³. Это означало, как утверждали некоторые евгеники с конца XIX в., значительное сокращение бремени, которым слабые были для общества, за счет введения программы, которая бы запрещала им иметь детей.

Эти идеи быстро получили широкое распространение среди врачей, социальных работников и администрации соцобеспечения во время депрессии. Задолго до распада Веймарской республики эксперты ухватились за предложенную финансовым кризисом возможность утверждать, что самый лучший способ снизить невыносимое бремя социального обеспечения на экономику со-

стоит в том, чтобы запретить низшим классам воспроизводство за счет принудительной стерилизации. Таким образом, через недолгое время станет меньше нищих семей, которые нужно поддерживать. Также довольно скоро число алкоголиков, тунеядцев, умственно отсталых, физически неполноценных и преступников в Германии будет значительно сокращено — на основании сомнительного предположения, конечно, что все эти качества в основном передаются по наследству, — и система соцобеспечения государства сможет использовать свои скромные ресурсы для поддержки действительно нуждающихся бедных. Протестантские благотворительные организации, в которых сильно было влияние доктрин предопределенности и первородного греха, широко приветствовали такие идеи. Католики, опиравшиеся на строгое предупреждение из папской энклитики 1930 г. о том, что брак и половые отношения предназначены исключительно для рождения потомства и что все человеческие существа наделены бессмертной душой, были решительно против. Привлекательность евгенического подхода даже среди либеральных реформаторов повышалась из-за того, что с 1930 г. стали быстро заполняться психические лечебницы, когда семьи теряли возможность ухаживать за больными или недееспособными родственниками, при том что в то же время бюджеты лечебниц были серьезно урезаны местными и региональными властями. В 1932 г. Прусский медицинский совет провел совещание, посвященное обсуждению нового закона, позволявшего проводить добровольную евгеническую стерилизацию. Предложенный евгеником Фрицем Ленцем, который выступал за такую политику еще до Первой мировой войны, закон возлагал ответственность за консультации и реализацию на сотрудников службы соцобеспечения и медицинских учреждений, с мнением которых бедняки, заключенные и инвалиды вряд ли бы смогли спорить¹⁵⁴.

Это было только частью гораздо более широкого преследования того, что респектабельные члены общества считали различными формами социального отклонения. В разгар экономического кризиса не менее 10 млн человек в том или ином виде получали социальную помощь. Когда демократические партии были закрыты, муниципальные и земельные законодательные

собрания захвачены и превращены в клубы поддержки местных нацистских боссов, а газеты были лишены возможности свободно писать о социальных и политических проблемах, организации, занимавшиеся соцобеспечением, например полиция, оказались освобождены от какого-либо внимания и контроля со стороны общества. Социальные работники и управляющие уже давно были склонны считать получающих пособие хапугами и тунеядцами. А теперь, подбадриваемые новыми старшими чиновниками, назначенными местными и региональными нацистскими администраторами, они могли дать волю своим предубеждениям. Правила, принятые в 1924 г., позволяли властям распределять льготы в зависимости от согласия получателей «в приемлемых случаях» участвовать в общественных работах. В ограниченном масштабе такие работы были введены еще до 1933 г. Три с половиной тысячи людей были заняты на принудительных работах в Дуйсбурге в 1930 г., а в Бремене такая занятость с предыдущего года стала условием получения субсидий. Но в ужасной экономической ситуации начала 1930-х эти программы покрывали только небольшую часть безработных — например, 6000 из 200 000 человек на соцобеспечении в Гамбурге в 1932 г. Однако с первых месяцев 1933 г. и дальше это число росло. Такая работа не была занятостью в полном смысле слова: например, она не включала медицинскую страховку или пенсионные отчисления. Она даже не оплачивалась: все, что получали участвовавшие в таких программах, — это социальные льготы и иногда карманные деньги на проезд или бесплатный обед¹⁵⁵.

Работа была в принципе добровольной, и эта схема реализовывалась по собственной инициативе благотворительных организаций, таких как церковные социальные службы, однако добровольный элемент после марта 1933 г. быстро сошел на нет. Острая проблема массовой безработицы стала решаться в первую очередь принуждением. Типичным примером стала программа «помощи селу» в марте 1933 г., которая продолжала инициативы, запущенные еще при Веймарской республике, по помощи сельской экономике за счет привлечения молодых безработных людей из городов к работам в поле за еду и жилье плюс номинальную плату. Опять же это не была занятость в нормальном

понимании, однако к августу 1933 г. эта программа позволила вычеркнуть 145 000 человек, из них 33 000 женщин, из списка безработных. Местные управленцы, отвечавшие за бездомных в Гамбурге, с 1931 г. говорили, что те ухудшали условия жизни для бедных слоев, и заставляли их искать поддержки в других местах. Такое отношение быстро получило широкое распространение в 1933 г. Число ночевков в приюте полиции Гамбурга сократилось с 403 000 в 1930 г. до 299 000 в 1933 г. в большой степени из-за такой политики воспрепятствования. Чиновники начали говорить о том, что бродяги и тунеядцы должны направляться в концентрационные лагеря. 1 июня 1933 г. прусское министерство внутренних дел выпустило декрет с запретом публичного попрошайничества. Бедность и нищета, поражавшие общество со времен до 1933 г., теперь стали криминализироваться¹⁵⁶.

Сама полиция, освобожденная от ограничений демократического контроля, провела ряд масштабных рейдов по берлинским клубам и местам встреч ассоциаций бывших заключенных, которые представляли собой объединения организованной преступности, в мае и июне 1933 г. в рамках кампании борьбы с профессиональными уголовниками. Районы, считавшиеся местами скопления преступных банд, также были центрами поддержки коммунистов и их сторонников. Такое преследование стало возможным только после уничтожения Союза бойцов красного фронта, это также стало продолжением запугивания местного населения. Поскольку нацисты считали, что в преступности, и особенно организованной преступности, доминировали евреи, оказалось неудивительным, что полиция также провела налеты почти на пятьдесят жилых домов в берлинском «районе трущоб» 9 июня 1933 г., известном не только своей бедностью, но и высоким процентом еврейского населения. Нет смысла говорить, что такая связь существовала практически полностью только в воображении самих нацистов¹⁵⁷. Организации бывших преступников были жестоко уничтожены, их члены помещены в предварительное заключение без суда, а их клубы и бары были закрыты¹⁵⁸.

В пенитенциарной системе, где бы в конечном счете оказались многие из этих людей, быстро растущая проблема мелких преступлений уже привела к необходимости введения более

жестких мер в государственных тюрьмах. В последние годы Веймарской республики администраторы и эксперты от системы наказаний выступали за бессрочное заключение или ограничение свободы рецидивистов, чья наследственность (как предполагалось) делала их неспособными к исправлению. Ограничение свободы все чаще считалось долгосрочным ответом на проблемы, которые такие преступники создавали для общества. В конце 1920-х гг. в зависимости от криминалиста или начальника тюрьмы, который проводил подобную оценку, в эту категорию попадали от одного из тринадцати до каждого второго заключенного. Ограничение свободы было включено в последние редакции нового уголовного кодекса, который готовился во второй половине 1920-х гг. Хотя этот проект попал под критику постоянно враждующих политических партий Веймара, эти предложения получили большое одобрение в уголовной и судебной системе и, разумеется, вряд ли бы куда-то исчезли¹⁵⁹. Не было недостатка в специалистах, которые считали, что стерилизация генетически неполноценных людей должна стать обязательной¹⁶⁰. Социальное веймарское государство стало обращаться к авторитарным решениям этого кризиса, что наносило серьезный удар по правам граждан. Вскоре эту инициативу подхватил Третий рейх, действуя с такой драконовской жестокостью, о которой мало кто мог помыслить во время Веймарской республики. Сокращение финансирования в любом случае заставляло управляющих исправительными учреждениями и организациями соцобеспечения проводить еще более жесткое разделение между заслуживающими и не заслуживающими помощи, поскольку условия в государственных организациях любого типа ухудшились настолько, что им становилось все труднее сохранять здоровье и жизнь своих подопечных¹⁶¹.

II

Эти жесткие меры затронули не только политических подозреваемых, лиц с отклонениями и маргиналов. Они коснулись всех частей немецкого общества. Весь процесс подпитывался мас-

совым всплеском насилия со стороны штурмовиков, эсэсовцев и полиции в первой половине 1933 г. В прессе постоянно появлялись репортажи, где в приемлемой и скорректированной форме говорилось о жестоких избиениях, пытках и ритуальном унижении заключенных всех общественных положений и любых политических взглядов, кроме нацистов. Этот террор совсем не был направлен против конкретных широко непопулярных меньшинств, а был общим и затрагивал всех, кто осмеливался выражать несогласие на публице, любых лиц с отклонениями, бродяг и нонконформистов¹⁶². Масштабное запугивание населения стало необходимым условием процесса, запущенного по всей Германии в период с февраля по июль 1933 г., — процесса, который нацисты называли координацией или, если использовать более емкое немецкое слово, *Gleichschaltung* — понятие из области электричества, означающее ситуацию, когда все переключатели размещаются в одной цепи, чтобы их можно было активировать с помощью одного главного переключателя в центре. Затронуты были практически все стороны политической, общественной и организационной жизни, на всех уровнях — от государства до деревни.

Захват нацистами федеративных земель стал ключевым элементом этого процесса. Такой же важной была координация в государственной службе, проведение которой с февраля 1933 г. создало такое мощное давление на центристскую партию, что та не смогла ему противостоять. В течение пары недель после вступления Гитлера в должность в ряде министерств были назначены новые статс-секретари (высший пост на государственной службе), включая Ганса Генриха Ламмерса в Имперской канцелярии. В Пруссии, продолжив предыдущую чистку, проведенную Папеном после июля 1932 г., к середине февраля Герман Геринг заменил двенадцать начальников полиции. Начиная с марта насилие штурмовиков быстро заставило политически неугодных городских чиновников и мэров городов покинуть свои должности — 500 старших муниципальных служащих и семьдесят лорд-мэров к концу мая. Законы, устранявшие автономию федеральных земель и учреждавшие для управления каждой из них рейхскомиссара, назначаемого из Берлина (за исключением

одного все они были региональными лидерами нацистов), означали, что после первой недели апреля практически не оставалось препятствий для координации, другими словами, для нацификации государственной службы на всех уровнях. В то время, когда смешались правительства земель, местные нацисты с помощью отрядов вооруженных штурмовиков и эсэсовцев занимали здания городских советов, заставляли собрания и мэров уходить со своих постов и заменяли их своими назначенцами. Так же поступали с отделами медицинского страхования, центрами занятости, сельскими советами, больницами, судами и остальными государственными и общественными организациями. Чиновников заставляли уходить со своих постов или вступать в нацистскую партию. Если они отказывались, их избивали и бросали в тюрьму¹⁶³.

Эта волна чисток получила законное обоснование после обнародования 7 апреля одного из центральных декретов нового режима, так называемого Закона о восстановлении профессиональной государственной службы. Его название было обращено к корпоративному духу консервативных госслужащих и содержало далеко не только подразумеваемую критику попыток веймарских правительств (особенно в Пруссии) привлечь на ведущие государственные посты сторонников демократии со стороны. Главной целью нового декрета была попытка упорядочить и централизовать действия региональных штурмовиков и местных партийных функционеров, которые силой лишали госслужащих и чиновников занимаемых должностей. Закон предусматривал увольнение непрофессиональных служащих, назначенных после 9 ноября 1918 г., госслужащих-«неарийцев». Согласно определению от 11 апреля такими считались граждане, у которых дедушка или бабушка (или оба) были «неарийцами», другими словами, евреями, а по определению от 30 июня к таким относились любые служащие, состоявшие в браке с неарийским супругом. Кроме того, увольнению подлежали любые лица, чья предыдущая политическая деятельность не гарантировала их надежности или действий в интересах националистического государства, как это формулировалось в законе. Исключение составляли только те, кто участвовал в войне 1914–18 гг.¹⁶⁴

Обосновывая закон, 25 апреля Герман Геринг критиковал «временщиков» на государственной службе.

Его раздражало и разочаровывало, что в его министерстве, штат которого на 69% состоял из приверженцев Северинга, наплечные повязки со свастикой начинали вылезать как грибы из-под земли уже через несколько дней и что уже через четыре дня шелчок каблуками и вытягивание вверх рук стали обычными явлениями в коридорах¹⁶⁵.

Многие госслужащие действительно лезли из кожи вон, чтобы сохранить свою работу, вступая в ряды нацистской партии, присоединяясь к армии тех, кто быстро получил насмешливое прозвище «мартовских пораженцев» по названию демократов, которые погибли в мартовских столкновениях революции 1848 г. Между 30 января и 1 мая 1933 г. 1,6 млн человек стали членами нацистской партии, что намного превышало численность партии до этого, — безумный наплыв, который наряду с некоторыми другими вещами отчетливо демонстрировал степень оппортунизма и паники, которые охватили население Германии. До 80 % членов партии в католических областях вроде Кобленца-Трира и Кельна-Ахена к лету 1933 г. вступили в партию всего лишь в течение предыдущих нескольких месяцев. Действительно, Гитлера также беспокоило, что такой массовый наплыв менял характер самой партии, делая ее более буржуазной. Однако по крайней мере в краткосрочной перспективе это означало лояльность подавляющего большинства госслужащих новому режиму¹⁶⁶. На самом деле по данному закону было уволено примерно 12,5 % старших чиновников в Пруссии и примерно 4,5 % в остальных областях. Другие положения закона позволяли понижать чиновников в должности или принудительно отправлять на пенсию в интересах упрощения управленческого аппарата — и число людей, попавших под такое сокращение, было примерно тем же. Всего закон затронул от 1 до 2 % всех профессиональных госслужащих. Увольнения и понижения в должности имели побочный и планируемый эффект сокращения государственных расходов, а также установления расового и политического конформизма.

Тем временем 17 июля 1933 г. Геринг издал декрет, который давал ему право назначать высших чиновников, университетских профессоров и чиновников судебной власти¹⁶⁷.

Особенно важными в обширной и разнообразной когорте государственных служащих были работники судов и прокуратуры. Существовала явная угроза, что насилие нацистов, запугивания и убийства могут натолкнуться на противодействие закона. Действительно, адвокаты, которые не разделяли представление нового режима о правосудии как о политическом инструменте, выдвигали большое число обвинений. Однако стало уже понятно, что большинство судей и адвокатов не собирались чинить каких-либо препятствий. Примерно из 45 000 судей, государственных обвинителей и других судебных чиновников в Пруссии в 1933 г. только около 300 человек были уволены или переведены на другие посты по политическим причинам, несмотря на то что очень небольшое число государственных адвокатов входили в нацистскую партию во время назначения Гитлера рейхсканцлером 30 января. Если учитывать еврейских адвокатов и судей, уволенных (независимо от политических взглядов) на основании расовой принадлежности, общее число получалось равным 586. Примерно такая же небольшая часть служащих правовой сферы была уволена и в других немецких землях. Серьезных возражений со стороны представителей этих профессий не поступало. Коллективные протесты стали в любом случае практически невозможными, когда профессиональные ассоциации судей, адвокатов и нотариусов были принудительно объединены вместе с Союзом национал-социалистических адвокатов во Фронт германского права под руководством Ганса Франка, который 22 апреля был назначен уполномоченным рейха по «координации правовой системы в землях и обновлению правового порядка». Уже удалось преодолеть настороженность Немецкого союза судей, после того как Гитлер объявил о «несмещаемости судей» в своей речи от 23 марта, а министерство юстиции пообещало увеличить оплату труда и повысить престиж судейской профессии. Скоро адвокаты уже из кожи вон лезли, чтобы присоединиться к нацистской партии, когда министры юстиции в землях стали напрямую говорить о том, что в противном случае тем не следова-

до ожидать повышения и карьерного роста¹⁶⁸. С этого момента и до начала 1934 г. было приостановлено или закрыто 2250 уголовных дел против членов СА и 420 против членов СС, не в последнюю очередь под давлением со стороны местных банд штурмовиков¹⁶⁹.

Эти меры были частью массовой и широкомасштабной чистки социальных институтов Германии весной и в начале лета 1933 г. Экономические группы давления и ассоциации всех видов быстро были приручены. Несмотря на то что сельское хозяйство номинально было в руках партнера Гитлера по коалиции, Альфреда Гугенберга, здесь заправлял лидер крестьянской партийной организации Вальтер Дарре, который заставил разные сельскохозяйственные группы по интересам объединиться в одну нацистскую организацию задолго до того, как Гугенберга обязали покинуть свой пост в правительстве. Многие группы и институты отреагировали на это, попытавшись предупредить такую принудительную координацию. В бизнесе союзы работников и группы давления, такие как Имперская ассоциация германской промышленности, включили нацистов в свои комитеты, объявили о своей лояльности режиму и объединились с другими промышленными группами давления, сформировав унитарную Имперскую корпорацию германской промышленности. Пойдя на такой шаг без давления со стороны власти, промышленники стремились избежать наиболее агрессивных попыток вмешательства нового режима. В какой-то момент нацистский функционер Отто Вагенер силой захватил штаб-квартиру Имперской ассоциации германской промышленности с явным намерением закрыть ее. Когда за этим последовала добровольная самостоятельная координация ассоциации, на посту уполномоченного Гитлера по экономическим вопросам Вагенера заменил Вильгельм Кепплер, который долгое время был посредником между крупным бизнесом и нацистами и в отличие от своего предшественника пользовался доверием обеих сторон.

1 июня 1933 г. бизнес предпринял еще один шаг в попытке обезопасить свои позиции. Ведущие бизнесмены и корпорации основали Дотационный фонд немецкой экономики имени Адольфа Гитлера. Это должно было положить конец частым

и агрессивным требованиям, которым подвергались компании со стороны местных партийных групп и штурмовиков, за счет учреждения регулярной и пропорциональной системы платежей от промышленников в фонды нацистской партии. Этот фонд в следующие двенадцать месяцев переправил 30 млн рейхсмарок в казну партии. Однако ему не удалось добиться своей основной цели, потому что мелкие партийные начальники и руководители СА с тем же успехом продолжили вымогать у компаний мелкие суммы на местном уровне. Тем не менее крупные предприятия были не слишком обеспокоены. 23 марта Гитлер заверил представителей крупного бизнеса, что он не собирался посягать на их собственность и доходы или пускаться в эксцентричные эксперименты с валютой, которые предпринимала партия под влиянием Готфрида Федера в начале 1920-х гг.¹⁷⁰ Профсоюзы были уничтожены, социализм в любой форме был снят с повестки дня, а на горизонте маячили новые контракты на оружие и военное снаряжение, поэтому большой бизнес был удовлетворен тем, что уступки, на которые он пошел для нового режима, полностью того стоили.

Добровольное сотрудничество стало удобным вариантом для большого числа ассоциаций и институтов при условии, что им удавалось объединить свои усилия достаточно быстро. Однако очень часто организации, которые вели относительно уверенное и спокойное существование в течение десятилетий, оказывались в смятении, разрозненные и закрученные вихрем событий. Характерным примером стала Федерация ассоциаций немецких женщин, зонтичная организация умеренных немецких феминисток и немецкий эквивалент национальных женских советов, которые многие годы существовали в других странах. Основанная около сорока лет назад, она была масштабным и сложным объединением множества различных женских обществ, включая профессиональные союзы, как, например, союз женщин-учителей. В основе своей представлявшая средний класс, федерация оказалась глубоко расколота после возвышения нацистов — партии, за которую в 1932 г., скорее всего, голосовало большинство членов федерации. Некоторые руководители желали бороться с «мужской сущностью, опьяненной победой», которая праздновала свой триумф

в нацистском движении, а другие настаивали на сохранении традиционного политического нейтралитета федерации. И пока велись эти дискуссии, нацисты решили вопрос сами.

27 апреля 1933 г. в баденское отделение федерации пришло письмо от руководителя нацистской женской организации в провинции Гертруды Шольц-Клинк, в котором сообщалось о роспуске федерации. Центральное руководство федерации в некотором замешательстве направило запрос министру внутренних дел рейха о юридическом основании такого безапелляционного решения, заверяя его, что баденское отделение не представляло собой никакой угрозы для общественной безопасности. Национальный руководитель Нацистского женского фронта Лидия Готтшевская не задумываясь заявила, что баденское отделение было распущено на основании закона революции и приложила документ для подписи президентом федерации, в котором предлагалось безусловно передать управление федерацией в руки Адольфа Гитлера, исключить всех еврейских членов, поставить на ключевые посты женщин из нацистской партии и присоединиться к Нацистскому женскому фронту до 16 мая. Федерация тщетно пыталась указать Готтшевской, что она поддерживала «националистическую революцию», приветствовала евгенические меры, предлагаемые режимом, и стремилась играть свою роль в Третьем рейхе. 15 мая, столкнувшись с тем, что многие входившие в нее ассоциации уже были переведены в состав тех или иных нацистских институтов, Федерация официально проголосовала за самороспуск, поскольку согласно своему уставу она не могла входить в состав другой организации¹⁷¹.

III

Нацистская координация немецкого общества не ограничивалась политическими партиями, государственными институтами, местными и региональными органами власти и экономическими группами давления. Ее охват, возможно, лучше всего показывает пример небольшого северогерманского городка Нортхайма, в котором долгое время доминировала коалиция

либералов и консерваторов, где также было сильное социал-демократическое движение и гораздо более малочисленный филиал коммунистической партии в оппозиции. Местным нацистам уже удалось удачно организовать муниципальные выборы 12 марта, выступив по «Списку национального единства» и исключив из участия остальные партии. Нацистский лидер в городе, Эрнст Гирман, пообещал покончить с коррупцией социал-демократов и упразднить парламентаризм. Несмотря на это, социал-демократы взяли свое на местных и региональных выборах, а нацистам не удалось выступить лучше, чем в июле 1932 г., хотя они и взяли под свой контроль городской совет. Новый совет собирався на открытых собраниях со штурмовиками в униформах, выстроившимися вдоль стен, эсэсовцами, помогавшими полиции, и под крики «Хайль Гитлер!», расстраивавшие заседания — местная версия спектакля, который сопровождал принятие акта о чрезвычайных полномочиях в рейхстаге. Четырём советникам из социал-демократов запретили входить в состав каких-либо комитетов и не позволяли говорить. Когда они покидали совещание, штурмовики выстраивались так, чтобы суметь плюнуть на них. Вскоре двое из них ушли в отставку, оставшиеся двое ушли в июне.

После ухода последнего социал-демократа городской совет Нортхайма использовался исключительно для оповещения о действиях, предпринимаемых Гирманом, никаких обсуждений не велось, а все члены слушали в абсолютной тишине. К этому времени примерно 45 сотрудников совета, в основном социал-демократы, были уволены из газовой службы, пивоварни, бассейна, отделения медицинского страхования и других местных предприятий по закону о государственной службе от 7 апреля 1933 г. Включая бухгалтеров и администраторов, они составили примерно четверть сотрудников совета. Выжить городского мэра, консерватора, занимавшего этот пост с 1903 г., оказалось сложнее, поскольку тот отвергал любые попытки уговорить его уйти и был при этом весьма агрессивен. В конце концов, когда он уехал в отпуск, нацифицированный городской совет вынес ему вотум недоверия и вместо него объявил мэром города местного лидера нацистов Эрнста Гирмана.

К этому времени лидеры коммунистов в Нортхайме были арестованы вместе с несколькими социал-демократами, а главная региональная газета, которую читали в городе, начала публиковать рассказы не только о концентрационном лагере в Дахау, но и о другом лагере, расположенном гораздо ближе к Нортхайму, в Морингене, где к концу апреля содержалось более 300 заключенных, многие из которых, помимо основного контингента из коммунистов, были из других политических группировок. По крайней мере два десятка эсэсовцев из лагерной охраны были местными жителями с окраин Нортхайма, и многих заключенных отпустили после непродолжительного пребывания в лагере, поэтому о происходивших там событиях горожанам должно было быть хорошо известно. Местная городская газета, ранее либеральных взглядов, теперь часто сообщала об арестах и тюремных заключениях горожан, которым предъявлялись мелкие обвинения, например в распространении слухов и оскорбительных высказываний о национал-социализме. Люди знали, что более серьезное противодействие приведет и к более серьезным репрессиям. С противниками режима также поступали по-другому, активных социал-демократов увольняли с работы, обыскивали их дома или избивали, если они отказывались произносить гитлеровское приветствие. На их домовладельцев оказывали давление, чтобы те отказывали им от квартир. Штурмовики объявили магазину местного руководителя социал-демократической партии бойкот. С этого времени его судьбой стали постоянные мелкие нападки. Та же участь постигла других бывших важных участников местного рабочего движения, даже если те воздерживались от любой политической активности.

Таковы были скрытые, а иногда и явные угрозы, которые таило в себе движение координации в маленьком городке Нортхайм и в тысячах других небольших городах, деревнях и селах. Этот процесс начался в марте и быстро набрал скорость в апреле и мае 1933 г. Как и практически во всех небольших городах, в Нортхайме было много различных общественных объединений, большинство из которых не имело отношения к политике. Местная нацистская партия тем или иным способом взяла их все под свой контроль. Некоторые клубы и общества были закрыты

или объединены в более крупные организации, другие были захвачены. Железнодорожные рабочие в Нортхайме, важном центре в национальной сети железных дорог, уже испытывали давление со стороны старших служащих-нацистов на сортировочных станциях, которые принуждали их вступить в нацистскую организацию фабричных ячеек еще до того, как Гитлер стал канцлером, однако нацисты не добились особого прогресса в обработке других рабочих до 4 мая, когда коричневые рубашки захватили отделения профсоюзов и разом их упразднили. К этому времени Гирман настаивал на том, что в исполнительном комитете любого клуба и ассоциации большинство должны составлять нацисты или стальные шлемы. Профессиональные ассоциации были объединены в новообразованный Национал-социалистический союз врачей, Национал-социалистический союз учителей и схожие организации, в которые должны были вступить все люди соответствующих профессий, если они хотели сохранить работу. Популярный и хорошо финансировавшийся местный потребительский кооператив попал под контроль нацистов, однако оказался слишком важным для местной экономики, чтобы его закрывать, несмотря на то что раньше нацисты нападали на него как на «красную» организацию, которая подрывала деятельность независимых местных компаний. Общества инвалидов войны были объединены в Национал-социалистическую ассоциацию жертв войны, а бойскауты и Орден немецкой молодежи — в Гитлерюгенд.

Реакция на неумолимое давление с целью нацификации добровольных городских организаций была различна. Песенные клубы Нортхайма в основном самораспустились, хотя рабочий хор попытался приспособиться заранее, оборвав свои связи с Песенным союзом немецких рабочих. Песенный клуб высшего общества выжил благодаря смене своего исполнительного комитета и консультации с местным отделением нацистской партии перед изменением состава своих членов. Стрелковые общества, являвшиеся важной частью местной жизни во многих уголках Германии, избрали Гирмана своим капитаном, который заявил им, что они должны укреплять военный дух в своих рядах, а не существовать исключительно в развлекательных целях, как это

было прежде. Они выжили, потому что приняли свастику, стали петь Песню Хорста Весселя, а также потому, что сделали открытыми для публики некоторые соревнования по стрельбе в ответ на критику Гирмана о социальной закрытости их общества. Все местные спортивные клубы, от союза плавания до футбольного клуба и гимнастических обществ, заставили вступить в единое Спортивное общество Нортхейма под руководством нацистов. Некоторые местные общественные руководители предприняли упреждающие меры, чтобы не допустить конфискации своих фондов нацистами. «Клуб благоустройства», обеспеченная организация, занимавшаяся улучшением городских парков и лесов, вложила все свои средства в строительство охотничьего домика сразу за городской чертой, перед тем как самораспуститься. А некоторые местные гильдии, получив уведомление о необходимости избрать новые руководящие комитеты до 2 мая, организовали массовые попойки и дорогие банкеты, чтобы истратить средства, которые, по их убеждению, скоро уплыли бы в руки нацистов¹⁷².

Этот процесс координации проходил весной и летом 1933 г. на всех уровнях, во всех городах, деревнях и селах по всей Германии. Общественная жизнь оставалась только в местных гостиницах и за закрытыми дверями домов. Отдельные люди оказались изолированы друг от друга за исключением моментов, когда они собирались в том или ином нацистском обществе. Общество было сведено к анонимной неразличимой массе, после чего оно было воссоздано в новом качестве — как система, где все должно было делаться во имя нацизма. Открытое недовольство и сопротивление стали невозможными, даже обсуждение и планирование подобных акций стало чем-то неосуществимым. Конечно, на практике такая ситуация оставалась скорее целью, а не реальностью. Процесс координации проходил далеко не идеально, а формальная приверженность новому порядку, например за счет присоединения слов «национал-социалистический» к названию клуба, общества или профессиональной организации, совсем не подразумевала настоящей идеологической лояльности со стороны участников. Тем не менее масштабы координации немецкого общества поражали. И ее задачей было не просто уничтожение

любого пространства, где могла бы развиваться оппозиция. Подчинив Германию, новый режим хотел сделать ее податливой к принятию новой доктрины и к переобучению в соответствии с принципами национал-социализма.

Размышляя об этом процессе несколько лет спустя, адвокат Раймунд Претцель спрашивал себя, что случилось с 56 % немцев, которые голосовали против нацистов на выборах 5 марта 1933 г. Как получилось, что это большинство сдалось так быстро? Почему практически все общественные, политические и экономические институты в Германии попали в руки нацистов с такой легкостью? «Самой простой и, если копнуть глубже, практически всегда самой главной причиной, — заключал он, — был страх. Чтобы тебя не избили, присоединись к самым разбойникам. Менее очевидным было определенное воодушевление, опьянение единством, магнетизм масс». Он также полагал, что многие чувствовали себя преданными из-за слабости своих политических лидеров, от Брауна и Зеверинга до Гугенберга и Гинденбурга, и присоединились к нацистам в извращенном акте мести. Некоторых впечатлял тот факт, что все предсказывавшееся нацистами, казалось, сбывается. «Также существовало убеждение (особенно среди интеллектуалов), что им удастся изменить лицо нацистской партии, став ее членами, и даже изменить направление ее движения. И многие, конечно, запрыгнули на подножку, желая стать частью зримого успеха». В условиях депрессии, в сложные времена безработицы люди цеплялись за механистическую рутину повседневной жизни как за единственную форму надежности: не идти в ногу с нацистами — значило рисковать заработком и перспективами, сопротивление могло означать риск для жизни¹⁷³.

ГЛАВА 6

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГИТЛЕРА

Правила поведения

I

7 марта 1933 г., через два дня после выборов в рейхстаг, банда из шестидесяти коричневых рубашек ворвалась на репетицию оперы Верди «Риголетто» в постановке знаменитого дирижера Фрица Буша в Дрезденской государственной опере. Они кричали и одергивали дирижера, мешали ему, пока он не был вынужден остановиться. Такой инцидент случался не впервые. В прошлый раз большая группа штурмовиков выкупила практически все билеты на один из его концертов и, когда он поднялся на помост, встречала его воплями «Долой Буша!», пока ему не пришлось уйти. Но именно инцидент на репетиции побудил новое нацистское правительство Саксонии уволить его с должности. Он имел прекрасную репутацию в музыкальных кругах, но администраторам в Дрездене он доставлял одни неприятности. Буш не был евреем, и его нельзя было напрямую связать с модернизмом, атональностью или другими вещами, которые нацисты ненавидели в музыке начала XX в. Не был он и социал-демократом, напротив, по политическим убеждениям принадлежал к правым. Буш оказался в непростых отношениях с нацистами в Саксонии, потому что активно препятствовал их плану сократить бюджет земли на культуру в рамках экономических мер по противодействию депрессии. Придя к власти в Дрездене, они обвинили его в том, что он принимал на работу слишком много еврейских певцов, проводил слишком много времени за пределами Дрездена и требовал слишком большое вознаграждение¹. Буш уехал в Аргентину и больше не вернулся, став аргентинским гражданином в 1936 г.²

Срыв репетиции и концерта Буша дало региональным рейхс-комиссарам предлог запретить концерты и оперы на основании того, что они могут стать причиной общественных беспорядков. Конечно, этот срыв был спровоцирован самими нацистами —

прекрасная иллюстрация диалектической сущности дальнейшего захвата власти как снизу, так и сверху. Музыка была особенно важной мишенью в процессе координации. В течение веков композиторы классической и романтической школы в Центральной Европе дарили миру музыку, ставшую основной составляющей мирового репертуара. Великие оркестры, такие как Берлинская филармония, имели мировую репутацию. Музыкальные драмы Вагнера, дававшиеся в Байройте, занимали уникальное место в мировой музыкальной культуре. Во всех городских кварталах, небольших городах и в крупных деревнях были свои музыкальные клубы, хоры, свои традиции любительской музыки, которая играла важнейшую роль в жизни не только среднего, но и рабочего класса. Нацисты были не единственной правой партией, которая почувствовала, что эта давняя традиция подрывалась музыкальным модернизмом Веймарской республики, который они в своем грубом стиле приписывали «еврейскому разложению». Теперь у них появился шанс привести все в порядок.

16 марта, когда главный дирижер оркестра Гевандхауза в Лейпциге, Бруно Вальтер, который был евреем, но, как и Буш, никоим образом не поддерживал модернистскую музыку, прибыл на репетицию, он обнаружил, что здание было закрыто рейхс-комиссаром в Саксонии на основании невозможности обеспечить безопасность музыкантов. Вальтер, который через четыре дня должен был давать концерт в Берлине, обратился за помощью в полицию, но там ему отказали по приказу Геббельса, который ясно давал понять, что концерт мог бы состояться только под управлением нееврейского режиссера. Когда главный дирижер Берлинской филармонии Вильгельм Фуртвенглер отказался его заменить, под триумфальную оргию в нацистской прессе на помост согласился взойти композитор Рихард Штраус. Вскоре после этого Вальтер оставил свой пост в Лейпциге и эмигрировал в Австрию. Попытки нацистской прессы показать, что у него были симпатии к коммунистам, вряд ли скрыли от многих реальные причины кампании против него, которые были исключительно расовыми³.

Среди ведущих дирижеров Германии Отто Клемперер был наиболее похожим на нацистскую карикатуру еврейского музы-

канта. Двоюродный брат профессора литературы Виктора Клемперера, он не только был евреем, но и в должности директора авангардной Кроль-оперы с 1917 по 1930 год (в здании которой по иронии судьбы собрался рейхстаг после пожара 27–28 февраля 1933 г.) ставил самые современные произведения и сделал себе имя как сторонник модернистских композиторов, таких как Стравинский. 12 февраля Клемперер выступил с противоречивой постановкой вагнеровской оперы «Тангейзер» в Берлине, которая была названа нацистской музыкальной прессой «незаконнорожденным ребенком Вагнера» и оскорблением памяти композитора. К началу марта всеобщая шумиха привела к снятию постановки, а вскоре концерты Клемперера стали отменять под обычным благовидным предлогом, что нельзя гарантировать безопасность, если он будет на сцене. Клемперер попытался спастись, настаивая, что «полностью соответствовал положению дел в Германии», но вскоре осознал неизбежность своей судьбы. 4 апреля он тоже покинул страну⁴. Вскоре после этого закон рейха о восстановлении профессиональной государственной службы привел к увольнению не только еврейских дирижеров, таких как Яша Горенштейн в Дюссельдорфе, но и всех певцов, а также администраторов опер и оркестров. Также были уволены еврейские профессора в государственных музыкальных академиях (в первую очередь композиторы Арнольд Шёнберг и Франц Шрекер, оба преподаватели в Прусской академии искусств в Берлине). Музыкальные критики и музыковеды лишались официальных должностей и исключались из штата немецких печатных изданий, самым известным из них был Альфред Эйнштейн — наверное, самый известный музыкальный критик своего времени⁵.

Теперь по всей стране контракты с еврейскими музыкантами аннулировались. 6 апреля 1933 г., например, Гамбургское филармоническое общество объявило: «Список солистов, который нужно было составить в декабре прошлого года, разумеется, будет изменен, и из него будут исключены все еврейские музыканты. Фрау Сабина Кальтер и герр Рудольф Зеркин будут заменены музыкантами с немецкими корнями»⁶. В июне 1933 г. еврейским концертным агентам было запрещено работать. Музыкальные объединения всех видов вплоть до мужских хоров в горняцких де-

ревнях и обществ любителей музыки в тихих пригородах больших городов захватывались нацистами, и оттуда выгонялись все еврейские члены. Эти меры сопровождались пропагандистским обстрелом в музыкальной прессе, которая нападала на композиторов, таких как Малер и Мендельсон, в отношении которых имелись сомнения в их германском происхождении, и трубила о восстановлении истинно германской музыкальной культуры. А в ближайшей перспективе режим сосредоточился на исключении явно авангардных композиторов и их работ из репертуара. Из-за демонстраций 22 февраля в Гамбурге пришлось снять с показа мюзикл Курта Вейля «Серебряное озеро», а вскоре все его музыкальные произведения запретили, поскольку они долгое время ассоциировались с пьесами коммунистического писателя Бертольда Брехта. Что касалось нацистов, то еврейское происхождение Вейля делало его лишь еще более очевидной мишенью. Он тоже эмигрировал вместе с другими композиторами левого толка, такими как Ганс Эйслер, который также был музыкальным партнером Брехта и учеником композитора-атоналиста Арнольда Шёнберга⁷.

Еврейский музыкант, которому удалось остаться, был крайней редкостью. Одним из таких людей оказался дирижер Лео Блех, популярная центральная фигура Берлинской государственной оперы, чьей постановке вагнеровской оперы «Сумерки богов» в июне 1933 г. аплодировали стоя. Гейнц Титъен, интендант оперы, смог убедить Геринга не трогать его, пока тот не уехал в Швецию в 1938 г. Другие выдающиеся еврейские музыканты, такие как скрипачи Фриц Крейслер и пианист Артур Шнабель, оба жившие в Германии многие годы, обнаружили, что могут достаточно легко покинуть страну, потому что не были гражданами Германии и в любом случае были достаточно знамениты, чтобы зарабатывать себе на жизнь в любой точке мира. Оперная дива Лотта Леман, резко критиковавшая вмешательство Геринга в дела Берлинской государственной оперы, наоборот, была немецкой гражданкой, нееврейкой, но она была замужем за евреем и уехала в Нью-Йорк в знак протеста против политики режима. Однако другие рядовые оркестровые музыканты, преподаватели, администраторы и прочие сотрудники такой возможности не имели⁸.

II

Политика координации, затронувшая музыкальную жизнь и точно так же влиявшая на все остальные стороны жизни немецкого общества и культуры, была разработана не просто с целью устранить альтернативы нацизму и установить наблюдение и контроль над всем немецким обществом. В то время когда штурмовики сокрушали оппонентов нацизма, Гитлер и Геббельс использовали средства, с помощью которых пассивных сторонников можно было превратить в активных участников «национал-социалистической революции», а колеблющихся и скептически настроенных настроить на сотрудничество. На пресс-конференции 15 марта 1933 г. Геббельс объявил, что новое правительство

не будет долгое время спокойно осознавать, что имеет поддержку 52 % населения, и наводить ужас на остальные 48 %, но, напротив, следующей своей задачей видит завоевание симпатий этих 48 %... Недостаточно, чтобы люди примирились с нашим режимом или чтобы они заняли нейтральную позицию по отношению к нам, напротив, мы будем работать с людьми до тех пор, пока они не станут нашими преданными союзниками⁹.

Высказывание Геббельса было интересным, потому что в нем признавалось, что почти половина населения испытывала ужас, и потому что в нем высказывались амбиции завоевать сердца и умы тех людей, кто не голосовал за коалицию на выборах 5 марта. Планировалась «духовная мобилизация», сравнимая с массовой военной мобилизацией 1914 г. И для того, чтобы реализовать такую мобилизацию, правительство Гитлера приняло одно из своих самых оригинальных организационных решений, создав Рейхсминистерство народного просвещения и пропаганды, учрежденное специальным декретом от 13 марта. Пост министра и место в правительстве было предоставлено Йозефу Геббельсу. Его беспринципные и изобретательные пропагандистские кампании в Берлине, где он был региональным руководителем нацистской партии, и в первую очередь его действия в ходе избирательной

кампании, которая завершилась победой коалиции 5 марта, завоевали восхищение Гитлера¹⁰.

Новое министерство было организовано вопреки воле консервативных членов кабинета, таких как Альфред Гугенберг, который с недоверием относился к «социальному радикализму» Геббельса¹¹. Пропагандистские кампании нового министра последних лет изобиловали обличительной риторикой против «реакционеров» и националистов вроде него самого. Более того, как признавал сам Геббельс, слово «пропаганда» было «весьма дурным словом, у которого всегда было горькое послевкусие». Оно часто использовалось в качестве оскорбительного термина. Поэтому включение этого слова в название министерства стало довольно смелым шагом. Геббельс оправдывал это, определяя пропаганду как вид искусства, которое заключается не во лжи и извращении истины, а в стремлении «понимать душу народа» и в умении «разговаривать с человеком на доступном для него языке»¹². Тем не менее было не совсем понятно, какие области знания должны попадать в рамки «народного просвещения и пропаганды». Изначально при обсуждении возможности создания такого министерства в начале 1932 г. Гитлер предполагал, что оно возьмет на себя образование и культуру, но ко времени своего фактического учреждения образование традиционно было передано в ведение отдельного министерства, которое с 20 января 1933 г. возглавлял Бернхард Руст¹³. Тем не менее основной задачей нового министерства Геббельса, как об этом объявил Гитлер 23 марта 1933 г., была централизация контроля над всеми областями культурной и интеллектуальной жизни общества. «Правительство, — заявил он, — начинает систематическую кампанию по восстановлению национальных моральных устоев и материального благосостояния. Для этой цели будут использоваться все ресурсы образовательной системы, театры, кино, литература, пресса и телевидение. Они станут инструментом для сохранения вечных ценностей, которые составляют неотъемлемую часть души нашего народа»¹⁴.

Состав этих ценностей, разумеется, должен был определяться режимом. Нацисты действовали, исходя из предположения, что они и только они благодаря Гитлеру обладали внутренним зна-

нием и пониманием природы немецкой души. Как мы видели, миллионы немцев, которые отказались поддержать нацистскую партию — большинство населения даже на полудемократических выборах 5 марта 1933 г., — по их мнению, были соведены влиянием «еврейского» большевизма и марксизма, контролировавшимися евреями СМИ, еврейским искусством и развлекательной сущностью веймарской культуры, а также другими антигерманскими силами, которые отчуждали людей от их внутренней немецкой природы. Таким образом, задачей министерства было возвращение немецкого народа к его корням. Геббельс заявлял, что народ должен был начать «думать как одно целое, действовать как одно целое и служить своему правительству со всей преданностью и искренностью»¹⁵. Цель оправдывает средства — Геббельс был далеко не единственным нацистским лидером, который придерживался этого принципа:

Мы создаем министерство пропаганды не для того, чтобы оно существовало само по себе и было закрытым образованием, — оно является средством для достижения цели. И если цели можно достичь с помощью данного средства, то оно хорошо... У нового министерства есть только одна цель — привить абсолютно всем людям идею о неизбежности национальной революции. Если эта цель будет достигнута, то кто угодно может осуждать мои методы. Это будет совершенно неважно, поскольку в этом случае окажется, что министерство своей работой смогло достичь поставленных перед ним целей¹⁶.

Эти методы, продолжал Геббельс, должны были быть самыми современными из доступных. «Рейх не должен гнаться за развивающимися технологиями, рейх должен идти с ними в ногу. Приемлемыми можно считать только самые современные достижения»¹⁷.

Чтобы реализовать эти намерения, Геббельс укомплектовал свое министерство молодыми, хорошо образованными нацистами, которым не приходилось бороться с укоренившимся на государственной службе консерватизмом, господствовавшим в подавляющем большинстве высших органов государственного

управления. Основная масса была членами партии еще до 1933 г., почти 100 из 350 чиновников министерства носили партийный золотой значок почета. Средний возраст едва превышал 30 лет. Многие из них занимали такие же или схожие должности в службе партийной пропаганды, которая также находилась в ведении Геббельса. К 22 марта министерство удобно расположилось в огромной штаб-квартире в бывшем Орденском дворце на Вильгельмплац. Построенный в 1737 г. дворец в начале XIX в. был обновлен знаменитым прусским государственным архитектором Карлом Фридрихом Шинкелем. Однако на вкус Геббельса изысканные гипсовые узоры и украшения из штукатурки не были достаточно современными, и он потребовал их удалить. Получение разрешения на это показалось новому министру слишком долгой процедурой, поэтому он пошел коротким путем, как написал об этом в своем дневнике 13 марта 1933 г.

Поскольку все создают препятствия для реконструкции и отделки даже моего собственного кабинета, я без дополнительной суеты взял несколько строителей из СА и ночью приказал им разбить гипсовую лепнину и деревянные инкрустации, а папки, которые пылились тут на полках с незапамятных времен, заставил сбросить вниз с лестницы. Только грязные облака пыли остались свидетелями исчезнувшей бюрократической помпезности.

Вскоре после въезда в новую резиденцию министерство учредило отдельные департаменты пропаганды, радио, прессы, кино, театра и «народного просвещения» и получило неограниченные полномочия от Гитлера, которые были предоставлены 30 июня 1933 г. Оно объявило о своей ответственности не только за все эти сферы общественной жизни, но и за общее представление режима в общественных отношениях, включая иностранную прессу. Это дало Геббельсу право игнорировать возражения других государственных департаментов, которые считали, что министерство пропаганды нарушало границы их собственных интересов. Это право Геббельс использовал неоднократно в следующие месяцы и годы, когда он взялся за проведение торжественно называемой им «духовной мобилизации нации»¹⁸.

Первоочередной целью культурной политики нацистов была ликвидация «культурного большевизма», который, по заявлениям различных органов и представителей нацистской партии, заполонил художественный, музыкальный и литературный мир Веймарской республики. Способы достижения этой цели дают еще более наглядные примеры (если они нужны) размаха и глубины процесса координации в Германии, обеспечившего социальное, интеллектуальное и культурное единообразие — ту основу, на которой должен был быть воздвигнут Третий рейх. Как и в других областях жизни, процесс координации в культурной сфере включал полномасштабное изгнание евреев из культурных учреждений и быстро нарастающую агрессию против коммунистов, социал-демократов, левых, либералов и всех остальных, имевших независимый склад ума. Устранение евреев из культурной жизни было главным приоритетом, поскольку нацисты считали, что именно они несли ответственность за подрыв немецких культурных ценностей посредством таких модернистских изобретений, как атональная музыка или абстрактная живопись. На деле, разумеется, такие сравнения даже отдаленно не соответствовали действительности. Модернистская культура Германии не поддерживалась евреями, многие из которых на самом деле были так же консервативны в культурном отношении, как и другие немцы среднего класса. Однако в жестоких условиях политики силы в первой половине 1933 г. это не имело особого значения. Для нового нацистского правительства, поддерживаемого националистами, «культурный большевизм» был одним из самых заметных и опасных творений Веймарской Германии. Как писал Гитлер в «Моей борьбе», «художественный большевизм — это единственная возможная культурная форма и духовное выражение большевизма в целом». Основными направлениями в этих культурных выражениях были кубизм и дадаизм, которые Гитлер приравнивал к абстракционизму. Чем скорее эти ужасы были бы заменены истинно немецкой культурой, тем лучше. Таким образом, нацистская революция была направлена не только на уничтожение оппозиции, но и на преобразование немецкой культуры¹⁹.

III

Чистки и высылки наподобие тех, что происходили в музыкальной жизни Германии в первые недели после захвата нацистами власти, не происходили в молчании. 1 апреля 1933 г. группа музыкантов из США отправила личную телеграмму Гитлеру с выражением протеста. Нацистский режим ответил в характерном для себя стиле. На государственном радио Германии немедленно была запрещена трансляция композиций, концертов и записей подписавшихся под обращением, среди которых были дирижеры Сергей Кусевицкий, Фриц Райнер и Артуро Тосканини²⁰. Самым выдающимся критиком чисток в самой Германии был Вильгельм Фуртвенглер. Во многих отношениях Фуртвенглер был консерватором. Например, он считал, что евреи не должны были занимать ответственные должности в культурной сфере, что большинство еврейских музыкантов не обладали подлинным пониманием немецкой музыки и что еврейских журналистов следовало уволить с работы. Как он однажды написал, ни один не-немец ни разу не написал настоящей симфонии. Он не доверял демократии и «еврейско-большевистскому успеху» при Веймарской республике²¹. Поэтому он не имел принципиальных возражений против прихода нацистов к власти, и это его несколько не пугало. Его международная слава была огромна. Он работал дирижером в Венской филармонии в 1920-х гг. и два раза успешно выступал с гастрольями в качестве приглашенного дирижера в Нью-Йоркской филармонии. Его личное обаяние было необычайно велико, известно, что он стал отцом не меньше чем тринадцати внебрачных детей в продолжение своей карьеры. Высокомерный и самоуверенный, он тем не менее был консерватором, а его оценка нацистов оказалась печально неадекватной²².

В отличие от других оркестров Берлинская филармония Фуртвенглера не была государственной корпорацией и поэтому не попадала под действие закона от 7 апреля, в котором объявлялось об увольнении всех евреев с государственных должностей. 11 апреля 1933 г. Фуртвенглер опубликовал в либеральной ежедневной газете открытое письмо Гёббельсу, в котором заявлял о том, что не готов разорвать контракты с еврейскими музыканта-

ми в своем оркестре. Выражения, в которых это было сказано, указывали не только на его уверенность в себе и смелость, но и на сходство его взглядов с позицией нацистов, политику которых он теперь критиковал:

Если борьба против еврейства в основном направлена против музыкантов, не имеющих корней, стремящихся произвести впечатление за счет кича, пустой виртуозности и подобных вещей, то это правильно. Борьба против них и представленного в них духовного начала, которое случайным образом имеет своих представителей и среди немцев, должна идти со всей решительностью и последовательностью. Однако если эта борьба направлена против истинных артистов, то это не в интересах культурной жизни... Поэтому необходимо четко сказать, что такие люди, как Вальтер, Клемперер, Райнхардт и другие, должны иметь возможность сделать свой вклад в культурное наследие Германии на будущее.

Увольнение такого числа хороших еврейских музыкантов, заявил он Геббельсу, было несовместимо с «восстановлением нашего национального достоинства, которое сегодня все приветствуют с такой радостью и благодарностью»²³. С олимпийским презрением Фуртвенглер продолжал игнорировать шумную кампанию в нацистской прессе, посвященную увольнению еврейских музыкантов из Берлинской филармонии, включая солиста Шимона Гольдберга и Йозефа Шустера, главного виолончелиста²⁴.

Геббельс был слишком тонким политиком, чтобы ответить на публичный протест Фуртвенглера открытым гневом. Его многословный открытый ответ великому дирижеру начинался с поддержки правильной позиции Фуртвенглера по отношению к «восстановлению национального достоинства» правительством Гитлера. Однако он предупреждал его, что немецкая музыка должна стать частью этого процесса и что принцип «искусства ради искусства» больше не был актуален. Конечно, Геббельс признавал, что живопись и музыка должны быть высочайшего уровня, но они также должны были «помнить о своей социальной ответственности, быть совершенными, близкими к народу и полными духа борьбы». Искажая заявление Фуртвенглера в своих целях,

Геббельс соглашался, что в музыке больше не должно быть «экспериментов» (об этом дирижер не говорил ни слова), а потом продолжал:

Тем не менее также будет правильно протестовать и против экспериментов в изобразительном искусстве в то время, когда художественная жизнь Германии практически полностью определяется страстью к экспериментаторству, присущей элементам, которые далеки от народа и являются представителями чуждой расы и, таким образом, подрывают художественную репутацию Германии и компрометируют ее перед всем миром.

То, что «германские» музыканты также вносили свой вклад в такую деформацию искусства, по мнению Геббельса, говорило о том, насколько глубоко проникло еврейское влияние. Он приветствовал Фуртвенглера как союзника в борьбе по его искоренению. Истинные художники, такие как он, всегда будут иметь голос в Третьем рейхе. Что касается людей, увольнение которых так оскорбило дирижера, то рейхсминистр пропаганды отбросил этот вопрос как несущественный, в то же время изворотливо сняв с себе ответственность за это:

Возмущаться тем, что здесь и там людям вроде Вальтера, Клемпера, Райнхардта и другим пришлось отменить концерты, кажется мне еще более неуместным в данный момент, учитывая тот факт, что последние 14 лет истинные немецкие артисты были обречены на молчание, и события последних недель, которые не находят у нас одобрения, только представляют естественную реакцию на этот факт²⁵.

Он не сказал, кем были эти «истинные немецкие артисты», а на самом деле и не мог, потому что его утверждение было полностью высосано из пальца. Понимая, какой урон будет нанесен музыкальной репутации Германии в мире, если он будет действовать поспешно, Геббельс заставил великого дирижера и его оркестр подчиниться не путем открытой конфронтации, а закулисными способами. В результате депрессии Берлинская филармо-

ния лишилась большей части государственных и муниципальных субсидий. Имперское правительство позаботилось о том, чтобы в будущем не поступало никаких субсидий до тех пор, пока оркестр не оказался на грани банкротства. В этот момент Фуртвенглер обратился напрямую к Гитлеру, который, возмущенный тем, что самый знаменитый оркестр в стране оказался на грани распада, приказал перевести его под управление рейха. Таким образом, с 26 октября 1933 г. Берлинская филармония потеряла свою независимость и Геббельс со своим министерством получили прекрасную возможность подмять ее под себя, чем они и занялись²⁶.

IV

Создание подлинно немецкой музыкальной культуры, как ее называли нацисты, также включало уничтожение влияния иностранных культурных тенденций, таких как джаз, который считался порождением расово неполноценной культуры афроамериканцев. В этом контексте расистская риторика, являвшаяся второй натурой нацизма, была особенно агрессивна. Нацистские музыкальные писатели обвиняли «ниггерскую музыку» в том, что она была сексуально провокационной, аморальной, примитивной, варварской, антигерманской и подрывной. Она подтверждала распространенное среди нацистов представление об общей деградации Америки даже несмотря на то, что некоторые авторы дипломатично старались подчеркивать ее африканские корни. Завораживающие звуки завоевавшего недавно популярность саксофона также попали под огонь критики, хотя, когда в результате этого стали падать продажи саксофонов, немецкие производители нашли выход, заявив, что изобретатель этого инструмента Адольф Сакс был немцем (на самом деле он был из Бельгии), и подчеркнув, что знаменитый немецкий композитор Рихард Штраус использовал саксофон в некоторых своих композициях. Известность в мире джаза многих еврейских композиторов, таких как Ирвинг Берлин и Джордж Гершвин, определяла еще один уровень расового бесчестья, как считали нацисты²⁷.

Многие исполнители джаза, свинга и танцевальной музыки в Германии, конечно, были иностранцами, которые покинули страну во враждебном климате 1933 г. Однако, несмотря на всю агрессивность нацистской риторики, определить, что такое джаз, оказалось практически невозможным, поэтому с помощью некоторых ритмических уловок и благодаря надлежащему конформистскому поведению музыкантов оказалось вполне возможным продолжать исполнять джаз и свинг в бесчисленных клубах, барах, танцевальных площадках и отелях в Германии в 1930-е гг. Вышибалы в модных берлинских ночных клубах вроде «Рокси», «Филин», «Какаду» и «Сиро» выставляли за дверь всегда убого одетых нацистских шпионов, гарантируя, что их респектабельные клиенты смогут продолжать танцевать под последние джазовые и псевдоджазовые мелодии внутри. Если шпион проходил внутрь, клерк на входе просто звонил в секретный звонок, и музыканты быстро меняли музыку на своих пюпитрах, прежде чем тот успевал дойти до танцевальной площадки.

Таким образом, социальная жизнь эпохи Веймарской республики продолжалась и в 1933 г. с небольшими изменениями кроме тех, которые были вызваны экономическими трудностями депрессии. Даже еврейские музыканты в основном смогли продолжить играть в клубах до осени 1933 г., а некоторым это удавалось и еще некоторое время после. В знаменитом берлинском баре «Фемина» свинговые оркестры продолжали играть для более тысячи танцующих всю ночь, а система из 225 настольных телефонов с инструкциями по использованию на немецком и английском позволяла людям без пары найти себе потенциального партнера, сидящего где-то в зале. Музыкальные стандарты, возможно, были не слишком высоки, однако уничтожение повседневных (или ночных) удовольствий оказалось бы контрпродуктивным, даже несмотря на то, что нацисты могли это сделать²⁸. Только там, где в выступлениях открыто затрагивались политические темы, как в знаменитых берлинских кабаре, штурмовики действовали со всей серьезностью, организовывая изгнание еврейских исполнителей и заставляя молчать певцов и комедиантов, имевших коммунистические, социал-демократические, либеральные или левые убеждения. Другие меняли свои представления, убирая

политическую составляющую. Нацисты в свою очередь, понимая популярность кабаре и необходимость оставить людям хотя бы часть их развлечений, пытались создать «положительный тип кабаре», где все шутки бы были направлены на их врагов. Ходила история, будто бы прославленная актриса кабаре, Клэр Вальдофф, нашла в себе смелость спеть сатирическую песню о Геринге на мотив своей музыкальной заставки «Герман»: «Медали слева, медали справа/А живот у него все растет и растет/Он командующий Пруссией/А зовут его Герман!» Впоследствии, когда бы она ни пела оригинальную версию «Германа», ее слушатели понимающе ухмылялись, вспоминая сатирические строчки. Однако Вальдофф не писала таких стихов: эта шутка родилась в народе и была приписана ей молвой. К середине 1933 г. нацисты окончательно лишили кабаре его сердца²⁹. Для некоторых это оказалось чересчур. Пауль Николаус, политический конференсье знаменитого берлинского клуба «Кадеко» («Кабаре комедиантов»), бежал в Люцерн, где покончил с собой 30 марта 1933 г. «Первый раз никаких шуток, — писал он. — Я забираю свою собственную жизнь. Почему? Я не могу вернуться в Германию, не приняв ее. Я не могу теперь там работать, я не хочу теперь там работать, но на свою беду я влюблен в свою Родину. Я не могу жить в эти времена»³⁰.

Чистки в искусстве

I

Холодные ветра антисемитизма, антилиберализма и анти-марксизма вместе с гнетущим моральным осуждением «декадентства» завывали и в других областях немецкой культуры первые шесть месяцев 1933 г. Киноиндустрию оказалось относительно легко контролировать, потому что в отличие от кабаре или клубной сцены она представляла совокупность небольшого числа крупных компаний, что было неизбежно ввиду существенной стоимости производства и распространения фильмов. Как и в других сферах, те, кто видел, в какую сторону дует ветер, вскоре начали поддаваться его давлению без явных приказов о том, что делать, со стороны. Уже в марте 1933 г. огромные студии UFA, принадлежавшие Альфреду Гугенбергу, который в тот момент все еще был членом правительства Гитлера, начали массовые увольнения еврейского персонала и аннулирование контрактов с еврейскими актерами. Нацисты вскоре начали координировать свою работу с Немецкой ассоциацией владельцев кинотеатров. Объединенные в профсоюзы работники кинопромышленности были нацифицированы, и 14 июля Геббельс учредил Имперскую палату кинематографии, которая должна была надзирать за всей киноиндустрией. С помощью этих организаций лидеры нацистов, и в особенности Геббельс, сам бывший увлеченным знатоком кино, могли регулировать занятость актеров, режиссеров, операторов и другого персонала. Евреев постепенно устранили из всех областей индустрии, несмотря на то что это не подразумевалось законом от 7 апреля. Актеры и режиссеры, чья политическая позиция была неприемлема для режима, оказались изгнаны³¹.

В новых условиях цензуры и контроля меньшая часть людей в киноиндустрии предпочла искать удачу в более свободной атмосфере Голливуда. Среди тех, кто уехал туда, был и режиссер Фриц Ланг, снявший ряд успешных фильмов, таких как

«М: Убийца среди нас», «Метрополис» и «Нибелунги» — эпос, который оставался любимым произведением Гитлера. Фильм Ланга «Завещание доктора Мабузе», скрытая сатира на нацистов, был запрещен незадолго до запланированной премьеры весной 1933 г. Вместе с ним в изгнание отправился Билли Уайлдер, прежние популярные романтические картины которого содержали ряд довольно смелых ходов, развитых им позднее в голливудских фильмах «Двойная страховка» и «Потерянный уик-энд». Оба они в последующие десятилетия создали несколько самых успешных фильмов Голливуда. Другие режиссеры эмигрировали в Париж, в том числе и чех по происхождению Г. В. Пабст, создатель классического Веймарского фильма «Ящик Пандоры» и киноверсии «Трехгрошовой оперы» Бертольда Брехта и Курта Вейля, а также Макс Офюльс, рожденный в 1902 г. в Германии под именем Макс Оппенгеймер. Однако некоторые немецкие режиссеры и кинозвезды соблазнились притягательной славой Голливуда задолго до прихода нацистов к власти. Например, отъезд Марлен Дитрих в 1930 г. был вызван в первую очередь денежными вопросами, а не политикой. Одним из немногих, кто уехал непосредственно в результате наступления эпохи Третьего рейха, был родившийся в Венгрии Питер Лорр, который играл извортливого маньяка, убийцу детей, в фильме Фрица Ланга «М». Позже нацистская пропаганда попыталась представить дело так, что убийца в фильме якобы был евреем, но такого намека в картине Ланга не было совершенно³². Однако, в то время как эти эмигранты привлекали заслуженное внимание, подавляющее большинство людей, занятых в бурно развивающейся киноиндустрии Германии, остались в стране. Из 75 кинозвезд, названных журналом *Неделя кино* в 1932 г. самыми популярными в Германии (на основе присланных писем поклонников), эмигрировали только 13, хотя среди них было три человека из первой пятерки: Лилиан Харви и Кэйт фон Наги (уехавшие в 1939 г.) и Гитта Альпар (уехавшая в 1933 г.). В нижней части списка — Бригитта Хельм (уехавшая в 1936 г.) и Конрад Вейдт (уехавший в 1934 г.). Помимо Альпар в 1933 г. уехала еще только одна звезда, Элизабет Бергнер, бывшая еврейкой. 35 из 75 человек продолжали сниматься в немецком кино до 1944–45 гг.³³

Кино стало стремительно набирать популярность в конце 1920-х и начале 1930-х, особенно после появления звука. Однако в дотелевизионную эпоху самым популярным и быстро развивавшимся современным средством массовой коммуникации было радио. В отличие от киноиндустрии радиосеть находилась в публичном владении, 51 % акций принадлежал национальной Имперской радиокомпании, а остальные 49 % — девяти региональным станциям. Контроль осуществлялся двумя имперскими уполномоченными по радио, один из которых служил в министерстве почты и связи, а другой — в министерстве внутренних дел, а также рядом региональных уполномоченных. Геббельс прекрасно осознавал возможности радио. Во время избирательной кампании в феврале-марте 1933 г. ему удалось блокировать все попытки других партий, за исключением нацистов и националистов, получить возможность транслировать свои политические передачи. Вскоре он организовал замену двух действовавших имперских уполномоченных по радио на своих людей и 30 июня получил декрет за подписью Гитлера, в котором весь контроль над радиотрансляциями передавался в руки министерства пропаганды.

Геббельс немедленно начал массивную чистку в организациях, связанных с радио, проведя 270 увольнений на всех уровнях в первые шесть месяцев 1933 г. Это составило 13 % от всех служащих. Евреи, либералы, социал-демократы и другие люди, не нужные новому режиму, — увольняли всех, этот процесс облегчался еще и тем, что многие из них работали по краткосрочным контрактам. Менеджеры и репортеры на радио, которые были связаны с предыдущим либеральным режимом, включая основателя радио в Германии Ганса Бредова, были арестованы по обвинениям в коррупции, переведены в концентрационный лагерь Ораниенбург и осуждены в ходе публичного показательного процесса, прошедшего через несколько месяцев подготовки в 1934—35 гг. Однако большинство желало продолжить работу при новом режиме. Преимуществом обеспечивалась наличием таких людей, как Ганс Фриче, бывший директор департамента радионовостей при Гугенберге в 1920-х и глава Немецкой службы радиовещания, который отвечал за трансляцию новостей при

новом режиме. Как и многие другие, Фриче предпринял определенные шаги, чтобы укрепить свое положение, вступив в партию 1 мая 1933 г. К этому времени большинство радиостанций были эффективно скоординированы и передавали все большие объемы нацистской пропаганды. Уже 30 марта один социал-демократический вещатель, Йохен Клеппер, жена которого была еврейкой, жаловался, что «все, что осталось от станции, походит на нацистские бараки: униформа, униформа партийных строев». Спустя буквально два месяца его также уволили³⁴.

II

Радио, как объявил Геббельс в своей речи 25 марта 1933 г., является «самым современным и самым важным из существующих инструментов массового влияния». В будущем радио должно даже заменить газеты. Однако пока газеты оставались основным средством распространения новостей и мнений. Для нацистской политики координации и контроля они представляли собой препятствие гораздо более серьезное, чем кино- и радиоиндустрия. В Германии было больше ежедневных газет, чем в Британии, Франции и Италии, вместе взятых, а также огромное число журналов и периодических изданий всех мыслимых типов. Существовали независимые газеты и издания на национальном, региональном и местном уровнях, представлявшие весь спектр политических взглядов от крайне левых до крайне правых. Попытка нацистской партии создать собственную успешную газетную империю не увенчалась особым успехом. Политические газеты в последние дни Веймарской республики находились в упадке, и печатное слово в деле завоевания лояльности к нацистам, казалось, уступило первое место живым выступлениям³⁵.

В этой ситуации Геббельс не имел других вариантов, кроме как действовать постепенно. Закрывать официальные коммунистические и социал-демократические издания оказалось достаточно просто, когда за регулярными приостановками работы в первые месяцы 1933 г. последовало тотальное закрытие после устранения партий с политической сцены. Однако с остальными

приходилось сражаться на разных фронтах. Сила и полицейские меры были только одним способом подчинения прессы. Консервативные ежедневники, такие как *Münchener Neueste Nachrichten* («Последние новости Мюнхена»), работали под такой же угрозой запрета, что и центристские и либеральные издания. Католическую *Fränkische Presse* («Франконскую прессу»), орган Баварской народной партии, заставили разместить на первой странице заявление от 27 марта 1933 г. с извинениями за многолетние публикации ложных сведений о Гитлере и нацистах. Такое давление быстро убедило основные печатные издания в том, что им придется адаптироваться к новому климату. 30 апреля 1933 г. Имперская ассоциация немецкой прессы, профсоюз журналистов, провела самостоятельную координацию, как это проделывали многие другие похожие организации. Она избрала коллегу Геббельса Отто Дитриха своим председателем и пообещала, что в будущем членство в ней станет обязательным для всех журналистов, а кроме того, она будет открыта только для расово и политически надежных членов³⁶. 18 июня 1933 г. Немецкая ассоциация газетных издателей последовала этому примеру, назначив издателя нацистской партии, Макса Амана, своим председателем и выбрав его в свой совет нацистов вместо членов, которые стали политически нежелательными³⁷. К этому времени пресса уже была полностью запугана и подчинена. Ненацистские журналисты могли распространять свои взгляды только в виде косвенных намеков и аллюзий, читатели могли понять, что они имеют в виду, только читая между строк. Геббельс превратил регулярные открытые правительственные пресс-конференции, которые проводились при Веймарской республике, в тайные собрания, где министерство пропаганды давало избранным журналистам подробные инструкции по темам новостей, иногда напрямую предоставляя статьи, которые следовало печатать дословно или использовать в качестве основы для репортажей. «Вы должны знать не только то, что происходит, — сказал Геббельс представителям прессы, пришедшим на первую официальную пресс-конференцию 15 марта 1933 г., — но и мнение правительства об этом, а также то, как вы должны доносить эту информацию до людей наиболее эффективно»³⁸. Не

стоит и говорить, что они не должны были представлять какие-либо другие мнения.

Тем временем нацисты были заняты арестами журналистов-коммунистов и пацифистов. Аресты начались рано утром 28 февраля 1933 г. Первым под стражу попал Карл фон Осецки, редактор «Мировой сцены», заметного интеллектуального издания в целом левой и пацифистской направленности. Осецки получил известность не только в качестве едкого критика нацистов до 1933 г., но и за публикацию секретной и незаконной программы перевооружения в авиационной отрасли, за которую его посадили в тюрьму после сенсационного судебного процесса в мае 1932 г. Массовая кампания писателей за пределами Германии не помогла освободить его после повторного ареста в 1933 г. Помещенного в импровизированный исправительный лагерь под управлением коричневых рубашек в Зонненбурге, слабого Осецки привлекали к тяжелому ручному труду, включая копание ямы, которую охранники называли его могилой. Родившийся в Гамбурге в 1889 г., он не был ни евреем, ни поляком, ни русским, несмотря на свою фамилию, он был немцем в полном смысле этого слова, как это понималось нацистами. Невзирая на эти факты, штурмовики сопровождали регулярные избиения своего заключенного выкриками «еврейская свинья» или «польская свинья». Осецки никогда не был физически силен и едва смог пережить сердечный приступ 12 апреля 1933 г. Освобожденные заключенные, осторожно общавшиеся с его друзьями, говорили, что с этого момента он сломался³⁹.

Осецки досталось лишь немногим меньше, чем другому радикальному писателю 1920-х гг., поэту-анархисту и драматургу Эриху Мюзаму, чье участие в мюнхенском «режиме кофейных анархистов» в 1919 г. в свое время привело к тюремному заключению при Веймарской республике. Арестованный после пожара рейхстага, Мюзам был особым объектом ненависти для коричневых рубашек, потому что он был не только радикальным писателем, но и революционером и евреем. Его подвергали нескончаемым унижениям и насилию, а однажды, когда он отказался петь Песню Хорста Весселя, охранники СС в концентрационном лагере Ораниенбург избили его до полусмерти. Вскоре после этого его

нашли повесившимся в уборной лагеря⁴⁰. Его прошлый коллега по недолгому революционному правительству в Мюнхене, анархист и пацифист Эрнст Толлер (еще один еврейский писатель) также сидел в тюрьме за свое участие в революции. Благодаря серии реалистичных пьес, в которых критиковалась несправедливость в немецком обществе 1920-х гг., его имя находилось на виду, в том числе и благодаря сатире на Гитлера под ироничным названием «Освобожденный Вотан». В конце февраля 1933 г. Толлер был в Швейцарии, и волна массовых арестов, последовавших за пожаром рейхстага, убедила его в Германию не возвращаться. Он проводил длительные поездки с лекциями, в которых осуждал нацистский режим, однако трудности жизни в изгнании сделали для него невозможным продолжение карьеры писателя, он покончил с собой в Нью-Йорке в 1939 г., доведенный до отчаяния неизбежной перспективой новой мировой войны⁴¹.

Некоторые смогли лучше приспособиться к литературному миру за пределами Германии, в первую очередь это коммунистический поэт и драматург Бертольд Брехт, который поменял Германию на Швейцарию, затем на Данию и, наконец, в 1933 г. нашел работу в Голливуде. Одним из самых успешных изгнанников оказался романист Эрих Мария Ремарк, автор книги «На западном фронте без перемен», который, несмотря на свое имя и недвусмысленные намеки со стороны нацистов, был не французом, а немцем (они также предполагали, что он был евреем и изменил порядок букв своей настоящей фамилии, которая по их утверждению и без всяких на то доказательств была Крамер). Он продолжил писать в изгнании и неплохо зарабатывал от продажи прав на постановку фильмов по некоторым своим работам, получив репутацию богатого плейбоя в Голливуде и других местах в конце 1930-х и наслаждаясь своими широко обсуждаемыми романами с целой плеядой голливудских актрис⁴². Однако более известным все же был романист Томас Манн, чьи романы «Будденброки» и «Волшебная гора» вместе с такими новеллами, как «Смерть в Венеции», принесли ему славу мирового литературного гиганта и позволили получить Нобелевскую премию по литературе в 1929 г. Манн стал одним из главных сторонников веймарской демократии в мире литературы и постоянно разъезжал

по Германии и по миру с лекциями о необходимости ее сохранения. Для него не было прямой угрозы насилия или тюремного заключения со стороны нацистов, однако с февраля 1933 г. и далее он оставался в Швейцарии, несмотря на все попытки режима его вернуть. «Я не могу представить жизнь в Германии сегодня», — писал он в июне 1933 г., а несколько месяцев спустя, когда в тумане враждебной риторики его исключили из Прусской академии искусств вместе с другими демократическими авторами, такими как поэт и романист Рикарда Хух, его убежденность стала еще сильнее. Он говорил своему другу: «Что касается меня лично, обвинение в том, что я покинул Германию, не имеет смысла. Меня выдворили. Оскорбленного, выставленного на посмешище и ограбленного иностранными завоевателями *моей* страны, потому что я намного больше немец, чем они»⁴³.

Брат Томаса Манна, Генрих, автор едких сатирических произведений о нравах немецкой буржуазии, таких как «Верноподанный» и «Учитель Гнус», испытал более жесткое отношение со стороны режима, который он раздражал своей открытой критикой в многочисленных речах и сочинениях. В 1933 г. его сместили с поста президента литературного сектора Прусской академии искусств, после чего он уехал жить во Францию. Там в августе 1933 г. к нему присоединился писатель-романист Альфред Дёблин, бывший главным представителем литературного модернизма благодаря своим романам, таким как «Берлин, Александерплац», действие которого происходит в нищете криминального мира немецкой столицы послевоенных лет. Он был евреем и в прошлом социал-демократом, поэтому нацисты быстро объявили его вне закона. Та же судьба постигла другого известного романиста Лиона Фейхтвангера, тоже еврея, чьи работы «Успех» и «Семья Оппенгейм», опубликованные в 1930 и 1933 году соответственно, содержали резкую критику консервативных и антисемитских настроений в немецком обществе и политике. Фейхтвангер находился в Калифорнии, когда узнал, что его работы оказались запрещены, и после этого в Германию не вернулся. Писатель Арнольд Цвейг в 1933 г. бежал в Чехословакию, а оттуда в Палестину. Он также был объявлен режимом вне закона и больше не мог публиковать свои работы в Германии⁴⁴.

В условиях быстро разраставшейся цензуры и контроля со стороны нацистов лишь немногие авторы могли продолжать создавать качественные работы в Германии после 1933 г. Даже консервативные писатели так или иначе пытались дистанцироваться от режима. Поэт Стефан Георге, собравший вокруг себя круг сторонников, приверженных идее возрождения «тайной Германии», которая должна была смести материализм Веймара, предложил свое «духовное сотрудничество» «новому национальному движению» в 1933 г., но отказался присоединяться к какой-либо нацистской литературной или культурной организации. Среди его учеников также были евреи. Георге умер в декабре 1933 г., но другой выдающийся радикально-консервативный писатель Эрнст Юнгер, близкий нацистам в 1920-х, прожил еще долго, практически до самого конца XX века, разменяв вторую сотню лет. Юнгер, которого Гитлер обожал за прославление солдатской жизни в романе «В стальных грозах», посвященном Первой мировой войне, понял, что терроризм Третьего рейха был совершенно для него неприемлем, и обратился во «внутреннюю эмиграцию», как это стали называть впоследствии. Как и многие другие, пошедшие на это, он писал романы без четкой привязки к эпохе — большое число писателей предпочитали Средние века, — и даже если в них иногда выражалась осторожная критика террора и диктатуры в целом, их все равно печатали, продавали и рецензировали до тех пор, пока в них не появлялась открытая критика режима⁴⁵.

Выдающиеся личности, такие как ранее совершенно аполитичный писатель-экспрессионист Готфрид Бенн, ставшие горячими сторонниками нового режима, были редким явлением. К концу 1933 г. в Германии практически не осталось сколько-нибудь талантливого или уважаемого писателя. Наверное, единственным исключением был драматург Герхарт Гауптман, лауреат Нобелевской премии по литературе в 1912 г. Однако ему было за 70, когда Гитлер стал канцлером, и пик его творческой жизни, когда он получил признание за свои волнующие драмы о бедности и эксплуатации, уже давно прошел. Он продолжал писать и внешне пытался показать свою лояльность, отдавая нацистское приветствие и участвуя в хоровом исполнении Песни Хорста

Весселя. Но он не вошел в ряды национал-социалистов, а его натуралистические пьесы часто подвергались критике нацистов за их якобы негативные настроения. Одному венгерскому писателю, встретившемуся с Гауптманом в Рапалло в 1938 г., пришлось выслушать длинейший список жалоб на Гитлера. Гауптман с горечью говорил, что Гитлер разрушил Германию, а вскоре разрушит и весь мир. Почему тогда тот не покинул страну, спросил венгр. «Потому что я трус, понимаете? — гневно воскликнул Гауптман. — Я трус, понимаете? Я трус»⁴⁶.

III

Потеря огромного числа выдающихся писателей разного рода сопровождалась похожим исходом среди художников и живописцев. Здесь также прослеживалась параллель с волной преследований, которые обрушились на музыкальный мир Германии в то же время. Однако в мире живописи эти гонения помимо прочего подогревались личным крайне негативным отношением к модернизму Гитлера, который считал себя в душе художником. В «Моей борьбе» он утверждал, что модернистское искусство было продуктом еврейской подрывной работы и «патологическим порождением безумных и деградировавших людей». Его взгляды разделял Альфред Розенберг, который придерживался решительно традиционалистского взгляда на природу и функцию живописи и скульптуры. В 1920-х гг. музыка в Германии уже не была доминирующей силой, какой она являлась в XVIII и XIX вв., а немецкая живопись, освобожденная экспрессионизмом, абстракционизмом и другими течениями, переживала удивительное возрождение в первые три десятилетия XX века, превзойдя даже литературу в качестве самой заметной и успешной на мировой арене формы искусства. Именно с ней теперь собирались покончить нацисты во главе с Альфредом Розенбергом, следуя пункту 25 программы нацистской партии от 1920 г., в котором говорилось: «мы требуем судебного преследования для всех направлений в искусстве и литературе любого рода, которые разрушают нашу жизнь как единой нации»⁴⁷.

Долгое время работы таких художников, как Жорж Грос, Эмиль Нольде, Макс Бекман, Пауль Клее, Эрнст Людвиг Кирхнер, Отто Дикс, вызывали серьезные споры. Консерваторы и нацисты ненавидели их работы. Огромный шум вызвало использование Гросом религиозных мотивов в целях политической карикатуры, которое уже приводило к двум судебным преследованиям (закончившимся ничем) за богохульство еще до прихода нацистов к власти⁴⁸. В июле Альфред Розенберг подверг резкой критике работы Эмиля Нольде, назвав их «негроидными, богохульными и грубыми», а военный мемориал в Магдебурге работы Эрнста Барлаха — оскорблением памяти погибших, которых, по мнению Розенберга, художник изобразил «полуидиотами». Бескомпромиссное изображение Отто Диксом ужасов окопных противостояний в Первую мировую войну натолкнулось на такую же резкую критику со стороны сверхпатриотичных нацистов. Все, что не было очевидным, по-рабски подобострастным, вызывало враждебное отношение. Искусство, по мнению нацистов, должно было произрастать, как и все остальное, из души народа, чтобы «каждый здоровый член СА» мог бы составить верное суждение о его ценности, как и любой художественный критик⁴⁹. Не только немецкие, но и иностранные мастера попадали под яростные словесные атаки. Немецкие галереи и музеи за много лет приобрели множество работ французских импрессионистов и постимпрессионистов, а националисты считали, что эти деньги следовало потратить на продвижение немецкого искусства, особенно учитывая поведение французов в области Рейна и Рура во время Веймарской республики⁵⁰.

Некоторые художники, такие как Грос, бывший членом коммунистической партии, увидели в этом зловещее предзнаменование еще до 30 января 1933 г. и покинули страну⁵¹. Политика нацистского правительства в Тюрингии с 1930 г. ясно давала понять, чего следует ожидать. Оно удалило работы таких художников, как Клее, Нольде и Оскар Кокошка, из местного музея в Веймаре и приказало уничтожить фрески Оскара Шлеммера в лестничном колодце Баухауса в Дессау незадолго до закрытия самого Баухауса. Все это говорило о том, что нацистские активисты собирались начать масштабное наступление на художественный

модернизм. Некоторое пространство для маневра, казалось, давал тот факт, что экспрессионизм ценился некоторыми людьми в партии, включая Нацистский союз студентов в Берлине, который действительно организовал выставку немецкой живописи в июле 1933 г., где были представлены работы Барлаха, Маке, Франца Марка, Нольде, Кристиана Рольфса и Карла Шмидта-Роттлюфа. Местные партийные боссы заставили закрыть выставку через три дня. Гитлер особенно не мог терпеть работы Нольде, которые Геббельсу, имевшему более католические вкусы, вполне нравились. Когда лидер нацистов осматривал новый дом министра пропаганды в Берлине летом 1933 г., его ужаснуло наличие «невозможных» картин Нольде на стенах, которые он немедленно приказал снять. Нольде исключили из Прусской академии искусств к огромному его разочарованию, поскольку он был членом нацистской партии практически с момента ее основания в 1920 г. В течение 1933 г. местные и региональные партийные руководители уволили двадцать семь кураторов художественных галерей и музеев, заменив их людьми, верными партии, которые немедленно удалили модернистские работы с выставок, а в некоторых случаях даже выставляли их отдельно в качестве «образов культурного большевизма» в «Палате ужасов живописи»⁵². Другие директора вместе с персоналом, склонившиеся перед этим натиском, присоединились к нацистской партии или стали поддерживать ее политику⁵³.

Как и в других сферах культурной жизни, весной 1933 г. быстро набирала темп чистка еврейских художников, модернистов или традиционалистов. Координация в Прусской академии искусств началась с принудительного исключения восьмидесятишестилетнего Макса Либермана, ведущего художника-импрессиониста в Германии и в прошлом президента академии, из состава членов, а также снятия его с поста почетного президента. Либерман заявил, что всегда считал, что искусство не имеет ничего общего с политикой, за что его сразу же стали критиковать в нацистской прессе. Когда два года спустя он умер, на похоронах когда-то знаменитого национального живописца собрались только три нееврейских художника. Среди них была Кете Кольвиц, известная благодаря своим сильным, но не открыто

политическим изображениям бедности, — ее заставили выйти из состава Прусской академии. Эрнст Барлах подал в отставку в знак протеста против изгнания ее и других художников, однако остался в Германии, хотя его работы были запрещены, как и работы Шмидта-Роттлюфа⁵⁴.

Пауль Клее, ставший излюбленной мишенью для нацистской культурной полемики за свое «негроидное» искусство, был уволен с должности профессора в Дюссельдорфе, после чего он практически сразу уехал на родину в Швейцарию. Однако другие нееврейские художники-модернисты решили посмотреть, как дела обернутся дальше, в надежде, что антимодернизм Гитлера и Розенберга будет побежден людьми, настроенными более благожелательно, такими как, например, Геббельс. Макс Бекман, ранее проживавший во Франкфурте, переехал в Берлин в 1933 г., надеясь повлиять на политику партии в своих интересах. Как и многие из других художников, он был знаменит во всем мире, но в отличие от Гроса или Дикса никогда не создавал явно политических работ, а в отличие от Кандинского или Клее никогда не склонялся к абстракционизму. Тем не менее работы Бекмана были изъяты из выставочных залов Берлинской национальной галереи, а художника 15 апреля 1933 г. уволили с должности преподавателя во Франкфурте. Сочувствующие коммерсанты помогли ему продолжить зарабатывать на жизнь в частном порядке, пока он ждал окончательного определения своей судьбы. В отличие от него Кирхнер согласился уйти из академии, но заметил, что он не был евреем и никогда не занимал активной политической позиции. Не только Оскар Шлеммер, но и даже русский основатель абстрактной живописи Василий Кандинский, который проживал в Германии в течение десятилетий, полагали, что натиск на модернистское искусство не продлится слишком долго, и решили переждать его в Германии⁵⁵.

Прусская чистка сопровождалась похожими чистками в других частях Германии. Отто Дикс был исключен из Дрезденской художественной академии, но продолжил работать в частном порядке, даже несмотря на то, что его работы были удалены из галерей и музеев. Архитектор Мис ван дер Роэ отказался уйти в отставку из академии и был исключен. Он недолгое время пы-

тался восстановить Баухаус на заброшенной фабрике в Берлине, пока на там не побывали полицейские и она не была закрыта в апреле 1933 г. От тщетно протестовал, заявляя, что это была совершенно аполитичная организация. Основатель Баухауса Вальтер Гропиус жаловался, что как ветеран войны и патриот он хотел лишь воссоздать истинную живую немецкую культуру архитектуры и дизайна. Он не имел политических целей и совсем не собирался выступать в оппозиции к нацистам. Однако в то время искусство могло быть каким угодно, но не аполитичным. Радикальные модернистские движения веймарского периода, от дадаизма до самого Баухауса, распространили представление о том, что искусство было средством преобразования мира. А нацисты только адаптировали этот культурно-политический императив к своим собственным целям. Кроме того, связывать свои надежды с Йозефом Геббельсом всегда было крайне сомнительным предприятием. Надежды этих художников, что тот в свое время реабилитирует их, в конечном счете были растоптаны самым грубым образом⁵⁶.

IV

Было подсчитано, что примерно 2000 человек, активно работавших в искусстве, эмигрировали из Германии после 1933 г.⁵⁷ Среди них было много блестящих художников и писателей с мировым именем. Эта ситуация только усугубилась после следующего решения Геббельса лишить их немецкого гражданства. Для многих таких изгнанников отсутствие гражданства могло означать серьезные лишения, сложности с пересечением границ и проблемы с поиском работы. Без документов официальная власть часто отказывалась признавать их существование. Режим опубликовал ряд списков тех немецких граждан, чьи паспорта и документы были официально аннулированы. Начиная с 23 августа 1933 г. для таких писателей, как Лион Фейхтвангер, Генрих Манн, Эрнст Толлер и Курт Тухольский, следующие три списка были опубликованы вскоре после этого, и в них значилось большинство других выдающихся эмигрантов. Томаса Манна лишили

не только гражданства, но и почетной ученой степени, присужденной ему Университетом Бонна. Его письмо протеста ректору быстро получило культовый статус среди эмигрантов⁵⁸. Ущерб, нанесенный культурной жизни Германии, был чудовищным. В стране практически не осталось писателей мирового значения, художников или живописцев. Целому созвездию ведущих дирижеров и музыкантов пришлось уехать, также покинули страну многие самые талантливые кинорежиссеры Германии. Некоторые преуспели в изгнании, другие нет. Однако все они понимали, что трудности для мира искусства и культуры при Третьем рейхе будут гораздо более серьезными, чем большинство из них испытывало за границей.

Что оставалось любителям живописи и культуры, оставшимся в Германии после 1933 г., наглядно было продемонстрировано в новой постановке, посвященной Гитлеру по его собственной просьбе и впервые представленной в Берлинском государственном театре 20 апреля 1933 г. на день рождения Гитлера. Среди зрителей были Гитлер и другие лидеры нацистов включая Геббельса. На сцене главные роли играли Фейт Харлан, вскоре ставший одним из самых снимаемых актеров немецкого кино при Третьем рейхе, популярный актер Альберт Бассерман, который согласился на эту роль только после личной просьбы Геббельса, которому не посмел отказать, и Эмми Зоннеман, молодая актриса, к которой Геринга влекло нечто большее, чем мимолетный интерес, потому что недолгое время спустя она стала его второй женой. В конце патриотической драмы не было аплодисментов, вместо этого вся аудитория встала в едином порыве и спела Песню Хорста Весселя. Только после этого раздались аплодисменты, а все актеры продолжали повторять нацистское приветствие за исключением Бассермана, который скрестил свои руки на груди и поклонился в традиционной театральной манере. Он был женат на еврейской актрисе Эльзе Шифф и был родом из знаменитой семьи либеральных политиков, поэтому весьма недолго любил новый режим и эмигрировал со своей женой в Соединенные Штаты в следующем году. Пьеса называлась «Шлагетер», в ней рассказывалась история национального восстания против французов на Нижнем Рейне в начале 1920-х гг. Автором был

Ганс Йост, ветеран войны, сделавший себе имя как драматург-экспрессионист. Йост примкнул к нацистской партии в конце 1920-х. Его экспрессионистский метод получил новое выражение в финальной сцене, когда расстрельная команда стреляла в связанную фигуру Шлагетера в глубине сцены, отблески выстрелов проходили через него прямо в аудиторию, что давало зрителям возможность отождествлять себя с погибшим героем и стать жертвами французской агрессии вместе с ним⁵⁹.

Однако пьеса быстро стала знаменитой по причине, никак не связанной с нацистским блеском и мишурой. Благодаря ее разрекламированности она стала широко известным символом отношения нацистов к культуре. Люди обращали внимание, либо после посещения спектакля, либо после прочтения отзывов о нем в прессе, что один из главных персонажей, Фридрих Тиман (Фейт Харлан), отрицал все интеллектуальные и культурные идеи и представления, споря в ряде сцен со студентом Шлагетером о том, что их следует заменить вопросами крови, расы и жертвы во имя нации. В ходе одного такого спора Тиман говорил: «Когда и слышу слово «культура», я снимаю свой браунинг с предохранителя!»⁶⁰ Для многих культурных немцев это стало итоговым выражением отношения нацистов к искусству, и сама фраза быстро разошлась в народе, совершенно вырвавшись из изначального контекста. Вскоре ее стали часто приписывать разным лидерам нацистов, в первую очередь Герману Герингу, и по ходу упростили до более цепкой, недостоверной, но часто повторяемой фразы: «Когда я слышу слово “культура”, я достаю свой пистолет!»⁶¹

«Против антигерманского духа»

I

Самый известный философ последних лет Веймарской республики, Мартин Хайдеггер, заработал свою блестящую репутацию как мыслитель в первую очередь благодаря публикации в 1927 г. масштабной работы «Бытие и время», трактата по фундаментальным философским вопросам, таким как смысл существования и природа человечности. Сложные для понимания, часто выраженные раздражающе абстрактным языком рассуждения, в которых использовался феноменологический метод его учителя и предшественника на посту заведующего кафедрой философии во Фрайбургском университете Эмунда Гуссерля, касались вопросов, волновавших философов со времен античной Греции. Этот трактат сразу получил статус классического. В последующие годы мысли Хайдеггера оказали значительное влияние на французских экзистенциалистов и других последователей. Однако пессимистический настрой Хайдеггера в тот момент скорее отражал постепенный отход философа от католического мировоззрения и обращение к стилю размышлений, более характерному для протестантизма. В частности, Хайдеггер в последние годы Веймара начал верить в необходимость обновления жизни и мышления в Германии, наступления нового века духовного единства и национального освобождения. К началу 1930-х он стал думать, что нашел то, что искал, в национал-социализме⁶². Хайдеггер уже установил не афишировавшиеся контакты с главными фигурами в Национал-социалистическом союзе немецких студентов Фрейбурга в 1932 г. Он совершенно не имел опыта в управлении университетом, но, по мнению небольшой группы нацистов среди профессуры, именно Хайдеггер был главным претендентом на должность ректора после прихода нацистов к власти. Он выражал и академический престиж, и определенные политические убеждения, благодаря чему вполне мог заменить либерального

профессора Вильгельма фон Мёлендорффа, который должен был вступить в эту должность в апреле 1933 г. Страстно желавший занять эту должность Хайдеггер начал переговоры с недавно нацифицированным Министерством образования Бадена, а Мёлендорфф, на которого обрушилась волна грязи и клеветы в местной и региональной прессе, был вынужден отказаться от своих притязаний. Нацистские профессора представили кандидатуру Хайдеггера, и под давлением изнутри и снаружи университета он был избран ректором 21 апреля 1933 г. практически единогласно. В действительности из всего профессорского состава, насчитывавшего 93 человека, его не поддержали лишь 12 человек, которые были евреями. Однако им не позволили высказать свое мнение, потому что по закону от 7 апреля нацистский рейхскомиссар в Бадене, региональный лидер Роберт Вагнер, приказал уволить их как «неарийцев»⁶³.

27 мая Хайдеггер выступил со своей инаугурационной речью в качестве ректора. Обращаясь к собравшимся профессорам и высокопоставленным нацистам, он объявил, что «"академическая свобода" больше не будет основой жизни немецких университетов, поскольку такая свобода не была подлинной, ибо имела исключительно негативный характер. Она означала отсутствие заинтересованности, произвольность суждений и мнений, отсутствие мотивов к действию или бездействию». Он сказал, что для университетов наступило время найти свое место в немецком обществе и играть свою роль в исторической миссии, которую оно теперь выполняло. Немецкие студенты показывали путь. Речь Хайдеггера была переполнена обращениями к принципу лидерства. В самом первом предложении он заявил аудитории, что взял на себя «духовное лидерство над этим университетом», и использовал псевдофеодальный термин «свита» для обращения к студентам и другим сотрудникам, так же как в то время делали лидеры нацистов в сфере трудовой занятости и рабочих отношений. Учитывая такие понятия, которые использовал новый ректор университета, стало понятно, что академическая свобода, как бы ее ни определяли, определенно стала делом прошлого⁶⁴. Чтобы символически подчеркнуть это, в конце церемонии пришедшие профессора и гости спели Песню Хорста Весселя,

текст которой был предусмотрительно распечатан на обороте программки вместе с инструкцией, гласившей, что правую руку следовало выкинуть вперед на четвертом куплете, а исполнение должно завершиться восклицанием «Да здравствует Победа!» («Зиг хайль!»)⁶⁵.

Хайдеггер вскоре приступил к подчинению своего университета. Формально присоединившийся к нацистской партии при массовом стечении народа 1 мая, в День национального труда, теперь он устанавливал принцип лидерства в университетской администрации, игнорируя или не давая слова демократическим и представительным коллегиальным органам. Он также приложил руку к созданию нового баденского закона, который утверждал ректора неизбираемым «вождем» университета на неограниченный период времени. Вскоре он обратился в Министерство образования Бадена с предложением о том, что «мы должны теперь направить все свои силы на то, чтобы привить миру образованных людей и ученых новый национальный политический дух. Это будет не простая борьба. Да здравствует Победа!»⁶⁶ Хайдеггер донес на своего коллегу, химика Германа Штаудингера, в правительство земли, представив ложные обвинения, и всячески содействовал политической полиции в расследовании, хотя в конечном счете полиция осталась неубеденной, и Штаудингер, заявлявший о государственной важности своей работы, остался на своем посту. Хайдеггер также с радостью провел увольнение евреев среди университетского персонала с единственным исключением для всемирно известного филолога Эдуарда Френкеля, который все равно оказался уволенным, и для профессора химии Дьедра Хевеши, человека с большими связями за рубежом и получателя крупных исследовательских грантов из Фонда Рокфеллера, который оставался на работе вплоть до отъезда в Данию в следующем году. Среди тех евреев, которым пришлось разорвать свои отношения с университетом, был личный ассистент Хайдеггера Вернер Брок и его учитель Эдмунд Гуссерль, хотя и нет оснований верить расхожей истории о том, что Хайдеггер лично подписал приказ, запрещающий Гуссерлю доступ в университетскую библиотеку. Националист и патриот, потерявший сына на поле боя

в Первую мировую войну, Гуссерль считал себя личным другом Хайдеггера и был глубоко оскорблен таким обращением. «Только будущее сможет рассудить, что было правильным в Германии в 1933 г., — писал он 4 мая, — и кто был истинным немцем: те, кто принимал более или менее мифическо-материалистические предрассудки того времени, или те немцы, чистые сердцем и разумом, наследники великой Германии прошлого, традиции которой они почитали и продолжали»⁶⁷. Когда Гуссерль умер в 1938 г., Хайдеггер не пришел на его похороны⁶⁸.

Присоединяясь к массовому и набирающему обороты культу Гитлера, Хайдеггер говорил студентам: «Фюрер сам, и только он сам, является реальностью Германии, настоящей и будущей, и ее законом. Научитесь понимать, что с этого момента все вещи требуют решений, а все действия подразумевают ответственность. Хайль Гитлер!»⁶⁹ Его амбиции были таковы, что он даже попытался вместе с другими ректорами университетов с похожими взглядами занять ведущую роль во всей национальной университетской системе. В речи, произнесенной 30 июня 1933 г., он сожалел, что «национальная революция» еще не дошла до большинства университетов, и призвал нацистских студентов в Гейдельберге начать активную кампанию по смещению ректора, консервативного историка Вилли Андреаса, которого неделю спустя 8 июля заменил нацистский кандидат Вильгельм Грох⁷⁰. Однако Хайдеггер был совершенно неискушен в политике и вскоре он увяз в обычной подковерной университетской борьбе за назначения, где его переигрывали бюрократы из Министерства образования Бадена, а студенты в коричневых рубашках смеялись над ним, считая его обычным мечтателем.

В начале 1934 г. в Берлине появились сообщения, что Хайдеггер объявил себя «философом национал-социализма». Однако другим нацистским мыслителям философия Хайдеггера казалась слишком абстрактной, слишком сложной, чтобы ее можно было использовать. Он обрел широкое влияние среди своих коллег, выступая за добровольное объединение жизни немецких университетов с жизнью государства за счет установления приоритета базовых ценностей знания и истины. Все это звучало очень возвышенно. Но хотя его участие приветствовалось многими

нацистами, при более детальном изучении такие идеи на самом деле плохо соответствовали политике партии. Неудивительно, что его враги смогли заручиться поддержкой Альфреда Розенберга, который сам хотел быть философом нацизма. Получив отказ в назначении на должность национального уровня и все более раздражаясь от мелочей академической политики, отражавшей, по его мнению, печальное отсутствие нового духа, который должен был пропитать университеты, Хайдеггер оставил свой пост в апреле 1934 г., хотя и остался сторонником Третьего рейха и последовательно отказывался пересмотреть или извиниться за свои действия в 1933–34 гг. вплоть до своей смерти в 1976 г.⁷¹

II

Нацистское руководство не имело особых проблем с университетами, поскольку, в отличие от ситуации в некоторых других странах, все они получали финансирование от государства, а работники университетов все были гражданскими служащими. Поэтому закон от 7 апреля 1933 г., который утверждал снятие с должностей политически ненадежных государственных служащих, повлиял на них самым прямым образом. К началу академического 1933–34 года было уволено 313 профессоров с докторской степенью, а число уволенных достигло 1145 человек из 7758 университетских преподавателей, что составило почти 15 %. В Берлине и Франкфурте эта доля составила почти треть. К 1934 г. примерно 1600 из 5000 университетских преподавателей были вынуждены оставить свою работу. Большинство уволенных преподавателей потеряли свои должности по политическим причинам, примерно треть — из-за того, что были евреями⁷². Произошел массовый исход академических кадров. Эмигрировало 15,5 % университетских преподавателей физики, а из Гёттингенского университета ушло или было исключено столько физиков и математиков, что сам образовательный процесс оказался серьезнейшим образом подорван⁷³. В целом те, кто уходил, были лучше тех, кто оставался. Исследование работ университетских биологов показало, что 45 человек,

оставивших свою работу и выживших в войне, в период с 1945 по 1954 год имели в среднем 130 цитат на человека по стандартному индексу цитирования в научных работах, а соответствующий показатель для выживших и оставшихся на работе 292 человек составил лишь 42⁷⁴.

Всемирно известные ученые увольнялись со своих постов в немецких университетах и исследовательских институтах, если они были евреями, или имели жен-евреек, или были известны как критики нацизма. Среди них было двадцать прошлых или будущих лауреатов Нобелевской премии, например Альберт Эйнштейн, Густав Герц, Эрвин Шредингер, Макс Борн, Фриц Габер и Ганс Кребс. Эйнштейн, чья теория относительности произвела революцию в современной физике, жил в Берлине двадцать лет. Во время своего визита в Америку в январе и феврале 1933 г. он из-за океана осудил жестокость и насилие нацистов после пожара рейхстага. В ответ правительство экспроприировало его собственность, а министр образования приказал Прусской академии наук исключить его из своих рядов. Эйнштейн опередил их, подав в отставку первым, что вызвало общественное возмущение и обвинение его со стороны Академии в распространении выдумок о жестокостях за рубежом. Он снова отправился в Соединенные Штаты и провел остаток своей жизни в Принстоне⁷⁵. «Знаете, я считаю, — писал он 30 мая своему коллеге Макс Борну, который также отправился в изгнание, — что я никогда не имел сколько-нибудь хорошего мнения о немцах (в моральном и политическом отношении). Однако должен признать, что уровень жестокости и трусости, который они продемонстрировали, стал для меня настоящим сюрпризом»⁷⁶.

Химик Фриц Габер не разделял пацифистских и космополитических убеждений Эйнштейна, на самом деле он в большой степени нес ответственность за разработку отравляющих газов, которые использовались в военных действиях 1914–18 гг. и, несмотря на то что был евреем, не попал под волну увольнений из-за своей военной службы, однако увольнение большого числа еврейских коллег из его института заставило его уйти в отставку 30 апреля 1933 г., при этом он открыто объявил, что не потерпит указов, кого ему следует или не следует выбирать в качестве

своих помощников. Он уехал в Кембриджский университет, где чувствовал себя очень неудобно, и умер на следующий год⁷⁷. Потеря таких знаменитых личностей была крайне тревожной для многих людей в научном сообществе Германии. В мае Макс Планк, который не был евреем, также знаменитый ученый, ставший к этому времени президентом ведущего института научных исследований Германии, Общества кайзера Вильгельма, добился приема у Гитлера, чтобы выразить личный протест. Как он вспоминал позже, в ответ он услышал безоговорочное утверждение о том, что невозможно проводить различия между евреями: «Евреи все коммунисты, а они — мои враги... Все евреи держатся друг за друга как репей. Где бы ни появился один еврей, там сразу же соберутся другие»⁷⁸.

Как и Габер, некоторые еврейские ученые, включая нобелевского лауреата Джеймса Франка, физика-экспериментатора в Университете Гёттингена, публично протестовали против практиковавшегося обращения с другими еврейскими учеными и подавали в отставку, несмотря на то что могли оставаться на своей работе в соответствии с исключением, действовавшим для еврейских ветеранов войны. После обвинения в саботаже на основании коллективного письма, подписанного сорока двумя коллегами из университета (из них только один работал в области физики и математики), Франк с сожалением уехал работать в Соединенные Штаты. Реакция медицинского факультета в Гейдельберге на увольнение еврейских коллег была удивительной, потому что была уникальной: в официальном заявлении, направленном в Министерство образования Бадена 5 апреля 1933 г., председатель Рихард Зибек указал на вклад евреев в медицинскую науку и подверг критике «импульсивное насилие», которое подавляло автономность и ответственность в университете⁷⁹. Его примеру и примеру его факультета последовали и некоторые другие ученые в других местах. Большинство из тех ученых-неевреев, которые остались, во главе с Максом Планком пытались сохранить целостность и политический нейтралитет научных исследований, на словах выражая поддержку режиму. Планк стал начинать собрания в Обществе кайзера Вильгельма с нацистского приветствия и приветствия Гитлера в попытке избежать дальнейших чисток.

Вернер Гейзенберг, физик, удостоенный Нобелевской премии за работы в области квантовой механики, утверждал, что для сохранения научных ценностей необходимо было оставаться в Германии. Однако со временем стало очевидно, что они сражаются в уже проигранной войне⁸⁰.

Подавляющее большинство немецких профессоров осталось на своих постах. Крайне консервативные по своей политической ориентации, они широко разделяли мнение партнеров Гитлера по националистической коалиции о том, что Веймарская демократия была трагедией и что восстановление старой иерархической системы и структур оказалось крайне запоздалым. Однако многие шли еще дальше и приветствовали национал-социалистическое государство, особенно если они преподавали гуманитарные и социальные науки. 3 марта примерно триста университетских преподавателей выпустили обращение к избирателям с призывом поддержать нацистов, а в мае не меньше семисот поставили свою подпись под обращением от имени Гитлера и национал-социалистического государства. В Университете Гейдельберга социолог Арнольд Бергштрассер называл объединение режимом государства и общества способом преодоления очевидного провала демократии, а адвокат Вальтер Елинек оправдывал «революцию» 1933 г., называя ее антилиберальной, но не антидемократической, и утверждал, что граждане могут ощущать свое человеческое достоинство только через подчинение государству. Член Народной партии Германии и рьяный правый оппонент Веймарской республики Елинек соглашался, что антиеврейские меры режима были необходимы из-за переизбытка людей в академических профессиях. Он также считал, превосходя мнения более поздних историков, что власть Гитлера будет ограничиваться существованием других центров власти в рейхе. Но, несмотря на всю свою истинность, это рассуждение не имело силы, когда дело доходило до политики режима по отношению к евреям, к которым относился и сам Елинек, — он был снят со своей должности в ходе националистической революции, которую так тепло приветствовал. Другие профессора на том же факультете утверждали, что закон должен быть выражением души народа, а судьи должны выносить свои вердикты в соответствии

с нацистской идеологией. Профессор немецкого говорил, что нацистская революция подарила новый, патриотический смысл изучению немецкого языка. Он обвинял «еврейское мышление» и «еврейскую литературу» в подрыве немецкой «воли к жизни»⁸¹.

Очень быстро недавно нацифицированные министерства образования сделали политические критерии основными не только для назначения на должности, но и для преподавания и исследований. Рейхсминистр образования Бернхард Руст оставил за собой решающее слово в этом вопросе. Баварский министр культуры говорил собравшимся профессорам в Мюнхене в 1933 г.: «С этого момента вы не должны решать, что является истинным, а что нет, вы должны решать, соответствует ли оно интересам национал-социалистической революции»⁸². Лидеров нацистов мало волновала традиционная свобода преподавания и исследований или ценности традиционных университетов. На самом деле их мало волновала и сама наука. Когда летом 1933 г. с Гитлером встретился председатель совета директоров *IG Farben*, лауреат Нобелевской премии химик Карл Бош, чтобы пожаловаться на ущерб, наносимый научным интересам Германии увольнением еврейских профессоров, он столкнулся с очень холодным приемом. Доля увольнений была особенно высока в физике, сказал он, где было уволено 26 % сотрудников университетов, включая 11 лауреатов Нобелевской премии, и в химии, где эта цифра составила 13 %. Это серьезно подрывало немецкую науку. Грубо перебив пожилого ученого, Гитлер заявил, что ничего не знает об этом и что Германия сможет прожить еще сто лет вообще без физики и химии, после чего позвал адъютанта и сообщил тому, что Бош собирается уходить⁸³.

III

Именно студенты в первую очередь стали проводниками процесса координации в университетах. Они организовывали кампании против нелюбимых профессоров в местных газетах, устраивали массовые срывы их лекций и возглавляли отделения штурмовиков во время домашних обысков и налетов. Дру-

гая тактика заключалась в том, чтобы подчеркнуть политическую ненадежность некоторых профессоров. Для этого на лекции приглашались политически лояльные личности вроде Хайдеггера, от которых можно было ожидать горячего одобрения режима, чего другие часто сделать не могли. В Университете Гейдельберга один нацистский активист срывал работу физика Вальтера Боте, проводя длительные маршировки людей СС по крыше института прямо над его кабинетом⁸⁴. В одном университете за другим уважаемых ректоров и главных администраторов отодвигали в сторону, чтобы дать дорогу зачастую весьма посредственным личностям, единственным достоинством которых было то, что они были нацистами и пользовались поддержкой нацистской студенческой организации. Типичным таким представителем был Эрнст Крик, убежденный нацистский теоретик мужского превосходства, ставший ректором во Франкфурте в 1933 г. До своего внезапного взлета он был незаметным профессором педагогики в городском колледже подготовки учителей⁸⁵. В Дармштадтском техническом университете внештатный лектор Карл Лизер, вступивший в партию в начале 1933 г., вызвал гнев своих коллег в архитектурном отделении, направив в мае ряд доносов на многих своих товарищей по работе в министерство образования под началом Гесса. Университетский совет лишил Лизера права преподавать и попросил министерство уволить его и временно закрыть университет в знак протеста. Однако на следующий день студенты открыли и заняли здания, а министерство объявило временным ректором мэра Дармштадта. Профессора уступили под этим давлением. Лизера восстановили, и он стал профессором в 1934 г. А в 1938 г. он стал ректором. Такие события, происходившие во всех немецких университетах, отмечали резкое ослабление традиционной власти профессуры. «Мы, ребята, держим университет в своих руках, — заявлял Эдуард Клемт, нацистский лидер студентов в Лейпциге, — и мы можем делать с ним все, что захотим»⁸⁶.

Студенческие профсоюзы не успокоились после проведения нацификации профессорского состава. Они также потребовали для себя официального участия в назначении профессоров и в дисциплинарных комитетах. Однако это оказалось слишком

серьезным требованием. Участие студенческого органа в решении таких вопросов полностью противоречило принципу лидерства. К лету 1933 г. нацифицированные министерства образования и университетские власти стали усмирять беспорядки в студенческой среде, запретив студентам изымать и уничтожать спорные книги из библиотек и расстроив планы национального студенческого союза, связанные с установкой в каждом университетском городке позорных столбов, на которых вывешивались бы публикации «негерманских» профессоров. На самом деле ни один студент не был готов к участию в беспорядках политического толка в первые шесть месяцев 1933 г., несмотря на массовое разложение и насилие, которые искалечили университетскую жизнь в этот период. Но теперь все стало ясно: Министерство образования Пруссии объявило, что долгом студенческих профсоюзов является «обеспечение правильного и дисциплинированного поведения своих членов»⁸⁷. Однако прежде чем это произошло, студенты нанесли свой самый драматический и скандально известный удар по интеллектуальной свободе и академической автономии, который эхом отозвался по всему миру и вспоминается до сих пор, когда сегодня люди задумываются о нацизме.

10 мая 1933 г. немецкие студенты организовали «акцию против антигерманского духа» в девятнадцати университетских городках в стране. Они составили список «антинемецких» книг, изъяли их из всех библиотек, где смогли найти, сложили на городских площадях и сожгли. В Берлине на сжигание книг по просьбе студентов пришел Йозеф Геббельс. Он сказал им, что они «делали правое дело, предавая злой дух прошлого огню», что было, по его словам, «сильным, великим и символическим актом»⁸⁸. Одну за другой книги бросали в погребальный костер разума под аккомпанемент таких лозунгов: «Против классовой борьбы и материализма, за национальное единство и идеалистические перспективы: Маркс, Каутский. Против декадентства и морального разложения, за дисциплину и нравственность в семье и государстве: Генрих Манн, Эрнст Глэзер, Эрих Кестнер». Работы Фрейда были преданы огню за их «унизительное преувеличение животной природы человека», книги популярного историка и

биографа Эмиля Людвиг сожгли за их «клевету на великих личностей» немецкой истории, работы радикального пацифистского журналиста Курта Тухольского и Карла фон Осецки были уничтожены за их «надменность и самоуверенность». Отдельная категория была отведена для Эриха Марии Ремарка, чей критический роман «На западном фронте без перемен» бросался в огонь «против литературного предательства солдат Мировой войны, за воспитание нации в духе военной готовности». В костры отправились многие другие книги помимо упомянутых в этих заклительных лозунгах. Национальный союз студентов опубликовал в рамках этого мероприятия «двенадцать тезисов против антигерманского духа», потребовав введения цензуры и чистки библиотек и заявив: «Нашим врагом являются евреи и все, кто им подчиняется»⁸⁹.

12 марта в качестве прелюдии к этому действию штурмовики уже обшарили библиотеку профсоюзного центра в Гейдельберге, изъяли книги и сожгли их в небольшом костре за дверями. Похожее событие произошло, как мы видели, рядом с институтом сексологии Магнуса Хиршфельда в Берлине 6 мая. Однако сожжение книг 10 мая было гораздо более масштабным и намного более подготовленным. Студенты прочесывали библиотеки и книжные магазины, подготавливаясь к этой акции, с середины апреля. Некоторые книготорговцы смело отказывались развешивать плакаты с рекламой события в окнах своих магазинов, но многие другие сдавались перед угрозами студентов. В Гейдельберге, где сожжение книг произошло 17 мая, студенты шествовали с горящими факелами в сопровождении людей СС, СА и стальных шлемов, а также членов дуэльного общества и бросали коммунистические и социал-демократические флаги в огонь вместе с книгами. Все это сопровождалось пением Песни Хорста Весселя и национального гимна. В произносившихся речах это мероприятие представлялось как удар против «антигерманского духа», представленного писателями вроде Эмиля Юлиуса Гумбеля, ведшего статистику убийств правых радикалов в годы Веймарской республики, который был с позором изгнан со своей должности в университете летом 1932 г. Веймарская республика впитала в себя этот «разлагающий еврейский» дух, теперь наконец он уходил в прошлое⁹⁰.

Все это отмечало кульминацию распространенных действий «против антигерманского духа», начатых за несколько недель до этого министерством пропаганды⁹¹. Как очень часто бывало в истории Третьего рейха, спонтанные на первый взгляд действия на самом деле оказались централизованно координируемыми, хотя и не Геббельсом, но национальным студенческим союзом. Нацистский чиновник, занимавшийся чисткой берлинских публичных библиотек, предусмотрительно предоставил список книг, которые предстояло сжечь, а центральный офис национального студенческого союза составил и распространил лозунги, которые следовало произносить на церемонии. Таким образом, нацистская студенческая организация смогла обеспечить примерно одинаковую процедуру во всех университетских городках, где она проводилась⁹². И там, где студенты вели, остальные следовали за ними во всех отдельных областях. На праздновании летнего солнцестояния 1933 г. в небольшом городке Ной-Изенбург, например, толпа наблюдала за сожжением огромной кучи «марк-систской» литературы на открытом месте рядом с пожарной станцией. В то время как женщины из местного гимнастического клуба танцевали вокруг огня, местный партийный лидер произносил речь, после которой собравшаяся толпа исполнила Песню Хорста Весселя. Сожжение книг отнюдь не было прерогативой образованных слоев общества⁹³.

Сжигание книг нацистами было осознанным повторением предыдущего ритуала, проведенного радикальными студентами-националистами во время празднования трехсотлетия начала Реформации Мартина Лютера с изданием его тезисов, содержащих критику католической церкви, в Вартбурге в Тюрингии 18 октября 1817 г. По окончании дневных празднований студенты побросали символы власти и «антигерманские» книги вроде Кодекса Наполеона в костер в виде символической казни. Могло показаться, что это действие стало примером для будущих националистических демонстраций в Германии, но на самом деле оно имело мало общего с последующей имитацией в 1933 г., поскольку основной задачей Вартбургского фестиваля было выражение солидарности с Польшей и демонстрация поддержки свободной немецкой прессы, которая ограничивалась массовой

цензурой со стороны полицейского режима князя Меттерниха. И все же, когда 10 мая 1933 г. в древних храмах науки Германии поднимались к небесам языки пламени, на которые с одобрением или с беспомощностью смотрели новые нацифицированные университетские власти, скорее всего, далеко не один человек вспомнил комментарий поэта Генриха Гейне к тому прошлому событию, случившемуся век назад: «Там, где сжигают книги, в конце концов станут гореть и люди»⁹⁴.

IV

Среди насилия, запугивания и жестокости нацистского наступления на гражданское общество в первые месяцы 1933 г. одна отдельная небольшая группа немцев оказалась под особенно интенсивным шквалом ненависти и враждебности: немецкие евреи. Это произошло не потому, что они были категорическими оппонентами нацизма, как коммунисты и социал-демократы, и не потому, что их необходимо было запугивать и подчинять, как и другие политические и социальные группы и институты, в рамках стремительного нацистского натиска с целью создания диктаторского однопартийного государства. Атака нацистов на евреев носила другой характер. Как драматически показало изгнание евреев из ключевых культурных институтов, таких как Прусская академия искусств, ведущих оркестров, художественных школ и музеев, нацисты считали евреев в первую очередь носителями чуждого антигерманского духа, а их устранение частью культурной революции, которая должна была вернуть «германскую суть» Германии. Антисемитизм всегда имел очень слабое и косвенное отношение к реальной роли и положению, которое занимали евреи в немецком обществе. Большинство из них вели безупречную жизнь обывателей и по большей части были совершенно консервативны в политическом отношении. Но с тех пор, как нацисты пришли к власти, они ощутили всю силу сдерживавшейся ненависти штурмовиков. Уже осенью 1932 г. коричневые рубашки осуществили ряд взрывов еврейских магазинов, складов, синагог и других зданий. В первые недели

после назначения Гитлера рейхсканцлером штурмовики врываются в синагоги и оскверняли предметы культа, разбивали окна еврейских магазинов и унижали евреев, сбривая им бороды или заставляя в виде имитации наказания, придуманного итальянскими фашистами, выпивать большие дозы касторового масла⁹⁵. После выборов 5 марта уровень насилия поднялся на новую высоту. На следующий день после выборов банды коричневых рубашек устроили разгром на Курфюрстендамм, улице фешенебельных магазинов в Берлине, которую многие нацисты считали «еврейским» районом, охотясь на евреев и избивая их. В Бреслау банда штурмовиков похитила еврейского режиссера театра и избила его до полусмерти резиновыми дубинками и хлыстами. В Кенигсберге в Восточной Пруссии сожгли синагогу, а одного похищенного еврейского предпринимателя избили так сильно, что он вскоре умер от ран. В некоторых областях банды штурмовиков заливали краской и блокировали подходы к еврейским магазинам⁹⁶.

В Бреслау 11 марта штурмовики напали на еврейских судей и адвокатов в здании суда. Слушания прекратились на три дня, а после их возобновления председатель суда под давлением коричневых рубашек постановил, что с этого дня только 17 из 364 адвокатов-евреев, до этого момента практиковавших в Бреслау, имели право входить в здание суда. Другие штурмовики врываются в суды по всей Германии, вытаскивали еврейских судей и адвокатов из залов заседаний и избивали их, предупреждая, чтобы они больше не возвращались. Смятение, вызванное этими действиями, оказалось чересчур велико даже для Гитлера, который 10 марта призвал прекратить «индивидуальные действия» такого рода, если они нарушали служебные дела или наносили вред экономике (по этой проблеме к нему уже обращались из влиятельных деловых кругов, начиная с Рейхсбанка). Гитлер также лично заставил партийных лидеров в Лейпциге отменить запланированный налет на имперский суд с целью изгнания еврейских адвокатов⁹⁷. Однако суды, находившиеся ниже в иерархии, были совсем другим делом, и здесь он никак не вмешивался. Нацистская пресса продолжала печатать неистовые призывы к очищению судебной системы и юридической профессии от евреев,

подкрепленные потоком прошений в имперское министерство юстиции от «националистических» групп адвокатов. Дело было в том, что нападения на еврейские магазины и предприятия беспокоили партнеров Гитлера по националистической коалиции, а атаки еврейских адвокатов — нет. Среди юристов такие нападения практически не встречали сопротивления со стороны тех, кто их не одобрял. Помощник судьи Раймунд Претцель сидел в библиотеке берлинского суда, когда в здание ворвались коричневые рубашки и начали шумно изгонять всех евреев. «Ко мне подошел штурмовик и встал напротив моего рабочего стола», — вспоминал он позже. «Вы ариец?» Не успев толком подумать, я ответил: «Да». Он пристально посмотрел на мой нос и ушел. Я покраснел. В этот момент я почувствовал сильный стыд, поражение... Какое унижение — покупать таким ответом право остаться со своими документами в покое!»⁹⁸

Вмешательство Гитлера привело только к временной приостановке в серии жестоких событий, но в целом не смогло полностью их прекратить. Прошло немногим больше двух недель, когда они возобновились. 25 марта 1933 г. тридцать штурмовиков из города ворвались в еврейские дома в Нидерштеттене на юго-западе, согнали мужчин на городскую площадь и избили их с едва сдерживаемой жестокостью; в то же утро в соседнем городке Креглингене похожий инцидент закончился смертями двух восемнадцатилетних еврейских юношей. Группы молодежи били окна еврейских магазинов в Висбадене. Региональный управляющий в Нижней Баварии 30 марта сообщал:

Рано утром 15-го числа этого месяца около 6 часов около дома еврейского торговца Отто Зельца из Штраубинга появился грузовик с людьми в темной униформе. Зельца вытащили из его дома, все еще одетого в ночную рубашку, и бросили в грузовик. Примерно в 9:30 Зельца нашли в лесу рядом с Венгом в районе Ландсхут, застреленного... Некоторые сельские жители утверждают, что видели красные нарукавные повязки со свастикой у людей из грузовика⁹⁹.

Вмешательство Гитлера давало повод считать, что эти инциденты не были частью заранее продуманного плана. Скорее

они отражали общую ненависть к евреям, ярость и насилие, заполнявшие сердце нацизма на всех уровнях. Жестокость штурмовиков до этого момента была в основном направлена против «Рейхсбаннера» и Союза бойцов красного фронта, но теперь, после победы нацистов на выборах, она изливалась во всех направлениях. Не сдерживаемая вмешательством полиции или какой-либо серьезной угрозой судебного преследования, она в первую очередь оказалась направленной на евреев. Несмотря на свое желание контролировать насилие, нацистские лидеры на деле постоянно подпитывали его своими речами и постоянными антисемитскими выпадами в нацистской прессе во главе с газетой Юлиуса Штрейхера «Штурмовик»¹⁰⁰. В соответствии с одним бесспорным, хотя неполным, исследованием, нацисты убили 43 еврея к концу июня 1933 г.¹⁰¹

Эти инциденты не прошли незамеченными за границей. Корреспонденты иностранных газет в Берлине писали о евреях, лица которых заливала кровь, лежавших на улицах Берлина, избитых до бессознательного состояния. Критические репортажи стали появляться в британской, французской и американской прессе¹⁰². 26 марта глава министерства иностранных дел, консерватор фон Нойрат сказал американскому журналисту Луису П. Лохнеру, что эта «пропаганда жестокости», которую тот описывал как отражение бельгийских мифов о зверствах, совершавшихся немецкими войсками в 1914 г., скорее всего, была частью срежиссированной кампании дезинформации по отношению к немецкому правительству. Революции всегда сопровождали «некоторые перегибы». В отличие от Нойрата сам Гитлер открыто называл эти истории «еврейской клеветой о жестокости». На совещании с Геббельсом, Гиммлером и Штрейхером в Берхтесгадене в тот же день Гитлер решил принять ряд мер с целью перевести антисемитский порыв из спонтанных проявлений на рельсы плановых мероприятий. 28 марта он издал приказ для партийных отделений всех уровней подготовить бойкот еврейских магазинов и предприятий, который должен был состояться 1 апреля. Это решение было одобрено правительством на следующий день¹⁰³. Этот бойкот совсем не был скорым, спонтанным ответом на «пропаганду о жестокости» за границей, его долго обсуждали в нацистских кругах, особенно

те, кто был враждебнее всех настроен к «еврейскому» большому бизнесу типа универсальных магазинов и финансовых домов. Не в первый и не в последний раз лидеры нацистов предположили единство интересов, даже заговорщическую связь между евреями в Европе и Америке, которой просто не существовало. Евреям было необходимо показать, писал Геббельс в опубликованной версии своего дневника, «что мы не остановимся ни перед чем»¹⁰⁴.

Ложность таких убеждений была продемонстрирована, когда Центральная ассоциация немецких граждан еврейской веры направила телеграмму в Американский еврейский комитет в Нью-Йорке с просьбой прекратить «представлять сообщения, враждебные Германии», на которое был получен резкий отказ, несмотря на разные мнения в американском еврейском сообществе. За митингами протеста в ряде американских городов 27 марта последовала кампания бойкотирования немецких товаров, которая с каждым месяцем приобретала все больше сторонников после 1 апреля¹⁰⁵. Это только укрепило Геббельса в мысли, что бойкот следовало провести «с максимальной жесткостью». «Если иностранная клевета прекратится, то он будет остановлен, — добавил он, — в противном случае начнется война на смерть. Теперь немецкие евреи должны повлиять на своих товарищей по расе в мире, чтобы они остановились». Когда Геббельс ехал по Берлину 1 апреля, чтобы лично проверить, как ведется бойкот, он заявил, что более чем удовлетворен процессом: «Все еврейские магазины закрыты. У входов стоят караулы СА. Общественность заявила о своей солидарности. Поддерживается образцовая дисциплина. Впечатляющее зрелище!» Зрелище приобрело еще более драматический оттенок в результате массовой демонстрации «150 000 берлинских рабочих», выступивших днем против «иностранной клеветы», и последующего марша 100 000 членов гитлерюгенда вечером. «Это, — говорил Геббельс с удовлетворением, — неопишемое настроение кипящего гнева... Этот бойкот стал великой моральной победой для Германии». Он действительно настолько удался, что уже на следующий день Геббельс мог с триумфом писать: «Зарубежные страны постепенно приходят в чувство»¹⁰⁶.

Однако немцы, читавшие сообщение Геббельса, опубликованное несколько месяцев спустя, знали, что события 1 апреля в нем выставлялись в оптимистическом свете с точки зрения нацистов. Штурмовики развернули активную деятельность, развешивая повсюду кричащие плакаты с призывами: «Не покупайте ничего в еврейских магазинах и универмагах!» — приказывая не пользоваться услугами еврейских адвокатов и докторов, представляя следующую причину для этого: «Евреи клеветают на нас из-за рубежа». По улицам разъезжали полные штурмовиков грузовики с похожими плакатами, отделения СА и стальных шлемов угрожающе стояли у дверей еврейских лавок, требуя удостоверения личности от любых покупателей, заходящих внутрь. Многие нееврейские магазины развешивали плакаты с уведомлением о том, что они являются «признанными немецко-христианскими компаниями», просто чтобы избежать недоразумений. А в том, что касалось штурмовиков, нацистское руководство подчеркивало важную деталь: эти действия против евреев должны были координироваться централизованно и штурмовики не должны были организовывать отдельные акции насилия. Коричневые рубашки, осуществлявшие бойкот 1 апреля, в самом деле в основном избегали серьезных нарушений спокойствия и ограничивались угрозами и запугиванием. Кроме того, сами магазины не понесли особого физического ущерба в тот день, хотя во многих местах коричневые рубашки рисовали лозунги на магазинных окнах, а в некоторых случаях не могли удержаться и начинали бить стекла, мародерствовать, арестовывать возражавших или вытаскивать еврейских владельцев магазинов наружу, возить их за собой по улицам и избивать, до тех пор пока те не падали от изнеможения¹⁰⁷.

Рядом с бойкотируемыми магазинами собирались толпы зевак, желавших посмотреть на происходящее. Однако, что бы там ни писала нацистская пресса, эти люди не демонстрировали своей ненависти к евреям, хотя и оставались в основном пассивными и молчаливыми. В некоторых местах, в том числе в двух универсальных магазинах в Мюнхене, даже возникли небольшие контрдемонстрации граждан (некоторые из них носили партийные значки), которые пытались пройти мимо караулов штурмо-

виков к дверям. В Ганновере отчаянные покупатели пытались проникнуть в еврейские магазины силой. Однако в большинстве мест на это решались немногие. По крайней мере в этом отношении бойкот оказался успешен. С другой стороны, в некоторых небольших городах попытки осуществить бойкот полностью провалились. Повсюду большинство еврейских владельцев магазинов все равно закрывали свои двери, чтобы избежать неприятностей. Предупрежденные о бойкоте заранее, многие люди бросились покупать товары в еврейские магазины за день раньше, к большому раздражению нацистской прессы. За день до бойкота в одном из кинотеатров был подслушан спор некоего молодого солдата и его подруги, которые решали, что им следует делать. «На самом деле не нужно закупаться у евреев», — говорил молодой человек. «Но у них все так дешево», — отвечала она. «Значит, это бедный магазин, который долго не протянет», — был его ответ. «Нет, правда, — возражала она, — он в полном порядке, нормально работает, так же как и христианские магазины, только продается там все намного дешевле»¹⁰⁸.

Бойкот затронул только небольшие магазины и компании. Самые крупные еврейские фирмы, принимавшие на себя основную тяжесть словесных атак нацистов в течение многих лет, не попали под него из-за своей важности для национальной экономики и потому что они были крупными работодателями, которым пришлось бы начать увольнение рабочих, если бы бойкот нанес действительно серьезный удар по их экономическому положению. Одна только сеть универсальных магазинов Тица предоставляла рабочие места 14 000 человек. Нацистская организация служащих в огромной издательской фирме Ульштейна отмечала, что, хотя компания не попала под бойкот, запрет многих ее публикаций привел к увольнению множества «хороших товарищей», что иллюстрировало экономическую опасность политики режима¹⁰⁹. Все это делало бойкот намного менее внушительным, чем утверждал Геббельс. Общее отсутствие публичной оппозиции этим действиям было удивительным, но таким же было и отсутствие общественного энтузиазма по отношению к бойкоту. Такая ситуация повторялась не один раз в последующие годы, когда правительство предпринимало те

или иные антисемитские меры. Осознавая проблемные последствия, которые бойкот имел как для экономики, так и для репутации режима за рубежом, и втайне признавая, что он не был особенно удачным, Гитлер вместе с партийным руководством осторожно отказались от идеи продолжить его в национальном масштабе, несмотря на то что американские газеты продолжали печатать «истории о жестокости» нацистов против евреев в последующие недели и месяцы. Однако идея бойкота пустила корни в нацистском движении. В следующие месяцы многие местные газеты регулярно призывали своих читателей не посещать еврейские магазины, а партийные активисты во многих областях часто устанавливали «караулы» рядом с еврейскими зданиями и организовывали кампании по рассылке писем с упреками и предостережениями тем покупателям, которые отваживались ходить туда¹¹⁰.

V

Главной задачей бойкота было донести до рядовых нацистов идею о том, что антисемитская политика должна быть централизованной и проводиться, как писал Гитлер много лет назад, в «рациональном» ключе, а не в виде спонтанных погромов и актов насилия. Таким образом, бойкот подготовил почву для проведения нацистской политики по отношению к евреям на законном или квазизаконном основании в целях реализации положения программы партии о том, что евреи не могут быть полноценными гражданами Германии и поэтому, разумеется, не могут иметь всех гражданских прав. Через неделю после бойкота 7 апреля 1933 г. закон о восстановлении профессиональной гражданской службы приравнял евреев к коммунистам и другим политически ненадежным элементам, сделав их мишенью для увольнений. «Неарийские» гражданские служащие, определенные в дополнительном законе от 11 апреля как лица, у которых одна бабушка или один дедушка были «неарийцами и в особенности евреями», должны были быть уволены, если (по настоянию Гинденбурга) они не были ветеранами войны, или

не потеряли отца или сына в бою, или не служили в армии до Первой мировой войны. Представленный Вильгельмом Фриком, нацистским рейхсминистром внутренних дел, который уже предлагал схожий закон в свою бытность простым депутатом рейхстага в 1925 г., этот закон в характерном для нацистов стиле координировал действия, уже предпринимаемые на региональном и местном уровнях, где увольнения еврейских госслужащих велись в течение нескольких недель. Одновременно похожие положения были применены и к еврейским адвокатам, которые не работали в министерстве юстиции, и все вместе они образовали отдельный закон, принятый в тот же день. Декрет от 25 апреля «Против перегруженности немецких школ и университетов» значительно сократил приток квалифицированных немецких евреев в профессии, установив квоту в 5 % еврейских учеников для всех школ и университетов и 1,5 % для новых поступающих каждый год. Исключения означали, что многие евреи могли продолжать работать — например, 336 из 717 еврейских судей и государственных прокуроров, а также 3167 из 4585 еврейских адвокатов¹¹¹. Евреи из Восточной Европы, эмигрировавшие в Германию в годы Веймарской республики, потеряли свое гражданство по закону от 14 июля 1933 г., введение которого в свое время уже обсуждалось в правительстве Франца фон Папена в 1932 г. Этот набор различных мер означал конец гражданского равноправия евреев, которое существовало в Германии с 1871 г.¹¹²

Те евреи, которые продолжали работать, находились в атмосфере постоянного и нарастающего подозрения и враждебности. Эти декреты вызвали волну доносов, мотивированных личными и политическими причинами, и многие адвокаты, гражданские и государственные служащие были вынуждены начать проверять свою родословную и даже отправляться на медицинское освидетельствование в попытке определить свою расовую принадлежность. Министры и главы департаментов гражданских служб в подавляющем числе были категорически против присутствия евреев в своих организациях. Консерваторы вроде Герберта фон Бисмарка, статс-секретаря в Министерстве внутренних дел Пруссии, были горячими сторонниками антиеврейских мер, как

и их нацистские коллеги. Меры по ограничению гражданских прав евреев в конечном счете были частью партийной программы консерваторов, а потом и националистов с начала 1890-х гг. Гитлер внимательно относился к мнению таких людей о том, что антисемитская политика не должна заходить слишком далеко, например наложив вето на предложение от 7 апреля запретить практиковать еврейским врачам и попытавшимся гарантировать, чтобы чистки не имели негативных эффектов для бизнеса и экономики. Однако факт оставался фактом — в отношении политики исключения в то время националистические коллеги полностью поддерживали Гитлера¹¹³.

И куда направляло государство, следовали и другие институты. Главной целью всего процесса координации на всех уровнях было исключение евреев из недавно нацифицированных учреждений, начиная от Немецкой боксерской ассоциации, которая исключила еврейских боксеров 4 апреля 1933 г., и заканчивая Немецким гимнастическим союзом, который стал арийским 24 мая. Муниципалитеты начали запрещать евреям пользоваться общественными сооружениями, такими как, например, стадионы¹¹⁴. В небольшом северном городке Нортхайме, где в 1931 г. вообще не было занимавшихся частной практикой евреев, бойкот 1 апреля 1933 г. оказался бессмысленным, продолжался несколько часов и совершенно не повлиял на некоторые компании. Здесь, как и во многих других сообществах, местное еврейское население в целом принималось за своих, а нацистский антисемитизм рассматривался как абстрактная риторика без конкретного приложения к евреям, которых все хорошо знали. Теперь бойкот внезапно показал реальность ситуации во всех слоях общества. Доход местного еврейского врача в Нортхейме стал падать, когда пациенты начали оставлять его, а местные общественные организации, среди которых был не только стрелковый клуб, но и клуб ветеранов, стали исключать еврейских членов, часто за «непосещаемость», и местные евреи скоро стали неохотно участвовать в общественной жизни города, а многие вышли из состава подобных организаций до того, как их попросили уйти. На прежних социал-демократов, которые напоказ продолжали ходить в еврейские магазины, нашлись местные штурмовики, которые поку-

пали там товары в кредит и отказывались оплачивать свои счета. К концу лета 1933 г. в атмосфере постоянной антисемитской пропаганды политических лидеров рейха на всех уровнях, от газет до радио, евреи Нортхейма были полностью исключены из социальной жизни города. То, что произошло в Нортхейме, происходило в Германии повсюду¹¹⁵.

Некоторые евреи считали, что волна антисемитизма должна вскоре спасть, придумывали рациональные объяснения этому или из всех сил старались игнорировать ее. Однако многие находились в состоянии шока и отчаяния. Уровень политического насилия до 30 января 1933 г. был крайне высок, а то, что теперь оно было санкционировано правительством и откровенно направлено на немецких евреев, создавало ситуацию, совершенно новую для очень многих людей. В результате евреи начали эмигрировать из Германии, чего и добивались нацисты. Только в 1933 г. из страны уехало тридцать семь тысяч человек. Численность еврейского населения Германии упала с 525 000 в январе до менее чем 500 000 к концу июня, и это было только уменьшение количества граждан, которые были официально зарегистрированы как принадлежавшие к еврейской вере. В последующие годы страну покинуло еще больше евреев. Однако многие решили остаться, особенно люди старшего поколения¹¹⁶. Для них найти работу за рубежом было крайне сложно, если вообще возможно, особенно учитывая то, что большинство стран до сих пор испытывало тяжелые последствия депрессии. Они предпочли испытать свою судьбу в стране, которую всегда считали своим домом. Другие лелеяли надежду, что все образуется, когда нацистский режим утихомирится. Молодая энергия штурмовиков, разумеется, будет укрощена, а перегибы национал-социалистической революции вскоре исчезнут.

Одним еврейским гражданином, который не питал никаких иллюзий, был Виктор Клемперер. Он уже писал в своем дневнике о «правом терроре» до выборов 5 марта, когда тот был относительно невелик по сравнению с тем, что наступило потом. Он понял, что не может согласиться со своими друзьями, которые высказывались в поддержку националистов и одобряли запрет коммунистической партии. Клемперера угнетала их неспособность

осознать «истинную природу власти» в правительстве Гитлера. Довыборный террор, писал он в марте, был всего лишь «легкой прелюдией». Насилие и пропаганда напоминали ему о революции 1918 г., только в этот раз под знаменем со свастикой. Он уже прикидывал, сколько ему оставалось пробыть на своей должности в университете. Неделью спустя он писал: «Поражение 1918 г. печалит меня не так сильно, как текущая ситуация. Меня абсолютно шокирует, как день за днем открытое насилие, нарушение законности, самая чудовищная ложь и варварский склад мышления находят выражение в законах совершенно без всякой маскировки». Как он с отчаянием отмечал 30 марта, за два дня до бойкота, атмосфера была

как накануне погрома в глубинах Средних веков или в центре царистской России... Мы — заложники... «Мы» — напуганное сообщество евреев. На самом деле я чувствую больше стыда, чем страха. Мне стыдно за Германию. Я действительно всегда считал себя немцем. И я всегда представлял, что XX век в Центральной Европе отличается от XIV века в Румынии. Я ошибался!

Как и многие консервативно настроенные евреи, Клемперер, разделявший большинство убеждений националистов, кроме антисемитизма, в первую очередь настаивал на немецкой само-идентичности. Его лояльности предстояло пройти жестокую проверку в следующие месяцы и годы.

Как он писал 20 марта 1933 г., правительство Гитлера не собиралось спасать Германию, оно, скорее, быстро вело ее к катастрофе. «Помимо этого, — добавлял он, — я считаю, что оно никогда не сможет смыть тот позор, которым себя покрыло». Он писал об увольнении его еврейских друзей и знакомых, происходивших одно за другим. Он чувствовал себя виноватым, когда закон от 7 апреля позволил ему сохранить свою работу, потому что он сражался на фронте в 1914–18 гг. Эгоизм, беспомощность и трусость людей вводили его в отчаяние еще больше, чем открытый антисемитизм и оскорбительные антиеврейские плакаты студентов в его университете. Его жена была больна и страдала от нервных расстройств, он беспокоился о своем

сердце. Продолжать его заставляла необходимость покупки и подготовки участка земли в Дёльтчене, на окраине Дрездена, где он собирался построить новый дом для себя и своей жены, чтобы заниматься академическими исследованиями. Это и неискоренимое человеческое сострадание, и интеллектуальное любопытство. В июне он уже начал составлять свой личный словарь нацистской терминологии. Первой записью от 30 июня 1933 г. стало «предварительное заключение»¹¹⁷.

«Революция разрушения»?

I

Атака нацистов на евреев в первые месяцы 1933 г. стала первым шагом в длительном процессе их устранения из жизни немецкого общества. К лету 1933 г. этот процесс уже набрал полные обороты. Он был ядром гитлеровской культурной революции, ключом, по мнению нацистов, к более широкой культурной трансформации Германии, которая должна была очистить немецкий дух от «чуждых» влияний, какими были коммунизм, марксизм, социализм, либерализм, пацифизм, консерватизм, художественные эксперименты, сексуальная свобода и многие другие. Все эти проявления нацисты относили на счет пагубного влияния евреев, несмотря на массовые свидетельства обратного. Поэтому исключение евреев из таких сфер, как экономика, СМИ, государственная служба и профессиональная деятельность, стало важной частью процесса восстановления и очищения немецкой расы и подготовки ее к отмщению тем, кто унизил ее в 1918 г. Когда Гитлер с Геббельсом обсуждали «национал-социалистическую революцию» этим летом, в первую очередь они имели в виду культурную и духовную революцию, которая безжалостно уничтожила все «антигерманское».

Вместе с тем необычайная скорость, с которой произошла эта трансформация, позволяла предположить серьезные связи с недавним прошлым. Между 30 января и 14 июля 1933 г. нацисты в конце концов смогли использовать канцлерство Гитлера в коалиционном правительстве, контролировавшемся ненацистскими консерваторами, для создания однопартийного государства, в котором даже консерваторы больше не имели отдельного представительства. Они провели координацию всех социальных институтов кроме церквей и армии в обширную и только начинающую развиваться структуру, подчиненную им самим. Они провели масштабнейшие чистки в культуре и искусстве, уни-

верситетах и образовательной системе и практически во всех других сферах немецкого общества, исключив оттуда всех своих оппонентов. Они начали кампанию по вытеснению евреев на задворки общества или принудили их эмигрировать. И они начали издавать законы и принимать меры, которые определили судьбу Германии и ее народа на многие годы вперед. Некоторые думали, что коалиция, образованная 30 января 1933 г., распадется в течение нескольких месяцев, как и другие коалиции до нее. Другие списывали нацистов со счетов как временный феномен, полагая, что они должны были скоро исчезнуть со сцены мировой истории вместе с капиталистической системой, которая привела их к власти. Все они оказались неправы. Третий рейх пришел к власти летом 1933 г. и, совершенно очевидно, не собирался исчезать. Как тогда возникла эта революция? Почему нацисты не встретили сколько-нибудь эффективного сопротивления в своем захвате власти?

Приход Третьего рейха по большому счету происходил в два этапа. Первый закончился с назначением Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 г. Это не был «захват власти». И даже сами нацисты не использовали этот термин для описания этого назначения, потому что он отдавал незаконным путем. На данном этапе они еще соблюдали осторожность и говорили о «получении власти», а коалицию называли «правительством национального возрождения» или, в более общем смысле, «правительством национального восстания», в зависимости от того, что они хотели подчеркнуть: легитимность назначения правительства президентом или легитимность в плане поддержки со стороны нации¹¹⁸. Нацисты знали, что назначение Гитлера было началом процесса захвата власти, а не концом. Тем не менее, если бы это не произошло, нацистская партия вполне могла продолжить терять свою силу, потому что экономика постепенно восстанавливалась. Если бы Шляйхер был более политически компетентен, он бы мог установить полувоенный режим, правящий на основе чрезвычайных полномочий, предоставляемых президентом Гинденбургом, а когда Гинденбург, который заканчивал девятый десяток, наконец бы умер, Шляйхер мог бы править по своему разумению, например несколько изменив конституцию, сохранив в ней определенные

права для рейхстага. Ко второй половине 1932 г. военный режим любого типа был единственной жизнеспособной альтернативой нацистской диктатуре. Переход от парламентской демократии к авторитарному правлению без полного и равного участия партий начался уже при Брюнинге. Он активно и сознательно ускорился Папеном. После Папена пути назад не было. В Германии был создан вакуум власти, заполнить который рейхстаг и партии не имели никаких шансов. Политическая власть перетекла от законных органов, определенных конституцией, на улицы, с одной стороны, и к небольшой группе политиков и генералов вокруг президента Гинденбурга, с другой, образовав вакуум на огромном пространстве, где в нормальной ситуации существует демократическая политика. Гитлера поставила на пост клика президента, однако они бы не сочли это необходимым без жестокости и беспорядков, вызванных деятельностью нацистов и коммунистов на улицах¹¹⁹.

В такой ситуации успех могла иметь только сила. Только два института обладали ею в достаточной мере. Только два института могли управлять ею, не вызывая еще более яростную ответную реакцию со стороны масс населения: армия и нацистское движение. Военная диктатура, скорее всего, уничтожила бы многие гражданские свободы после 1933 г., начала бы программу перевооружения, денонсировала Версальский мирный договор, аннексировала Австрию и вторглась в Польшу, чтобы вернуть Данциг и Польский коридор, который отделял Восточную Пруссию от остальной Германии. Она также могла использовать возрождение силы Германии, чтобы проводить дальнейшую международную агрессию, которая привела бы к войне с Британией и Францией, с Советским Союзом или с обеими этими силами. Она бы наверняка ввела жестокие ограничения для евреев. Однако крайне маловероятно, чтобы военная диктатура в Германии могла бы запустить ту программу геноцида, которая в своей кульминации вылилась бы в газовые камеры Освенцима и Трешлинка¹²⁰.

Как многие опасались, военный путч мог привести к яростному сопротивлению со стороны нацистов и коммунистов. Восстановление порядка могло привести к массовому кровопролитию и, возможно, к гражданской войне. Армия стремилась избе-

жать этого так же, как и нацисты. Обе стороны понимали, что их шансы на успех, если бы они попытались захватить власть в одиночку, были сомнительными, если не сказать меньше. Поэтому вариант сотрудничества оказывался практически неизбежным, и единственным вопросом было то, какую форму примет такое сотрудничество. Во всей Европе консервативные элиты, армии, радикальные, фашистские и популистские движения сталкивались с такой же дилеммой. Она решалась разными способами. В некоторых странах, как в Испании, преимущество получали военные, а в других, как в Италии, — фашисты. Во многих странах в 1920—1930-е гг. демократии заменялись диктатурами. То, что произошло в Германии в 1933 г., не казалось чем-то исключительным в свете уже происходящих событий в таких странах, как Италия, Польша, Латвия, Эстония, Литва, Венгрия, Румыния, Болгария, Португалия, Югославия, и в несколько другом ключе в Советском Союзе. Вскоре демократия должна была быть уничтожена и в других странах, таких как Австрия и Испания. В этих странах политическое насилие, массовые беспорядки и убийства были обычным делом в разные периоды после конца Первой мировой войны. Например, в Австрии серьезные беспорядки в Вене завершились сожжением Дворца правосудия в 1927 г., в Югославии македонские отряды убийц наводили опустошение в политическом мире, в Польше жестокая война с зарождающимся Советским Союзом подорвала политическую систему и экономику и открыла путь для военной диктатуры генерала Пилсудского. И так же повсеместно авторитарные правые разделяли большинство, если не все антисемитские убеждения и теории заговора, которые питали идеологию нацистов. Венгерское правительство адмирала Миклоша Хорти мало уступало немецким правым радикалам в своей ненависти к евреям, подпитываемой воспоминанием о недолговременном правлении революционного режима под началом еврейского коммуниста Белы Куна в 1919 г. Польский военный режим в 1930 г. наложил жесткие ограничения на большое еврейское сообщество в стране. Если рассматривать Европу в контексте того времени, ни политическое насилие 1920-х — начала 1930-х гг., ни крах парламентской демократии, ни уничтожение гражданских свобод не показались

бы чем-то особенно необычным бесстрастному наблюдателю. И точно так же все, что случилось впоследствии в истории Третьего рейха, не было неизбежным после назначения Гитлера канцлером. Как и раньше, здесь свою роль сыграли случай и непредвиденные обстоятельства¹²¹.

Тем не менее последствия событий 30 января 1933 г. в Германии были намного более серьезными, чем последствия краха демократий в остальной Европе. Положения о безопасности Версальского мирного договора никак не повлияли на тот факт, что Германия до сих пор оставалась самой могущественной, развитой и многонаселенной европейской страной. Националистические мечты о территориальном расширении и захвате были характерны и для других авторитарных режимов, как например в Польше и Венгрии. Однако, если приглядеться, в их случае подобные намерения имели всего лишь региональный масштаб. То, что происходило в Германии, должно было оказать намного более серьезное влияние, чем события в небольших странах вроде Австрии или на бедных территориях вроде Польши. Немецкие события, учитывая размер и могущество Германии, могли оказать влияние на весь мир. Именно поэтому события первых шести с половиной месяцев 1933 г. были настолько важны.

Как и почему они произошли? Во-первых, никто не думал, что все так обернется, когда Гитлера назначали на пост рейхсканцлера. Нацисты, конечно, никогда не получали большинства на свободных выборах: 37,4 % — это самый лучший показатель, которого им удалось добиться на выборах в рейхстаг в июле 1932 г. Тем не менее это был серьезный результат по любым демократическим стандартам, выше, чем результат многих демократически избранных правительств в других странах после этого. Основные причины успеха нацистов кроются в исторической слабости немецкого либерализма, в горьком возмущении большинства немцев поражением в войне и жесткими условиями Версальского мирного договора, в страхе и потере ориентации, вызванных у множества немцев среднего класса социальным и культурным модернизмом периода Веймара, в гиперинфляции 1923 г., наконец, в том, что немецкая политическая система не смогла создать жизнеспособную национальную консервативную партию,

которая бы объединила католиков и протестантов справа. Недостаток легитимности Веймарской республики, которая в течение большого срока своего существования не имела поддержки большинства депутатов рейхстага, усиливал эти факторы и вызывал ностальгию по старому рейху и авторитарному руководству таких людей, как Бисмарк. Миф о «духе 1914 года» и «фронтовом поколении», особенно сильный среди тех, кто был слишком молод, чтобы сражаться на войне, подогревал острое желание возродить национальное единство и усиливал раздражение по поводу многочисленности партий и бесконечных компромиссов в политических переговорах. Наследие войны также породило политическое насилие, масштабное и разрушительное, и вместе с тем позволило убедить многих неагрессивных и уважаемых людей терпеть его в такой степени, которая была бы невообразима в нормально функционирующей парламентской демократии.

Однако необходимо отметить несколько ключевых факторов, выбивающихся из ряда остальных. Во-первых, это влияние депрессии, которая привела к радикализации электората, уничтожила или сильно подорвала более умеренные партии и поляризовала политическую систему между марксистскими партиями и буржуазными группами, которые быстро обращались к крайне правым взглядам. Постоянно растущая угроза коммунизма вселяла страх в сердца буржуазных избирателей и помогла повернуть политический католицизм к авторитарной политике и в сторону от демократии так же, как это произошло и в других странах Европы. Банкротства компаний и финансовые катаклизмы помогли убедить многих промышленных гигантов и сельскохозяйственных лидеров в том, что власть профсоюзов необходимо было значительно ограничить или даже устранить совсем. Политические эффекты депрессии крайне обострили проблемы предыдущей катастрофической гиперинфляции, и людям стало казаться, что республика не может создать ничего, кроме экономических проблем. Даже без депрессии первая немецкая демократия казалась обреченной, но начало одного из самых жестоких мировых экономических кризисов в истории отбросило ее за точку возвращения. Более того, массовая безработица подорвала когда-то сильное рабочее движение в Германии, которое было

гарантом демократии еще в 1920 г., когда оно смогло победить правый Капповский путч, несмотря на терпимость к восставшим со стороны армии. Раздробленное и деморализованное, лишенное своего главного оружия, массовой политической забастовки, рабочее движение Германии оказалось в ловушке между беспомощной поддержкой авторитарного режима Генриха Брюнинга, одной стороны, и саморазрушительной враждебностью к «буржуазной демократии» — с другой.

Вторым основным фактором было само нацистское движение. Его идеи действительно находили широкую поддержку у электората или, по крайней мере, не были такими вопиющими, чтобы немедленно их отместить. Его динамизм обещал радикальное излечение болезней республики. Его лидер Адольф Гитлер был харизматичной фигурой, который был способен завоевать массовую поддержку избирателей благодаря страстности своих обличений ненавистной Республики и в конечном счете преобразовать ее в политический капитал, делая правильные ходы в нужное время. Отказ Гитлера войти в состав коалиционного правительства в любом качестве, кроме рейхсканцлера, отказ, который был крайне болезненно воспринят некоторыми его подчиненными вроде Грегора Штрассера, в конечном счете оказался верным. Будучи помощником непопулярного Папена или столь же нелюбимого Шлейхера, он бы серьезно подорвал свою репутацию и потерял значительную часть своей харизмы Вождя. Нацистская партия была партией протеста, без особенно эффективной программы и с малым числом практических решений проблем Германии. Но ее экстремистская идеология, которая адаптировалась, а иногда и отходила в сторону в соответствии с обстоятельствами, а также природа конкретной группы людей, на поддержку которых она опиралась, хорошо переплетались со многими существовавшими популярными немецкими убеждениями и предрассудками, и поэтому многим казались стоящей силой, за которую нужно голосовать на выборах. Для таких людей отчаянные времена требовали отчаянных действий. Многим другим, особенно представителям среднего класса, вульгарность и необразованность нацистов казалась надежной гарантией того, что партнеры Гитлера по коалиции, образованные и уважаемого

происхождения, смогут держать его в узде и ограничивать уличное насилие, которое рассматривалось как крайне огорчительное, но, без сомнения, временное явление, как аккомпанемент к восхождению партии к власти.

Значительное сходство между идеологией нацистов и консерваторов, а в существенной степени и между идеологией немецких либералов стало третьим важнейшим фактором возведения Гитлера на пост рейхсканцлера 20 января 1933 г. Идеи, бытовавшие среди практически всех немецких политических партий правее социал-демократов в начале 1930-х, в большой степени совпадали с идеями нацистов. Эти идеи действительно походили на нацистские, что побудило изрядную долю сторонников либеральных и консервативных партий среди протестантского электората перейти к нацистам, по крайней мере временно, потому что те казались более перспективной альтернативой. В это время католические избиратели и их представители, центристская партия, ни в коей мере не были сколько-нибудь более привержены демократии. Более того, к нацизму обратилось даже существенное число католиков и рабочих или, по крайней мере, тех, кто по каким-либо причинам не был так же тесно связан со своей культурно-политической средой, как их коллеги. Только сыграв на существовавших, часто дававших глубокие корни, социальных и политических ценностях, нацисты смогли так быстро стать самой крупной партией в Германии. В то же время, однако, нацистская пропаганда, несмотря на всю свою энергию и изощренность, не смогла завоевать поддержку людей, которые по своим убеждениям не были склонны голосовать за Гитлера. Хроническое недофинансирование и поэтому невозможность развернуть полный спектр мероприятий, отсутствие доступа к радио до 1933 г., а также зависимость от добровольного участия часто хаотических и неорганизованных местных групп активистов делали агрессивную в 1930–32 гг. геббельсовскую пропаганду только одним из ряда факторов, которые заставляли людей голосовать на выборах за нацистов. Зачастую, как на сельскохозяйственном протестантском севере, люди отдавали им свои голоса несмотря на то, что нацистская пропагандистская машина до них вообще не добралась. Голоса за нацистов в первую очередь были

голосами протеста, а после 1928 г. Гитлер, Геббельс и руководство партии неявно это признали, выведя большую часть своих конкретных политических предложений из центра внимания и сконцентрировавшись на расплывчатых, эмоциональных призывах, в которых подчеркивалась лишь молодость и динамизм партии, ее решимость уничтожить Веймарскую республику, коммунистическую партию и социал-демократов, а также ее убежденность, что возрождение Германии возможно только при объединении всех социальных слоев. Антисемитизм, такой яркий в нацистской пропаганде в 1920-е гг., отошел на второй план и не оказал особого влияния на завоевание нацистами поддержки на выборах начала 1930-х гг. Гораздо более важным был образ партии, вынесенный на улицы, где марширующие колонны штурмовиков только усиливали общее представление о дисциплинированности и решимости, которые хотел подчеркнуть Геббельс¹²².

Таким образом, нацистская пропаганда в основном помогла завоевать поддержку тех людей, которые уже были склонны разделять ценности, представляемые партией, и которые просто считали нацистов более эффективной и энергичной машиной, чем буржуазные партии. Многие историки утверждали, что эти ценности были в основном доиндустриальными, или несовременными. Однако такое утверждение основывается на примитивном отождествлении демократии и современности. Избиратели, пришедшие на участки, чтобы поддержать Гитлера, штурмовики, которые тратили нерабочее время на стычки с коммунистами, социал-демократами и евреями, партийные активисты, проводившие свое свободное время на съездах и демонстрациях, — никто из них не жертвовал собой, чтобы восстановить прошлое. Напротив, они вдохновлялись расплывчатой, но вместе с тем захватывающей картиной будущего — будущего, в котором прекратятся классовые антагонизмы и склоки политических партий, исчезнут аристократические привилегии, представленные ненавистной фигурой Папена, технологии, средства связи и все со-временные изобретения будут использоваться во благо народа, а возрождающаяся нация будет представляться не традиционным наследственным монархом или укоренившейся социальной элитой, но харизматическим лидером, который появился из

ниоткуда, служил младшим капралом в Первую мировую войну и постоянно подчеркивал свою близость к народу. Нацисты объявили, что они сорвут иностранные и чужеродные декорации со здания немецкой политики, избавив страну от коммунизма, марксизма, «еврейского» либерализма, культурного большевизма, феминизма, сексуального распутства, космополитства, экономических и политических оков, наложенных Британией и Францией в 1919 г., «западной» демократии и многого другого. Они оставят истинную Германию. Это была не какая-либо особая историческая форма Германии, конкретного времени или устройства, а мифическая Германия, которая бы очистила свой извечный расовый дух от чуждых примесей, заполнивших его при Веймарской республике. Такое представление не подразумевало взгляд только назад или вперед, это было движение в обе стороны.

Консерваторы, которые помогли Гитлеру прийти во власть, разделяли большую часть этих идей. Они с ностальгией вспоминали прошлое и желали возрождения монархии Гогенцоллернов и Бисмарковского рейха. Однако все это должно было возродиться в форме, избавленной от того, что они считали неблагоприятными уступками, сделанными демократии. В их представлении о будущем каждый должен был знать свое место, а рабочие классы в особенности должны были находиться там, где было их место, вне политического процесса принятия решений. Однако такое представление нельзя рассматривать как доиндустриальное, или несовременное. Оно в большой мере разделялось многими крупными промышленниками, которые столько сделали для подрыва Веймарской демократии, и многими современными технократическими военными офицерами, которые желали начать современную войну с использованием вооружений, запрещенных Версальским мирным договором. Подобно другим людям в другое время и в других местах, консерваторы, так же как и Гитлер, манипулировали и изменяли прошлое в своих текущих интересах. И эти интересы нельзя свести к устремлениям «доиндустриальных» социальных групп. Многие из них, от капиталистических юнкеров-землевладельцев, ищущих новые рынки, до мелких торговцев и чиновников, у которых до индустриализации просто не было средств к существованию, были настолько

же современными, насколько и традиционными¹²³. Именно эти сходства взглядов убедили таких людей, как Папен, Шляйхер и Гинденбург, в том, что имеет смысл узаконить свое правление за счет привлечения массового нацистского движения к участию в коалиционном правительстве, задачей которого было создание авторитарного государства на руинах Веймарской республики.

Смерть демократии в Германии стала фрагментом гораздо более общей европейской закономерности в годы между войнами, но она также имела и весьма специфические корни в немецкой истории и основывалась на идеях, бывших частью очень специфической немецкой традиции. Немецкий национализм, пангерманское представление о победе через завершение незавершенной работы Бисмарка по объединению всех немцев в одном государстве, убежденность в превосходстве арийской расы и в угрозе со стороны евреев, вера в евгеническое планирование и расовую гигиену, милитаристский идеал общества, одетого в униформу, военизированного, послушного и готового к бою, — все это и многое другое, реализовавшееся в 1933 г., основывалось на идеях, которые витали в Германии с последней четверти XIX века. Некоторые из этих идей в свою очередь имели корни и в других странах или разделялись выдающимися мыслителями — расизм Гобино, антиклерикализм Шёнерера, языческие фантазии Ланца фон Либенфельса, распространенные псевдонаучные идеи учеников Дарвина о формировании популяции и многое-многое другое. Но в Германии все вместе они образовали уникальный ядовитый коктейль, укрепившись за счет выдающегося положения Германии в качестве самой развитой и могущественной страны на европейском континенте. В годы после назначения Гитлера рейхсканцлером другие страны Европы и мира узнали, насколько ядовитой может быть такая смесь.

II

Несмотря на весь этот избирательный успех, никогда не возникало каких-либо сомнений в том, что Гитлер получил этот пост в результате закулисных политических интриг. «Немцы»

не избирали Гитлера рейхсканцлером. И они не давали своего свободного и демократического одобрения для создания им однопартийного государства. Вместе с тем некоторые утверждали, что Веймарская республика уничтожила себя сама, а не была уничтожена своими врагами: это был случай политического самоубийства, а не политической ликвидации¹²⁴. В слабости общественного строя республики на вершине кризиса 1930–33 гг. сомнений быть не могло. Фатальное отсутствие легитимности республики заставляло людей активно искать другие политические решения проблем Германии. Однако эти проблемы не были собственным творением республики. Для всего процесса крайне важным было то, как враги демократии использовали демократическую конституцию и демократическую политическую культуру в своих собственных целях. Йозеф Геббельс был весьма откровенен по этому поводу в своем публичном саркастическом выступлении:

Глупость демократии. Одной из лучших шуток демократии всегда останется то, что она предоставила своим смертельным врагам средства для своего же уничтожения. Преследовавшиеся лидеры НСДАП стали депутатами парламента и таким образом получили парламентскую неприкосновенность, жалованье и бесплатные проездные билеты. Они попали под защиту от полицейского вмешательства, смогли позволить себе говорить больше, чем обычные граждане, и помимо этого их деятельность оплачивалась их врагом. При правильном подходе можно заработать отличный капитал на демократической тупости. Члены НСДАП поняли это сразу и воспользовались к своему огромному удовольствию¹²⁵.

Нет сомнений в крайнем презрении к демократическим институтам со стороны нацистов. Но это заложено в самой природе демократических институтов, что они подразумевают по крайней мере минимальную готовность подчиняться правилам демократической политики. Демократии под угрозой уничтожения сталкиваются с неразрешимой дилеммой: либо смириться с этой угрозой и настоять на сохранении демократических правил, либо нарушить свои принципы, ограничив

демократические права. Нацисты знали это и пользовались такой ситуацией на втором этапе прихода Третьего рейха с февраля по июль 1933 г.

Начиная с провала своего пивного путча в ноябре 1923 г. Гитлер всегда заявлял, что собирается прийти к власти законным способом. Он в самом деле даже поклялся в этом на суде. После 1923 г. он понимал, что жестокий переворот наподобие Октябрьской революции в России в 1917 г. или даже планировавшийся «марш на Рим», который вознес Муссолини на должность премьер-министра в Италии в 1922 г., не сработает. Поэтому Гитлер со своими помощниками постоянно искали законное прикрытие для своих действий. Они всегда избегали давать своим оппонентам возможность бороться в суде, чем пользовались социал-демократы в своей борьбе с прусским переворотом Папена в июле 1932 г. Социал-демократы использовали это с некоторым судебным успехом, хотя с политической точки зрения эти действия оказались совершенно бесполезными. Стремление избежать подобной борьбы было, например, причиной, по которой Гитлер уделял столько внимания декрету о пожаре рейхстага и акту о чрезвычайных полномочиях. Именно поэтому Геринг использовал коричневых рубашек и СС в качестве вспомогательной полиции в Пруссии вместо того, чтобы просто позволить им бесчинствовать на улицах, не пытаясь создать какое-либо законодательное прикрытие для своих действий. Именно поэтому руководство нацистов настаивало на реализации своего политического курса в виде законов, одобренных рейхстагом или санкционированных президентскими декретами. И стратегия «легитимной революции» сработала. Постоянные заверения Гитлера, что он будет действовать в соответствии с законом, помогли убедить его партнеров по коалиции, как и его оппонентов, в том, что с нацистами можно иметь дело в законодательной плоскости. Законодательное прикрытие для действий нацистов позволяло гражданским служащим требовать принятия определенных законов и декретов, даже когда, как в случае с Актом о гражданской службе от 7 апреля 1933 г., они попирали сами принципы нейтралитета, на которых основывалась гражданская служба, требуя увольне-

ния евреев и политически ненадежных чиновников с их постов. Гражданским и государственным служащим и многим другим меры, которые позволили нацистам захватить власть в период с конца января по конец июля 1933 г., казались неодолимыми, потому что нацисты действовали при полной законодательной поддержке.

Хотя это было и не так. В каждый момент нацисты нарушали закон. В первую очередь их действия противоречили духу принятых законов. В частности, никогда не предполагалось, что статья 48 Веймарской конституции, которая давала президенту право управлять на основе чрезвычайных полномочий во время кризиса, станет чем-то большим, нежели просто промежуточной мерой. А нацисты сделали ее фундаментом для объявления постоянного чрезвычайного положения, которое было скорее фиктивным, чем настоящим, и чисто технически продолжалось вплоть до 1945 г. Также статья 48 не предназначалась для введения таких далеко идущих мер, как принятые 28 февраля 1933 г. Действительно, оказалось крайне неудачным то, что президент Эберт так свободно и широко использовал статью 48 раньше в истории республики, и было вдвойне плохо, что рейхсканцлеры Брюнинг, Папен и Шляйхер так сильно полагались на нее в ситуации кризиса начала 1930-х. Но даже это бледнело перед серьезнейшими ограничениями гражданских свобод, принятыми 28 февраля. Также не предполагалось, что канцлер будет использовать декреты, просто проставляя печать президента. Гитлер в своих переговорах с Гинденбургом в январе 1933 г. уверил того, что это необходимо¹²⁶. Акт о чрезвычайных полномочиях был еще более явным нарушением духа конституции, как и последовавшее упразднение свободных выборов. Вместе с тем неизбежность этого вряд ли была секретом, поскольку лидеры нацистов во время избирательной кампании четко объявили, что выборы 5 марта станут последними на много лет вперед.

Нацисты не просто нарушили дух Веймарской конституции, они также попрали ее в техническом юридическом смысле. Декрет от 6 февраля, который давал Герингу контроль над Пруссией, явно нарушал решения государственного суда по

делу против Папена со стороны отправленного в отставку социал-демократического правительства большинства в Пруссии. Акт о чрезвычайных полномочиях не имел юридической силы, потому что Геринг в роли председателя рейхстага не учитывал голоса избранных депутатов-коммунистов. И хотя их мнение было не обязательным для получения большинства в две трети голосов, отказ признавать их существование был незаконным. Более того, ратификация акта верхней палатой парламента, представлявшей федеральные земли, была незаконна, поскольку правительства земель были смещены силой и поэтому не были правильно образованы или представлены¹²⁷. Это были не просто технические формальности. Однако все это было подавлено массовой, продолжительной и абсолютно незаконной кампанией насилия, творимой нацистскими штурмовиками на улицах, которая началась уже в середине февраля, перешла на совершенно новый уровень после пожара рейхстага и охватила всю страну в марте, апреле, мае и июне. То, что многие боевики имели статус вспомогательной полиции, ни в коей мере не узаконивало совершаемые ими действия. В конечном счете полицейская форма не дает права на совершение убийств, грабежи офисов, конфискацию средств или аресты людей, их избиения, пытки, заключение в наскоро сооруженные концентрационные лагеря без суда и следствия¹²⁸.

Немецкие судебные власти на самом деле были полностью в курсе незаконной природы нацистского насилия даже после захвата власти. Имперское министерство юстиции предпринимало активные усилия, чтобы массовые аресты первой половины 1933 г. проводились в соответствии с законом, однако его вмешательство просто игнорировалось. В течение 1933 г. были случаи, когда государственная прокуратура выдвигала обвинения против коричневых рубашек и членов СС, которые совершили акты насилия и убийства своих оппонентов. В августе 1933 г. было организовано особое отделение прокуратуры для координации таких усилий. В декабре 1933 г. прокурор Баварии попытался провести расследование запытаных до смерти заключенных концентрационного лагеря Дахау, а когда получил категорический отказ, министр юстиции Баварии объявил

о своей решимости расследовать это дело со всей тщательностью. Рейхсминистр внутренних дел в январе 1934 г. жаловался, что предварительное заключение во многих случаях используется в неподобающих целях. Только в апреле 1934 г. был принят ряд нормативных актов, четко определявших, кто мог арестовывать людей и помещать их в «предварительное заключение» и что можно было с ними делать после этого. В тот же год государственный прокурор выдвинул обвинения против двадцати трех штурмовиков и чиновников политической полиции концентрационного лагеря Хонштайн в Саксонии, включая коменданта лагеря, в пытках заключенных, которые, как подчеркивал рейхсминистр юстиции Гюртнер, «раскрывали зверства и жестокость преступников, которые являются совершенно чуждыми немецкому духу и чувствам»¹²⁹.

Многие из тех, кто пытался расследовать акты пыток и жестокости, совершенные нацистскими штурмовиками, сами были на жалованье у нацистов. Баварский министр юстиции, который пытался организовать судебное преследование за пытки в лагере Дахау в 1933 г., например, был не кем иным, как Хансом Франком, который позже во время Второй мировой войны заработал репутацию жестокого генерал-губернатора Польши. Из этих судебных инициатив ничего не вышло, они все подрывались вмешательством сверху, Гиммлером или непосредственно самим Гитлером¹³⁰. Амнистия за преступления, совершенные в ходе «национального восстания», была принята уже 21 марта 1933 г. и аннулировала более 7000 уголовных дел¹³¹. Все, и в первую очередь нацисты, в 1933–34 гг. прекрасно знали, что жестокие избиения, пытки, плохое обращение, уничтожение собственности и насилие всех видов, осуществлявшиеся против оппонентов нацистов, вплоть до убийств штурмовиками СА или черномундирными отрядами СС, представляли собой чудовищное нарушение закона. Вместе с тем это насилие было центральной, неотъемлемой частью захвата власти нацистами с февраля 1933 г. и далее, а распространенный и ставший впоследствии повсеместным страх, вселенный в сердца немцев, не состоявших в партии или ее вспомогательных организациях, был ключевым фактором в кампании запугивания оппонентов

Гитлера и подчинении его иногда не слишком сговорчивых союзников¹³². Наконец, не может быть сомнений относительно того, что именно Гитлер и руководство нацистов несли ответственность за эти беззакония. Презрение Гитлера к закону и Веймарской конституции очень часто демонстрировалось напрямую. «Мы войдем в законодательные органы и таким образом сделаем нашу партию определяющим фактором», — говорил Гитлер в суде над армейскими офицерами в Лейпциге в 1930 г. «Однако когда мы получим конституционную власть, мы изменим государство так, что оно будет нас устраивать»¹³³. Крайне важно, говорил он правительству сразу после пожара рейхстага, не слишком строго придерживаться юридических процедур, преследуя предполагаемых коммунистических преступников. Вся риторика, вся политическая позиция Гитлера в первые месяцы 1933 г. сводилась к постоянной поддержке актов насилия против врагов нацизма. Его призывы к дисциплине практически всегда шли рука об руку с более общими словесными атаками на его оппонентов, которые рядовые штурмовики воспринимали как лицензию на продолжение неослабевающего насилия. Массовые скоординированные действия, как например оккупация профсоюзных офисов 2 мая, убедили обычных коричневых рубашек в том, что у них не будет особых неприятностей, если они станут действовать по собственной инициативе в том же духе. И им действительно за это ничего не было¹³⁴.

Самым важным из всего было то, что Гитлер и нацисты на всех уровнях прекрасно осознавали, что они нарушают закон. Их презрение по отношению к закону и к формальным процедурам правосудия было практически осязаемым и проявлялось в бесчисленном количестве ситуаций. Сила права. Закон — это лишь выражение силы. По словам одного нацистского журналиста, единственное значение имела не «тотальная лживость» немецкой судебной и исправительной системы, а «закон силы, который является неотъемлемой частью кровных связей и военного единства расы... Сами по себе ни закон, ни правосудие не существуют. Защищать следует то, что смогло утвердить себя в качестве “закона” в процессе борьбы за власть, в том числе во имя победы этой власти»¹³⁵.

III

Незаконный характер захвата власти нацистами в первой половине 1933 г. в конечном счете превратился в революционное свержение существовавшей политической системы, а риторика «национал-социалистической революции» не в последнюю очередь была направлена на неявное оправдание незаконных действий. Но что это была за революция? Консервативный управленец Герман Раушинг, который начинал с работы вместе с нацистами, но к концу 1930-х стал одним из самых непримиримых и последовательных их критиков, описывал ее как «революцию нигилизма», «революцию без перспективы, революцию ради себя самой». Она полностью уничтожила социальный порядок, свободу, приличия. Как говорит название английского издания его книги, она была «революцией разрушения» и ничем более¹³⁶. Однако в своей страстной обличительной речи, которая заканчивается громким призывом к восстановлению истинных консервативных ценностей, Раушинг делает несколько больше, чем просто использует слово «революция» в качестве риторической дубинки для избиения нацистов за свержение порядка, который он восславлял. Другие революции, что бы ни думал Раушинг, приносили больше, чем просто разрушение. Тогда как вообще можно было сравнивать нацистскую революцию с ними?

Таким образом, нацистская революция не была революцией вообще. Французская революция 1789 г. и русская революция 1917 г. смели существовавший порядок силой и заменили его системой, которая, по мнению революционеров, была чем-то совершенно новым. Напротив, нацисты, как обычно, стараясь действовать в двух направлениях, использовали революционную риторику и одновременно заявляли, что они пришли к власти законным путем в соответствии с существовавшей конституцией. Они предприняли несколько конкретных действий для ликвидации основных институтов Веймарской республики или для их замены на что-то другое — в этом отношении упразднение должности президента в 1934 г. было редким явлением. Напротив, они предпочитали добиваться постепенного распада таких институтов, как, например, в случае с рейхстагом, который

практически не собирался после 1933 г., а если и собирался, то только для того, чтобы прослушать речи Гитлера, или в случае с правительством, которое в конечном счете перестало собираться совсем¹³⁷. С другой стороны, то, чего добивались консервативные элиты, — осуществления с помощью национал-социалистов настоящей контрреволюции, которая должна была вылиться в восстановление вильгельмовского рейха с кайзером или без кайзера на троне, — также не свершилось. Что бы ни произошло в 1933 г., это не было консервативной революцией. Насилие, являвшееся ключевым фактором захвата власти, придавало отчетливо революционный привкус тому времени. Нацистская революционная риторика практически не встречала критики после июня 1933 г. Тогда стоит ли считать ее действительной ценностью?¹³⁸

Некоторые авторы утверждали, что можно провести прямую историческую параллель между нацизмом и Французской революцией 1789 г., якобинским «царством террора» в 1793–94 гг. и неявной идеей народной диктатуры в теории Руссо о «совокупной воле» — диктатуры, которая изначально задумывалась людьми, но после установления не стала терпеть никакой оппозиции¹³⁹. Французская революция действительно была уникальна, потому что стала предтечей многих главных идеологий, владевших умами европейцев в следующие два века, от коммунизма и анархизма до либерализма и консерватизма. Но среди них не было национал-социализма. Нацисты действительно считали, что они отменяют достижения Французской революции и, по крайней мере в политическом смысле, возвращают стрелку часов гораздо дальше: в Средние века. Их представление о народе было скорее расовым, чем гражданским. Все идеологии, рожденные Французской революцией, должны были быть уничтожены. Нацистская революция должна была стать мировой исторической противоположностью своей французской предшественницы, а не ее историческим завершением¹⁴⁰.

Если нацистская революция произошла, то какой она была по мнению нацистов? Опять же, параллель с Французской или русской революцией тоже не работает. Французские революционеры 1789 г. имели четкий набор доктрин, на основании которых собирались установить народное правление через пред-

ставительные институты, а русские революционеры в октябре 1917 г. стремились свергнуть буржуазные и консервативные элиты и ввести диктатуру пролетариата. Напротив, нацисты не имели четко выраженного плана реорганизации общества и даже достаточно проработанной модели общества, которое, по их словам, они собирались вести к революции. Сам Гитлер, повидимому, представлял революцию как смену людей на государственных и властных постах. В своей речи перед высшими нацистскими чиновниками 6 июля 1933 г. он говорил, что главный смысл революции состоит в уничтожении политических партий, демократических институтов и независимых организаций. По всей видимости, сутью нацистской революции он считал завоевание власти и использовал эти два термина практически как синонимы:

Для захвата власти нужна интуиция. Просто захватить власть легко, но такой захват будет успешным, только когда новое поколение людей окажется приспособленным к новому порядку. Теперь самой важной задачей является контроль над революцией. В истории имеется больше примеров революций, которые были успешны на первом этапе, чем тех, которые смогли удержать свои завоевания. Революция не должна стать постоянным состоянием, когда за первой революцией следует вторая, а за второй — третья. Мы получили так много, что нам требуется немало времени, чтобы это переварить... Дальнейшее развитие событий должно быть эволюционным, существующие условия должны улучшаться...¹⁴¹

Таким образом, очень важно, что, призывая к культурному и духовному перерождению немцев с целью их приспособления к новой форме рейха, он также считал, что это должно происходить эволюционным, а не революционным путем. Он продолжал:

Современная структура рейха несколько неестественна. Она не обусловлена ни нуждами экономики, ни жизненными потребностями нашего народа... Мы приняли существовавшее положение вещей. Вопрос в том, хотим ли мы сохранить его... Задача состоит в том, чтобы сохранить и изменить существующую организацию,

чтобы она стала пригодной к использованию, чтобы хорошее можно было сохранить на будущее, а то, что использовать нельзя, было ликвидировано¹⁴².

Культурная трансформация немецкого гражданина, которая составляла большую часть революционных намерений нацистов, по аналогии тоже могла быть достигнута за счет сохранения и возрождения того, что нацисты считали положительными аспектами немецкой культуры в прошлом, и устранения чужеродного влияния.

Даже штурмовики, чей самопровозглашенный призыв ко «второй революции» в открытую критиковал Гитлер, не имели реального представления о каких-либо систематических революционных изменениях. Исследование мнения рядовых нацистов, проведенное в 1934 г., показало, что большинство обычных активистов, состоявших в партии при Веймарской республике, ожидали, что режим принесет национальное возрождение, названное одним штурмовиком «тотальной реорганизацией общественной жизни», при которой Гитлер «очистит Германию от людей, чуждых нашей стране и расе, пролезших на самые высокие должности и вместе с другими преступниками обративших мою немецкую родину в руины». Национальное возрождение, по представлению этих людей, означало в первую очередь восстановление международного положения Германии, отмену Версальского мирного договора и его положений, а также восстановление, скорее всего в результате войны, немецкой гегемонии в Европе¹⁴³. Поэтому эти люди не были революционерами в широком смысле, они имели слабое представление (если вообще имели) о внутреннем переустройстве Германии помимо изгнания из нее евреев и марксистов. Неустанная активность коричневых рубашек стала серьезной проблемой для Третьего рейха в следующие месяцы и годы. Во второй половине 1933 г. и первой половине 1934 г. она часто оправдывалась заявлениями о том, что «революция» должна была продолжаться. Однако для штурмовиков представление о революции в конечном счете мало отличалось от продолжения драк и беспорядков, к которым они привыкли за время захвата власти.

Для верхних эшелонов нацистской партии, и в первую очередь для руководства, непрерывность была так же важна, как и изменение. Большое открытие рейхстага в гарнизонной церкви Потсдама после мартовских выборов 1933 г. с нарочитой демонстрацией символов старого социального и политического порядка, включая трон председателя, оставленный для отсутствующего кайзера, и церемониальное возложение венков на могилы умерших прусских королей, ясно давали понять, что нацизм отрицает базовые идеи революции и символически ассоциирует себя с основными традициями прошлого Германии. Возможно, это не все, о чем можно вспомнить, однако это было больше чем простая пропаганда или циничная подачка консервативным союзникам Гитлера. Более того, тот факт, что столько людей обратились к нацизму за несколько недель и месяцев после избрания Гитлера канцлером или по крайней мере отнеслись к этому явлению терпимо и не вступали в оппозицию, нельзя объяснить простым оппортунизмом. Это объяснение подходит для обычного режима, но не для режима с такими четкими и радикальными характеристиками, как нацистский, а быстрота и энтузиазм, с которыми столько людей начали ассоциировать себя с новым режимом, заставляют предположить, что подавляющее большинство образованных элит немецкого общества, независимо от прежних политических пристрастий, уже были предрасположены к принятию многих принципов, на которых строился нацизм¹⁴⁴. Нацисты не только захватили политическую власть — в первые месяцы Третьего рейха они взяли власть идеологическую и культурную. Это стало следствием не только неопределенности и изменчивости многих их идеологических заявлений, которые сулили все всем людям сразу. Причиной этого было то, что идеи нацистов напрямую пересекались с принципами и убеждениями, распространенными среди образованных слоев немецкого общества с конца XIX в. В начале Первой мировой войны этих принципов и убеждений придерживалось не ожесточенное революционное меньшинство, а большинство общественных и политических институтов. И именно коммунисты и социал-демократы, частично или в своем большинстве, отрицали их, считая себя революционерами, какими их считало и большинство немцев.

Все великие революции в истории отрицали прошлое вплоть до введения новой системы летосчисления, начиная с «года первого», как при Французской революции 1789 г., или определения всех предыдущих веков «помойкой истории» — цитирую знаменитую фразу Троцкого, произнесенную во время Русской революции 1917 г.¹⁴⁵ Такой фундаментализм наблюдается и с правой стороны политического спектра, например в плане Шёнераера ввести немецкий национальный календарь вместо христианского.

Однако даже у Шёнераера отсчет исторического времени начинался в далеком прошлом. А для нацистов и их сторонников сам термин «Третий рейх» был мощной символической отсылкой к воображаемому величию прошлого, выраженному в Первом рейхе Карла Великого и во Втором рейхе Бисмарка. Таким образом, как сказал Гитлер 13 июля 1934 г., нацистская революция восставила естественное развитие немецкой истории, которое было прервано чужеродным влиянием Веймара:

Для нас революция, которая уничтожила Вторую Германию, стала не чем иным, как потрясающим рождением нового порядка, который вызвал к жизни Третий рейх. Мы захотели еще раз создать государство, которое будет любить каждый немец, установить режим, на который все будут смотреть с уважением, найти законы, соответствующие морали нашего народа, установить власть, перед которой каждый человек преклонится в радостном повиновении.

Для нас революция не является постоянным положением дел. Когда естественное развитие народа сталкивается со смертельной угрозой, насилие может служить для освобождения искусственно прерванного потока эволюции, еще раз дать ей свободу природного развития¹⁴⁶.

И опять революция здесь рассматривается как нечто большее, чем просто завоевание политической власти и установление авторитарного государственного строя. Действия после получения власти не обязательно подпадали под определение революции. Большинство революций закончились, даже если и временно, диктатурой одного человека, однако ни одна из них, кроме на-

цистской, не начиналась с явного определения такой задачи. Даже Революция большевиков предполагала установление коллективной диктатуры пролетариата, ведомого своим политическим авангардом, пока не пришел Сталин¹⁴⁷.

В нацизме представлен синтез революции и реставрации. Полный переворот социальной системы, к которому призывали в Париже в 1789 г. или Петрограде в октябре 1917 г., не входил в планы нацистов. В ядре системы, созданной нацистами, находилось нечто другое. Несмотря на все агрессивные заявления о равенстве, в конечном счете нацисты были относительно равнодушны к неравенству в обществе. Для них в первую очередь были важны раса, культура и идеология. В последующие годы они создали целый набор институтов, с помощью которых предполагали изменить дух Германии и перестроить немецкий характер. После завершения чисток в художественной и культурной сфере наступило время для тех немецких писателей, музыкантов и интеллектуалов, кто остался, чтобы с энтузиазмом направить свои таланты на создание новой культуры Германии. Христианские церкви, до сих пор находившиеся в относительной безопасности и не испытывавшие на себе враждебных действий нацистов (по причинам политической целесообразности), больше не могли рассчитывать на защиту. Теперь нацисты принялись за реализацию расовой утопии. Чистая нация героев как можно тщательнее и быстрее должна была подготовиться к окончательной проверке расового превосходства Германии — войне, в которой немцы раздавят и уничтожат своих врагов и создадут новый европейский порядок, который в конечном счете будет доминировать во всем мире. К лету 1933 г. была полностью подготовлена почва для создания диктатуры, которой мир до этого еще не видел. Родился Третий рейх. На следующем этапе своего существования он стал стремительно продвигаться к своей еще более яростной зрелости.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Michael Ruck, *Bibliographie zum Nationalsozialismus* (2 vols., Darmstadt, 2000 [1995]).
2. Norbert Frei, *National Socialist Rule in Germany: The Führer State 1933–1945* (Oxford, 1993 [1987]); Ludolf Herbst, *Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945* (Frankfurt am Main, 1996). Среди многих кратких обзоров см. сводку в Hans–Ulrich Thamer, *Verführung und Gewalt: Deutschland 1933–1945* (Berlin, 1986); в Jost Dülffer, *Nazi Germany 1933–1945: Faith and Annihilation* (London, 1996 [1992]) и Bernd–Jürgen Wendt, *Deutschland 1933–1945: Das Dritte Reich. Handbuch zur Geschichte* (Hanover, 1995) имеются полезные и четкие описания.
3. Detlev J. K. Peukert, *Volksgenossen und Gemeinschaftsfremde — Anpassung, Ausmerze, Aufbegehren unter dem Nationalsozialismus* (Cologne, 1982); англ. издание, *Inside Nazi Germany: Conformity, Opposition and Racism in Everyday Life* (London, 1989).
4. Jeremy Noakes и Geoffrey Pridham (eds.), *Nazism 1919–1945* (4 vols., Exeter, 1983–98 [1974]).
5. William L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany* (New York, 1960); обзор Клауса Эпстайна в журнале *Review of Politics*, 23 (1961), 130–45.
6. Karl Dietrich Bracher, *The German Dictatorship: The Origins, Structure, and Consequences of National Socialism* (New York, 1970 [1969]).
7. Ian Kershaw, *Hitler, I: 1889–1936: Hubris* (London, 1998); idem *Hitler, II: 1936–1945: Nemesis* (London, 2000).
8. Michael Burleigh, *The Third Reich: A New History* (London, 2000).
9. Здесь приходят на ум работы вроде Orlando Figes, *A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924* (London, 1996) или Margaret Macmillan, *Peacemakers: The Paris Conference of 1919 and its Attempt to End War* (London, 2001).
10. Начиная с работы Мартина Бросцата *Der Staat Hitlers: Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung* (Munich, 1969), еще одной книги, которая стоит повторного прочтения, представлена в первую очередь в блестящих очерках Ханса Моммзена из его сборника *Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft: Ausgewählte*

- Aufsätze* (Reinbek, 1991) и *From Weimar to Auschwitz: Essays in German History* (Princeton, 1991).
11. Здесь используется тот же метод, который я уже применял в своих ранних книгах *Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years 1830–1910* (Oxford, 1987) и *Rituals of Retribution: Capital Punishment in Germany 1600–1987* (Oxford, 1996).
12. Karl Marx, *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte* (1852), в сб. Lewis Feuer (ed.), *Marx and Engels: Basic Writings on Politics and Philosophy* (New York, 1959), 360.
13. L. P. Hartley, *The Go-Between* (London, 1953), предисловие.
14. См.: Richard J. Evans, 'History, Memory, and the Law: The Historian as Expert Witness', *History and Theory*, 41 (2002) 277–96; и Henry Rousso, *The Haunting Past: History, Memory, and Justice in Contemporary France* (Philadelphia, 2002 [1998]).
15. Ian Kershaw, *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933–1945* (Oxford, 1983), vii.
16. Konrad Heiden, *Geschichte des Nationalsozialismus: Die Karriere einer Idee* (Berlin, 1932); idem, *Adolf Hitler: Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie* (Zürich, 1936); Ernst Fraenkel, *The Dual State* (New York, 1941); Franz Neumann, *Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism* (New York, 1942).
17. Friedrich Meinecke, *Die deutsche Katastrophe* (Wiesbaden, 1946); имеется комический дословный перевод на английский Sidney B. Fay, *The German Catastrophe: Reflections and Recollections* (Cambridge, Mass., 1950). Критический анализ см. в Imanuel Geiss, 'Kritischer Rückblick auf Friedrich Meinecke', in idem, *Studien über Geschichte und Geschichtswissenschaft* (Frankfurt am Main, 1972), 89–107. Обоснование см. в Wolfgang Wippermann, 'Friedrich Meineckes "Die deutsche Katastrophe": Ein versuch zur deutschen Vergangenheitsbewältigung', in Michael Erbe (ed.), *Friedrich Meinecke heute: Bericht über ein Gedenk-Colloquium zu seinem 25. Todestag am 5. und 6. April 1979* (Berlin, 1981), 101–21.
18. Сводный список вопросов, указанный в начале классической книги Карла Дитриха Брахера *Stufen der Machtergreifung*, том I работы Karl Dietrich Bracher et al., *Die nationalsozialistische Machtergreifung: Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933/34* (Frankfurt am Main, 1974 [1960]), 17–18.
19. Среди множества хороших работ по историографии нацизма и Третьего рейха см. краткий обзор: Jane Caplan, 'The Historiography of National Socialism', in Michael Bentley (ed.), *Companion to Historiography* (London, 1997), 545–90, и более емкое исследование

- Ian Kershaw, *The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation* (4th edn., London, 2000 [1985]).
20. Mark Mazower, *Dark Continent: Europe's Twentieth Century* (London, 1998).
21. Обзор марксистских интерпретаций в их современном политическом контексте см. в Pierre Ayçoberry, *The Nazi Question: An Essay on the Interpretations of National Socialism (1922–1975)* (New York, 1981 [1979]).
22. См.: Andreas Dorpalen, *German History in Marxist Perspective: The East German Approach* (Detroit, 1988). Имеется представительная выборка с разумными комментариями в работе Georg G. Iggers (ed.), *Marxist Historiography in Transformation: New Orientations in Recent East German History* (Oxford, 1992). Одним из самых умных и тонких марксистских историков Третьего рейха был Тим Мейсон, см., в частности, его работу *Nazism, Fascism and the Working Class: Essays by Tim Mason* (ed. Jane Caplan, Cambridge, 1995) и *Social Policy in the Third Reich: The Working Class and the 'National Community'* (ed. Jane Caplan, Providence, RI, 1993 [1977]).
23. Shirer, *The Rise and Fall*; Alan J. P. Taylor, *The Course of German History* (London, 1945); Edmond Vermeil, *Germany in the Twentieth Century* (New York, 1956).
24. Ayçoberry, *The Nazi Question*, 3–15.
25. Rohan d'Olier Butler, *The Roots of National Socialism 1783–1933* (London, 1941) — классический пример такой военной пропаганды; другой см. в Fossey J. C. Hearnshaw, *Germany the Aggressor throughout the Ages* (London, 1940). Умный современный ответ см. в Harold Laski, *The Germans — are they Human?* (London, 1941).
26. Общий обзор этих вопросов см. в Richard J. Evans, *Rethinking German History: Nineteenth-Century Germany and the Origins of the Third Reich* (London, 1987), с. 1–54. Прекрасная краткая коллекция документов с комментариями имеется в работе John C. G. Röhl (ed.), *From Bismarck to Hitler: The Problem of Continuity in German History* (London, 1970). Когда я был студентом, с этими спорами я познакомился благодаря хорошей подборке отрывков в работе John L. Snell (ed.), *The Nazi Revolution — Germany's Guilt or Germany's Fate?* (Boston, 1959).
27. Это относится даже к относительно сложным сочинениям немцев, изгнанных при Третьем рейхе, см.: Hans Kohn, *The Mind of Germany: The Education of a Nation* (London, 1961) и Peter Viereck, *Metapolitics: From the Romantics to Hitler* (New York, 1941).

28. Keith Bullivant, 'Thomas Mann and Politics in the Weimar Republic', in idem (ed.), *Culture and Society in the Weimar Republic* (Manchester, 1977), 24–38; Taylor, *The Course*, 92–3.
29. Gerhard Ritter, 'The Historical Foundations of the Rise of National-Socialism' в Maurice Beaumont, *The Third Reich: A Study Published under the Auspices of the International Council for Philosophy and Humanistic Studies with the Assistance of UNESCO* (New York, 1955), 381–416; idem, *Europa und die deutsche Frage: Betrachtungen über die geschichtliche Eigenart des deutschen Staatsgedankens* (Munich, 1948); Christoph Cornelißen, *Gerhard Ritter: Geschichtswissenschaft und Politik im 20. Jahrhundert* (Düsseldorf, 2001); доводы Риттера можно отнести к 1937 г., когда он излагал их в гораздо менее негативных выражениях (ibid., 524–30). Различные другие мнения см. в Hans Kohn (ed.), *German History: Some New German Views* (Boston, 1954). Ранняя, но только частично успешная попытка немецкого историка оценить это по-другому была предпринята в работе Ludwig Dehio, *Germany and World Politics* (London, 1959 [1955]), где все равно основной упор делается на международных факторах.
30. См.: Karl Dietrich Bracher, *Die totalitäre Erfahrung* (Munich, 1987) и Leonard Shapiro, *Totalitarianism* (London, 1972). Классическое, часто критикуемое описание основной теории см. в Carl J. Friedrich и Zbigniew K. Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (New York, 1963), также новаторский философский очерк Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York, 1958).
31. Eckard Jesse (ed.), *Totalitarismus im 20. Jahrhundert* (Baden–Baden, 1996) и Alfons Söllner (ed.), *Totalitarismus: Eine Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts* (Berlin, 1997).
32. См., в частности, сопоставление двух режимов в Ian Kershaw and Moshe Lewin (eds.), *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison* (Cambridge, 1997), а также полезное и хорошо документированное исследование: Kershaw, *The Nazi Dictatorship*, 20–46.
33. См. анализ этого довода в Jürgen Steinle, 'Hitler als "Betriebsunfall in der Geschichte"', *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 45 (1994), 288–302.
34. Karl Dietrich Bracher, *Die Auflösung der Weimarer Republik: Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie* (3rd edn., Villingen, 1960 [1955]); idem, et al., *Die nationalsozialistische Machtergreifung*.
35. Broszat, *Der Staat Hitlers*; idem, et al. (eds.), *Bayern in der NS-Zeit* (6 vols., Munich, 1977–83); Peukert, *Inside Nazi Germany*; см. также комментарий к вопросу о новых исследованиях в последнем не-

- мецком издании краткой истории Норберта Фрая: *Der Führerstaat: Nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945* (Munich, 2001 [1987]), 281–304. Недавние попытки дискредитировать работу Броссата на основании того, что, как и другие немецкие историки его поколения, он входил в состав гитлерюгенда в юности и вместе со многими другими был зачислен в ряды нацистской партии (хотя он об этом и не знал), не кажутся убедительными, не в последнюю очередь из-за того, что они не имеют никакого отношения к научной деятельности Броссата как историка (Nicolas Berg, *Der Holocaust und die westdeutschen Historiker: Erforschung und Erinnerung* (Cologne, 2003), esp. 613–15).
36. См., например: Robert Gellately and Nathan Stoltzfus (eds.), *Social Outsiders in Nazi Germany* (Princeton, 2001); Michael Burleigh and Wolfgang Ippermann, *The Racial State: Germany 1933–1945* (Cambridge, 1991); Henry Friedlander, *The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution* (Chapel Hill, NC, 1995); Wolfgang Iyass, *‘Asoziale’ im Nationalsozialismus* (Stuttgart, 1995); Peter Longerich, *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung* (Munich, 1998); Ulrich Herbert, *Hitler’s Foreign Workers: Enforced Foreign Labor in Germany under the Third Reich* (Cambridge, 1997 [1985]).
 37. Richard J. Evans, *In Hitler’s Shadow: West German Historians and the Attempt to Escape from the Nazi Past* (New York, 1989); idem, *Rituals*.
 38. Richard J. Evans, *Telling Lies About Hitler: The Holocaust, History, and the David Irving Trial* (London, 2002).
 39. Peter Longerich, *Der ungeschriebene Befehl: Hitler und der Weg zur ‘Endlösung’* (Munich, 2001), 9–20.
 40. Victor Klemperer, *LTI: Notizbuch eines Philologen* (Leipzig, 1985 [1946]).

Глава I.

НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО

1. Параллели между бисмарковским рейхом и приходом Третьего рейха образуют центральный тезис работы Hans-Ulrich Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte, III: Von der ‘Deutschen Doppelrevolution’ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849–1914* (Munich, 1995) и Heinrich August Winkler, *Der lange Weg nach Westen, I: Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik* (Munich, 2000).

2. Friedrich Meinecke, 'Bismarck und das neue Deutschland', in idem, *Preussen und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert* (Munich, 1918), 510–31, цитируется в Edgar Feuchtwanger, *Bismarck* (London, 2002), 7.
3. Elizabeth Knowles (ed.), *The Oxford Dictionary of Quotations* (5th edn., Oxford, 1999), 116.
4. Цитируется без указания источника в Alan J. P. Taylor, *Bismarck: The Man and the Statesman* (London, 1955), 115.
5. Хороший краткий обзор этого и следующего периода см. в David Blackbourn, *The Fontana History of Germany 1780–1918: The Long Nineteenth Century* (London, 1997); более подробно в работе James J. Sheehan, *German History 1770–1866* (Oxford, 1989); еще более подробно в работе Thomas Nipperdey, *Germany from Napoleon to Bismarck* (Princeton, 1986 [1983]) и еще более подробно в работе Hans-Ulrich Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*, II: *Von der Reformära bis zur industriellen und politischen 'Deutschen Doppelrevolution' 1815–1845/49* (Munich, 1987).
6. Taylor, *The Course*, 69.
7. Исследование этого вопроса см. в Geoff Eley, *From Unification to Nazism: Reinterpreting the German Past* (London, 1986), 254–82; David Blackbourn and Geoff Eley, *The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-Century Germany* (Oxford, 1984); Evans, *Rethinking German History*, 93–122; Richard J. Evans (ed.), *Society and Politics in Wilhelmine Germany* (London, 1978); Jürgen Kocka, 'German History Before Hitler: The Debate about the German *Sonderweg*', *Journal of Contemporary History*, 23 (1988), 3–16; Robert G. Moeller, 'The Kaiserreich Recast? Continuity and Change in Modern German Historiography', *Journal of Social History*, 17(1984), 655–83.
8. Жизнь Бисмарка хорошо описана его биографами. См. две лучшие работы: Ernst Engelberg, *Bismarck* (2 vols., Berlin, 1985 и 1990) и Otto Pflanze, *Bismarck* (3 vols., Princeton, 1990).
9. Heinrich August Winkler, *Der lange Weg nach Westen*, II: *Deutsche Geschichte vom 'Dritten Reich' bis zur Wiedervereinigung* (Munich, 2000), 645–8.
10. Heinrich August Winkler, *The Long Shadow of the Reich: Weighing up German History* (The 2001 Annual Lecture of the German Historical Institute, London, 2002). Lothar Kettenacker, 'Der Mythos vom Reich', в Karl H. Bohrer (ed.), *Mythos und Moderne* (Frankfurt am Main, 1983), 262–89.

11. Karl Marx, 'Randglossen zum Programm der deutschen Arbeiterpartei' (Kritik des Gothaer Programms, 1875) в Karl Marx, Friedrich Engels, *Ausgewählte Schriften* (2 vols., East Berlin, 1968), II. 11–28, с. 25.
12. Otto Büsch, *Militärsystem und Sozialleben im alten Preussen 1713–1807: Die Anfänge der sozialen Militarisierung der preussisch–deutschen Gesellschaft* (Berlin, 1962).
13. Horst Kohl (ed.), *Die politischen Reden des Fürsten Bismarck* (14 vols., Stuttgart, 1892–1905), II. 29–30.
14. Выдающееся аналитическое исследование жизни Бисмарка см. в Lothar Gall, *Bismarck: The White Revolutionary* (2 vols., London, 1986 [1980]).
15. По истории воинской повинности см. работы: Ute Frevert, *Die kasernierte Nation: Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland* (Munich, 2001); немецкий милитаризм в более широком контексте освещен в работах Volker R. Berghahn, *Militarism: The History of an International Debate 1861–1979* (Cambridge, 1984 [1981]), in idem (ed.), *Militarismus* (Cologne, 1975), Martin Kitchen, *A Military History of Germany from the Eighteenth Century to the Present Day* (London, 1975) и классической книге Gordon A. Craig *The Politics of the Prussian Army 1640–1945* (New York, 1964 [1955]); нетрадиционные размышления см. в Geoff Eley, 'Army, State and Civil Society: Revisiting the Problem of German Militarism', in idem *From Unification to Nazism*, 85–109.
16. Martin Kitchen, *The German Officer Corps 1890–1914* (Oxford, 1968); Karl Demeter, *Das deutsche Offizierkorps in Gesellschaft und Staat 1650–1945* (Frankfurt am Main, 1962). О постоянной угрозе переворота см.: Volker R. Berghahn, *Germany and the Approach of War in 1914* (London, 1973), 13–15.
17. См.: Richard J. Evans, *Rethinking German History*, 248–90; idem, *Re-reading German History: From Unification to Reunification 1800–1996* (London, 1997), 65–86.
18. Ute Frevert, 'Bourgeois Honour: Middle-class Duellists in Germany from the Late Eighteenth to the Early Twentieth Century' в David Blackbourn, Richard J. Evans (eds.), *The German Bourgeoisie: Essays on the Social History of the German Middle Class from the Late Eighteenth to the Early Twentieth Century* (London, 1991), 255–92; eadem *Ehrenmänner: Das Duell in der bürgerlichen Gesellschaft* (Munich, 1991).
19. Eley, *From Unification to Nazism*, 85–109; Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*, III. 873–85.
20. Michael Geyer, 'Die Geschichte des deutschen Militärs von 1860–1956: Ein Bericht über die Forschungslage (1945–1975)' в Hans-Ul-

- rich Weh-ler (ed.), *Die moderne deutsche Geschichte in der internationalen For-schung 1945–1975* (Göttingen, 1978), 256–86; Helmut Bley, *Namibia under German Rule* (Hamburg, 1996 [1968]).
21. Gesine Krüger, *Kriegsbewältigung und Geschichtsbewusstsein: Realität, Deutung und Verarbeitung des deutschen Kolonialkrieges in Namibia 1904 bis 1907* (Göttingen, 1999); Tilman Dederig, ‘“A Certain Rigo-rous Treatment of all Parts of the Nation”: The Annihilation of the Herero in German Southwest Africa 1904’ в Mark Levene, Penny Roberts (eds.), *The Massacre in History* (New York, 1999), 205–22.
22. David Schoenbaum, *Zabern 1913: Consensus Politics in Imperial Germa-ny* (London, 1982); Nicholas Stargardt, *The German Idea of Militarism 1866–1914* (Cambridge, 1994); Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte* III. 1125–9.
23. Ulrich von Hassell, *Die Hassell–Tagebücher 1938–1944* (ed. Friedrich Freiherr Hiller von Gaertringen, Berlin, 1989), 436.
24. Wolfgang J. Mommsen, ‘*Das Ringen um den nationalen Staat: Die Gründung und der innere Ausbau des Deutschen Reiches unter Otto von Bismarck 1850–1890*’ (Berlin, 1993), 439–40; David Blackbourn, *Marpingen: Apparitions of the Virgin Mary in Bismarckian Germany* (Ox-ford, 1993).
25. Vernon Lidtke, *The Outlawed Party: Social Democracy in Germany, 1878–1890* (Princeton, 1966); Evans, *Rituals*, 351–72.
26. Об эволюции социал–демократии см.: Susanne Miller, Heinrich Potthoff, *A History of German Social Democracy: From 1848 to the Present* (Leamington Spa, 1986 [1983]); Detlef Lehnert, *Sozialde-mokratie zwischen Protestbewegung und Regierungspartei 1848–1983* (Frankfurt am Main, 1983); Stefan Berger, *Social Democracy and the Working Class in Nineteenth- and Twentieth-century Germany* (Lon-don, 2000).
27. Alex Hall, *Scandal, Sensation and Social Democracy: The SPD Press and Wilhelmine Germany 1890–1914* (Cambridge, 1977); Klaus Saul, ‘Der Staat und die “Mächte des Umsturzes”: Ein Beitrag zu den Methoden antisozialistischer Repression und Agitation vom Scheitern des Sozi-alistengesetzes bis zur Jahrhundertwende’, *Archiv für Sozialgeschichte*, 12 (1972), 293–350; Alex Hall, ‘By Other Means: The Legal Struggle against the SPD in Wilhelmine Germany 1890–1900’, *Historical Jour-nal*, 17 (1974), 365–86.
28. Краткий обзор см. в Gerhard A. Ritter, *Die deutschen Parteien 1830–1914: Parteien und Gesellschaft im konstitutionellen Regierungs-system* (Göttingen, 1985); также см. классическую статью по теме: M. Rainer Lepsius, ‘Parteisystem und Sozialstruktur: Zum Problem

- der Demokratisierung der deutschen Gesellschaft' в Gerhard A. Ritter (ed.), *Die deutschen Parteien vor 1918* (Cologne, 1973), 56–80.
29. Gerhard A. Ritter, *Wahlgeschichtliches Arbeitsbuch: Materialien zur Statistik des Kaiserreichs 1871–1918* (Munich, 1980), 42.
30. Stanley Suval, *Electoral Politics in Wilhelmine Germany* (Chapel Hill, NC, 1985); Margaret L. Anderson, *Practicing Democracy: Elections and Political Culture in Imperial Germany* (Princeton, 2000).
31. Kurt Koszyk, *Deutsche Presse im 19. Jahrhundert: Geschichte der deutschen Presse*, II (Berlin, 1966).
32. Richard J. Evans (ed.), *Kneipengespräche im Kaiserreich: Die Stimmungsberichte der Hamburger Politischen Polizei 1892–1914* (Reinbek, 1989).
33. Краткий вводный обзор см. в Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*, III. 961–5; более подробно в William W. Hagen, *Germans, Poles, and Jews: The Nationality Conflict in the Prussian East, 1772–1914* (Chicago, 1980).
34. Evans (ed.), *Kneipengespräche*, 361–83.
35. Volker R. Berghahn, *Der Tirpitz—Plan: Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II.* (Düsseldorf, 1971).
36. Взвешенная оценка личности кайзера и его влияния есть в работе Christopher Clark, *Kaiser Wilhelm II* (London, 2000).
37. Geoffrey Hosking, *Russia: People and Empire 1552–1917* (London, 1997).
38. George L. Mosse, *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich* (New York, 1975).
39. Alan Milward, Samuel B. Saul, *The Development of the Economies of Continental Europe 1850–1914* (London, 1977), 19–20.
40. См.: Hubert Kiesewetter, *Industrielle Revolution in Deutschland 1815–1914* (Frankfurt am Main, 1989).
41. Volker Ullrich, *Die nervöse Grossmacht 1871–1918: Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs* (Frankfurt am Main, 1997); Joachim Radkau, *Das Zeitalter der Nervosität: Deutschland zwischen Bismarck und Hitler* (Munich, 1998).
42. August Nitschke et al. (eds.), *Jahrhundertwende: Der Aufbruch in die Moderne 1880–1930* (2 vols., Reinbek, 1990).
43. См.: Blackburn and Eley, *The Peculiarities*.
44. Peter Pulzer, *The Rise of Political Anti-Semitism in Germany and Austria* (New York, 1964), 112–13; Rosemarie Leuschen-Seppel, *Sozialdemokratie und Antisemitismus im Kaiserreich: Die Auseinandersetzung der Partei mit den konservativen und völkischen Strömungen des Antisemitismus 1871–1914* (Bonn, 1978), 140–42; Richard S. Levy, *The Downfall*

- of the Anti-Semitic Political Parties in Imperial Germany* (New Haven, 1975). См. также новаторскую работу: Paul W. Massing, *Rehearsal for Destruction* (New York, 1949).
45. Здесь я разделяю точку зрения Мэрион Каплан, которая считает необходимым проводить различие между *ассимиляцией*, подразумевающей полную потерю культурного своеобразия идентичности, и *культурной адаптацией*, которая подразумевает формирование двойного мировоззрения в многокультурной среде. См.: Marion A. Kaplan, 'The Acculturation, Assimilation, and Integration of Jews in Imperial Germany', *Year Book of the Leo Baeck Institute*, 27 (1982), 3–35.
 46. Till van Rahden, *Juden und andere Breslauer: Die Beziehungen zwischen Juden, Protestanten und Katholiken in einer deutschen Grossstadt von 1860 bis 1925* (Göttingen, 2000), 147–9; Peter J.G. Pulzer, *Jews and the German State: The Political History of a Minority, 1848–1933* (Oxford, 1992), 6–7; Shulamit Volkov, *Die Juden in Deutschland 1780–1918* (Munich, 1994); Usiel O. Schmelz, 'Die demographische Entwicklung der Juden in Deutschland von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis 1933', *Bulletin des Leo Baeck Instituts*, 83 (1989), 15–62, с. 39–41; Jacob Toury, *Soziale und politische Geschichte der Juden in Deutschland 1847–1871: Zwischen Revolution, Reaktion und Emanzipation* (Düsseldorf, 1977), 60; Monika Richarz, *Jüdisches Leben in Deutschland, II: Selbstzeugnisse zur Sozialgeschichte im Kaiserreich* (Stuttgart, 1979), 16–17; Anthony Kauders, *German Politics and the Jews: Düsseldorf and Nuremberg 1910–1933* (Oxford, 1996), 26; Kerstin Meiring, *Die christlich jüdische Mischehe in Deutschland, 1840–1933* (Hamburg, 1998).
 47. Pulzer, *Jews*, 106–20.
 48. Dietz Bering, *The Stigma of Names: Antisemitism in German Daily Life, 1812–1933* (Cambridge, 1992 [1987]).
 49. Pulzer, *Jews*, 5, 11.
 50. Niall Ferguson, *The World's Banker: The History of the House of Rothschild* (London, 1998); Fritz Stern, *Gold and Iron: Bismarck, Bleichröder and the Building of the German Empire* (New York, 1977).
 51. Robert Gellately, *The Politics of Economic Despair: Shopkeepers and German Politics, 1890–1914* (London, 1974), 42–3; Richarz, *Jüdisches Leben*, II. 17, 23–35.
 52. Ibid., 31–4.
 53. Peter Pulzer, 'Jews and Nation-Building in Germany 1815–1918', *Year Book of the Leo Baeck Institute*, 41 (1996), 199–214.
 54. См., например: Werner E. Mosse, *Jews in the German Economy: The German-Jewish Economic Elite 1820–1935* (Oxford, 1987), idem, *The*

- German-Jewish Economic Élite 1820–1935: A Socio-Cultural Profile* (Oxford, 1989), это не только прекрасные примеры научного исследования, но и ностальгические воспоминания о достижениях социальной группы, к которой от рождения принадлежал сам Моссе.
55. Pulzer, *The Rise*, 94–101, 113; Shulamit Volkov, *Jüdisches Leben und Antisemitismus im 19. und 20. Jahrhundert* (Munich, 1990).
 56. О Бёкеле и антисемитском движении можно прочесть в работах David Peal, 'Antisemitism by Other Means? The Rural Cooperative Movement in Late 19th Century Germany' в Herbert A. Strauss (ed.), *Hostages of Modernization: Studies on Modern Antisemitism 1870–1933/39: Germany — Great Britain — France* (Berlin, 1993), 128–49; James N. Retallack, *Notables of the Right: The Conservative Party and Political Mobilization in Germany, 1876–1918* (London, 1988), с. 91–9; Hans-Jürgen Puhle, *Agrarische Interessenpolitik und preussischer Konservatismus im wilhelminischen Reich 1893–1914: Ein Beitrag zur Analyse des Nationalismus in Deutschland am Beispiel des Bundes der Landwirte und der Deutsch-Konservativen Partei* (Hanover, 1967) с. 111–40.
 57. Pulzer, *The Rise*, 53–5, 116; Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*, III. 924–34; Thomas Nipperdey, *Deutsche Geschichte 1866–1918*, II: *Machtstaat vor der Demokratie* (Munich, 1992), 289–311.
 58. Общий обзор см. в Jacob Katz, *from Prejudice to Destruction: Anti-Semitism, 1700–1933* (Cambridge, Mass. 1980). О католическом антисемитизме в Германии см.: Olaf Blaschke, *Katholizismus und Antisemitismus im Deutschen Kaiserreich* (Göttingen, 1997); Helmut Walser Smith, 'The Learned and the Popular Discourse of Anti-Semitism in the Catholic Milieu in the Kaiserreich', *Central European History*, 27 (1994), 315–28. В книге Werner Jochmann, *Gesellschaftskrise und Judenfeindschaft in Deutschland 1870–1945* (Hamburg, 1988) есть хорошая вводная глава, 30–98. В книге James F. Harris, *The People Speak! Anti-Semitism and Emancipation in Nineteenth-Century Bavaria* (Ann Arbor, 1994) слишком легко игнорируются социально-экономические факторы; историю антисемитизма нельзя свести к не объясненному другим образом влиянию общей ситуации.
 59. Wilhelm Marr, *Vom jüdischen Kriegsschauplatz: Eine Streitschrift* (Berne, 1879), 19, цитируется в Pulzer, *The Rise*, 50; см. также памфлет его: *Der Sieg des Judenthums über das Germanenthum vom nicht konfessionellen Standpunkt aus betrachtet* (Berlin, 1873).
 60. Moshe Zimmermann, *Wilhelm Marr: The Patriarch of Anti-Semitism* (New York, 1986), 89, 150–51, 154; Daniela Kasischke-Wurm,

Antisemitismus im Spiegel der Hamburger Presse während des Kaiserreichs (1884–1914) (Hamburg, 1997), 240–46.

61. Ibid., 77.
62. Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*, III. 925–9.
63. Evans (ed.), *Kneipengespräche*, 317.
64. Ibid., 313–21.
65. Leuschen–Seppel, *Sozialdemokratie*, с. 36, 96, 100, 153, 171; Evans (ed.), *Kneipengespräche*, 302–6, 318–19. Эти мысли, высказанные в ответ на заявления из книги Daniel J. Goldhagen, *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust* (New York, 1996), подробно освещаются в Evans, *Rereading*, 119–44.
66. Stefan Scheil, *Die Entwicklung des politischen Antisemitismus in Deutschland zwischen 1881 und 1912: Eine wahlgeschichtliche Untersuchung* (Berlin, 1999).
67. См., в частности: Harris, *The People Speak!* и Helmut Walser Smith, *The Butcher's Tale: Murder and Anti-Semitism in a German Town* (New York, 2002) (где приводятся замечательные детали, но преувеличивается значение обвинения в «ритуальном убийстве» в некотором городке далеко на востоке Пруссии). См. также: Christoph Nonn, *Eine Stadt sucht einen Mörder: Gerücht, Gewalt und Antisemitismus im Kaiserreich* (Göttingen, 2002). О враждебной реакции прессы на раннее обвинение в ритуальном убийстве см.: Kasischke–Wurm, *Antisemitismus*, 175–82.
68. Доказательства в работе David Kertzer, *Unholy War: The Vatican's Role in the Rise of Modern Anti-Semitism* (London, 2001), хотя утверждения автора о важности этого материала не слишком обоснованны. Социальные и культурные исследования католического антисемитизма в Германии, не оставляющие сомнений в его распространенности: Blaschke, *Katholizismus und Antisemitismus*; Michael Langer, *Zwischen Vorurteil und Aggression: Zum Judenbild in der deutschsprachigen katholischen Volksbildung des 19. Jahrhunderts* (Freiburg, 1994); Walter Zwi Bacharach, *Anti-Jewish Prejudices in German-Catholic Sermons* (Lewiston, Pa., 1993); David Blackbourn, 'Roman Catholics, the Centre Party and Anti-Semitism in Imperial Germany' in Paul Kennedy, Anthony Nicholls (eds.), *Nationalist and Racist Movements in Britain and Germany before 1914* (London, 1981), 106–29; а сравнение с международной ситуацией см. в Olaf Blaschke, Aram Mattioli (eds.), *Katholischer Antisemitismus im 19. Jahrhundert: Ursachen und Traditionen im internationalen Vergleich* (Zurich, 2000). О крестьянских протестах и антисемитизме в католических сообществах см.: Ian Farr, 'Populism in the Countryside:

- The Peasant Leagues in Bavaria in the 1890s' in Evans (ed.), *Society and Politics*, 136–59.
69. См., например: Norbert Kampe, *Studenten und 'Judenfrage' im deutschen Kaiserreich: Die Entstehung einer akademischen Trägerschicht des Antisemitismus* (Göttingen, 1988).
 70. Stephen Wilson, *Ideology and Experience: Antisemitism in France at the Time of the Dreyfus Affair* (New York, 1982 [1980]); John D. Klier, Shlomo Lambroza (eds.) *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History* (Cambridge, 1992).
 71. David Blackbourn, *Populists and Patricians: Essays in Modern German History* (London, 1987), 217–45 ('The Politics of Demagogy in Imperial Germany').
 72. Julius Langbehn, *Rembrandt als Erzieher* (38th edn., Leipzig, 1891 [1890]), 292; idem *Der Rembrandtdeutsche: Von einem Wahrheitsfreund* (Dresden, 1892), 184, обе работы цитируются в Pulzer, *The Rise*, 242; см. также: Fritz Stern, *The Politics of Cultural Despair: A Study in the Rise of the German Ideology* (New York, 1961).
 73. Пьеса Лессинга, впервые опубликованная в 1779 г., была мольбой о религиозной терпимости, особенно по отношению к евреям. Цитаты см. в Cosima Wagner, *Die Tagebücher* (ed. Martin Gregor-Dellin и Dietrich Mack, Munich, 1977), II. 852 (18 Dec. 1881); а также 159, 309; Jacob Katz, *The Darker Side of Genius: Richard Wagner's Anti-Semitism* (Hanover, 1986) — трезвый взгляд на этот противоречивый предмет.
 74. George L. Mosse, *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich* (London, 1964), 88–107; Annette Hein, 'Es ist viel "Hitler" in Wagner': *Rassismus und antisemitische Deutschsideologie in den 'Bayreuther Blättern' (1878–1938)* (Tübingen, 1996).
 75. Winfried Schüler, *Der Bayreuther Kreis von seiner Entstehung bis zum Ausgang der wilhelminischen Ära* (Münster, 1971); Andrea Mork, *Richard Wagner als politischer Schriftsteller: Weltanschauung und Wirkungsgeschichte* (Frankfurt am Main, 1990); Houston Stewart Chamberlain, *Die Grundlagen des XIX. Jahrhunderts* (2 vols., Munich, 1899); Geoffrey G. Field, *Evangelist of Race: The Germanic Vision of Houston Stewart Chamberlain* (New York, 1981).
 76. Ludwig Woltmann, *Politische Anthropologie* (ed. Otto Reche, Leipzig, 1936 [1900]), 16–17, 267, цитируется в Mosse, *The Crisis*, 100–102.
 77. Woodruff D. Smith, *The Ideological Origins of Nazi Imperialism* (New York, 1986), 83–111; а также Karl Lange, 'Der Terminus "Lebensraum" in Hitlers *Mein Kampf*', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* (далее *VfZ*) 13 (1965), 426–37.

78. Paul Crook, *Darwinism, War and History: The Debate Over the Biology of War from the 'Origin of Species' to the First World War* (Cambridge, 1994), с. 30, 83; Imanuel Geiss (ed.), *July 1914: The Outbreak of the First World War. Selected Documents* (London, 1967), 22; Holger Afflerbach, *Falkenhayn: Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich* (Munich, 1994); Evans, *Rereading*, 119–44 — в работе представлен общий обзор истории и историографии немецкого социал-дарвинизма.
79. Общее обсуждение вопроса см. в Paul Weindling, *Health, Race and German Politics between National Unification and Nazism 1870–1945* (Cambridge, 1989) и Peter Weingart et al., *Rasse, Blut und Gene: Geschichte der Eugenik und Rassenhygiene in Deutschland* (Frankfurt am Main, 1992 [1988]).
80. Sheila F. Weiss, *Race Hygiene and National Efficiency: The Eugenics of Wilhelm Schallmayer* (Berkeley, 1987); Evans, *Rituals*, 438; Roger Chickering, *Imperial Germany and a World Without War: The Peace Movement and German Society, 1892–1914* (Princeton, 1975), 125–9.
81. См.: Jeremy Noakes, 'Nazism and Eugenics: The Background to the Nazi Sterilization Law of 14 July 1933', in Roger Bullen et al. (eds.), *Ideas into Politics: Aspects of European History 1880–1950* (London, 1984), 75–94.
82. Karl Heinz Roth, 'Schein-Alternativen im Gesundheitswesen: Alfred Grotjahn (1869–1931) — Integrationsfigur etablierter Sozialmedizin und nationalsozialistischer "Rassenhygiene"', in Karl Heinz Roth (ed.), *Erfassung zur Vernichtung: Von der Sozialhygiene zum 'Gesetz über Sterbehilfe'* (Berlin, 1984), 31–56; Sheila Weiss, 'The Race Hygiene Movement in Germany', in Mark B. Adams (ed.), *The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia* (New York, 1990), 8–68.
83. Его настоящее имя Адольф Ланц, но он называл себя Йорг Ланц фон Либенфельс, чтобы произвести впечатление. Hans-Walter Schmuhl, *Rassenhygiene, Nationalsozialismus, Euthanasie: Von der Verhütung zur Vernichtung 'lebensunwerten Lebens', 1890–1945* (Göttingen, 1987); Wilfried Daim, *Der Mann, der Hitler die Ideen gab: Die sektiererischen Grundlagen des Nationalsozialismus* (Vienna, 1985 [1958]).
84. Weiss, 'The Race Hygiene Movement', 9–11.
85. Max Weber, 'Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik', in idem *Gesammelte politische Schriften* (ed. J. Winckelmann, 3rd edn., Tübingen, 1971), 23.
86. Richard Hinton Thomas, *Nietzsche in German Politics and Society 1890–1918* (Manchester, 1983), с. 80–95. Недавняя попытка оце-

- нить работу Ницше в этом контексте была предпринята в книге Bernhard H. F. Taureck, *Nietzsche und der Faschismus: Ein Politikum* (Leipzig, 2000).
87. Steven E. Aschheim, *The Nietzsche Legacy in Germany 1890–1990* (Berkeley, 1992).
 88. Mosse, *The Crisis*, 204–7; Walter Laqueur, *Young Germany: A History of the German Youth Movement* (London, 1962); Jürgen Reulecke, 'Ich möchte einer werden so wie die...' *Männerbünde im 20. Jahrhundert* (Frankfurt am Main, 2001); Daim, *Der Mann*, 71–2.
 89. Alastair Thompson, *Left Liberals, the State, and Popular Politics in Wilhelmine Germany* (Oxford, 2000).
 90. Stefan Breuer, *Ordnungen der Ungleichheit — die deutsche Rechte im Widerstreit ihrer Ideen 1871–1945* (Darmstadt, 2001).
 91. Andrew G. Whiteside, *The Socialism of Fools: Georg von Schönerer and Austrian Pan-Germanism* (Berkeley, 1975), esp. 73.
 92. John W. Boyer, *Political Radicalism in Late Imperial Vienna: Origins of the Christian Social Movement, 1848–1897* (Chicago, 1981).
 93. Pulzer, *The Rise*, 207.
 94. О Шенере и других венских идеологах того времени см.: Brigitte Hamann, *Hitler's Vienna: A Dictator's Apprenticeship* (Oxford, 2000), 236–53.
 95. Carlile A. Macartney, *The Habsburg Empire 1790–1918* (London, 1968), 632–5, 653–7, 666, 680, 799; Pulzer, *The Rise*, 149–60, 170–74, 206–9; Carl E. Schorske, *Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture* (New York, 1980), 116–180; Massing, *Rehearsal*, 241; Hellmuth von Gerlach, *Von rechts nach links* (Hildesheim, 1978 [1937]), 112–14; Andrew G. Whiteside, *Austrian National Socialism before 1918* (The Hague, 1962).
 96. Woodruff D. Smith, *The German Colonial Empire* (Chapel Hill, NC, 1978); Fritz Ferdinand Müller, *Deutschland–Zanzibar–Ostafrika: Geschichte einer deutschen Kolonialeroberung 1884–1890* (Berlin, 1990 [1959]).
 97. Gerhard Weidenfeller, *VDA: Verein für das Deutschtum im Ausland: Allgemeiner Deutscher Schulverein (1881–1918). Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Nationalismus und Imperialismus im Kaiserreich* (Berne, 1976).
 98. Geoff Eley, *Reshaping the German Right: Radical Nationalism and Political Change after Bismarck* (London, 1980), 366; Roger Chickering, *We Men Who Feel Most German: A Cultural Study of the Pan-German League 1886–1914* (London, 1984), 24–73; Wilhelm Deist, *Flottenpolitik und Flottenpropaganda: Das Nachrichtenbüro des Reichsmarineamts*

- 1897–1914 (Stuttgart, 1976); Richard Owen, 'Military-Industrial Relations: Krupp and the Imperial Navy Office' в Evans (ed.), *Society and Politics*, 71–89; Marilyn Shevin Coetzee, *The German Army League: Popular Nationalism in Wilhelmine Germany* (New York, 1990); Richard W. Tims, *Germanizing Prussian Poland: The H-K-T Society and the Struggle for the Eastern Marches in the German Empire 1894–1919* (New York, 1941); Adam Galos et al., *Die Hakatisten: Der Deutsche Ostmarkenverein 1894–1934* (Berlin, 1966).
99. Chickering, *We Men*, 128, 268–71; Coetzee, *The German Army League*, 19–23; Ute Planert, *Antifeminismus im Kaiserreich: Diskurs, soziale Formation und politische Mentalität* (Göttingen, 1998), 118–76.
 100. Chickering, *We Men*, 102–21.
 101. Ibid., 284–6; Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte* III. 1071–81; выдержки из англ. пер. в Roderick Stackelberg and Sally A. Winkle (eds.), *The Nazi Germany Sourcebook: An Anthology of Texts* (London, 2002), 20–26.
 102. Chickering, *We Men*, 74–97, 284–6.
 103. Ibid., 122–32; также см.: Klaus Bergmann, *Agrarromantik und Grossstadtfreundschaft* (Meisenheim, 1970).
 104. Chickering, *We Men*, 253–91; Eley, *Reshaping*, 316–34; Dirk Stegmann, *Die Erben Bismarcks: Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands: Sammlungspolitik 1897–1914* (Cologne, 1970), 352–48; Fritz Fischer, *War of Illusions: German Politics from 1911 to 1914* (London, 1975 [1969]).
 105. Iris Hamel, *Völkischer Verband und nationale Gewerkschaft: Der Deutsch-nationale Handlungsgehilfenverband, 1893–1933* (Frankfurt am Main, 1967); Planert, *Antifeminismus*, 71–9.
 106. Выдержки из меморандума и ответ кайзера можно найти в Röhl, *From Bismarck to Hitler*, 49–52 и Stackelberg and Winkle (eds.), *The Nazi Germany Sourcebook*, 29–30.
 107. Hartmut Pogge-von Strandmann, 'Staatsstreichpläne, Alldeutsche und Bethmann Hollweg', in idem and Imanuel Geiss, *Die Erforderlichkeit des Unmöglichen: Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges* (Frankfurt am Main, 1965), 7–45; тексты ответов Бетмана и кайзера напечатаны на с. 32–9; отношения кайзера с Чемберленом задокументированы в Röhl, *From Bismarck to Hitler*, 41–8.
 108. Глубокий анализ современных точек зрения на возможную продолжительность войны см. в Hew Strachan, *The First World War, 1: To Arms* (Oxford, 2001), 1005–14.
 109. Martin Kitchen, *The Silent Dictatorship: The Politics of the German High Command under Hindenburg and Ludendorff, 1916–1918* (London,

- 1976). Лучший из недавних общих обзоров см. в Roger Chickering, *Imperial Germany and the Great War, 1914–1918* (Cambridge, 1998).
110. Среди огромного числа работ отдельно стоит лучшее недавнее исследование Figes, *A People's Tragedy*.
111. Robert Service, *Lenin: A Political Life* (3 vols., London, 1985–95); Marie-Luise Goldbach, *Karl Radek und die deutsch–sowjetischen Beziehungen 1918–1923* (Bonn, 1973), and Warren Lerner, *Karl Radek: The Last Internationalist* (Stanford, Calif., 1970).
112. Heinrich August Winkler, *Von der Revolution zur Stabilisierung: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924* (Bonn, 1984), с. 114–34, 468–552.
113. Arno J. Mayer, *Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles 1918–1919* (2nd edn., New York, 1969 [1967]) — общее описание исторического контекста; Oszkár J. J. szí, *Revolution and Counter–Revolution in Hungary* (London, 1924) — современный обзор событий.
114. *Berliner Tageblatt*, 1 August 1918, цитируется в David Welch, *Germany, Propaganda and Total War, 1914–1918: The Sins of Omission* (London, 2000), 241. См. также: Aribert Reimann, *Der grosse Krieg der Sprachen: Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkriegs* (Essen, 2000).
115. Лучший недавний обзор см. в Chickering, *Imperial Germany*, 178–91.
116. Welch, *Germany*, 241–2; Wilhelm Deist, 'Censorship and Propaganda in Germany during the First World War' в Jean-Jacques Becker and Stéphane Audoin-Rouzeau (eds.), *Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918* (Paris, 1990), 199–210; Alice Goldfarb Marquis, 'Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany during the First World War', *Journal of Contemporary History*, 13 (1978), 467–98.
117. Fritz Fischer, *Germany's Aims in the First World War* (London, 1967 [1961]), *passim*.
118. Bullitt Lowry, *Armistice 1918* (Kent, Ohio, 1996); Hugh Cecil and Peter Liddle (eds.), *At the Eleventh Hour: Reflections, Hopes and Anxieties at the Closing of the Great War, 1918* (Barnsley, 1998).
119. *Stenographischer Bericht über die öffentlichen Verhandlungen des 15. Untersuchungsausschusses der verfassungsgebenden Nationalversammlung*, II (Berlin, 1920), 700–701 (18 нояб. 1919). См. также: Erich Ludendorff, *Kriegführung und Politik* (Berlin, 1922) и Paul von Hindenburg, *Aus meinem Leben* (Leipzig, 1920), 403; более общее описание см. в Friedrich Freiherr Hiller von Gaertringen, "‘Dolchstoß–Diskussion’ und ‘Dolchstoßlegende’ im Wandel von vier Jahrzehnten" в Walde-

- mar Besson and Friedrich Freiherr Hiller von Gaertringen (eds.), *Geschichte und Gegenwartsbewusstsein* (Göttingen, 1963), 122–60. Также более позднее исследование Jeffrey Verhey, *The Spirit of 1914: Militarism, Myth and Mobilization in Germany* (Cambridge, 2000), 219–23 и Chickering, *Imperial Germany*, 189–91.
120. William II, *My Memoirs 1878–1918* (London, 1922), 282–3. Более общее описание см. в Wilhelm Deist, ‘The Military Collapse of the German Empire: The Reality Behind the Stab-in-the-Back Myth’, *War in History*, 3 (1996), 186–207.
121. Friedrich Ebert, *Schriften, Aufzeichnungen, Reden* (2 vols., Dresden, 1936), II. 127; Эберт продолжал объяснять поражение «превосходством врага в живой силе и припасах» (127).
122. Gerhard A. Ritter and Susanne Miller (eds.), *Die deutsche Revolution 1918–1919 — Dokumente* (Frankfurt am Main, 1968) — прекрасная подборка документов; Francis L. Carsten, *Revolution in Central Europe 1918–1919* (London, 1972) — хорошее изложение.
123. Из большой литературы см.: Harold Temperley (ed.), *A History of the Peace Conference of Paris* (6 vols., London, 1920–24) и Manfred F. Boemeke et al. (eds.), *The Treaty of Versailles: A Reassessment after 75 Years* (Washington, DC, 1998), собрание научных работ, выпущенных к восьмидесятой годовщине окончания войны.
124. Mayer, *Politics and Diplomacy*.
125. Arthur S. Link (ed.), *The Papers of Woodrow Wilson* (69 vols., Princeton, 1984), XL. 534–9; более общее описание Lloyd E. Ambrosius, *Wilsonian Statecraft: Theory and Practice of Liberal Internationalism during World War I* (Wilmington, Del., 1991), Thomas J. Knock, *To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order* (New York, 1992) и Arthur Walworth, *Wilson and his Peacemakers: American Diplomacy at the Paris Peace Conference, 1919* (New York, 1986).
126. Winkler, *Von der Revolution*, 94–5; Carsten, *Revolution*, 271–98.
127. John Horne and Alan Kramer, *German Atrocities 1914: A History of Denial* (London, 2001), 345–55, 446–50; Gerd Hankel, *Die Leipziger Prozesse: Deutsche Kriegsverbrechen und ihre strafrechtliche Verfolgung nach dem Ersten Weltkrieg* (Hamburg, 2003).
128. Bruce Kent, *The Spoils of War: The Politics, Economics and Diplomacy of Reparations 1918–1932* (Oxford, 1989).
129. Alan Sharp, *The Versailles Settlement: Peacekeeping in Paris, 1919* (London, 1991).
130. Fischer, *Germany’s Aims, passim*.
131. Хорошие доводы в пользу мирных договоров см. в Macmillan, *Peacemakers*.

132. Abel Testimony (далее АТ) 114, in Peter H. Merkl, *Political Violence under the Swastika: 581 Early Nazis* (Princeton, 1975), 191.
133. АТ 334, *ibid.*, 192–3.
134. АТ 248, *ibid.*, 194–5.
135. См. классическое и до сих пор актуальное исследование: Fischer, *Germany's Aims*.
136. Eley, *Reshaping*, 333, 339–42; Dirk Stegmann, 'Zwischen Repression und Manipulation: Konservative Machteliten und Arbeiter- und Angestelltenbewegung 1910–1918: Ein Beitrag zur Vorgeschichte der DAP/NSDAP', *Archiv für Sozialgeschichte*, 12 (1972), 351–432.
137. Heinz Hagenlücke, *Die deutsche Vaterlandspartei: Die nationale Rechte am Ende des Kaiserreiches* (Düsseldorf, 1997); Verhey, *The Spirit of 1914*, 178–85; Mosse, *The Crisis*, 218–26.
138. Ernst Jünger, *In Stahlgewittern: Aus dem Tagebuch eines Stosstruppführers* (Hanover, 1920). Новое английское издание: *Storm of Steel* (London, 2003).
139. Richard Bessel, *Germany after the First World War* (Oxford, 1993), 256–61.
140. Theodore Abel, *Why Hitler Came to Power* (Cambridge, Mass., 1986 [1938]), 21, с цитатами из *Frankfurter Zeitung* (27 нояб. 1918).
141. Цитируется в Abel, *Why Hitler*, 24, показания 4.3.4 и 2.3.2.
142. *Ibid.*, 26, показание 4.1.2.
143. АТ 199, in Merkl, *Political Violence*, 167.
144. Показание 2.8.5 в Abel, *Why Hitler*, 27–8.
145. Christoph Jahr, *Gewöhnliche Soldaten: Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918* (Göttingen, 1998); Benjamin Ziemann, 'Fahnenflucht im deutschen Heer 1914–1918', *Militärgeschichtliche Mitteilungen* 55 (1996), 93–130.
146. Wolfgang Kruse, 'Krieg und Klassenheer: Zur Revolutionierung der deutschen Armee im Ersten Weltkrieg', *Geschichte und Gesellschaft*, 22 (1996), 530–61.
147. Merkl, *Political Violence*, 152–72.
148. Robert W. Whalen, *Bitter Wounds: German Victims of the Great War, 1914–1939* (Ithaca, NY, 1984); Deborah Cohen, *The War Come Home: Disabled Veterans in Britain and Germany, 1914–1918* (Berkeley, 2001); Bessel, *Germany*, 274–9.
149. Volker R. Berghahn, *Der Stahlhelm: Bund der Frontsoldaten 1918–1935* (Düsseldorf, 1966), 13–26, 105–6, 286; *Stahlhelm und Staat* (8 мая 1927), выдержки в англ. пер. см. в кн.: Anton Kaes et al. (eds.), *The Weimar Republic Sourcebook* (Berkeley, 1994), 339–40.

150. Bessel, *Germany*, 283–84; также Ulrich Heinemann, *Die verdrängte Niederlage: Politische Öffentlichkeit und Kriegsschuldfrage in der Weimarer Republik* (Göttingen, 1983).
151. Frevert, *Die kasernierte Nation*; Geoff Eley, 'Army, State and Civil Society' у него же *From Unification to Nazism*, 85–109; и более общее описание в Berghahn (ed.), *Militarismus*.
152. Evans, *Kneipengespräche*, 31–2, 339.
153. Bessel, *Germany*, 256–70.
154. Sebastian Haffner, *Defying Hitler: A Memoir* (London, 2002), 10–15.
155. Michael Wildt, *Generation des Unbedingten: Das Führungskorps des Reichssicherheitshauptamtes* (Hamburg, 2002), 41–52.
156. Berghahn, *Der Stahlhelm*, esp. 65–6; Karl Rohe, *Das Reichsbanner Schwarz Rot Gold: Ein Beitrag zur Geschichte und Struktur der politischen Kampfverbände zur Zeit der Weimarer Republik* (Düsseldorf, 1966); Kurt G. P. Schuster, *Der Rote Frontkämpferbund 1924–1929: Beiträge zur Geschichte und Organisationsstruktur eines politischen Kampfbundes* (Düsseldorf, 1975).
157. James M. Diehl, *Paramilitary Politics in Weimar Germany* (Bloomington, Ind., 1977), содержит описание развития военизированных групп. См. также: Martin Sabrow, *Der Rathenau-Mord: Rekonstruktion einer Verschwörung gegen die Republik von Weimar* (Munich, 1994) — прекрасное исследование мира вооруженных заговорщиков.
158. Erhard Lucas, *Märzrevolution im Ruhrgebiet* (3 vols., Frankfurt am Main, 1970–78), классическая история с политическим уклоном; George Eliasberg, *Der Ruhrkrieg von 1920* (Bonn, 1974), более взвешенное и менее детальное исследование, симпатизирующее умеренным социал-демократам.
159. Klaus Theweleit, *Male Fantasies* (2 vols., Cambridge, 1987 and 1989 [1978]); Evans, *Rereading*, 115–18.
160. Книга, которая до сих пор считается лучшей английской работой о добровольческих бригадах: Robert G. L. Waite, *Vanguard of Nazism. The Free Corps Movement in Postwar Germany 1918–1923* (Harvard, 1952). См. также: Hagen Schulze, *Freikorps und Republik 1918–1920* (Boppard, 1969) и Emil J. Gumbel, *Verschwörer: Zur Geschichte und Soziologie der deutschen nationalistischen Geheimbünde 1918–1924* (Heidelberg, 1979 [1924]).
161. Volker Ullrich, *Der ruhelose Rebell: Karl Plättner 1893–1945. Eine Bio-graphie* (Munich, 2000); и Manfred Gebhardt, *Max Hoelz: Wege und Irrwege eines Revolutionärs* (Berlin, 1983).

Глава 2.

КРУШЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

1. Цитируется в Winkler, *Von der Revolution* 39; см. также полезное исследование: Dieter Dowe and Peter-Christian Witt, *Friedrich Ebert 1871–1925: Vom Arbeiterführer zum Reichspräsidenten* (Bonn, 1987), а также выставочный каталог Walter Mühlhausen, *Friedrich Ebert: Sein Leben, sein Werk, seine Zeit* (Heidelberg, 1999). Биография Georg Kotowski, *Friedrich Ebert: Eine politische Biographie*, I: *Der Aufstieg eines deutschen Arbeiterführers 1871 bis 1917* (Wiesbaden, 1963) до сих пор не завершена.
2. Anthony J. Nicholls, *Weimar and the Rise of Hitler* (4th edn., London, 2000 [1968]) — заслуживающий доверия краткий обзор этих событий. Среди последних общих работ по политической истории отдельно стоят Hans Mommsen, *The Rise and Fall of Weimar Democracy* (Chapel Hill, NC, 1996 [1989]) и Heinrich August Winkler, *Weimar 1918–1933: Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie* (Munich, 1993).
3. См.: Theodor Eschenburg, *Die improvisierte Demokratie* (Munich, 1963). Другие классические работы, до сих пор заслуживающие прочтения: Erich Eyck, *A History of the Weimar Republic* (2 vols., Cambridge, 1962–4 [1953–6]) — богатое фактами изложение, написанное с либеральной точки зрения; два тома социалиста Артура Розенберга (Arthur Rosenberg): *The Birth of the German Republic* (Oxford, 1931 [1930]) и *A History of the German Republic* (London, 1936 [1935]), оба наполненные интересными и противоречивыми тезисами, в основном касающимися параллелей с вильгельмовским периодом.
4. Heinrich Hannover and Elisabeth Hannover-Drück, *Politische Justiz 1918–1933* (Frankfurt am Main, 1966), 76–7, 89.
5. Разные точки зрения на статью 48 см. в Nicholls, *Weimar*, 36–7; Detlev J. K. Peukert, *The Weimar Republic: The Crisis of Classical Modernity* (London, 1991 [1987]), 37–40; и Harald Boldt, 'Der Artikel 48 der Weimarer Reichsverfassung: Sein historischer Hintergrund und seine politische Funktion' в Michael Stürmer (ed.), *Die Weimarer Republik: Belagerte Civitas* (Königstein im Taunus, 1980), 288–309. Работа по Веймарской конституции — Ernst Rudolf Huber, *Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789*, V–VII (Stuttgart, 1978–84); см. также: Reinhard Rürup, 'Entstehung und Grundlagen der Weimarer Verfassung' в Eberhard Kolb (ed.), *Vom Kaiserreich zur Weimarer Republik* (Cologne, 1972), 218–43. Злоупотребление Эберта статьей 48 уже крити-

- ковалось современниками. См.: Schulz, 'Artikel 48 in politisch-historischer Sicht', в Ernst Fraenkel (ed.) *Der Staatsnotstand* (Berlin, 1965), 39–71. В Ludwig Richter, 'Das präsidiale Notverordnungsrecht in den ersten Jahren der Weimarer Republik: Friedrich Ebert und die Anwendung des Artikels 48 der Weimarer Reichsverfassung' в Eberhard Kolb (ed.) *Friedrich Ebert als Reichspräsident: Amtsführung und Amtsverständnis* (Munich, 1997), 207–58 делается попытка защиты.
6. Dowe and Witt, *Friedrich Ebert*, 155–7.
7. Werner Birkenfeld, 'Der Rufmord am Reichspräsidenten: Zu Grenzformen des politischen Kampfes gegen die frühe Weimarer Republik 1919–1925', *Archiv für Sozialgeschichte*, 15 (1965), 453–500.
8. Heinrich August Winkler, *Der Schein der Normalität: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1924 bis 1930* (Bonn, 1985), 231–4.
9. Victor Klemperer, *Leben sammeln, nicht fragen wozu und warum*, II: *Tagebücher 1925–1932* (Berlin, 1996), 56 (14 мая 1925).
10. John W. Wheeler-Bennett, *Hindenburg: The Wooden Titan* (London, 1936), 250–51. Удивительно резкая и точная характеристика, данная Уилером—Беннетом, основывается на продолжительных разговорах с людьми из свиты Гинденбурга и со многими ведущими со-временными консервативным немецкими политиками, с которыми у него были хорошие личные отношения, учитывая, что он был англичанином высокого происхождения, который занимался разведением лошадей на севере Германии. См. также: Walter Hubatsch, *Hindenburg und der Staat: Aus den Papieren des Generalfeldmarschalls und Reichspräsidenten von 1878 bis 1934* (Göttingen, 1966).
11. В Andreas Dorpalen, *Hindenburg and the Weimar Republic* (Princeton, 1964) Гинденбург рассматривается как неполитический лидер, который неохотно пришел в политику, поддавшись силе мифа о самом себе.
12. Nicholls, *Weimar*, 39–40; Jürgen Falter, *Hitlers Wähler* (Munich, 1991), 130–35.
13. См. классическую статью: Gerhard A. Ritter, 'Kontinuität und Umformung des deutschen Parteiensystems 1918–1920' in Eberhard Kolb (ed.), *Vom Kaiserreich zur Weimarer Republik* (Cologne, 1971), 218–43.
14. Vernon L. Lidtke, *The Alternative Culture: Socialist Labor in Imperial Germany* (New York, 1985).
15. Horstwalter Heitzer, *Der Volksverein für das katholische Deutschland im Kaiserreich 1890–1918* (Mainz, 1979); Gotthard Klein, *Der Volksverein*

- für das katholische Deutschland 1890–1933: Geschichte, Bedeutung, Untergang* (Paderborn, 1996); Dirk Müller, *Arbeiter, Katholizismus, Staat: Der Volksverein für das katholische Deutschland und die katholischen Arbeiterorganisationen in der Weimarer Republik* (Bonn, 1996); Doris Kaufmann, *Katholisches Milieu in Münster 1928–1933* (Düsseldorf, 1984).
16. Wilhelm L. Guttsman, *Workers' Culture in Weimar Germany: Between Tradition and Commitment* (Oxford, 1990).
17. Lynn Abrams, *Workers' Culture in Imperial Germany: Leisure and Recreation in the Rhineland and Westphalia* (London, 1991).
18. Bracher et al., *Die nationalsozialistische Machtergreifung*, I. 41, 58–9.
19. Bracher, *Die Auflösung*, 21–7, 64–95.
20. См.: Huber, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, VI. 133, и обсуждение в Eberhard Kolb, *The Weimar Republic* (London, 1988), 150–51. Критику пропорционального представительства см. в Eberhard Schanbacher, *Parlamentarische Wahlen und Wahlsystem in der Weimarer Republik: Wahlgesetzgebung und Wahlreform im Reich und in den Ländern* (Düsseldorf, 1982). В книге Falter, *Hitlers Wähler*, 126–35 строится обоснованная теория, которая в целом поддерживает негативную точку зрения.
21. Christoph Gusy, *Die Weimarer Reichsverfassung* (Tübingen, 1997), 97–8.
22. См. полезные списки на форзацах работы: Hagen Schulze, *Weimar: Deutschland 1917–1933* (Berlin, 1982).
23. См., например: Klaus Reimer, *Rheinlandfrage und Rheinlandbewegung (1918–1933): Ein Beitrag zur Geschichte der regionalistischen Bewegung in Deutschland* (Frankfurt am Main, 1979).
24. В Nicholls, *Weimar*, 33–6, связанные с этим проблемы преувеличиваются. По Пруссии см. работы: Hagen Schulze, *Otto Braun oder Preussens demokratische Sendung* (Frankfurt am Main, 1977), Dietrich Orlow, *Weimar Prussia 1918–1925: The Unlikely Rock of Democracy* (Pittsburgh, 1986) и Hans-Peter Ehni, *Bollwerk Preussen? Preussen-Regierung, Reich-Länder-Problem und Sozialdemokratie 1928–1932* (Bonn, 1975).
25. Подробности в Alfred Milatz, *Wähler und Wahlen in der Weimarer Republik* (Bonn, 1965) и Jürgen Falter et al, *Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten 1919–1933* (Munich, 1986).
26. Schulze, *Weimar*, форзацы.
27. Winkler, *Von der Revolution*; idem, *Der Schein*; idem, *Der Weg in die Katastrophe: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1930 bis 1933* (Bonn, 1987). Bracher et al., *Die nationalsozialistische*

- Machtergreifung*, I. 58–9; Richard N. Hunt, *German Social Democracy 1918–1933* (New Haven, 1964), с. 141–59.
28. Larry Eugene Jones, *German Liberalism and the Dissolution of the Weimar Party System, 1918–1933* (Chapel Hill, NC, 1988), 67–80.
29. Erich Matthias and Rudolf Morsey, 'Die Deutsche Staatspartei' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende der Parteien 1933: Darstellungen und Dokumente* (Düsseldorf, 1960), 29–97, с. 31–54; Werner Schneider, *Die Deutsche Demokratische Partei in der Weimarer Republik, 1924–1930* (Munich, 1978); Diehl, *Paramilitary Politics*, 269–76; Jones, *German Liberalism*, 369–74; Klaus Hornung, *Der Jungdeutsche Orden* (Düsseldorf, 1958).
30. Detlef Junker, *Die Deutsche Zentrumspartei und Hitler: Ein Beitrag zur Problematik des politischen Katholizismus in Deutschland* (Stuttgart, 1969); Rudolf Morsey, *Der Untergang des politischen Katholizismus: Die Zentrumspartei zwischen christlichem Selbstverständnis und 'Nationaler Erhebung' 1932/33* (Stuttgart, 1977); Karsten Ruppert, *Im Dienst am Staat von Weimar: Das Zentrum als regierende Partei in der Weimarer Demokratie 1923–1930* (Düsseldorf, 1992.). О Баварской народной партии см.: Klaus Schonhoven, *Die Bayerische Volkspartei 1924–1932* (Düsseldorf, 1972). Об общеевропейской ситуации см.: Eric Hobsbawm, *Age of Extremes: The Short Twentieth Century 1914–1991* (London 1994), 114–15.
31. Цитируется в Rudolf Morsey, 'Die Deutsche Zentrumspartei' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 279–453, с. 290–91.
32. Max Miller, *Eugen Bolz* (Stuttgart, 1951), 357–8, цитируется в Morsey, 'Die Deutsche Zentrumspartei', 292; см. также: Joachim Sailer, *Eugen Bolz und die Krise des politischen Katholizismus in der Weimarer Republik* (Tübingen, 1994).
33. John Cornwell, *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII* (London, 1999), с. 96–7, 116–17, 120–51; с опорой на работу Klaus Scholder, *The Churches and the Third Reich* (2 vols., London, 1987–8 [1977, 1985]); Morsey, 'Die Deutsche Zentrumspartei', 301, — о давлении со стороны Ватикана.
34. Werner Angress, *Stillborn Revolution: The Communist Bid for Power in Germany, 1921–1923* (Princeton, 1963); Ben Fowkes, *Communism in Germany under the Weimar Republic* (London, 1984), 148, 161; Eric D. Weitz, *Creating German Communism, 1890–1990: From Popular Protests to Socialist State* (Princeton, 1997), 100–31; и в первую очередь Hermann Weber, *Die Wandlung des deutschen Kommunismus: Die Stalinisierung der KPD in der Weimarer Republik* (2 vols., Frankfurt am Main, 1969).

35. Evans, *Rituals*, 507–9, 574 — один пример из многих.
36. Maximilian Müller-Jabusch (ed.), *Handbuch des öffentlichen Lebens* (Leipzig, 1931), 442–5, выдержки в англ. пер. приводятся в книге: Kaes et al. (eds.), *The Weimar Republic Sourcebook*, 348–52; более общее описание см. в Mommsen, *The Rise and Fall*, 253–60.
37. Bracher, *Die Auflösung*, 309–30; Friedrich Freiherr Hiller von Gaertringen, 'Die Deutschnationale Volkspartei', in Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 541–652, at 543–9.
38. Henry Ashby Turner, Jr., *Gustav Stresemann and the Politics of the Weimar Republic* (Princeton, 1965 [1963]), 250–51; Jonathan Wright, *Gustav Stresemann: Weimar's Greatest Statesman* (Oxford, 2002).
39. Broszat, *Der Staat Hitlers*, 19–20.
40. Diehl, *Paramilitary Politics*, 209–43; Berghahn, *Der Stahlhelm*, 103–30.
41. Francis L. Carsten, *The Reichswehr and Politics 1918–1933* (Oxford, 1966), 3–48; Wolfram Wette, *Gustav Noske: Eine politische Biographie* (Düsseldorf, 1987), 399–459.
42. Carsten, *The Reichswehr*, 106–7; Johannes Erger, *Der Kapp–Lüttwitz Putsch: Ein Beitrag zur deutschen Innenpolitik 1919/20* (Düsseldorf, 1967); Erwin Konnemann et al. (eds.), *Arbeiterklasse siegt über Kapp und Lüttwitz* (2 vols., Berlin, 1971).
43. Цитируется в Carsten, *The Reichswehr*, 401.
44. Thilo Vogelsang (ed.), 'Neue Dokumente zur Geschichte der Reichswehr, 1930–1933', *VfZ* 2 (1954), 397–436.
45. Friedrich von Rabenau, *Seeckt — aus seinem Leben 1918–1936* (Leipzig, 1940), 759–61 и Otto–Ernst Schiiddekopf, *Das Heer und die Republik — Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933* (Hanover, 1955), 179–81. См. также более поздние исследования: John W. Wheeler–Bennett, *The Nemesis of Power: The German Army in Politics 1918–1945* (London, 1953), которые сегодня во многих отношениях устарели, с очень критическим взглядом на армию, а также работы Harold J. Gordon, *The Reichswehr and the German Republic 1919–26* (Princeton, 1957), симпатизирующую Зекту. Основные подробности см. в Rainer Wohlfeil, 'Heer und Republik', in Hans Meier–Welcker and Wolfgang von Groote (eds.), *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte 1648–1939*, VI (Frankfurt am Main, 1970), 11–304.
46. Carsten, *The Reichswehr*, 276; Ernst Willi Hansen, *Reichswehr und Industrie: Rustungswirtschaftliche Zusammenarbeit und wirtschaftliche Mobilisierungsvorbereitungen 1923–1932* (Boppard, 1978); Manfred Zeidler, *Reichswehr und Rote Armee 1920–1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit* (Munich, 1993); более общее

- описание в Michael Geyer, *Aufriistung oder Sicherheit: Reichswehr in der Krise der Machtpolitik, 1924–1936* (Wiesbaden, 1980), а также Karl Nuss, *Militär und Wiederaufrüstung in der Weimarer Republik: Zur politischen Rolle und Entwicklung der Reichswehr* (Berlin, 1977).
47. Carsten, *The Reichswehr*, 159–60, 168–9, 226.
48. Michael Geyer, 'Professionals and Junkers: German Rearmament and Politics in the Weimar Republic' in Richard Bessel and Edgar Feuchtwanger (eds.), *Social Change and Political Development in Weimar Germany* (London, 1981), 77–133.
49. См. классическое исследование: Craig, *The Politics of the Prussian Army*, 382–467.
50. Eberhard Kolb, 'Die Reichsbahn vom Dawes-Plan bis zum Ende der Weimarer Republik' в Lothar Gall and Manfred Pohl (eds.), *Die Eisenbahn in Deutschland: Von den Anfängen bis zur Gegenwart* (Munich, 1999), 109–64, с. 149–50.
51. Jane Caplan, *Government without Administration: State and Civil Service in Weimar and Nazi Germany* (Oxford, 1988), 8–18, 60–61.
52. Gerhart Fieberg (ed.), *Im Namen des deutschen Volkes: Justiz und Nationalsozialismus* (Cologne, 1989), 8.
53. Bracher, *Die Auflösung*, 162–72.
54. Caplan, *Government*, 30–36.
55. Ibid., 33–57; Wolfgang Runge, *Politik und Beamtentum im Parteienstaat: Die Demokratisierung der politischen Beamten in Preussen zwischen 1918 und 1933* (Stuttgart, 1965); Anthony J. Nicholls, 'Die höhere Beamtenschaft in der Weimarer Zeit: Betrachtungen zu Problemen ihrer Haltung und ihrer Fortbildung' в Lothar Albertin and Werner Link (eds.), *Politische Parteien auf dem Weg zur parlamentarischen Demokratie in Deutschland: Entwicklungslinien bis zur Gegenwart* (Düsseldorf, 1981), 195–207; Hans Fenske, 'Monarchisches Beamtentum und demokratischer Rechtsstaat: Zum Problem der Bürokratie in der Weimarer Republik' в *Demokratie und Verwaltung: 25 Jahre Hochschule für Verwaltung Speyer* (Berlin, 1972), 117–36; Rudolf Morsey, 'Beamtenschaft und Verwaltung zwischen Republik und "Neuem Staat"' в Karl Dietrich Erdmann and Hagen Schulze (eds.), *Weimar: Selbstpreisgabe einer Demokratie* (Düsseldorf, 1980), 151–68; Eberhard Pikart, 'Preussische Beamtenpolitik 1918–1933', *VfZ* 6 (1958), 119–37.
56. Broszat, *Der Staat Hitlers*, 27–9.
57. AT 28, in Merkl, *Political Violence*, 513.
58. См.: Rainer Fattmann, *Bildungsbürger in der Defensive: Die akademische Beamtenschaft und der 'Reichsbund der höheren Beamten' in der Weimarer Republik* (Göttingen, 2001).

59. Fischer, *Germany's Aims*.
60. Процесс инфляции во время и сразу после войны очень подробно рассматривается на первых 150 страницах монументального исторического труда Gerald D. Feldman, *The Great Disorder: Politics, Economic, and Society in the German Inflation, 1914–1924* (New York, 1993). Курсы обмена за весь период приведены в таблице 1 на стр. 5. Работа Фельдмана замещает классические исследования Constantino Bresciani-Turroni, *The Economics of Inflation: A Study of Currency Depreciation in Post-war Germany* (London, 1937) и Karsten Laursen and Jürgen Pedersen, *The German Inflation 1918–1923* (Amsterdam, 1964). Существует сжатый обзор Theo Balderston, *Economics and Politics in the Weimar Republic* (London, 2002), 34–60. В работе Stephen B. Webb, *Hyperinflation and Stabilization in Weimar Germany* (Oxford, 1989) проводится связь между процессом инфляции и проблемой репараций.
61. Feldman, *The Great Disorder*, 5 (table 1); см. также: Kent, *The Spoils of War*, 45–6, 142–58.
62. Feldman, *The Great Disorder*, 837–9; более пессимистичное изложение в Niall Ferguson, *Paper and Iron: Hamburg Business and German Politics in the Era of Inflation, 1897–1927* (Oxford, 1995), с. 408–19.
63. Feldman, *The Great Disorder*, 5 (table 1). Об оккупации Рура см.: Conan Fischer, *The Ruhr Crisis 1923–1924* (Oxford, 2003); Hermann J. Rupieper, *The Cuno Government and Reparations 1922–1923: Politics and Economics* (The Hague, 1979); а также Klaus Schwabe (ed.), *Die Ruhrkrise 1923: Wendepunkt der internationalen Beziehungen nach dem Ersten Weltkrieg* (Paderborn, 1985). *Wendepunkt der internationalen Beziehungen nach dem Ersten Weltkrieg* (Paderborn, 1985).
64. *Berliner Morgenpost* 251 (21 окт. 1923), ‘Zahlen–Wahnsinn, von Bruno H. Bürgel’.
65. Norman Angell, *The Story of Money* (New York, 1930), 332; Haffner, *Defying Hitler*, 49–50.
66. Fritz Blaich, *Der schwarze Freitag: Inflation und Wirtschaftskrise* (Munich, 1985), 14, 31.
67. *Wirtschaftskurve*, 2 (1923), 1, 29 and 4 (1923), 21, приводятся расходы семьи служащего со средним доходом и одним ребенком, цитируется в Carl-Ludwig Holtferich, *The German Inflation 1914–1923: Causes and Effects in International Perspective* (New York, 1986 [1980]), 261.
68. *Berliner Morgenpost*, 220 (15 сент. 1923 г), ‘Zurückgehaltene Ware: Weil der “morgige Preis” noch nicht bekannt ist’.
69. Feldman, *The Great Disorder*, 704–6.
70. Holtferich, *The German Inflation*, 261–3.

71. Klemperer, *Leben sammeln*, I. 239 (26 февр. 1920).
72. Ibid., 257 (28 марта 1920).
73. Ibid., 262 (1 апр. 1920).
74. Ibid., 697 (27 мая 1923), 700—1 (1 и 2 июня 1923). Умозрительные соображения см. в Haffner, *Defying Hitler*, 46—7.
75. Klemperer, *Leben sammeln*, I. 717 (24 июля 1923), 729 (3 авг. 1923).
76. Ibid., 740 (27/28 авг. 1923 г.).
77. Ibid., 752 (9 окт. 1923).
78. Ibid., 751 (9 окт. 1923).
79. Ibid., 757 (2 нояб. 1923).
80. Ibid., 758 (7 и 16 нояб. 1923).
81. *Berliner Morgenpost*, 213 (7 сент. 1923): 'Nur noch dreissig Strassenbahn-Linien'.
82. Kent, *The Spoils of War*, 245—8.
83. Feldman, *The Great Disorder*, 741—7.
84. Ibid., 778—93.
85. Ibid., 754—835.
86. Derek H. Aldcroft, *From Versailles to Wall Street 1919—1929* (London, 1977), 125—55.
87. Feldman, *The Great Disorder*, 854—88.
88. Klemperer, *Leben sammeln*, I. 761 (4 дек. 1923), 763 (20 дек. 1923).
89. Nikolaus Wachsmann, *Hitler's Prisons: Legal Terror in Nazi Germany*, chapter 2.
90. Michael Grüttner, 'Working-Class Crime and the Labour Movement: Pilfering in the Hamburg Docks, 1888—1923' в Richard J. Evans (ed.), *The German Working Class 1888—1933: The Politics of Everyday Life* (London, 1982), 54—79.
91. Hans Ostwald, *Sittengeschichte der Inflation: Ein Kulturdokument aus den Jahren des Marksturzes* (Berlin, 1931), с. 30—31.
92. Martin Geyer, *Verkehrte Welt: Revolution, Inflation, und Moderne. München 1914—1924* (Göttingen, 1998), *passim*.
93. Bernd Widdig, *Culture and Inflation in Weimar Germany* (Berkeley, 2001), 113—33.
94. Geyer, *Verkehrte Welt*, 243—318; Gerald D. Feldman (ed.), *Die Nachwirkungen der Inflation auf die deutsche Geschichte 1924—1933* (Munich, 1985).
95. Удивительное исследование одного такого вмешательства см. в Charles Medalen, 'State Monopoly Capitalism in Germany: The Hibernia Affair', *Past and Present*, 78 (February 1978), 82—112.
96. Henry Ashby Turner, Jr., *German Big Business and the Rise of Hitler* (New York, 1985), 3—18; Gerald D. Feldman, *Army, Industry and*

- Labor in Germany, 1914–1918* (Princeton, 1966); idem, 'The Origins of the Stinnes–Legien Agreement: A Documentation', *Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*, 19/20 (1973), 45–104.
97. Итоги споров о природе и объеме инвестиций в бизнес во время инфляции см. в Harold James, *The German Slump: Politics and Economics, 1924–1936* (Oxford, 1986), 125–30.
 98. Peter Hayes, *Industry and Ideology: I.G. Farben in the Nazi Era* (Cambridge, 1987), 16–17; Gerald D. Feldman, *Hugo Stinnes: Biographie eines Industriellen 1870–1924* (Munich, 1998).
 99. Mary Nolan, *Visions of Modernity: American Business and the Modernization of Germany* (New York, 1994).
 100. Peukert, *The Weimar Republic*, 112–17.
 101. Robert Brady, *The Rationalization Movement in Germany: A Study in the Evolution of Economic Planning* (Berkeley, 1933); James, *The German Slump*, 146–61.
 102. Feldman, *The Great Disorder*, 343–44; Harold James, 'Economic Reasons for the Collapse of the Weimar Republic' в Ian Kershaw (ed.), *Weimar: Why did German Democracy Fail?* (London, 1990), 30–57, с. 33–4; см. также: Dieter Hertz-Eichenrode, *Wirtschaftskrise und Arbeitsbeschaffung: Konjunkturpolitik 1925/26 und die Grundlagen der Krisenpolitik Brünnings* (Frankfurt am Main, 1981); Fritz Bläich, *Die Wirtschaftskrise 1925/26 und die Reichsregierung: Von der Erwerbslosenfürsorge zur Konjunkturpolitik* (Kallmünz, 1977); and Klaus-Dieter Krohn, *Stabilisierung und ökonomische Interessen: Die Finanzpolitik des deutschen Reiches 1923–1927* (Düsseldorf, 1974).
 103. Bernd Weisbrod, *Schwerindustrie in der Weimarer Republik: Interessenpolitik Zwischen Stabilisierung und Krise* (Wuppertal, 1978), 415–56; James, *The German Slump*, 162–223.
 104. Richard Bessel, 'Why did the Weimar Republic Collapse?' in Kershaw (ed.), *Weimar*, 120–52, с. 136; Bernd Weisbrod, 'The Crisis of German Unemployment Insurance in 1928/29 and its Political Repercussions' в Wolfgang J. Mommsen (ed.), *The Emergence of the Welfare State in Britain and Germany, 1850–1950* (London, 1981), 188–204; Richard J. Evans, 'Introduction: The Experience of Mass Unemployment in the Weimar Republic' in Richard J. Evans and Dick Geary (eds.), *The German Unemployed: Experiences and Consequences of Mass Unemployment from the Weimar Republic to the Third Reich* (London, 1987), 1–22, at 5–6; Merith Niehuss, 'From Welfare Provision to Social Insurance: The Unemployed in Augsburg 1918–27' в Evans and Geary (eds.), *The German Unemployed*, 44–72.

105. Turner, *German Big Business*, 19–46; Weisbrod, *Schwerindustrie*; см. также краткий обзор: J. Adam Tooze, 'Big Business and the Continuities of German History, 1900–1945' в Panikos Panayi (ed.), *Weimar and Nazi Germany: Continuities and Discontinuities* (London, 2001), 173–98.
106. Подробности скандала с Барматом см. в Bernhard Fulda, 'Press and Politics in Berlin, 1924–1930' (Cambridge Ph.D. dissertation, 2003), 63–71, 87–117.
107. Dick Geary, 'Employers, Workers, and the Collapse of the Weimar Republic' в Kershaw (ed.), *Weimar*, 92–119.
108. Karl Rohe, *Wahlen und Wählertraditionen in Deutschland* (Frankfurt am Main, 1992), 124.
109. Falter, *Hitlers Wähler*, 327–8; Kurt Koszyk, *Deutsche Presse 1914–1945: Geschichte der deutschen Presse*, III (Berlin, 1972).
110. Babette Gross, *Willi Münzenberg: Eine politische Biographie* (Stuttgart, 1967).
111. Erich Schairer, 'Alfred Hugenberg', *Mit anderen Augen: Jahrbuch der deutschen Sonntagszeitung* (1929), 18–21, цитируется в англ. пер. в Kaes et al. (eds.), *The Weimar Republic Sourcebook*, 72–4; Dankwart Guratzsch, *Macht durch Organisation: Die Grundlegung des Hugenbergischen Presseimperiums* (Düsseldorf, 1974), 192–3, 244, 248.
112. Fulda, 'Press and Politics', table 1.
113. Modris Eksteins, *The Limits of Reason: The German Democratic Press and the Collapse of Weimar Democracy* (Oxford, 1975), 129–30, 249–50.
114. Fulda, 'Press and Politics', table 1.
115. Falter, *Hitlers Wähler*, 325–39.
116. Oswald Spengler, *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*, I: *Gestalt und Wirklichkeit* (Vienna, 1918), 73–5.
117. Arthur Moeller van den Bruck, *Das Dritte Reich* (3rd edn., Hamburg, 1931 [Berlin, 1923]), p. 300, 320; Gary D. Stark, *Entrepreneurs of Ideology: Neo-Conservative Publishers in Germany, 1890–1933* (Chapel Hill, NC 1981); Agnes Stansfield, 'Das Dritte Reich: A Contribution to the Study of the "Third Kingdom" in German Literature from Herder to Hegel', *Modern Language Review*, 34 (1934), 156–72. Мёллер ван ден Брук изначально назвал свою консервативно-революционную утопию «Третий Путь»; см.: Mosse, *The Crisis*, 281.
118. Edgar Jung, 'Deutschland und die konservative Revolution', in *Deutsche über Deutschland* (Munich, 1932), 369–82, выдержки в англ. пер. в Kaes et al., (eds.), *The Weimar Republic Sourcebook*, 352–4.

119. Jünger, *In Stahlgewittern*; see also Nikolaus Wachsmann, 'Marching under the Swastika? Ernst Jünger and National Socialism, 1918–33', *Journal of Contemporary History*, 33 (1998), 573–89.
120. Theweleit, *Male Fantasies*.
121. См. классическое исследование этих и других схожих стилей мышления: Kurt Sonthheimer, *Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik* (Munich, 1978 [1962]).
122. James M. Ritchie, *German Literature under National Socialism* (London, 1983), 10–11; см. также: Peter Zimmermann, 'Literatur im Dritten Reich' в Jan Berg *et al.* (eds.), *Sozialgeschichte der deutschen Literatur von 1918 bis zur Gegenwart* (Frankfurt am Main, 1981), 361–416; Josi Hermand and Frank Trommler, *Die Kultur der Weimarer Republik* (Munich, 1978), 128–92.
123. См.: Nitschke *et al.* (eds.) *Jahrhundertwende*; о «моральной панике» в вильгельмовский период см.: Richard J. Evans, *Tales from the German Underworld: Crime and Punishment in the Nineteenth Century* (London, 1998), 166–212; Gary Stark, 'Pornography, Society and the Law in Imperial Germany', *Central European History*, 14 (1981), 200–20; Bram Dijkstra, *Idols of Perversity: Fantasies of Female Evil in Fin-de-Siècle Culture* (New York, 1986); Robin Lenman, 'Art, Society and the Law in Wilhelmine Germany: The Lex Heinze', *Oxford German Studies*, 8 (1973), 86–113; Matthew Jefferies, *Imperial Culture in Germany, 1871–1918* (London, 2003); о веймарской культуре см.: Peukert, *The Weimar Republic*, 164–77.
124. Hermand and Trommler, *Die Kultur*, 193–260.
125. Karen Koehler, 'The Bauhaus, 1919–1928: Gropius in Exile and the Museum of Modern Art, N. Y., 1938' в Richard A. Etlin (ed.), *Art, Culture and Media under the Third Reich* (Chicago, 2002), 287–315; Barbara Miller Lane, *Architecture and Politics in Germany, 1918–1945* (Cambridge, Mass., 1968), 70–78; Shearer West, *The Visual Arts in Germany 1890–1936: Utopia and Despair* (Manchester, 2000), 143–55; Hans Wingler, *The Bauhaus — Weimar, Dessau, Berlin, Chicago 1919–1944* (Cambridge, Mass., 1978); Frank Whitford, *The Bauhaus* (London, 1984).
126. Gerald D. Feldman, 'Right-Wing Politics and the Film Industry: Emil Georg Strauss, Alfred Hugenberg, and the UFA, 1917–1933' в Christian Jansen *et al.* (eds.), *Von der Aufgabe der Freiheit: Politische Verantwortung und bürgerliche Gesellschaft im 19. und 20. Jahrhundert: Festschrift für Hans Mommsen zum 5. November 1995* (Berlin, 1995), 219–30; Siegfried Kracauer, *From Caligari to Hitler: A Psychological History of the German Film* (Princeton, 1947), 214–16.

127. Andrew Kelly, *Filming All Quiet on the Western Front — 'Brutal Cutting, Stupid Censors, Bigoted Politicos'* (London, 1998) переиздана в мягкой обложке под названием *All Quiet on the Western Front: The Story of a Film* (London, 2002). Более общее описание веймарской культуры см. в классическом очерке: Peter Gay, *Weimar Culture: The Outsider as Insider* (London, 1969). Walter Laqueur, *Weimar: A Cultural History 1918–1933* (London, 1974) содержит хороший обзор как консервативного большинства, так и авангардного меньшинства; см. также: Hermand and Trommler, *Die Kultur*, 350–437 о визуальном искусстве.
128. Erik Levi, *Music in the Third Reich* (London, 1994), 1–13; Hermand and Trommler, *Die Kultur*, 279–350.
129. Michael H. Kater, *Different Drummers: Jazz in the Culture of Nazi Germany* (New York, 1992), 3–28; Peter Jelavich, *Berlin Cabaret* (Cambridge, Mass., 1993), 202.
130. Peukert, *The Weimar Republic*, 178–90.
131. AT 43, in Merkl, *Political Violence*, 173.
132. Abrams, *Workers' Culture*, в частности глава 7.
133. Richard J. Evans, *The Feminist Movement in Germany 1894–1933* (London, 1976), 112, 141; Rudolph Binion, *Frau Lou: Nietzsche's Wayward Disciple* (Princeton, 1968), 447.
134. James D. Steakley, *The Homosexual Emancipation Movement in Germany* (New York, 1975); John C. Fout, 'Sexual Politics in Wilhelmine Germany: The Male Gender Crisis, Moral Purity, and Homophobia', *Journal of the History of Sexuality*, 2 (1992), 388–421.
135. См.: Renate Bridenthal and Claudia Koonz, 'Beyond *Kinder, Küche, Kirche*: Weimar Women in Politics and Work' в Renate Bridenthal et al. (eds.), *When Biology Became Destiny: Women in Weimar and Nazi Germany* (New York, 1984), 33–65.
136. Planert, *Antifeminismus*.
137. Evans, *The Feminist Movement*, 145–201; Klaus Hohnig, *Der Bund Deutscher Frauenvereine in der Weimarer Republik 1919–1923* (Egelsbach, 1995).
138. Atina Grossmann, *Reforming Sex: The German Movement for Birth Control and Abortion Reform 1920–1950* (New York, 1995), 16; Steakley, *The Homosexual Emancipation Movement*; Fout, 'Sexual Politics'; Charlotte Wolff, *Magnus Hirschfeld: A Portrait of a Pioneer in Sexology* (London, 1986).
139. James Woycke, *Birth Control in Germany 1871–1933* (London, 1988), 113–16, 121, 147–8; Grossmann, *Reforming Sex*; Cornelia Osborne,

- The Politics of the Body in Weimar Germany: Women's Reproductive Rights and Duties* (London, 1991).
140. Clifford Kirkpatrick, *Nazi Germany: Its Women and Family Life* (New York, 1938), 36; Elizabeth Harvey, 'Serving the Volk, Saving the Nation: Women in the Youth Movement and the Public Sphere in Weimar Germany' в Larry Eugene Jones and James Retallack (eds.), *Elections, Mass Politics, and Social Change in Modern Germany: New Perspectives* (New York, 1992), 201–22; Irene Stoehr, 'Neue Frau und alte Bewegung? Zum Generationskonflikt in der Frauenbewegung der Weimarer Republik' в Jutta Dalhoff et al. (eds.), *Frauenmacht in der Geschichte* (Düsseldorf, 1986), 390–400; Atina Grossmann, "'Girlikultur' or Thoroughly Rationalized Female: A New Woman in Weimar Germany' в Judith Friedlander et al. (eds.), *Women in Culture and Politics: A Century of Change* (Bloomington, Ind., 1986), 62–80.
 141. Raffael Scheck, *Mothers of the Nation: Right-Wing Women in German Politics, 1918–1923*; Hohnig, *Der Bund*; Ute Planert (ed.), *Nation, Politik und Geschlecht: Frauenbewegungen und Nationalismus in der Moderne* (Frankfurt am Main, 2000).
 142. Merkl, *Political Violence*, 230–89, частные свидетельства; см. также: Peter D. Stachura, *The German Youth Movement, 1900–1945: An Interpretative and Documentary History* (London, 1981), где отрицается протофашистский аспект молодежного движения, которому уделяется такое внимание в классических исследованиях: см., например: Laqueur, *Young Germany*, Howard Becker, *German Youth: Bond or Free?* (New York, 1946) и Mosse, *The Crisis*, 171–89. См. более поздние работы Jürgen Reulecke, '«Hat die Jugendbewegung den Nationalsozialismus vorbereitet?» Zum Umgang mit einer falschen Frage', in Wolfgang R. Krabbe (ed.), *Politische Jugend in der Weimarer Republik* (Bochum, 1993), 222–43.
 143. Klemperer, *Leben sammeln*, II. 56 (14 мая 1915).
 144. AT 144, 173 в Merkl, *Political Violence*, 290–310, с. 303–4; также полезный обзор Margret Kraul, *Das deutsche Gymnasium 1780–1980* (Frankfurt am Main, 1984), 127–56; в работе Folkert Meyer, *Schule der Untertanen: Lehrer und Politik in Preussen 1848–1900* (Hamburg, 1976) показано крайне негативное политическое влияние школ; в работе Mosse, *The Crisis*, 149–70 подчеркивается националистическое влияние. Альтернативное мнение см. в Marjorie Lamberti, 'Elementary School Teachers and the Struggle against Social Democracy in Wilhelmine Germany', *History of Education Quarterly*, 12 (1991), 74–97; и у нее же *State, Society and the Elementary School in Imperial Germany* (New York, 1989).

145. Konrad H. Jarausch, *Deutsche Studenten 1800–1970* (Frankfurt am Main, 1984), esp. 117–22; Michael S. Steinberg, *Sabers and Brown Shirts: The German Students' Path to National Socialism, 1918–1935* (Chicago, 1977); Geoffrey J. Giles, *Students and National Socialism in Germany* (Princeton, 1985), исследование Университета Гамбурга. В букв. пер. AStA (*Allgemeiner Studenten-Ausschuss*) звучит как «Генеральный студенческий комитет», функции этих организаций были сравнимы с функциями студенческих союзов в англоговорящем мире.
146. Michael H. Kater, *Studentenschaft und Rechtsradikalismus in Deutschland 1918–1933: Eine sozialgeschichtliche Studie zur Bildungskrise in der Weimarer Republik* (Hamburg, 1975); idem, 'The Work Student: A Socio-Economic Phenomenon of Early Weimar Germany', *Journal of Contemporary History*, 10 (1975), 71–94; Wildt, *Generation des Unbedingten*, 72–80.
147. Ibid., 81–142.
148. Ulrich Herbert, *Best: Biographische Studien über Radikalismus, Weltanschauung und Vernunft 1903–1989* (Bonn, 1996), 42–68.
149. AT 96, in Merkl, *Political Violence*, 136 (в оригинале курсивом).
150. Maria Tatar, *Lustmord: Sexual Murder in Weimar Germany* (Princeton, 1995) (см. мою рецензию на эту во многом неубедительную книгу в журнале *German History*, 14 (1996), 414–15); более традиционная работа: Birgit Kreutzahler, *Das Bild des Verbrechers in Romanen der Weimarer Republik: Eine Untersuchung vor dem Hintergrund anderer gesellschaftlicher Verbrecherbilder und gesellschaftlicher Grundzüge der Weimarer Republik* (Frankfurt am Main, 1987); Kracauer, *From Caligari*; Evans, *Rituals*, 531–6.
151. Patrick Wagner, *Volksgemeinschaft ohne Verbrecher: Konzeptionen und Praxis der Kriminalpolizei in der Zeit der Weimarer Republik und des Nationalsozialismus* (Hamburg, 1996), 26–76, 153–79.
152. Evans, *Rituals*, 487–610.
153. Fieberg (ed.), *Im Namen*, 10–22.
154. Johannes Leeb в *Deutsche Richterzeitung*, 1921, ст. 1301, цитируется в Fieberg (ed.), *Im Namen*, 24–7.
155. Hans Hattenhauer, 'Wandlungen des Richterleitbildes im 19. und 20. Jahrhundert' в Ralf Dreier and Wolfgang Sellert (eds.), *Recht und Justiz im 'Dritten Reich'* (Frankfurt am Main, 1989), 9–33, at 13–16; Henning Grunwald, 'Political Lawyers in the Weimar Republic' (Ph. D. dissertation, Cambridge, 2002).
156. Fieberg (ed.), *Im Namen*, 24–7.

157. Emil J. Gumbel, *Vier Jahre politischer Mord* (Berlin, 1914), 73–5, выдержки и группировка в работе Fieberg (ed.), *Im Namen*, 29–35.
158. Недавние не слишком убедительные попытки показать веймарских судей в более благоприятном виде см. в Irmela Nahel, *Fememorde und Fememordprozesse in der Weimarer Republik* (Cologne, 1991) и Marcus Böttger, *Der Hochverrat in der höchststrichterlichen Rechtsprechung der Weimarer Republik: Ein Fall politischer Instrumentalisierung von Strafgesetzen?* (Frankfurt am Main, 1998).
159. Hannover and Hannover–Drück, *Politische Justiz*, 182–91; Kurt R. Grossmann, *Ossietzky: Ein deutscher Patriot* (Munich, 1963), 195–219; Elke Suhr, *Carl von Ossietzky: Eine Biographie* (Cologne, 1988), 162–8.
160. Hermann Schiller, *Auf der Flucht erschossen: Felix Fechenbach 1894–1933. Eine Biographie* (Cologne, 1981), 171–92.
161. Ilse Staff, *Justiz im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (2nd edn., Frankfurt am Main, 1978 [1964]), 22–4.
162. Gotthard Jasper, *Der Schutz der Republik* (Tübingen, 1963).
163. Evans, *Rituals*, 503–6.
164. Ingo Müller, *Hitler's Justice: The Courts of the Third Reich* (London, 1991 [1987]), 10–24.
165. Hannover and Hannover–Drück, *Politische Justiz*, 77.
166. Ralph Angermund, *Deutsche Richterschaft 1918–1945: Krisenerfahrung, Illusion, Politische Rechtsprechung* (Frankfurt am Main, 1990), 33–4.
167. Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*, III. 907–15, 1086–90; Thomas Nipperdey, *Deutsche Geschichte 1866–1918, I: Arbeitswelt und Bürgergeist* (Munich, 1990), 335–73; к более специальным работам относится книга Volker Hentschel, *Geschichte der deutschen Sozialpolitik (1880–1980)* (Frankfurt am Main, 1983); Gerhard A. Ritter, *Sozialversicherung in Deutschland und England: Entstehung und Grundzüge im Vergleich* (Munich, 1983); а также одно из первых исследований Karl Erich Born, *Staat und Sozialpolitik seit Bismarcks Sturz 1890–1914: Ein Beitrag zur Geschichte der innenpolitischen Entwicklung des deutschen Reiches 1880–1914* (Wiesbaden, 1957).
168. David F. Crew, *Germans on Welfare: From Weimar to Hitler* (New York, 1998), 16–31.
169. Статьи 119–22, 151–65 Веймарской конституции (в Huber, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, V–VII).
170. Ludwig Preller, *Sozialpolitik in der Weimarer Republik* (Düsseldorf, 1978 [1949]) до сих пор остается незаменимым классическим трудом; недавние важные исследования: Detlev J. K. Peukert, *Grenzen der Sozialdisziplinierung: Aufstieg und Krise der deutschen Jugendfürsorge 1878 bis 1932* (Cologne, 1986); Young–Sun Hong, *Welfare, Modernity,*

- and the Weimar State, 1919–1933* (Princeton, 1998) и Crew, *Germans on Welfare*.
171. Otto Riebigke, *Was brachte der Weltkrieg? Tatsachen und Zahlen aus dem deutschen Ringen* 1914–18 (Berlin, 1936), 97–112.
 172. Whalen, *Bitter Wounds*, 156, 168.
 173. Caplan, *Government*, 51, 60; Bessel, 'Why did the Weimar Republic Col-lapse?', 120–34, с. 123–5.
 174. Современные законы Германии о защите сведений запрещают использовать полные имена частных лиц.
 175. Подробности в работе Crew, *Germans on Welfare*, 107–15.
 176. Ibid., 204–8.
 177. О том, как распространялись такие идеи, см.: Richard F. Wetzell, *Inventing the Criminal: A History of German Criminology 1880–1945* (Chapel Hill, NC, 2000); с. 107–78; Wachsmann, *Hitler's Prisons*, часть I; Regina Schulte, *Sperrbezirke: Tugendhaftigkeit und Prostitution in der bürgerlichen Welt* (Frankfurt am Main, 1979), 174–204; Schmuhl, *Rassenhygiene*, 31, 94; Evans, *Rituals*, 526–36.
 178. Wagner, *Volksgemeinschaft*, 97–101.
 179. Цитируется в Evans, *Rituals*, 526–7.
 180. Nikolaus Wachsmann *et al.*, "'Die soziale Prognose wird damit sehr trübe ...': Theodor Viernstein und die Kriminalbiologische Sammelstelle in Bayern' в Michael Farin (ed.), *Polizeireport München 1799–1999* (Munich, 1999), 250–87.
 181. Karl Binding and Alfred Hoche, *Die Freigabe der Vernichtung lebensunwerten Lebens: Ihr Mass und ihre Form* (Leipzig, 1920); Michael Burleigh, *Death and Deliverance: 'Euthanasia', in Germany 1900–1945* (Cambridge, 1994), 11–42; Hong, *Welfare*, 29–276.
 182. Victor Klemperer, *Curriculum Vitae: Erinnerungen 1881–1918* (2 vols., Berlin, 1996 [1989]).
 183. Klemperer, *Leben sammeln*, I. 8 (23 нояб. 1918) и 9 (24 нояб. 1918).
 184. Ibid., 97 (12 апр. 1919), 109–10 (6 мая 1919).
 185. См. полезный биографический очерк Мартина Чалмерса в Victor Klemperer, *I Shall Bear Witness: The Diaries of Victor Klemperer 1933–1941* (London, 1998), ix–xxi.
 186. Klemperer, *Leben sammeln*, I. 600 (29 июня 1921).
 187. Ibid., 377 (10 сент. 1927).
 188. Ibid., 571 (3 сент. 1929).
 189. Ibid., 312 (26 дек. 1926).
 190. Ibid., I. 187 (27 сент. 1919).
 191. Ibid., I. 245 (14 марта 1920).
 192. Ibid., 248 (14 марта 1920).

193. Ibid., 433—4 (20 апр. 1921).
194. Ibid., II. 49 (17 апр. 1925).
195. Ibid., 758 (7 авг. 1932).
196. Martin Liepach, *Das Wahlverhalten der jüdischen Bevölkerung: Zur politischen Orientierung der Juden in der Weimarer Republik* (Tübingen, 1996) с. 211—310; более общее описание см. в Wolfgang Benz (ed.) *Jüdisches Leben in der Weimarer Republik* (Tübingen, 1998), 271—80; и Donald L. Niewyk, *The Jews in Weimar Germany* (Baton Rouge, La., 1980), 11—43.
197. Klaus Schwabe, 'Die deutsche Politik und die Juden im Ersten Weltkrieg' в Hans Otto Horch (ed.), *Judentum, Antisemitismus und europäische Kultur* (Tübingen, 1988), 255—66; Egmont Zechlin, *Die deutsche Politik und die Juden im Ersten Weltkrieg* (Göttingen, 1969), с. 527—41; Saul Friedlander, 'Die politischen Veränderungen der Kriegszeit und ihre Auswirkungen auf die Judenfrage' в Werner E. Mosse (ed.), *Deutsches Judentum in Krieg und Revolution 1916—1923* (Tübingen, 1971), 27—65. Более общее описание см. в Jochmann, *Gesellschaftskrise*, 99—170 ('Die Ausbreitung des Antisemitismus in Deutschland 1914—1923') и 171—94 ('Der Antisemitismus und seine Bedeutung für den Untergang der Weimarer Republik').
198. Stark, *Entrepreneurs*, 141, 208—9.
199. Jack Wertheimer, *Unwelcome Strangers: East European Jews in Imperial Germany* (New York, 1987), таблица IV; Wolfgang J. Mommsen, *Bürgerstolz und Weltmachtstreben: Deutschland unter Wilhelm II. 1890 bis 1918* (Berlin, 1995), 434—40; Steven Aschheim, *Brothers and Strangers: The East European Jew in German and German Jewish Consciousness 1800—1923* (Madison, 1982).
200. *Vossische Zeitung*, 6 нояб. 1923, выдержки в англ. пер. в Peukert, *The Weimar Republic*, 160; см. также: David Clay Large, '“Out with the Ostjuden”: The Scheunenviertel Riots in Berlin, November 1923' в Werner Bergmann et al. (eds.), *Exclusionary Violence: Antisemitic Riots in Modern Germany* (Ann Arbor, 2002), 123—40 и Dirk Walter, *Antisemitische Kriminalität und Gewalt: Judenfeindschaft in der Weimarer Republik* (Bonn, 1999), с. 151—4.
201. Peter Pulzer, 'Der Anfang vom Ende', in Arnold Paucker (ed.), *Die Juden im nationalsozialistischen Deutschland 1933—1944* (Tübingen, 1986), 3—15; Trude Maurer, *Ostjuden in Deutschland, 1918—1933* (Hamburg, 1986).
202. Kauders, *German Politics*, 182—91; о протестантизме см.: Kurt Nowak and Gérard Raulet (eds.), *Protestantismus und Antisemitismus in der Weimarer Republik* (Frankfurt am Main, 1994). Более общее опи-

сание см. в Heinrich August Winkler, 'Die deutsche Gesellschaft der Weimarer Republik und der Antisemitismus' в Bernd Martin and Ernst Schulin (eds.), *Die Juden als Minderheit in der Geschichte* (Munich, 1981), 271–89, и Jochmann, *Gesellschaftskrise*, 99–170. Локальное исследование см. в Stefanie Schüler-Springorum, *Die jüdische Minderheit in Königsberg, Preussen 1871–1945* (Göttingen, 1996).

Глава 3.

ПОДЪЕМ НАЦИЗМА

1. Peter Jelavich, *Munich and Theatrical Modernism: Politics, Playwriting, and Performance 1890–1914* (Cambridge, Mass., 1985) содержит хороший обзор театров Мюнхена того времени.
2. Драматический рассказ об Эйснере, основанный на широком и нетрадиционном прочтении современных источников, см. в Richard M. Watt, *The Kings Depart: The German Revolution and the Treaty of Versailles 1918–19* (London, 1973 [1968]), 312–30 и 354–81. См. также: Franz Schade, *Kurt Eisner und die bayerische Sozialdemokratie* (Hanover, 1961) и Peter Kritzer, *Die bayerische Sozialdemokratie und die bayerische Politik in den Jahren 1918–1923* (Munich, 1969); Bernhard Grau, *Kurt Eisner 1867–1919; Eine Biographie* (Munich, 2001).
3. Allan Mitchell, *Revolution in Bavaria 1918/1919: The Eisner Regime and the Soviet Republic* (Princeton, 1965), 171–2; Freya Eisner, *Kurt Eisner: Die Politik der libertären Sozialismus* (Frankfurt am Main, 1979), 175–80.
4. Об этих и последующих событиях см.: Mitchell, *Revolution*; см. также: Winkler, *Von der Revolution*, 184–90 и Heinrich Hillmayr, *Roter und weisser Terror in Bayern nach 1918: Erscheinungsformen und Folgen der Gewalttätigkeiten im Verlauf der revolutionären Ereignisse nach dem Ende des Ersten Weltkrieges* (Munich, 1974).
5. Еще одно красочное описание см. в Watt, *The Kings Depart*, 312–30, 354–81; David Clay Large, *Where Ghosts Walked: Munich's Road to the Third Reich* (New York, 1997), 76–92. В Friedrich Hitzler, *Anton Graf Arco: Das Attentat auf Kurt Eisner und die Schüsse im Landtag* (Munich, 1988) рассказывается история убийцы, расследованная автором при работе над сценарием к фильму. О Хоффмане см.: Diethard Hennig, *Johannes Hoffmann: Sozialdemokrat und Bayerischer Ministerpräsident: Biographie* (Munich, 1990).
6. Цитируется в Watt, *The Kings Depart*, 364; Hans Beyer, *Von der Novemberrevolution zur Räterepublik in München* (Berlin, 1957), с. 77–8.

7. Watt, *The Kings Depart*, 366–8.
8. Large, *Where Ghosts Walked*, 70.
9. Carsten, *Revolution*, 218–23; Hannover and Hannover-Druck, *Politische Justiz*, 53–75.
10. См.: Anthony Nicholls, 'Hitler and the Bavarian Background to National Socialism', in idem and Erich Matthias (eds.), *German Democracy and the Triumph of Hitler: Essays on Recent German History* (London, 1971), 129–59.
11. Подробное описание деятельности Гитлера в 1918–19 гг. см. в Kershaw, *Hitler*, I. 116–21 и Anton Joachimsthaler, *Hitlers Weg begann in München 1913–1923* (Munich, 2000 [1989]), 177–319.
12. Kershaw, *Hitler*: I. 3–13 — основательное отсеивание фактов от мифов, касающихся ранних годов Гитлера.
13. Carl E. Schorske, 'The Ringstrasse, its Critics, and the Birth of Urban Modernism', in idem, *Fin-de-Siècle Vienna*, 24–115.
14. August Kubizek, *Adolf Hitler: Mein Jugendfreund* (Graz, 1953), см. также критику: Franz Jetzinger, *Hitler's Youth* (London, 1958 [1956]), 167–74.
15. Малочисленность надежных свидетельств о жизни Гитлера до 1919 г. привела к горячим спорам по поводу его утверждения, что он стал радикальным политическим антисемитом в довоенной Вене в результате стычек с евреями, особенно «восточными евреями», иммигрантами из Галиции. Хотя собственная версия Гитлера кажется преувеличением, недавние попытки доказать, что он не был антисемитом вообще, также неубедительны. См.: Kershaw, *Hitler*, I, с. 49–69 и Joachimsthaler, *Hitlers Weg*, 45–9.
16. Adolf Hitler, *Mein Kampf* (trans. Ralph Manheim, introd. D.C. Watt, London, 1969 [1925/6]), 39–41.
17. Ibid., 71, 88, 95.
18. Kershaw, *Hitler*, I. 81–7; Joachimsthaler, *Hitlers Weg*, 77–97. Собственное описание Гитлера есть в *Mein Kampf*, 116–17. Характерное описание богемной жизни в Швабинге см. в Large, *Where Ghosts Walked*, 3–42.
19. Hitler, *Mein Kampf*, 148–9.
20. Kershaw, *Hitler*, I. 87–101.
21. Hitler, *Mein Kampf*, 11–169.
22. Geyer, *Verkehrte Welt*, 278–318.
23. Гитлер Адольфу Гемлиху, 16 сентября 1919 г., см: Eberhard Jckel and Axel Kuhn (eds.), *Hitler: Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924* (Stuttgart, 1980), 88–90; Ernst Deuerlein, 'Hitlers Eintritt in die Politik und die Reichswehr', *VfZ* 7 (1959), 203–5.

24. 'Anton Drexlers Politisches Erwachen' (1919) in Albrecht Tyrell (ed.), *Führer befehl...: Selbstzeugnisse aus der 'Kampfzeit' der NSDAP* (Düsseldorf, 1969), 20–22.
25. Tyrell (ed.), *Führer befehl*, 22; Kershaw, *Hitler*, I. 126–8, 131–9; Ernst Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten* (Munich, 1974), 56–61. В Joachimsthaler, *Hitlers Weg*, 198–319 факты отделяются от мифов, касающихся жизни Гитлера в этот период, и разрешаются последующие противоречия; в Albrecht Tyrell, *Vom 'Trommler' zum 'Führer': Der Wandel von Hitlers Selbstverständnis zwischen 1919 und 1924 und die Entwicklung der NSDAP* (Munich, 1975) дается достоверное описание ранней политической карьеры Гитлера. См. также: Werner Maser, *Die Frühgeschichte der NSDAP: Hitlers Weg bis 1924* (Frankfurt am Main, 1965). Об Обществе Туле см.: Reginald H. Phelps, ' "Before Hitler Came": Thule Society and Germanen Orden', *Journal of Modern History*, 35 (1963), 245–61.
26. Uwe Lohalm, *Volkischer Radikalismus; Die Geschichte des Deutschvölkischen Schutz- und Trutzbundes, 1919–1923* (Hamburg, 1970).
27. Tyrell, *Vom Trommler*, 72–89; Georg Franz–Willing, *Ursprung der Hitlerbewegung 1919–1922* (Preussisch Oldendorf, 1974 [1962]), 38–109.
28. Broszat, *Der Staat Hitlers*, 43–5.
29. Hitler, *Mein Kampf*, 620–21 (исправл. пер.).
30. Reginald H. Phelps, 'Hitler als Parteiredner im Jahre 1920', *VfZ II* (1963), 274–330; также Jäckel and Kuhn (eds.), *Hitler*, 115, 132, 166, 198, 252, 455, 656.
31. Выражение «социализм дураков» (изначально «социализм глупцов») часто приписывается довоенному лидеру социал–демократов Августу Бебелю, но, скорее всего, принадлежит австрийскому демократу Фердинанду Кронаветтеру (Pulzer, *The Rise*, 269 и примечания). Оно имело широкое хождение среди социал–демократов в Германии в 1890–х; см.: Francis L. Carsten, *August Bebel und die Organisation der Massen* (Berlin, 1991), 165.
32. Franz–Willing, *Ursprung*, 120–27; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 39.
33. Ernst Nolte, *Three Faces of Fascism: Action Française, Italian Fascism, National Socialism* (New York, 1969 [1963]) и позднее в другой и более противоречивой форме в работе *Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus* (Frankfurt am Main, 1987) утверждается превосходство антибольшевизма.
34. Hitler, *Mein Kampf*, 289.
35. Цитируется в Longerich, *Der ungeschriebene Befehl*, 32–4.

36. Исчерпывающие подробности см. в Bruno Thoss, *Der Ludendorff-Kreis: 1919–1923. München als Zentrum der mitteleuropäische Gegenrevolution zwischen Revolution und Hitler-Putsch* (Munich, 1978).
37. Wolf Rüdiger Hess (ed.), *Rudolf Hess: Briefe 1908–1933* (Munich, 1987), 251 (Гесс своим родителям, 24 марта 1920 г.).
38. Точный очерк характера Гесса см. в Joachim C. Fest, *The Face of the Third Reich* (London, 1979 [1970]), 283–314; Smith, *The Ideological Origins*, 223–40; Lange, 'Der Terminus "Lebensraum"', 426–37; Hans Grimm, *Volk ohne Raum* (Munich, 1926); Dietrich Orlow, 'Rudolf Hess: Deputy Führer' в Ronald Smelser and Rainer Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite* (London, 1993 [1989]), 74–84. В книгу Hans-Adolf Jacobsen, *Karl Haushofer: Leben und Werk* (2 vols., Boppard, 1979) включены многие работы Хаусхофера; Frank Ebeling, *Geopolitik: Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft 1919–1945* (Berlin, 1994) содержит исследование его идей.
39. Margarete Plewnia, *Auf dem Weg zu Hitler: Der völkische Publizist Dietrich Eckart* (Bremen, 1970); Tyrell, *Vom Trommler*, 190–94; Alfred Rosenberg (ed.), *Dietrich Eckart. Ein Vermächtnis* (4th edn., Munich, 1937 [1928]) вместе с подборкой стихов Эккарта.
40. Alfred Rosenberg, *Selected Writings* (ed. Robert Pois, London, 1970); Fest, *The Face*, 247–58; Walter Laqueur, *Russia and Germany: A Century of Conflict* (London, 1965), 55–61, 116–17, 148–53; Adolf Hitler, *Hitler's Table Talk 1941–1944: His Private Conversations* (London, 1973 [1953]), 422–6; Norman Cohn, *Warrant for Genocide: The Myth of the Jewish World-Conspiracy and the Protocols of the Elders of Zion* (London, 1967), с. 187–237; Reinhard Bollmus, 'Alfred Rosenberg: National Socialism's "Chief Ideologue"' в Smelser and Zitelman (eds.), *The Nazi Elite*, 183–93; Robert Cecil, *The Myth of the Master Race: Alfred Rosenberg and Nazi Ideology* (London, 1972). Thomas Klepsch, *Nationalsozialistische Ideologie: Eine Beschreibung ihrer Struktur vor 1933* (Münster, 1990). См. также прекрасную подборку фрагментов разных идеологических формулировок нацистов: Barbara Miller Lane and Leila J. Rupp (eds.), *Nazi Ideology before 1933: A Documentation* (Manchester, 1978).
41. Hans Frank, *Im Angesicht des Galgens: Deutung Hitlers und seiner Zeit auf Grund eigener Erlebnisse und Erkenntnisse* (2nd edn., Neuhaus, 1955 [1953]), no page, цитируется в Fest, *The Face*, 330, *ibid.*, 38–41, цитируется в Kershaw, *Hitler*, I. 148; Christoph Klessmann, 'Hans Frank: Party Jurist and Governor-General in Poland' в Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 39–47.
42. Citing Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 108–12.

43. Dietrich Orlow, *The History of the Nazi Party*, 1:1919–1933 (Newton Abbot, 1971 [1969]), 11–37.
44. Kershaw, *Hitler*, I. 160–65; Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 135–41.
45. Kershaw, *Hitler*, I. 175–80; Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 142–61.
46. Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 145–6.
47. Franz–Willing, *Ursprung*, 127.
48. Hannover and Hannover–Drück, *Politische Justiz*, 105–44.
49. Kershaw, *Hitler*, I. 170–73; Peter Longerich, *Die braunen Bataillone: Geschichte der SA* (Munich, 1989), 9–32.
50. Conan Fischer, ‘Ernst Julius Rohm: Chief of Staff of the SA and Indispensable Outsider’ в Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 173–82.
51. Ernst Röhm, *Die Geschichte eines Hochverrätters* (Munich, 1928), 9, 365–6; Fest, *The Face*, 206, 518–19 (n. 9).
52. Röhm, *Die Geschichte*, 363.
53. См.: Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 142–83, где приводятся примеры возрастающей агрессии нацистского движения в этот период; Fischer, ‘Ernst Julius Röhm’ — подробности непростых отношений Рёма и Гитлера.
54. Kershaw, *Hitler*, I. 180–85.
55. Adrian Lyttelton, *The Seizure of Power: Fascism in Italy 1919–1929* (London, 1973) остается классическим исследованием; Denis Mack Smith, *Mussolini* (London, 1981) — едкая биография; Richard J. B. Bosworth, *Mussolini* (London, 2002) — хорошая недавняя биография; Franz–Willing, *Ursprung*, 126–7 — происхождение стандартов нацистской партии. О контактах и факторах влияния см.: Klaus–Peter Hoepke, *Die deutsche Rechte und der italienische Faschismus: Ein Beitrag zum Selbstverständnis und zur Politik von Gruppen und Verbänden der deutschen Rechten* (Düsseldorf, 1968), с. 186–94 и 292–5.
56. Среди обширной и противоречивой литературы работа Stanley G. Payne, *A History of Fascism 1914–1945* (London, 1995) является лучшим общим обзором, а Kevin Passmore, *Fascism: A Very Short Introduction* (Oxford, 2002) — самым полезным кратким описанием. Roger Griffin, *International Fascism — Theories, Causes and the New Consensus* (London, 1998) — влиятельный теоретический текст; Kershaw, *The Nazi Dictatorship*, 26–46 даст, как обычно, взвешенное описание историографии.
57. AT 567, 199, в Merkl, *Political Violence*, 196–7.
58. AT 106, 379, *ibid.*; необычный взгляд на дело Шлагетера см. в работе.: Karl Radek ‘Leo Schlageter: The Wanderer in the Void’ в Kaes *et al.* (eds.), *The Weimar Republic Sourcebook*, 312–14 (изначально ‘Leo

- Schlageter: Der Wanderer ins Nichts', *Die Rote Fahne*, 144 [16 июня 1913]). См. подробное описание «пассивного сопротивления» с упором на его народное происхождение: Fischer, *The Ruhr Crisis*, 84–181; о жизни Шлагетера в добровольческих бригадах см.: Waite, *Vanguard*, 135–8; о движении саботажа, тайно организованном немецкой армией, см. в Gerd Kruger, '“Ein Fanal des Widerstandes im Ruhrgebiet”: Das “Unternehmen Wesel” in der Osternacht des Jahres 1913. Hingergründete eines angeblichen “Husarenstreiches”', *Mitteilungsblatt des Instituts für soziale Bewegungen*, 4 (1000), 95–140.
59. Sander L. Gilman, *On Blackness without Blacks: Essays on the Image of the Black in Germany* (Boston, 1981).
 60. AT 183, в Merkl, *Political Violence*, 193.
 61. Gisela Lebeltzer, 'Der “Schwarze Schmach”: Vorurteile — Propaganda — Mythos', *Geschichte und Gesellschaft*, II (1985), 37–58; Keith Nelson, '“The Black Horror on the Rhine”: Race as a Factor in Post-World War I Diplomacy', *Journal of Modern History*, 42 (1970), 606–27; Sally Marks, 'Black Watch on the Rhine: A Study in Propaganda, Prejudice and Prurience', *European Studies Review*, 13 (1983), 297–334. Об их конечной судьбе см.: Reiner Pommerin, 'Sterilisierung der Rheinlandbastarde': *Das Schicksal einer farbigen deutschen Minderheit 1918–1937* (Düsseldorf, 1979).
 62. Richard J. Evans, 'Hans von Hentig and the Politics of German Criminology' в Angelika Ebbinghaus and Karl Heinz Roth (eds.), *Grenzgänge: Deutsche Geschichte des 20. Jahrhunderts im Spiegel von Publizistik, Rechtsprechung und historischer Forschung* (Lüneburg, 1999), 138–64.
 63. Kershaw, *Hitler*, I. 185–91; Georg Franz-Willing, *Krisenjahr der Hitlerbewegung 1923* (Preussisch Oldendorf, 1975); Helmuth Auerbach, 'Hitlers politische Lehrjahre und die Münchner Gesellschaft 1919–1923', *VfZ* 25 (1977), 1–45; Franz-Willing, *Ursprung*, 266–99; Ernst Hanfstaengl, *Zwischen Weissem und Braunem Haus: Memoiren eines politischen Ausenseiters* (Munich, 1970).
 64. Со взглядами Гитлера можно ознакомиться в Hitler, *Hitler's Table Talk*, 154–6. См. также: Robin Lenman, 'Julius Streicher and the Origins of the NSDAP in Nuremberg, 1918–1913' в Nicholls and Matthias (eds.), *German Democracy*, 161–74 (источник настроений поэзии Штрейхера). О движении городских коричневых рубашек см.: Eric G. Reiche, *The Development of the SA in Nürnberg, 1922–34* (Cambridge, 1986).
 65. Anthony Nicholls, 'Hitler and the Bavarian Background to National Socialism' в Anthony Nicholls and Matthias (eds.), *German Democracy*, III.

66. Franz-Willing, *Krisenjahr*, 295–318; о деятельности Людендорфа см. его же *Putsch und Verbotszeit der Hitlerbewegung November 1923 — Februar 1925* (Preussisch Oldendorf, 1977), 9–65.
67. Fest, *The Face*, 113–19; Richard Overy, *Goering: The 'Iron Man'* (London, 1984); Alfred Kube, 'Hermann Goering: Second Man in the Third Reich' in Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 62–73 называет Геринга «поздним империалистическим» консерваторм; см. также книгу того же автора: *Pour le mérite und Hakenkreuz: Hermann Goering im Dritten Reich* (2nd edn., Munich, 1987 [1986]), 4–21; Stefan Martens, *Hermann Goering: 'Erster Paladin des Führers' und 'Zweiter Mann im Reich'* (Paderborn, 1985), 15–19; Werner Maser, *Hermann Göring: Hitlers janusköpfiger Paladin: Die politische Biographie* (Berlin, 2000), 13–55.
68. Franz-Willing, *Krisenjahr* содержит подробности развития партии в 1923 г. Harold J. Gordon, *Hitler and the Beer Hall Putsch* (Princeton, 1972) содержит исчерпывающее описание политической ситуации; см., в частности: с. 25–184 (part I: 'The Contenders in the Struggle for Power'). Документальные свидетельства см. в Ernst Deuerlein (ed.), *Der Hitler-Putsch: Bayerische Dokumente zum 8./9. November 1923* (Stuttgart, 1962), 153–308; более кратко в Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 184–202.
69. Karl Alexander von Müller, свидетельские показания на суде над Гитлером, цитируются в Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 192–6.
70. См.: Kershaw, *Hitler*, I. 205–12; Gordon, *Hitler and the Beer Hall Putsch*, 270–409; Franz-Willing, *Putsch und Verbotszeit*, 66–141; Deuerlein (ed.), *Der Hitler-Putsch*, с. 308–417, 487–515; избранные документы, переведенные в Noakes and Pridham (ed.), *Nazism*, I. 26–34. О Геринге: Maser, *Hermann Göring*, 58–78.
71. Bernd Steger, 'Der Hitlerprozess und Bayerns Verhältnis zum Reich 1923/24', *VfZ* 23 (1977), 441–66.
72. Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 203–230; Lothar Gruchmann and Reinhard Weber (eds.), *Der Hitler-Prozess 1924: Wortlaut der Hauptverhandlung vor dem Volksgericht München I* (2 vols., Munich, 1997, 1999) — полная стенограмма и приговор. См. также: Otto Gritschneider, *Bewährungsfrist für den Terroristen Adolf H.: Der Hitler-Putsch und die bayerische Justiz* (Munich, 1990), idem, *Der Hitler-Prozess und sein Richter Georg Neithardt: Skandalurteil von 1924 ebnet Hitler den Weg* (Munich, 2001).
73. Цитируется в Tyrell, *Führer befiehl*, 67, перевод в работе Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, I. 34–5 (немного дополненный); пол-

- ные выступления Гитлера в суде см. в Jäckel and Kuhn (eds.), *Hitler*, 1061–216; а также Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 203–28.
74. См. описание происхождения и композиции в Kershaw, *Hitler*, I. 240–53.
 75. Hitler, *Mein Kampf*, 307.
 76. Ibid., 597–99. О важности этих идей для Гитлера можно прочитать в Eberhard Jäckel, *Hitler's Weltanschauung: A Blueprint for Power* (Middletown, Conn., 1972 [1969]).
 77. Adolf Hitler, *Hitler's Secret Book* (New York, 1961); Martin Broszat, 'Betrachtungen zu "Hitlers Zweitem Buch"', *VfZ* 9 (1981), 417–29.
 78. Werner Maser, *Hitlers Mein Kampf: Geschichte, Auszüge, Kommentare* (Munich, 1966) содержит подробные сведения о книге, ее структуре и судьбе; Hermann Hammer, 'Die deutschen Ausgaben von Hitlers "Mein Kampf"', *VfZ* 4 (1956), 161–78 рассказывает о судьбе издания. Идея о том, что Гитлер был жадным до власти оппортунистом, не имеющим определенных целей, занимает центральное место в классической биографии Алана Буллока: Alan Bullock *Hitler: A Study in Tyranny* (London, 1953); аргумент в пользу последовательной позиции Гитлера впервые был представлен в Hugh Trevor-Roper, 'The Mind of Adolf Hitler' в Hitler, *Hitler's Table Talk*, vii–xxxv. Причуды внешней политики Гитлера и ее основные задачи анализируются в Geoffrey Stoakes, *Hitler and the Quest for World Dominion* (Leamington Spa, 1987).
 79. Longerich, *Der ungeschriebene Befehl*, 37–9.
 80. Kershaw, *Hitler*, I. 218–19, 223–4, 250–53; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 13–16.
 81. Kershaw, *Hitler*, I. 224–34. Подробно о нацистской партии после процесса и заключения ее лидера см.: Franz-Willing, *Putsch und Verbotszeit*, 162–285.
 82. Donald Cameron Watt, 'Die bayerischen Bemühungen um Ausweisung Hitlers 1924', *VfZ* 6 (1958), 270–80. Об этом подробнее см.: David Jablonsky, *The Nazi Party in Dissolution: Hitler and the Verbotszeit 1923–1925* (London, 1989) и Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 231–54.
 83. Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 245.
 84. Fest, *The Face*, 215; Longerich, *Die braunen Bataillone*, 51–2.
 85. Kershaw, *Hitler*, I. 257–70.
 86. Udo Kissenkoetter, 'Gregor Strasser: Nazi Party Organizer or Weimar Politician?' in Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 224–34.
 87. Герог Штрассе Освальду Шпенглеру, 8 июля 1925 г. в Oswald Spengler, *Spengler Letters 1913–1936* (ed. Arthur Helps, London, 1966), 184.

88. Orlow, *The History of the Nazi Party*, I. 66–7; см. также более общее описание: Udo Kissenkoetter, *Gregor Strasser und die NSDAP* (Stuttgart, 1978); Peter D. Stachura, *Gregor Strasser and the Rise of Nazism* (London, 1983); а также Klepsch, *Nationalsozialistische Ideologie*, 143–50.
89. Elke Fröhlich, 'Joseph Goebbels: The Propagandist' в Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 48–61; Ralf Georg Reuth, *Goebbels: Eine Biographie* (Munich, 1995), 11–75; а также Michel Kai, *Vom Poeten zum Demagogen: Die schriftstellerischen Versuche Joseph Goebbels'* (Cologne, 1999). Joachim C. Fest, 'Joseph Goebbels: Eine Porträtsskizze', *VfZ* 43 (1995), 565–80, это проницательная переоценка характера Гейббельса на основе анализа его дневника. О самом дневнике Гейббельса можно прочитать в Elke Fröhlich, 'Joseph Goebbels und sein Tagebuch: Zu den handschriftlichen Aufzeichnungen von 1924 bis 1941', *VfZ* 35 (1987), 489–522.
90. Hugh Trevor-Roper, *The Last Days of Hitler* (London, 1947), 67; Fröhlich, 'Joseph Goebbels', 48.
91. Elke Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher von Joseph Goebbels: Sämtliche Fragmente*, part I: *Aufzeichnungen 1924–1941*, I. 27.6.1924–31.12.1930 (Munich, 1987), 48 (23 июля 1924).
92. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/I. 134–5 (14 окт. 1925).
93. Ibid., 140–41 (6 нояб. 1925); более общее описание см. в Reuth, *Goebbels*, 76–147.
94. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/I. 161–2 (15 фев. 1926).
95. Kershaw, *Hitler*, I. 270–77; Reuth, *Goebbels*, 76–107; Helmut Heiber (ed.), *The Early Goebbels Diaries: The Journals of Josef Goebbels from 1925–1926* (London, 1962.), 66–7.
96. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/I. 171–3 (13 апр. 1926) и 174–5 (19 апр. 1926).
97. Kershaw, *Hitler*, I. 277–9; Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 155–302. Слово Gau для обозначения региона используется сознательно в качестве отсылки к племенным делениям Германии в начале Средних веков.
98. Kershaw, *Hitler*, I. 278–9; Orlow, *The History of the Nazi Party*, I. 69–75.
99. Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, I. 36–56; также Erwin Barth, *Joseph Goebbels und die Formierung des Führer-Mythos 1917 bis 1934* (Erlangen, 1999).
100. О деятельности Гейббельса в Берлине см.: Reuth, *Goebbels*, 108–268.
101. Цит. по: ibid., 114.

102. Hoover Institution, Stanford, California: NSDAP Hauptarchiv microfilm reel 6 Akte 141: letter from Max Amann to Gustav Seifert, 27 October 1925.
103. Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, I. 58.
104. Gerhard Schulz, *Zwischen Demokratie und Diktatur: Verfassungspolitik und Reichsreform in der Weimarer Republik* (3 vols., Berlin, 1963–92), II: *Deutschland am Vorabend der Grossen Krise* (Berlin, 1987), 149–307; Robert G. Moeller, 'Winners as Losers in the German Inflation: Peasant Protest over the Controlled Economy' в Gerald D. Feldman *et al.* (eds.), *The German Inflation: A Preliminary Balance* (Berlin, 1982), 255–88.
105. Shelley Baranowski, *The Sanctity of Rural Life: Nobility, Protestantism and Nazism in Weimar Prussia* (New York, 1995), 120–23.
106. John E. Farquharson, *The Plough and the Swastika: The NSDAP and Agriculture in Germany, 1928–1945* (London, 1976), 3–12, 25–33; Dieter Hertz–Eichenrode, *Politik und Landwirtschaft in Ostpreussen 1919–1930: Untersuchung eines Strukturproblems in der Weimarer Republik* (Opladen, 1969), 88–9, 329–37.
107. Dieter Gessner, *Agrardepression und Präsidialregierungen in Deutschland 1930–1953: Probleme des Agrarkapitalismus am Ende der Weimarer Republik* (Düsseldorf, 1977), 191–4; idem, *Agrarverbände in der Weimarer Republik: Wirtschaftliche und soziale Voraussetzungen agrarkonservativer Politik vor 1933* (Düsseldorf, 1976), 234–63.
108. Rudolf Rietzler, 'Kampf in der Nordmark': *Das Aufkommen des Nationalsozialismus in Schleswig–Holstein (1919–1928)* (Neumünster, 1981); Frank Bajohr (ed.), *Norddeutschland im Nationalsozialismus* (Hamburg, 1993); Jeremy Noakes, *The Nazi Party in Lower Saxony 1921–1933* (Oxford, 1971), c. 104–7.
109. Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, I. 15, 61.
110. Ibid., 15, 61, цитируется в Gottfried Feder, *Das Programm der NSDAP und seine weltanschaulichen Grundgedanken* (Munich, 1934), 15–18.
111. Rudolf Heberle, *Landbevölkerung und Nationalsozialismus: Eine soziologische Untersuchung der politischen Willensbildung in Schleswig–Holstein 1918 bis 1932* (Stuttgart, 1963), 160–71; см. также у него *From Democracy to Nazism: A Regional Case Study on Political Parties in Germany* (New York, 1970 [1945]), ранняя классическая работа по социологии электората. О стремлении объединить крестьян всех типов в одной группе давления см.: Jens Flemming, *Landwirtschaftliche Interessen und Demokratie: Ländliche Gesellschaft, Agrarverbände und Staat 1890–1925* (Bonn, 1978), 323–7.

112. Claus-Christian W. Szejnmann, *Nazism in Central Germany: The Brown-shirts in 'Red' Saxony* (New York, 1999), 50–51; Falter et al., *Wahlen*, 98.
113. Geoffrey Pridham, *Hitler's Rise to Power: The Nazi Movement in Bavaria 1923–1933* (London, 1973), 84–6.
114. Orlow, *The History of the Nazi Party*, I. 173–5 (с некоторым преувеличением последовательности избирательной стратегии нацистов); Winkler, *Weimar*, 344–56.
115. Цитируется в Tyrell, *Vom Trommler*, 163–73; Tyrell (ed.), *Führer befiehl*, 129–30, 163–4; Kershaw, *Hitler*, I. 294.
116. Orlow, *The History of the Nazi Party*, I. 167–71.
117. Ibid., 171–3.
118. Claudia Koonz, *Mothers in the Fatherland: Women, the Family, and Nazi Politics* (London, 1987), 72–80.
119. Jill Stephenson, *The Nazi Organisation of Women* (London, 1981), 23–74.
120. Peter D. Stachura, *Nazi Youth in the Weimar Republic* (Santa Barbara, Calif., 1975); Laqueur, *Young Germany*, 193; Arno Klönne, *Jugend im Dritten Reich: Dokumente und Analysen* (Cologne, 1982); Hans-Christian Brandenburg, *Die Geschichte der HJ. Wege und Irrwege einer Generation* (Cologne, 1968); Stachura, *The German Youth Movement*.
121. Daniel Horn, 'The National Socialist Schülerbund and the Hitler Youth, 1929–1933', *Central European History*, II (1978), 355–75; Martin Klaus, *Mädchen in der Hitlerjugend: Die Erziehung zur 'deutschen Frau'* (Cologne, 1980).
122. Baldur von Schirach, *Die Feier der neuen Front* (Munich, 1929). См.: Michael Wortmann, 'Baldur von Schirach: Student Leader, Hitler Youth Leader, Gauleiter in Vienna' in Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 202–11.
123. См.: Arthur D. Brenner, *Emil J. Gumbel: Weimar German Pacifist and Professor* (Boston, 2001); цитируется в *Deutsche Republik*, 2 July 1932 in Steven P. Remy, *The Heidelberg Myth: The Nazification and Denazification of a German University* (Cambridge, Mass., 2002), 11.
124. Geoffrey J. Giles, 'The Rise of the National Socialist Students' Association and the Failure of Political Education in the Third Reich' in Peter D. Stachura (ed.), *The Shaping of the Nazi State* (London, 1978), 160–85; Wortmann, 'Baldur von Schirach', 204–5; Kater, *Studentenschaft und Rechtsradikalismus*; Anselm Faust, *Der Nationalsozialistische Deutsche Studentenbund: Studenten und Nationalsozialismus in der Weimarer Republik* (Düsseldorf, 1973); Giles, *Students*; Steinberg, *Sabers and*

- Brown Shirts*; Michael Grüttner, *Studenten im Dritten Reich* (Paderborn, 1995), 19–42, 60.
125. Hans-Gerhard Schumann, *Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung: Die Vernichtung der deutschen Gewerkschaften und der Aufbau der 'Deutschen Arbeitsfront'* (Hanover, 1958).
 126. Merkl, *Political Violence*, 120, 208, 217, 220, 239, 244, 306, 372–3, 427, 515–16.
 127. Hamel, *Völkischer Verband*.
 128. AT 271, in Merkl, *Political Violence*, 516.
 129. Orlow, *The History of the Nazi Party*, I. 271–6.
 130. В Merkl, *Political Violence* оценивается надежность этих описаний (во введении) и предпринимается попытка количественного анализа; в Abel, *Why Hitler* оценивается надежность «биограмм» во введении. с. 4–9. Похожий анализ автобиографических сочинений нацистов, состоявших в партии до 1933 г., написанных в 1936–37, см. в Christoph Schmidt, 'Zu den Motiven "alter Kämpfer" in der NSDAP' в Detlev Peukert and Jürgen Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen: Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus* (Wuppertal, 1981), 21–44.
 131. Merkl, *Political Violence*, 446–7.
 132. AT 140, *ibid.*, 551.
 133. *Ibid.*, 453, 457, 505–9; о роли нацистской пропаганды в этот период см.: Richard Bessel, 'The Rise of the NSDAP and the Myth of Nazi Propaganda', *Wiener Library Bulletin*, 33 (1980), Ian Kershaw, 'Ideology, Propaganda, and the Rise of the Nazi Party' в Peter D. Stachura (ed.), *The Nazi Machtergreifung, 1933* (London, 1983), 162–81; Gerhard Paul, *Aufstand der Bilder: Die NS-Propaganda vor 1933* (Bonn, 1990).
 134. Merkl, *Political Violence*, 313–63, 383–4.
 135. Rudolf Höss, *Commandant of Auschwitz* (London, 1959 [1951]), 42–61.
 136. *Ibid.*, 61–3.
 137. Jochen von Lang, 'Martin Bormann: Hitler's Secretary' в Smelser and Zitellmann (eds.), *The Nazi Elite*, 7–17; Fest, *The Face*, 191–206.
 138. Выражение введено в оборот в Waite, *Vanguard*; его право на существование безосновательно отвергается в Merkl, *Political Violence*.
 139. AT 493, in Merkl, *Political Violence*, 375.
 140. AT 382, *ibid.*, 440.
 141. AT 434, 464, *ibid.*, 444–5.
 142. AT 31, *ibid.*, 544–5.
 143. AT 520, *ibid.*, 420.
 144. AT 415, *ibid.*, 400.

145. AT 59, *ibid.*, 654.
146. AT 548, *ibid.*, 416.
147. AT 8, 31, 32, *ibid.*, 486–7.
148. AT 22, *ibid.*, 602; документы по железнодорожному инциденту см. в Martin Broszat, 'Die Anfänge der Berliner NSDAP 1916/17', *VfZ* 8 (1960), 85–118, at 115–18.
149. Merkl, *Political Violence*, 617.
150. Giles, 'The Rise', 163.
151. Merkl, *Political Violence*, 699.
152. Max Domarus (ed.), *Hitler: Speeches and Proclamations 1932–1945: The Chronicle of a Dictatorship* (4 vols., London, 1990– [1961–3]), I. 114 (speech to the Industry Club, Düsseldorf).
153. Turner, *German Big Business*, 114–24. О коммунистах см.: Weber, *Die Wandlung*, I. 294–318.
154. AT 38, в Merkl, *Political Violence*, 539.
155. AT 416 и 326, *ibid.*, 540.
156. AT 4, *ibid.*, 571.
157. Melita Maschmann, *Account Rendered: A Dossier on my Former Self* (London, 1964), 174–5.
158. Thomas Krause, *Hamburg wird braun: Der Aufstieg der NSDAP 1921–1933* (Hamburg, 1987), 102–7, убедительную критику см. в Michael Kater, *The Nazi Party: A Social Profile of Members and Leaders, 1919–1945* (Oxford, 1983), 32–8. Перепись 1935 г. позволила определить дату вступления в партию всех членов, так что вполне можно вычислить численность партии в любой день.
159. Detlef Mühlberger, 'A Social Profile of the Saxon NSDAP Membership before 1933' в Szejnmann, *Nazism*, 211–19; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 49–53; Detlef Mühlberger, *Hitler's Followers: Studies in the Sociology of the Nazi Movement* (London, 1991); Peter Manstein, *Die Mitglieder und Wähler der NSDAP 1919–1933: Untersuchungen zu ihrer schichtmässigen Zusammensetzung* (Frankfurt am Main, 1990 [1987]).
160. Josef Ackermann, 'Heinrich Himmler: Reichsführer–SS' в Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 98–112; Alfred Andersch, *Der Vater eines Mörders: Eine Schulgeschichte* (Zurich, 1980), об отце Гиммлера; Bradley F. Smith, *Heinrich Himmler 1900–1926: A Nazi in the Making* (Stanford, Calif., 1971) — основная работа о ранних годах Гиммлера.
161. Цитируется в Ackermann, 'Heinrich Himmler', 103; см. также: Josef Ackermann, *Himmler als Ideologe* (Göttingen, 1970).
162. Heinz Hohne, *The Order of the Death's Head: The Story of Hitler's SS* (Stanford, Calif., 1971 [1969]), 26–39.

163. Fest, *The Face*, 171–90. Как многие другие авторы, пишущие о Гиммлере, Фест принимает чересчур снисходительный тон. Гиммлер, при всех своих недостатках, не был ни нерешительным, ни мелкобуржуазным, ни заурядным, что утверждает Фест. См. также: Höhne, *The Order*, 26–8.
164. Ibid., 40–46; о Дарпе см. также: Gustavo Corni, 'Richard Walther Darré: The Blood and Soil Ideologue' in Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 18–27; Horst Gies, *R. Walther Darre und die nationalsozialistische Bauernpolitik 1930 bis 1933* (Frankfurt am Main, 1966).
165. Höhne, *The Order*, 46–69; Hans Buchheim, 'The SS — Instrument of Domination' in Helmut Krausnick et al., *Anatomy of the SS State* (London, 1968), 127–203, с. 140–43.

Глава 4.

К ЗАХВАТУ ВЛАСТИ

1. Цитируется в Elizabeth Harvey, 'Youth Unemployment and the State: Public Policies towards Unemployed Youth in Hamburg during the World Economic Crisis' in Evans and Geary (eds.), *The German Unemployed*, 142–70, at 161; см. также: Wolfgang Ayass, 'Vagrants and Beggars in Hitler's Reich' в Richard J. Evans (ed.), *The German Underworld: Deviants and Outcasts in German History* (London, 1988), 210–237, at 210.
2. Gertrud Staewen—Ordermann, *Menschen der Unordnung: Die proletarische Wirklichkeit im Arbeitsschicksal der ungelerten Grossstadtjugend* (Berlin, 1933), 86, цитируется в Detlev J. K. Peukert, *Jugend zwischen Krieg und Krise: Lebenswelten von Arbeiterjugenden in der Weimarer Republik* (Cologne, 1987), 184; английская версия: 'The Lost Generation: Youth Unemployment at the End of the Weimar Republic' в Evans and Geary (eds.), *The German Unemployed*, 172–93, at 185.
3. Ruth Weiland, *Die Kinder der Arbeitslosen* (Eberswalde—Berlin, 1933), 40–42, цитируется в Peukert, *Jugend*, 184.
4. Staewen—Ordemann, *Menschen der Unordnung*, 92, цитируется в Peukert, 'The Lost Generation', 182.
5. Peukert, *Jugend*, 251–84; Eve Rosenhaft, 'The Unemployed in the Neighbourhood: Social Dislocation and Political Mobilisation in Germany 1929–33' in Evans and Geary (eds.), *The German Unemployed*, 194–217, at 209–11; 'Organising the "Lumpenproletariat": Cliques and Communists in Berlin during the Weimar Republic' in Richard

- J. Evans (ed.), *The German Working Class 1888–1933: The Politics of Everyday Life* (London, 1982), 174–219; ‘Links gleich rechts? Militante Strassengewalt um 1930’ in Thomas Lindenberger and Alf Lüdtke (eds.), *Physische Gewalt: Studien zur Geschichte der Neuzeit* (Frankfurt am Main, 1995), 239–75; Hellmut Lessing and Manfred Liebel, *Wilde Cliquen: Szenen einer anderen Arbeiterbewegung* (Bensheim, 1981).
6. James, *The German Slump*, 132–46.
7. Patricia Clavin, *The Great Depression in Europe, 1929–1939* (London, 2000) — в книге уделяется особое внимание разрушению междunarодных связей.
8. Charles P. Kindleberger, *The World in Depression 1929–1939* (Berkeley, 1987 [1973]), 104–6.
9. Piers Brendon, *The Dark Valley: A Panorama of the 1930s* (London, 2000), 62–5.
10. Charles H. Feinstein et al., *The European Economy between the ‘Wars* (Oxford 1997), 95–9; Theo Balderston, *The Origins and Course of the German Economic Crisis, 1923–1932* (Berlin, 1993); Balderston, *Economics*, 77–99.
11. Feinstein et al., *The European Economy*, 104–9; Brendan Brown, *Monetary Chaos in Europe: The End of an Era* (London, 1988).
12. Общее описание см. в Dieter Gessner, *Agrardepression und Präsidialregierungen*, and Farquharson, *The Plough and the Swastika*, 1–12.
13. Dietmar Petzina, ‘The Extent and Causes of Unemployment in the Weimar Republic’ in Peter D. Stachura (ed.), *Unemployment and the Great Depression in Weimar Germany* (London, 1986), 19–48, в частности табл. 2.3 на с. 35, где содержатся сведения, заимствованные из очень содержательной компилятивной работы: Dietmar Petzina et al., *Sozialgeschichtliches Arbeitsbuch, III: Materialien zur Geschichte des Deutschen Reiches 1914–1945* (Munich, 1978).
14. Подробнее см.: Preller, *Sozialpolitik*, 440.
15. Helgard Kramer, ‘Frankfurt’s Working Women: Scapegoats or Winners of the Great Depression?’ в Evans and Geary (eds.), *The German Unemployed*, 108–41, с. 112–14.
16. Preller, *Sozialpolitik*, 374, 420–21.
17. См. красочное описание в Rosenhaft, ‘The Unemployed in the Neighbourhood’; более общее описание см. у того же автора: *Beating the Fascists? The German Communists and Political Violence 1929–1933* (Cambridge, 1983); см. также: Klaus-Michael Mallmann, *Kommunisten in der Weimarer Republik: Sozialgeschichte einer revolutionären Bewegung* (Darmstadt, 1996), 252–61. Poleмику по книге Мальмана см. в Andreas Wirsching, ‘«Stalinisierung» oder entideologisierte «Ni-

- schengesellschaft»? Alte Einsichten und neue Thesen zum Charakter der KPD in der Weimarer Republik', *VfZ* 45 (1997), 44—9—66 и Klaus-Michael Mallmann, 'Gehorsame Parteisolddaten oder eigensinnige Akteure? Die Weimarer Kommunisten in der Kontroverse — eine Erwiderung', *VfZ* 47 (1999), 401—15.
18. Anthony McElligott, 'Mobilising the Unemployed: The KPD and the Unemployed Workers' Movement in Hamburg—Altona during the Weimar Republic' в Evans and Geary (eds.), *The German Unemployed*, 228—60; Michael Schneider, *Unterm Hakenkreuz: Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939* (Bonn, 1999), 47—52.
19. Более общее описание см. в Anthony McElligott, *Contested City: Municipal Politics and the Rise of Nazism in Altona, 1917—1937* (Ann Arbor, 1998).
20. Mallmann, *Kommunisten*, 261—83, 381—94.
21. Jan Valtin (Richard Krebs), *Out of the Night* (London, 1941), 3—36. Анализ правды и мифа в этой замечательной работе см. в Michael Rohrwasser, *Der Stalinismus und die Renegaten: Die Literatur der Exkommunisten* (Stuttgart, 1991); Dieter Nelles, 'Jan Valtins "Tagebuch der Hölle" — Legende und Wirklichkeit eines Schlüsselromans der Totalitarismustheorie', 1999; *Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts*, 9(1994) 11—45. Эта книга («социалистическая классика») была переиздана группой троцкистов в Лондоне в 1988 г. с прекрасным «Постскриптумом» Линн Уолш и др., в котором содержатся ценные подробности о жизни и работе автора (659—74). См. также недавнее исследование: Ernst von Waldenfels, *Der Spion, der aus Deutschland kam: Das geheime Leben des Seemanns Richard Krebs* (Berlin, 2003).
22. Valtin, *Out of the Night* (1941 edn.), 36—7.
23. Ibid., 64—78.
24. Ibid., 79—318.
25. Dick Geary, 'Unemployment and Working—Class Solidarity: The German Experience 1929—33' в Evans and Geary (eds.), *The German Unemployed*, 261—80.
26. Weber, *Die Wandlung*, 243—7; Fowkes, *Communism*, 145—70; Weitz, *Creating German Communism*, 284—6.
27. Hannes Heer, *Ernst Thälmann in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten* (Reinbek, 1975); Willi Bredel, *Ernst Thälmann: Beitrag zu einem politischen Lebensbild* (Berlin, 1948); Irma Thälmann, *Erinnerungen an meinen Vater* (Berlin, 1955).
28. Klemperer, *Leben sammeln*, II. 721 (16 июля 1931).
29. McElligott, *Contested City*, 163.

30. Caplan, *Government*, 54 (table. 2).
31. Ibid., 100–30.
32. Kershaw, *Hitler*, I. 325–9; Günter Bartsch, *Zwischen drei Stühlen: Otto Strasser. Eine Biographie* (Koblenz, 1990); Patrick Moreau, *Nationalsozialismus von 'links': Die 'Kampfgemeinschaft Revolutionärer Nationalsozialisten' und die 'Schwarze Front' Otto Strassers 1930–1935* (Stuttgart, 1984).
33. Domarus, *Hitler*, I. 88–114.
34. Turner, *German Big Business*, 191–219.
35. Подробности см. в Bracher, *Die Auflösung*, 287–389; Dorpalen, *Hindenburg*, 163–78; Wheeler–Bennett, *Hindenburg*, 336–49; Winkler, *Der Schein*, 726–823.
36. См.: Bracher, *Die Auflösung*, 229–84 — обширный обзор политики рейхсвера во время кризиса; см. также: Bracher *et al.*, *Die nationalsozialistische Machtergreifung*, III. 1–55; Carsten, *The Reichswehr*, 309–63; Грёнер цитируется в Thilo Vogelsang, *Reichswehr, Staat und NSDAP: Beiträge zur deutschen Geschichte 1930–1932* (Stuttgart, 1962), 95.
37. Carsten, *The Reichswehr*, 310–11.
38. Ibid., 318–21; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 25.
39. Kershaw, *Hitler*, I. 337–8; Peter Bucher, *Der Reichswehrprozess: Der Hochverrat der Ulmer Reichswehroffiziere 1929–30* (Boppard, 1967), с. 137–80; Deuerlein, *Der Aufstieg*, 328–41; Reuth, *Goebbels*, 176.
40. Подробнее см.: Bucher, *Der Reichswehrprozess*.
41. Carsten, *The Reichswehr*, 323.
42. Heinrich Brüning, *Memoiren 1918–1934* (ed. Claire Nix and Theoderich Kampmann, Stuttgart, 1970); William L. Patch, Jr., *Heinrich Brüning and the Dissolution of the Weimar Republic* (Cambridge, 1998), 1–13; другие оценки достоверности этих мемуаров см. в Hans Mommsen, 'Betrachtungen zu den Memoiren Heinrich Brünings', *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*, 22 (1973), 270–80; Ernest Hamburger, 'Betrachtungen über Heinrich Brünings Memoiren', *Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*, 8 (1972), 18–39; Arnold Brecht, 'Gedanken über Brünings Memoiren', *Politische Vierteljahresschrift*, 12 (1971), 607–40.
43. Patch, *Heinrich Brüning* — обоснованная и тщательно проработанная защита позиции Брюнинга, которая дополняет в этом отношении Вернера Конце; см. рецензию Конце на первое издание Bracher, *Die Auflösung*, in *Historische Zeitschrift*, 183 (1957), 378–82; более критичная работа: Bracher, *Die Auflösung*, 303–528;

- idem, 'Brunings unpolitische Politik und die Auflösung der Weimarer Republik', *VfZ* 19 (1971), 113–23. Взвешенную оценку значения 1930 г. см. в Hans Mommsen, 'Das Jahr 1930 als Zäsur in der deutschen Entwicklung der Zwischenkriegszeit' в Lothar Ehrlich and Jürgen John (eds.), *Weimar 1930: Politik und Kultur im Vorfeld der NS-Diktatur* (Cologne, 1998). Критические и проницательные характеристики действующих лиц см. в Hans Mommsen, *The Rise and Fall*, 291–5. См. также: Astrid Luise Mannes, *Heinrich Brüning: Leben, Wirken, Schicksal* (Munich, 1999) — хорошая недавняя биография; Herbert Homig, *Brüning: Kanzler in der Krise der Republik. Eine Weimarer Biographie* (Paderborn, 2000) — большой академический труд, посвященный политической карьере Брюнинга, где предпринята попытка беспристрастного анализа.
44. Brüning, *Memoiren*, 247–8.
45. См.: Fulda, 'Press and Politics', 234–42.
46. Bernd Weisbrod, 'Industrial Crisis Strategy in the Great Depression' в Jürgen Freiherr von Krudener (ed.), *Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic, 1924–1933* (New York, 1990), 45–62; Peter-Christian Witt, 'Finanzpolitik als Verfassungs- und Gesellschaftspolitik: Überlegungen zur Finanzpolitik des Deutschen Reiches in den Jahren 1930 bis 1932', *Geschichte und Gesellschaft*, 8 (1982), 387–414.
47. Hömig, *Brüning*, 211–24.
48. Aldcroft, *From Versailles*, 156–86.
49. Kent, *The Spoils of War*, 322–72; Hömig, *Brüning*, 235–57, 270–83.
50. Preller, *Sozialpolitik*, 165, 440–48.
51. Kindleberger, *The World in Depression*, 159–76.
52. James, *The German Slump*, 283–323.
53. Hömig, *Brüning*, 345–77.
54. Barry Eichengreen, *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939* (Oxford, 1992), 270–78, 286.
55. О планах по реформе конституции см.: Schulz, *Zwischen Demokratie und Diktatur*.
56. Kent, *The Spoils of War*, 342–3; Patch, *Heinrich Brüning*, 162–4.
57. Werner Jochmann, 'Brünings Deflationspolitik und der Untergang der Weimarer Republik' в Dirk Stegmann et al. (eds.), *Industrielle Gesellschaft und politisches System: Beiträge zur politischen Sozialgeschichte. Festschrift für Fritz Fischer zum siebzigsten Geburtstag* (Bonn, 1978), 97–112.
58. Carl-Ludwig Holtfrerich, 'Economic Policy Options and the End of the Weimar Republic' in Kershaw (ed.), *Weimar*, 58–91, с. 65–72. Классическим сочинением по теме является широко обсуждаемая работа

- ‘Zwangslagen und Handlungsspielräume in der grossen Wirtschaftskrise der frühen dreissiger Jahre: Zur Revision des überlieferten Geschichtsbildes’ Кнута Борхардта, впервые опубликованная в 1979 г. и переизданная в Knut Borchardt, *Wachstum, Krisen, Handlungsspielräume der Wirtschaftspolitik* (Göttingen, 1981), 165–82; idem, *Perspectives on Modern German Economic History and Policy* (Cambridge, 1991).
59. Kindleberger, *The World in Depression*, 174; Patch, *Heinrich Brüning*, 111–15, 156–64, 193, 206–13.
 60. Deutsches Volkslied-Archiv, Freiburg-im-Breisgau, Gr. II (цитируется в Evans, *Rituals*, 531 n. 14).
 61. О чрезвычайных декретах и экономической политике Брюнинга в последний период его канцлерства см.: Homig, *Brüning*, 429–68.
 62. Patch, *Heinrich Brüning*, 13, 243–4.
 63. Nicholls, *Weimar*, 179; Winkler, *Der Weg*, 178–102.
 64. Wolfgang Michalka and Gottfried Niedhart, *Die ungeliebte Republik; Dokumente zur Innen- und Aussenpolitik Weimars 1918–1933* (Munich, 1980), 62, 762, 283–4; Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, I. 70–81; Paul, *Aufstand*, 90–95.
 65. Hiller von Gaertringen, ‘Die Deutschnationale Volkspartei’ в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 549–54.
 66. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/I. 603 (15 сент. 1930).
 67. *Deutsche Allgemeine Zeitung* and *Die Rote Fahne*, 16 сент. 1930, цитируется в Falter, *Hitlers Wähler*, 32.
 68. Ibid., 33.
 69. Paul, *Aufstand*, 90–94; Richard Bessel, *Political Violence and the Rise of Nazism: The Storm Troopers in Eastern Germany 1925–1934* (London, 1984), 22–3.
 70. Это основной тезис книги Richard F. Hamilton, *Who Voted for Hitler?* (Princeton, 1981). Острую критику заблуждений Хэмилтона, связанных с условиями проживания, см. в Krause, *Hamburg wird braun*, 176–7; Хэмилтон отмечает, что в областях с высоким средним доходом нацисты получали большой процент голосов, не учитывая, что в этих районах также был большой процент обеспеченных евреев, которые вряд ли голосовали за нацистскую партию. Более вероятно, что голоса за нацистов в таких областях отдавали в основном мелкие бизнесмены, владельцы магазинов, офисные работники и другие подобные избирательные группы.
 71. Falter, *Hitlers Wähler*, 99, 110, 151–4.
 72. Ibid., 136–46; Richard J. Evans, ‘German Women and the Triumph of Hitler’, *Journal of Modern History*, 48 (1976), 123–75; Helen L. Boak, ‘“Our Last Hope”: Women’s Votes for Hitler — A Reappraisal’, *German*

- Studies Review*, 12 (1989), 289–310; Gerhard Schulz (ed.), *Ploetz Weimarer Republik: Eine Nation in Umbruch* (Freiburg, 1987), 166.
73. Falter, *Hitlers Wähler*, 154–93. См. также интересную дискуссию о «потере легитимности консервативных и либеральных элит» в Rohe, *Wahlen*, 140–63.
74. Paul, *Aufstand*, 93–4.
75. Falter, *Hitlers Wähler*, 194–130; Falter *et al.*, *Wahlen*, 44.
76. Jürgen Falter, 'How Likely were Workers to Vote for the NSDAP?' в Conan Fischer (ed.), *The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany* (Oxford, 1996), 9–45; Szejnmann, *Nazism*, 219–29.
77. Хороший краткий обзор противоречивой литературы с дополнительными ссылками см. в Dick Geary, 'Nazis and Workers before 1933', *Australian Journal of Politics and History*, 48 (2002), 40–51.
78. Falter, *Hitlers Wähler*, 230–66; Hans Speier, *German White-Collar Workers and the Rise of Hitler* (New Haven, 1986).
79. Thomas Childers, *The Nazi Voter: The Social Foundations of Fascism in Germany, 1919–1933* (Chapel Hill, NC, 1981), 262–9.
80. В попытках объяснить успех нацистов экономически обоснованной реакцией разных групп на их программу упускается главный пункт (William Brustein, *The Logic of Evil: The Social Origins of the Nazi Party, 1925–1933* (New Haven, 1996).
81. Rosenhaft, *Beating the Fascists?*, 60–64.
82. Ibid., 22–3 (на основе документов последующего судебного преследования); Reuth, *Goebbels*, 157–62; Thomas Oertel, *Horst Wessel: Untersuchung einer Legende* (Cologne, 1988); Bernhard Fulda, 'Horst Wessel: Media, Myth and Memory' (неопубликованная статья, которая должна была быть представлена на Исследовательском семинаре по современной европейской истории, Кембриджский университет, нояб. 2003); см. также: 'Ein politischer Totschlag', *Berliner Tageblatt*, 447 (23 сент. 1930).
83. Tyrell, *Führer befiel*, 296–7 (на основании полицейского отчета из Мюнхена о съезде коричневых рубашек в ноябре 1929 г., в котором представлена немного другая версия третьей строки в третьем куплете. Четвертый куплет, не процитированный здесь, представляет собой повтор первого).
84. Reuth, *Goebbels*, 162 и 643 n. 109.
85. Tyrell, *Führer befiel*, 288–9.
86. Rosenhaft, *Beating the Fascists?*, 6, приводит цифры из Adolf Ehrh, *Bewaffneter Aufstand! Enthüllungen über den kommunistischen Umsturzversuch am Vorabend der nationalen Revolution* (Berlin, 1933), 166;

- Die Rote Fahne*, 21 нояб. 1931; Nationalsozialistischer Deutscher Frontkämpferbund (ed.), *Der NSDFB (Stahlhelm): Geschichte, Wesen und Aufgabe des Frontsoldatenbundes* (Berlin, 1935), 58–61; Rohe, *Das Reichsbanner*, 342; более общее описание см. в Diehl, *Paramilitary Politics*, *passim*.
87. Rosenhaft, *Beating the Fascists?*, 6, те же источники; Rohe, *Das Reichsbanner*, 342.
 88. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstags*, 445 (1932), 1602–4.
 89. Valtin, *Out of the Night*, 218.
 90. Rosenhaft, *Beating the Fascists?*, 8; Diehl, *Paramilitary Politics*, 287.
 91. О том, как амнистия 20 января 1933 г. повлияла на уровень насилия в одном немецком городке, см.: William S. Allen, *The Nazi Seizure of Power: The Experience of a Single German Town, 1922–1945* (New York, 1984 [1965]), 146–7.
 92. Peter Lessmann, *Die preussische Schutzpolizei in der Weimarer Republik: Streifendienst und Strassenkampf* (Düsseldorf, 1989); Eric D. Kohler, 'The Crisis in the Prussian Schutzpolizei 1930–32.', in George L. Mosse (ed.), *Police Forces in History* (London, 1975), 131–50; Hsi-Huey Liang, *The Berlin Police Force in the Weimar Republic* (Berkeley, 1970); Siegfried Zalka, *Polizeigeschichte: Die Exekutive im Lichte der historischen Konfliktforschung. Untersuchungen über die Theorie und Praxis der preussischen Schutzpolizei in der Weimarer Republik zur Verhinderung und Bekämpfung innerer Unruhen* (Lübeck, 1979); Jürgen Siggemann, *Die kasernierte Polizei und das Problem der inneren Sicherheit in der Weimarer Republik: Eine Studie zum Auf- und Ausbau des innerstaatlichen Sicherheitssystems in Deutschland 1918/19–1933* (Frankfurt am Main, 1980); Johannes Buder, *Die Reorganisation der preussischen Polizei 1918/1923* (Frankfurt am Main, 1986); Johannes Schwarz, *Die bayerische Polizei und ihre historische Funktion bei der Aufrechterhaltung der öffentlichen Sicherheit in Bayern von 1919 bis 1933* (Munich, 1977). См. также интересный, хотя и не всегда достоверный отчет бывшего шефа гамбургского отряда гражданской самообороны: Lothar Danner, *Ordnungspolizei Hamburg: Betrachtungen zu ihrer Geschichte 1918–1933* (Hamburg, 1958).
 93. Полезный краткий очерк см. в Robert Gellately, *The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy 1933–1945* (Oxford, 1990), 22–6; более развернутое изложение см. в Robert J. Goldstein, *Political Repression in Nineteenth-Century Europe* (London, 1983).
 94. Christoph Graf, *Politische Polizeizwischen Demokratie und Diktatur* (Berlin, 1983).

95. Otto Buchwitz, *50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung* (Stuttgart, 1949), 129–36.
96. Thomas Kurz, 'Blutmai': Sozialdemokraten und Kommunisten im Brennpunkt der Berliner Ereignisse von 1929 (Bonn, 1988); Chris Bowlby, 'Blutmai 1929: Police, Parties and Proletarians in a Berlin Confrontation', *Historical Journal*, 29 (1986), 137–58; предыстория в Eve Rosenhaft, 'Working-Class Life and Working-Class Politics: Communists, Nazis, and the State in the Battle for the Streets, Berlin, 1928–1931' in Richard Bessel and Edgar J. Feuchtwanger (eds.), *Social Change and Political Development in Weimar Germany* (London, 1981), 207–40.
97. George C. Browder, *Hitler's Enforcers: The Gestapo and the SS Security Service in the Nazi Revolution* (New York, 1996), 23–8.
98. Richard Bessel, 'Militarisierung und Modernisierung: Polizeiliches Handeln in der Weimarer Republik' в Alf Lüdtke (ed.), 'Sicherheit' und 'Wohlfahrt': Polizei, Gesellschaft und Herrschaft im 19. und 20. Jahrhundert (Frankfurt am Main, 1992), 323–43; Theodor Lessing, *Haarmann: Die Geschichte eines Werwolfs. Und andere Kriminalreportagen* (ed. Rainer Marwedel, Frankfurt am Main, 1989); Evans, *Rituals*, 530–35, 591–610.
99. Browder, *Hitler's Enforcers*, 28–9; Danner, *Ordnungspolizei*, 223.
100. Eichengreen, *Golden Fetters*, 286; Homig, *Bruning*, 525–36.
101. Patch, *Heinrich Brüning*, 148–9; Bessel, *Political Violence*, 54–66.
102. Höhne, *The Order*, 51–62.
103. Herbert, *Best*, 111–19; Patch, *Heinrich Brüning*, 225–7.
104. Ibid., 118–9.
105. Ibid., 249–51; Bessel, *Political Violence*, 29–31.
106. Patch, *Heinrich Brüning*, 251.
107. Bracher, *Die Auflösung*, 377–88.
108. Thomas Mergel, *Parlamentarische Kultur in der Weimarer Republik: Politische Kommunikation, symbolische Politik und Öffentlichkeit im Reichstag* (Düsseldorf, 2002), 179–81.
109. Carsten, *The Reichswehr*, 259–63, 296–308. Полезная краткая характеристика Шляйхера дана в Henry Ashby Turner, Jr., *Hitler's Thirty Days to Power: January 1933* (London, 1996), 7, 19–21. Тонкая оценка отношений Шляйхера с Гренером имеется в Theodor Eschenburg, 'Die Rolle der Persönlichkeit in der Krise der Weimarer Republik: Hindenburg Brüning, Groener, Schleicher', *VfZ* 9 (1961), 1–29 с. 7–13. Парадоксальное мнение о том, что Шляйхер на самом деле хотел сохранить демократию за счет усиления исполнительной власти см. в Wolfram Pyta, 'Konstitutionelle Demokratie statt

- monarchischer Restauration: Die verfassungspolitische Konzeption Schleichers in der Weimarer Staatskrise', *VfZ* 47 (1999), 417–41.
110. Rohe, *Das Reichsbanner*, 360–65.
 111. Carsten, *The Reichswehr*, 333.
 112. Otto Meissner, *Staatssekretär unter Ebert — Hindenburg — Hitler: Der Schicksalsweg des deutschen Volkes von 1918–1945 wie ich ihn erlebte* (Hamburg, 1950), 215–17.
 113. Rudolf Morsey, 'Hitler als Braunschweiger Reigierungsrat', *VfZ* 8 (1960), 419–48.
 114. Donna Harsch, *German Social Democracy and the Rise of Nazism* (Chapel Hill, NC, 1993), 179.
 115. *Vorwärts*, 10 марта 1931, цитируется в Winkler, *Der Weg*, 514.
 116. Harsch, *German Social Democracy*, 180, цитируется в Carlo Mierendorff, 'Der Hindenburgsieg 1931', *Sozialistische Monatshefte*, 4 апр. 1932, 297; см. также: Erich Matthias, 'Hindenburg zwischen den Fronten 1932', *VfZ* 8 (1960), 75–84.
 117. Winkler, *Der Weg*, 519; см. также: Alfred Milatz, 'Das Ende der Parteien im Spiegel der Wahlen 1930 bis 1933' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 743–93, с. 761–6.
 118. Falter, *et al.*, *Wahlen*, 46; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 44–5.
 119. Paul, *Aufstand*, 98.
 120. Bracher, *Die Auflösung*, 511–17 — взвешенный анализ последующих споров по этому вопросу.
 121. Gordon A. Craig, 'Briefe Schleichers an Groener', *Die Welt als Geschichte*, 11(1951), 122–30; Reginald H. Phelps, 'Aus den Groener Dokumenten', *Deutsche Rundschau*, 76 (1950), 1019 и 77 (1951), 26–9; Hömig, *Brüning*, 537–89.
 122. Письмо Папена с заявлением о выходе из Центристской партии, напечатанное в Georg Schreiber, *Brüning, Hitler, Schleicher: Das Zentrum in der Opposition* (Cologne, 1932), 17–19, цитируется в Bracher, *Die Auflösung*, 536; см. также комментарии в Bracher, *Die Auflösung*, 656 и Morsey, 'Die Deutsche Zentrumsparterie' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 306–14. Критическая оценка Папена имеется в Joachim Petzold, *Franz von Papen: Bin deutsches Verhängnis* (Munich, 1995), а критическое обсуждение его воспоминаний см. в Theodor Eschenburg, 'Franz von Papen', *VfZ* 1 (1953), 153–69.
 123. Fest, *The Face*, 229–33; Richard W. Rofls, *The Sorcerer's Apprentice: The Life of Franz von Papen* (Lanham, Md., 1996).
 124. Vėjas Gabriel Liulevicius, *War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I* (Cambridge, 2000).

125. См. острую характеристику папеновской идеологии «нового государства» в Bracher, *Die Auflösung*, 536–54.
126. Папен, цитируется в Walter Schotte, *Der neue Staat* (Berlin, 1932), 110–24.
127. Evans, *Rituals*, 613–44.
128. Fulda, 'Press and Politics', chapter 4.
129. Edward W. Bennett, *German Rearmament and the West, 1932–1933* (Princeton, 1979), 63–4, 69.
130. Valtin, *Out of the Night*, 309–11, однако очень часто там преувеличиваются кроважидные настроения и уровень готовности к насилию бойцов красного фронта.
131. McElligott, *Contested City*, 192–5; Leon Schirmann, *Altonaer Blutsonntag 17. Juli 1932: Dichtung und Wahrheit* (Hamburg, 1994).
132. Lessmann, *Die preussische Schutzpolizei*, 349–70.
133. Rohe, *Das Reichsbanner*, 431–5.
134. Matthias, 'Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 141–5.
135. Bracher, *Die Auflösung*, 559–600; Schulze, *Otto Braun*, 745–86; Huber, *Deutsche Verfassungsgeschichte* VII. 1015–25 and 1192–7; Matthias, 'Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands', in Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 119–50; Schulz, *Zwischen Demokratie und Diktatur*, III. 920–33; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 89.
136. Один пример есть в Evans, *Rituals*, 614–15. Более общее описание см. в Winkler, *Der Weg*, 646–81, and Rudolf Morsey, 'Zur Geschichte des "Preussenschlags" am 20. Juli 1932, VfZ 9 (1961), 436–9.
137. Joseph Goebbels, *Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei: Eine historische Darstellung in Tagebuchblättern (vom 1. Januar 1932 bis zum 1. Mai 1933)* (Munich 1937 [1934]), 131–5; о прусских выборах см.: Winkler, *Der Weg*, 542–53.
138. Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, I. 102–3; Martin Broszat, *Hitler and the Collapse of Weimar Germany* (Oxford, 1987 [1984]), 82–91; Winkler, *Der Weg*, 681–98.
139. Matthias, 'Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands' in Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 222–4 (документ №11: Rundschreiben des Gauvorstandes Hannover des Reichsbanners, 5 июля 1932); Winkler, *Der Weg*, 515; Harsch, *German Social Democracy*, 177–80; Richard Albrecht, 'Symbolkampf in Deutschland 1932: Sergej Tschachotin und der "Symbolkrieg" der drei Pfeile gegen den Nationalsozialismus als Episode im Abwehrkampf der Arbeiterbewegung gegen den Faschismus in Deutschland', *Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*, 22 (1986), 498–533.

140. Winkler, *Der Weg*, 514–16.
141. Simon Taylor, *Germany 1918–1933: Revolution, Counter–Revolution and the Rise of Hitler* (London, 1983), 112–16; см. также: Hans Bohrmann (ed.), *Politische Plakate* (Dortmund, 1984), 247–62.
142. Paul, *Aufstand*, 178 (цитируется речь Геббельса от 31 июля 1933 г.).
143. Ibid., 133–76, 223–47, 253–66.
144. О выборах в июле 1932 г. см.: Winkler, *Der Weg*, 681–92; сводка в Jürgen W. Falter, 'Die Wähler der NSDAP 1928–1933: Sozialstruktur und parteipolitische Herkunft' в Wolfgang Michalka (ed.), *Die nationalsozialistische Machtergreifung* (Paderborn, 1984), 47–59.
145. Falter, *Hitlers Wähler*, 110–13, 369–71. Нацистские призывы к рабочим, особенно еще имевшим работу, см. в Szejnmann, *Nazism*, 219–31.
146. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 211–12. (1 авг. 1932).
147. Hannover and Hannover-Drück, *Politische Justiz*, 301–10, цитируется на с. 306; Paul Kluge, 'Der Fall Potempa', *VfZ* 5 (1957), 279–97; Richard Bessel, 'The Potempa Murder', *Central European History*, 10 (1977), 241–54. В декрете не были описаны новые виды правонарушений, убийство, совершенное по любым мотивам, автоматически попадало под соответствующую статью Уголовного кодекса. Так что это был не более чем пропагандистский трюк.
148. Hannover and Hannover-Drück, *Politische Justiz*, 308.
149. Ibid., 310; Karl-Heinz Minuth (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Weimarer Republik. Das Kabinett von Papen, 1. Juni bis 3. Dezember 1932* (Boppard, 1989), 146, 491–5. Законное право Папена заменять приговоры на более мягкие было более чем сомнительным, поскольку такое право находилось в руках законно назначенного главы Прусского государства, а Папен таким статусом не обладал. Убийцы были выпущены из тюрьмы в марте 1933 г. (Evans, *Rituals*, 615–18, 627–8).
150. Hitler: *Reden, Schriften, Anordnungen. Februar 1925 bis Januar 1933* (5 vols., Institut für Zeitgeschichte, Munich, 1992–8), V/1: *Von der Reichspräsidentenwahl bis zur Machtergreifung, April 1932 — Januar 1933*, 304–9.
151. Turner, *Hitler's Thirty Days*, 14–15, на основании Winkler, *Weimar*, 510–24.
152. Christian Striefler, *Kampf um die Macht: Kommunisten und Nationalsozialisten am Ende der Weimarer Republik* (Berlin, 1993), с. 177–86; Deuerlein (ed.), *Der Aufstieg*, 402–4. См. также: Paul, *Aufstand*, 104–8.

153. Werner Jochmann (ed.), *Nationalsozialismus und Revolution: Ursprung und Geschichte der NSDAP in Hamburg 1922–1933* (Frankfurt am Main, 1963), 400, 402, 405, 413–14.
154. Ibid., 405.
155. Ibid., 406.
156. Ibid., 414, 416, 417.
157. Falter, *Hitlers Wähler*, 34–8, 103–7.
158. *Vorwärts*, 13 нояб. 1932, цитируется в Falter, *Hitlers Wähler*, 37.
159. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 272 (6 нояб. 1932).
160. Falter, *Hitlers Wähler*, 37–8, 106–7.
161. Bracher, *Die Auflösung*, 644–61; Nicholls, *Weimar*, 163–6.
162. Документы см. в Thilo Vogelsang, 'Zur Politik Schleichers gegenüber der NSDAP 1932', *VfZ* 6 (1958), 86–118.
163. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 176–88 (1 дек. 1931).
164. Bracher, *Die Auflösung*, 662–85; Stachura, *Gregor Strasser*; Kershaw, *Hitler*, I. 396–403; Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, 110–15; Orlow, *The History of the Nazi Party*, I.291–6; в Turner, *Hitler's Thirty Days*, 23–8, 84–6 исправляются предыдущие описания.
165. Turner, *Hitler's Thirty Days*, 61–6; Paul, *Aufstand*, 109–10.
166. Gr ttnet, *Studenten*, 53–5.
167. Noakes and Pridham, *Nazism*, I. 109–11.
168. Berghahn, *Der Stahlhelm*, 187–246.
169. Theodor Duesterberg, *Der Stahlhelm und Hitler* (Wolfenbiüttel, 1949), 39, цитируется в Turner, *Hitler's Thirty Days*, 154; см. также: Berghahn, *Der Stahlhelm*, 246–50.
170. Meissner, *Staatssekretär*, 247. См. также: Bracher, *Die Auflösung*, 707–32; Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, I. 116–20.
171. Lutz, Graf Schwerin von Krosigk, *Es geschah in Deutschland: Menschenbilder unseres Jahrhunderts* (Tübingen, 1951), 147.
172. Ewald von Kleist–Schmenzin, 'Die letzte Möglichkeit', *Politische Studien*, 10 (1959), 89–92, at 92.

Глава 5.

РОЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

1. *Deutsche Zeitung*, 27а (утр. изд., 1 фев. 1933, с. 1, стб. 2). Подборку репортажей в прессе см. в Wieland Eschenhagen (ed.), *Die 'Machtergreifung': Tagebuch einer Wende nach Presseberichten vom 1. Januar bis 6. März 1933* (Darmstadt, 1982).
2. *Berliner Illustrierte Nachtausgabe*, 26 (31 янв. 1933), 2, стб. 4; *B. Z. am Mittag* 26 (Erste Beilage, 31 янв. 1933), 3, заголовок рисунка, стб. 3;

- Peter Fritzsche, *Germans into Nazis* (Cambridge, Mass., 1998), 139–43; Hans-Joachim Hildenbrand, ‘Der Betrug mit dem Fackelzug’ в Rolf Italiander (ed.), *Wir erlebten das Ende der Weimarer Republik: Zeitgenossen berichten* (Düsseldorf, 1982), 165.
3. Wheeler-Bennett, *Hindenburg*, 435. Не нужно и говорить, что Людендорфа там вообще не было.
4. *Deutsche Allgemeine Zeitung*, 51 (утр. изд., 31 янв. 1933), с. 1.
5. *Berliner Börsen-Zeitung*, 51 (утр. изд., 31 янв. 1933), с. 1, стб. 2.
6. *Deutsche Allgemeine Zeitung*, 51 (утр. изд., 31 янв. 1933), с. 1, стб. 3.
7. *Deutsche Zeitung*, 273 (утр. изд., 31 февр. 1933), заголовок на с. 1.
8. Цитируется в Jochmann (ed.), *Nationalsozialismus und Revolution*, 429; Fritzsche, *Germans*, 141.
9. Herbst, *Das nationalsozialistische Deutschland*, 59–60.
10. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 357 (31 янв. 1933).
11. *Deutsche Zeitung*, 273 (утр. изд., 31 янв. 1933), с. 1, стб. 1–2.
12. Два примера см. в Bernd Burkhardt, *Eine Stadt wird braun: Die nationalsozialistische Machtergreifung in der Provinz. Eine Fallstudie* (Hamburg, 1980) — о швабском городке Мюлакер; Allen, *The Nazi Seizure of Power*, 153–4 — о северонемецком городке Нортхайм.
13. *Deutsche Zeitung*, 26b (веч. изд., 31 янв. 1933), с. 1; *Vossische Zeitung* 52 (веч. изд., 31 янв. 1933), 3.
14. Jochmann, *Nationalsozialismus und Revolution*, 423.
15. Maschmann, *Account Rendered*, 11–12, (дополн. пер.).
16. Цитируется в *Deutsche Zeitung*, 27a (утр. изд., 1 февр. 1933), с. 1, стб. 1.
17. *Deutsche Zeitung*, 26b (веч. изд., 31 янв. 1933), 3, стб. 2: ‘Wieder zwei Todesopfer der roten Mordbestien’.
18. *Berliner Börsen-Zeitung*, 52 (веч. изд., 31 янв. 1933), 2, кол. 2–3.
19. *Welt am Abend*, 26 (31 янв. 1933), 1–2.
20. Hans-Joachim Althaus et al., ‘Da ist nirgends nichts gewesen ausser hier’: *Das ‘rote Mössingen’ im Generalstreik gegen Hitler. Geschichte eines schwäbischen Arbeiterdorfes* (Berlin, 1982.).
21. Allan Merson, *Communist Resistance in Nazi Germany* (London, 1985), 25–8; Winkler, *Der Weg*, 867–75.
22. Josef and Ruth Becker (eds.), *Hitlers Machtergreifung: Dokumente vom Machtantritt Hitlers 30. Januar 1933 bis zur Besiegelung des Einparteienstaates 14. Juli 1933* (2nd edn., Munich, 1992 [1983]), 45.
23. *Die Welt am Abend*, 27 (1 февр. 1933), заголовок на титульной странице; *Die Rote Fahne*, 27 (1 февр. 1933), заголовок на с. 1.
24. Jochmann, *Nationalsozialismus und Revolution*, 421.

25. Запись из дневника Камила Хоффмана от 30 января 1933 г., цитируется в Johann Wilhelm Brügel and Norbert Frei (eds.), 'Berliner Tagebuch, 1932–1934: Aufzeichnungen des tschechoslowakischen Diplomaten Camill Hoffmann', *VfZ* 36 (1988), 131–83, с. 159.
26. Ministère des affaires étrangères (ed.), *Documents Diplomatiques Français, 1932–1939*, ser. I, vol. II (Paris, 1966), p. 552, Франсуа-Понсе Бонкуру, 1 февраля 1933 г. Это центральная тема исследования Gotthard Jasper, *Die gescheiterte Zähmung: Wege zur Machtergreifung Hitlers 1930–1934* (Frankfurt am Main, 1986), 126–71. Часто цитируемое в то время «пророчество» генерала Людендорфа, сказавшего, что Гитлер загонит Германию в пропасть (см., например: Kershaw, *Hitler* I. 427), было поздним изобретением Ханса Франка, см. Fritz Tobias, 'Ludendorff, Hindenburg, Hitler: Das Phantasieprodukt des Ludendorff-Briefes vom 30. Januar 1933' в Uwe Backes et al. (eds.), *Die Schatten der Vergangenheit: Impulse zur Historisierung des Nationalsozialismus* (Frankfurt am Main, 1990), 319–43 и Lothar Gruchmann, 'Ludendorffs "prophetischer" Brief an Hindenburg vom Januar/Februar 1933', *VfZ* 47 (1999), 559–62.
27. Robert J. O'Neill, *The German Army and the Nazi Party 1933–1939* (London, 1966), 34–5.
28. Klaus-Jürgen Müller, *The Army, Politics and Society in Germany 1933–1945: Studies in the Army's Relation to Nazism* (Manchester, 1987), 29–44. O'Neill, *The German Army*, 35–45; Wolfgang Sauer, *Die Mobilmachung der Gewalt* (vol. III of Bracher et al., *Die nationalsozialistische Machtergreifung*), 41–84; Andreas Wirsching, '“Man kann nur Boden germanisieren”: Eine neue Quelle zu Hitlers Rede vor den Spitzen der Reichswehr am 3. Februar 1933', *VfZ* 49 (2001), 516–50. Полная версия обращения Гитлера к армейским офицерам 3 февраля 1933 г., представленная в этой статье, недавно была обнаружена в бывшем архиве КГБ в Москве и, вероятно, была предоставлена дочерью Хаммерштайна, которая симпатизировала коммунистам. Другой немного более ранний набор обещаний Гитлера в схожем ключе см. в Thilo Vogelsang, 'Hitlers Brief an Reichenau vom 4. Dezember 1932', *VfZ* 7 (1959), 429–37.
29. Martin Broszat, 'The Concentration Camps 1933–1945' in Helmut Krausnick et al., *Anatomy of the SS State* (London, 1968 [1965]), 397–504, at 400–401; Bessel, *Political Violence*, 98–9.
30. Siegfried Bahne, 'Die Kommunistische Partei Deutschlands' in Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 655–739, at 690; Berghahn, *Der Stahlhelm*, 252.

31. Matthias, 'Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 101–278, at 101–50.
32. Winkler, *Der Weg*, 867–875. Там же цитируется *Vorwärts*, 867.
33. Broszat, *Der Staat Hitlers*, 94.
34. Гржезински Клупшу и др., 24 февраля 1933 г., документ 25 в Matthias, 'Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands' in Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 234–5.
35. Winkler, *Der Weg*, 876–8.
36. Martin Kitchen, *The Coming of Austrian Fascism* (London, 1980), 202–81; Francis L. Carsten, *Fascist Movements in Austria: From Schtinerer to Hitler* (London, 1977), 249–70.
37. Winkler, *Der Weg*, 868.
38. Domarus, *Hitler*, I. 147.
39. Ibid., 254.
40. Ibid., 253.
41. Morsey, 'Die Deutsche Zentrumspartei' in Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 339–54; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 95.
42. Domarus, *Hitler*, I. 156; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 249.
43. Domarus, *Hitler*, I. 170.
44. Ibid., 249 (10 фев. 1933).
45. Ibid., 247–50.
46. Jochmann (ed.), *Nationalsozialismus und Revolution*, 431.
47. Domarus, *Hitler*, I. 150–51.
48. Turner, *German Big Business*, 330–32.
49. Paul, *Aufstand*, 111–13.
50. Напечатано в Bahne, 'Die Kommunistische Partei Deutschlands' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, document 3, 728–31, at 731.
51. Ibid., 686–696.
52. Hans Mommsen, 'Van der Lubbes Weg in den Reichstag — der Ablauf der Ereignisse' in Uwe Backes *et al.*, *Reichstagsbrand: Aufklärung einer historischen Legende* (Munich, 1986), 33–57, at 42–7.
53. Harry Graf Kessler, *Tagebücher 1918–1937* (ed. Wolfgang Pfeiffer-Belli, Frankfurt am Main, 1961), 707–9.
54. Horst Karasek, *Der Brandstifter: Lehr- und Wanderjahre des Maurergesellen Marinus van der Lubbe, der 1933 auszog, den Reichstag anzuzünden* (Berlin, 1980); Martin Schouten, *Marinus van der Lubbe (1909–1934): Eine Biographie* (Frankfurt, 1999 [1986]); и Fritz Tobias, *The Reichstag Fire: Legend and Truth* (London, 1962).
55. Mommsen, 'Van der Lubbes Weg', 33–42.
56. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, part I, vol. II, p. 383.

57. Rudolf Diels, *Lucifer ante Portas: Es spricht der erste Chef der Gestapo* (Stuttgart, 1950), 192–3.
58. Mommsen, 'Van der Lubbes Weg'; Karasek, *Der Brandstifter*; Tobias, *The Reichstag Fire*. Впоследствии коммунисты попытались доказать, что за попыткой поджога стояли нацисты, однако подлинность заявлений ван дер Люббе и сопутствующих документов оказалась вне сомнений. Более того, среди документальных свидетельств, которые должны были доказать участие нацистов, было обнаружено огромное число сфальсифицированных и сфабрикованных материалов. Попытки доказать вину нацистов см. в World Committee for the Victims of German Fascism (President Einstein) (ed.), *The Brown Book of the Hitler Terror and the Burning of the Reichstag* (London, 1933), 54–142; Walther Hofer and Alexander Bahar (eds.), *Der Reichstagsbrand: Ein wissenschaftliche Dokumentation* (Freiburg im Breisgau, 1992. [1972, 1978]); доказательство неадекватности этой работы см. в Backes et al., *Reichstagsbrand*; Karl-Heinz Janssen, 'Geschichte aus der Dunkelkammer: Kabalen um dem Reichstagsbrand. Eine unvermeidliche Enthüllung', *Die Zeit*, 38 (14 сент. 1979), 45–8; 39 (21 сент. 1979), 20–24; 40 (28 сент. 1979), 49–52; 41 (5 окт. 1979), 57–60; Tobias, *The Reichstag Fire*, 59–78 и Hans Mommsen, 'Der Reichstagsbrand und seine politischen Folgen', *VfZ* 12 (1964), 351–413. Недавнее предположение о том, что нацисты планировали поджог, основывается на преувеличенном сходстве между ранними записками с обсуждениями чрезвычайных мер и Декретом о пожаре Рейхстага, см. Alexander Bahar and Wilfried Kugel, 'Der Reichstagsbrand: Neue Aktenfunde entlarven die NS-Täter', *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 43 (1995), 823–32, и Jürgen Schmädke et al., 'Der Reichstagsbrand im neuen Licht', *Historische Zeitschrift*, 269 (1999), 603–51. До сих пор вывод Тобиаса и Моммзена о том, что ван дер Люббе действовал в одиночку, не был опровергнут.
59. Diels, *Lucifer*, 193–5.
60. Ibid., 180–2. Геббельс, по-видимому, уничтожил оригиналы своих дневников в последние дни февраля, этот факт вызвал подозрения сторонников точки зрения о том, что пожар устроили именно нацисты. В исправленной версии, опубликованной под названием *Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei*, он говорит о событиях той ночи: «Вожьд не теряет спокойствия ни на минуту: потрясающе» (Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 383).
61. Diels, *Lucifer*, 193–5.

62. Karl-Heinz Minuth (ed.), *Akten der Reichskanzlei: Die Regierung Hitler*, I: 1933–1934 (2. vols., Boppard, 1983), I. 123; Ulrich Kolbe, 'Zum Urteil über die "Reichstagsbrand-Notverordnung" vom 28.2.1933', *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 16 (1965), 359–70; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 92. О Гюртнере см.: Lothar Gruchmann, *Justiz im Dritten Reich 1933–1940: Anpassung und Unterwerfung in der Ära Gurtner* (Munich, 1988), 70–83.
63. Minuth (ed.), *Die Regierung Hitler 1933–1934*, I. 128–31; Kolbe, 'Zum Urteil', 359–70.
64. Minuth (ed.), *Die Regierung Hitler 1933–1934*, I. 128–31; Broszat, 'The Concentration Camps', 400–402.
65. Minuth (ed.), *Die Regierung Hitler 1933–1934*, I. 131.
66. Цитируется в Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, I. 142. Недавний анализ см. в Thomas Reithel and Irene Streng, 'Die Reichstagsbrandverordnung: Grundlegung der Diktatur mit den Instrumenten des Weimarer Ausnahmezustandes', *VfZ* 48 (2000), 413–60.
67. Jochmann (ed.), *Nationalsozialismus und Revolution*, 427.
68. Evans, *Rituals*, 618–24.
69. AT 31, in Merkl, *Political Violence*, 545 (повторный перевод). Основной организационной единицей штурмовиков был «штурмовой отряд».
70. Mason, *Social Policy*, 73–87.
71. Bahne, 'Die Kommunistische Partei', in Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 693–4, 699–700; Winkler, *Der Weg*, 876–89; Weber, *Die Wandlung*, 246; World Committee (ed.), *The Brown Book*, 184; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 101–2.
72. Merson, *Communist Resistance*, 57; Detlev J. K. Peukert, *Die KPD im Widerstand: Verfolgung und Untergrundarbeit an Rhein und Ruhr, 1933 bis 1945* (Wuppertal, 1980), 75–8. См. также Horst Duhnke, *Die KPD von 1933 bis 1945* (Cologne, 1972.), 101–9; *ibid.* *Die KPD und das Ende von Weimar: Das Scheitern einer Politik 1932–1935* (Frankfurt am Main, 1976), 34–42.
73. Diels, *Lucifer*, 222. См. также: Hans Bernd Gisevius, *To the Bitter End* (London, 1948).
74. 'Bericht des Obersten Parteigerichts an den Ministerpräsidenten Generalfeldmarschall Göring, 13.2.1939', документ ND 3063–PS in *Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg* (Nuremberg, 1949), XXIII. 20–29, at 26.
75. Paul, *Aufstand*, 111–13.
76. Allen, *The Nazi Seizure of Power*, 156–61.

77. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 387 (5 марта 1933).
78. См.: Allen, *The Nazi Seizure of Power*, 160.
79. Falter et al., *Wahlen*, 41, 44; Falter, *Hitlers Wähler*, 38–9.
80. Ibid., 40; о католиках см.: Oded Heilbronner, *Catholicism, Political Culture and the Countryside: A Social History of the Nazi Party in South Germany* (Ann Arbor, 1998), 139.
81. Bessel, *Political Violence*, 101–2.
82. Ulrich Klein, 'SA-Terror und Bevölkerung in Wuppertal 1933/34' in Detlev Peukert and Jürgen Reulecke (eds.), *Die Reihen fast geschlossen: Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus* (Wuppertal, 1981), 45–64, at 51.
83. Winkler, *Der Weg*, 890–91; World Committee (ed.), *The Brown Book*, 204–5; Schneider, *Unterm Hakenkreuz*, 56–73.
84. Dieter Rebentisch and Angelika Raab (eds.), *Neu-Isenburg zwischen Anpassung und Widerstand; Dokumente über Lebensbedingungen und politisches Verhalten 1933–1934* (Neu-Isenburg, 1978), 79.
85. Gerlinde Grahn, 'Die Enteignung des Vermögens der Arbeiterbewegung und der politischen Emigration 1933 bis 1945', 1999: *Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts*, 12 (1997), 13–38; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 118.
86. Klein, 'SA-Terror', 51–3.
87. Broszat, *Der Staat Hitlers*, 256.
88. Ibid., 136–8.
89. Winkler, *Der Weg*, 888–93, 898–900.
90. Ibid., 916–18.
91. Ibid., 929–32; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 118–19.
92. Harold Marcuse, *Legacies of Dachau: The Uses and Abuses of a Concentration Camp, 1933–2001* (Cambridge, 2001), 21–3; Hans-Günter Richardi, *Schule der Gewalt: Das Konzentrationslager Dachau, 1933–1934* (Munich, 1983), 48–87; Johannes Tuchel, *Organisationsgeschichte und Funktion der 'Inspektion der Konzentrationslager' 1933–1938* (Boppard, 1991), 121–58.
93. Bley, *Namibia under German Rule*, 151, 198; Krüger, *Kriegsbewältigung*, 138–44; Joachim Zeller, "'Wie Vieh wurden Hunderte zu Getriebenen und wie Vieh begraben": Fotodokumente aus dem deutschen Konzentrationslager in Swakopmund/Namibia 1904–1908', *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 49 (2001), 226–43.
94. Marcuse, *Legacies of Dachau*, 21–2; Tuchel, *Organisationsgeschichte*, 35–7; Andrej Kaminski, *Konzentrationslager 1896 bis heute: Eine Analyse* (Stuttgart, 1982), 34–38. Нет убедительных свидетельств того,

- что Гитлер или Гиммлер использовали советскую модель трудовых лагерей (см.: Evans, *In Hitler's Shadow*, 24–46).
95. Доводы в пользу того, что это было импровизацией, см. в Broszat, 'The Concentration Camps', 400–406.
 96. Bessel, *Political Violence*, 117.
 97. Friedrich Schlotterbeck, *The Darker the Night, the Brighter the Stars: A German Worker Remembers (1933–1945)* (London, 1947), 22–36. Дальнейшее рассмотрение нацистского насилия см. в Lindenberger and Lüdtke (eds.), *Physische Gewalt* и в Bernd Weisbrod, 'Gewalt in der Politik: Zur politischen Kultur in Deutschland zwischen den beiden Weltkriegen', *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 43 (1992), 391–404.
 98. Огромное число дел подробно рассмотрено в World Committee (ed.), *The Brown Book*, 216–18; for Jankowski, 210–11. См. также: Diels, *Lucifer*, 222.
 99. Günter Morsch, 'Oranienburg — Sachsenhausen, Sachsenhausen — Oranienburg' in Ulrich Herbert *et al.* (eds.), *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur* (2 vols., Göttingen, 1998), 111–34, at 119.
 100. Tuchel, *Organisationsgeschichte*, 103; Karin Orth, *Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager* (Hamburg, 1999), 23–6.
 101. Bahne, 'Die Kommunistische Partei Deutschlands' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 693–4, 699–700; Winkler, *Der Weg*, 876–89; Broszat, 'The Concentration Camps', 406–7; Broszat *et al.* (eds.), *Bayern*, I. 240–41.
 102. Fieberg (ed.), *Im Namen*, 68; World Committee (ed.), *The Brown Book*, 332.
 103. Domarus, *Hitler*, I. 263; в Mason, *Social Policy*, 76 беспокойство Гитлера о беспорядках представляется как настоящее, он также отмечает, что нацистское руководство постоянно информировалось о природе и размахе насилия.
 104. Broszat, *Der Staat Hitlers*, 111.
 105. Rudolf Morsey (ed.), *Das 'Ermächtigungsgesetz' vom 24. März 1933: Quellen zur Geschichte und Interpretation des 'Gesetzes zur Behebung der Not von Volk und Reich'* (Düsseldorf, 1992) и Michael Frehse, *Ermächtigungsgesetzgebung im Deutschen Reich 1914–1933* (Paffensweiler, 1985), 145.
 106. Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, xiii.
 107. Klaus-Jürgen Müller, 'Der Tag von Potsdam und das Verhältnis der preussisch-deutschen Militär-Elite zum Nationalsozialismus' в Bern-

- hard Kroner (ed.), *Potsdam — Stadt, Armee, Residenz in der preussisch-deutschen Militärgeschichte* (Frankfurt am Main, 1993), 435–49; Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, II. 395–7 (22 марта 1933); Werner Freitag, 'Nationale Mythen und kirchliches Heil: Der "Tag von Potsdam"', *Westfälische Forschungen*, 41 (1991), 379–430. Речь Гитлера см. в Domarus, *Hitler*, I. 272–4.
108. Ibid., 270.
109. Bracher, *Stufen*, 213–36; а также Hans Schneider, 'Das Ermächtigungsgesetz vom 24. März 1933', *VfZ* 1 (1953), 197–221, at 207–8.
110. Junker, *Die Deutsche Zentrumspartei*, 171–89; Morsey, 'Die Deutsche Zentrumspartei' in Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 281–453; Josef Becker, 'Zentrum und Ermächtigungsgesetz 1933: Dokumentation' *VfZ* 9 (1961), 195–210; Rudolf Morsey, 'Hitlers Verhandlungen mit der Zentrumsführung am 31. Januar 1933', *VfZ* 9 (1961), 182–94.
111. Wilhelm Hoegner, *Der schwierige Aussenseiter: Erinnerungen eines Abgeordneten, Emigranten und Ministerpräsidenten* (Munich, 1959), 92.
112. Becker, 'Zentrum und Ermächtigungsgesetz 1933'; Konrad Repgen, 'Zur vatikanischen Strategie beim Reichskonkordat', *VfZ* 31 (1983), 506–35; Brüning, *Memoiren*, 655–57; Domarus, *Hitler*, I. 275–85.
113. Winkler, *Der Weg*, 901–6; Hans J. L. Adolph, *Otto Wels und die Politik der deutschen Sozialdemokratie 1934–1939: Eine politische Biographie* (Berlin, 1971), 262–4; Willy Brandt, *Erinnerungen* (Frankfurt am Main, 1989), 96; Hoegner, *Der Schwierige Aussenseiter*, 93.
114. Broszat, *Der Staat Hitlers*, 117 and n. Об Акте о чрезвычайных полномочиях в контексте чрезвычайного законодательства в Веймарской республике см. в Jorg Biesemann, *Das Ermächtigungsgesetz als Grundlage der Gesetzgebung im nationalsozialistischen Deutschland: Ein Beitrag zur Stellung des Gesetzes in der Verfassungsgeschichte 1919–1945*; (Münster, 1992 [1985]).
115. Matthias, 'Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands' in Matthias and Morsey (eds.) *Das Ende*, 176–80; Winkler, *Der Weg*, 867–98; Schumann, *Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung*; Hannes Heer, *Burgfrieden oder Klassenkampf: Zur Politik der sozialdemokratischen Gewerkschaften 1930–1933* (Neuwied, 1971) — критический обзор профсоюзных лидеров; Bernd Martin, 'Die deutschen Gewerkschaften und die nationalsozialistische Machtübernahme', *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 36 (1985), 605–31; Henryk Skrzypczak, 'Das Ende der Gewerkschaften' в Wolfgang Michalka (ed.), *Die nationalsozialistische Machtergreifung* (Paderborn, 1984), 97–110.
116. *Nationalsozialistische Betriebszellenorganisation*, или Национал-социалистическая организация рабочих ячеек.

117. Winkler, *Der Weg*, 898–909; Gunther Mai, 'Die Nationalsozialistische Betriebszellen—Organisation: Zum Verhältnis von Arbeiterschaft und Nationalsozialismus', *VfZ* 31 (1983), 573–613.
118. Schneider, *Unterm Hakenkreuz*, 76–106, 89; Winkler, *Der Weg*, 898–909; Herbst, *Das nationalsozialistische Deutschland*, 68–70.
119. Wieland Elfferding, 'Von der proletarischen Masse zum Kriegsvolk: Massen aufmarsch und Öffentlichkeit im deutschen Faschismus am Beispiel des 1. Mai 1933' в Neue Gesellschaft für bildende Kunst (ed.), *Inszenierung der Macht: Ästhetische Faszination im Faschismus* (Berlin, 1987), 17–50.
120. Peter Jahn (ed.), *Die Gewerkschaften in der Endphase der Republik 1930–1933* (Cologne, 1988), 888–92, 897–8, 916.
121. Dieter Fricke, *Kleine Geschichte des Ersten Mai: Die Maifeier in der deutschen und internationalen Arbeiterbewegung* (Berlin, 1980), 224–9; Fritzsche, *Germans*, 215–35.
122. Goebbels, *Vom Kaiserhof*, 299 и Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 408 (17 апр. 1933).
123. Winkler, *Der Weg*, 909–29; Michael Schneider, *A Brief History of the German Trade Unions* (Bonn, 1991 [1989]), 204–10.
124. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 416 (3 мая 1933).
125. Winkler, *Der Weg*, 929–32; Grahn, 'Die Enteignung'; Beate Dapper and Hans—Peter Rouette, 'Zum Ermittlungsverfahren gegen Leipart und Genossen wegen Untreue vom 9. Mai 1933', *Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*, 20 (1984), 509–35; Schneider, *Unterm Hakenkreuz*, 107–17.
126. Winkler, *Der Weg*, 932–40; Matthias, 'Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands' in Matthias and Morsey (eds.), *Die Ende*, 168–75, 166–75; о самоубийстве Пфюльф см.: 254 н. 6; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 120.
127. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 437 (23 июня 1933).
128. Schüler, *Auf der Flucht erschossen*, 241–8.
129. Подробнее см.: Max Clinger (Kurt Geyer), *Volk in Ketten* (Karlsbad, 1934), 96–7; Winkler, *Der Weg*, 943–7; Franz Osterroth and Dieter Schuster, *Chronik der deutschen Sozialdemokratie* (Hanover, 1963), 381; документы в Erich Matthias, 'Der Untergang der Sozialdemokratie 1933', *VfZ* 4 (1956), 179–226 и комментарии на с. 250–86; о Берлине и его пригородах см.: Reinhard Rürup (ed.), *Topographie des Terrors: Gestapo, SS und Reichssicherheitshauptamt auf dem 'Prinz—Albert—Gelände': Eine Dokumentation* (Berlin, 1987) и в Hans—Norbert Burkert et al., 'Machtergreifung' Berlin 1933: *Stätten der Geschichte Berlins in Zusammenarbeit mit dem Pädagogischen Zentrum Berlin* (Berlin, 1981), 20–94.

130. Bessel, *Political Violence*, 42, 117–18; Paul Lübe, *Der Weg war lang: Lebenserinnerungen von Paul Löbe* (Berlin, 1954 [1950]), 221–9.
131. Beth A. Griech-Polelle, *Bishop von Galen: German Catholicism and National Socialism* (New Haven, 2002), 9–18.
132. Ibid., 31–2; Richard Steigmann-Gall, *The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity, 1919–1945* (New York, 2003), 51–85.
133. Hans Müller (ed.), *Katholische Kirche und Nationalsozialismus: Dokumente 1930–1935* (Munich, 1963), 79.
134. Thomas Fandel, 'Konfessionalismus und Nationalsozialismus' в Olaf Blaschke (ed.), *Konfessionen im Konflikt: Deutschland zwischen 1800 und 1970: Ein zweites konfessionelles Zeitalter* (Göttingen, 2002), 299–334, с. 314–15; Günther Lewy, *The Catholic Church and Nazi Germany* (New York, 1964), 94–112.
135. Müller, *Katholische Kirche*, 168; более общее описание см. в Scholder, *The Churches*.
136. Morsey, 'Die Deutsche Zentrumspartei' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 383–6, цитируется *Kölnische Volkszeitung* от 12 мая 1933 г.
137. Broszat, 'The Concentration Camps', 409–11.
138. Lewy, *The Catholic Church*, 45–79.
139. Morsey, 'Die Deutsche Zentrumspartei' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 387–411; Lewy, *The Catholic Church*, 7–93.
140. Griech-Polelle, *Bishop von Galen*, 45–6, 137–9.
141. Morsey, 'Die Deutsche Staatspartei' in Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 55–72; Jones, *German Liberalism*, 462–75 (также о Народной партии).
142. Hans Booms, 'Die Deutsche Volkspartei' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 521–39.
143. Hiller von Gaertringen, 'Die Deutschnationale Volkspartei' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 576–99; Larry Eugene Jones, '“The Greatest Stupidity of My Life”: Alfred Hugenberg and the Formation of the Hitler Cabinet', *Journal of Contemporary History*, 27 (1992), 63–87; копию письма Хугенберга с заявлением об отставке и другие документы см. в Anton Ritthaler, 'Eine Etappe auf Hitlers Weg zur ungeteilten Macht: Hugenburgs Rücktritt als Reichsminister', *VfZ* 8 (1960), 193–219.
144. Hiller von Gaertringen, 'Die Deutschnationale Volkspartei' in Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 599–603.
145. Ibid., 607–15.
146. Berghahn, *Der Stahlhelm*, 253–70; Broszat, *Der Staat Hitlers*, 121.

147. Hiller von Gaertringen, 'Die Deutschnationale Volkspartei' в Matthias and Morsey (eds.), *Das Ende*, 603–7; Bessel, *Political Violence*, 120–21; Berghahn, *Der Stahlhelm*, 268–74, 286.
148. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 440 (18 июня 1933).
149. Hans-Georg Stümke, *Homosexuelle in Deutschland: Eine politische Geschichte* (Munich, 1989).
150. Свидетельское описание в Hans-Georg Stümke and Rudi Finkler, *Rosa Winkel, Rosa Listen: Homosexuelle und 'Gesundes Volksempfinden' von Auschwitz bis heute* (Hamburg, 1981), 163–66, цитируется в англ. пер. в Burleigh and Wippermann, *The Racial State*, 189–90. См. также: Burkhard Jellonek, *Homosexuelle unter dem Hakenkreuz: Verfolgung von Homosexuellen im Dritten Reich* (Paderborn, 1990). Личные показания в Richard Plant, *The Pink Triangle: The Nazi War against Homosexuals* (Edinburgh, 1987).
151. Wolff, *Magnus Hirschfeld*, 414.
152. Grossmann, *Reforming Sex*, 149–50; Gaby Zürn, "'Von der Herberstrasse nach Auschwitz'" в Angelika Ebbinghaus (ed.), *Opfer und Täterinnen: Frauenbiographien des Nationalsozialismus* (Nördlingen, 1987), 91–101, с. 93; Annette F. Timm, 'The Ambivalent Outsider: Prostitution, Promiscuity, and VD Control in Nazi Berlin' в Gellately and Stoltzfus (eds.), *Social Outsiders*, 192–211; Christl Wickert, *Helene Stöcker 1869–1943: Frauenrechtlerin, Sexualreformerin und Pazifistin. Eine Biographie* (Bonn, 1991), 135–40; более общее описание в Gabriele Czarowski, *Das kontrollierte Paar: Ehe- und Sexualpolitik im Nationalsozialismus* (Weinheim, 1991).
153. Grossmann, *Reforming Sex*, 136–61.
154. Hong, *Welfare*, 261–5; Burleigh, *Death and Deliverance*, 11–42; Jochen–Christoph Kaiser et al. (eds.), *Eugenik, Sterilisation, 'Euthanasie': Politische Biologie in Deutschland 1893–1945* (Berlin, 1992.), 100–102; idem, *Sozialer Protestantismus im 20. Jahrhundert: Beiträge zur Geschichte der Inneren Mission 1914–1945* (Munich, 1989).
155. Ayass, 'Asoziale' im Nationalsozialismus, 57–60.
156. Elizabeth Harvey, *Youth Welfare and the State in Weimar Germany* (Oxford, 1993), 174–8; Ayass, 'Asoziale' in Nationalsozialismus, 13–23, ibid. 'Vagrants and Beggars', 211–17; см. также: Marcus Gr ser, *Der blockierte Wohlfahrtsstaat: Unterschichtjugend und Jugendfürsorge in der Weimarer Republik* (Göttingen, 1995), 216–30.
157. Wagner, *Volksgemeinschaft*, 193–113.
158. Patrick Wagner, *Hitlers Kriminalisten: Die deutsche Kriminalpolizei und der Nationalsozialismus* (Munich, 2002), 57–8.

159. Nikolaus Wachsmann, 'From Indefinite Confinement to Extermination: "Habitual Criminals" in the Third Reich' в Gellately and Stoltzfus (eds.), *Social Outsiders*, 165–91; Wachsmann, *Hitler's Prisons*, глава 2.
160. Robert N. Proctor, *Racial Hygiene: Medicine under the Nazis* (Cambridge, Mass., 1988), 101.
161. Crew, *Germans on Welfare*, 208–12.
162. Broszat, 'The Concentration Camps', 409–11.
163. Caplan, *Government*, 139–41.
164. Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, II. 26–31.
165. Цитируется в Hans Mommsen, *Beamtenum im Dritten Reich: Mit ausgewählten Quellen zur nationalsozialistischen Beamtenpolitik* (Stuttgart, 1966), 162.
166. Broszat, *Der Staat Hitlers*, 254; Jürgen W. Falter, "'Die Marzgefallenen" von 1933: Neue Forschungsergebnisse zum sozialen Wandel innerhalb der NSDAP—Mitgliedschaft während der Machtergreifungsphase', *Geschichte und Gesellschaft*, 24 (1998), 595–616, at 616.
167. Caplan, *Government*, 143–7; Bracher, *Stufen*, 244.
168. Bracher, *Stufen*, 245–6; Fieberg (ed.), *Im Namen*, 87–94; Lothar Gruchmann, 'Die Überleitung der Justizverwaltung auf das Reich 1933–1935' in *Vom Reichsjustizamt zum Bundesministerium der Justiz; Festschrift zum hundertjährigen Gründungstag des Reichsjustizamts* (Cologne, 1977); Horst Göppinger, *Juristen jüdischer Abstammung im 'Dritten Reich': Entrechtung und Verfolgung* (Munich, 1990 [1963]), 183–373.
169. Fieberg (ed.), *Im Namen*, 76–9, 272; Lothar Gruchmann, 'Die Überleitung' в *Vom Reichsjustizamt zum Bundesministerium der Justiz*, 119–60.
170. Bracher, *Stufen*, 264–7; Hayes, *Industry and Ideology*, 85–9.
171. Evans, *The Feminist Movement* 255–60.
172. Allen, *The Nazi Seizure of Power*, 218–32.
173. Haffner, *Defying Hitler*, 111, 114.

Часть 6.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГИТЛЕРА

1. Josef Wulf, *Musik im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gütersloh, 1963), 31; Fritz Busch, *Aus dem Leben eines Musikers* (Zurich, 1949), 188–209; Levi, *Music*, 42–3; World Committee (ed.), *The Brown Book*, 180.
2. Michael H. Kater, *The Twisted Muse: Musicians and their Music in the Third Reich* (New York, 1997), 120–24, с исправлением описания в

- мемуарах Буша. О захвате власти в Саксонии см. в Szejnmann, *Nazism*, 33–4.
3. Gerhard Splitt, *Richard Strauss 1933–1935: Aesthetik und Musikpolitik zu Beginn der nationalsozialistischen Herrschaft* (Pfaffenweiler, 1987), 42–59; Bruno Walter, *Theme and Variations: An Autobiography* (New York, 1966), 295–300; Brigitte Hamann, *Winifred Wagner oder Hitlers Bayreuth* (Munich, 2002), 117–56.
4. Peter Heyworth, *Otto Klemperer: His Life and Times*, I: 1885–1933 (Cambridge, 1983), 413, 415.
5. Levi, *Music*, 44–5; Christopher Hailey, *Franz Schreker, 1878–1934: A Cultural Biography* (Cambridge, 1993), 273, 288; Шрекер уже ушел с поста директора Берлинской школы музыки в 1932 г. после постоянных оскорблений на почве антисемитизма.
6. Wulf, *Musik*, 28, переиздание Philharmonische Gesellschaft in Hamburg to Kampfbund für deutsche Kultur, Gruppe Berlin, 6 апр. 1933.
7. Levi, *Music*, 39–41, 86, 107; более общее описание см. в Reinhold Brinkmann and Christoph Wolff (eds.), *Driven into Paradise: The Musical Migration from Germany to the United States* (Berkeley, 1999).
8. Kater, *The Twisted Muse*, 89–91, 120; см. также: Michael Meyer, *The Politics of Music in the Third Reich* (New York, 1991), 19–26.
9. David Welch, *The Third Reich: Politics and Propaganda* (2nd edn., London, 2002 [1993]), 172–82, с. 173–4.
10. Minuth (ed.), *Die Regierung Hitler*, I. 193–5. См.: Wolfram Werner, 'Zur Geschichte des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda und zur Überlieferung', in idem (ed.), *Findbücher zu Beständen des Bundesarchivs*, XV: *Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda* (Koblenz, 1979).
11. О распространенном мнении, что Геббельс был «социалистом», см., например: Jochmann (ed.), *Nationalsozialismus und Revolution*, 407–8.
12. Речь от 15 марта 1933 г., цитируется в Welch, *The Third Reich*, 174–5; см. также: Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 113–14 и 393 (15 марта 1933).
13. Fröhlich, 'Joseph Goebbels' in Smelser and Zitelmann (eds.), *The Nazi Elite*, 55.
14. *Völkischer Beobachter*, 23 марта 1933, цитируется в англ. пер. в Welch, *The Third Reich*, 11–3.
15. Цитируется в Reuth, *Goebbels*, 269.
16. Цитируется в Welch, *The Third Reich*, 175.
17. Цитируется в *ibid.*, 176.

18. Reuth, *Goebbels*, 171; Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 388 (6 марта 1933), 393 (13 марта 1933) and 395–7 (22 марта 1933); Ansgar Diller, *Rundfunkpolitik im Dritten Reich* (Munich, 1980), 89; Zbynek A. B. Zeman, *Nazi Propaganda* (2nd edn., Oxford, 1973 [1964]), 40. О структуре министерства см. в Welch, *The Third Reich*, 29–31.
19. West, *The Visual Arts*, 183–4.
20. Levi, *Music*, 246 n.5.
21. Fred K. Prieberg, *Trial of Strength: Wilhelm Furtwängler and the Third Reich* (London, 1991), 166–9, цитируются опубликованные и неопубликованные письма и заметки. О взглядах Фуртвенглера см.: Michael Tanner (ed.), *Wilhelm Furtwängler, Notebooks 1924–1945* (London, 1989).
22. Об общих жизненных принципах Фуртвенглера см. в Prieberg, *Trial of Strength*, *passim*; замечания об этой книге см. в Evans, *Rereading*, 187–93.
23. Беседа переиздана в Wulf, *Musik*, 81–2. Макс Райнхардт был известным театральным режиссером.
24. Levi, *Music*, 199–201.
25. *Berliner Lokal-Anzeiger*, 11 апр. 1933, переиздано в Wulf, *Musik*, 82–3.
26. Levi, *Music*, 198–202; Peter Cossé, ‘Die Geschichte’ в Paul Badde et al. (eds.), *Das Berliner Philharmonische Orchester* (Stuttgart, 1987), 10–17.
27. Kater, *Different Drummers*, 29–33.
28. Ibid., 47–110.
29. Jelavich, *Berlin Cabaret*, 228–258; ‘Hermann’ на с. 229.
30. Volker Kühn (ed.), *Deutschlands Erwachen: Kabarett unterm Hakenkreuz 1933–1945*; (Weinheim, 1989), 335; более общее описание см. в Christian Goeschel, ‘Methodische Überlegungen zur Geschichte der Selbsttötung im Nationalsozialismus’ in Hans Medick (ed.), *Selbsttötung als kulturelle Praxis* (выйдет в 2004 г.).
31. Josef Wulf, *Theater und Film im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gütersloh, 1964), 265–306.
32. David Thomson, *The New Biographical Dictionary of Film* (4th edn., 2002 [1975]). В некоторых рассказах о жизни Дитрих, включая ее собственные, встречаются утверждения о том, что она уехала по политическим причинам и что Гитлер лично пытался убедить ее вернуться. К этому следует относиться с изрядной долей скепсиса.
33. David Welch, ‘Propaganda and the German Cinema 1933–1945’ (unpublished Ph.D. dissertation, London University, 1979), app. I.

34. Birgit Bernard, ' "Gleichschaltung" im Westdeutschen Rundfunk 1933/34' in Dieter Breuer and Gertrude Cepl-Kaufmann (eds.), *Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland* (Paderborn, 1997), 301–10; Jochen Klepper, *Unter dem Schatten deiner Flügel: Aus den Tagebüchern der Jahre 1932–1942* (Stuttgart, 1956), 46, 65; Josef Wulf, *Presse und Funk im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gütersloh, 1964), 277–9, 280–84.
35. Fulda, 'Press and Politics', 231–3, 241–2.
36. Welch, *The Third Reich*, 46; текст закона в Wulf, *Presse und Funk*, 72–3.
37. Ibid., 19–38.
38. Welch, *The Third Reich*, 43–8.
39. Grossmann, *Ossietzky*, 224–74.
40. Ibid., 267; Chris Hirte, *Erich Mühsam: 'Ihr seht mich nicht feige'. Biografie* (Berlin, 1985), 431–50. Мнения о том, было ли это убийством или самоубийством, расходятся, первое кажется более вероятным.
41. Dieter Distl, *Ernst Toller: Eine politische Biographie* (Schrobenhausen, 1993), 146–78.
42. Kelly, *All Quiet*, 39–56.
43. Inge Jens (ed.), *Thomas Mann an Ernst Bertram: Briefe aus den Jahren 1910–1955* (Pfullingen, 1960), 178 (письмо от 18 ноября 1933 г.) и Robert Faesi (ed.), *Thomas Mann — Robert Faesi: Briefwechsel* (Zurich, 1961), 23 (Манн к Фези, 28 июня 1933 г.); Klaus Harpprecht, *Thomas Mann: Eine Biographie* (Reinbek, 1995), 707–50; Kurt Sontheimer, 'Thomas Mann als politischer Schriftsteller', *VfZ* 6 (1958), 1–44; Josef Wulf, *Literatur und Dichtung im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gütersloh, 1963), 24.
44. Ritchie, *German Literature*, 187–99; Wulf, *Literatur, passim*.
45. Robert E. Norton, *Secret Germany: Stefan George and his Circle* (Ithaca, NY, 2002). О Юнгере см.: Paul Noack, *Ernst Jünger: Eine Biographie* (Berlin, 1998), 121–51.
46. Цитируется в Wulf, *Literatur*, 132; см. также: Ritchie, *German Literature*, 9–10, 48–9, 111–32.
47. Frederic Spotts, *Hitler and the Power of Aesthetics* (London, 2002), 152; цитаты и контекст в West, *The Visual Arts*, 183–4; Hitler, *Mein Kampf*, 235.
48. Rosamunde Neugebauer, '"Christus mit der Gasmaske" von George Grosz, oder: Wieviel Satire konnten Kirche und Staat in Deutschland um 1930 ertragen?' в Maria Rüger (ed.), *Kunst und Kunstkritik der dreissiger Jahre: Standpunkte zu künstlerischen und ästhetischen Prozessen und Kontroversen* (Dresden, 1990), 156–65.

49. Josef Wulf, *Die Bildenden Künste im Dritten Reich: Eine Dokumentation* (Gütersloh, 1963), 49–51.
50. Peter Adam, *Arts of the Third Reich* (London, 1992), 59.
51. Jonathan Petropoulos, *The Faustian Bargain: The Art World in Nazi Germany* (London, 2000), 217. См. также: Brandon Taylor and Wilfried van der Will (eds.), *The Nazification of Art: Art, Design, Music, Architecture and Film in the Third Reich* (Winchester, 1990).
52. Spotts, *Hitler*, 153–5.
53. Petropoulos, *The Faustian Bargain*, 14–16.
54. Adam, *Arts*, 49–50; Wulf, *Die Bildenden Künste*, 36; Günter Busch, *Max Liebermann: Maler, Zeichner, Graphiker* (Frankfurt am Main, 1986), 146; Peter Paret, *An Artist against the Third Reich: Ernst Barlach 1933–1938* (Cambridge, 2003), 77–92. Похороны Либермана проходили под самым пристальным наблюдением политической полиции (Petropoulos, *The Faustian Bargain*, 217).
55. Sean Rainbird (ed.), *Max Beckmann* (London, 1993), 157–64, 273–4; Adam, *Arts*, 53; Petropoulos, *The Faustian Bargain*, 216–21.
56. Wulf, *Die Bildenden Künste*, 39–45; Koehler, 'The Bauhaus', 292–3; Igor Golomstock, *Totalitarian Art in the Soviet Union, Third Reich, Fascist Italy and the People's Republic of China* (London, 1990), 21; West, *The Visual Arts*, 83–133.
57. Ritchie, *German Literature*, 187.
58. Ibid., 189; Harpprecht, *Thomas Mann*, 722–50.
59. Ritchie, *German Literature* 58–61; Lothar Gall, *Bürgertum in Deutschland* (Berlin, 1989), 466. Йоста быстро назначили заместителем директора театра. См. Boguslaw Drewniak, *Das Theater im NS-Staat: Szenarium deutscher Zeitgeschichte 1933–1945* (Düsseldorf, 1983), 46–7; более общее описание в Glen W. Gadberry (ed.), *Theatre in the Third Reich, the Prewar Years: Essays on Theatre in Nazi Germany* (Westport, Conn., 1995) и в John London (ed.), *Theatre under the Nazis* (Manchester, 2000).
60. Ritchie, *German Literature*, 58–61; 'Wenn ich Kultur höre, entsichere ich meinen Browning' (Wulf, *Literatur*, 113).
61. Knowles (ed.), *The Oxford Dictionary of Quotations*, 418, quote 17; первое подробное описание «войны аннигиляции против культуры» см. в World Committee (ed.), *The Brown Book*, 160–93.
62. Hugo Ott, *Martin Heidegger: A Political Life* (London, 1993), 13–139.
63. Ibid., 140–48.
64. Martin Heidegger, *Die Selbstbehauptung der deutschen Universität: Rede, gehalten bei der feierlichen Übernahme des Rektorats der Universität Freiburg i. Br. am 27.5.1933* (Breslau, 1934), 5, 7, 14–15, 22.

65. Hans Sluga, *Heidegger's Crisis: Philosophy and Politics in Nazi Germany* (Cambridge, Mass., 1993), 1–4; Guido Schneeberger, *Nachlese zu Heidegger: Dokumente zu seinem Leben und Denken* (Berne, 1962), 49–57. См. также биографию Rüdiger Safranski, *Ein Meister aus Deutschland: Heidegger und seine Zeit* (Munich, 1994).
66. Ott, *Martin Heidegger*, 169, 198–9.
67. Цит. по: *ibid.*, 185.
68. Единственным порядочным профессором оказался историк Герхард Риттер. См.: Cornelissen, *Gerhard Ritter*, 239.
69. Цитируется в Ott, *Martin Heidegger*, 164 с обсуждением на с. 165–6 казуистики, используемой современными сторонниками Хайдеггера в попытке объяснить такие чувства. См. также: Bernd Martin (ed.), *Martin Heidegger und das 'Dritte Reich' Ein Kompendium* (Darmstadt, 1989).
70. Remy, *The Heidelberg Myth*, 14.
71. Ott, *Martin Heidegger*, 235–351.
72. Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, II. 249–250; и два хороших внутренних исследования Uwe Dietrich Adam, *Hochschule und Nationalsozialismus: Die Universität Tübingen im Dritten Reich* (Tübingen, 1977) и Notker Hammerstein, *Die Johann Wolfgang Goethe-Universität: Von der Stiftungsuniversität zur staatlichen Hochschule* (2 vols., Neuwied, 1989), I. 171–211.
73. Klaus Fischer, 'Der quantitative Beitrag der nach 1933 emigrierten Naturwissenschaftler zur deutschsprachigen physikalischen Forschung', *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, 11 (1988), 83–104, с исправлением немного завышенных цифр в Alan D. Beyerchen, *Scientists under Hitler: Politics and the Physics Community in the Third Reich* (New Haven, 1977), 43–7; и Norbert Schnappacher, 'Das Mathematische Institut der Universität Göttingen'; Alf Rosenow, 'Die Göttinger Physik unter dem Nationalsozialismus' — обе работы в Heinrich Becker et al. (eds.), *Die Universität Göttingen unter dem Nationalsozialismus: Das verdrängte Kapitel ihrer 250 jährigen Geschichte* (Munich, 1987), 345–73, 374–409.
74. Ute Deichmann, *Biologists under Hitler* (Cambridge, Mass., 1996 [1991]), 26.
75. Beyerchen, *Scientists*, 43.
76. Max Born (ed.), *The Born-Einstein Letters: Correspondence between Albert Einstein and Max and Hedwig Born from 1916 to 1955* (London, 1971), 113–14.
77. Fritz Stern, *Dreams and Delusions: The Drama of German History* (New York, 1987), 51–76 ('Fritz Haber: The Scientist in Power and in Exile');

- Margit Szöllösi-Janze, *Fritz Haber 1868–1934: Eine Biographie* (Munich, 1998), 643–91.
78. Max Planck, 'Mein Besuch bei Hitler', *Physikalische Blätter*, 3 (1947), 143; Fritz Stern, *Einstein's German World* (London, 2000 [1999]), 34–58.
79. Remy, *The Heidelberg Myth*, 17–18. Более общее описание см. в Fritz Kohler, 'Zur Vertreibung humanistischer Gelehrter 1933/34', *Blätter für deutsche und international Politik*, II (1966), 696–707.
80. Beyerchen, *Scientists*, 15–17, 63–4, 199–210.
81. Remy, *The Heidelberg Myth*, 24–9; см. также Christian Jansen, *Professoren und Politik: Politisches Denken und Handeln der Heidelberger Hochschullehrer 1914–1935* (Göttingen, 1992).
82. Цитируется в Noakes and Pridham (eds.), *Nazism*, II. 252.
83. Ibid., II. 150; Turner, *German Big Business*, 337.
84. Remy, *The Heidelberg Myth*, 20.
85. Ibid., 31.
86. Grüttner, *Studenten*, 71–4.
87. Ibid., 81–6.
88. Axel Friedrichs (ed.), *Die nationalsozialistische Revolution 1933* (Dokumente der deutschen Politik, I, Berlin, 1933), 277; Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 419 (11 мая 1933).
89. Различные версии опубликованы в Gerhard Sauder (ed.), *Die Bücherverbrennung: Zum 10. Mai 1933* (Munich, 1983), 89–95.
90. Clemens Zimmermann, 'Die Bücherverbrennung am 17. Mai 1933 in Heidelberg: Studenten und Politik am Ende der Weimarer Republik' in Joachim–Felix Leonhard (ed.), *Bücherverbrennung: Zensur, Verbot, Vernichtung unter dem Nationalsozialismus in Heidelberg* (Heidelberg, 1983), 55–84.
91. Wolfgang Strätz, 'Die studentische "Aktion wider den undeutschen Geist"', *VfZ* 16 (1968), 347–72 (с ошибочным приписыванием этой инициативы Министерству пропаганды); Jan–Pieter Barbian, *Literaturpolitik im 'Dritten Reich': Institutionen, Kompetenzen, Betätigungsfelder* (Frankfurt am Main, 1993), 54–60, 128–42; Hildegard Brenner, *Die Kunstpolitik des Nationalsozialismus* (Hamburg, 1963), 186.
92. Leonidas E. Hill, 'The Nazi Attack on "Un-German" Literature, 1933–1945' в Jonathan Rose (ed.), *The Holocaust and the Book* (Amherst, Mass., 2001), 9–46; Sauder (ed.), *Die Bücherverbrennung*, 9–16; см. также Anselm Faust, 'Die Hochschulen und der "undeutsche Geist": Die Bücherverbrennung am 10. Mai 1933 und ihr Vorgeschichte' в Horst Denkler and Eberhard Lämmert (eds.), *'Das war ein Vorspiel nur...': Berliner Kolloquium zur Literaturpolitik im 'Dritten Reich'* (Berlin, 1985),

- 31–50; Grüttner, *Studenten*, 75–77 — автор книги отмечает, что в документах студенческих союзов не удастся найти каких-либо инструкций от недавно созданного Министерства пропаганды и Геббельс в своем дневнике ничем не намекает на то, что эта инициатива исходила от него.
93. Rebentisch and Raab (eds.), *Neu-Isenburg*, 86–7.
 94. О событиях в Вартбурге см.: Wehler, *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*, II. 334–6; ставшее потом знаменитым высказывание Гейне было сделано в *Almansor* (1823), 245, цитируется (помимо многих других антологий) в Knowles (ed.), *The Oxford Dictionary of Quotations*, 368. В то время в Пруссии наказанием за поджог было сожжение на костре, которое последний раз применялось в Берлине в 1812 г. (Evans, *Rituals*, 213–14).
 95. Michael Wildt, 'Violence against Jews in Germany, 1933–1939' in David Bankier (ed.), *Probing the Depths of German Antisemitism: German Society and the Persecution of the Jews 1933–1941* (Jerusalem, 2000), 181–209, с. 181–2; Saul Friedländer, *Nazi Germany and the Jews: The Years of Persecution 1933–1939* (London, 1997), 107–10; Walter, *Antisemitische Kriminalität*, 236–43. Современные документы см. в Comité des Délégations Juives (ed.), *Das Schwarzbuch: Tatsachen und Dokumente. Die Lage der Juden in Deutschland 1933* (Paris, 1934). Более общее описание см. в Shulamit Volkov, 'Antisemitism as a Cultural Code: Reflections on the History and Historiography of Antisemitism in Imperial Germany', *Year Book of the Leo Baeck Institute*, 23 (1978), 25–46.
 96. Longerich, *Politik der Vernichtung*, 26–30.
 97. Gruchmann, *Justiz*, 126; Longerich, *Der ungeschriebene Befehl*, 43–4.
 98. Haffner, *Defying Hitler*, 125.
 99. Halbmonatsbericht des Regierungspräsidenten von Niederbayern und der Oberpfalz, 30.3.1933, in Broszat et al. (eds.), *Bayern*, I. 432.
 100. Friedländer, *Nazi Germany and the Jews*, 41–2.
 101. World Committee (ed.), *The Brown Book*, 237, общее описание преследования евреев, 222–69.
 102. Friedländer, *Nazi Germany and the Jews*, 17–18.
 103. Minuth (ed.), *Die Regierung Hitler*, I. 270–71; Longerich, *Der ungeschriebene Befehl*, 44–6.
 104. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 398 (27 марта 1933).
 105. Moshe R. Gottlieb, *American Anti-Nazi Resistance, 1933–1941; An Historical Analysis* (New York, 1982), 15–24; Deborah E. Lipstadt, *Beyond Belief: The American Press and the Coming of the Holocaust, 1933–1945* (New York, 1986).

106. Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher*, I/II. 398–401; Reuth, *Goebbels*, 281; Klemperer, *I Shall Bear Witness*, 9–10.
107. Longerich, *Politik der Vernichtung*, 36–9; более общее описание см. в Avraham Barkai, *From Boycott to Annihilation: The Economic Struggle of German Jews, 1933–1945* (Hanover, NH, 1989), 17–25; Helmut Genschel, *Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft im Dritten Reich* (Berlin, 1966), 47–70.
108. Friedländer, *Nazi Germany and the Jews*, 21–2; Broszat et al. (eds.), *Bayern*, I. 433–5; Klemperer, *I Shall Bear Witness*, 10.
109. Friedländer, *Nazi Germany and the Jews*, 24–5; Haffner, *Defying Hitler*, 131–3.
110. Longerich, *Politik der Vernichtung*, 39–41.
111. Friedländer, *Nazi Germany and the Jews*, 26–31.
112. Longerich, *Der ungeschriebene Befehl*, 46.
113. Longerich, *Politik der Vernichtung*, 41–5.
114. Friedländer, *Nazi Germany and the Jews*, 35–7.
115. Allen, *The Nazi Seizure of Power*, 218–22.
116. Konrad Kwiet and Helmut Eschwege, *Selbstbehauptung und Widerstand: Deutsche Juden im Kampf um Existenz und Menschenwürde 1933–1945* (Hamburg, 1984), 50–56.
117. Klemperer, *I Shall Bear Witness*, 5–9; idem, *Tagebücher 1933–1934 (Ich will Zeugnis ablegen bis zum Letzten)*, I (Berlin, 1999 [1995]), 6–15. Это немецкое издание в мягкой обложке содержит материал, не включенный в английский перевод.
118. Norbert Frei, “Machtergreifung”: Anmerkungen zu einem historischen Begriff, *VfZ* 31 (1983), 136–45. Сам термин «захват власти» был введен в авторитетной работе Bracher, Schulz and Sauer, *Die nationalsozialistische Machtergreifung*; однако, если принять во внимание, какой период охвачен в этой работе, станет ясно, что авторы склонны были относить данное понятие к событиям, происходившим после 30 января 1933 г. и продолжавшимся вплоть до лета того же года.
119. Понятие «вакуума власти» является ключевым в классическом исследовании Брахера *Die Auflösung*.
120. См. удивительные рассуждения в Turner, *Hitler's Thirty Days*, 172–6; в них, на мой взгляд, недооценивается уровень расизма и антисемитизма в офицерском корпусе Германии и желание офицерства возродить «претензии Германии на мировое господство», которые так мощно поддерживались в начале века; но такова природа подобной спекулятивной истории, что в конечном счете мы можем полагаться только на те или иные допущения и предположения,

- и нет никакого способа узнать, являются ли мои соображения более достоверными, чем соображения Тернера. Некоторые общие рассуждения см. в Richard J. Evans, 'Telling It Like It Wasn't', *BBC History Magazine*, 3 (2002), no. 12, 22–5.
121. Volker Rittberger (ed.), 1933: *Wie die Republik der Diktatur erlag* (Stuttgart, 1983), с. 217–21; Martin Blinkhorn, *Fascists and Conservatives: The Radical Right and the Establishment in Twentieth-Century Europe* (London, 1990); idem, *Fascism and the Right in Europe 1919–1945* (London, 2000); Payne, *A History of Fascism*, 14–19.
 122. Paul, *Aufstand*, 255–63; Richard Bessel, 'Violence as Propaganda: The Role of the Storm Troopers in the Rise of National Socialism' в Thomas Childers (ed.), *The formation of the Nazi Constituency, 1919–1933* (London, 1986), 131–46.
 123. Geoff Eley, 'What Produces Fascism: Pre-Industrial Traditions or a Crisis of the Capitalist State?', idem *From Unification to Nazism*, 254–84; Gessner, *Agrarverbände in der Weimarer Republik*; Geyer, 'Professionals and Junkers'; Peukert, *The Weimar Republic*, 275–81. Подробное рассмотрение роли доиндустриальных элит см. в Winkler, *Weimar*, 607.
 124. Erdmann and Schulze (eds.), *Weimar*; Heinz Hähne, *Die Machtergreifung: Deutschlands Weg in die Hitler-Diktatur* (Reinbek, 1983), chapter 2 ('Selbstmord einer Demokratie').
 125. Joseph Goebbels, *Der Angriff: Aufsätze aus der Kampfzeit* (Munich, 1935), 61.
 126. Bracher, *The German Dictatorship*, 246.
 127. Ibid., 248–50.
 128. Thomas Balistier, *Gewalt und Ordnung: Kalkül und Faszination der SA* (Münster, 1989).
 129. *Der Prozess*, XXVI. 300–301 (783–PS) и Broszat, 'The Concentration Camps', 406–23.
 130. См., например: Lothar Gruchmann, 'Die bayerische Justiz im politischen Machtkampf 1933/34: Ihr Scheitern bei der Strafverfolgung von Mordfällen in Dachau' в Broszat et al. (eds.), *Bayern*, II. 415–28.
 131. Wachsmann, *Hitler's Prisons*, chapter 2.
 132. Haffner, *Defying Hitler*, 103–25. Dirk Schumann, *Politische Gewalt in der Weimarer Republik: Kampf um die Strasse und Furcht vor dem Bürgerkrieg* (Essen, 2001), 271–368.
 133. Hitler, *Hitler: Reden, Schriften, Anordnungen*, III. 434–51, с. 445.
 134. Bessel, *Political Violence*, 123–5.
 135. Ludwig Binz, 'Strafe oder Vernichtung?', *Völkischer Beobachter*, 5 янв. 1929.

136. Hermann Rauschning, *Germany's Revolution of Destruction* (London, 1939 [1938]), 94, 97–9, 127.
137. Bracher, *Stufen*, 21–2.
138. Richard Bessel, '1933: A Failed Counter–Revolution' in Edgar E. Rice (ed.), *Revolution and Counter–Revolution* (Oxford, 1991), 109–227; Horst Möller, 'Die nationalsozialistische Machtergreifung: Konterrevolution oder Revolution?', *VfZ* 31 (1983), 25–51; Jeremy Noakes, 'Nazism and Revolution' в Noel O'Sullivan (ed.), *Revolutionary Theory and Political Reality* (London, 1983), 73–100; Rainer Zitelmann, *Hitler: The Policies of Seduction* (London, 1999 [1987]).
139. В первую очередь Jacob L. Talmon, *The Origins of Totalitarian Democracy* (London, 1952.).
140. Bracher, *Stufen*, 25–6.
141. Minuth (ed.), *Die Regierung Hitler*, I. 630.
142. Ibid., 634.
143. AT 6, 99 in Merkl, *Political Violence*, 469.
144. Bracher, *Stufen*, 48.
145. Leon Trotsky, *The History of the Russian Revolution* (3 vols., London, 1967 [1933–4]), III. 289.
146. Domarus, *Hitler*, I. 487.
147. Richard Lowenthal, 'Die nationalsozialistische «Machtergreifung» — eine Revolution? Ihr Platz unter den totalitären Revolutionen unseres Jahrhunderts' в Martin Broszat *et al.* (eds.), *Deutschlands Weg in die Diktatur* (Berlin, 1983), 42–74.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Глава 1. Наследие прошлого	29
Немецкий характер	31
Гимны ненависти	52
Дух 1914 года	76
Дорога в хаос	96
Глава 2. Крушение демократии	115
Уязвимость Веймара	117
Великая инфляция	145
Культурные войны	162
Социальный отбор	187
Глава 3. Подъем нацизма	205
Богемные революционеры	207
Пивной путч	228
Возрождение движения	250
Истоки верности	275
Глава 4. К захвату власти	291
Великая депрессия	293
Кризис демократии	311
Победа насилия	331
Роковые решения	355
Глава 5. Рождение Третьего рейха	375
Начало террора	377
Пожар рейхстага	398
Крушение демократии	423
Подчинение Германии	452
Глава 6. Культурная революция Гитлера	471
Правила поведения	473
Чистки в искусстве	488
«Против антигерманского духа»	504
«Революция разрушения»?	530
<i>Примечания</i>	554

Научно-популярное издание

РИЧАРД ЭВАНС

ТРЕТИЙ РЕЙХ:
ЗАРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Редактор *В. Корепанов*

Художественный редактор *С. Сакнынь*

Дизайнер *А. Шатунов*

Технический редактор *Н. Овчинникова*

Корректор *Л. Коробко*

Оператор компьютерной верстки *С. Наймушина*

ООО «Агентство прав «У-Фактория»

620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, д. 36, литер Б

Тел./факс: 8 (343) 371-32-29

E-mail: ufactoria@gmail.com

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

Ричард Эванс – один из ведущих современных историков, признанный во всем мире специалист по истории Германии. Его трилогия – новейшее и самое полное исследование истории Третьего рейха.

В этой книге рассказывается, как появился нацизм, проанализировано развитие его идей, а также обстоятельства, при которых он пришел к власти в годы злополучной Веймарской республики.

*Новейшее исследование истории Германии:
как зародился национал-социализм
и как он смог прийти к власти.*

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-9757-0507-5

9 785975 705075